СЕРГЕЙ САДОВ
АДСКАЯ ПРАКТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Утихли безумные битвы, сотрясавшие ад и рай, наступило шаткое равновесие. Но уже зреет новое противостояние, и именно в этот момент кому-то пришло в голову свести на летней школьной практике чертёнка и ангела? Тем не менее это случилось. Весельчак и лучший ученик в классе чертячьей школы, от проделок которого в голове у самого праведного ангела начинали крутиться грешные мысли, оказался в компании насквозь троечницы и посредственности из ангельской школы. Мало того, что в компании, так ведь ещё и задание практики выполнять нужно. А ангел-то — во! Симпатичная… только слишком часто норовит огреть чем-нибудь тяжелым за самую невинную шутку… Да с таким ангелом и черт святым станет! Но дело прежде всего! Какие преграды устоят, если черт и ангел начнут крушить их вместе? Кто осмелится выступить против, если черт и ангел действуют сообща?

- Сергей Садов
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть 3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть 4

        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
    - Часть 5
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
- notes
    - 1

Сергей Садов
Адская практика

Часть 1
Неприкаянная душа

Глава 1

Я возвращался с занятий в довольно скверном настроении из-за драки, которая произошла с одним из моих заклятых врагов. Нет, я не жалуюсь, но как можно честно драться, когда противник минимум на двадцать килограммов тебя тяжелее? Вот и приходилось мне щеголять с довольно внушительным фингалом. Именно в этот момент я и заметил дядю, который тихонько стоял в сторонке, стараясь не привлекать к себе внимания. Ну… «стараясь не привлекать к себе внимания» — это так, оборот речи. Крылатые где угодно привлекут к себе внимание. Впрочем, и совсем необычным зрелищем это не было. С тех пор, как великий правитель и реформатор Горуян заключил с ними мир, они часто бывают в наших городах. Впрочем, как и мы в их. Вообще-то они зовутся не крылатые. Крылатые — это прозвище. Их так называют за глаза. Они же нас прозвали хвостатыми.

Дядя, вообще-то, не слишком желанный гость в нашем доме. Отец даже всем заявляет, что брата у него нет, настолько презирает его за то, что тот подался в крылатые. Говорит, что он позорит всю нашу породу.

— Наша семья известна до пятого колена, — любит повторять отец. — И все мои предки были добропорядочными чертями. И вот один подался в крылатые! Позор на нашу голову!

Хотя я подозревал, что дело вовсе не в этом. Просто моя мама давно ведет неравную борьбу с папаней с целью научить того правильно вести себя за столом. И постоянно приводит в пример его брата. Папе это жутко не нравится. Вот он и ругается на «позор семьи». Только позором это давно уже не считалось. Ибо, как говорил великий Горуян, и мы, и крылатые делаем одно дело. Мы наказываем, они вознаграждают. Так зачем ссориться? И нет позора в том, что кто-то носит крылья, а кто-то хвосты. Перед тяжелой ношей все мы равны. И все ходим под Ним. Об этом «Ним» вспоминать вообще-то не полагается. Он слишком не любит, когда его поминают черти.

Я же, наоборот, всегда радовался дяде. И не из-за подарков, которые тот всегда приносил. Просто… просто с ним мне всегда было хорошо. Но именно сейчас я был готов видеть его меньше всего. Поэтому я постарался прошмыгнуть мимо как можно быстрее, в надежде, что тот меня не заметит. Тщетно. Только я понадеялся, что мне все удалось, как на плечо опустилась дядина рука.

— Вот ты где, Эзергиль.

Я вздохнул и повернулся.

— Здравствуй, дядя Монтирий.

Дядя некоторое время молча рассматривал мое украшение под глазом.

— Надеюсь, ты боролся за справедливость, — наконец заметил он.

— Конечно нет! Я же черт! — возмущенно завопил я. Не то что я имел что-то против справедливости, но иногда я любил вот так поддеть дядю.

— Узнаю порочное влияние своего непутевого брата! — как обычно завелся он. — Сколько раз я тебе уже говорил…

— …черт в наказании грешника обязан быть справедливым, как ангел в вознаграждении праведника.

Дядя фыркнул.

— Все шутишь?

— Да нет, дядя. А что случилось? Почему ты здесь? Ты вроде как только на следующей неделе к нам собирался?

— Вообще-то, я по делам. В ваше министерство наказаний. — Дядя выругался, помянув чертову бюрократию.

— Ангелы не ругаются, — поддел я его.

— Мне можно. В конце концов, я бывший черт! Могут у меня еще остаться старые вредные привычки? — Но было видно, что он смущен.

— Могут, — простил я его. — А что там в министерстве?

— Да напутали что-то ваши умники. В общем, одну душу по ошибке заграбастали себе. Вот и иду разбираться. А поскольку все равно по пути, дай, думаю, к тебе загляну. Надеялся рад будешь.

— Я рад! Ой, я рад! Дядя, а возьми меня с собой? Пожалуйста!!!

Монтирий с сомнением оглядел мой красочный фингал.

— Думаешь, в таком виде будет хорошо?

Я потрогал фингал, а потом жалобно посмотрел на дядю.

— Ну, пожалуйста!!!

Дело в том, что наш крылатый родственник работает чрезвычайным курьером. На первый взгляд эта работа может показаться скучной и неинтересной. Ну, подумаешь, курьер. Что тут такого? Но все дело в том, что дядя был не просто курьер, а чрезвычайный курьер. В его обязанности входило разрешать противоречия между службами Рая и Ада. Вести переговоры. Поскольку он сам был из бывших чертей, то у них там решили, что с этой работой он справится лучше всех. И, как я слышал, дядя сейчас считается лучшим специалистом. Как-то он пообещал взять меня с собой в министерство наказаний при случае. Ну, сболтнул ненароком (про добавленные в его щи капли бесхарактерности я благоразумно не рассказывал). А поскольку

нарушить свое слово ангелу никак нельзя, то… ну, в общем, ясно. И вот сейчас он пришел выполнить обещание. А тут какой-то синяк!!! С дяди станется отложить поход. Пришлось его уламывать:

— Я ведь почти взрослый! Мне скоро сто двадцать стукнет! Пора бы уже и о профессии подумать. Может, я в министерство работать пойду?

Ангел печально вздохнул.

— Хоть ты и черт, но я тебя все равно люблю. — Это тоже была одна из наших с ним дежурных шуток. — Ладно, раз уж пообещал взять тебя с собой, то обещание надо выполнять. Но это в первый и последний раз!

Я радостно гикнул, подпрыгнув метра на два вверх.

— Не скачи. Дай-ка на твой синяк посмотреть. Стоило бы оставить его тебе в педагогических целях, но сейчас…

Дядя слегка прикоснулся к моему синяку и закрыл глаза. Я почувствовал, как от кончиков его пальцев идет приятное тепло. Через мгновение от синяка не осталось и следа.

— Здорово! — Я потрогал то место, где еще секунду назад красовался фингал. — Вот бы мне так научиться! Подрался, раз и никаких следов! — Едва я это сказал, как понял, что сболтнул лишнее. Последнюю фразу при дяде точно говорить не стоило. Он все-таки ангел.

— Та-а-ак! Значит, ты хочешь научиться лечить не для того, чтобы помогать, а чтобы скрывать свои проступки?!

— Нет, дядя, конечно лечить! Я всегда рад помочь, но ведь иногда немножко можно и для себя чего-нибудь сделать.

— Вот она — чертова порода! Сразу видна.

Я рассмеялся. Дядя обличающий выглядел слегка забавно. Становился чуть-чуть похож на грозного Михаила. Вот уж ангелочек был. Им до сих пор детей пугают, то есть чертенят. Слава Бо… э-э… вот ведь наслушался дядю! Чуть-чуть запретное не произнес. В общем, слава всем, что та пора давно миновала и между ангелами и чертями установился мир.

Дядя на мой смех не обиделся. Только фыркнул.

— Все смеешься? А ведь я серьезно. Использовать свои таланты…

— Дядя, мы идем в министерство или нет?

Тот вздохнул.

— Какой ты нетерпеливый, Эзергиль. — Он взмахнул своими белыми крыльями, обдав меня потоком воздуха. Какая-то сила вдруг подхватила меня, подняла, закружила. Только раз я летал с дядей… Наверное, если я и подамся в ангелы, то только из-за полетов. Кто никогда не летал, тот не поймет моего восторга. Я

раскинул руки навстречу ветру. Я хохотал и плакал. Я был ветром и солнечным лучом. Но вот полет оборвался, и мы оба уже стоим на земле. Это нечестно!!! Нечестно!!! Я еще хочу!!! Я хочу летать всегда! Вечно!

— Ау! Мы приехали.

Ну вот! Всегда так!

— Да, дядя, — вздохнул я. Потом осмотрелся. Кто у нас в городе не знает, где находится министерство наказаний? И каждому знакомо мрачноватое великолепие этого здания, возвышающегося над городом. Мы с дядей направились к главному входу, равнодушно миновав очередь душ, которые выстроились для получения своего. Большинство из них вели себя спокойно. Некоторые пытались бежать. Ну куда они денутся с подводной лодки, спрашивается? Свернутое пространство неизменно возвращало таких смельчаков на прежнее место. Особый случай были те, кто довольно громко и настойчиво требовал адвокатов. Что ж, думаю, их требования удовлетворят. Как я слышал, у нас тут, в аду, много адвокатов. Таких можно поселить вместе. В одном котле, так сказать. Хотя лично я считал котлы пережитком прошлого, доставшегося нам еще от Средневековья. Сейчас существуют куда более изощренные способы наказания. Стоит только у людей поинтересоваться.

Нам перегородили дорогу два черта с вилами. Дядя молча предъявил пропуск. Те с откровенной злостью уставились на крылья дяди, но возразить ничего не могли. Судя по седине, эти черти были уже глубокие старики. Каждому лет по девятьсот. Они наверняка еще помнили те битвы, что полыхали у нас с ангелами. Им трудно привыкнуть к новому. К тому, что ангелы нам больше не враги. Я же вообще не понимал, чего мы с ангелами делили. Грешники нам, праведники им. Воевать за души людей? Ну глупо же! Нам и так достается больше.

За всеми этими размышлениями я не заметил, как мы оказались в центральном коридоре. Я семенил за дядей, размашисто вышагивающим впереди, и рассматривал мрачного вида стальные двери по бокам. Там, как я знал из занятий в школе, и находится ТО САМОЕ, ради чего черти и существуют.

Дядя вдруг остановился, к чему-то прислушиваясь. Я едва успел затормозить, чтобы не налететь на ангела, удивленно посмотрел на него и тоже прислушался. Однако из-за двери ничего слышно не было. Нет, способности ангелов все-таки превосходят наши. С другой стороны, большинство своих способностей они никак не могут проявить из-за МОРАЛИ. Слово-то какое.

Дядя подошел к одной из дверей и слегка ее приоткрыл.

— Из-за острова на стрежень, на просто-о-о-о-о-р речной волны выплывали расписные острогрудые челны-ы-ы-ы-ы! — музыкально донеслись из-за двери чьи-то пьяные вопли. Дядя заглянул в дверь и остолбенел. Я просунул голову под его локтем и тоже посмотрел внутрь, удивляясь, что могло там так заинтересовать дядю.

В комнате на цепи был подвешен здоровенный котел, под которым весело ревело Непотухающее пламя. Рядом сидел вдрызг пьяный черт с вилами, а в обнимку с ним пребывала душа грешника. В два голоса они и распевали песенку.

— Хорош-ший, ты это… человек, Федя, — заплетающимся языком говорила душа.

— Я… ик… не человек. Расписны-ы-ые… черт я, Ваня. Черт. И вот такова моя чертова доля! Ты думаешь, мне нравится эти чертовы дрова таскать? Шиш! А надо. Долг такой.

— Как я тебя понимаю. Ты вот думаешь, мне нравилось при жизни убивать?! Выйдешь с кистенем, бывало, встанешь за углом, а душа кровью обливается. Вот, думаешь, убьешь хорошего человека, а у него дети сиротинушками останутся. И такая жалость берет, хошь вой! А куда деваться?

— Добрая ты душа, Ваня.

— Дык и я о том же. А вот палач мою доброту совсем не оценил.

— Ладно, Ваня. Полезай обратно. Хорошо с тобой, но давай в котел.

— Ик… ага. В баньку, а потом еще граммов по сто.

— Идет.

Дядя молча прикрыл дверь и покосился на меня.

— Ты ничего не видел!

Я пожал плечами.

— Не видел что?

— Ничего, — ответил он и двинулся дальше по коридору.

Наконец мы дошли до кабинета администратора.

— Ты жди здесь! Не стоит смотреть тебе, как взрослые дяди ругаются. — Дядя распахнул дверь и вошел внутрь. — Ну, вы, хвостатые!!! Что вы опять тут натворили?! Опять все напутали?!

— Снова ты, Монтирий?! — простонал кто-то из-за двери. — Сколько раз просил ваше руководство назначить кого-нибудь другого!

— Не дождетесь…

Дальнейшее было услышать невозможно, поскольку дверь, к моему глубокому сожалению, закрылась. Однако не будь я черт, если не смогу подслушать. Я дотронулся до двери, настраиваясь, потом стал осторожно пропускать внутрь свой слух. В тот же миг

из двери выросла голова дяди.

— И не подслушивать!

Я показал фантому язык. Хотя и напрасно, наверное. Монтирий наверняка просмотрит запись и увидит это. Ну и пусть. Черт я, в конце концов, или нет?

От нечего делать я стал прогуливаться по коридору, с интересом разглядывая рисунки на дверях. Как ни старался, но так и не нашел двух одинаковых. Зато мимо меня кто-то пронесся с тихим шелестом. Я отпрянул от очередной двери и посмотрел вслед фантому. Хотя нет, тут же понял я свою ошибку, это был не фантом. Только для человеческой души характерно такое сияние. Странно. Что тут делает душа? Сбежала, что ль? Ну это вряд ли. Такого никогда не было. Да и сияние слишком яркое для души грешника. А если она не грешная, то что делает здесь? Ей в другую сторону. Наверх.

Пожав плечами, я отправился по своим делам. Эх, знать бы, сколько я натерплюсь из-за этой глупой души, то постарался бы забыть о ней в тот же миг. А может, и нет… Но хоть я и черт, будущее видеть не могу.

Вернувшись обратно к кабинету администратора, я застал там дядю и бегающего вокруг него низенького толстого черта.

— Не извольте беспокоиться, Монтирий, ошибка будет исправлена. Мы вернем душу того человека. Вы ведь понимаете, бюрократизм. Ну ошиблись ребята немного. Не того схватили.

— Я надеюсь, мне возвращаться не придется?

— Да что вы, Монтирий! — В интонации же администратора явственно прозвучало: не дай боже! — Все сделаем.

Тут я решил, что должен рассказать о гуляющей по коридорам душе. Мне бы молчать в тряпочку. Какое, собственно, мне было до той души дело? Пусть ею занимаются те, кому положено. Но, как я уже говорил, будущее я знать не мог. Я вежливо покашлял, привлекая внимание, и рассказал о встрече. Однако администратора мое сообщение не заинтересовало. Зато заинтересовало дядю. Он вопросительно посмотрел на толстячка. Тот только рукой махнул.

— Ну да, есть такая. Третий день уже тут по коридору мотается. Неприкаянная душа. Никак не определится, куда ей: к вам или к нам. Да и что-то на Земле, видать, ее держит. Иногда и туда возвращается. Надоела уже хуже молитв грешников. Если бы не договор с вами, крылатыми, давно бы уже развеяли ее.

Дядя как-то странно посмотрел на меня, хотя ответил администратору:

— Только попробуйте ее развеять. Я вам тогда такие неприятности обещаю… — Дядя многозначительно замолчал, а

администратор сглотнул.

— Да не думаем мы никого развеива… э-э…

Дядя жестом заставил его замолчать и опять посмотрел на меня.

— Когда у тебя начинается летняя практика?

— Э-э… — Я начал старательно изучать потолок. — Вообще-то завтра.

— И ты уже выбрал себе задание на практику?

— Ну, дядя, я не виноват, что мне ничего…

— Я так понял, что нет. Отлично. Считай, что я тебе практику нашел. Ведь уважаемый администратор не откажет мне в небольшой просьбе?

От его тона администратор покрылся потом.

— Да как можно, уважаемый Монтирий… только у нас не самое лучшее место практики для мальчика…

— Да чтобы я отправил племянника на вашу живодерню?! — возмутился дядя. — За кого вы меня принимаете?! Я говорил о другом. Пусть мой племянник займется этой самой неприкаянной душой.

Упс.

— Но, дядя!!! — возмутился я.

— Что «дядя»? Ты хочешь на второй год остаться? Или у тебя есть какое-то другое предложение?

Других предложений у меня не было. Пришлось заткнуться. Тем более наш классный руководитель ясно дал мне понять, что если я до завтра не определюсь с практикой, то он выставит мне неуд.

— Так вот, — продолжил дядя. — Пусть мой племянник все выяснит об этой душе. Узнает, почему она никак не может определиться со своим, так сказать, местожительством. Что удерживает ее на Земле? Короче, поможет ей.

— Я черт, а не ангел! Дядя, вам стоит только щелкнуть пальцем и вы все это будете знать!

— Возможно, и так. Но тогда ты лишишься своей практики. И потом, если мы, старики, целыми днями начнем щелкать пальцами, то вы, молодежь, так ничему и не научитесь. Так как, господин администратор?

— С удовольствием, господин чрезвычайный курьер. На самом деле мы только рады будем, если кто-нибудь разберется наконец с этой душой. А если ваш племянник себя хорошо проявит, то я могу гарантировать ему работу в нашем министерстве.

О-о-о!!!

— Я согласен!

Дядя поморщился, но кивнул.

— Вот и отлично. Господин администратор, всего вам хорошего.

— Господин Монтирий, вам того же. И не беспокойтесь, я сейчас же оформлю заявку в школу. Имя вашего племянника я знаю.

Из здания министерства я выходил вовсе не такой радостный, как входил в него. Кто ж знал, что дядя подкинет мне такую подлянку? С другой стороны, место практики мне надо было найти обязательно. Так что жаловаться не на что. Хотя нет, есть на что! Я же ведь черт! Полагается, что я должен совращать людей. А я что должен буду делать на летней практике? Помогать! Вот именно! Помогать этой чертовой душе обрести покой. Дожили! Нет, великий Горуян явно такого не ожидал, когда затевал свои реформы. Ладно, могло быть и хуже.

— Ну что, полетели теперь домой?

Как обычно, упоминание о полете вмиг вернуло мне хорошее настроение. Может, действительно, как и дядя, в ангелы уйти? Никакими словами не описать то чувство пьянящего восторга, которое охватывает тебя, когда ты паришь в вышине над городом.

Не дожидаясь моего согласия (а чего его ждать, будто дядя меня не знает), он подхватил меня, и вот мы уже мчимся над землей. Под нами мелькают деревья, дома. Махонькие черти кажутся смешными с такой высоты.

Заложив крутой вираж, ангел пошел на снижение. Только тут я разглядел, что мы, собственно, уже подлетаем к нашему дому. Как всегда полет показался мне слишком коротким. Это несправедливо!!! Почему, в конце концов, только ангелам даны крылья? Чем мы, черти, хуже?

Дядя последний раз взмахнул крыльями и опустился на лужайке перед нашим домом.

— Ну что, ты меня приглашаешь?

Еще одно дурацкое правило ангелов. Никогда ни в чей дом они не войдут без приглашения. В общем-то, мы тоже не можем. Люди правильно говорят, что черт не приходит без приглашения… только забывают, что и ангел — джентльмен. Его тоже полагается впустить в себя.

— Конечно, дядя, — кивнул я, распахивая перед ним дверь. Тихонько тренькнул колокольчик, возвещая о нашем приходе. Монтирий одобрительно кивнул головой. Аккуратно протер появившейся непонятно откуда у него в руке тряпочкой обувь.

— Ну, веди. Где у вас все? Впрочем, что я спрашиваю. Зная своего братика, могу предположить, что он на кухне. Как обычно сидит в рваных штанах и грязной майке и жрет.

— Ест, — поправил его голос нашего домового.

— Жрет! — отрезал дядя.

Представив отца за едой, я вынужден был согласиться с дядей. Отец не ел, он именно жрал.

— Нафаня, — попросил я домового, — сообщи всем, что у нас гости.

— Уже, — раздался голос невидимки. — Вас ждут на кухне, где хозяин дома изволит вкушать пельмени.

Дядя фыркнул. Движением руки он заставил свои крылья исчезнуть. Оправил свой белоснежный костюм и зашагал в сторону кухни. Я поспешил следом.

Нельзя сказать, что мои родители обрадовались приходу дяди. Отец как обычно сидел за столом в грязной майке и ел пельмени руками. При виде дяди он рыгнул и поспешно вытер руки о майку. Мама поморщилась.

— Дорогой братик, — кисло приветствовал дядю отец. — Что-то давно тебя не было.

Дядя в своем великолепном белоснежном костюме смотрелся рядом с отцом, как принц с бомжом. Он величественно кивнул всем, галантно поцеловал руку маме и аккуратно присел за стол. Отец при виде этого нахмурился. Да, контраст между отцом и дядей был разителен.

— Да дела все, дорогой братик. — Обращение дядя явно скопировал у отца, но сделал это с какой-то аристократической издевкой. Именно так, с аристократической, как любит повторять мама.

— Гоша, вытри руки о полотенце! — попросила мама.

Отец удивленно посмотрел на нее.

— Зачем? Майка ближе. И она к этому привыкла. Так зачем ты пришел, братик?

— Гоша? У тебя новое имя? Ладно, неважно. Пусть будет Гоша. Я не затем пришел.

Я аккуратно пристроился в углу и с интересом стал прислушиваться к разговору. Сегодня вечер обещал быть очень удачным. Что может быть приятней для чертей, чем ссора в семье? Правда, если только не ты объект ссоры.

— Я пришел поговорить о твоем сыне.

Упс! Кажется, сглазил. Пора смываться. Я осторожно направился к выходу и столкнулся со своим старшим братом.

— Ты че здесь? — хмуро спросил он. Брат был старше меня почти на двести лет. Считал себя важной персоной, хотя служил всего лишь разносчиком почты в министерстве информации. Его появление привлекло внимание и дяди.

— Эзергиль, это куда ты? Здравствуй, Зорег.

— Дядя, — кисло кивнул мой брат. Дядю он не любил еще больше, чем отец. Не любил с того дня, как дядя оттаскал его за уши, когда братик попытался украсть у него крылья лет двести пятьдесят назад. Нет, Зорег не злопамятен. Он просто злой. Да и на память еще не жалуется.

— Так вот, я хочу с вами поговорить о вашем сыне Эзергиле. Дорогой братец, ты в курсе, что у твоего сына с завтрашнего дня в школе начинается летняя практика? И ты, конечно, в курсе, что если он не пройдет ее, то останется на второй год.

— Серьезно, что ли? — изумился отец. — Сын, ты че мне ничего не сказал? Мы бы нашли тебе местечко для этой… как ее? Практики.

— Я уже взрослый! — обиженно зашипел я. — Мне уже почти сто двадцать лет! Через шестьдесят лет я получу свой хвост.

— А рога получишь после женитьбы, — заржал мой брат.

Я поморщился. От плосковатых шуток братца порой становилось тоскливо. Хотя лично он считал, что плоские шутки то, что надо. Дядя же свысока глянул на Зорега, но от комментариев воздержался.

— Практику вашему сыну я нашел. В министерстве наказаний. Он должен помочь одной заблудшей душе…

— Что!!! Помочь?! Он же черт!!! Он не помогать должен! Он должен, наоборот, завлекать людей, дабы забирать их души! Вот я помню, как за одним святым охотился. — Отец издал смешок. — Давно это было. Святой, святой, а как я монетки показал, так сразу и не святым оказался.

— Ага, — кивнул дядя. — Только ты забыл рассказать, как от архангела Михаила потом улепетывал, под чьим покровительством тот святой и находился. Даже хвост свой потерял. Две недели на Земле прятался, пока я тебя не отыскал. А хвост так и остался трофеем у Михаила.

— Пап, ты мне это не рассказывал, — встрял я.

— А ну цыц! — рявкнул отец. — Монтирий, ты бы постыдился при сыне так отца срамить!

Дядя эту жалобу проигнорировал.

— Так как насчет практики?

Отец тяжело вздохнул.

— Он же черт, — опять повторил он.

— Вот и отлично. Научится разбираться во взаимоотношениях людей. И ведь практика в министерстве наказаний!

Этот аргумент отца убедил. Еще бы! Какой черт не мечтает поступить на работу в это престижнейшее учреждение ада? А какой туда конкурс!!!

— Ладно, что от меня-то надо?

Дядя тут же щелкнул пальцами, и на столе материализовался листок бумаги.

— Вот, оформи заявку.

Отец покосился на меня, вытер руки о майку и стал писать. Подписался. Дядя моментально выхватил листок и прочитал его.

— Стараешься, — похвалил он моего отца. — Всего пара дюжин ошибок. Молодец. — Дядя опять щелкнул пальцами, и листок исчез. — Ну вот. Заявку я отправил. Эзергиль, не подведи меня. Я ведь лично за тебя просил.

Он лично за меня просил. Ха! Видел я, как он просил. «Мне нужно вот это и это. И БЫСТРО!!!»

Я убито кивнул.

— Да, дядя Монтирий.

— Вот и хорошо. Завтра перед началом твоей практики я с тобой еще встречусь. Братик, до свидания. Не скучай без меня. Мадам! — Дядя снова повторил свой подвиг, поцеловав моей маме ручку уже на прощание, чем привел ее в совершенный восторг. У отца же хвост встал дыбом. Он что-то буркнул в адрес крылатых, которые слишком много о себе воображают. Дядя ехидно ему поклонился и исчез.

— Вот зануда, — буркнул мой брат ему вслед.

— И вовсе он не зануда, — заступился я за дядю.

— А ну цыц! Оба! — рявкнул отец. Потом печально вздохнул. — Родню не выбирают. И угораздило же в семье добропорядочных чертей родиться такому уроду!

Я счел за лучшее как можно быстрее исчезнуть с кухни. Распространяться по поводу своего непутевого родственничка отец мог часами. Нет, слушать его бывает занятно. Но только если слушаешь все это первый раз. Или второй. Или третий. Ну на худой конец четвертый. Но когда все это повторяется уже в сто четвертый раз, то становится тоскливо.

— Спокойной ночи, — пожелал я всем из-за двери. Это был самый верный способ отделаться от отцовской лекции.

— Ребенку завтра рано вставать! — тут же вмешалась мама. — Иди деточка, иди. Отдыхай. Умаялся за сегодня.

Я благоразумно воздержался от ответа и поспешил исчезнуть в своей комнате. Завтрашний день обещал быть очень веселым.

Глава 2

В школе, как обычно, вместо приветствия я огрел портфелем своего заклятого врага Ксефона и тут же спрятался за морок. Ксефон никогда не был силен в наваждении, поэтому я не боялся, что он меня увидит. Из-за морока я с интересом наблюдал, как Ксефон вертится волчком, пытаясь разглядеть, кто его ударил.

— Эзергиль, сволочь ты этакая! Я ведь знаю, что это ты?! А ну выходи!

Щаз-з, побежал уже.

— Пользуешься тем, что я не очень силен в наваждении!

И кто в этом виноват? Я, что ли? Учиться надо, а не по кафе бегать. По части сбегания с уроков Ксефону равных не было. С другой стороны, он почему-то ходил в любимчиках нашего классного руководителя!

— Ну погоди, дождешься у меня.

Я создал свое подобие и заставил его на миг показаться из-за морока. Потом направил его к выходу.

— Ага, — злорадно прошептал Ксефон. — Ты и сам не такой уж ловкач, каким хочешь показаться.

Он осторожно стал красться за еле заметным облачком морока, за которым, по его мнению, скрывался я.

— Ну держись! — завопил он, бросаясь в атаку. Естественно, мой образ на его храбрый бросок никак не прореагировал. Ксефон же, пролетев сквозь него, впечатался носом в бюст Горуяна. — У-у-у-у!!!! — завыл он.

Я уже сдерживаться не мог и расхохотался. Морок, естественно, рассеялся. Ксефон с откровенной ненавистью уставился на меня. Однако хуже всего для него было то, что его позор видели еще несколько одноклассников. А значит, скрыть его не удастся. Эти свидетели сейчас и присоединились к моему смеху.

— Ловко тебя надули, Ксефон, — заметила Кленни, хихикая. — Говорили ведь тебе, учи наваждение.

Ксефон, что-то сердито бурча себе под нос, направился к двери класса, волоча за собой портфель и потирая красный и опухший нос.

— Ты бы к врачу сходил, — посочувствовал я ему. Вчерашний мой синяк был отомщен.

— А пошел ты… ангелочек! — рявкнул он.

Назвать какого-нибудь черта ангелом… это было страшное оскорбление. Я уже хотел было броситься в драку, но тут появился наш классный. Он оглядел всех нас с высоты своего

гигантского роста, помахивая хвостом, украшенным элегантной кисточкой. Поправил очки.

— Так, — прокаркал он. — Эзергиль, опять ты хулиганишь?

— А что я? — праведно возмутился я. — Вы слышали, как он меня назвал?!

Собравшиеся вокруг одноклассники подтвердили мою правоту.

Учитель холодно оглядел всех. Вокруг мгновенно установилась тишина.

— С учетом одного твоего родственничка, — усмехнулся он, — в этом нет для тебя ничего оскорбительного.

Я насупился. Мой дядя, это мой дядя. А я, это я. Но спорить с учителем себе дороже.

— Да, господин Викентий.

Тот, кажется, даже был разочарован моей покладистостью. Еще бы, лишился такой возможности наказать неугодного ученика. Викеша, наш классный руководитель, почему-то невзлюбил меня с первого взгляда, хотя и поделать со мной ничего не мог — я был в пятерке лучших учеников школы, участвовал в нескольких олимпиадах и даже один раз взял второй приз. Поэтому директор школы приказал всем учителям помогать мне на занятиях в случае необходимости. Так что с этой стороны Викеша ничего не мог мне сделать — любое снижение моей успеваемости по его предмету немедленно вызывало разборку с директором. Тогда, с присущим всем чертям коварством, он, наоборот, стал завышать мне оценки, в надежде, что я расслаблюсь, перестану учить его предмет, получая пятерки на халяву. А вот фиг ему. Возможно, я немного и лентяй, но вовсе не дурак. Едва я понял план нашего классного, так сразу засел за занятия по его предмету с удвоенной энергией. А после каждого ответа я сам выставлял себе оценки, оценивая себя весьма критически. Поэтому по своей шкале я был твердый хорошист. Ну может еще небольшой плюсик наличествует. Зато классный журнал украшали пятерки с двумя, а иногда и с тремя плюсами. Понятно, что на самом деле учителя звали именно Викентий. Викеша — это я так называл его про себя.

— Так, ладно, концерт окончен! Все в класс. Вы помните, что сегодня последний день занятий? Значит, будете получать табели. В класс, дети, в класс.

Веселой гурьбой мы ввалились в класс и заняли свои места. Последним вошел Викентий. Он подошел к своему столу и раскрыл журнал.

— Итак, — заговорил он. — Вот и подошел к концу еще один учебный год. Пятьдесят лет назад семидесяти летними малышами

вы вошли в этот класс. С тех пор вы многое узнали и многое поняли. Однако этот год важен в вашей жизни совершенно по другой причине. Этим летом вы впервые должны выполнить практические задания. Без отметки о прохождении этих занятий вы не будете переведены в следующий класс, и вам придется остаться на второй год. Что значит практика для чертей, объяснять не буду. Поэтому я с сожалением должен сообщить, что один из вас до сих пор не подал мне сведений о том, где он будет проходить практику.

Под прямо-таки ледяным взглядом учителя я поежился.

— И если этот кто-то в течение десяти минут так и не подаст заявку, то я вынужден буду поставить ему неуд.

Ну где же ты, дядя, чуть ли не взвыл я. В тот же миг на столе у классного руководителя материализовался какой-то свиток. Некоторое время он озадаченно разглядывал его.

— Прошу прощения, срочная почта, — пробормотал он. Взяв свиток, он некоторое время изучал его. — Ничего не понимаю, штамп министерства наказаний. — Викентий развернул свиток и углубился в чтение. Вот его лицо перекосилось, и он уставился на меня. — Эзергиль! — рявкнул он.

Я поспешно вскочил.

— Да, господин Викентий.

Учитель опять скривился.

— Это из министерства наказаний. Заявка на некоего ученика нашей школы Эзергиля для прохождения летней практики.

Спасибо тебе, дядя.

— И нечего ухмыляться! — совсем рассердился учитель. — Раз уж тебе, неизвестно по какой причине, выпала такая честь, то не посрами нас. Хотя чего тебя просить, ангелочек.

Класс замер. Я покраснел. Учитель подошел к столу и попытался опуститься на стул. Попытался потому, что в последний миг стул вдруг отодвинулся и господин Викентий опустился на пол.

— Эзергиль!!! — заорал он, вскакивая с пола под общий хохот класса.

— А-а? — Я отвлекся от изучения пейзажа за окном и недоуменно уставился на учителя честными глазами. Пусть докажет, что это я. Не будет же он наказывать весь класс?

Викентий тоже сообразил, что у него нет никаких шансов доказать мою вину.

— Сядь, — рявкнул он. Я поспешно опустился на место. — Итак, раз все определились, то я зачитаю список класса. Кого называю, тот подходит ко мне и расписывается в получении табеля.

Викентий опять попытался сесть за стол. Покосился на меня и остался стоять. Взял журнал. Я находился практически в конце списка и поэтому со скучающим видом смотрел, как одноклассники подходят к учителю, расписываются в ведомости. Девочки потом делали реверанс, мальчики легкий поклон учителю и возвращались на место.

— Ксефон, — возвестил Викентий. — Ксефон, ты проходишь практику у меня. Задание получишь позже. Задержись после занятий.

Конечно, кто бы сомневался. Разве Викентий позволит своему любимчику не сдать практику? А такой шанс достаточно велик, если он будет проходить ее где-то на стороне.

Ксефон, услышав, что ему придется после занятий задерживаться в школе, скривился. Болван даже не понял, что для него это к лучшему.

— Эзергиль, — наконец услышал я свое имя. Я поспешно подошел к столу учителя. Расписался в ведомости. Викентий сверился со свитком. — Тебе сегодня надлежит явиться к четырем часам в главное здание министерства. Центральный вход. Вот пропуск.

Я молча принял пропуск и вернулся на свое место. Аккуратно сел. В последний миг стул попытался вынырнуть из-под меня, но я был настороже. Стул только дернулся, но остался на месте. А вот я в учителе разочаровался — повторять ту же шутку, что провернул ученик… фи. В этом нет стиля. Он мог бы придумать что-нибудь получше. Я сделал вид, что ничего не заметил. Викентий покраснел.

— Занятия окончены, — возвестил он и выскочил из класса.

Тут же все зашумели. Меня обступили со всех сторон. Посыпались вопросы.

— Счастливчик, — шумели вокруг.

— Эзергиль, признавайся, как тебе удалось заполучить это славное местечко для практики? В самом министерстве наказаний!

— Да, повезло. А чем ты будешь там заниматься? Сортировкой грешников? Вряд ли. Работа ответственная. Там надо взвесить вину каждого и назначить соответствующее наказание.

— Наверное, дрова под котлы подкладывать заставят, — буркнул Ксефон, но его никто не слушал. Сегодня определенно был не его день.

Я же вдохновенно врал, отвечая на сыпавшиеся со всех сторон вопросы:

— Счастливчик? Что значит счастливчик? Кто счастливчик, а

кто долго и напряженно готовился. Я еще в начале года написал письмо в министерство, потом проходил разные тесты. Меня отобрали из сотни… нет, тысячи кандидатов. А вчера я лично был в министерстве у администратора, и мне сообщили, что я прошел конкурс. А вы говорите счастливчик.

— У-ух, — восхищенно вздохнул класс.

— Э-эх, — возмутился Кронт. — И ты мне ничего не сказал? Я бы, может, тоже прошел?

Это я оставил без комментариев. Только свысока оглядел Кронта, явственно дав понять, что думаю по поводу этого заявления. Да он и сам это прекрасно знал.

— Чем заниматься буду, — продолжил я врать, — еще не знаю. Но возможно, сам администратор возьмет меня к себе в помощники. — Тут я понял, что заврался, и поспешил поправиться, пока не разоблачили. — Ну это я, конечно, загнул. Однако, скорее всего, буду работать вместе с ним. Почту там сортировать, личные дела грешников просматривать.

— У-ух, — опять раздался общий восхищенный вздох.

— Ну ладно, ребята. — Я кивнул всем головой, изобразив важного господина. — Сами понимаете, мне пора. К четырем быть в министерстве, а до этого еще надо подобрать одежду подходящую, дела разные переделать. Пока.

Я поспешно выскочил в коридор и кинулся в сторону. И вовсе не к выходу. Как я и подозревал, за мной помчались несколько ребят. Из-за угла я проследил, как они в попытке отыскать меня направились к главному выходу из школы. Во главе компании я углядел Ксефона. Мысленно посмеиваясь над ними, я направился к черному входу. С какой целью Ксефон и его компания бросилась за мной, догадаться было не трудно. Нет, сегодня определенно не его день.

Проходя мимо кабинета директора, я услышал голос нашего классного. Разве я мог упустить такую возможность? Прошмыгнув в приемную, я тут же спрятался за шкаф.

— Господин директор, это возмутительно! Он ведет себя вызывающе! Совершенно не уважает педагогов!

О ком это Викеша?

— Господин Викентий, я вас не понимаю. Об этом ученике от других учителей я слышал только хорошее. И вы знаете, какая честь оказана нашей школе? Его вызвали проходить практику в самом министерстве наказаний.

Ого, а разговор-то, похоже, обо мне. Становится все интересней и интересней.

— Об этом я и хочу поговорить. Я не считаю, что такой несобранный, невоспитанный черт сможет должным образом

поддержать честь нашей школы.

— Ну полно вам, господин Викентий. Он один из лучших учеников.

— И тем не менее я настаиваю на том, чтобы сменить его. Я могу предложить вам другого кандидата. Воспитанного, толкового.

— Господин Викентий, мне кажется, вы не совсем понимаете. Это была конкретная заявка. Ни вы, ни я ничего поменять здесь не можем, даже если бы я и хотел это сделать. Никак не пойму вашего плохого отношения к этому ребенку. Он толковый мальчик. Можно сказать, даже талантливый. Поверьте мне, он далеко пойдет.

— Господин директор, я… я тогда настаиваю на проверке. Раз мы ничего не можем сделать с переназначением, то я настаиваю, чтобы была проверка.

— Что вы хотите?

— Узнать его задание на летней практике и попытаться ему помешать. Если Эзергиль и правда так хорош, как вы о нем говорите, то он справится.

— Господин Викентий, вы забываетесь! Вы считаете… а впрочем… — Директор вдруг замолчал и задумался. Я затаил дыхание. Еще бы, ведь сейчас решалась моя судьба. Интересно, какие мои шансы, если против меня выступит Викентий. Это не по правилам!!! — Это не по правилам, — словно прочитал мои мысли директор. — Кстати, а кого вы хотели отправить на практику в министерство вместо Эзергиля?

— Ксефона, господин директор. Толковый парнишка, настоящий черт.

— Ага, знаю-знаю. Наслышан. — В голосе директора не было никакой радости оттого, что он слышал об этом протеже Викентия. — Вот что, господин Викентий, вы, видно, забыли древнее правило. Учителя не могут вмешиваться в практику своих воспитанников. Ни вы, ни я, никто не может это сделать. Задание дети должны выполнять самостоятельно. Однако ваша идея мне понравилась. Как я понял, вы предлагали вместо Эзергиля Ксефона? Отлично. В таком случае я назначаю Ксефону задание. Пусть он помешает Эзергилю выполнить его практику. И если этот Ксефон так хорош, как вы говорите, то он без труда справится с этой задачей.

— Господин директор!..

— Что? Разве несправедливо? По-моему, справедливо. Ваш протеже против моего. Более того, я готов поставить на успех Эзергиля две тысячи монет. Вы готовы поддержать мою ставку?

— У Эзергиля нет никаких шансов против Ксефона. Ксефон

— настоящий черт, а Эзергиль не поймешь кто. Ангелочек!

— Господин Викентий, не оскорбляйте учеников в моем присутствии. Вы готовы поддержать ставку?

— Вы можете попрощаться со своими монетами. Но только не вмешивайтесь в это дело на стороне Эзергиля.

— А вы на стороне Ксефона. Скрепим наш договор кровью.

Судя по возникшей паузе, Викентий как раз и собирался вмешаться на стороне Ксефона. Однако нарушить договор, скрепленный кровью, он не осмелится. Я самым внимательным образом прослушал те пункты, которые внесли Викентий и директор в договор. Еще бы мне не слушать — от этого напрямую зависел успех моей практики. В конце я едва не завопил от восторга. Договор исключал вообще какое-либо вмешательство со стороны спорщиков. Они не могли воздействовать на наше противоборство с Ксефоном ни прямо, ни косвенно. Не могли никому даже сообщить о споре до его прекращения после победы одной из сторон иначе, чем по взаимной договоренности и согласии обеих спорящих сторон. Не могли никого нанять для вмешательства. Нет, о директоре я всегда был высокого мнения, но после подобного оно поднялось еще выше. Как я ни старался, но так и не смог придумать ни одного способа обойти этот договор. А раз вмешательство в спор со стороны Викентия мне не грозило, то с Ксефоном я разберусь и сам. Судя по недовольству, звучащему в голосе Викентия, он тоже понимал, что его вмешательство в спор исключили напрочь.

— Можно было и не так сделать.

— Можно и не так, — согласился директор. — Итак, я позвоню в министерство наказаний и сообщу им о возникшем споре. Думаю, они согласятся предоставить допуск вашему Ксефону. А там уж пусть он действует сам.

— А вы ничего не можете сказать Эзергилю! По условию договора вы не можете ему ничего говорить о споре.

— О, не переживайте, господин Викентий. От меня Эзергиль ничего не узнает. Ни от меня, ни от кого другого. Однако как бы он не узнал все от вас.

Викентий фыркнул и вышел из кабинета. На миг я испугался, что он меня увидит, но учитель выскочил так быстро, что вряд ли меня разглядел.

— Любишь подслушивать? — раздался вдруг веселый голос.

Я вздохнул. Раз застукали, то прятаться смысла не имеет. Я вышел и виновато опустил голову.

— Ты тут виноватого мне не строй, — усмехнулся директор. — Все равно не поверю. Спрашивать, все ли ты слышал, я не буду. И так знаю, что все.

— А как вы узнали, что я тут?

— Ха, хочешь это знать? Пожалуйста. Рановато вам, молодым, еще тягаться со старой гвардией. Парень ты, конечно, талантливый, но… Вот смотри. Видишь этого паучка? Думаешь, я зря запрещаю его уборщице смахивать? Он сидит себе в углу и плетет себе свою паутину. А я вижу все, что видит он. Теперь понял?

— Понял, — вздохнул я. Как же я не подумал, что директор может присматривать за своим кабинетом, даже если его в нем нет? «Самонадеянный болван», — обругал я себя.

— В таком случае поговорим о более важных делах. Раз уж ты все узнал о нашем споре… причем не от меня, а от, — тут директор фыркнул, — самого Викентия, то я ничего не нарушу, если кое-что объясню тебе. Викентий несколько напыщен и имеет слишком высокое мнение о своих способностях. Думаю, проучить его будет полезно. Ты видишь, как я верю в тебя? Я даже поставил на твою победу две тысячи монет. Эзергиль, не разочаруй меня.

— Чтобы я проиграл Ксефону? Этому болвану? Да никогда. Только, господин директор, а что я получу за свою победу? Вы получаете две тысячи монет, а я? Только отметку о прохождении практики? Не пойдет. В тот момент, когда вы заключили пари с Викентием, дело уже перестало быть обычной школьной практикой.

Директор вдруг расхохотался.

— И этот болван еще сомневался, что ты истинный черт. Ты получишь четвертую часть моего выигрыша плюс гарантированную пятерку по моему предмету в следующее десятилетие. Идет?

— Идет. Заключим договор?

Мое предложение привело директора еще в больший восторг.

— Нет, парень, с тобой меня разочарование не ждет. Скорее ждет разочарование Викентия и его протеже. Заключим.

Через десять минут я выходил из школы в приподнятом настроении. Нет, в том, что теперь у меня под ногами будет путаться Ксефон, стараясь всячески мне помешать, ничего хорошего не было. Мое задание и так было не слишком привлекательно, а тут еще одна нагрузка в дополнение. Но если я все сделаю нормально… Да, плюсов все равно было больше.

Задумавшись, я совсем забыл о Ксефоне и его компании. Подслушивая разговор в кабинете директора, я задержался в школе гораздо дольше, чем рассчитывал. Ксефон же с компанией, судя по всему, все это время усиленно разыскивали меня по всему школьному двору. И выглядели они довольно злыми. Впрочем, если смотреть на их поцарапанные физиономии и порванную

одежду, причины быть злыми у них были. Похоже, они меня искали в зарослях. Думали, я там прятался. Идиоты.

Впрочем, кто тут идиот, будет ясно в ближайшие пять минут. Если я что-нибудь не придумаю за это время, то буду выглядеть гораздо хуже, чем они сейчас.

— Вот вы где, — сразу перешел я в наступление. — Наконец я вас нашел. Вы что тут, в прятки играть вздумали? Совсем спятили? Я вас везде ищу.

Ксефон со товарищи замерли и ошарашенно уставились на меня.

— Ну чего смотрите?! — разозлился я. — Вас господин Викентий обыскался! Уже громы и молнии мечет. Говорит, что если вы не появитесь в течение десяти минут, то можете забыть о практике. Ксефон, это тебя касается.

— Ты че гонишь? — поинтересовался Ксефон.

— Совсем плохой стал? — участливо поинтересовался я. — Ты помнишь, что тебя господин Викентий просил после занятий остаться? Или память напрочь отшибло? — Я демонстративно посмотрел на часы. — Впрочем, если вы думаете, что я шучу, то можете подождать еще четыре минуты и посмотреть, что из этого выйдет.

— Эй, а ты нам тут случайно хвосты не крутишь? — осведомился один из компании Ксефона.

Ого, а у Ксефона в приятелях есть один соображающий. Неожиданно. Но ничего, долго не задержится.

— Я! — искренне возмутился я. — Я ведь первым из класса вышел, а ухожу последним! Вам это ни о чем не говорит? Где я, по-вашему, пропадал все это время? Утрясал мелкие вопросы со своей практикой. А потом Викентий попросил вас разыскать. Уяснили?

Ксефон явно занервничал.

— Ладно, ребята, мне пора. Я побежал. — Он сорвался с места и бросился в школу.

— А вы что ждете? — повернулся я к троим приятелям Ксефона. — Впрочем, я не уверен, что господин Викентий разыскивал и вас. Очень возможно, что его «куда эти придурки подевались» к вам не относится.

Через мгновение я разглядывал только спины уносящихся в сторону школы приятелей Ксефона.

— Идиотизм — это навсегда, — прокомментировал я это зрелище. — Но как они точно все поняли. Сразу сообразили, что придурки — именно о них.

Настроение поднялось еще выше. Насвистывая веселый мотивчик, я покинул территорию школы и зашагал в сторону

стоянки такси.

Около дома меня дожидался дядя.

— Как все прошло в школе? — поинтересовался он.

— Великолепно! — вполне серьезно воскликнул я. — Только возникла одна проблема. Я рассказал о подслушанном разговоре в кабинете директора. О нашем с ним договоре я благоразумно умолчал. Все-таки дядя — ангел. Он может это все немного неправильно понять. Дядя нахмурился.

— Подобное у вас в порядке вещей?

— Что «подобное»? Спор? Конечно. Спор — это же чисто чертовское занятие. Ведь недаром говорят на Земле: «Кто спорит, тот черту душу закладывает».

— Я не об этом, — поморщился дядя. — Думаешь, я не знаю про спор? Помню еще. Я про эту твою проверку. При мне такого не было.

— И при мне. Сам впервые услышал. Но, в конце концов, помешать кому-то выполнить его работу — это ведь чертовски чертово дело. Все нормально.

— И тебе это нравится?

— Ну… я бы так не сказал. Однако это состязание с Ксефоном заботит меня в последнюю очередь.

Дядя задумчиво оглядел меня.

— Ладно, я еще подумаю. Только все это мелочи по сравнению с неуспокоенной душой. Ты понимаешь, как она страдает? И твой долг, между прочим, помочь ей.

— Помочь ей — это ТВОЙ долг, — возразил я, — который ты просто переложил на меня.

— Ничего, разнообразить свои действия полезно. Не все же вам, чертям, вредничать. Надо что-нибудь и хорошее сделать.

— О да, — скривился я. — Скажи кому, какое у меня летнее практическое задание, так засмеют. Но ладно. Думаю, полезное что-нибудь можно извлечь и из этой ситуации.

— Полезное будет для тебя то, что ты поможешь несчастной душе страдающего человека. Одно это должно заставить тебя чувствовать себя лучше.

— Конечно, дядя, — кивнул я. Не спорить же с ним? И сообщать о пятистах монетах, что я получу в случае успеха своей практики, ему не стоит. — Ты даже не представляешь, насколько я буду удовлетворен, если смогу помочь той несчастной, страдающей душе.

Дядя долго смотрел на меня, но ничего подозрительного в моих честных глазах не разглядел. Поэтому ограничился только кивком.

— Я тебя зачем, собственно, искал. Вот тебе моя визитка. Помощь страдающей душе — дело тонкое. Тебе наверняка может понадобиться помощь различных служб рая. Конечно, по договору они и так обязаны будут тебе помочь по предъявлении тобой твоего школьного задания, но, думаю, моя помощь существенно ускорит все бюрократические тонкости.

— Вот спасибо! — искренне обрадовался я, пряча визитку.

— И не подведи меня. Я искренне надеюсь, что не подведешь.

Никак дядя тоже с кем-то поспорил, мелькнула у меня ехидная мысль. Впрочем, мысль эта как мелькнула, так и пропала. Ангелы не спорят. Спор — это только чертовское занятие. Скучно они все-таки там живут у себя в раю. Это нельзя, то нельзя. С другой стороны, у нас запретов не меньше. Ладно, у меня сейчас дела поважнее есть, чем проводить сравнительный анализ ада и рая. Времени до начала практики остается все меньше и меньше. Я сердечно попрощался с дядей и поспешил домой. Надо успеть поесть, переодеться и в министерство. А вот дальше уже все зависело только от меня.

— Эзергиль!!! — Рев родного братика спутать с паровозным гудком, конечно, можно, но я был уверен, что паровозного гудка у нас в квартире нет. Значит, это был рев именно моего брата, а не гудка. Придя к такому нехитрому умозаключению, я направился в его комнату.

— Да?

— Ты помнишь, что завтра твоей сестре исполняется семьдесят лет?! Ты подарок ей приготовил? Между прочим, осенью она пойдет в первый класс!!!

Я подозрительно покосился на брата. Подобная забота о сестренке слишком необычна для него. Тут я разглядел на его столе записку от родителей. Ага, все ясно. Они накрутили хвост ему, а он теперь отыгрывается на мне. Бла-агородного строит. Однако с подарком действительно стоит поторопиться. Где бы его взять?

Я зашел в свою комнату и задумчиво огляделся.

— О! — Я поднял вверх указательный палец. Потом бросился разгребать свои вещи. Где-то со дна последнего ящика шкафа извлек плюшевого чертенка. Поскольку я не слишком много в свое время с ним играл, то выглядел он почти как новый. Только пыль отряхнуть. Вот теперь отлично. На всякий случай я его еще обновил, проведя по чертенку рукой. Теперь действительно отлично. Сестренка до этого ящика еще не добралась, так что видеть этого чертенка у меня не могла. Но чего-то не хватает…

Я почесал затылок и снова оглядел разбросанные по полу вещи. Мой взгляд наткнулся на изорванную куклу школьника.

Эту куклу в свое время где-то раздобыл отец и приволок мне. Кукла, конечно, никуда не годится, а вот ее портфель…

Мгновенно оторвав у куклы портфель, я приклеил его к спине чертенка моментальным клеем. Потом достал из ящика миниатюрную записную книжку и засунул ее внутрь ранца, чтобы торчал только уголок, и тоже ее там приклеил. Теперь еще один последний штрих… Оторвав фуражку у игрушечного почтальона, я ее водрузил на голову своего подарка.

— Вот, чертенок идет в школу! — оглядел я свое творение со всех сторон.

Подождав, когда клей просохнет окончательно, я понес его в общую залу и сложил на груде общих подарков с приличествующей случаю запиской. Мама, увидев этот подарок, удивленно охнула.

— Ой, какая прелесть! Эзергиль, где ты купил такого? Там еще есть? Подружкам такого симпатягу подарить бы.

Сориентировался я мгновенно.

— Ой, мама, я последнего взял, там уже нет такого. Чуть ли не из рук покупателя вырвал. Пришлось даже переплатить за него. Но для любимой сестренки ведь старался.

Мама умильно оглядела меня.

— Какой ты милый мальчик, Эзергиль. И как сестру любишь. Я рада, что вы живете так дружно.

Угу, люблю я сестру. Ну ничего не могу с собой поделать. Очень уж нравятся мне сестры под маринадом. Или под чесночным соусом. Нет, сестренка под чесноком — это перебор. Она и так слишком остра на язык… укоротить бы его немного…

Так, тпру, это не в тему. Увлекся. Но ведь так хочется помечтать…

— Мама, — поспешил я перевести разговор с опасной темы. — Мне сегодня к четырем надо явиться в министерство наказаний для прохождения практики.

— Да, — рассеянно кивнула мама, укладывая подарки сестре аккуратной горочкой. — Мне твой дядя уже позвонил. Твой костюм в зале. И перед выходом расчешись, Эзергиль. На твою голову больно смотреть.

Не вступая в спор, я отправился в зал. Отец еще был на работе, так что мне никто не помешает спокойно посидеть у телевизора.

— Эзергиль!!!

Никто, кроме брата, поправился я.

— Да?!

— Тебе не пора еще выходить? Опаздывать в первый день практики — верх неприличия!

Нет, я его просил напоминать мне, когда выходить? А то я сам не знаю. Однако раз уж братик завелся, то не отстанет. Пришлось встать и собраться. Рано, конечно, но лучше по улице побродить, чем выслушивать рев читающего нравоучения брата о том, что он в мои годы… Так и хочется спросить, что раз он такой умный, то почему еще не возглавляет какое-нибудь министерство.

Я собрал все необходимые вещи, которые, как посчитал, могут мне пригодиться, и вышел из дома. Сегодня начинался первый день моей летней практики.

Глава 3

Никогда не думал, что коридоры в министерстве такие запутанные. Тут можно годами плутать.

— Утя-утя-утя. — Я держал на вытянутой руке просвирку и пытался подозвать неприкаянную душу. Подозвать я ее пытался вот уже около часа. Начинал с банального «кис-кис». Под конец уже перешел на «утя-утя». Ничего не помогало.

Я помахал просвиркой. По народной чертовской примете все души просто обожают эти просвирки. Я ее специально получил из хранилища министерства и теперь ею пытался привлечь ту самую душу, в помощи которой и заключалась моя летняя практика.

— Ну где ты там?! Тебе что, влом отозваться?! — уже в отчаянии позвал я.

Еще по дороге в министерство, размышляя над всей этой проблемой, я решил подойти к ее решению самым простым образом. А именно: просто отыскать эту душу и поговорить с ней. Мол, так и так, вот такая вот ситуация. Объясни, что тебе надо и что тебя держит на Земле. Я по-быстренькому решаю твою проблему, и все довольны. Ты получаешь успокоение, а я свою пятерку за практику. Ксефон остается с носом, а я с пятьюстами монетами. Тогда мне мой план казался просто гениальным… сейчас таковым он уже не казался.

В отчаянии я сел прямо на пол в уголок и с тоской посмотрел в даль пустынного коридора министерства. Никогда не думал, что коридоры этого здания вгонят меня в такую тоску. Просидел я минут пятнадцать. Нет, я, конечно, понимал, что так можно сидеть все лето, но к решению моей проблемы это сидение меня не приблизит. Пришлось снова вставать.

Поднял просвирку над головой, стараясь привлечь к ней внимание души.

— Гуля-гуля, посмотри, что у меня есть. Ням-ням. — Вот идиотизм. Сам себе кажусь смешным. Однако делать нечего.

Только спустя три часа мои усилия были наконец вознаграждены. Я брел по коридору, окончательно выбившись из сил и еле передвигая ноги. Даже звать эту неприкаянную душу сил уже не было. Без всякой надежды я просто смотрел по сторонам, когда за одним из поворотов мелькнуло знакомое свечение. Еще не веря в удачу, я бросился туда (и откуда только силы взялись), вопя во все горло:

— Эй, ты, как тебя там?! Душа, короче, подожди! Слышь?! Подожди, говорю!

От избытка чувств я кричал на родном языке, прежде чем

сообразил, что душа меня просто не слышит. Вот если бы она была наша, тогда она все бы поняла. А так она еще не принадлежала нашему миру, но и Земле тоже не принадлежала. Короче, зависла между мирами. Для общения с такими созданиями необходим свой язык — межмировой. Его понимали все души мироздания. Вот когда я порадовался, что не прогуливал уроки. Я быстро сориентировался и, задыхаясь от быстрого бега, прокричал вслед:

— Многоуважаемая душа, не соблаговолите ли вы на минуту остановиться и переговорить со мной о чрезвычайно важном деле?! — Велеречиво, но я посчитал, что вежливость лишней не будет. Дядя мне всегда говорил, что вежливость способна открыть ворота любого сердца.

— Тяжко мне, — донеслось до меня.

Еще бы не тяжко. Застрять между мирами — кому будет легко.

— Вот об этом я и хотел бы с вами поговорить. Вам не хочется облегчить вашу ношу? В том смысле, не могу ли я чем помочь вам для обретения вашего покоя?

— Ты?! — тяжкий вздох-вопрос.

Я наконец догнал душу и замер около нее, тяжело дыша. Душа парила над полом в метре от земли и изучающе смотрела на меня. Почему-то этот взгляд меня нервировал. Я достал просвирку и выставил ее напоказ, в надежде, что она привлечет внимание призрака. Однако тот никак на нее не прореагировал.

— Ну да. Видите ли, ваше присутствие нарушает гармонию…

— Где я?

— Если вы про данное конкретное место, то вы в аду. — Я покачал просвиркой чуть ли не перед носом призрака. Ноль внимания.

— В аду?! Значит, я грешница?

Я присмотрелся. Батюшки, так ведь это женщина. Причем не старая. Лет триста пятьдесят. Тьфу! Это же человек. Тридцать пять, я хотел сказать. Интересно. Люди же вроде дольше живут? Впрочем, для выяснения всего я здесь и нахожусь.

— Э-э, — мудро протянул я. — Я бы так не сказал. Видите ли, вы еще сами не определились, куда вам. Поэтому вы не в аду, хотя в данном случае находитесь именно здесь.

— Да? — В этом вздохе послышалась заинтересованность. — Я сама должна определить, куда мне идти — в рай или ад?

— Ну да. Что ж тут непонятного? Кто кроме самого человека лучше всего знает его прегрешения? Что, по-вашему, есть совесть? Это частица Его, ну вы понимаете кого, не могу произнести его имени. После смерти ваша совесть и выносит вам приговор. Наша

задача — определить меру вашего наказания.

— Ваша задача?

— Ну да, наша. Чертей то есть. Разрешите представиться, мадам, Эзергиль. На самом деле я еще не черт. Я еще учусь только. А сейчас прохожу летнюю практику в школе. Мое задание — помочь вам определиться с местопребыванием. Видите ли, ваше мота… э-э… путешествие по аду, раю и Земле нарушает гармонию миров. Давайте с вами разберемся. Я покажу вам рай и ад; где вам понравится жить, туда я вас и провожу. — Я опять достал просвирку и поманил ею призрака. Результат прежний. Только на этот раз призрак все-таки соизволил ее заметить. Однако никакой радости не проявил.

— Не могу я уйти, — опять тяжелый вдох. — Ты сказал, что учишься?

— Ну да.

— У меня сын тоже учится в школе.

Опа, становится интересно. Кажется, сейчас я пойму, что ее держит на Земле.

— Вы любите своего сына?

— Смешной ты, — вдруг улыбнулся призрак. Хорошо так улыбнулся. Мне даже тепло стало в этих мрачных коридорах. — Какая же мать не любит своих детей?

Ну… я мог бы в качестве ответа сводить ее к некоторым котлам, где, как говорили у нас в аду, принимали баньку несколько таких, с позволения сказать, матерей. Возможно даже, не будь у меня ангела-дяди, я бы так и сделал. Но все-таки общение с ангелом накладывает свой отпечаток даже на черта.

— Вы правы.

— Боюсь я за него. Пропадет без меня он.

— А… э-э… у него ведь отец должен быть? Или он тоже у нас?

— Лучше бы он был у вас! — вдруг довольно эмоционально взвился призрак. — Думаю, у вас тут уже и местечко для него припасено!

Припасено-припасено… может быть. Откуда я могу это знать? Смотреть надо. Но что-то отвечать необходимо. Я постарался перевести разговор на другую тему.

— Вы понимаете, тут есть такая проблема. Вы не можете долго существовать в межмировом пространстве. Скоро вы развеетесь, и ваша душа будет потеряна для мироздания. Давайте так сделаем, вы сейчас определитесь, куда пойдете, а я похлопочу, чтобы в очередь на реинкарнацию вас поставили так быстро, как можно.

— Я должна присмотреть за сыном.

Так, приехали.

— Вы думаете, ему плохо без вас?

— Мальчик, а тебе было бы легко без мамы?

Гм! С таких позиций я эту проблему не рассматривал. Действительно, мне было бы не слишком сладко. Скажу больше, мне это совсем не понравилось бы. Даже странно, но я почувствовал к этой несчастной душе жалость. Жалость для черта чувство в высшей степени странное. Если мы начнем жалеть всех грешников… С другой стороны, никто не доказал, что эта женщина — грешник. Раз так, то жалость к ней вполне законное чувство. Запутавшись в этом противоречии, я озадаченно уставился на призрака. Ну и что мне теперь делать? Задачка-то оказалась гораздо сложнее, чем я решил вначале.

— Ну что вы хотите?

— А хочу воспитать сына. Присмотреть за ним.

Тыкс.

— Я присмотреть за вашим сыном не могу. Этим у нас ангелы-хранители занимаются. И одного к вашему сыну уже наверняка приставили.

— Приставили или наверняка приставили?

Я почесал затылок.

— Мадам, давайте договоримся так. Я завтра с утра узнаю все, что можно, в разных наших учреждениях о дальнейшей судьбе вашей семьи и вашего сына, а потом приду, и мы поговорим. Хорошо?

— Ты не нарушишь обещания?

Я даже засопел от обиды.

— Мадам, поверьте, я не меньше вас заинтересован в благополучном исходе этого дела.

— Я запомню это обещание, — прошелестела пустота… пустота? Я заозирался по сторонам — призрака нигде не было видно. Я даже сплюнул с досады. Привязанности, долг… какая привязанность, если тебе грозит исчезнуть из мироздания навсегда? Все-таки эти люди чокнутые. Что при жизни, что после.

— Как вас хоть зовут?! — закричал я.

— Зоя, — донеслось издалека.

В самом скверном настроении я возвращался обратно. Не хватало еще заблудиться в этих коридорах. Тут я заметил, что в руке по-прежнему сжимаю просвирку. Со злости я запулил ею об стену.

— Народная примета, верное средство, — передразнил я брата. — Знаток народных примет, блин. Чтобы я еще раз у него совета спрашивал… Как был двоечником, так и остался. Правильно дядя говорит… Ксефон!!! Ты что здесь делаешь?

За всем этим я совершенно забыл о том пари, что заключили Викентий и директор школы. Впрочем, оно и к лучшему. Разыграть удивление так, как сейчас, у меня не получилось бы.

Ксефон злорадно ухмыльнулся.

— А ты что, думаешь, одному тебе так подфартило — попасть на практику в министерство наказаний? Меня тоже приняли.

— На должность подносчика дров? — съехидничал я.

— А вот никогда не догадаешься, какое у меня практическое задание! И даже не проси.

— Больно надо, — скривился я. — Опять затеял, поди, что-нибудь тупое и безыскусное. На настоящее дело ведь мозги нужны.

— А вот мы и посмотрим, у кого они есть, а у кого нет, — с угрозой произнес он.

Ясно, у кого их нет. Тут даже к гадалке не надо ходить. Если ты замышляешь подлость против кого-либо, то не надо об этом кричать. А только на подлость такого типа, как Ксефон, и хватает. Никогда ему не стать не кем иным, кроме как мелким бесенком, способным только досаждать добрым людям. Он не в силах даже оценить красоту Игры.

— Ну что ж, успеха желать не буду, но трудись. Труд облагораживает.

Ксефон что-то прошипел в ответ и зашагал дальше по коридору, делая вид, что моя персона его ничуть не интересует. Я спрятал злорадную ухмылку и пошел своей дорогой. За поворотом моментально достал из рюкзака мину-вонючку и прикрепил ее к стене. Мина эта совершенно не опасна, но если кто-то вздумает пойти за мной… Я быстро прошел по коридору и свернул за угол. Замер, прислушиваясь. Вот раздался хлопок. Следом какие-то странные звуки, как будто кого-то рвало. Через мгновение, с зажатым руками ртом, мимо меня пронесся Ксефон. Я проводил его кривой ухмылкой.

— Это единственное предупреждение, которое ты получишь от меня, — заметил я ему вслед. — Не вставай у меня на пути.

Вряд ли он меня расслышал, а намеков этот тип совершенно не понимает. Что ж, тем хуже для него. Пожалуй, на сегодня о Ксефоне можно забыть. Надо воспользоваться этим. Завтра он наверняка будет гореть жаждой мщения. Эх, а я уже хотел домой отправляться. Вот всегда так, придет такой вот тип и настроение испортит окончательно.

Я резко изменил направление своего движения и направился в кабинет администратора министерства. Тот как раз куда-то собирался уходить.

— Господин администратор, — подбежал я к нему.

— А, это ты, Эзергиль. Племянник такого милого ангелочка Монтирия. — В глазах администратора промелькнуло нечто такое, что я сообразил: администратор мне не помощник. Мешать вряд ли будет, но помогать точно откажется. — Я тут встретил своего одноклассника…

— А, Ксефон. Знаю-знаю. Милый мальчик. Раз уж мы взяли на практику одного школьника, то я решил, что могу взять и еще одного. Помощники нам нужны. Так сказать, растим смену. — Администратор захихикал. И опять я почти тут же понял, что он прекрасно знает, для чего тут Ксефон. Впрочем, иначе и быть не могло. Интересно, какую долю он выторговал из предполагаемого выигрыша Викентия за прием Ксефона на практику в министерство? Наверное, тоже четвертую часть. Впрочем, в знании администратора для меня было больше плюсов, чем минусов. Если бы он мешал из вредности, то мог бы сильно осложнить мне работу. Сейчас же он связан договором, заключенным Викентием и директором. Иначе Викентий проигрывает. А с ним проигрывает и администратор.

— Да, очень милый, — кивнул я. — Мы с ним сейчас очень мило побеседовали.

Администратор очень внимательно осмотрел меня. Видно, искал на лице следы «милой беседы». Ну пусть поищет. Кажется, администратор был чем-то расстроен.

— Господин администратор, я к вам вот зачем, собственно, шел. Мне нужен доступ к архивам. Мне необходимо выяснить все о той женщине…

— Женщине?

— Ну душе той женщины, что сейчас летает между мирами. Понимаете, чтобы понять, что ее держит на Земле, я должен знать все о ней.

— Я думал, ты для того ту душу и отправился разыскивать, чтобы спросить.

— Ну я спросил. Однако вопросов у меня возникло больше, чем ответов. И первый из них: отчего она умерла. На мой взгляд, она была еще достаточно молода. Ей еще лет пятьдесят можно было жить.

— Ну тут я ничем помочь тебе не могу. Разве всех умерших упомнишь. К тому же этот призрак, сам понимаешь, через нашу канцелярию не проходил. А в архиве, пожалуйста, работай. Мы должны поощрять энтузиазм молодых. Доступ я тебе завтра выпишу.

Одним словом, мешать я тебе не могу, но и помогать не буду. Ладно, сыграем по вашим правилам. Все равно я выиграю этот спор. Тут уже пошло на принцип.

— Замечательно, господин администратор, только можно сегодня доступ получить?

— Сегодня? Мальчик, уже почти восемь. Хватит работать. Меня ведь могут обвинить в том, что я заставляю трудиться несовершеннолетних.

Я молча достал приготовленный листок.

— Вот расписка, что все добровольно.

Администратор секунду тупо изучал протянутый мною листок.

— Да, в тебе сразу видно племянника Монтирия. Узнаю хватку. Но, малыш, видишь ли, у меня все осталось в кабинете.

Если чиновник не хочет что-то делать, то его очень трудно заставить это сделать. Если не дать ему взятки, конечно. Это мы проходили. Помнится, тогда к нам в школу специально приводили душу одного чиновника из «баньки» на урок по психологии по теме «Чиновники и народ». Он тогда много чего интересного рассказывал. Однако взяток я давать не собирался. Стоп.

— О, — огорчился я. — Очень жаль, господин администратор. Ладно, тогда до завтра.

— Конечно, — улыбнулся администратор. — Зачем торопиться.

— Вот и я так подумал, — согласно кивнул я. — Ладно, тогда я побегу, мне надо успеть на последний экспресс до рая.

— До свиданья, ма… что?! До рая?!

— Ну да. Дядя меня пригласил к себе в гости. Правда, я сказал, если успею. А раз я закончил раньше, чем полагал, то вполне успеваю на экспресс. Я ему столько интересного расскажу. И по поводу дальнейших планов.

— Э-э, ты расскажешь и о… да… Знаешь, малыш, я, кажется, забыл в кабинете очки. Да, именно очки. Вот незадача. Слушай, если я все равно возвращаюсь, то могу сразу оформить тебе допуск в архив. И тебе не придется ждать до завтра.

— Ну не знаю, — засомневался я. — У меня уже и желание работать пропало. Я как-то настроился на поездку к дяде. Столько впечатлений за сегодня.

— Н-да. Если ты уверен… О-о, слушай, у меня в кабинете шоколадка есть. Ты любишь шоколад? Сейчас чайку организуем. И ты мне расскажешь о своих впечатлениях. Понимаешь, как администратору мне интересно впечатление о нашем министерстве человека со стороны. А потом я все доложу самому министру. Понимаешь?

— Я даже не знаю, господин администратор. Мне совершенно не хочется вас отвлекать.

— Да что ты, мне приятно будет с тобой пообщаться!

— Гм, ну… не знаю. Если вы уверены, что вам позволяет время… вы же только что куда-то торопились…

— О, не переживай. Все это подождет.

— Тогда, может, вы поможете мне с поиском? Сами понимаете, что я долго могу лазить в архиве. А такой талантливый администратор, как говорит мой дядя, просто гениальный, может сильно помочь мне. А еще дядя говорит, что вы единственный администратор из всех ваших чиновников, с которым приятно работать.

— Что?! Помочь тебе?!! Гм… кх… да… А что, дядя правда так говорит?

Я серьезно кивнул. Как там нам говорили на уроке управления? Чуть-чуть напугать, чуть-чуть подольститься… что там дальше?

— Честно-честно. Но я так понимаю, что времени у вас нет…

— Ладно, пошли, помогу тебе. Так и быть. Всему-то вас, молодых, учить надо.

А дальше сделать вид, что тебе интересны поучения старших. Они любят учить. Но еще больше любят, когда им с почтительным уважением внимают.

— О, а вы можете рассказать что-нибудь из вашей практики? Наверное, жутко интересная у вас работа?

— Жутко, да-с. Ну слушай… — Администратор слегка приобнял меня за плечо и повел в свой кабинет. — Вот помню один случай. Попал как-то к нам один грешник, да нахальный такой…

В архиве было немного пыльно, хотя уборку здесь явно проводили постоянно. Администратор равнодушно прошествовал мимо ряда бесконечных стеллажей со свитками, книгами, какими-то листами. Чуть дальше стояли ряды компьютеров.

— Как видишь, — с гордостью оглядел администратор компьютеры, — мы тоже идем в ногу со временем.

Если я что и видел, так это бесконечный ряд полок, уходивших за горизонт. Еще бы, здесь ведь собраны сведения обо всех живущих когда-либо на Земле людях. Все сведения о них. И как мне здесь искать?

Администратор явно уловил мою тревогу и рассмеялся.

— Что, думал, придешь в архив и все сразу найдешь? А вот и нет. Ладно, покажу, что тут к чему. Туда вон можешь не ходить. Там еще с дохристианских времен. Достались нам по наследству от прежних хранителей. Твоей души там точно нет. Здесь вот полки расположены по столетиям. Здесь первое столетие

христианской веры. Тут второе. Нам нужен второй десяток. Раз, два, три, четыре… — Администратор шел по рядам и касался рукой каждого ряда, не прерывая счет. — …Двадцать, — закончил он. — Вот наш ряд. Сам понимаешь, все равно работы много. Тут существует система поиска. Берем дату смерти. Точно ты не знаешь?

Я замотал головой. Об этом я как-то забыл спросить.

— Стоп! — Администратор замер и почесал лоб. — Совсем забыл, что наш милейший призрак еще не регистрировался у нас. Значит, те сведения хранятся в отделе живых. Это вон там.

Администратор уверенно повел меня к отдельно стоявшему сектору. Интересно, если бы я сюда заявился без него, то сколько бы времени мне пришлось потратить на поиски нужных мне сведений?

— Тэкс. Итак, подойди вот сюда, обхвати руками вот этот темный шарик, закрой глаза и представь того призрака.

Я без вопросов выполнил просьбу. Призрак вдруг всплыл в памяти с поразительной четкостью. Я даже удивился. Тут в моем мозгу стало твориться черт-те что, прошу прощения за каламбур. Призрак вдруг потерял свое свечение, и перед моим мысленным взором предстала человеческая женщина. Не призрак, а именно женщина. Она была одета во что-то типа сарафана. Она мягко улыбалась и манила за собой. Подошла к определенному месту на стеллажах, коснулась какого-то футляра и исчезла. Я открыл глаза и поморгал. Ошарашенно потряс головой.

— Ага, вижу, ваш поиск прошел успешно. Итак, где те сведения, что тебе нужны?

Все еще ошеломленный, я потряс головой. Оглядел зал. Только сейчас я заметил, что такие шары понатыканы около каждого стеллажа. Еще по шару располагалось рядом с рядами. И один довольно большой темный шар стоял перед самым входом в архив. Администратор заметил мой интерес.

— Ну да, — кивнул он. — Шары поиска у каждого стеллажа. Если ты не знаешь точных сведений, можно сделать поиск по столетиям вон по тем шарам. А ежели не знаешь и столетие, то поиск придется делать по всему архиву. Сам понимаешь, чем больше объем поиска, тем дольше придется искать. Так где нужные сведения?

Я подозрительно покосился на администратора. Чего это он так торопится? Сначала никак не хотел выдавать пропуск в архив, пришлось немного попугать дядей. Теперь вдруг заторопился. А не означает ли это, что он сам хочет получить эти сведения? Ведь если призрак не регистрировался, то никто о нем ничего толком не знает. А разглядеть призрак, если только тот сам не заговорит

с вами, невозможно. Выходит, я единственный, кто может описать этот призрак и отыскать его в архиве. Администратор же в этом деле явно не на моей стороне. Нет, первое мгновение мне удалось его одурачить, но сейчас он, кажется, очухался и понял, что, помогая мне, проигрывает деньги. Открыто помешать он не может, тем более, если уже взялся помогать. Вот проклинает сейчас, наверное, меня. Но ему никто не мешает чуть-чуть помочь другой стороне, в пределах возможности, понятно. Ладно, посмотрим.

Я покачал головой.

— Увы, не знаю. Я так удивился, увидев этот ваш поиск, что открыл глаза раньше времени. Эта женщина пошла куда-то туда. — Я неопределенно махнул рукой.

Администратор скривился, даже не пытаясь скрыть разочарования. Я хмыкнул — похоже, моя догадка попала в цель.

— Что ж, пробуй еще раз.

Я обошел шар.

— А знаете, этот призрак не может быть в отделе неопределившихся? То есть умер человек, но еще не знает, где он?

— А как ты таких будешь вылавливать? Вот душа развеется, и сразу будет все ясно. Личное дело таких людей тут же чернеет. Бери и смотри. А пока душа существует, то как тут найдешь ее дело, ежели не зарегистрирована?

Администратор отвернулся и прошелся вдоль стойки. Вот момент! Я хотел было уже выхватить из полки нужную мне папку, как вспомнил кабинет директора. Хм! А вдруг? Я внимательно, но осторожно осмотрел все вокруг. А чего это муха тут ползает? Откуда в этом хранилище может быть муха? Я опять покосился на администратора. Тот старательно искал что-то на другом стеллаже. В мою сторону он даже не смотрел. Ну что ж, сыграем в эту игру. Недаром у меня всегда было отлично по наведению морока. Я создал собственный морок и направил его вдоль полок. Сам же я одновременно с этим навел морок на себя, сделавшись невидимым. Только бы администратор не повернулся. Безмозглую муху мне обмануть удастся, а вот администратор министерства мой нехитрый фокус раскусит моментально. Обманутая муха поползла следом за фантомом. Я же мгновенно очутился около той ниши, куда подводила меня женщина из мысленного поиска. Ага, вот она, эта папка. «Зоя Павловна Ненашева», — прочитал я. Отлично. Нехитрым приемом уменьшил талмуд до карманного блокнота и сунул его за пазуху. Как я знал, подобным способом кодировали папки почти во всех архивах. Иначе пришлось бы погрузчиками бумаги возить. Теперь

можно и моим фантомом заняться. Тот замер около другой папки и огляделся. На этом его задание закончилось. Все-таки эти фантомы примитивны до ужаса. Только и могут простейшие команды выполнять. Я прищурился, стараясь разглядеть то, что видит фантом. Это у меня на занятиях получалось не очень хорошо. Ничего, самое время потренироваться.

Мысленно сосредоточившись, я наконец разглядел ряд папок. Найдя ближайшую, где было указано имя женщины примерно одного возраста с призраком, я заставил фантом достать эту папку. Оглядеться. Сам же я неторопливо приближался к фантому, стараясь не привлечь внимание мухи. Наконец я слился с фантомом и рассеял морок. Фух, вовремя. Администратор начал поворачиваться. Я молниеносно сунул папку на место и отскочил от стеллажа. Администратор повернулся. На его губах играла улыбка. Во взгляде на миг промелькнуло торжество. Однако это чувство было настолько мимолетно, что я едва не пропустил его. Если бы не смотрел специально, точно бы не заметил. Все-таки администратор — мастер. Только вот он слишком снисходительно отнесся ко мне. Да и что с мальчишки возьмешь? Соплячок еще. Таких учить надо. Что ж, со всем смирением примем науку.

— Ну что? Будешь еще раз пробовать? А то мне уже по делам пора идти?

Я с сомнением оглядел все вокруг.

— Господин администратор, да вы идите, я теперь понял, как искать, и все сделаю.

— Увы, малыш, не могу. Правила не позволяют оставлять в архиве постороннего без присмотра. А архивариус, как видишь, уже ушел. Так что до завтра. — Администратор глянул на руку. Из ободка, прикрепленного ремешком к руке администратора, высунулась голова летучей мыши и проворчала:

— Двадцать один час тридцать две минуты. Совсем поспать не дадут. Каждые пять минут смотрит. Я что, кукушка?

Администратор покраснел.

— А ну цыц мне! А то мигом в утиль отправлю. Куплю вместо тебя какие-нибудь механические человеческие часы. Сейчас и мода на разные человеческие вещи пошла. Будешь знать, как поучать меня!

Я мысленно усмехнулся. Каждые пять минут смотрел. Ясно, считал время, когда в рай уйдет последний экспресс.

— Ну ладно, — печально вздохнул я. — Раз сегодня не получилось, то отложим до завтра. Я приду пораньше.

— Ну зачем так себя напрягать? Не торопись, малыш. Архивариус все равно раньше десяти не приходит.

— Тогда завтра в десять приду.

— Вот и хорошо. Пошли. Я сейчас запру дверку. А завтра ты придешь и посмотришь все, что тебя интересует.

Я согласно кивал и тайком щупал карман, где лежало личное дело Зои Павловны Ненашевой. Настроение было умиротворенным. Несмотря на начальный практически полный провал, день закончился просто великолепно.

Тепло попрощавшись с администратором, я вышел из министерства.

— Ну, поехали домой, — пробормотал я. — А все-таки денек сегодня был замечательный.

Глава 4

Дома я постарался как можно скорее отделаться от всех дел и, сославшись на занятость, что, собственно, было правдой, закрылся у себя в комнате. На всякий случай закрылся не только на замок (у брата уже наверняка есть ключ), но и подпер дверь стулом. Теперь можно заняться и нашей заблудившейся душой. Я скинул тапочки и плюхнулся на кровать, подложив подушку под локоть. Достал личное дело и увеличил его в размерах. Взял первый том. Тэкс, что тут у нас? Прошлые реинкарнации. Это нам совершенно ни к чему. Может, потом и почитаю, если будет интересно, но в настоящий момент есть дела и поважнее.

Отложив первый том, я взял второй. Вот это то, что нужно. Ага, дата рождения.

— Ух ты, какая кроха, — пробормотал я, разглядывая фотографию карапуза, с интересом рассматривающего что-то впереди.

«Зое один год» — было подписано под фотографией.

— Это нам тоже не надо. Смотрим дальше. Зоя идет в первый класс. Зою принимают в пионеры. Интересно, но опять не то. Ага, вот свадьба, а это, значит, ее муж. Судя по тому, что мне говорил призрак, этот еще живой. А вот их сын.

«Алеша» — прочитал я под фотографией.

— Вот с этого момента поподробней, — приказал я папке.

— Мал еще приказывать, — сердито отозвалась та. — Вот скажу архивариусу, что ты вынес меня из архива.

— По-моему, у нас в зале был камин, — задумчиво пробормотал я. — Кажется, там для растопки ничего нет.

— Ну ладно, ладно, — испуганно пробормотала папка. — Шучу я, шучу. Уж и пошутить нельзя.

— Тогда подробности давай! — рявкнул я.

— Ну вот, не успел даже хвостом обзавестись, а сразу приказывать. Нет чтобы по-человечески отнестись. У меня, чай, тоже есть душа.

Я молча встал с постели и направился с папкой к выходу.

— Нельзя сказать, что брак нашей героини Зои Павловны был счастливым, — затараторила папка. Я опять скинул тапки и залез в кровать, развернув папку так, чтобы было видно картинки, которые она мне демонстрировала. — Первоначально все складывалось хорошо (фотографии счастливой пары), но постепенно ее муж начал выпивать. С каждым разом он пил все больше и больше (фотография мужчины, стоящего в дверях квартиры и опирающегося о косяк). Начались скандалы. Вскоре в

семье Ненашевых родился ребенок, которого назвали Алешей (фотография карапуза).

— Дальше я и сам могу догадаться, — перебил я папку. — Муж начал выпивать все сильнее и сильнее. Наш клиент.

— Точно. Я слышала от других папок, что для него уже подготовлено местечко. Как только копыта отбросит, сразу его там и примут.

— Это меня не интересует. Ты лучше скажи, чей клиент эта Зоя, наша или Их. — Я многозначительно ткнул пальцем в потолок.

— Если она столько времени терпела того пьяного урода, то Их. Святая женщина.

— Если она такая святая, то почему она не Там, а мотается между мирами?

— Из-за сына. — Папка вдруг зашелестела страницами, пролистнув сразу страниц сто. — Смотри.

Во весь разворот папки вдруг появилась картинка и ожила. Я словно смотрел телевизор. Возникло изображение довольно симпатичного чернявого мальчишки лет двенадцати, который сидел в углу и тихо плакал. Его щуплую фигурку чуть закрывал какой-то дядька, одетый вполне прилично. Правда, его слегка пошатывало.

— Ну что, ворюга!!! — шипел он на мальчишку. — Опять деньги взял?!!

— Не надо, папка! — испуганно повторял мальчик. — Не надо! Ты же их сам взял!

— Ты еще и врешь мне, наглец!!! Мать умерла, и ты совсем распустился! Ну ничего, я за тебя еще возьмусь! Я из тебя человека сделаю!!!

Мужчина начал расстегивать ремень.

— Я из тебя сейчас дурь вышибу!

— Не надо, папка! Я больше не буду! Я обещаю!!! — Опустив палец на картинку, я заставил ее замереть.

— Кто взял деньги?

— Отец Алеши. Вчера он пришел пьяный, но ему, похоже, не хватило. Он взял деньги и купил еще бутылку. Сегодня об этом забыл, — четко отрапортовала папка.

— Ясно. — Я убрал палец. Картинка снова ожила. Пропустил я не очень много. Отец уже вовсю нахлестывал ребенка, не разбирая, куда попадает его ремень.

— Я из тебя сделаю человека! Я сделаю из тебя человека!

Мальчик уже даже не плакал, просто стонал, пытаясь закрыться от ударов руками. Вот он что-то прошептал.

— Стоп! — закричал я. Картинка моментально замерла. —

Ну-ка, отмотай чуть назад. — Папка молча выполнила мою просьбу — А теперь включи звук на максимум. Я хочу услышать, что сказал мальчик.

— Могу прочитать по губам, поскольку даже на максимуме звука ничего не услышишь. Слова он не произносил.

— Тогда читай!

Картинка снова ожила.

— «Я убью тебя, — начала говорить папка. — Клянусь, убью! За мамку убью!» Все. Больше он ничего не говорил. Продолжать показывать дальше?

Я захлопнул папку.

— Не надо. Суду все ясно. Теперь понятно, почему душа этой Зои носится между мирами. Насколько мальчик был серьезен, когда произносил те слова?

— Он был совершенно серьезен.

Я поморщился.

— Я не так спросил. Какова вероятность того, что он выполнит свою угрозу?

— Если бы в этот момент у него в руке был нож, то он выполнил бы ее моментально. А так… я тебе не аналитический отдел.

— О, перестань! Ты ведь уже столько, наверное, насмотрелась на людей, что и без аналитического отдела можешь все сказать.

— Тогда скажу так. — Обложка папки слегка покраснела от смущения. — Когда-нибудь этот воспитатель своего сына доведет. И либо Алеша прирежет своего папашу во сне, либо убьет, когда подрастет.

— Ясно. И отправится этот Алешка после этого прямой дорогой к нам. И одну реинкарнацию его душа потеряет. Гм… — Я задумался. — Мать его, понятно, этого не хочет. Но и сделать ничего не может. Да-а, дела. А что он там говорил про мамку? Типа за мамку убью?

— А-а, это. Как-то два года назад муженек Зои напился и избил жену. Избил на глазах сына. В общем, отбил ей печень. Тогда она долго болела.

— Вот как. — Я задумчиво побарабанил пальцами по подушке. — А в смерти Зои есть вина мужа?

— Прямая. Ее смерть — следствие того избиения.

— Ясненько.

Я отложил папку и соскочил с кровати. Заходил по комнате. Ну, дядечка, спасибо тебе за мою летнюю практику. Низкий тебе поклон за нее. Это что же выходит, чтобы душа Зои нашла успокоение и соответственно мне поставили зачет за практику, надо решить проблему ее мужа и сына? Ну просто замечательно.

Я что, похож на ангела-хранителя? Я подошел к зеркалу. Совсем не похож.

— Огромное спасибо тебе, дядя! — крикнул я в потолок. В бешенстве я запустил в стену подушкой. Может, еще ногами потопать? Истерику закатить? Нет, для меня это уже пройденный этап. Родители не поймут-с. Интересно, а от этой практики отказаться можно? Нет, вряд ли. Викентий точно не допустит. Да и с директором школы после этого у меня будут отношения натянуты. А ссориться с директором не годится. Викентий тогда меня точно со свету сживет. Хоть школу меняй. Но это будет признанием поражения. Фиг им. Что же мне все-таки заниматься семейными разборками? Ну просто прелесть.

Я плюхнулся на кровать и надел подушку себе на голову.

— Мама, роди меня обратно, — буркнул я. — Я, в конце концов, черт, а не семейный психолог. И я, как черт, заинтересован, чтобы в ад попадало как можно больше душ! Да ни фига я не заинтересован, — тут же поправился я. Уже прошли те времена, когда между чертями устраивали соревнования, кто больше людей совратит с пути истинного. Такие войны тогда происходили из-за этого с раем. Сейчас по договору эти соревнования уже лет семьсот как отменены. Чтобы не накалять обстановку, так сказать. Тем более один клиент уже точно наш. Но на кону еще две души.

— И что ты решил? — поинтересовалась папка, которой, видно, надоело созерцать меня с подушкой на голове. Я скинул подушку туда, где ей место, и убрал папку в ящик стола.

— Не твое дело, — буркнул я, захлопывая крышку. — Можно подумать, у меня есть выбор. И зачем я тогда напросился с дядей в это министерство? Не ходил бы туда, не встретил бы ту душу…

Я глянул на часы. Батюшки! Уже три часа утра. А мне завтра надо быть в архиве, чтобы успеть положить личное дело Зои Ненашевой на место. Я поспешно разделся и залез под одеяло. Главное — завтра не проспать.

«Завтра» я, конечно, проспал. И никто меня не разбудил. Ну конечно, раз у родного сына каникулы, то будить его не надо! И папа, и мама уже благополучно забыли, что у меня идет летняя практика. Впрочем, глупо винить кого-либо в собственных ошибках. Застегивая на ходу рубашку, я ворвался на кухню, вытащил из холодильника бутерброды и тут же стал запихивать их в рот.

— Ты куда это? — крикнула мне вслед мама. — Сядь, поешь нормально!

— Некубу-бубу, — внятно ответил я.

— И сначала прожуй, а потом говори! — сделал мне

замечание брат.

Я с трудом проглотил еду.

— Некогда, говорю! Мне уже на практике надо быть!

— Опять вчера до полночи читал свои приключения, а сейчас проспал! — проворчал брат. Я показал ему язык и скрылся за дверью, прежде чем он успел что-либо ответить.

— Мать, ты видела?! — услышал я его крик. Я поспешно выскочил на улицу и бросился по лужайке к воротам, спеша поскорее покинуть наш дворик. Вдруг еще остановят.

— А ну стой! — донесся крик отца.

Я сделал вид, что не услышал, и махнул рукой такси.

— К министерству наказаний, — попросил я, плюхаясь на сиденье. Машина тут же тронулась с места и скрылась за поворотом. Догнать меня никто не успел.

Подъезжая к главному подъезду министерства, я мечтал увидеть там дядю. Вот тогда я ему выскажу все, что о нем думаю. Все, что накипело. Я ему все объясню…

Дяди у входа конечно же не оказалось. Так. Я подошел к ближайшему столбу, где сидел ворон.

— Дай рай! — буркнул я.

— Кого тебе? — прокаркал ворон.

— Дядю. Номер шестьдесят три шестьсот.

Ворон склонил голову набок, к чему-то прислушиваясь.

— Абонент временно недоступен, — прокаркал он.

— Тьфу. — Я понял, что сегодня ничего высказать дяде не смогу, и направился к министерству.

— А платить кто будет? — сердито спросил мне вслед ворон.

— За что платить? — обернулся я.

— За разговор!

— За какой разговор?! — взвился я. — Вымогатель! Вот пожалуюсь на тебя в министерство связи.

— Паду-у-умаешь, — протянул ворон, — какие мы важные!

Я отвернулся и стал уходить.

— Хам, — крикнул мне вслед ворон.

— Сам, — бросил я через плечо.

Показав на входе свой пропуск, я направился сразу в архив. Уже на спуске в подвал я услышал чей-то могучий рык:

— И что с тобой теперь делать, болван! Ты понимаешь, что ты едва не перепутал всю отчетность?! Да хрен с ней, с отчетностью!! Как ты посмел?! Я тебя спрашиваю, как ты посмел переставить папки и положить личное дело живого человека в отдел мертвых?!! Ты своими куриными мозгами понимаешь, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!!!

Я осторожно приоткрыл дверь и пронырнул в архив. Там я

застал довольно интересную картину. Бледный от ужаса Ксефон был прижат могучего сложения чертом в угол. Этот черт угрожающе качал перед носом Ксефона довольно увесистой тростью. Ксефон же прижимал к груди папку.

— О-о, — протянул я. Кажется, Ксефон что-то натворил. Настроение начало медленно подниматься. В этот момент Ксефон заметил меня и поспешил громко сообщить об этом, надеясь отвести от себя грозу. Черт развернулся ко мне. Его глаза грозно сверкнули.

Я поспешно заговорил так вежливо, как только мог.

— Доброе утро, господин. Вы, наверное, архивариус? Мне господин администратор говорил, что вы будете только сегодня. А я практикант из школы. Мое имя Эзергиль. Мне необходимо поработать в архиве. Вы позволите?

Лицо черта разгладилось. Он заметно подобрел.

— Вот! Сразу видно хорошее воспитание! Эзергиль, ты должен получить пропуск у администратора. Хотя! — Голос архивариуса взлетел на две октавы. — Я думаю, что администратор уже становится неразборчив, когда выдает пропуска!!!

— У меня есть пропуск. Я его вчера получил. Вот он, пожалуйста. А что тут случилось?

— Что случилось?! Что случилось?! Я сегодня прихожу пораньше, поскольку мне надо было провести ревизию по прошлому столетию. Надо составить списки на реинкарнацию по нашему ведомству. Работаю. Вдруг заходит вот этот тип. Я надеялся, что он как воспитанный черт подойдет ко мне, представится, объяснит, по какому делу пришел. И ежели у него есть пропуск и его дело важное, то я помогу ему чем смогу. А этот что делает?!

— Что? — заинтересовался я.

— Что!!! Он крадется к полке, на которой стоят личные дела живых людей. Достает одну папку и засовывает ее на полку с уже умершими!!! Хорошо, что я увидел!!!

— Кошмар!!! — ужаснулся я, хохоча в душе. Значит, моя хитрость удалась. Администратор все-таки подглядел, какую папку я смотрел, и рассказал все Ксефону. Тот, в силу великого ума, не нашел ничего лучшего, как тайком пробраться в архив и спрятать папку от меня. Урок же, на котором нам рассказывали о строгости хранения данных и влиянии этого хранения на людей, он, естественно, прогулял. Так, знать о том, что папка просто не могла стоять не на своем месте, он не мог. Тут такой бедлам бы наступил, что всем ангелам известно стало. Комиссий понаехало бы. А потом еще работа по исправлению всех последствий на

Земле.

— Ты этого типа знаешь?! — вдруг подозрительно спросил архивариус.

Я печально вздохнул.

— Имею такое несчастье. Этот тип — мой одноклассник. Он тоже проходит здесь практику. Правда, я понятия не имею, в чем его работа заключается. Он только под ногами у всех путается и мешает. Вчера за мной следил.

— Больше он ни у кого путаться под ногами не будет! — с угрозой заметил архивариус, хватая Ксефона за ухо. Тот взвизгнул. — Вот что, Эзергиль, я вижу, ты парень серьезный. Побудь тут пока. Проследи, чтобы никто не прошел сюда. Говори, что я никого не велел пускать до своего прихода. А я пока этого типа отведу к администратору. А заодно выскажу этому старому дураку все, что о нем думаю.

— Конечно, господин архивариус. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Ксефон ожег меня ненавидящим взглядом, но тут же завизжал, когда архивариус потащил его к выходу. Я скорчил Ксефону рожу. Тот попытался мне ответить, но именно в этот момент архивариус дернул его слишком сильно, и Ксефон закричал от боли. Вскоре его крики затихли вдали коридора. Я молниеносно очутился около знакомого мне стеллажа и сунул папку с личным делом Зои Ненашевой на место.

— Вот и отлично. — Представив, что сейчас творится у администратора, я захихикал. — Нет, после архива надо обязательно будет к нему зайти.

Все еще смеясь, я плюхнулся в ближайшее крутящееся кресло и оттолкнулся от пола ногой. Стул раскрутился. Все-таки что ни делается — все к лучшему. Не проспи я сегодня — не увидел бы такого захватывающего зрелища. Да и вернуть папку на место было бы проблематично под пристальным вниманием архивариуса. Да и Ксефон при виде меня воздержался бы от разных глупостей. Но что же мне делать с моей практикой?

Вскоре вернулся архивариус. Он каким-то образом умудрился пребывать в сердитом и веселом настроении.

— Все, — сообщил он. — Больше этот идиот нас не потревожит. Я сразу предупредил администратора, что если этот тип еще раз попадется мне на глаза, то я просто вышвырну его из здания, а на администратора напишу жалобу, что он выдает пропуска разным хулиганам, которые даже не понимают важности того, что здесь хранится.

— Боюсь, вам придется привести свою угрозу в исполнение, — заметил я. — Намеков Ксефон не понимает.

— Каких намеков?! — удивился архивариус.

— Ну вот вы его за ухо и в коридор. А надо было прямо сказать: «Больше, мол, не приходи сюда».

— Такой тупой?

— Ну-у-у… Обычно ему приходится все повторять дважды. — Чем хуже, тем лучше. Все-таки Ксефон был не таким тупицей, но… чего не сделаешь ради друга. Если друг тебя не похвалит, то кто это сделает?

— Понятно. Ладно, пусть отправляется куда подальше. А тебе что надо?

Я на миг задумался. Судя по тому, что я видел, вряд ли архивариус горит желанием помогать Ксефону. Думаю, он откажется это делать даже за деньги. Я решил честно все рассказать. Архивариус выслушал меня самым внимательным образом.

— Значит, твой дядя — ангел? — фыркнул он. — Что ж, бывает и хуже. Однако работку он тебе подкинул.

— Вот-вот. Я-то думал, поговорю с этой душой и все. Быстренько все сделаю.

— О-о, мальчик, поверь моему опыту, все окажется гораздо сложнее, чем видно на первый взгляд.

Хм-м! Я подозрительно покосился на архивариуса. Вроде как мыслей он не читает. Про то, что я забирал из архива личное дело Ненашевой, я благоразумно умолчал. А значит, я ничего не рассказывал из того, что узнал из папки. Следовательно, архивариус просто не мог знать всего того, что знаю я. Однако он сразу сказал, что дело сложное.

— Ладно, пойдем искать твою Зою. Скорее всего, она еще в отделе живых.

Мы проделали ту же процедуру, что вчера я проделывал вместе с администратором. Но на этот раз я ничего не скрывал и сразу направился к нужной папке.

— Вякнешь, что я тебя уже брал, отправлю в камин, — шепотом пригрозил я ей.

— Мы же друзья, как ты мог во мне усомниться?! — испуганно отозвалась та.

Я принес папку к столу и водрузил ее перед архивариусом. Тот нацепил очки и раскрыл ее.

— Ну-с, посмотрим, что тут у нас.

Вместе с архивариусом я читал и смотрел все то, что уже видел вчера вечером. Тот листал папку неторопливо. Иногда просил показать какой-нибудь эпизод из жизни Зои подробнее. Разглядывал фотографии. Вот он дошел до настоящих дней. Посмотрел кое-что из сегодняшней жизни семьи Ненашевых.

— Ясненько, — проговорил он. — Да, печально-печально. — Он задумчиво подпер подбородок кулаком и уставился в одну точку. Я не мешал ему. Наконец архивариус очнулся. — Почему-то люди думают, что черти лишены жалости. Да ничего подобного. Например, мне искренне жаль этого мальчика. Пропадет ведь. И с очень большой вероятностью он окажется в конце концов нашим клиентом.

— Но тем не менее это работа не для чертей! Она для ангелов. Это их работа помогать и спасать.

— Верно, но тут дело особое. Видишь ли, мальчик не верит ни во что. А раз так, то он вынужден противостоять всему миру в одиночку. А это ему не по силам. И раз он не верит, то ангелы здесь бессильны. А вот мы, то есть черти…

— То есть мы помочь ему можем?!! Но это не наша работа?!!

— Ну и что? Это не мешает попробовать.

— Вы хотите сказать…

— Ну да. Если ты чего-то не умеешь делать — это не повод, чтобы не попробовать. Ты же ведь хочешь заработать свой зачет по практике?

— Ну конечно!

— Тогда тебе придется эту проблему решать. Сам понимаешь, что этот призрак никуда не пойдет, пока будет волноваться за сына. И единственный способ для тебя заставить призрак определиться — это убедить его, что страхи за сына напрасны.

— Убить ее мужа и все дела! — буркнул я.

— Но-но! Не разрушай мое хорошее мнение о тебе.

— Да понимаю я, что глупость говорю. Это я так просто.

— Даже так просто не смей такого говорить. Ни мы, ни ангелы не можем вмешиваться прямо в жизнь людей. Это одно из основополагающих правил, установленных Им. Мы можем действовать только через людей. Но вот дам я тебе один совет… — Архивариус задумался. Потом кивнул. — Вот что, мальчик. Тебе надо съездить в рай. Раз у тебя там дядя, то он тебе поможет. Я же дам тебе записку тамошнему архивариусу. Посмотри еще их архивы. Понимаешь, у нас, конечно, полные архивы, но мы собираем в основном пороки. То есть следим за темной стороной человека. А там смотрят за светлой. Чтобы составить цельную картину, тебе не мешало бы ознакомиться и с теми архивами. Нельзя понять человека по-настоящему, если ты знаешь его только с одной стороны.

Я медленно кивнул.

— Спасибо. Пожалуй, так я и сделаю. Сегодня я еще поработаю здесь, а завтра отправлюсь в рай. Мне бы еще хотелось посмотреть личные дела Алеши Ненашева и мужа Зои Николая

Ненашева.

— Вот это правильно, — одобрительно кивнул архивариус. — Ладно, работай, мешать не буду.

— Ну что вы! Вы так мне помогли.

— Конечно, помог. Ты ко мне по-доброму, и я к тебе со всем почтением.

Архивариус добродушно усмехнулся и отошел. Я же вернул папку Зои на место и отыскал дело Николая. Ничего нового из нее я так и не узнал. Только понял, как он начал пить с компанией друзей. Но помочь мне это вряд ли могло. И картинки были те еще. Вот он наказывает сына за двойку. Вот бьет жену за то, что она прячет от него деньги, что мешает ему купить бутылку. Короче, точно наш клиент. И папка его была довольно увесистой, в отличие от папки Зои, хотя вроде как лет ему столько же. Ну ладно, об этом можно будет потом порассуждать.

Убрав все на место, я тепло попрощался с архивариусом и отправился разыскивать администратора. Нашел я его в комнате отдыха, где тот, похоже, успокаивал нервы. Я вежливо с ним поздоровался. Администратор наградил меня сердитым взглядом.

— Что там у вас произошло с Ксефоном? — хмуро спросил он.

— С Ксефоном? — сделал я круглые глаза. — Честное слово, ничего. Это он за мной следит.

— Почему ты решил, что он следит?! — поинтересовался администратор.

— Ну… догадался. Вот смотрите, я вчера нашел нужную мне папку, а сегодня Ксефон пробрался в архив и попытался ее перепрятать.

— Так ты вчера ее не нашел, — ехидно заметил администратор.

— Нашел, господин администратор, — печально вздохнул я, словно признаваясь в проступке. — Просто не сказал вам. Вы уж извините меня. Я хотел сам эту проблему решить и ни с кем не делиться. А потом все будут хвалить меня. Говорить, что я молодец.

— Тщеславие, — усмехнулся администратор. — Да, истинно чертовское чувство. Я тебя понимаю.

— Ну да. А то, что этот болван Ксефон решил переложить папку в раздел мертвых…

Администратор поморщился.

— Да уж. Тогда бы я точно вылетел с работы без выходного пособия. Чему вас только в школе учат?! — вдруг взорвался он.

— О-о, — с некоторым злорадством протянул я. — В школе нас хорошо учат. Но Ксефон знает на пять только один предмет.

— Какой это? — насторожился администратор.

— «Урокопрогуливание». Это у него великолепно получается. Со всей ответственностью заявляю, что по этому предмету он лучший в школе.

— Ох! — Администратор вдруг схватился за сердце. — Я ж ему выдал полный пропуск по всему зданию! Он только в особые отделы заходить не может.

Сочувствия к администратору я почему-то не испытывал.

— Да-а. А вы везучий черт.

— Почему это?

— Потому что Ксефон с этим пропуском ходит по зданию уже второй день, а у вас только одно происшествие.

На этой оптимистической ноте я попрощался с администратором, отправившись разыскивать в коридорах призрак, и столкнулся по дороге с Ксефоном. Тот сиял совершенно красным ухом и перекошенной физиономией. Я склонил голову набок и внимательно его рассмотрел.

— А знаешь, тебе идет. Хотя для симметрии надо бы и второе ухо увеличить. Если хочешь, могу по-дружески тебе помочь. Ты только попроси. Или я господина архивариуса позову. Думаю, он тоже тебе поможет с удовольствием.

— Я тебе еще это припомню! — прошипел мне Ксефон. — Я ведь догадываюсь, что это ты все устроил! Еще не знаю, как ты это сделал, но узнаю! И тогда берегись. — Он резко отвернулся и зашагал к администратору. Тот ждал его с самым мрачным видом. Я усмехнулся. Похоже, для бедняги Ксефона неприятности на сегодня не закончены.

На этот раз призрака я отыскал гораздо быстрее. По крайней мере гоняться за ним по всем коридорам не пришлось.

— Ты пришел? — прошелестел призрак.

Я поднес палец к губам и осмотрелся. Потом достал из кармана коробочку, где копошились три паучка. Их я собрал вчера у нас в саду. Полчаса лазил, пока нашел. Потом еще час потратил, настраиваясь на них. Пришлось даже повторить учебник по всевидению. Я посадил по паучку на каждом повороте.

— Вот так, мои золотца. Посидите здесь. И смотрите вокруг. Внимательно смотрите. — Я проверил, как работает связь. Смотреть через восемь паучьих глаз было не совсем привычно, но ничего. По крайней мере, головой вертеть не надо. И уж точно никто не подкрадется незаметно.

— Зачем это? — спросил призрак.

— А просто так. Люблю я пауков. Мания у меня такая. Некоторые кошек дома держат, собак. А я пауков. Куда ни иду, всегда их с собой беру. А сейчас вот им на прогулку пора. — Чего-

то сегодня я какой-то не в меру ехидный. Заболел, может? Ага, точно. Заболел. Как больному, мне полагается полный покой. Увы, но покой мне только снится. И пока с этим призраком не разберусь, он мне и дальше сниться будет. Значит, надо как можно скорее решить эту проблему.

— Бывает, — кивнул мне призрак.

Так, кажется, сегодня не у одного меня ехидное настроение.

— Между прочим, из-за некоторых я всю ночь не спал и уже с утра на ногах.

— Извини. Ты узнал о моем сыне?

Врать мне почему-то не хотелось, а говорить правду тем более.

— Он здоров, — уклончиво ответил я.

— Это я и так знаю.

— Э-э, видишь ли, как ты понимаешь, у нас тут в аду несколько односторонние сведения, — повторил я слова архивариуса. — Чтобы составить полную картину, мне надо заглянуть в архив рая. Ты согласна подождать еще один день? Получив все сведения, я снова приду.

— Ты что-то скрываешь. А я не могу уйти от кладбища. Не могу увидеть сына. Почему?

— Ну-у мне вот так трудно объяснить. Все дело в священной земле, которая мешает вам совершать ошибки…

— Неважно. Кажется, я знаю, как преодолеть запрет.

— На вашем месте я бы этого не делал. На кладбище вы в полной безопасности. Там сама земля защищает вас. За его пределами возможны всякие неприятности. В том числе и злобные призраки, которых уже заждались у нас. Однако они не спешат, идиоты. Впрочем, когда они начнут развеиваться, то сами прибегут как миленькие. Хотя мироздание не много потеряет, если эти души и исчезнут.

— Я должна увидеть сына.

— Я могу принести фотографию.

— Я должна увидеть сына!

— Или фильм принесу.

— Я должна увидеть сына!!! — Призрак вдруг всхлипнул и исчез.

Я озадаченно уставился на то место, где он висел только что. Почесал затылок. Ну в конце концов, если этот беспокойный призрак развеется, то это тоже будет решением моей проблемы. А пока можно и домой отправиться. Во-первых, надо выклянчить деньги для поездки в рай, во-вторых, поспать, в-третьих, собрать вещи. Но сначала надо добраться домой. Итак, едем домой.

Глава 5

Утренний межмировой экспресс в рай отходил в пять утра. Проклиная все на свете, я забрался на подножку вагона. Наверное, вставать с утра пораньше станет обыденностью на время практики. Ужас! Уже второй день подряд выспаться толком не могу. Надо было брать билет на семнадцать ноль-ноль. Но тогда на место я прибыл бы поздней ночью. А это еще хуже, чем вставать в пять утра. На платформе мне махала рукой мама.

— И не забудь менять носки! — прокричала она мне.

Я скривился. Проблема носков в данном случае занимала меня меньше всего. И в конце концов, мне уже не двадцать лет! Я в состоянии и самостоятельно позаботиться о себе. Вчера еще хорошо удалось отбиться от матери, которая настаивала на том, чтобы ехать со мной. Хорошо бы я выглядел, приехав на летнюю практику с матерью. Да меня бы в классе на смех подняли. Маменькин сынок, маменькин сынок!

Я торопливо забросил свою сумку на полку и высунулся в окно. Помахал рукой.

— Я ненадолго! — крикнул я, произнося эти слова, наверное, уже раз сто. — И дядя позаботится обо мне. — Представив встречу с дядей, злорадно улыбнулся. Наконец-то я смогу высказать ему все, что думаю о его задании, которое он для меня подыскал.

Наконец экспресс тронулся в путь. Я захлопнул окно и плюхнулся в кресло, в надежде немного вздремнуть. Щаз-з-з. Вздремнешь тут. Едва я закрыл глаза, как в купе ворвалась шумная компания из трех типов. Они явно только недавно получили документы совершеннолетних. А я-то уже надеялся, что буду здесь один. Ничуть не обращая на меня внимания, они принялись довольно громко обсуждать свои планы на ближайшие сутки по прибытии в рай. Моя догадка полностью подтвердилась — вся эта троица только вчера стали совершеннолетними, и они решили отпраздновать это событие путешествием в рай. Некоторое время я недовольно смотрел на них в надежде, что они все-таки заткнутся. Как бы не так. Они даже не обратили внимания на мою вежливую просьбу. Только один буркнул что-то типа: «Молчать, малявка». Значит, малявка?! Пришлось прибегнуть к радикальному средству. Я тихонько достал из кармашка небольшой пакетик с чесательным порошком и тихонько выдул его в комнату. Сам я тут же проглотил античесательную таблетку. Выждав немного, я начал усиленно чесаться, вертясь в кресле. Сначала на меня не обращали

внимания. Потом все-таки один заметил. Он недоуменно уставился на меня.

— Эй, что с тобой, парень?

Я махнул рукой и дружелюбно посоветовал:

— Да не обращайте внимания. Чесотка замучила. Вот еду лечиться. Говорят, в раю медицина классная. Болезнь, конечно, заразная, но не волнуйтесь, вас в раю тоже вылечат.

Через секунду я остался в купе один. Усмехнувшись, я откинулся на спинку кресла и уснул. Проснулся я оттого, что кто-то хорошенько меня встряхнул.

— Этот, что ль, чесоточный тут?

Я открыл один глаз. Рядом со мной стоял какой-то тип в костюме биологической защиты. Я недоуменно покосился на него. И только увидев за его спиной своих недавних попутчиков, сообразил, что к чему.

— Какой чесоточный? Это один из той троицы? — удивился я, махнув рукой за спину типа в костюме. — Не знал. Нет, вы вообще понимаете, что делаете?!! Да я родителям скажу, они вам такой иск вкатят!!! Вы что, своих пассажиров не проверяете?! Тут больные люди ездят, а что делает администрация?!

— Эй, это же ты больной! — возмущенно завопил один из троицы.

Я про себя усмехнулся. Сам же громко возмутился:

— Они еще на меня валят!!! Перекладывают с больной головы на здоровую, так я еще и виноват!!! Шеф, они же нарочно врут, чтобы никто не мог их заложить. А я вот. — Я залез в карман своей сумки и достал свою метрику и справку. В школе у нас перед каждыми каникулами проводили медосмотры. Эта же медицинская карта заменяла для несовершеннолетних документы. И я с гордостью продемонстрировал отметку «Здоров» в карте. — Да вы посмотрите на них!

Тип в маске обернулся. Мой порошок уже начал действовать, и все открытые места у троицы пошли красными пятнышками. Один из них уже вовсю чесался.

— Так!!! — Тип в маске грозно нахмурился. — Значит, вы решили надо мной поиздеваться?! Да?! Да еще все свалили на несчастного мальчика?! Ну что ж, посмотрим, во что вам это выльется. — Под протестующие вопли троицы он вытолкал их в коридор.

Кажется, праздник у этой троицы вышел изрядно подпорченным. С другой стороны, они сами виноваты. Я ведь их вежливо просил. Говорил, что устал. Все-таки быть вежливым — это великая вещь. Надеюсь, больше меня никто не потревожит. Ради его же блага надеюсь…

Где-то около девяти утра поезд миновал промежуточную станцию. Я с интересом разглядывал в окно роскошнейший дворец, в котором, как я знал, жила Справедливость. Люди верно изображали ее с завязанными глазами. Если все время спать, то их просто разучишься открывать. Впрочем, я еще не слышал ни одной жалобы на ее суд. Там же находились и знаменитые Весы. В особо сложных случаях из рая и ада доставлялись личные дела душ и взвешивали их. Чья папка перевешивала, тех поступков в жизни человека и было больше. Перевешивала папка из рая, значит, человек был больше хороший, чем плохой. Если же перевешивала папка из ада, что ж, добро пожаловать к нам в котел.

Поезд остановился. Я переборол в себе желание спуститься на платформу. Нет, мне бы хотелось прогуляться, но у этого места был один крохотный побочный эффект — здесь любая ложь была правдой. Не в том смысле, что солгать нельзя. Просто любая ложь тут же становится правдой. Короче, не самое подходящее место для чертей. К счастью, стоянка оказалась недолгой, и соблазн не успел меня одолеть. Следующая остановка была в раю.

Подхватив сумку, я вышел на перрон и огляделся. Дяди нигде не было видно. Значит, он так? Значит, скрывается? Ладно, дозвониться я не смог, причины могут быть разные. Но чтобы он не пришел меня встречать, когда я лично надиктовывал сообщение его домовому… Тот не мог не передать его.

— Эзергиль?

Я обернулся. Передо мной стоял какой-то тощий тип, весь покрытый чешуей из иголок.

— Ты кто? — грубовато спросил я.

— Лешие мы, — буркнул тип. — Лешак — это имя такое. Меня просил встретить тебя твой дядя.

— Вот как? — Я начал медленно закипать.

— Да. Он просил передать, что важные дела задерживают его на работе. Он очень сожалеет, что не может тебя встретить, и просил передать тебе вот это.

Я машинально принял ключи.

— Что это?

— Это ключи от квартиры твоего дяди. Он сказал, что ты можешь располагаться у него дома. Сказал, чтобы ты не стеснялся.

Я посмотрел на ключи в руке, потом на лешего.

— С каких это пор в раю стали запирать дома?

— Да с тех самых, как в рай стали пускать чертей, — буркнул леший. Похоже, он не слишком любил чертей. — Счастливо.

— А… — Но леший уже скрылся в толпе. Я же остался стоять

на перроне с сумкой в одной руке и с ключами от дядиного дома в другой. С досадой я швырнул сумку на пол. И здесь перехитрил. Ну не верю я, что дядя вдруг оказался так сильно занят, что никак не может найти даже минуточки ни позвонить мне, ни встретить на вокзале. Однако устраивать скандал было глупо. Тем более здесь. Сразу придут такие дяди в белом. Начнут успокаивать, пообещают конфетку, а потом проводят к папе с мамой. Короче, достанут капитально. Сердито сопя, я подхватил сумку и вышел на улицу.

Первое желание, которое посещает меня при виде городов рая, — это спуститься в ад и отыскать душу того архитектора, кто планировал наши города, а потом подложить под его котел побольше высококачественных поленьев, чтоб ему жарче там было. Их здания словно парили в облаках. Они казались воздушными. Весь город сиял в лучах солнца. И даже в пасмурную погоду он не выглядел мрачным. Он скорее казался умывающимся. А улицы!!! Они словно плыли над городом. Ты поднимаешься выше и выше, пока город не оказывается под тобой во всем своем великолепии. Город, полный цветов и радости. Эта радость буквально лучится со всех сторон. Тут и начинаешь задумываться об иммиграции.

Передо мной опустился Пегас.

— Вам, молодой человек, куда-то надо? Я доставлю вас быстро и надежно.

Я покосился на этого крылатого конька.

— Подрабатываешь? — поинтересовался я.

— Все мы должны приносить пользу обществу. Я доставляю путников, кто-то сеет прекрасный овес, который я ем. Я помогаю одним, а другие помогают мне.

— Ясненько. Значит, за спасибо и довезешь, — буркнул я, влезая в седло.

Пегас фыркнул.

— Вы, черти, такие невоспитанные.

Всеобщее заблуждение. Мы черти, вообще-то, умеем прекрасно себя вести. Ведь если хочешь кого-то обмануть, то надо для начала вызвать у этого кого-то доверие. А кто будет доверять мрачному хаму, который ругается как извозчик? Просто мы любим пускать пыль в глаза. Вот мой папаша! Сморкается за столом и тут же вытирает руки об майку. А потом этими же руками ест. Но как-то видел я старый фильм, где папа был во фраке на балу какого-то графа. Кажется, Дракула его звали. Впрочем, в этих человеческих титулах не разберешься. Так вот, он своими манерами затмил все высшее общество. Он там был просто великолепен. Он в прямом смысле этого слова блистал.

— А что не так? — деланно изумился я. — Ты делаешь приятное мне — довозишь до нужного адреса. Я делаю приятное тебе — говорю спасибо. Мы квиты.

— За спасибо я тебя до другого места довезу, — пообещал мне Пегас.

— Вот-вот. Так бы и говорил. А то всеобщая помощь, всеобщая помощь… Две монеты.

— Идет.

Пегас расправил крылья и взлетел. Полет был коротким, но впечатляющим. Впрочем, с полетом настоящего ангела все равно не сравнить. Хотя некоторым, наоборот, подобный полет нравится больше. О вкусах, как говорится, не спорят. Однако я искренне советую попробовать оба способа, а потом сравнить ощущения.

Крылатый конек приземлился на довольно просторном лугу и копытом показал направление.

— Нужный тебе дом вон тот. Ближе, извини, подвезти не мог. Там запрещена парковка.

Ну не знаю. Для меня любой запрет только повод его нарушить. Впрочем, в чужой монастырь… то бишь в рай с адскими законами не лезут. Желая показать этому крылатому коню, кто такие черти, я вдруг преобразился. Легко соскочив с седла, я отвесил ему самый грациозный поклон, на который был способен.

— Благодарю тебя, о дивное создание. Я вечный ваш должник. Примите от меня эти две монеты, как малую часть той благодарности, которую я только могу вам выразить. Желаю вам здравствовать.

Закончив свой изысканный спич, я перебросил сумку через плечо и зашагал к видневшемуся вдали дому, оставив Пегаса с отвисшей челюстью смотреть мне вслед. Что? Съел, коняка? А то черти хамы, черти невоспитанны. И кто тут у нас невоспитанный? Небось, не ожидал от такого неотесанного болвана такого изысканно высокого штиля.

В доме дяди я тут же занял лучшую комнату. Ну что ж, раз он сказал, чтобы я чувствовал себя как дома… Я тут же запулил один свой ботинок в один угол коридора, а второй в другой. Скомкал половичок перед входом и запихал его под дверь.

— Господин Монтирий предупредил меня, что ты именно с этого начнешь, — произнес чей-то невидимый голос.

— Это я еще не начал, — грозно пообещал я, вываливая из ящика обувь. — Я еще только вхожу в азарт.

— Да, он сказал, что ты примерно так и ответишь.

— Я всегда говорил, что мой дядя очень умен.

— Это верно. — Передо мной вдруг материализовалось нечто

мохнатое. — Разрешите представиться, меня зовут Профаня. Я домовой этого жилища. Слежу тут за порядком. В связи с этим мне не нравится то, что вы здесь устроили. — Домовой махнул лапой, и весь мой старательно наведенный беспорядок вдруг пропал. Все вещи оказались именно на тех местах, где им и положено быть. Даже мои ботинки вдруг оказались на полочке для обуви. Я даже засопел с досады. Я тут старался-старался…

— Я так понимаю, что вы и есть племянник господина Монтирия Эзергиль?

— Об этом было сложно догадаться, — буркнул я.

— В таком случае весь этот дом в вашем распоряжении на то время, какое вы пожелаете пробыть в раю. Моя же задача помогать вам во всем, что пожелаете…

— Тогда помоги навести тут такой бардак, что даже ты не смог бы убрать его меньше чем за неделю.

— В мою задачу входит присматривать за порядком в доме, а вовсе не разрушать дом.

— Разрушить дом? — Я задумчиво поскреб подбородок. — Хм-м. Слушай, а ты мне подал неплохую идею.

Домовой на миг завис в воздухе. Из мохнатого клубка вдруг появились два широких глаза и уставились на меня.

— Мастер Эзергиль, я бы попросил… — испуганно пробормотал домовой.

Я махнул рукой.

— Расслабься. Я пошутил. Сам подумай, если я разрушу дом, то где буду жить?

— Уф. Ну и шуточки у вас, мастер Эзергиль.

— Ты прав, шуточки чертовские. Поверь, я не собираюсь разрушать дом, — пообещал я. — По крайней мере не собираюсь до тех пор, пока не буду съезжать.

Домовой, уже было расслабившийся и вновь превратившийся в мохнатый комок, снова глянул на меня своими большими глазами. Я вежливо улыбнулся ему и закрыл перед его носом дверь в комнату. Прислушался. Домовой что-то бормотал себе под нос. Я кивнул своему отражению в зеркале и прямо в одежде плюхнулся на кровать. Итак, какие наши следующие шаги? А наши следующие шаги — центральный архив. А в отличие от архива ада, который был всего лишь одним из подразделений министерства наказаний, в раю архив был отдельной службой. У него было даже собственное отдельное здание. Даже не одно. Итак, если я хочу попасть в архив, то надо договориться заранее.

Я соскочил с кровати и направился в коридор, где видел телефон.

— Эй, лохматый? — позвал я, осматривая стойку

телефона. — Где тут у вас телефонный справочник?

— Я не лохматый! — За моей спиной материализовался Профаня. — Меня зовут Профаня.

— Это я слышал. Так где телефонный справочник?

— Черти! — В это восклицание Профаня умудрился вложить такую гамму чувств, что я даже позавидовал. Вот бы мне научиться выражать свои чувства одним словом. И главное — как ярко и талантливо! — Над тобой справочник! — Выдав это сообщение, Профаня снова исчез.

Я поднял голову. Прямо над телефоном на жердочке сидел попугай какаду. Я поднялся на цыпочки, стараясь разглядеть за ним справочник, и… встретился взглядом с попугаем.

— Ну? Что смотришь? — поинтересовался он. — Я справочник. Я. Тебе какой телефон нужен?

— А-а-а. — Я огляделся по сторонам. Попугай-справочник? Да, давненько я не был в раю. Три десятилетия назад попугаев на эту работу не нанимали. — Мне нужен телефон центрального архива.

— Ада или рая?

— Да на хрена мне телефон ада?! — рассердился я. — Его я мог бы узнать и не приезжая сюда.

— Не знаю, но свое требование необходимо формулировать очень точно во избежание различных недоразумений и жалоб в будущем, — педантично уточнил попугай. Он слетел с жердочки и приземлился перед телефоном. Лапой снял трубку и постукал клювом по рычагу. — Але-е, — томно протянул попугай в трубку. Его голос вдруг стал какой-то нежный и даже слегка приторный. Хохолок на голове расправился. В словах промелькнули нежные нотки. — Девочка, ты как? Не соскучилась по своему попке? А я так скучал, так скучал!

Я ошарашенно уставился на попугая, беседующего по телефону с какой-то девочкой. Та что-то ему отвечала. Судя по всему нечто такое же глупое и нежное. Та-ак!!! Для полного счастья мне не хватало нарваться на влюбленного попугая.

— Где телефон архива, который я просил десять минут назад?! — заорал я, наслушавшись бесконечных «красотка, милочка, лапочка», когда понял, что если не прервать попугая, то можно ждать номер телефона до вечера. Попугай скосил на меня один глаз.

— Милочка, тут у нас в гостях шумный невоспитанный черт… Да-да, милочка, самый настоящий черт… Да нет же, не шучу. Ты помнишь, я тебе говорил, что у моего хозяина есть племянник в аду? Так вот, он сейчас гостит у нас…

— Где телефон?! — опять заорал я. С потолка посыпалась

штукатурка.

— Да, — признал попугай в трубку. — Очень шумный молодой человек. И ужасно нетерпеливый… Да, просит телефон архива. Милочка, будь добра, посмотри там. Да-да, я понимаю, но черти такие нетерпеливые.

О нет! Черти очень терпеливы. Но и терпению черта приходит конец. Я молча прошел на кухню и выбрал сковородку побольше. Прикинул на глаз ее размер. Потом из стола достал огромный нож. Покосился на сковородку и отложил ее в сторону. Достал кастрюлю. Надел поварской колпак. Так с ножом в одной руке и кастрюлей в другой я и появился в коридоре. Попугая мой наряд заинтересовал. Он на миг отвлекся от разговора.

— Ты что-то собрался готовить? Правильно. Там у Монтирия есть кое-какие запасы. Я сейчас узнаю нужный тебе телефончик, и мы пообедаем.

Я молча направился к попугаю.

— Кстати, а что ты собрался готовить? — опять отвлекся от разговора попугай. — Учти, манную кашу я не люблю. А гречка должна быть рассыпчатой, а то вкус пропадает.

— Суп, — сообщил я. — Из попугая.

— Суп я тоже люблю, — меланхолично заметил попугай, прислушиваясь к чему-то в трубке. Тут до него дошло. — Что?! Суп из… из… из… погу… попу… Ты не можешь!!!

Он взмахнул крыльями, но взлететь не успел. Я быстро протянул руку и схватил его за лапы.

— Ты не можешь! — в панике вопил попугай. — Профаня!!! Помоги!!! Убивают хозяйское имущество!!!

Тут появился Профаня с большой доской и какой-то большой тканью. Все это он протянул мне.

— Мастер Эзергиль, настоятельно рекомендую постелить вот это на пол, чтобы не забрызгать его кровью. А на доске разделывать этого влюбленного болтуна будет удобней.

— Ах, вот ты как! Вот, значит, как! — возмущенно завопил попугай, тщетно пытаясь вырваться из моих рук. — Вот как ты бережешь хозяйское добро!!! Вот я все расскажу.

— Вынужден заметить, — невозмутимо прервал я его крик, укладывая попугая на доску, — что без головы тебе будет проблематично о чем-либо рассказать.

— Помогите!!! — отчаянно завопил попугай. — Ну пожалуйста! Пожалейте сиротинушку!!! Я больше не буду!!! Честно.

— Мастер Эзергиль, рубите скорее. Я уже печь разжег, — попросил Профаня.

Я занес нож над головой бедной птицы.

— Пожалейте!!! — в отчаянии завопил попугай. Похоже, он и вправду поверил, что я собираюсь приготовить из него суп.

— Ты меня просишь о жалости? — улыбнулся я своей самой чарующей улыбкой. — Черта? Мы ведь, черти, очень милые создания… если нас не доводить. Тебе удалось меня рассердить. Так о чем ты просишь меня теперь? О жалости?

— Я больше не буду!!!!!!

Я почесал кончиком ножа себе щеку.

— Поверить, что ли? С одной стороны, ты меня достал. С другой… а кто мне тогда телефон архива скажет?

— Никто!!! Я уникальная птица!!! В моей памяти содержится шестнадцать миллионов сто сорок три тысячи пятьсот семьдесят девять телефонов!!!

Я пожал плечами.

— Пожалуй, ты прав. — Попугай облегченно вздохнул. — Но суп тоже хочется. — Я резко взмахнул ножом и ударил. На миг воцарилась тишина. Над моим плечом завис Профаня и разглядывал зажмурившегося попугая и торчащий около его головы нож. Вот попугай приоткрыл один глаз.

— Я уже в раю? — шепотом поинтересовался он.

— Да, — совершенно искренне ответил я. — И если хочешь и дальше в нем оставаться, то советую отыскать номер телефона архива как можно быстрее.

Попугай встрепенулся и вскочил. Покосился на торчавший в доске нож и в ужасе отпрыгнул от него, налетев на кастрюлю. Раздался грохот. Кастрюля полетела в одну сторону, попугай в другую.

— Слышь, ты, книга телефонная, говорящая, одна штука, — громко позвал я. — Я тебе дал шанс. Но этот шанс для тебя последний.

— Да-да, — закивал попугай. — Он сел у телефона и опять клювом застучал по рычагу. — Милочка… — Он вдруг проглотил слова и покосился на меня. — Центральная справочная, срочно номер центрального архива в раю. Я тебе не попочка, когда на службе!!! Да. Срочно!!! Так. Спасибо. — Попугай опять защелкал рычагом. — Алло? Приемная центрального архива? С вами сейчас будет разговаривать черт Эзергиль. Да. Передаю трубку.

Мы с Профаней переглянулись и пожали друг другу руки.

— Кажется, я начинаю понимать ваши чертовские шутки, — заметил он.

Я улыбнулся и подмигнул ему.

— Погоди, то ли еще будет. — И я был слегка шокирован, когда домовой вдруг подмигнул мне.

Как ни странно, но о посещении архива мне удалось

договориться без проблем.

— Эзергиль? — спросил меня чей-то мягкий и приятный голос. — Да, на вас уже есть заявка. Второй день лежит. Можете приходить, когда вам будет удобно. Только не забудьте захватить какие-нибудь документы.

И здесь бюрократия! Но каков дядя! Значит, заявка уже два дня лежит? То есть дядя подал ее сразу, как только нашел мне эту работенку. Выходит, он уже тогда знал, что я появлюсь здесь. Мой счет к дяде за великолепные каникулы резко возрос. Мне все сильнее и сильнее хотелось поговорить с ним по душам.

Решив не откладывать поход в архив в долгий ящик, я отправился туда немедленно. Чем раньше я закончу с этим делом, тем лучше.

Города рая производили на всех неизгладимое впечатление. Они были действительно потрясающие. И чтобы насладиться этой красотой, я решил отправиться к архиву пешком. И для здоровья полезней, и эстетическое удовольствие получу. Я специально прошел мимо небесного портала, который на Земле называют Небесными Вратами. На самом деле это, конечно, были никакие не врата. Просто столб сияющего света. Именно туда отправляются все души, попадающие в рай. А там… там их ждет целый мир. Мир, который они создают сами. В котором они творцы. Не то жалкое подобие, которое описывают люди в разных книгах о виртуальном мире. Мир вполне реален. Люди ведь, сами того не подозревая, являются будущими Творцами. Все бесконечное множество Вселенных создано именно такими вот Творцами. Но ведь нельзя допустить до такого важного дело абы кого. Вот и проходят люди испытания. Множество перерождений на Земле. Наша же задача осуществить отбор только чистых душ, кто доказал свою Человечность. Но нельзя судить по одному проступку. И людям дается множество шансов. Их души перерождаются после смерти. И даже если они не помнят прошлую жизнь, в душе у них всегда остается Нечто, что остается с ними всегда, прошли ли они через рай или ад. Подобное же происходит и на других планетах. Правда, другие планеты — это уже не наша епархия. Там свои аналоги чертей и ангелов имеются.

Я с интересом смотрел на эти сияющие порталы. Как бы мне хотелось заглянуть хотя бы в один из них. Увы, но это было недоступно ни чертям, ни ангелам. И почему-то меня вдруг одолела такая тоска по этому невозможному… Я поспешно отвернулся и зашагал дальше. Сияющие столбы излучали радость, но мне почему-то было грустно. Грустно и тоскливо.

Я торопливо миновал эту аллею и вышел в парк. Этот парк

казался оазисом первозданной природы, но все же в нем не было ничего страшного или пугающего. Пожалуй, в таком парке люди с радостью стали бы снимать разные сказки. Хм, интересно, а если предложить ангелам аренду? Тэк-с, куда-то меня не туда понесло. Какая аренда? Я что, режиссером собираюсь быть? Но идейку подкинуть стоит. Я обернулся, чтобы оценить красоты леса, и заметил чью-то тень, мелькнувшую среди деревьев. Так!!! Ксефон!!! А я-то надеялся, что от тебя надолго отделался. Вот еще головная боль. Теперь ходи с оглядкой. Я еще раз оглянулся и не заметил тонкой бечевки, протянутой на дороге. Естественно, я загремел. Попутно на меня вылилось ведро воды и свалилось само ведро. Я с досады откинул его в сторону, поднялся и стал отряхиваться под ликующий смех Ксефона.

— Ну что, умник?! Попался?! — вопил он, благоразумно не приближаясь ко мне близко. — Думал, самый умный, да?! А вот и на вас, умников, нашлась колотушка.

Как ни странно, злости не было. Была досада, что так глупо все получилось. Но Ксефон все-таки придурок гораздо больший, чем я думал. Его мозгов только на бечевку на дороге и хватило. Нет, выше мелкого беса ему точно не подняться. Будет специализироваться на таких вот подлянках, что не требуют ни ума, ни фантазии. И ведь всерьез полагает, что его ловушка — шедевр его гениального ума.

Я вывернул карманы и с грустью посмотрел на свои размокшие чихательные бомбочки. Теперь от них пользы ноль. Даже если их высушить, то порошок внутри слипнется и превратится в один ком. Я зашвырнул их в кусты и направился дальше. Если Ксефон думает, что таким образом сможет меня остановить… Надо только внимательнее на дороге быть.

— Эй, что ты молчишь?! — Кажется, Ксефона серьезно задело, что я никак не прореагировал на его ловушку. А раз так… — Ну что? Вымок весь, да?!! Какая беда.

Совершенно не обращая на него внимания, я покинул этот первозданный лес и снова очутился в городе. Прохожие-ангелы удивленно косились на мою мокрую одежду, но тактично молчали. Раз хожу в мокрой одежде, значит, так надо. В конце концов, здесь рай и каждый имеет право на любые странности. Следом плелся Ксефон и слегка осипшим голосом продолжал давать разные советы. А вот это уже было неправильно. В раю не допускаются насмешки в адрес других личностей, и по меньшей мере ему уже раз десять сделали замечание. Тот, кажется, так и не понял, что дело принимает для него довольно серьезный оборот. Я же только улыбался. Если Ксефон любит прогуливать уроки и не знает элементарные правила поведения в раю, то я

буду последний, кто его просветит. Тем более что его уже неоднократно предупреждали.

Ксефону все-таки надоело насмешничать раньше, чем прибыл патруль, который просто выдворил бы его обратно в ад с запретом появляться здесь по меньшей мере лет десять. Эх, мне надо было хоть как-то показать, что его насмешки меня задели. Тогда бы и патруль появился раньше, и Ксефон не остановился бы.

Я поднялся через главный вход в архив. Там служитель с интересом осмотрел меня.

— Э-э, молодой человек, вы так и собираетесь войти в архив в мокрой одежде?

— А в чем дело? — осмотрел я себя. — Просто искупался по дороге. Понимаете, жарко стало.

— Что вы, что вы, — замахал он рукой. — Я вовсе не собираюсь вторгаться без вашего разрешения в вашу жизнь. Просто, понимаете, у нас все-таки архив… Не затруднит ли вас пройти сначала вон в тот кабинет. Там вам высушат одежду. А когда будете покидать архив, то, обещаю, мы вам ее снова намочим как было.

Я задумался.

— Даже не знаю. В мокрой одежде так хорошо по жаре ходить. Вы никогда не пробовали? Попробуйте. Так приятно.

Служитель с сомнением оглядел меня.

— Ну я все-таки не мальчик, — неуверенно заметил он.

— И что? Из-за того, что вы не мальчик, вам надо страдать от жары? Ведь вам именно потому, что вы не мальчик, и нужно заботиться о своем здоровье.

— Думаете?

— Конечно! Знаете, как освежает?

— Хм. Ладно, — как-то неуверенно отозвался он. — Только в архив в мокрой одежде нельзя.

Я печально кивнул.

— Ладно уж. Высушу. Чего не сделаешь ради школы.

— Ух ты, — восхитился ангел. — Черт, а такой воспитанный и старательный. А моего балбеса в школу не загонишь. А ты ради школы… Вот бы тебя с моим сыном познакомить, чтобы ты повлиял на него в положительную сторону.

Я на миг задумался. Чему этого сыночка можно научить? Ну сразу так можно попробовать показать, как незаметно списать контрольную. Потом можно будет уговорить его залезть в чужой сад. Гм, заманчиво, заманчиво. Жаль, придется отказаться. А все эта практика!

— Как-нибудь обязательно познакомьте, — улыбнулся я. —

Но сейчас, увы, надо заниматься. Школа, школа.

— Какой милый и воспитанный черт, — услышал я бормотание служителя за спиной. — И как старается выполнить домашнее задание. А ты кто такой и куда направляешься?

Я обернулся. За мной попытался прошмыгнуть и Ксефон. Служитель как раз успел ухватить того за плечо.

— Покажите сначала вашу заявку. Вы делали ее?

— Да пошел ты, дедуля! — рявкнул Ксефон.

Я хмыкнул. Вот этого ему точно говорить не стоило.

— Какие разные все-таки черти есть. Один вежливый и старательный, а второй — торопливый хам. — Ксефон вдруг сам собой поднялся в воздух и со сверхзвуковой скоростью головой вперед покинул холл архива. Думаю, больше ему не захочется сюда заходить. Ангелы — создания, конечно, кроткие, но вот чертей не любят. С ними осторожно надо, чтобы чаша их вселенской любви не высохла под жгучими лучами чертового хамства. Да-с. И чего это меня на образы потянуло? А Ксефона даже жалко. Говорили ведь ему добрые черти: учись, а то мелким бесом станешь.

В отличие от архива в аду, здешние полки с личными делами людей располагались в просторном и светлом зале. И если тот архив вызывал у меня стойкую ассоциацию с гигантской тюремной камерой, то местный зал больше напоминал библиотеку. Библиотекарь… э-э-э, смотритель проводил меня к одному из стеллажей.

— Ну-с, молодой человек, вот то, что вы просили. И я искренне рад, что даже в вашей адской школе теперь стали давать задания помогать людям, а не только наказывать плохих. Наказать — это, конечно, хорошо, но как говорил наш учитель: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

— Ага. А если он не желает раскаяться, то ему надо немного помочь. Тут мы, черти, и нужны, — кивнул я.

Смотритель сморщился.

— Ну-ка, молодой человек, присядьте.

У-у-у! И зачем я вылез со своим комментарием?! Однако делать нечего. Пришлось сесть в предложенное кресло. Желания спорить у меня не возникло — пример Ксефона до сих пор стоял у меня перед глазами.

— Мне кажется, в ваших словах я уловил насмешку. Однако в данном случае она не совсем уместна. Я ведь говорил об искреннем и добровольном раскаянии.

Да-да. Искреннем и добровольном. «Раскаиваешься ли ты,

сын мой? А ежели нет, то гореть тебе в аду за это». Так и веет от этих слов искренностью и добровольностью.

— Вижу, о чем ты думаешь. — Я насторожился. Что там этот смотритель мог увидеть? — Сомневаешься. Ничего, со временем сам поймешь. Вот смотри. — Смотритель протянул руку и достал одну тоненькую папку. — Видишь это? А теперь посмотри другое личное дело. — Он хлопнул в ладоши. Пол вдруг разверзся и оттуда в другую руку смотрителя впрыгнула другая папка. Из ада. Толщиной она была где-то с чемодан. При виде этого трюка я только завистливо вздохнул. Вот бы мне так. Хлопнул в ладоши, и пожалуйста, в моем распоряжении архивы и ада, и рая. И не надо мотаться туда-сюда.

— Как ты думаешь, куда попал человек, чье личное дело ты видишь, в ад или рай? — прервал мои мысли смотритель.

Я на глазок прикинул толщину обеих папок. Райская была размером с тетрадочку.

— А коэффициент уменьшения одинаков? — на всякий случай спросил я, подозревая подвох.

Смотритель улыбнулся.

— Совершенно.

— Тогда к нам. Наш клиент.

Смотритель тихонько рассмеялся.

— Ты смотришь на внешнюю сторону дела. Это ошибка. Запомни это, мальчик. Никогда не суди о человеке, глядя на его оболочку. Попробуй заглянуть в его душу. А этот человек вовсе не ваш клиент. Он сейчас в раю, ибо его добрых дел хоть и меньше, но они такие, что на Весах Справедливости моментально перетянули его проступки.

Та-ак. Я теперь взглянул на эти папки по-новому. Потом поклонился.

— Благодарю за урок, смотритель. Я… я запомню его.

— Ты умеешь слушать других, — одобрительно кивнул он мне. — Это редкий дар. И, мальчик, ты далеко пойдешь. Только в какую сторону?

Теперь уже улыбался я.

— Я же черт.

— Верно. Но и черти разные. Ты можешь стать таким, как ваш Вельзевул.

Меня передернуло. Свят-свят-свят. Я чуть не перекрестился. Когда же я снова повернулся к смотрителю, то того уже не было. Хм, а что, у них нет правил типа посетителя одного не оставлять? Или они настолько всем Доверяют? Скорее последнее. Ангелы, — презрительно фыркнул я. Хотя в душе я был искренне благодарен за такое доверие. И проказничать не хотелось совершенно.

Я направился к полкам.

— Ну что ж, Ненашева Зоя Павловна. Посмотрим на вашу жизнь с другой стороны. И заодно посмотрим на вашего муженька.

Глава 6

Первым делом я взял личное дело мужа Ненашевой — Ненашева Виктора Николаевича. Мне просто интересно было, какие же у подобного человека могут быть добрые дела.

— Добрый день, — поздоровалась со мной папка. — Вы сейчас держите в руке личное дело Ненашева Виктора Николаевича. Желаете ознакомиться с его добрыми делами?

— Желаю, — буркнул я. Вскоре у меня уже на разные вежливости нервный тик разовьется. Как бы я желал снова услышать привычное: Эзергиль, придурок ты этакий, куда прешь?

Папка тем временем раскрылась, и я увидел фотографию молодого, вполне приличного человека. Он шел по улицам тихого городка. Не слишком богатый наряд и папка в руке. Да и вообще, ничем не примечательная личность. Ну идет себе и идет.

— Студент первого курса Ненашев Виктор, — пояснила папка.

— Помогите!!! — неожиданно раздался крик. Я даже оглянулся от неожиданности, но крик шел из папки. Не отрываясь от показываемого папкой, я подошел к окну, положил личное дело на стол и сам пододвинул себе кресло. Я видел, как какая-то девочка лет семи попыталась с набережной достать мячик и свалилась в воду. Видел, как Ненашев, не раздумывая, бросился в воду.

Тут я вспомнил о разговоре со смотрителем.

— Слушай, а сколько на Весах Справедливости весит это дело?

— На самом деле не очень много. И в то же время очень много.

— Поясни, — хмуро попросил я. — Мне что-то не хочется сегодня отгадывать загадки.

— Очень просто. Он спас человеческую жизнь. Это дорого стоит. Очень дорого. Но для него это спасение ничего не стоило. Он не рисковал ничем. То есть если бы при спасении этой девочки была реальная опасность лично для него и он, зная об этом, все равно бросился бы спасать, то этот поступок ценился бы намного больше.

— Выходит, он виноват, что ему не грозила опасность?

— Нет. Я говорю про реальность. Он спас человеческую жизнь. На весах его жизни это учтено.

— Ладно, для меня это слишком сложно еще. Давай смотреть дальше.

За тридцать минут я повидал Ненашева Виктора в разных

ситуациях. Видел, как он выручал друга, как помогал другим.

— Папка, помоги мне. — Четырехгодовалый малыш подошел к отцу. Ненашев рассмеялся и нагнулся к сыну.

— Что тут у тебя?

Карапуз протянул игрушку.

— Вот тут сломалось.

С некоторой оторопью я наблюдал, как этот человек опустился перед сыном на колени и начал возиться с его игрушкой. Видел его нежную улыбку, которая постоянно появлялась у него на губах, когда он глядел на сына. Я смотрел на это и не верил. Неужели это тот самый человек, который восемь лет спустя в пьяном угаре будет избивать сына ремнем за кражу денег, которой не было? Тот, кто виноват в смерти жены?

Однако дальше все стало понятнее. Я увидел, как он пришел слегка навеселе. Зоя вышла встречать.

— Витя, — позвала она мужа. — Где ты был? Я же волновалась!

— Да на презентации, понимаешь…

— Но ты мог бы позвонить?

— И что? Я должен звонить по любому поводу только потому, что дура-жена переживает по всяким пустякам?!

Зоя побледнела.

— Витя…

Муж отпихнул ее и прошел в квартиру. Я же никак не мог понять, почему этот эпизод попал именно в эту папку, хотя, судя по всему, он должен быть в папке у нас.

— Папа! — раздался испуганный крик от двери. Там в пижаме стоял уже повзрослевший мальчик. Он испуганно смотрел на отца. Виктор Ненашев замер, словно на стену налетел. Провел рукой по лицу. Резко развернулся и бросился к плачущей жене.

— Господи, — пробормотал он, — что ж я делаю! Зоя, Зоечка, прости меня, пьяного дурака.

Он опустился перед женой на колени и обнял ее. Рядом с ними присел и мальчик.

— Витя, ты же ведь не умеешь пить. Зачем ты это делаешь?

— Зоечка, но ведь я не могу. Скажут, зазнался совсем. Стал заместителем директора и перестал быть с коллективом.

— А ты наплюй! Ты же и себя губишь, и нас мучаешь.

— Я обещаю, что теперь буду меньше пить. И только вино.

Зоя покачала головой, и в этот миг изображение прервалось. Я еще некоторое время смотрел на чистый лист бумаги.

— А почему это здесь?

— Хочешь спросить, почему этот эпизод не в вашей епархии?

— Ну да. Как я понимаю, этот эпизод вовсе не в его плюс.

— Вот тут ты ошибаешься. Тебе ведь говорили, не смотри на внешнюю сторону, смотри в душу. И, между прочим, этот эпизод на Весах Справедливости весит больше, чем некоторые из его грехов.

— Но почему?

— Да потому что он извинился. Потому, что его раскаяние за свой проступок было искренним и шло из глубин души, чурбан ты чертов. Неужели ты не увидел этого?!

— Я попросил бы не обзываться! И что в том, что он раскаивался?

— А то, что искреннее раскаяние перевешивает вину.

— То есть если он искренне раскается в смерти жены, то его простят?

— Да. Однако ада он не избегнет. Только это будет этап чистилища. Ему будет дан еще один шанс. Но для этого он должен раскаяться. Искренне.

— О-о-о, — зловеще протянул я, — это я могу устроить. Он будет у меня так искренне раскаиваться, что все ангелы зарыдают. Тогда он действительно позаботится о сыне, душа его жены обретет покой, и я сдам эту проклятую практику!

Папка укоризненно поцокала… э-э… языком, что ли? Короче, просто поцокала.

— Ты так ничего и не понял. Ты не можешь заставить его раскаяться. Если это будет по принуждению, то какое же оно искреннее? Ты можешь помочь ему осознать степень его падения, но прийти к осознанию своей вины он должен сам.

— Я что, ангел?! — возмутился я. — Помочь осознать вину — это работа ангелов, а не чертей. А я черт!!!

— Да? Действительно. Я забыла об этом. Но кто лучше чертей знает о вине?

Я уже приготовился зашвырнуть эту вообразившую себя слишком умной папку куда подальше, но последнее замечание заставило меня замереть. Действительно, кто лучше чертей знает о вине? Это стоит обдумать. И не здесь, а в более спокойной обстановке. Однако в этот момент со всей очевидностью стало ясно, что решить проблему этой… этой… неприкаянной души, не решив проблему ее семьи, не удастся. А чтобы решить семейную проблему, необходимо отправиться на Землю. На Землю!!! Мамочка моя. Я же еще несовершеннолетний!!! Я маленький еще для подобного!!!

— Ну, дядюшка, я тебе при встрече все выскажу! Долго ты прятаться от меня не сможешь!

— И не буду.

Я резко обернулся. Позади меня стоял мой дядя и улыбался.

Нет, он еще улыбается!!!

— Дядя!!!

— Тише. Тшш. Не надо здесь кричать.

Я моментально сбавил тон.

— Дядя, ну вы и подкинули мне работенку!

— А что тебе не нравится? Разве не интересно?

— Интересно?! Интересно?!!! Дядя, я черт, а вы заставили меня вникать во все эти тонкости человеческих отношений!!! Чтобы помочь!!!

Дядя вздохнул.

— Не хочется мне этого говорить, но, заметь, какую бы работу ты в будущем ни выбрал, именно знание тонкостей человеческих отношений лишним для тебя не будет. Вспомни, что говорил твой любимый Мефистофель.

Знал дядя, как меня уесть. Вообще, Мефистофель в аду был легендарной личностью. И мой кумир. Я зачитывался его жизнеописаниями, втайне мечтая быть похожим на него. Однако ангел, помогающий черту пойти по пути Мефистофеля… где-то тут была ловушка. Но где?

— Дядя, чегой-то вы решили помочь мне стать вторым Мефистофелем?

— Ну это тебе точно не грозит. Эзергиль, ты слишком талантлив и независим, чтобы стать простым подражанием кому бы то ни было. — Я задрал нос. Не часто можно услышать такие слова от дяди. — Я просто хочу помочь тебе найти свою дорогу. И чтобы ты не превращался в монстров наподобие Вельзевула.

Да уж, не будь помянуто на ночь это имечко. Хоть этот Вельзевул и был чертом, но брал в основном за счет тупой силы. Ох, и наделал он шороха в аду в свое время. Самый непримиримый противник реформ Горуяна.

— Дядя, а ты знаешь, что мне благодаря тебе придется теперь на Землю отправиться?

— Знаю. Более того, я уже выбил тебе разрешение от рая. С адом сам договаривайся. И эта поездка для тебя в любом случае будет полезной. Какой же ты будешь черт, если не увидишь жизнь людей изнутри? Между прочим, я эту мысль пробиваю и среди ангелов. А то многие всю жизнь прожили в аду или раю, решают судьбы людей, а на Земле ни разу не были. Разве это годится?

Я печально вздохнул. Ведь знал же, что спорить с дядей бесполезно. Все равно переубедит меня. И все равно горячился, хорохорился. Вот я ему скажу при встрече, выскажу все, что о нем думаю! Тьфу. Вот и высказал.

— Я еще маленький! — прибег я к последнему аргументу. — Мне еще нет и ста двадцати лет. Только в будущем году будет!

Дядя покачал у меня перед носом пальцем.

— Нечестный прием, Эзергиль. Не ты ли, когда я гостил у вас дома, доказывал своим родным, что ты уже большой? И, между прочим, приводил в качестве доказательства своей взрослости этот же самый аргумент. Говорил только, что тебе УЖЕ сто двадцать лет.

Шах.

— Но если ты настаиваешь, то можешь отказаться от этой работы. Ну потеряешь год в школе. Велика ли беда?

И мат.

— Давай свое разрешение от рая, — буркнул я.

По договоренности с раем, достигнутым Горуяном, посещать Землю чертям разрешалось только с разрешения ангелов и, соответственно, наоборот. Разрешения эти были простой формальностью, но помогали контролировать количество ангелов и чертей, находящихся на Земле. Таким образом, их общее количество там всегда должно было быть равным. Интересно, а кому в аду разрешили отправиться на Землю в обмен на мое разрешение?

— Итак, Эзергиль, поздравляю. Ты принял действительно ответственное решение. После этого путешествия ты изменишься. В лучшую или худшую сторону не знаю, но прежним ты не останешься. Но я верю в тебя.

Спасибо тебе, дядя, за теплые слова. Ты просто не представляешь, как меня вдохновил.

— У тебя еще есть в архиве какие-то дела?

Я покосился на две папки, лежащие передо мной.

— Да нет. Я все посмотрел, что меня интересовало. В общих чертах картина ясна. А подробности уже придется выяснять на месте.

— Ну что ж, тогда пошли.

Я убрал личные дела на место. И зашагал следом за дядей. На выходе дядя слегка приобнял меня за плечи.

— Да ты не переживай, тебе понравится на Земле. Это я тебе гарантирую. Ну что, полетели?

— Полетели, — кивнул я.

Дядя подхватил меня, и мы взлетели. Последнее, что я увидел перед архивом — это круглые от удивления глаза Ксефона, выглядывающие из-за забора, откуда тот, очевидно, вел наблюдение за входом, высматривая меня.

У входа в дом дядя гостеприимно распахнул передо мной дверь.

— Заходи, Эзергиль. Чувствуй себя как дома…

— …но не забывай, что ты в гостях, — добавил я. Дядя

хмыкнул. Потом кивнул на гостиную.

— Ты посиди так пока. Мне надо звонок один сделать.

Я кивнул. Прошел в гостиную и плюхнулся в кресло.

Из журнального столика достал какой-то журнал и без интереса стал его смотреть.

— Але, — томно донеслось из коридора. — Милочка, ты соскучилась по своему попочке?

В комнату вошел дядя, хмуро смотря в коридор.

— Глупая птица, — буркнул он. — Теперь два часа будет трепаться со своей милочкой. Угораздило же его влюбиться в попугаиху центральной справочной. Я его пытаюсь перевоспитать. Внушить почтение к долгу службы. Постепенно он осваивается. Сейчас уже меньше треплется.

Да, все-таки дядя уже слишком давно ангелом работает. Теряет хватку.

— Дядя, а как вы его переубеждаете?

— Как? Конечно, любовью и заботой! Вот погоди, через годик ты его и не узнаешь.

— Ага, — кивнул я. — Через годик так, через два… Куда вы хотели позвонить, дядя?

— В бюро учета перемещений. Мне надо утрясти кое-какие мелочи по поводу твоего пропуска.

— Отлично. — Я поднялся и направился в коридор. Удивленный дядя прошел за мной. Я же молча подошел к телефону и нажал на рычаг. Попугай недовольно встрепенулся.

— Монтирий, как тебе не совестно, ты прер… — Тут попугай увидел, что говорит вовсе не с Монтирием. Его хохолок как-то резко опал.

— Мне нужен номер бюро учета перемещений, — мягко сообщил я и улыбнулся. Попугай дернулся.

— Сей момент. Центральная справочная? Сколько раз говорить тебе, что я не попочка, когда на службе! Да, срочный заказ. Мне нужно бюро учета перемещений. Понял. — Попугай клювом стал нажимать на кнопки. — Бюро учета перемещений? Вам звонок. Сейчас с вами будет говорить че… — Я пальцем показал на дядю. Попугай махнул мне хохолком. — Прошу прощения. С вами сейчас будет говорить ангел Монтирий. Передаю трубку.

Я принял из лапы попугая трубку, облокотился о стену и небрежно подал ее дяде.

— Разговор заказывали?

Дядя совершенно круглыми глазами смотрел то на меня, то на попугая, который умудрился каким-то образом сидеть на своей жердочке чуть ли не по стойке смирно. Потом взял у меня трубку.

Я кивнул и отправился обратно в гостиную. Вскоре пришел дядя. Он сел напротив меня, подпер подбородок кулаком и окинул меня долгим изучающим взглядом. Я делал вид, что совершенно этого не замечаю. Первым молчание нарушил дядя.

— Да, Эзергиль, я знал, что ты талантливый ребенок… Да-с, черт, который смог заставить моего попугая отнестись к работе серьезно, пойдет далеко. Ты скажи, как тебе это удалось? На будущее.

Я пожал плечами.

— Право, даже не знаю, что сказать, дядя Монтирий. Мой способ, боюсь, вам не подойдет. Я его убеждал чертовскими шутками.

— Чертовскими шутками?

— Ну да. Пошутил немного.

Дядя посмотрел на меня как-то очень подозрительно.

— Ну честное слово, пошутил, — приложил я руку к груди. — Вот можете у Профани спросить. Мы с ним подружились. У вас такой хороший домовой.

— Вы с Профаней подружились?!

— А что тут особенного?

— Да так. Ничего. — Дядя мотнул головой. — Ладно. Давай о делах. В общем так, сейчас я утряс последние детали и с раем, и с адом. Разрешение тебе дано. Однако, поскольку у тебя еще нет хвоста, перемещаться самостоятельно ты не можешь. Так что в некотором отношении тебе придется даже не играть роль человека на Земле, а стать им…

В этот момент раздался звонок в дверь. Дядя поднялся.

— Ага, это именно то, чего я и ждал. Я сейчас.

Дядя вышел и вскоре вернулся с каким-то пакетом.

Я удивленно смотрел на него. Дядя же молча положил пакет на стол и стал его разворачивать. Вот на столе появился блокнот. Какая-то инструкция. Ручка. Еще какие-то бумаги.

— Это из бюро контроля, — пояснил мне дядя. — А также кое-какой мой личный заказ. В частности, вот этот блокнот. На самом деле это не совсем блокнот. Это последняя разработка рая. Держи, пригодится.

Я взял блокнот и повертел его в руке.

— И зачем это? Что с ним делать?

— Ну это средство связи. На экстренный случай. Если что, пиши в нем мне. Я приду и заберу тебя. Только вот обратно уже доставить не смогу. Так что мой вызов с его помощью — это твой провал.

— Замечательно. А если я потеряю этот блокнот?

— Постарайся не терять. Кстати, блокнот для людей невидим

и неощутим. Но если потеряешь, то беда, думаю, невелика. Блокнот — это просто на экстренный случай. Но у него есть еще одна функция, которая для тебя будет гораздо полезней. Он подключен к архиву как рая, так и ада. Если тебе понадобится какая-нибудь справка из любого архива, ты вот этой ручкой пишешь в нем вопрос.

— Ух ты! — Я схватил ручку и написал: «Ненашева Зоя Павловна. Личное дело». Буквы тотчас исчезли, а на странице блокнота появилась уже знакомая мне фотография молодой женщины. Потом пошли кадры из ее жизни с пояснением. — Здорово! — Я захлопнул блокнот и сунул его себе в карман. — Вот бы мне такой до моих поисков. Тогда не пришлось бы мотаться между раем и адом.

— Не пытайся облегчить себе работу, Эзергиль. Блокнот тебе не помог бы. Он всего лишь средство связи с ограниченными возможностями. Поиск, например, с его помощью ты осуществить не сможешь. Вернее, сможешь, но в очень ограниченном масштабе.

— Все равно пойдет. А что еще?

— А что тебе еще надо? Все остальное для различных инстанций. Тебе они не нужны.

— Отлично. Дядя, ты не представляешь, как я рад. — Однако мой кислый вид говорил прямо о противоположном. И никакой радости в голосе не было.

Дядя похлопал меня по плечу.

— Не трусь, прорвемся. Ты же ведь не хочешь всю свою жизнь просидеть в конторе?

— Конечно, нет!!!

— Так вот тебе шанс.

Ну да. Конечно. Ладно, как там сказал дядя? Прорвемся? Вот и будем прорываться. Только надо все хорошенько обдумать. Поход на Землю — это вам не прогулка в рай, куда регулярно ходит экспресс. Тут дело посерьезнее. Первое, что следует обдумать — так это что туда брать. В каком прикиде стоит появиться на Земле. Надо будет почитать о последних событиях там. Нет, поход на Землю слишком серьезен, чтобы подходить к нему с бухты-барахты. Я оценивающе посмотрел на дядю.

— Дядя, ты ведь бываешь на Земле? Как мне посоветуешь там появиться? Этаким богатеньким сынком какого-нибудь нового русского?

Дядя поморщился.

— До чего вы, черти, любите комфорт. Ты вот ответь мне, с кем ты собираешься чаще всего встречаться на Земле? С новыми русскими или обычными людьми? А если с обычными, то каким

образом ты собираешься пересекаться с ними в своем облике богатенького сынка?

Я почесал лоб.

— Действительно. Я как-то об этом не подумал.

— Запомни одно из правил общения: если ты собираешься с кем-то заняться делами, будь на уровне этого человека.

— Да, дядя. А что ты можешь мне посоветовать? Ну… я по поводу того, как мне действовать?

— А вот это я оставляю на твое полное усмотрение.

Спасибо, дядя. Я всегда знал, что ты мне не откажешь в помощи.

— И не надо так тяжело дышать. В конце концов, не ждешь же ты, что я выполню за тебя твою практическую работу? Но не беспокойся, без помощи ты не останешься. А теперь я тебе посоветую следующее: забудь пока обо всех проблемах и пойдем прогуляемся. Я тебе город покажу. Если не ошибаюсь, ты ведь у меня лет тридцать не был? Посмотришь, как тут все изменилось.

— Но дядя…

— Знаю-знаю, но поверь, для дел тоже будет лучше, если ты пока отложишь их в сторону. Так как?

— С удовольствием, дядя.

Следующие несколько дней я запомнил плохо. После экскурсии дядя заказал два билета до ада и отправился со мной в качестве поддержки. И этот его шаг оказался вовсе не лишним. Мама устроила форменную истерику, когда узнала, что мне придется отправляться на Землю.

— Чтобы я отпустила своего сыночка туда? К этим распущенным, жестоким, наглым людишкам?! Они же его испортят!!! Научат разным гадостям!

— Черта научат гадостям? — вежливо переспросил дядя.

— Да!!! Эти люди… люди… Никуда я его не пущу!!! Все, точка! Пусть остается на второй год! Это лучше, чем хоронить мою кровинушку! Ну подумаешь, еще один годик проучится в том же классе!

— Мама, но что мне может грозить на Земле?

— Как что?!! А эти попы, вечно машущие своими вонючими кадилами! А эти бочки с так называемой святой водой! А разные святые места! А всякие там храмы, синагоги, мечети?

— Мама, но я не собираюсь прогуливаться в таких местах.

— Попробовал бы ты только собраться! Ты бы у меня потом неделю сидеть бы не смог! Никуда не пущу.

— А ну цыц, женщина! — вдруг рявкнул молчавший доселе отец. — Лучше помоги ему собраться в дорогу.

— Не пущу!!!

— Пустишь! Или ты хочешь, чтобы наш сын так и остался маменькиным сыночком?

— Пусть будет маменькин сынок, зато живой!!!

Дядя и отец переглянулись. В глазах обоих можно было прочитать одно и то же. «Ох уж эти женщины!» — говорили их взгляды. Я же сейчас обдумывал один моментик. Если мне сейчас показать хоть крошечное колебание, то мама, безусловно, настоит на своем и никуда я не поеду. Не надо будет ничего решать или делать. Ну останусь на второй год, единственный я, что ли, такой? Однако я также понимал, что если я так сделаю, то потеряю к себе всякое уважение. А без уважения к себе разве можно чего-то добиться в жизни? Я же определенно чего-то добиться хотел. Перспектива провести всю жизнь каким-нибудь мелким клерком, как мой брат, меня совсем не прельщала. Именно поэтому я молчал, предоставив разбираться с матерью отцу и дяде, понимая, что у них получится гораздо лучше моего убедить ее.

Эта битва для матери была слишком неравной и поэтому заранее обреченной на поражение. Поэтому вскоре она вынуждена была смириться с неизбежностью. Но сборы обещали быть не менее захватывающим зрелищем. Особенно когда мама начала пихать мне в чемоданы разные теплые вещи.

— На Земле так холодно, — приговаривала она. Мне же, когда мой взгляд падал на все растущую горку чемоданов и сумок, становилось тоскливо. В конце концов я не выдержал и отправился гулять, предоставив разбираться с матерью отцу и дяде.

Я прошел на детскую площадку, оседлал лошадку на карусели и задумчиво подпер подбородок. Честно говоря, я еще сам не разобрался, нравится мне эта поездка или нет.

— Ты катаешься?

Я поднял голову и встретился взглядом с совсем еще молоденьким чертенком. На вид ему было лет пятьдесят, не больше.

— Я занял твою лошадку? — спросил я. — Извини. Давай я тебе помогу.

Я подсадил малыша и раскрутил карусель. Малыш радостно завизжал. Делать мне было все равно нечего, и я стал работать «мотором» на карусели. Вскоре прибежали еще детишки. Зазвучал смех. Как ни странно, но мне было тоже весело. Наверное, мне надо было просто отвлечься от моего школьного задания. Расслабиться. И коль мне это действительно помогает, то стоит оторваться по полной. Так что вскоре я уже играл с детишками в

лошадок, скакал с ними через препятствия. Наконец все они утомились. Я плюхнулся на траву и запрокинул голову. Тут кто-то подошел ко мне и замер. Я приоткрыл один глаз. Рядом стоял все тот же карапуз.

— А почему ты был такой грустный сначала? — спросил он.

Я приподнялся на руках. Вот дотошный малыш. И что мне теперь ему отвечать?

— А почему ты решил, что я грустный? Может, я просто задумчивый?

— Ты был и грустный, и задумчивый.

Я присмотрелся к мальчику. Тот с какой-то недетской серьезностью смотрел на меня. Все ясно, наверняка будущий ангел. Не сможет этот малыш жить среди чертей. Он слишком близко к сердцу принимает чужие страдания. До Горуяна он наверняка просто умер бы от тоски. Сейчас же у него есть шанс. И очень может быть, что из него получится очень неплохой ангел. Я посадил его рядом с собой.

— Понимаешь, мне в школе дали одно задание. Но чтобы выполнить его, я должен уехать. Уехать далеко и очень, может быть, надолго. И задачка не из простых. Так что я даже не знаю, справлюсь ли с ней…

— Нет, — сообщил мне вдруг малыш. Я вздрогнул и уставился на него. Тот смотрел куда-то вдаль. — Не справишься, если сомневаешься. Когда я начинаю сомневаться, то у меня никогда ничего не получается. Вот я, помню, хотел построить башню из кубиков. Высоченную. Начал. А потом засомневался. А она возьми и рухни.

Я улыбнулся. Все-таки странный малыш. Тот вдруг повернулся ко мне.

— Ты не сомневайся. Просто захоти и сделай. А ты добрый. — Он протянул мне ладошку. — До свидания.

Я машинально пожал ее. Никогда и никто еще не называл меня добрым. Малыш встал, отряхнулся и направился куда-то со двора.

— Эй, — крикнул я ему вслед. Малыш обернулся. Я кивнул ему — Спасибо.

Тот помахал мне рукой и тоже кивнул в ответ. Потом отвернулся и побежал.

— Хм, значит, просто возьми и сделай, — хмыкнул я. — Чего уж проще. А вот возьму и сделаю. Всем чертям назло. В конце концов, я Эзергиль! И я сделаю так, что вскоре и рай, и ад услышат мое имя.

— Хвастун! — Я обернулся. Позади с нагловатой усмешкой стоял Ксефон.

— А, это ты. — Я растянул губы в злорадной ухмылке. — Как тебе понравился полет в раю? А администратор министерства наказаний тебя тоже, наверное, поблагодарил за помощь. Скажи, а архивариус при встрече с тобой вежливо здоровается?

— А ты одежду свою высушил?! — отпарировал Ксефон.

— О, да, — улыбнулся я еще шире. — Кстати, благодарю за купание. На улице такая жара была. Ты мне сильно помог. Да, мне жаль тебе это говорить, но я вынужден попрощаться с тобой. Я уезжаю и надеюсь, там тебя не будет.

— Это на Землю ты уезжаешь?! Ой-ой, напугал. Между прочим, я это уже отлично знаю! И мы там с тобой еще встретимся! Как только я получу разрешение.

Все-таки Ксефон дурак. Ну кто же кричит о том, что знаешь? Мои мысли моментально устроили в голове бег с препятствиями. Значит, Ксефон знает, что я отправляюсь на Землю. Но узнал об этом недавно, если только сегодня занялся выбиванием разрешений. Откуда узнал?

Цепочка вообще-то не слишком длинна. Мой дядя вряд ли стал бы просвещать этого болвана. А разрешения согласовываются с министерством наказаний — именно оно у нас в аду центральное. А значит, все эти просьбы шли через руки администратора. Тот может не любить Ксефона внутри министерства, но за стенами своего хозяйства Ксефон — его союзник. Ему, конечно, пришлось изловчиться, чтобы сообщить эту новость Ксефону и не нарушить заключенный договор с Викентием. Однако на то и черт, чтобы уметь вертеться. Значит, Ксефон узнал о моей поездке… Я оглядел наряд Ксефона. Судя по всему, он только недавно из рая. Час назад. И тогда же начал хлопоты. Отставать ему от меня никак нельзя. Он должен понимать это и своими куриными мозгами. Но вот чего ему определенно не следовало делать, так это сообщать мне о том, что ему известно о моей поездке. Не поиздеваться над Ксефоном я не мог. Я деланно выгнул бровь.

— Вот как? Что ж, спасибо за информацию. Теперь буду учитывать тебя в своих планах. Кстати, я что-то не пойму, чего ты ко мне привязался? У тебя что, никакого задания нет? Ах да, ты же у Викентия! Он не станет затруднять своего любимчика.

Ксефон взвился. Похоже, он и сам сообразил, что сболтнул лишнее.

— Мое задание тебя совершенно не касается! Я делаю то, что захочу. А тебе я все равно не дам выполнить твою практическую работу!!! И ты останешься на второй год!

Я расхохотался и захлопал в ладоши.

— Браво, Ксефон! Ты неподражаем! Ты великолепен!!!

Ксефон, я тобой восхищаюсь!

Тот резко развернулся и ушел. Я же продолжал хохотать ему вслед. Нет, Ксефон — талант. Если бы я даже не знал о пари директора школы с Викентием, то сейчас при желании все вытянул бы из этого лопуха. Да он, по сути, сказал мне все открытым текстом. А раз так, то есть повод испортить настроение еще одному человеку сего дня. Я злорадно усмехнулся — какой черт сможет удержаться от такого соблазна? Я поднялся и направился к ближайшему телефону-автомату.

— Алло! Господин Викентий? Это вы? Вам звонит Эзергиль. Да-да, ваш ученик. Господин Викентий, я хочу выразить протест… Я имею право… По какому поводу? Повод простой. Я только что разговаривал с Ксефоном… нет… да… Точнее, это он разговаривал со мной. Подошел и стал насмехаться. А потом заявил, что сделает все возможное, чтобы сорвать мне выполнение моего практического задания… Да, я тоже считаю, что он идиот… и с кретином согласен… Что? Ну это уж слишком… хотя ладно, уговорили, и это он тоже. Так вот, господин Викентий, я к чему веду, я так полагаю, что свое задание он уже выполнил… верно, не мое дело, однако я могу поднять этот вопрос на собрании педагогов… Какие претензии? Претензии вполне обоснованы: что это за задания у учеников, если у них хватает времени мешать другим выполнять их задания? Я вот вынужден вставать с утра пораньше и целый день на ногах. И у меня времени не хватит просто, даже если бы я захотел, мешать другим… Что? Почему звоню вам? Так ведь вы же куратор Ксефона, кому я еще должен был звонить? Впрочем, если вы настаиваете, то я позвоню директору школы… Не надо? Почему? Ах, вы приструните его. Что ж, буду признателен. И еще, господин Викентий, вы ведь понимаете теперь, что если он встретится мне на пути в процессе выполнения моего задания, то я могу сделать с ним все, что мне взбредет в голову. Мешать ученикам в выполнении их практического задания — это не шутка. Короче, если только он попадется мне на пути, то пусть пеняет на себя.

Я повесил трубку и прислонился к стене, едва не сползая по ней. Представив, как сейчас Викентий рвет и мечет, я захихикал. Эх, дорого бы я дал, чтобы послушать разговор Викентия и Ксефона, который непременно состоится в самое ближайшее время.

С чувством глубокого удовлетворения от хорошо проделанной работы я отправился домой. Завтра утром я покидаю ад и отправляюсь на Землю, чтобы выполнить самое, пожалуй, странное задание в истории чертей. И не будь я

Эзергиль, если не справлюсь с ним. Как там тот малыш говорил? Пойду и сделаю!

Часть 2
Ангел и черт

Глава 1

Сборы в дорогу, вообще-то, могли бы занять и меньше времени. Однако папа решил ускорить работу. Поэтому мы провозились два дня вместо двух часов. Ну подумайте, много ли мне надо? Запасную одежду, людские деньги и кое-какие вещи для мелких пакостей. Какой же черт отправится куда-нибудь без чихательных бомб, вонючих мин и чесоточного порошка? Так ведь и пакость никому не сделаешь. Нет, свои вещи я собрал быстро. Сложность была в другом. Дело в том, что папа и мама кардинально разошлись во мнении, «что ребенку брать в дорогу». Дядя попытался встрять в этот спор, но быстро сдался под мощным сдвоенным напором.

— Вот своих детей заведешь, им и будешь указывать, что брать! — рявкнул отец.

Мы с дядей переглянулись и разом вздохнули. Я поднялся и вышел из комнаты. Дядя за мной.

— Думаешь, это надолго? — спросил он, прислушиваясь к разгорающемуся спору.

— Сутки минимум.

— И что ты собираешься делать?

— Ждать. И пока постараюсь найти местечко, куда можно будет сложить большинство из тех вещей, что они соберут. Пусть полежат до моего возвращения.

— Какое изощренное коварство, — усмехнулся дядя. — Ладно, так и быть, в этом я тебе помогу. Можешь все отдать мне. Я положу твои вещи к себе. А пока давай пройдемся по магазинам и посмотрим, что тебе действительно нужно.

— Вы так не доверяете моим родителям? Не верите, что они соберут что-то полезное?

Дядя некоторое время молчал. Было видно, как педагогические соображения боролись с нежеланием врать. Я с интересом смотрел за дядей, гадая, что победит. Как ангел, он не мог врать. И как ангел же, он не мог при ребенке критиковать его родителей. В конце концов он пошел на компромисс.

— Некие родители, — медленно заговорил он, тщательно подбирая слова, — разумную заботу о детях превращают в неразумную, что мешает детям развиваться самостоятельно. Что вырастет из таких детей, непонятно.

— Вы считаете, что мои родители неразумно обо мне заботятся? — весело поинтересовался я.

— Твоя мать безусловно. Но я бы сказал так, у тебя хватает ума и таланта уходить от ее чрезмерной опеки.

То, что мой прогноз на сутки оказался несколько оптимистичным, было не моей виной. В конце концов, я не думал, что спор матери и отца перейдет в фазу ПРИНЦИПИАЛЬНОГО. В таких случаях я даю трое суток на нахождение компромисса. То, что родители уложились в двое, уже говорило о многом. Наконец в коридоре выросла горка:

• чемоданы — 2 штуки;

• сумка дорожная — 1 штука;

• сумка малогабаритная для мелких и необходимых в дороге вещей — 5 штук;

• рюкзак — 1 штука.

Я некоторое время молча разглядывал кипу сумок в коридоре. Потом, ради интереса, заглянул в одну. Одежда, обувь, фонарик… дальше я смотреть не стал. Посмотрел в другую сумку. Там был почти тот же набор.

— По-моему, тут вещи одинаковые, — сообщил я.

— А вдруг ты одну сумку потеряешь? — поинтересовалась мама. — Ты ведь такой рассеянный.

— Ну просто гениальный, — опять съехидничал брат.

Я покосился на него. Ему легко было ехидничать, а мне все это переть. Я несколько раздраженно ткнул пальцем в кучу вещей и нарисовал им круг в воздухе. Тотчас все эти чемоданы, сумки, рюкзаки поднялись в воздух. Я зашагал к выходу, а вещи клином построились за мной. Родителей дядя уговорил не провожать меня. Не знаю уж, как ему это удалось. Поэтому я в сопровождении летящих за мной вещей гордо вышел на улицу и направился по Чертовой аллее. И тут некстати я увидел Гроньку — своего одноклассника. Тот удивленно вылупился на парящие за мной чемоданы.

— Тебя что, из дому выгнали? — спросил он.

Я обернулся и посмотрел на парящие за мной вещи. Со стороны действительно было похоже.

— Нет. Понимаешь… — Я внимательно осмотрелся по сторонам. — Только это секрет пока. Поклянись, что никому не скажешь?

Гронька явно заинтересовался. У него даже уши от любопытства зашевелились.

— Дело в том, что я получил наследство. Умерла одна дальняя родственница матери. Так вот, мать, оказывается, она терпеть не могла, поэтому ни разу не появлялась у нас. И по завещанию все оставила не ей, а мне. Понимаешь? Вот я и иду осматривать свое наследство. Заодно вещи кое-какие в новый дом переношу. Только ты никому…

— Клянусь, — пообещал Гронька, смотря на меня круглыми

от удивления глазами. — Ну ладно, я побежал… у меня еще дел полно.

Я проводил Гроньку взглядом. Интересно, через сколько времени весь город будет знать о том, что я получил наследство? С учетом расторопности Гроньки я давал около часа. Уж сколько этого Гроньку учили, что не стоит верить всему, что ему сообщают под большим секретом, ничего не помогает. Все верит и верит. Ему уже перестали верить. А значит, очередной поток насмешек в его адрес был обеспечен. И правильно, сплетнику — первый кнут.

Дядя меня ждал в арендованной машине за углом дома. При виде летящего за мной багажа он удивленно присвистнул.

— Твои родители постарались. Ладно, сейчас ко мне, соберем тебя нормально и в путь. Не боишься?

Нельзя сказать, что я боялся или переживал, однако сердце колотилось в груди как-то уж очень быстро. И руки почему-то потели. Но я упрямо потряс головой.

— Молодец, — похвалил меня дядя, улыбнувшись. Он моментально покидал все мои вещи в багажник и приглашающее распахнул дверь. Потом сел за руль, и мы поехали.

— На вокзал? — спросил я.

— Нет. Не люблю поездов. Полетели на самолете.

— Ух ты! — не удержался я. В последнее время все больше и больше человеческих вещей проникало в наш мир. А ведь я еще застал время, когда черти ездили на скрипящих телегах, запряженных козлами. Ангелы, те всегда предпочитали летать. На то им и крылья. Но сейчас у нас появились и машины, и поезда, и даже самолеты. Конечно, с доработками, но все же. — Давно мечтал полетать на этих железных трубах!

Дядя поморщился.

— Во-первых, летают не на них, а в них. А во-вторых, я еще не сошел с ума летать на этих железных штуках. Не доверяю я им.

— А на чем же мы полетим? — удивился я.

Дядя достал из кармана два билета.

«Джинн и компания», — прочитал я и сморщился.

— Фи, ковры-самолеты. Дядя, это же даже не прошлый, позапрошлый век. В то время, когда прогресс шагает по Земле семимильными шагами, мы продолжаем пользоваться разными анархизмами…

— Как?!

— Ну этими, анархизмами.

Дядя фыркнул.

— Когда приедем, посмотри в толковом словаре значение того слова, которое ты сейчас сказал, и сравни его с тем, которое

хотел сказать. Так что ты там говорил про сапоги-скороходы?

Я всерьез обиделся и замолчал. Слово ему не понравилось. Сапоги-скороходы.

— Ну не дуйся. Чем тебе не нравятся эти анархизмы? — При последнем слове дядя фыркнул и с трудом сдержал улыбку. И что ему это слово так не понравилось? Надо действительно в словаре посмотреть. Не люблю выглядеть смешным… если, конечно, я сам не желаю таковым показаться. Сейчас я такого не желал.

— Я говорю, что когда на Земле век научно-технического прогресса, мы продолжаем использовать вещи, доставшиеся нам еще от языческих времен. Всякие там печи-самоходы, сапоги-скороходы, яблоки наливные на блюдце.

— Скатерти-самобранки, — согласно кивнул дядя. Я тут же пошел на попятную.

— Ну среди старых вещей есть и полезные. Но то, что уже можно заменить людскими штучками, надо менять. Тот же телевизор ведь работает гораздо лучше наливного яблока. И качество изображения получше.

— Эти вещи проверены временем. Мы приехали, кстати.

— Проверены временем, проверены временем, — бурчал я, доставая свои вещи из багажника. — Дядя, почему тогда вы покупаете себе новую обувь? Ведь старая проверена временем.

Дядя несколько растерянно посмотрел на меня.

— Ты знаешь, с таких позиций я как-то не думал. Впрочем, какая разница. Не менять же билеты только потому, что тебе не нравятся ковры-самолеты.

Мы прошагали до нужного нам ковра. Хотя какого ковра. Это была целая дорожка. Метров двадцать длиной. И на ней уже сидели человек десять. Впереди, клубясь черным дымом и в чалме, сидел джинн. Он молча повернулся к нам и проверил билеты.

— Вот теперь все. Можно лететь. Господа пассажиры, вас приветствует полетная компания «Джинн». Доставим вас быстро и надежно.

Я покосился на уже успевшую удалиться землю.

— Ну, — буркнул я, — вниз мы в любом случае попадем.

На мои слова пассажиры прореагировали несколько нервно.

— Мальчик любит шутить? — поинтересовался у меня с улыбкой джинн. Однако в этой улыбке явственно прозвучала угроза. Заткнись, мол. Ну это он зря. Угроз я совершенно не перевариваю. Он вздумал угрожать МНЕ???

— Люблю, — кивнул. — Я вот недавно разговаривал с душой Сулеймана…

— С чьей душой? — вдруг хрипло спросил джинн. То, что я

черт, не видеть джинн не мог.

Я деланно удивился.

— Что вас так встревожило? Ну да, того самого Сулеймана. Он мне рассказал про какое-то кольцо… Погодите, кажется, оно где-то в моих в вещах…

— Не-е-ет!!! — От раздавшегося визга у меня заложило в ушах. Джин отшатнулся и рыбкой бросился с ковра. Я слегка удивленно глянул вниз. Где-то там, вдали виднелся белый купол парашюта. Хм, не думал, что джинны так нервно реагируют на упоминание о кольце Сулеймана.

— Великолепно, Эзергиль, — ледяным тоном заметил дядя. — Твоя очередная шуточка вполне удалась. И что нам теперь делать? Как мы без пилота пересечем границу ада и рая?

Под общими… скажем гак, не слишком дружелюбными взглядами я поежился. Потом покосился на край ковра. Последовать примеру джинна, что ли? Только вот у меня нет парашюта. А дядя может и не кинуться меня ловить. Слишком уж разозлился.

— Я виноват, что этот дундук шуток не понимает?

— Кто тут дундук, это мы сейчас выясним, — привстал один из пассажиров.

— А ну сядь, — тихо произнес дядя. Однако в этом тихом голосе было нечто такое, что все недовольно гудящие пассажиры замолчали. — Своего племянника буду ругать только я. Больше таких прав нет ни у кого из вас. И наказывать его в случае необходимости тоже буду только я. Всем ясно?

Пассажиры испуганно примолкли.

— Если всем все ясно, то я сейчас постараюсь вернуть нашего пилота. — С этими словами дядя шагнул с края ковра. В тот же миг у него за спиной появились крылья, которые моментально расправились, и вот уже белая точка стремительно неслась вниз. Все-таки летящий ангел — зрелище захватывающе. Тоже, что ли, в ангелы податься? Так ведь не примут. Нет, не примут.

Дядя действительно вернулся быстро. Минут через пятнадцать. За ним летел джинн. При виде меня он сердито ощерился.

— Вашего племянника надо на привязь посадить за такие шутки, — буркнул он дяде. — И намордник надеть.

Судя по бросаемым в мою сторону взглядам, большинство пассажиров были с этим полностью согласны. Интересно, и что я такого сделал? Всего лишь немного пошутил.

До самого приземления дядя не обмолвился со мной ни словом. Также молча покидал мои вещи в такси. Только уже у себя дома после десятиминутного изучения взглядом меня он

наконец промолвил:

— Даже не знаю, что с тобой делать, Эзергиль. Я ведь думал, что ты действительно уже взрослый и вполне отвечаешь за свои поступки. Но то, что ты учудил сегодня… Теперь не знаю, отпускать тебя на Землю или нет.

— Я же не смогу тогда сделать свое практическое задание!!! — возмущенно завопил я.

— Думаю, тебе полезно второй годик просидеть в одном классе. По крайней мере повзрослеешь чуть-чуть и, возможно, к следующему лету станешь серьезней.

— А я серьезный. Просто этот джинн сам начал мне угрожать…

— На Земле тебе тоже будут угрожать. Ты что, собираешься разнести всю планету из-за этого? В общем так, ты сейчас мне поклянешься не применять никаких своих талантов на Земле без крайней необходимости. Или никуда не пойдешь.

— Но дядя!!! Как же я смогу…

— Ничего не знаю! Раньше думать надо было! И заметь, я тебе не запрещаю пользоваться своими талантами. Просто запрещаю применять их без крайней необходимости.

— А как я определю эту самую необходимость? — буркнул я.

— Думаю, — кивнул мне дядя, — с этим проблем у тебя не будет. Так как?

— Но дядя…

— Никаких дядей. Может, после этого ты станешь больше пользоваться головой и меньше полагаться на разные свои чертовы таланты.

Ну раз так. Я сел на пол и сложил на груди руки.

— Нет. И можешь прямо сейчас сообщить в школу, что я не сделал свою работу.

— Эзергиль…

— Дядя, или вы мне доверяете, или нет. Я не буду ничего обещать. Я только скажу, что буду очень осторожен. И что я сам хочу решать, когда и что мне делать. А вы либо мне доверяете, либо нет.

Дядя молча смотрел на меня.

— А ты действительно повзрослел. Хорошо. Я поверю тебе. Надеюсь, не напрасно.

— Не напрасно.

— В таком случае давай займемся твоими вещами. Высыпай все на ковер. Будем выбирать из этого вороха вещей то, что тебе действительно может пригодиться.

Через два часа я выходил из дома с одним полегчавшим рюкзаком типа земного школьного ранца и небольшой сумкой.

Дядя проводил меня до площади Надежды. Здесь его встретил один, уже изрядно поседевший ангел.

— Этого черта надо доставить на Землю? — спросил он.

— Да. Его имя Эзергиль. Вот заявка на него, — отозвался дядя.

— Хорошо. Ну что, Эзергиль? Ты готов? Да не бойся ты так. Первый раз?

— Ага, — кивнул я, облизав вдруг пересохшие губы. Лучше бы мы из ада отправлялись. По крайней мере, обстановка привычная. Но нельзя по тому же договору Горуяна. Черти отправляются на Землю из рая, а ангелы соответственно из ада.

Ангел положил мне руку на голову и взмахнул крыльями. Эти крылья у ангелов были предназначены вовсе не для полетов. Вернее, полет с их помощью — это только одна из их функций, причем далеко не главная. Эти крылья были на самом деле тончайшим механизмом, с помощью которого можно было открывать межмировую дверь. У чертей ту же функцию выполнял хвост. Вот ангел сильнее замахал крыльями. Вокруг нас, словно пыль, поднятая ветром, закружил какой-то сияющий рой. Он все возрастал и возрастал с каждым взмахом крыльев. Вот этот рой закружился в хороводе и образовал длинный туннель, уходящий куда-то ввысь. И словно какая-то сила подхватила меня, подняла в воздух и понесла вперед. Я едва не заорал, но тут кто-то ухватил меня за руку. Я оглянулся. Рядом летел тот самый старый ангел. Его взгляд был устремлен вперед. Но все же он обернулся ко мне и улыбнулся.

— Скоро будем на месте.

Я сглотнул комок в горле и кивнул. Сказать бы я вряд ли что смог.

Туннель действительно скоро кончился. Миг, и мы парили уже в вышине. Над нами сияло золото Солнца. Синева неба, а внизу простиралось зеленое море. Вдали виднелся какой-то город. Именно туда мы и устремились.

— Э-э, а нас не заметят?

Ангел опять улыбнулся.

— Не бойся. Никто не заметит.

Я кивнул. Действительно глупо было указывать ангелу, что ему делать. Вместо этого я стал смотреть по сторонам. Неужели это и есть Земля? Та самая Земля, где живут люди, в некотором роде наши создатели? Интересно-то как!!!

Мы влетели в город и приземлились на одной из его улиц. Мимо нас деловито спешили люди. Большие и маленькие, толстые и худые. Женщины и мужчины.

— Нас еще не видят, — сообщил мне ангел. — Постой пока,

осмотрись. Когда скажешь, что готов, я улечу. Тогда ты станешь видимым. Станешь частью этого мира.

Наверное, я минут десять стоял, наблюдая за проходившими мимо людьми. Смотрел на машины. Наблюдал перемигивающийся светофор. Ангел терпеливо ждал. Только мягко улыбался.

— Я готов, — кивнул я.

Ангел опять улыбнулся.

— Никогда не думал, что скажу нечто подобное черту, но… удачи тебе в твоем задании. Я знаю о нем.

Я только растерянно кивнул. Миг, и ангел исчез.

— Ну чего встал на дороге! — раздраженно буркнул какой-то лохматый парень лет шестнадцати и отпихнул меня в сторону. Я налетел на какую-то тетку.

— Хулиган! — пихнула она меня. Я отлетел к стене дома.

Что ж, добро пожаловать на Землю. Я посмотрел вслед парню и тетке и улыбнулся. Кажется, мне здесь понравится. Если тут есть такие люди, то этот мир просто создан для чертей. Ладно, развлечениями можно и потом заняться. Сейчас дело. Я достал из кармана бумажку с адресом. Внимательно ее изучил. Как мне было обещано, доставить меня должны сразу туда, куда нужно. Тэк-с, проверим. Я поднял голову и отыскал табличку с названием улицы. Потом посмотрел на карту. Ага, вот она, эта улица. Она идет перпендикулярно той, которая мне нужна. Если пройти чуть вперед, то… Шагаем.

Я поднял сумку и зашагал к перекрестку, что находился шагах в пятидесяти впереди. Сверился с картой. Так, теперь направо и во двор. Вот и нужное мне место. Теперь поставить сумку и оглядеться. Двор как двор. Кругом куча детворы. Там парни постарше. Курят. Хм. Ладно, быстрее к нам попадут. А может, и не к нам. Но попадут. Стоп. Чегой-то меня не в ту степь потянуло. Для начала стоит отыскать нужный мне дом.

Долго искать его не пришлось. Дом стоял как раз напротив меня. Большая двенадцатиэтажка. Из блоков. Впрочем, для моей работы это не имело никакого значения. Надо сосредоточиться на главном. Но для начала надо бы решить, что делать с вещами. Глупо таскаться с ними. Я огляделся. Вот хорошее дерево. Большое. Я подошел к выбранному дереву и обошел его вокруг. Огляделся, не смотрит ли кто на меня. Потом быстро переложил в небольшую сумку те вещи, что могут мне понадобиться в любой момент. Опять огляделся. Затем аккуратно провел рукой по дереву.

— Уважаемое дерево, не будете ли вы столь любезны на время припрятать мои вещи, — обратился я к нему на

межмировом языке. Ствол дерева слегка треснул и раскрылся, показывая довольно просторное дупло. Я быстро покидал туда свои вещи. Ствол сомкнулся. — Огромное спасибо, — поблагодарил я дерево. Вежливость лишней никогда не бывает. Вот теперь можно и отправляться на дело.

Однако здесь я впервые столкнулся с неожиданностью. Не успел я зайти в подъезд, как чуть ли не за руку был схвачен какой-то теткой.

— Ты куда это, хулиган, собрался.

Я недоуменно посмотрел на тетку. Потом оглядел себя с ног до головы. Интересно, как она определила, что я хулиган.

— Простите? — недоуменно спросил я ее.

— Я спрашиваю, ты к кому собрался?!

— Прошу прощения, мадам, — с изысканной вежливостью обратился я к ней, — но мне кажется, направление моего движение касается только меня. Это личное.

— Мал еще личное иметь, — буркнула она. Было видно, что моя вежливость изрядно ее смутила.

Я свысока оглядел тетку с головы до ног. Нет, я, конечно, был меньше ее ростом, но все-таки глядел на нее именно свысока. Потом аккуратно освободил свою рубашку от ее хватки.

— Я имею личное. Вот эта рубашка, за которую вы схватились, моя личная. Я ее покупал на свои деньги. У меня есть личные дела, которые вас никоим образом не касаются. Если же, — я жестом остановил ее готовый вырваться крик, — у вас есть что возразить, то обсудите это с моим адвокатом. Вот моя визитка. — Я аристократическим жестом достал из переднего кармашка сотворенную только что визитку и протянул ее тетке. Та молча приняла ее, смотря на меня раскрыв рот. Я направился в подъезд.

— А-а…

Я обернулся.

— Если у вас вопросов больше не осталось, то я пойду.

— Но-о…

Я закрыл подъездную дверь за собой и направился к лифту. Подобных типов надо сразу ставить на место — это я уяснил еще в раннем детстве. И чем более хамоватые они, тем с большей вежливостью к ним стоит относиться. Обычно это их ужасно раздражает. Гарантировано, что больше двух раз они не пристанут. Второй раз, это если совсем мозгов у них нет и они не поймут с первого раза, что над ними просто издеваются. Ладно, забыли. Мой этаж, кажется, шестой. Ага, вот она, квартира.

Я с минуту изучал оббитую обожженными рейками Дверь. Отошел на два шага назад и снова внимательно ее изучил. Потом

направил открытую ладонь на нее. Еще не хватало нарваться на освященную квартиру. Вроде все чисто. Так, замечательно. Я соединил ладони перед собой и прикрыл глаза. Вспомним, чему нас там в школе учили. Сосредоточимся. Я сделал шаг вперед и открыл глаза. Не разрывая рук я зашагал к двери и прошел сквозь нее. Уф, получилось. Нет, в аду я так тоже пробовал, но на занятиях это все равно не то, что на практике.

Я огляделся. Довольно грязный коридорчик. Полы, похоже, не мыли уже месяцев шесть. Как раз напротив двери обои оказались порваны. Я склонил голову набок и изучил бетонную стену. Нет, все равно некрасиво. Я прошелся по коридору, осматривая довольно убогую обстановку. Перекосившийся шкаф. Судя по всему, это искривленное положение он принял относительно недавно, когда по нему колотили чем-то тяжелым.

— Оп, — тихонько воскликнул я, едва не хлопнув себя по лбу. Идиот, обрадовался как первоклассник, который только что научился проходить сквозь двери. Ведь в квартире кто-то есть. Хорош я был бы, если бы он сейчас вышел в коридор. Я поспешно создал морок, окутав себя им как плащом. Теперь увидеть меня будет проблематично. Защищенный мороком, я направился на кухню.

— Ого. — Я изучил гору грязной посуды в раковине. Заглянул под нее. — А, привет, дружище.

Таракан недоуменно уставился на меня, шевеля своими усиками. Я подставил руку, заставляя его забраться на нее. Таракану это не нравилось, но деваться ему было некуда. Я заставил его залезть мне на кончик пальца и поднес к глазам. Сфокусировался, проникая в его слабое сознание и подчиняя его себе. Мозгов у него, конечно, никаких, но некоторая память есть. Уже через секунду я смог считать эмоциональный фон людей, который скапливается в любых живых существах, живущих рядом с человеком. Некоторые, правда, скапливают положительный фон, другие отрицательный. Тараканы отрицательный. Да-с, а от таракана изрядно фонит. Ну тут, по крайней мере, я могу помочь. Щелчком я отправил таракана в полет, а потом раскинул руки в стороны. Подчиняясь моему молчаливому приказу, из всех щелей стали выползать тараканы. Они лезли отовсюду и сбегались ко мне. Вскоре я уже стоял в окружении тараканьего моря. Шевелящийся ковер покрывал все полы кухни. Как я подозревал, я выманил тараканов практически со всего подъезда. Ну и ладно. Зато с гарантией, что эмоциональный фон очищен. Я перевернул раскинутые в сторону руки ладонями вверх и стал впитывать их отрицательную энергию. Питаться же, в конце концов, мне надо. «Еда людская для тела, а их эмоции для дела» — так говорят у

нас. Для ангелов любовь и доброта, для чертей ненависть и страх. Тараканы задвигались. Я же вытягивал из них все отрицательные людские эмоции, скопленные за время проживания с людьми. Вскоре я опустил руки и оглядел пол кухни, весь усеянный тараканьими телами. Они покрывали пол слоя в три. Гм, с этим тоже надо что-то делать. Щелчок пальцами, и все тараканьи тела вспыхнули. Секунда, и на полу нет ни одного таракана. Вот так-то лучше. Поехали дальше.

В зале я задерживаться надолго не стал. Там даже мне стало тоскливо. Когда-то уютный, зал представлял собой довольно печальное зрелище разгрома. Сломанный журнальный стол. Дорогая «стенка» с одной дверкой и разбитым зеркалом в баре. Там стоял и единственный уцелевший фужер. Персидский ковер был скатан и засунут в угол. От него отчетливо несло какой-то кислятиной. Похоже, что-то пролили, а потом так и оставили. А вот во второй комнате находился обитатель. И в данный момент этот обитатель спал. Я внимательно оглядел его. Потом прошел к единственному в комнате креслу и сел, подтянув колени и положив подбородок на них.

— Ну здравствуйте, Ненашев Виктор Николаевич, — пробормотал я.

Мужчина что-то пробурчал во сне и перевернулся. Хм, вроде приличный человек. Даже галстук есть. Щетина вот только все портит. А так костюмчик неплохой. Кстати, и комната ничего. По крайней мере, какой-то порядок тут есть. И чисто, по крайней мере. Даже странно.

Тут в дверях что-то загромыхало в замке. Я услышал скрип двери. Кто-то вошел в квартиру. Через минуту Дверь слегка приоткрылась и в комнату заглянула смуглая рожица мальчишки. Он испуганно оглядел спящего мужчину. Осмотрелся. Меня он, понятно, не заметил. Я же с интересом изучал своего подопечного. Не удержался и фыркнул. Подопечного. Я не ангел-хранитель!!!

Мальчишка тем временем прошмыгнул в комнату и склонился над спящим отцом. Убедившись, что тот спит, он аккуратно залез в карман его пиджака.

— Воруем? — вежливо поинтересовался я.

Мальчишка, естественно, меня не расслышал. Я колебал только фон, который человек способен уловить своим подсознанием. Мальчишка уловил и вздрогнул. Огляделся. Ого, а у него неплохо развито воображение, если он способен настолько почувствовать колебания фона. Но он тут же упрямо сжал губы и снова залез в карман. Достал кошелек.

— Ая-я-яй.

Мальчишка опять вздрогнул. Тем не менее, уже не колеблясь, он залез в отцовский кошелек, достал пятьдесят рублей. Остальные сунул обратно и вернул кошелек на место.

Становится интересно. Если уж воровать, то все. А таскать по мелочам… Фи. В этом нет стиля. Ведь все равно попадет одинаково, что за пятьдесят рублей, что за пятьсот. А если не видно разницы, зачем воровать меньше?

Мальчишка тем временем прошмыгнул из комнаты. Вскоре я опять услышал, как он гремит ключами. Я поднялся и последовал за своим клиентом. Вместе с ним спустился на лифте. На улице рассеял морок и неторопливо зашагал за Алешкой. Алексеем Викторовичем Ненашевым. Двенадцати лет от роду. Тот постоянно нервно оглядывался, но вряд ли он вообще что-либо заметил, слишком уж возбужденным был. Он выскочил на улицу и остановился около киоска Роспечати. Нервно огляделся. Я пристроился недалеко от него на скамейке рядом с какой-то девчонкой. Девчонка недовольно покосилась на меня и махнула своим «хвостом», едва не заехав мне по лицу. Я небрежно отмахнулся от ее волос, продолжая наблюдать за Алешкой.

— Мне кажется, вы заинтересовались тем мальчиком.

Интересно, на Земле все девчонки такие вежливые?

— А тебе-то что? — буркнул я, даже не посмотрев в ее сторону.

— Вежливые люди не отвечают вопросом на вопрос.

— А кто сказал, что я вежливый? Отвали.

— Грубиян!

— Верно.

Девчонка свысока оглядела меня и отодвинулась. Я улыбнулся уголком губ. Какие мы нежные. Грубость не переваривaем. Утю-тю-тю. В этот момент к Алешке подошла какая-то компания мальчишек. Старшему там было лет восемнадцать. Младшему лет десять. Я моментально навострил слух.

— Принес? — довольно грубо обратился самый старший к Алексею.

Тот молча достал пятидесятирублевку. Старший небрежным жестом принял ее. Аккуратно сложил и сунул себе в карман. Потом показал кулак.

— Смотри у меня. В следующий раз так долго ждать не буду.

— Я ведь говорил, что у меня нет, — чуть ли не со слезами проговорил Алешка.

Парень сгреб мальчишку в охапку и выдохнул ему в лицо сигаретным дымом.

— Ты мне не ври! Эту же ты где-то раздобыл?! Значит, есть.

Слушай, а может, ты еще от меня что-то припрятал?!

— Да нет у меня ничего!!! — уже не сдерживая слез, вскричал Алешка.

Я откинулся на спинку скамейки, забросил ногу на ногу и приготовился досмотреть концерт до конца. Покосился на девчонку. Та как-то подалась вперед и сквозь прищур разглядывала всю компанию у киоска. Я прикинул расстояние. Интересно, что ее там заинтересовало? Слышать она с такого расстояния не могла. Может, знакомого встретила? Интересно, но пока не актуально. Я снова посмотрел на компанию. Те уже рассредоточились, заняв какую-ту странную диспозицию. Большой парень в обнимку с Алешкой стоял около киоска. Малявка лет десяти околачивалась где-то в стороне. Еще двое стояли поближе, о чем-то разговаривая. Этой парочке было лет по тринадцать. Последний из этой компании, шестнадцатилетний обалдуй, стоял по другую сторону киоска. Все они делали вид, что незнакомы друг с другом. Ой, чувствую, что что-то затевается. Своим чертовским нутром чувствую неприятности. И, словно в ответ на мои мысли, стоявшая в стороне парочка схватила валявшиеся на газоне кирпичи, запустила ими в окна киоска и тут же бросилась бежать.

— Вот они!!! — завопил десятилетний шкет. — Они туда побежали!!!

Из киоска выскочила разъяренная киоскерша, бросившаяся было за ними. В открытую дверь тут же прошмыгнул шестнадцатилетний парень и сразу подбежал к кассе. Самый старший так и остался стоять в обнимку с Алешкой, невозмутимо наблюдая за суетой. Вот, воспользовавшись суматохой, он просунул руку сквозь разбитое стекло и моментально сгреб кучу всего с полок в целлофановый пакет. Потом пихнул его Алешке.

— Беги! — велел он.

Алешка растерянно принял пакет и остался стоять, хлопая глазами. Тут киоскерша заметила кого-то внутри киоска и бросилась туда, громко крича о краже. Парень выскочил на улицу и бросился наутек. Женщина за ним. Она бы обязательно его схватила, но тут ей под ноги попался тот самый шкет, и она упала. Немногочисленные прохожие, не понимая, что происходит, смотрели на тетку и удирающих пацанов. Некоторые понимали, что происходит, но посчитали это не своим делом. Около киоска остался стоять только растерянный Алешка. Вот ведь дундук. Сказано же было, беги. Тут киоскерша поднялась, и, естественно, первым, кого увидела, был Алешка.

— А-а!!! — закричала она. — Так ты тоже из этих?!

Алеша затрясся и что-то забормотал.

— Не из этих, говоришь?! — Киоскерша уже крепко ухватила его за плечо и копалась в сумке. — А это что в таком случае?! А это что?!! — При каждом «что» она выкладывала из сумки очередную украденную вещь. — Значит, ты не с ними?!

— Я не крал!!! — заревел мальчишка в голос. — Это они обронили, а я поднял!!!

— Это ты в милиции расскажешь!

— Нет, пожалуйста!!! Я же ничего не брал!

Я оценивающе изучал живописную сцену. Вмешаться или нет? Пожалуй, нет. Дураков следует учить.

— Он правда не воровал! — вскочила со скамейки девчонка. — Я все видела!

Я удивленно покосился на нее. И куда она понеслась? Я против воли поднялся тоже и пошел следом за ней. Девчонка тем временем подскочила к киоскерше и принялась с жаром рассказывать, как все было на самом деле. К моему удивлению, ее рассказ был предельно точен. И как она все углядела? Я уже по-новому поглядел на девчонку. Вроде ничего необычного. Потрепанные джинсы, майка. Волосы на затылке перетянуты резинкой. В это время девчонка обернулась ко мне, и наши глаза встретились. Вот глаза ее были совершенно необычны. Вроде все как у людей. Карие. Но что-то было в них…

— Вот он тоже сидел рядом и все видел! — Девчонка пихнула меня. — Ну скажи, как было!

— Как было что?

— Ну здесь как было! Ты же ведь глаз не спускал!

— А-а, значит, ты тоже один из них. — Вторая рука киоскерши ухватила меня за плечо. — И ты! — Киоскерша повернулась к девчонке. — Одни воруют, а другие выгораживают?!

— Я?! — несколько опешила девчонка.

— Ну не я же! — Тут киоскерша посмотрела на девчонку и вдруг поперхнулась. Ее лицо как-то недоуменно вытянулось, и она покраснела. — Извини, девочка. Сама видишь, нервы ни к черту. Так ты говоришь, этот мальчик не воровал?

Я моргнул. Эй, чего я пропустил? Я покосился на девчонку. Она была… была…

— Крылатая! — вдруг осенило меня, и я хлопнул кулаком по лбу.

Девчонка повернулась ко мне, и тут ее глаза тоже широко распахнулись.

— Хвостатый! — отшатнулась она от меня. — Так это твои проделки!!!

Я моментально заморозил время. Все вокруг замерло.

Девчонка теперь повернулась ко мне. Ее глаза пылали.

— Твои проделки?! — повторила она вопрос.

Я усмехнулся.

— Ты не поверишь, но я к этому не имею никакого отношения.

— Ты прав, не поверю!

— Тем не менее это факт.

— Тогда что ты тут делаешь?!

— Аналогичный вопрос я могу задать и тебе.

— Я первой спросила!

— Я первый пришел.

Девчонка возмущенно уставилась на меня. Я глядел насмешливо.

— Слушай, — вмешался я. — Я не могу долго держать время. Давай потом поговорим?

— Только сначала ты поможешь мне спасти этого мальчика!

— С какой стати? — изумился я. — В конце концов, я черт, а не Дед Мороз.

— Ты поможешь мне спасти мальчика.

— И не подумаю. Дураков учат.

— Он не дурак!

— Дурак. Он дурак, что связался с той компанией. Он дурак, что отдал деньги. Он дурак, что принял пакет с ворованными вещами. Он дурак, что, приняв пакет, не убежал.

— Ты же о нем ничего не знаешь?

Я поморщился. Время истекало. Еще чуть-чуть и все выйдет из-под контроля. Тогда точно будет хуже. Я махнул рукой. Время вернулось в свое обычное русло.

— Какой хвостатый? — недоуменно покосилась на меня киоскерша.

— Ничего. Просто я на маскараде играл черта. А эта девочка — ангела. Мы вот узнали друг друга.

— А-а. — Тетка была слегка заторможена. Девчонка сердито покосилась на меня. Я пожал плечами. Сама просила помочь. Делаем как умеем. Не нравится, пусть сама выручает.

Я вырвал пакет из руки Алексея и сунул его киоскерше.

— Возьмите. Вы хорошо запомнили тех, кто воровал? — Я сконцентрировался и вложил ей в мозг описание каждого из шайки. Слегка затуманил только образ Алеши. Он вроде был всегда тут, но к краже отношения не имеет. Просто не повезло мальчику очутиться не там.

За спиной сердито шипела девчонка.

— Не нравится, действуй сама, — прошептал я ей.

— Ты не смеешь вторгаться в сознание людей!

— А я и не вторгаюсь. Я просто помог ей вспомнить всех хулиганов. Расшевелил память. Разве я сделал что-то плохое?

— Сделал!

— Прошу прощения.

Тут девчонка ухватила меня за плечо и вытащила из образовавшейся толпы.

— Хватит! Дальше пусть сами разбираются. Алексей теперь свидетель, а не обвиняемый. Ты, — тут она поморщилась, — помог киоскерше вспомнить приметы всех настоящих грабителей.

— Грабителей, — фыркнул я. — Какие они грабители?! Мелочовкой промышляют.

— Заткнись!

— Заткнулся.

Некоторое время я молча шел за девчонкой. Потом догнал и зашагал рядом.

— Откуда ты знаешь, что мальчишку зовут Алексеем?

— Меня поражает, что это знаешь ты! Если ты не замышлял никакой подлости, то зачем наблюдал за этим ребенком?!

— Я первый спросил.

— Ну и что? Короче так, даю тебе тридцать минут, чтобы убраться подобру-поздорову.

— А если не уберусь, то что? — Я остановился и насмешливо посмотрел на нее.

— То… то… Ты наверняка находишься на Земле незаконно!

— У меня есть разрешение от вашей канцелярии. Все законно. Так что ты не можешь приказывать, что мне делать.

— Все равно я не позволю тебе ничего сделать с тем ребенком! Так и знай! Он под моей защитой!

— Ух ты как?! — Я забежал вперед и остановился перед ней. Девчонка тоже вынуждена была остановиться. — Правда, что ль? Ты ангел-хранитель?! — удивленно воскликнул я.

Девчонка поморщилась.

— Нет. Я еще думаю. Может, после школы и пойду в хранители. А это мое летнее задание. Я должна помочь этому ребенку. Удержать его на Верном пути.

— Вот это да! — Я так и сел.

— Теперь ясно, что я не могу терпеть тебя рядом с ним!

Я ошалело смотрел на девчонку. А может, и правда вернуться обратно? Раз уж за дело взялся ангел, то, думаю, он решит проблему. А если решит проблему, то душа матери Алешки наконец найдет успокоение, а я получу свой зачет. Я с сомнением оглядел девчонку.

— Это твое первое задание?

Девчонка с вызовом уставилась на меня.

— Ну и что?! Думаешь, не справлюсь?!

Ангел! Я едва не сплюнул с досады. «Через год ты моего попугая не узнаешь», — вспомнил я дядю. Через пять лет и ей удастся наставить этого мальчишку на путь истинный.

— Справишься, — кивнул я. — Однако ты будешь смеяться, но и мое летнее задание помочь этому ребенку.

— Что?!! Черт должен кому-то помочь?!

— Вот и я смеялся. Конечно, если быть совсем точным, то должен помочь я не ему. Я должен помочь душе его матери найти успокоение. А то шастает она между мирами. Совсем всех замучила. Но проблема в том, что пока ее сын будет в опасности, то душа Зои Ненашевой так и не найдет покоя. Понимаешь?

— Обалдеть! — Девчонка недоверчиво уставилась на меня. Тут глаза ее сузились. — А ты не врешь мне?

— Хотелось бы, — буркнул я.

Девчонка начала весело хохотать. Я мрачно смотрел на нее.

— Картина века, — сквозь смех пробормотала она. — Черт спешит на помощь! Спешите видеть.

— Слушай, — зловеще спокойно проговорил я. — Я ведь могу помочь тебе выполнить твое задание, а могу сделать твою жизнь на Земле невыносимой.

Смех девчонки разом оборвался, и она с интересом посмотрела на меня.

— Рискни.

— А вот и рискну!

— А вот рискни. — Девчонка вдруг замолчала и задумалась. — Знаешь, может быть, ты не сможешь мне помешать. А может быть, сможешь. Если я начну это выяснять, то пострадает в первую очередь мальчик. Тогда и ты, и я рискуем провалить наши задания. Так что мир?

Я несколько секунд изучал протянутую руку. Потом протянул свою. Однако девчонка вдруг резко одернула ладонь.

— Но если ты меня обманываешь!..

— Тебе показать мой дневник?

— Покажи.

— Тогда ты свой.

— Ангелы не врут!

— А кто это проверял?

Девчонка засопела.

— Ладно.

Я извлек из воздуха свой дневник и протянул ей. Она сунула мне в руку свой.

— Ух ты, с ума сойти! — вскричала она. — Так ты выполняешь эту работу по заданию министерства наказаний?!

Трам-тара-рам. Мир перевернулся.

Я хмыкнул и раскрыл дневник девчонки. Не то чтобы я сомневался. Ангелы действительно не врут. Да и сомнение девчонки понимал. Я бы тоже не поверил в подобное. Но было просто любопытно. И раз уж она смотрит мой дневник…

— Монтирий!!! — Я уставился на подпись в дневнике.

— Ну да. — Девчонка недоуменно посмотрела на меня. — Он мой руководитель практики. Это такая честь. Ты представляешь, он сам пришел к нам в школу и выбрал меня для летней практики! Мне все девчонки обзавидовались! О Монтирии у нас легенды ходят. Я даже не поверила, когда он предложил мне проходить практику под его руководством.

— А когда он тебе это предложил?

— Сейчас подумаю. Ах да. Два дня назад. В принципе я уже нашла себе практику, но когда мне предложил Монтирий, то я согласилась, не раздумывая. Учителя тоже не возражали против такой замены.

Два дня назад. Интересно. На следующий день после того, как нашел работенку мне. Ну дядя, ну интриган! Все-таки чертовская порода в нем осталась, хоть и ангел он теперь. Еще бы понять, чего он добивается.

— А что за расспросы? Ты знаешь господина Монтирия?

— Немного, — криво усмехнулся я. — Он мой дядя.

Глава 2

Девчонка недоверчиво уставилась на меня широко открытыми глазами.

— Врешь! — выдохнула она.

Я пожал плечами.

— А какой смысл мне лгать?

— Кто вас, чертей, знает.

— Даже черти не врут ради вранья. Если мы врем, то чего-то пытаемся добиться.

— А может, ты и пытаешься.

Я молча взял у девчонки свой дневник и отправил его туда, где он и был. Потом снова посмотрел на девчонку.

— Слушай, мои родственные отношения с Монтирием мы можем обсудить потом. Сейчас нам надо решить, что делать дальше. Я как-то не рассчитывал, когда получал свое задание, что у меня под ногами будет путаться ангел…

— Это кто еще у кого будет путаться под ногами!!! Осмелюсь заметить, что помогать людям — это вовсе не прерогатива чертей! Ты хоть знаешь, что надо делать?! Болван!

На болвана я решил не обижаться. Тем более что я впервые видел ангела, который ругается с такой непринужденностью. Склонив голову набок, я молча изучал девчонку.

— Тебя как звать, ангелочек, — миролюбиво поинтересовался я.

Девчонка поперхнулась гневной отповедью и уставилась на меня.

— Ангелочек?! — прошипела она.

— Да ладно тебе, — махнул я рукой. — Если уж нам суждено действовать вместе…

— А кто тебе сказал, что я соглашусь действовать вместе с тобой?! Чтобы ангел и черт действовали совместно…

— Необычно, правда? — усмехнулся я. — Разве это не повод, чтобы попробовать?

Девчонка оторопело уставилась на меня.

— Необычно, — вынуждена была согласиться она. — А ты любишь необычное?

— Скажем так, я не люблю устоявшиеся правила. Черт я или не черт?

— Я не черт. Но… мне тоже говорили, что я не люблю разные правила. — Она вдруг усмехнулась. — Ладно, попробуем. По рукам. Кстати, меня зовут Альена.

Я пожал протянутую руку.

— Эзергиль. И какие наши планы?

Альена огляделась. Мы находились напротив какого-то парка. Только дорогу перейти. Она махнула туда рукой.

— Раз уж так получилось, что придется действовать вместе, то стоит все обсудить и обменяться сведениями. Давай там все и обсудим. Найдем тихий уголок.

Почему бы и нет. Я никогда не был сторонником серьезных разговоров посреди улицы. А парк — место идеальное.

Да-с, возможно, парк — место и идеальное, но найти в нем летом свободную скамейку занятие то еще. Все их оккупировали бабульки со своими чадами либо компании каких-то подростков с бутылками пива в руках. Альене, видно, тоже надоело бродить по парку, и она молча указала на тенистый уголок под деревом. Я не видел причины не согласиться с ней и первым плюхнулся прямо на траву. Рядом пристроилась девчонка.

— Итак. Начинай.

— Почему я? — удивился я.

— А почему нет?

Я покосился на своего неожиданного соратника и промолчал. Папа всегда мне советовал никогда не спорить с женщинами. Дороже выйдет. Поэтому ограничился только согласным кивком.

Около получаса я излагал ей то, что мне удалось почерпнуть из всех архивов ада и рая. Альена хмурилась и кусала губы. Когда же я закончил, она удрученно кивнула.

— То же и у меня. Я надеялась, что ты раздобыл что-нибудь такое, чего не знаю я.

— Хм, на то же самое надеялся и я. Где я, по-твоему, успел бы раздобыть что-то новое, если только три часа как прибыл на Землю?

— Три часа? Я прибыла на час раньше. Правда и добиралась до нужного дома дольше. Ваши черти — дурацкие шутники! Высадили меня почти на окраине города!

— Серьезно, что ль? Так надо требовать было доставку на место. Дундук ты! Сама виновата. Нечего было позволять сесть себе на шею.

— Значит, я еще и виновата?!

— Тпру-у. Стоп. Сейчас поругаемся. Просто в следующий раз запомни: если тебе что-то положено от чертей, требуй это не стесняясь. Стеснительных у нас не понимают.

— Учту, — зловеще-спокойно отозвалась Альена. — Веселенькие у вас в аду порядочки.

— Да веселее, чем в раю. Куча правил… Э-э, извини.

— Извиняющийся черт! Да, теперь я, и правда, верю, что Монтирий — твой дядя. Кое-чему от него ты, безусловно,

научился.

— Слушай, может, вернемся к нашей проблеме? У тебя идеи есть? С чего начинать нам?

— Как с чего? Ясно, надо помочь этому Алексею. И в первую очередь избавить его от дурной компании. Пожалуй, тут ты сможешь помочь.

— И не подумаю даже.

— Это почему?!

— Потому что я не нянька. И нянчиться с этим мальчишкой не собираюсь. Я, конечно, могу навтыкать всем по кумполу так, что они будут Алексея до конца жизни за километр обходить, но…

— Но?

— Но пойдет ли на пользу это Алексею?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Если он совершает ошибки, то сам должен их и решать. Если начать делать это за него, то ничем хорошим, прежде всего для самого Алексея, это не кончится. Очень легко привыкнуть к тому, что за тебя кто-то делает всю работу.

Альена насупилась.

— Ты считаешь, он справится?

— Вот наша задача и помочь ему поверить в себя, чтобы он СМОГ справиться, а не справляться за него.

— Мы можем помочь ему справиться, а потом указать ему истинный путь.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался я этим утверждением. — Ангелы должны помогать людям верой в то, что им по силам сделать дело, или делать за них дело? Может, я чего-то не понимаю, но какое основное правило ангелов? Не решать за людей их проблемы, а помогать им поверить в себя, чтобы они сами справились с ними. Не так?

— И откуда ты про ангелов все знаешь, — буркнула Альена.

— Не забыла, кто мой дядя?

— Забыла. Только это все бесполезно. Я смотрела на Алексея. Он не верит никому и ни во что. И он не верит в добро. Мы можем заставить его поверить.

— «Заставить поверить в добро», — хмыкнул я. — Звучит отлично. А если не поверит, то по кумполу ему. Чтоб верил. Или на костер. Как там инквизиция заставляла верить в добро?

— И что предлагает такой гений, как ты?

— Не знаю… Стоп! — Я поднял руку и так замер, раскрыв рот. — Альена, гений — ты!!! Конечно, как же я не сообразил!

Альена подозрительно посмотрела на меня.

— Ты чего? — поинтересовалась она, глядя, как я отплясываю джангу.

— Я только что понял! Благодаря тебе. Я идиот! Я должен был сразу сообразить! Инь и Янь. Добро и зло. Белое и черное. Тьма и свет. Это же одно и то же! Две стороны одного и того же предмета! Разве вас не учили этому в школе?

Альена насупилась.

— Не знаю. Не помню.

— Странно. Мы еще в девятом классе это прошли. Это же в первое десятилетие учебы проходят. Добро переходит во зло, а зло обращается в свою противоположность. Если мы не можем заставить Алексея поверить в добро, то кто нам мешает заставить его поверить во зло?! Окунуть его в это, а там пусть плывет.

— Что? Ты? Задумал? — медленно и по слогами поинтересовалась Альена.

— Увидишь. И мы не будем заставлять его поверить в Добро. Он сам будет разыскивать его! Сам, идя через муки и испытания! Мы, конечно, можем ему сразу все дать на блюдечке, но оценит ли он это? Дядя как-то сказал, что люди ценят только то, чего добиваются тяжким трудом. И мы заставим его трудиться, чтобы заслужить свое счастье. И тогда он будет это ценить. А если ему это счастье преподнести на блюдечке, то он вскоре отвернется от него.

— По-моему, ты замыслил какую-то гадость. Я могу отучить его отца пить. Тот сможет заняться сыном. Я прослежу за этим…

— Я прошу прощения за грубость, но ты и задницу им тоже подтирать будешь?

— Грубиян!

— Верно. Кстати, у меня есть лучшее решение. Герметичная продезинфицированная комната с отфильтрованным воздухом. И исполнение всех желаний до конца жизни. Жратва от пуза.

— Это уже чересчур.

— Вспомни Адама! — обвиняюще ткнул я в нее пальцем. — Это в первом классе рассказывают.

— А при чем тут Адам?

— А при том! Он, — я кивнул на небо, — уж насколько терпелив, но и Ему надоело ждать, когда же этот Адам в конце концов вкусит плод Познания. Нам, чертям, тогда и пришлось отдуваться.

— Не рассказывай мне азбучных истин.

— Тогда не пытайся построить еще один Эдемов сад для конкретного человека! В общем так, пойдем со мной. Объяснять ничего не буду. Сама все увидишь.

Я поднялся и зашагал из парка.

— Эй, стой! Я не сдвинусь с места, пока ты не объяснишь, что ты задумал!

Я повернулся к Альене.

— Тогда тебе придется долго здесь сидеть. — Больше не слушая ее криков, я вышел из парка. Как я и ожидал, Альена вскоре догнала меня и зашагала рядом.

— Ты мог бы быть и повежливей.

— А ты могла бы и догадаться.

Девчонка надулась и некоторое время шла рядом со мной молча. Я же целеустремленно шагал к дому Алексея. Чтобы не было никаких неожиданностей, я при входе во двор сразу накинул на себя и Альену морок. Никем не замеченные мы поднялись на шестой этаж. Я тут же вошел в квартиру. Заметив, что Альены рядом нет, я высунул голову сквозь дверь.

— Ну ты чего застряла? Тебя долго ждать?

— Сейчас. — Альена пыталась сосредоточиться, но это у нее получалось не очень. Вот она попробовала пройти сквозь дверь, но безуспешно.

Я подозрительно посмотрел на нее.

— Ну что смотришь?! — сердито спросила она. — Это мое не самое любимое упражнение.

Я понаблюдал еще за тремя ее попытками. Потом вздохнул и вышел из квартиры целиком. Зашел к ней сзади и своими руками соединил ее ладони вместе. Альена дернулась, но я был сильнее. В конце концов она сообразила, что я просто пытаюсь ей помочь, и успокоилась.

— Закрой глаза. А теперь внимательно слушай меня. Сосредоточься. Я обычно представляю, что нахожусь в межмировом пространстве, где нет никаких стен и преград.

Монотонно рассказывая о важности сосредоточения, я по сути, гипнотизировал ее. Потом сделал шаг вперед. Альена повторила его. Я сделал следующий шаг. Так шаг за шагом мы подошли к двери и прошли сквозь нее.

— Долго еще там сосредотачиваться? Кажется, я поняла. Сейчас пройду.

Я хмыкнул и отпустил ее руки. Потом хлопнул по плечу.

— Идиот! — рявкнула Альена. — Ты мне всю сосредоточенность сбил! — Тут она увидела, где находится, и замерла с открытым ртом. — У меня получилось? — недоверчиво прошептала она.

Я же, разглядывая ее потрясенный вид, начал кое о чем догадываться.

— Слушай, а ты как в школе? В смысле, отличница?

Альена сердито уставилась на меня. Потом потупила взгляд.

— Нет. В основном тройки.

Я так и сел.

— Вот угораздило же меня так влипнуть! Ну дядя! Ангел — троечник. Ужас.

— Можно подумать, ты у нас отличник!

— Представь себе. Я третий в школе по успеваемости. Даже участвовал в соревнованиях. Кстати говоря, однажды был и на турнире в раю в числе команды ада против вашей. Занял четвертое место. Но там я сам виноват. Не совсем правильно сотворил фантом. Я потом долго тренировался. Но это ерунда.

Альена недоверчиво изучала меня.

— Черт — отличник.

— Ангел — троечник, — в тон ей отозвался я. Мы посмотрели друг на друга и захихикали. — Команда у нас получилась еще та.

Альена рассмеялась и тут же зажала себе рот.

— Ой, а вдруг в квартире кто-то есть. А мы тут шумим.

Я махнул рукой.

— В квартире кто-то есть. А именно Ненашев Виктор Николаевич. Отец Алексея. Он нас не услышит. Об этом я сразу позаботился. Так что можешь хоть петь.

— А что мы тогда будем делать?

— Ждать ночи. — Я молча прошел в комнату, где спал Виктор Николаевич, и уселся в единственное кресло, не обращая никакого внимания на спящего мужчину. Альена недоуменно смотрела то на меня, то на отца Алексея.

— А зачем? — поинтересовалась она.

— Что зачем?

— Зачем ночи ждать?

— А затем, что только ночью творятся черные дела.

— Глупость. Самые страшные преступления всегда совершались днем.

— Ну и что? Да ты садись. Нам еще долго ждать.

— В таком случае мог бы и уступить девочке место.

— Зачем? Мне стоять совершенно неудобно будет.

— Черт!

— Конечно, — усмехнулся я. — Разве у тебя были какие-то сомнения в этом?

— Невоспитанный хам.

— Как верно тут было подмечено, я черт.

Альена чуть ли не обиженно уставилась на меня. Потом мрачно уселась на полу в позу лотоса. Я же прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее. Мерно тикал будильник.

Отвлек меня от медитации звонок в дверь. Я приоткрыл один

глаз и огляделся. Альена по-прежнему сидела на полу в позе лотоса. На кровати спал Ненашев. Звонок повторился. Ненашев недоуменно приподнял голову и огляделся. Нас, естественно, он не увидел. С ворчанием встал и оправил свой костюм. Хм, довольно странная пижама, на мой взгляд. Совершенно неудобная. Тут звонок повторился в третий раз.

— Иду! — буркнул Ненашев. Загремел замком.

— Ненашев Виктор Николаевич? — услышал я чей-то официальный голос.

— Я. — Голос отца Алексея вдруг как-то даже охрип. Мы с Альеной переглянулись.

— Кажется, начинается. Скоро будет интересно.

— Ничего интересного не будет. — Альена тоже поднялась. Мы с ней отошли в угол комнаты и замерли. Вот дверь комнаты открылась, и в нее вошел Ненашев Виктор. За ним человек в форме. Последним в комнате появился Алексей. Он был даже не бледным. Серым. И с откровенным ужасом смотрел на отца.

— Виктор Николаевич, я бы хотел поговорить с вами о вашем сыне, — начал милиционер. Похоже, это был участковый.

— Что еще натворил это паршивец?!

— Понимаете, тут довольно странно. Он был свидетелем ограбления киоска Роспечати. Когда же его спрашивают о том, кто грабил, он говорит, что не знает. Постоянно путается в рассказе. И еще у него была сумка с краденными вещами…

Я перехватил взгляд Ненашева, который тот бросил на сына. Алексей буквально затрясся. Рядом вздрогнула Альена.

— Он говорит, что подобрал мешок, когда неизвестные воры удирали…

Дальнейший разговор был не слишком интересен. Участковый все пытался выяснить, не замечал ли Ненашев за своим сыном в последнее время каких-то странностей. Ненашев что-то там юлил, стараясь выглядеть строгим, но справедливым.

— Понимаете, — подобострастно говорил он, — У мальчика недавно умерла мать. Для него это явилось настоящим потрясением.

— О, извините, не знал.

— Да, вот так вот. Да и на меня смерть жены подействовала… да вы ведь и сами видели, как у нас дома. Все никак не могу взять себя в руки. Понимаю, что надо жить хотя бы ради сына, но как вспомню жену, так все из рук валится.

— Ну лицемер! — восхищенно протянул я. — У него можно поучиться.

— Он не врет, дурак, — буркнула Альена.

— Он верит, что говорит правду. А это не одно и то же, что не

врет.

— Умник. — Альена замолчала. Я же без всякого интереса прислушивался к разговору, прекрасно понимая, чем он закончится.

Как я и ожидал, в конце концов милиционер извинился и ушел, сообщив напоследок, что в связи с запутанностью дела, а также уверений киоскерши, что Алеша в краже участия не принимал, никаких последствий это дело для Алексея иметь не будет.

— Но вы все же займитесь сыном.

— Это я обещаю. Наверное, я слишком долго горевал по жене.

Ненашев проводил милиционера и вернулся в комнату. Молча встал у дверей и вперил тяжелый взгляд в сжавшегося мальчика.

— Так, значит, дело уже дошло до краж. Мало того что воруешь деньги из дома, так теперь еще киоски обкрадываешь. И на что тебе не хватает?! На выпивку? Курево?

— Уж кто бы говорил, — буркнула Альена.

— Видно, мало я тебя учил. Ну ничего. Это я исправлю. Ты у меня навек отучишься воровать. — Ненашев отстегнул брючный ремень и зацепил пиджак, висящий на спинке кровати. Пиджак упал, и из него выпал кошелек. Алеша сильнее втянул голову в плечи. Ненашев сначала недоуменно уставился на кошелек, потом на сына. Сощурился, заметив его реакцию. Потом поднял кошелек и заглянул в него.

— Та-а-ак, — протянул он. — Значит, вот как.

— Я же говорил, надо было брать все. Если уж все равно попадет, так бери по полной, — покачал я головой. За это я немедленно схлопотал подзатыльник от Альены.

— Папочка, я больше не буду, — как-то вяло и обреченно пробормотал Алеша.

Даже у меня, черта, от этих обреченных слов сердце перевернулось. Однако отец Алексея был не черт. Он был человеком. И его сердце, похоже, осталось на месте. Он молча подошел к сыну и сдернул с него штаны, уложив на кровать. Затем замахнулся и ударил. Сначала он выбирал, куда бить, но дальше, войдя в раж, он уже лупил куда попадал, даже не соизмеряя силу. Алеша уже не плакал, стонал.

Альена дернулась, но я вовремя успел ее перехватить.

— Куда?! Ты же только хуже сделаешь!

— Но я не могу!!! Я не могу на это смотреть!!! — Она отвернулась и уткнулась мне в плечо.

— А твое вмешательство ему поможет?!

— Так сделай что-нибудь! Эзергиль, ну прошу тебя!!! Хочешь, на колени встану?!

Я слегка отстранил Альену от себя и всмотрелся в ее лицо. Она не шутила.

— Ладно. Но на колени вставать не надо. Просто пообещай мне кое-что.

— Что?

— Ты не будешь мне мешать выполнять мой план. Ты будешь делать все, что я скажу.

Альена отшатнулась. Ее глаза сверкнули. В этот момент ремень Ненашева, видно, ударил слишком сильно, и Алексей тихонько заскулил. Альена дернулась, будто это ее ударили.

— Ладно!!! Будь ты проклят!!! Есть ли у тебя сердце?!!

— Сердце? У черта? — Я хмыкнул.

— Я же пообещала!!! Сделай что-нибудь!!!

— Жди меня здесь.

Я молча вышел из комнаты и покинул квартиру. Оглядел себя. Нет, так не пойдет. Я закрыл глаза и щелкнул пальцами. Потом внимательно оглядел себя. Вот так лучше. Белый отглаженный костюм сидел на мне, будто сшитый по заказу Стального цвета рубашка. Однако, как и на любом мальчишке, подобный костюм надет несколько небрежно. Пиджак расстегнут, рубашка слегка сбита. Тем не менее от всего моего вида буквально веяло деньгами. Даже не деньгами, а Деньгами. И любой болван понял бы, что мой костюм приобретен вовсе не в секонд-хенде. Подождав несколько секунд у двери, я нажал звонок. Потом еще раз.

— Кого там черт несет?! — раздалось из-за двери. Я даже улыбнулся. Как верно подмечено. Именно черт несет.

Дверь распахнулась, и на пороге показался встрепанный Ненашев. Он уже готов был разразиться гневной речью, но слова буквально замерли у него на губах. Он несколько оторопело уставился на меня.

— Здравствуйте, — поприветствовал я его. — Могу я встретиться с Ненашевым Алексеем?

Виктор Николаевич моргнул.

— Ты кто такой?

— О, прошу прощения. Эдуард. Эдуард Вяземский. А вы, наверное, отец Алеши?

— Ну да.

— Гм, могу я войти?

Виктор Николаевич оторопело отошел, пропуская меня в квартиру.

— Ты кто? — умно повторил он прежний вопрос.

— А разве вам Алексей не объяснил? Понимаете, он меня недавно крепко выручил. Как это по-русски… э бьен муа… а помог. Помощь, да. Понимаете, мы с отцом только недавно приехали в Россию. Отца потянуло на землю предков. У нас в семье вообще чтят бывшую родину, несмотря на то что в семнадцатом наша семья потеряла все свои поместья. Я вот по-русски, даже видите, как хорошо говорю?

— Ты кто?

Заклинило его, что ли?

— Так вот. Понимаете, я вот вышел из дома и забыл кредитку. В общем, остался без денег. А тут Алексей очень помог. Одолжил пятьдесят рублей. Я ему пообещал вернуть. Он меня просто спас.

— Он одолжил пятьдесят рублей?

О, уже прогресс. По крайней мере, от вопроса «Ты кто» уже отошли. Если так пойдет и дальше, то можно и еще слова выучить.

— Ну да. Просто спас меня. Так вот, я хочу возвратить долг. Могу я встретиться с Алешей?

— Его нет дома.

Я покосился на дверь комнаты, откуда доносилось приглушенное всхлипыванье.

— Его нет дома! — с нажимом повторил Виктор Николаевич.

— О, понял. Ладно. Тогда не соблаговолите ли вы, сударь, передать сыну вот это. — Я небрежным жестом протянул ему пятисотку.

— У меня нет сдачи, — как-то даже осип Виктор Николаевич.

Я небрежно махнул рукой.

— Какие пустяки. Пусть это будет Алеше за беспокойство. Не каждый ведь одолжит деньги совершенно незнакомому человеку. Не хватало еще из-за такой мелочи торговаться. А сейчас, извините, мне пора идти. Меня шофер ждет. Я обещал долго не задерживаться.

Я слегка поклонился и вышел из квартиры. Вызвал лифт. Отец Алеши же так и остался стоять у двери с ошалелым взглядом и пятисоткой в руке.

— А… может, чай попьете? — несколько неуверенно промямли он.

Я улыбнулся.

— С радостью бы, но, увы, некогда. Извините. — В этот момент подъехал лифт, и я скрылся в кабине.

Когда я снова появился в квартире Ненашевых, там была тишь и благодать. Ненашев старший несколько растерянно вертел в руке пятисотку и поглядывал на сына. Тот, постанывая, лежал

на кровати, до крови закусив губу.

— И почему ты не сказал, что отдал мои деньги этому. — Ненашев жестом изобразил то, что, по его мнению, должно означать франта. Алеша что-то простонал. Из-за боли он вряд ли даже услышал отца. У его изголовья сидела Альена и пыталась принять часть боли мальчика на себя. Троечница, блин. Даже это толком сделать не может.

Я отошел в уголок, прислонился к стене и оттуда стал смотреть на это душераздирающее зрелище. Отец семейства с купюрой в руке, стонущий мальчик и ангел у его кровати. Ну прямо рождественская открытка. «Ангел чудесно исцеляет больного». Только вот у нашей троечницы с чудесным исцелением что-то не ладилось.

— А ну брысь к себе! — велел отец.

Алеша испуганно вздрогнул. Поспешно поднялся и не удержался от стона.

— Ты еще постони мне тут!!! — взъярился Виктор Николаевич. — Можно подумать, тебе сильно досталось!

Я заметил, как при этих словах гневно раздулись ноздри Альены. Алексей же поспешно выскочил из комнаты, хотя было видно, какую боль причинял ему каждый шаг. В последний момент я успел перехватить Альену.

— Спасибо, — пробормотала она. — Я думала, он убьет его.

— Не за что.

Альена вдруг уткнулась мне в плечо и разревелась. Я растерянно похлопал ее по спине. Вот картинка. Ангел, рыдающий на плече у черта. Сказать кому, засмеют.

— Я самонадеянная дура! Кретинка! Я даже не могу ему помочь! Ну почему я так плохо слушала в школе! Сейчас же сообщу в школу, что провалила задание. Пусть пришлют кого-нибудь вместо меня. Пусть я останусь на второй год! И поделом мне! Я ничего не могу.

— Угу, — согласно кивнул я. — Совсем ничего не можешь.

Альена в ярости уставилась на меня.

— И это все, что ты можешь сказать? Спасибо за сочувствие!

— Сочувствие — это по части ангелов, — невозмутимо заметил я. — То, что ты останешься на второй год, меня тоже мало волнует. В конце концов, это твои проблемы. Но вот что определенно ты не можешь сделать, так это бросить все и уйти.

— И кто мне может помешать?!!

— Твое обещание. Забыла? Могу напомнить. Ты можешь признать поражение и остаться на второй год. Но никто не сможет оставить тебя в ангелах, если ты нарушишь обещание. А мне нужна твоя помощь. Так что ты останешься, хочешь ты этого

или нет.

— Ты бесчувственный чурбан!!! Грубый, нахальный, самодовольный…

— …черт, — закончил я за нее. — Знаю. Но я, в отличие от доброго, порядочного, сердечного ангела, не прогуливал уроки в школе и кое-что умею. А ты не смогла даже облегчить ребенку боль. Так что лучше молчи.

Альена покраснела от ярости. Над головой вспыхнул, разгораясь, нимб. Мне даже больно стало смотреть на нее. И Виктор Николаевич, похоже, что-то почувствовал. Не каждый человек способен выдержать присутствие ангела. Он занервничал. Нервно заходил по комнате. Да, простое присутствие ангела способно разбудить даже крепко спящую совесть.

— Значит, я не могу помочь?! — прошипела девчонка. Она развернулась и вышла прямо сквозь дверь. Я улыбнулся. Главное — хорошенько разозлить. Назвать неумехой, чтобы ей просто назло мне захотелось бы доказать, что она не неумеха.

Улыбаясь про себя, я последовал за ангелом. Альена тем временем склонилась над мечущимся в бреду мальчиком и положила ему на лоб руку. Я нахмурился. Похоже, Ненашев перестарался. Если не оказать помощь, то дело может закончиться довольно печально. Альена вдруг как-то изогнулась и застонала. На лбу у нее выступили капли пота. А вот мальчик, наоборот, затих. Я подошел и задрал рубашку на спине ребенка. Самые страшные рубцы медленно бледнели. Кровоточащие раны затягивались. Я покосился на Альену и оттолкнул ее.

— Не перестарайся.

Альена медленно открыла глаза и посмотрела на меня. Потом согласно кивнула.

— Да, — с трудом проговорила она. — Если вылечить полностью, будет трудно объяснить, как это произошло. По крайней мере, никаких осложнений не будет.

Я кивнул.

— Альена, — позвал я.

Девочка медленно обернулась. Я показал большой палец.

— Молодец. И не слушай никого, кто говорит, что ты ничего не умеешь.

Она медленно улыбнулась. И словно солнца луч заиграл в комнате.

— Не думала, что скажу это черту, но благодарю.

Я ухмыльнулся.

— Да не за что. Приходите еще. Я и не так обзываться умею.

— А все-таки ты хам.

— Ну да, — пожал я плечами. — Я же черт.

— Так, что будем делать дальше?

— Дальше мы будем ждать ночи. Кстати, в этой комнате есть несколько стульев. Так что можно сесть.

— Какой ты заботливый, Эзергиль, — едко отозвалась Альена. Похоже, она уже пришла в себя от недавних упражнений и снова была в форме.

— Ну так… стараемся.

Альена бросила в мою сторону сердитый взгляд и молча села на ближайший стул. Видно, решила не вступать со мной в спор. Я же, понимая, что ей надо отдохнуть после сегодняшнего напряжения, тоже замолчал. Взять в себя боль человека — это вам не шутка.

Все-таки в ангелах есть что-то от сумасшедших. Кто бы меня заставил принять в себя чужую боль. Я бы такому заставляльщику популярно объяснил, куда идти и что делать по прибытии. А тут добровольно. Кошмар.

Я молча встал и подошел к окну. Оно как раз выходило на запад, и я мог наблюдать закат. Все-таки, когда солнце медленно опускается за горизонт, в этом зрелище есть что-то величественное. Хотя, подозреваю, Альена со мной не согласилась бы. Наверняка ей больше понравился бы восход. День и ночь. Инь и Янь. Две стороны одного и того же. Именно на этом я и построил свой план. Только вот что получится? Ох, дядя, и втравил ты меня.

Солнце уже давно скрылось из вида, и на Землю опустились сумерки. Время зла, как верили люди в старину. Как черт, ответственно заявляю: чушь все это. Правильно заметила Альена, самые страшные преступления замышлялись и совершались в основном при свете дня. Впрочем, я отвлекся. В настоящий момент это совершенно несущественно. Главное, что люди верят во зло ночью. На этом и надо сыграть.

Я отошел от окна и вышел на середину комнаты. Оглядел свой белоснежный костюм. С того момента, как я представлялся Эдуардом Вяземским, я так и остался в этом костюме. Нет, так не пойдет. Я изменил свой наряд и теперь щеголял в одежде темных тонов. Не забыл и о черном плаще. Глупость, конечно. Черт, в подобных нарядах соблазняющий человека, как разведчик в темных очках и плаще с поднятым воротником. Но поскольку мой э-э… клиент не совсем обычен, то для него в самый раз.

Я повернулся к Альене.

— Помнишь, что обещала?

Альена сердито сверкнула глазами.

— Это черту надо напоминать о его обещании.

— Отлично. В таком случае, что бы здесь ни происходило,

как бы тебе ни не нравилось происходящее, прошу тебя, не вмешивайся. Даже не показывайся. Если Алеша тебя хотя бы увидит вместе со мной, то он будет потерян. Больше мы ему помочь не сможем.

— Так серьезно?

— Да. Тебе во многом придется просто довериться мне.

— Довериться черту?! Я еще не сошла с ума!

— Возможно. Но соблюдать свое обещание будешь. Однако на доверии было бы лучше. Слушай, мне ведь тоже не хочется оставаться на второй год. К тому же… у меня есть еще одна причина решить эту проблему В общем, мы на одной стороне.

— Хочется верить.

— Верь. Но если верить не сможешь, помни про обещание. Мои требования просты: не вмешивайся, не показывайся. Молчи, смотри, запоминай.

Альена сердито насупилась, но покорно склонила голову. Я кивнул ей. Потом секунду постоял, собираясь с силами. Ну начинаем представление. И что я так волнуюсь? Ладно, чем больше жду, тем меньше решимости начинать у меня остается. Я решительно вышел на середину комнаты и замер, глядя на спящего беспокойным сном мальчика. Скинул с себя морок. Мои глаза вспыхнули в ночи и засверкали как два уголька. Алеша беспокойно зашевелился и открыл глаза. Наши взгляды встретились…

Глава 3

Первое, что я вынужден был сделать, это подавить страх мальчика. Пожалуй, не каждый отнесется спокойно к появлению среди ночи незнакомца в собственной комнате. Алеша, кажется, был слегка удивлен тем обстоятельством, что не испытывает страха. Он сел в кровати и уставился на меня, изредка морщась от боли.

— Ты кто? — наконец спросил он.

Я улыбнулся.

— А ты хотел, чтобы я кем оказался?

От такой постановки вопроса мальчик растерялся.

— Ты вор?

— Я? Вор? Нет. Я скорее покупатель. Продаю решение проблем людей, покупаю то, что людям не нужно. У тебя есть проблемы?

Алеша уныло хмыкнул.

— У меня вся жизнь — сплошная проблема.

— Что ж, — кивнул я. — Это тоже решаемо. Если жизнь становится проблемой, можно от нее избавиться. Ты как предпочитаешь? В окно выпасть или под поезд? Могу предложить яд. Совершенно безболезненный.

Мальчик отшатнулся, в ужасе уставившись на меня.

— Ты хочешь меня убить?

— Я?! Конечно нет. Я же говорю, я решаю проблемы людей. Ты пожаловался на свою жизнь. Я тебе предложил несколько способов эту проблему решить. Хотя, знаешь, на твоем месте, я бы задумался над теми проблемами, которые делают проблемой твою жизнь.

— Да кто ты такой?!

Я опять улыбнулся.

— Ты не поверишь.

— И все же?

— Я черт.

— Ага. А я ангел.

— Вот видишь. Я же говорил, что не поверишь.

— И что тебе от меня надо?!

— А что черту может понадобиться от человека? Конечно, его душа. В обмен я могу выполнить любое твое желание. Хочешь денег? Пожалуйста. — Я махнул рукой, и перед кроватью Алеши выросла небольшая горка золотых монет. Уж чего-чего, а этого добра в аду хватало. Каждый черт мог без счета черпать золото из хранилища. Тем более что золото в аду ценилось не выше песка.

Мальчик недоверчиво уставился на монеты. Слез с кровати и осторожно пощупал их.

— Я сплю.

— Хочу еще напомнить сегодняшний инцидент у киоска. Я все видел. Это ведь я пришел тебе на помощь. И сегодня тебя выручил. Кем, по-твоему, был тот человек, кто принес твоему отцу пятьсот рублей? — Я покосился на Альену, которая медленно закипала, слушая нашу беседу. Но, помня обещание, не вмешивалась, оставаясь невидимой.

Алеша вдруг замер.

— А отца можешь убить?

— Увы, нет. Я не имею права вмешиваться напрямую в жизнь людей. Только действуя через них. Однако если тебя это беспокоит, могу свести тебя с нужными людьми. Заплатишь им вот этим золотом и все. Или, если тебе жалко золота, могу предложить яд. Гарантирую, что никакое вскрытие не обнаружит его в крови. Только влей с десяток капель в водку и все.

Я достал из воздуха пузырек.

— Вот.

Алеша отшатнулся.

— Я должен…

— Ну не я? Говорю же, я могу действовать только через людей. Инструмент мой, исполнитель ты. Как видишь, все просто.

Алеша неуверенно протянул руку и взял пузырек. Его рука дрожала.

— Однако, — невозмутимо продолжил я, — учел ли ты последствия?

— К-ка… какие?

— Ну… ты несовершеннолетний. Убив отца, ты отправишься в интернат. Тебе это надо?

Алеша опустил взгляд.

— Я его ненавижу!

— Знаю. Твоя ненависть и привела меня сюда. О, ненависть!!! Это… это песня. Как она сладка. Особенно она сладка, когда видишь, как твой враг корчится от унижения на твоих глазах… Разве я не прав?

— Н-не знаю…

— Хм. Ты еще очень молод. Если хочешь, я тебя научу. Хочешь научиться ненавидеть по-настоящему? А потом заставить своего отца приползти к тебе на коленях?

— Я… я не хочу…

— А почему? Он ведь убил твою мать.

— Откуда ты знаешь?!!!

— Я же черт. Я знаю все. Хочешь, я расскажу, как все

случилось? Однажды твой отец…

— Не надо!!!

— Ну вот видишь. Ты и сам все понимаешь. Так неужели ты простишь его?

Алеша крепко задумался. Эх, молодость, молодость! Как все предсказуемо. И как давно он взращивал свою ненависть. Неудивительно, что его мать никак не хочет покидать Землю. В своем теперешнем состоянии она прекрасно понимает, чем все может обернуться для сына. Но отец… Неужели он не понимает, чем все закончится? Или уже за бутылкой он ничего не видит? Все-таки во всем этом есть что-то странное. А вот мне даже интересно, устоит он против соблазна или нет. А ведь хочется, чтоб устоял. Чертовски хочется. Недаром же я прямо сказал, что я черт. Может, вспомнит разные сказки?

— А ты не похож на черта, — неожиданно заметил Алеша.

— Интересно. А многих чертей ты видел?

— Нет… но… все равно не похож.

— Ясно, — хмыкнул я. — Не знаю, как правильно, но это точно не правильно. А вот так?

Я преобразился. Теперь я выглядел как козел, стоящий на задних ногах и с руками вместо передних копыт. Рога, хвост, все как положено. Короткая черная шерсть по всему телу. Кошмар, короче. Встретишься с таким ночью, заикой на всю жизнь останешься. По крайней мере, я бы точно остался. У людей определенно чрезмерно богатое воображение. Как они представляли себе такое страшилище, втирающееся в доверие к людям ради покупки их душ? Нет, в таком виде можно вызвать у человека полное доверие только при условии, что этот человек будет слеп на оба глаза и глуп как карась.

— Или так? — Я снова изменил облик, представ в виде высокого дяди с козлиной бородкой и длинным худым лицом.

— Так ты действительно…

— Действительно. Самый натуральный черт. Что мне еще сделать, чтобы ты поверил?

— Не знаю.

— В таком случае почему бы нам не поговорить о твоих проблемах? Если я черт, то я помогу тебе их решить. Если нет… ну что ты теряешь? Итак. — Я достал блокнот и ручку и приготовился писать. — Что ты хочешь?

— Ну… — Алеша задумался, наморщив лоб. Ох, ребенок. Для него все это игра. Но ненависть у него настоящая. Здесь уж я ошибиться не мог. Смесь взрывоопасная. — Хочу, чтобы у меня было много денег. Хочу машину. — Я старательно писал. А мальчишка разошелся не на шутку. Хм, далеко пойдет парень.

Интересно, а пароход с большой трубой ему зачем? По местному ручью, ошибочно именуемому рекой, плавать?

— Все? — поинтересовался я, когда мальчик выдохся.

— И еще радиоуправляемую модель танка, какую видел в магазине.

Я покосился на солидный список в блокноте. Потом на мальчика.

— А настоящий танк тебе не нужен? Чего уж мелочиться? Ладно, шутки закончились. Теперь давай поговорим серьезно…

— Я думал, ты выполнишь все мои желания.

Я вздохнул. Потом сел рядом с мальчиком.

— Выполнить твои глупые желания я могу. Ну и что? Давай разберем их. Пункт первый: много денег. Выполнить его проще всего. — Я кивнул на стопку золота. — Я могу сделать, чтобы у тебя каждый день под кроватью появлялось по золотой монете. А ты подумал, что будет дальше? Были миллионеры подпольные, а ты первым в истории будешь миллионером подкроватным. Как ты собираешься тратить эти деньги? Как объяснишь их появление отцу? Большие покупки заинтересуют власти — ребенок тратит большие деньги, а где он их берет? Что ответишь?

— Тогда еще один пункт — защищай меня.

— Ну нет. Я не ангел-хранитель. Кстати, твои остальные пожелания не лучше. Я уже молчу о том, что если у тебя будет много денег, то большинство желаний ты можешь выполнить и без моего участия.

— Тогда какая мне от тебя польза?! Денег не даешь. Остальное выполнять отказываешься.

— Деньги, деньги, дребеденьги. Ты всерьез полагаешь, что деньги принесут тебе счастье?

— Меня будут уважать и бояться! Как дядю Василия из третьего подъезда.

Дядю Василия? Я заглянул в подаренный блокнот, быстро вписав адрес и имя.

«Из какого архива желаете получить сведения: адского или райского?» — появился вопрос вместо вписанного мной.

«Обоих!» — сердито написал я. Через секунду в блокноте появилось два текста — ответ на мой запрос. Причем ответ из рая был написан какими-то сверкающими чернилами, которые, казалось, даже переливались всеми цветами радуги. Ответ из ада был небрежно накарябан тушью. С первых же слов стало ясно, кто и как уважает дядю Васю. А вот с боязнью да. Такого стоит бояться. Н-да. Чистилищем тут даже и не пахнет. Вопрос, как говорится, ясен.

— Значит, как дядю Васю? Что ж… Ты не передумал?

— Нет!

— Ты хочешь много денег?

— Хочу. Я тогда покажу отцу…

— Покажешь, покажешь. Только уточни, пожалуйста, что значит для тебя «много». Много — это слишком расплывчато.

— Ну… много. Миллион.

— Рублей, лир, фунтов, долларов?

— Долларов.

— Отлично. — Я быстро сотворил пергамент с договором. — Прочитай и распишись.

Алеша недоуменно взял пергамент и попытался зажечь свет. Но сам пергамент светился так ярко, что читать на нем можно было и в темноте. Мальчик перечитал договор несколько раз, но было ясно, что он мало что там понял.

— Говорю коротко, — вздохнул я. — Я обещаю в течение недели снабдить тебя миллионом долларов. Причем так, что это ни у кого не вызовет подозрения. Также в течение этой недели я обещаю взять тебя под свою защиту до выполнения мной пункта договора. В обмен ты отдаешь мне свою душу. Вопросы?

— Фигня все это, — буркнул Алеша. — Я тебе все равно не верю. Кто-то шутит глупо.

— Почему бы не проверить? — Я молча протянул ручку. Особую ручку. Подпись кровью — полная чушь. Кстати, как и сам договор с дьяволом. Пожалуй, за всю историю я был первым чертом, который заключил договор с человеком. Но людские суеверия порой бывают такой полезной вещью… И ведь никому в голову не приходит, что ни черту, ни дьяволу вовсе нет нужды покупать душу у человека. Люди сами их отдают нам. Бесплатно. Да еще и радуются при этом. Эх, наивная молодость.

Алеша, хмуро поглядывая на меня, подписал. Хм, а ведь, похоже, он просто не понимает ничего. Думает, что просто спит, а все это ему только снится.

Я аккуратно свернул пергамент с договором и посмотрел на мальчика.

— До утра, будущий миллионер.

Не поворачиваясь к Алеше спиной, я попятился, медленно растворяясь в воздухе. Вернее, это ему казалось, что я медленно растворяюсь в воздухе. На самом деле я просто медленно окружал себя мороком, снижая его прозрачность.

— Доволен?! — сердито поинтересовалась Альена, когда я полностью закрылся от земного мира.

— Ты знаешь, нет.

— Конечно!!! Получил душу ребенка и недоволен.

— Послушай, ну не превращайся в идиотку. Уж ты-то знаешь,

что людские души таким образом не получают. Мы, черти, можем соблазнить и увести с Пути. Тогда душа человека попадает к нам. Но не думаешь же ты, что душа человека попадет к нам из-за этой подписи?

— Тогда уничтожь договор.

— И не подумаю. Он дает мне власть над мальчиком. А это еще может пригодиться.

— Ты!.. Ты!..

— Я. Я.

Альена сердито отвернулась от меня и уставилась в окно.

— Ты так и собираешься всю ночь простоять? Мне кажется, нам стоит уйти из квартиры.

Альена молча направилась к двери. Но около нее обернулась.

— А что ты запланировал по отношению к отцу мальчика? Тоже договор?!

— Альена, ну не смеши курей! Какой договор? Это может сработать с ребенком, но никак не со взрослым. Он мне, во-первых, просто не поверит, даже если я предоставлю доказательства. Во-вторых, это только усложнит все. В-третьих, если к кому-то заявляется черт и говорит, что он готов с ним заключить любой договор в обмен на душу… по-твоему, как будет на это реагировать нормальный человек? Не-е, самый верный способ заполучить души людей — это убедить их, что никаких чертей нет. Как и ангелов. Ладно, пойдем отсюда. Видно, придется тебе все объяснить. Иначе так и будешь волком смотреть. А твоя помощь мне еще понадобится.

Альена подумала немного. Потом медленно кивнула.

— Хорошо. Я тебя выслушаю. Но куда ты собираешься среди ночи? По-моему, нам можно и здесь побыть.

— Можно, но у нас есть одно дело. Нам нужно на кладбище.

— Ку… куда?! — Альена аж поперхнулась.

— На кладбище. Надо встретиться с одним… э-э-э… призраком. Поехали. Тебе метлу дать?

— Я тебе что, ведьма, чтоб на метлах летать?!!!! — взвилась Альена, но, поймав мой ехидный взгляд, примолкла. — Издеваешься, да?! — зловеще спокойно поинтересовалась она. — Все шутки шутишь?! Ох, дошутишься ты у меня!

До кладбища мы добрались за час. Эх, был бы у меня хвост… Однако хвоста не было. Как не было и крыльев у Альены. Поэтому добираться пришлось, паря над землей на высоте двух метров. Конечно, это быстрее, чем на своих двоих, но гораздо медленнее, чем с хвостом. Там ведь щелкнул им и… Но ладно. Чего мечтать о несбыточном? Пришлось лететь, так сказать, своим ходом.

Чертовски утомительно. И ссылаясь на это обстоятельство, я отказался объяснять свои планы Альене.

— Ты же обещал!

— Обещал рассказать, но не уточнил сроки. Извини, но очень скоро ты мне понадобишься именно в качестве ничего не знающего. Иначе тебе будет очень трудно сыграть одну роль.

— Я у тебя сейчас на голове сыграю!!! Кирпичом! Тяжелым!

— Каменным, — добавил я, но, видя, что девчонка, и правда, готова настучать мне по куполу, поспешил ее успокоить. — Ну потерпи немного. Когда все сделаешь, тогда и расскажу. Тебе что, трудно подождать до утра?

— Но только до утра!

Я опустился перед оградой кладбища и задумчиво почесал затылок. Покосился на недавно отстроенный храм за забором. Протянул руку сквозь прутья, но тут же отдернул ее. Потом посмотрел на Альену, которая с нескрываемым злорадством наблюдала за моими потугами попасть на ту сторону. Я сердито хмыкнул и медленно побрел вдоль забора. Ни за что не обращусь к ней за помощью! Ни за что и никогда!

Через несколько сотен метров солидная ограда из металлических прутьев уступила место невысокой загородке, которую можно было элементарно перепрыгнуть.

Можно было бы, если бы по ту сторону не располагалось кладбище. Вернее, даже не само кладбище, а храм на его территории. Без него еще как-то можно стерпеть и кладбище. Трудно, но можно. А вот так… Короче, для черта побывать на кладбище — все равно что для человека принять душ из раскаленного пара. Я опять покосился на Альену.

— Помощь не требуется? — сладким голоском осведомилась Альена. Мне аж противно стало. Ну погоди, я тебе это еще припомню!!!

— А ты как думаешь?! — рявкнул я, не удержавшись.

— Интересно, о чем ты думал, когда потащил нас на кладбище?

Хороший вопрос. Я опять посмотрел за ограду. И ведь не докричишься до призрака. Надо к могиле идти.

— Ты должен пообещать мне все рассказать, если я тебе помогу. И ты должен освободить меня от моего обещания!

А девочка быстро учится. Далеко пойдет. Ничего, вот еще недельку со мной, и я сделаю из нее образцового черта. Тут я опять покосился на нее и вздохнул. Или она меня превратит в ангела. А как еще можно будет назвать меня, если я выдержу с ней неделю? Только святым.

— Я тебе обещаю все рассказать, но от твоего слова не

освобождаю. Так пойдет?

— Нет!

— Ну тогда возвращаемся. Хм, жаль. Это был самый простой способ помочь мальчику.

Я развернулся и направился вдоль ограды обратно. Нет, все-таки ей еще до настоящего черта далеко. Совершенно не понимает, что такое блеф.

— Ладно! — поспешно закричала она мне вслед. — Я согласна!

Я тут же вернулся.

— Тогда вперед.

Альена изучающе взглянула на мое сияющее улыбкой лицо.

— Опять надул, — печально констатировала она.

Я улыбнулся сильнее и подошел к ограде.

— Ну?

Альена вздохнула и встала рядом со мной.

— Давай руку. Но я тебе это еще припомню!

Мы взялись за руки и около минуты стояли неподвижно. Только я изредка косил взгляд в сторону Альены. Поэтому мог наблюдать, как все сильнее и сильнее разгоралось золотистое свечение вокруг нее. Вот оно охватило и меня. Было слегка неуютно. При этом я понимал, что стоит Альене сейчас захотеть этого, как я моментально испарюсь. Просто исчезну. Никакой черт не выдержит сияния ангела. Подобная мысль заставила меня вздрогнуть. Холод пробрал до костей. Сейчас моя жизнь целиком находилась в руках этой девчонки. В самом прямом смысле.

Кажется, Альена почувствовала мой страх и скорчила зловещую физиономию. Я криво улыбнулся. Вернее, я хотел просто улыбнуться, показав, что ничуть не боюсь. Это и вышло у меня криво. Я боялся и еще как.

— Пойдем.

От голоса ангела я вздрогнул. Но тут же постарался взять себя в руки и сделал шаг. Вот мы прошли прямо сквозь ограду. Я прислушался к своим ощущениям. Вроде ничего страшного. Жив. И неплохо себя чувствую.

— Теперь можешь отпустить мою руку, — как-то уж очень тихо сказала Альена.

Я опустил глаза вниз. О, великий Горуян, да как же она терпела?!! От страха я так сдавил девчонке руку, что, наверное, переломал ей все кости. Я поспешно разжал ладонь. Альена медленно поднесла руку к груди и прижала ее другой рукой. Слегка улыбнулась, но улыбка тут же померкла. — Ну и силища у тебя.

— Ты бы могла крикнуть, — заметил я, испытывая раскаяние.

Вот уж не думал, что когда-нибудь мне придется испытать это чувство.

— Не могла. Тогда я не смогла бы защитить тебя, и ты бы погиб.

О-о! Я медленно разжал ее руку и посмотрел на ладонь. Она была слегка покрасневшей и опухшей. Вот где мой дядя пригодился бы с его умением лечить! Он бы за секунду все поправил. И почему я так не умею?!!

— Прости, — попросил я.

— Надеюсь, я не зря все это терпела, — буркнула Альена, вырвав у меня из руки свою ладонь.

Да уж. После подобного я был бы последним подонком, если бы обманул ее. Даже хуже — человеком. Однако вместо ответа только кивнул. Потом развернулся и решительно зашагал между могил, изредка бросая взгляды на надписи. Следом шла Альена.

Погода была просто чудесная. Теплая летняя ночь. Звезды. Романтика, блин. Да еще призраки всякие. Я повернулся к медленно вырастающему из надгробия привидению.

— Человек?! — простонал он, — Я возьму тебя с собой!!!

Призрак говорил на межмировом языке, и я его понял без труда. А вот для людей его разговор действительно напоминал стоны. Причем стоны в довольно неприятном диапазоне частот. Что и вызывало у них страх. Плюс еще страх перед привидениями сам по себе. Так что тут и самый смелый поседеет. К тому же… Я присмотрелся. Точно, этот призрак еще и энергетический вампир. Весело. Ясно, что ему место в аду, но туда он идти не захотел. Вот и шастает бедолага. Людей пугает. Ладно бы еще пугал, а то ведь и энергию высасывает.

— С собой — это куда? — вежливо осведомился я. Рядом со мной встала Альена и с интересом стала прислушиваться к нашему разговору.

— С собой в могилу!!! — уточнил призрак. Я вздохнул. Совсем тупой. Еще не сообразил, на кого нарвался.

— Не-е, — покачал я головой. — Не хочу. Лучше я тебя с собой возьму.

— А это куда? — удивился призрак.

Я поднял руку и направил на призрака указательный палец.

— Гулять не надоело?

Похоже, до этого идиота наконец дошло.

— Не-е-ет!!! Не хочу!!! Я не заслужил!!!

— А вот это не мне решать, — преувеличенно печально сообщил я. — И потом, набедокурил при жизни, имей смелость ответить после смерти. В ад, голубчик, в ад.

— Я не заслужил!!! — Призрак задергался в невидимых

путах. Ага, так я и отпустил.

— Ладно, примем апелляцию. — Не опуская пальца, я одной рукой достал блокнот. Присел на корточки и положил его на землю. Писать одной рукой было неудобно. Однако опустить вторую я не мог даже на мгновение. Призрак моментально воспользовался бы этим. Записав вопрос, я поднялся и посмотрел на полученный ответ.

— Что ж, приятно познакомиться, Петр Васильевич. Кажется, вы были начальником ЖЭКа? Маленький чинуша, но от которого зависели другие люди. Уже тогда вампир. Похоже, вам доставляли удовольствия страдания людей, которые приходили к вам за помощью. Отказывать вы умели, даже если не имели на отказ права. А вот унижать просителей совсем было необязательно. Хм, даже смелости на более крупное преступление не хватило. Мелкие взятки и вереница униженных людей. Да-с, довольно странное у вас хобби было. Да вы садист, батенька. Что ж, теперь хобби будет у других. В ад, батенька. В ад.

— Не хочу-у-у-у!!! Я больше не буду-у-у!!! Дайте мне шанс!!! Ну прошу вас!

Я сплюнул.

— Пшел вон, дурак!

Неожиданно возник небольшой смерчик и закрутил призрак. Миг, и он исчез.

— Идиотизм, — буркнул я, обращаясь к Альене. — У мужика восемьдесят лет жизни было, чтобы сделать что-нибудь полезное. А сейчас дайте мне шанс, я больше не буду. Как маленький, честное слово.

Альена промолчала. Ясно, что ей было жаль призрака, но она также понимала, что свое он заслужил сполна и она не имеет над ним никакой власти. Поэтому только ограничилась кивком. Я покосился на ее руку, которую она все еще баюкала на груди. Опухоль вроде как слегка спала. Я поспешно отвернулся. Смешно сказать, но вид руки девочки вызывал у меня муки совести. Совесть у черта — это как два министра в трамвае.

Подняв голову, я посмотрел на луну. Так, смерть Ненашевой наступила… угу, дату рождения умножить на номер ее знака, разделить на количество месяцев в году… применим коэффициент Брокса… Я повернулся на северо-запад. Похоже, там. Хм-м. А если я не прав? Так и будем ночью бегать по всему кладбищу в поисках могилы Ненашевой? Я открыл блокнот и быстро набросал вопрос. Коэффициенты коэффициентами, но этот способ надежней. Получив ответ, я зашагал на север. Ага. Пришли. А то умножить, поделить, отнять… Бр-р-р.

— Альена, исчезни.

— То есть? — опешила девочка.

— Ну замаскируйся.

— Думаешь, призрак меня не увидит?

— Она поймет, что кто-то есть, но кто — не поймет. И главное, она не поймет, кто ты — черт, ангел или другой призрак.

Альена пожала плечами.

— Как скажешь.

Я присмотрелся. Морок Альена сотворила не идеальный, но видно ее не было. А это главное. Я подошел к могиле. Скромное стандартное надгробие из железа и табличка с именем, датой рождения и датой смерти. Я постучал по ней.

— Ау. Гражданка Ненашева. К вам посетители.

— Это ты?! — Передо мной висел призрак уже знакомой мне женщины.

— Это ты, — согласился я. — Бр-р-р, в смысле это я. Я хотел сообщить вам, что теперь вам незачем больше быть на Земле. О вашем сыне я позаботился. Все нормально. Можете со спокойной душой идти в рай.

— Позаботился?

— Да. Я его спросил, что ему хочется. Он сказал миллион. Я ему пообещал его. Ну вот. В течение недели я даю ему миллион и все в порядке. Он счастлив. Кстати, могу исполнить и ваше желание — сделаю так, что ваш муж перестанет пить.

— Идиот!!! — От воя призрака у меня заложило в ушах. — Что ты наделал!!! Я не хочу, чтобы мой сын попал к вам!

— Тогда надо было еще при жизни научить своего сына отличать добро от зла, — сердито буркнул я. — Кто виноват в том, что он дожил до двенадцати лет и не различает эти понятия? Я, что ли? Конечно, черти плохие, валите все на нас! А люди безгрешны! Воруют? Черт соблазнил! Грабят? Черт виноват. Взятку взял? Лукавый попутал. Ну да, Лукавому делать больше нечего, как стоять над плечом взяточника и нашептывать ему: «Возьми деньги, ну возьми. Ну что тебе, тяжело, что ли? Тебе дают? Так бери!»

Призрак вопить перестал и теперь смотрел на меня тяжелым взглядом.

— Я виновата?! Да?

— Мадам, я не предлагал вашему сыну денег. Я его спросил, что ему надо для счастья. Он выбрал их. Сказал, что богатых боятся и уважают. Если он этого хочет, я сделаю, чтобы его боялись и уважали. Я не придумываю желания. Я их всего лишь исполняю.

— Он еще маленький и глупый! Он не понимает! Черт, помилуй его! Прошу тебя! Если хочешь, возьми мою душу взамен!

Отпусти сына!

Я склонил голову набок и изучающе посмотрел на коленопреклоненного призрака.

— Даже так, да? Обмен был бы заманчивый. И знаешь почему, женщина? Потому что твой сын все равно попадет к нам. Даже если я оставлю его. Ты не научила его должным образом. Но я не пойду на это.

— У тебя нет души!!!

— Нет. Душа — это привилегия людей. Но не пойду на это я вовсе не из-за отсутствия души. Просто я подписал договор. Дал слово. А нарушить его я не могу. Есть только один вариант. Алеша должен отказаться сам от договора. Но… но если бы от договора со мной можно было бы легко отказаться, то я был бы не черт, а лох. Он должен не просто отказаться, но и победить меня. И я не про победу в драке. Он должен победить меня в своей душе. Вы поняли, о чем я?

— Но что я могу? Я призрак!

— Верно. Вы ничего не можете. Но я дам вам шанс. Один. И если вы проиграете, то и ваша душа и душа вашего сына будут моими. Если победите… впрочем, что будет в случае вашей победы, говорить не стоит. Сама понимаешь.

— Что я должна сделать, черт? Я готова на все!

— На все? Не кидайтесь такими словами. А что должны сделать? Помочь своему сыну, конечно.

— Но как?! Я же призрак!!! Он меня не видит и не слышит!!! Черт, я ведь была дома после смерти!!! Сидела рядом с собственным сыном!!! Пыталась звать его, кричала!!! Ну пожалей ты меня!

Я пожал плечами.

— Тут ничем помочь не могу. Единственное, что я готов для вас сделать — это позволить покидать кладбище в любой момент, когда захотите. Ну а дальше все зависит только от вас. Если любите, то способ помочь найдете. А договор заключен. — Я развернулся и направился к выходу с кладбища. А у могильного холмика так и осталась сидеть коленопреклоненная фигура призрака.

Уже за пределами кладбища ко мне подошла Альена. Ее глаза пылали таким гневом, что мне стало даже страшно. Гневный ангел — это, мягко говоря, пугающе.

— Тебе лучше объяснить, что ты задумал. — Ее спокойный тон вместе с гневом в глазах, вообще, пугал. — Тебе нравится причинять боль людям?! Что за игры?!

— Боль? А тебе не приходило в голову, что и мир люди познают через боль? А что касается издевательств… а как мне

еще было расшевелить мать, чтобы та кинулась на защиту ребенка?

— И как же она сможет ему помочь?!!!

— Ты поможешь, — тут же сказал я.

— Я?! — Альена так изумилась, что гнев в ее глазах моментально потух.

— Ну конечно! В конце концов, ты ангел. Я ведь почему велел тебе спрятаться? Чтобы нас не видели вместе. Я черт, ты ангел. Понимаешь?

Альена молча изучала меня. Потом ее глаза широко распахнулись.

— Ах ты… Ты с самого начала это задумал, сукин ты сын!!!

— Ангелы не ругаются, — заметил я, восхищаясь, с какой непринужденностью эта девчонка умела ругаться. Обычно чтобы заставить ангела произнести хоть одно бранное слово, приходилось прилагать неимоверные усилия. А когда он все-таки ругался, то делал это так, словно жевал раскаленную сковородку.

Альена довольно витиевато отправила меня в дальнее путешествие, чтобы я не приставал к ней с разными дурацкими замечаниями.

— Мне они и в школе надоели, — добавила она.

Я кивнул.

— Учтем. Однако осмелюсь заметить, что моя бабушка живет вовсе не по тому адресу, который ты назвала.

Альена фыркнула.

— Если ты не перестанешь шутить и не скажешь мне, что ты замыслил, то по тому адресу будешь жить ты! Это ясно?

— Ясно. Итак, чего ты ждешь?

— Чего я жду? — растерянно переспросила Альена.

Я в молчаливой молитве возвел глаза к небу.

— Ты ангел или где? Только что я дал тебе прямую возможность вмешаться в наш спор с людьми! Не понимаешь?

Альена помотала головой.

— У вас все ангелы такие тупые? — вежливо поинтересовался я.

Девчонка сердито насупилась и покосилась на большую сухую палку, лежавшую чуть в стороне от ограды. Я счел за лучшее тему сообразительности ангелов не развивать. Вот ведь повезло! И почему дядя не смог отыскать какую-нибудь прилежную ученицу среди ангелов, которая не ругается, не дерется и не косится с таким многообещающим видом на разные тяжелые ударные инструменты? Нет, попалась какая-то хулиганка. Совершенно неправильный ангел. Я медленно ей разъяснил, как для маленькой:

— Мы сейчас говорили с призраком. Своим договором с ней я позволил в спор вмешаться ангелам. Понимаешь? Ты сейчас отправишься к Зое Ненашевой и объяснишь, что ты ангел и должна ей помочь. Ясно? Ну ты что, слов не найдешь?!!

— Так бы и сказал, — хмыкнула Альена. — Но как я ей могу помочь?

— Ты что, не знаешь, как ангелы помогают? Ты вообще занятия в школе посещала?

Альена насупилась.

— Я поговорю с ней. Успокою. Но за тобой буду приглядывать.

Я демонстративно сел около ограды и скрестил ноги. Посмотрел на небо и стал разглядывать полную луну.

— Между прочим, утром нам надо быть в доме Алеши. Обязательно. Поэтому если через час не вернешься, то я отправлюсь без тебя. И тогда ты за мной точно не сможешь приглядывать.

Альена что-то сердито буркнула и исчезла за оградой. Я приготовился ждать. Час прошел быстро, но ангела еще не было. Я накинул еще полчаса. Без толку. Я начал медленно закипать. Ведь говорил же ей. Я подошел к ограде, но на этот раз ангел меня не защищал, и я зашипел от боли, когда оказался по ту сторону ограды. Поспешно выскочив обратно, я потер обожженную руку.

Потом покосился на часы. Было около восьми утра. Та-ак. Если через пятнадцать минут…

Альена, задумчиво разглядывая свои джинсы и майку, выплыла сквозь решетку и также задумчиво уставилась на меня.

— Знаешь, а мне, оказывается, подобный фасон совсем не идет.

Я, уже открыв рот, чтобы обругать несносную девчонку, замер. Потом медленно подобрал челюсть с пола.

— Чего?

— Я говорю, мне такой фасон не идет. Зоечка сказала мне, что это хорошо для сорванца, но она говорит, что девушка не должна быть настолько сорванцом. Понимаешь, она считает, что мальчикам больше нравятся такие девочки, о которых они должны заботиться.

Я медленно опустился на землю и уставился на нее как на привидение.

— Вы там что, наряды обсуждали?!

Альена надулась.

— Тебе-то что?!! Мы поговорили там о своем. И вообще это невежливо расспрашивать о конфиденциальном разговоре.

Это я расспрашиваю?!!!! Нет, я хоть один вопрос ей задал?! Когда я снова посмотрел на Альену, та уже преобразилась. Теперь на ней вместо потертых джинсов была синенькая юбочка до колен, белые носочки, сандалии и белая кофточка с какой-то оборочкой. Она задумчиво крутилась на месте, разглядывая себя в висящее перед ней в воздухе зеркало. Потом подняла руку к волосам и вытащила из них заколку. Тотчас волосы потоком хлынули ей на плечи. Я уже хотел было возмутиться, но замер. Девчонка как-то вдруг преобразилась. Всего ничего, но… Я так и остался стоять с открытым ртом, глядя на нее. Черт возьми, а все-таки она красавица. Как я сразу это не понял?!!! Где были мои глаза?!!!

Я поспешно тряхнул головой, отгоняя наваждение. Потом щелчком пальцев рассеял зеркало. Альена сердито нахмурилась и повернулась ко мне. Я показал ей на солнце.

— Время!!! Мы опаздываем! У нас нет времени на разные глупости!!!

— По-твоему, хорошо выглядеть — это глупость?! — возмутилась Альена.

Я счел за лучшее промолчать.

— Нам надо помочь ребенку и его отцу.

Это вмиг вернуло Альену на землю. Она со вздохом восстановила свой прежний наряд и опять собрала волосы в хвост. Я сожалеюще вздохнул. В своем новом наряде она нравилась мне больше. Альена же вдруг повернулась ко мне и лучезарно улыбнулась.

— Спасибо, черт, — вдруг сказала она. Потом поднялась в воздух и полетела в сторону города.

Я с открытым ртом остался на земле глядеть ей вслед.

— Пожалуйста, — растерянно отозвался я. — А за что? — Потом потряс головой. — Женщины, — буркнул я презрительно. Поднялся в воздух и бросился догонять этого ангелочка. Нет, с ней я точно святым стану.

Глава 4

Летом люди встают рано. И уже в девять утра во дворе было достаточно народа. Даже дети, которым, казалось, спать и спать можно в каникулы. Однако Алеши не было. Это радовало. Значит, не прозевали. Я не слишком вежливо ухватил Альену за локоть и потащил ее к скамейке в тени огромного дерева, росшего почти в центре двора и в котором я спрятал свои вещи. Там мы и примостились. Альена что-то сердито буркнула про «некоторых невоспитанных личностей», но больше никакого недовольства моей бесцеремонностью не выдала. Я осмотрел двор. Потом повернулся к ней.

— Ну рассказывай, что там было? О чем вы говорили с призраком?

— Между прочим, называть милейшего человека призраком — верх невоспитанности.

Я закатил глаза. Потом медленно про себя сосчитал до десяти.

— О чем вы разговаривали с милейшим человеком Зоей Ненашевой? — терпеливо повторил я вопрос.

— Ну… известно о чем. О ее сыне. Она обрадовалась, когда узнала, что я ангел. Я пообещала ей помочь. Сказала, что защищу и ее, и ее сына от злобного черта.

Я скривился.

— «Злобного черта», — обиженно буркнул я себе под нос. Нет, вы видели это? Меня обозвали злобным чертом!!! Меня!!! — Мило.

Альена посмотрела на мою обиженную физиономию и моргнула.

— Эзергиль, ну прости, пожалуйста. Я вовсе не думала тебя обижать. Это как-то само получилось.

— Само получилось оскорбление?

— Э-э… нет. Ну мне надо было что-то сказать? Ну вот мы и поговорили. В общем, все.

— Как все?! И об этом вы говорили два часа?

— Почему об этом? — удивилась Альена. — Ты знаешь, Зоенька при жизни, оказывается, была модельером. Она сказала, что ей больно смотреть на мою безвкусную одежду.

— Вы два часа говорили о тряпках?! — возмущенно завопил я.

— И вовсе не два часа, — фыркнула Альена. — Зоя сказала, что черту простительно ходить в разных безвкусных одеждах, но тебе, говорит, в смысле мне, надобен другой наряд. И описала,

как она себе его представляет. Да ты его видел. Я около кладбища оделась так, как мне описала Зоя.

— О, женщины!!! — патетично воззвал я к небесам. Однако украдкой покосился на свою одежду.

Все-таки имидж для черта значит много. А к словам специалиста прислушаться стоит. Я снова посмотрел на подъезд дома…

— Опа. — Я поспешно ухватил Альену за руку. Девочка вскрикнула. Ох, совсем забыл про ее ладонь, которую вчера отдавил. — Прости. Посмотри на подъезд. Видишь вон того мальчишку около тумбы с цветами?

— Это тот ушастый бочонок?

Я мысленно усмехнулся. Слышал бы ее Ксефон.

— Точно. Знаешь, кто это?

— Понятия не имею.

— Ксефон. Мой одноклассник.

— Не поняла? Тут на Земле что, экскурсия для чертей?

— Хуже. У него свое задание. И его задание прямо противоположно моему.

Альена подозрительно покосилась на меня.

— А тебе не кажется, что пора бы мне все объяснить? Как ты вообще влип во все это?

— Говорю же, благодаря дяде. — Я покосился на дверь подъезда, но Алеши еще не было. Потом посмотрел на все еще красную и опухшую руку Альены. И снова испытал муки совести. Именно поэтому отказать ей не смог.

Альена выслушала меня самым внимательным образом. Потом фыркнула.

— Вот теперь я совершенно спокойна — ты действительно на моей стороне. Тебе с самого начала надо было рассказывать не о дяде ангеле, а о тех деньгах, которые ты выиграешь в случае победы.

— Я бы это сделал и без денег, — почему-то обиделся я. — Мне не хочется оставаться на второй год.

— Угу. Ну совершенно бескорыстно ты помогаешь людям.

— Ты бы молчала, — буркнул я. — Можно подумать, ты стараешься вовсе не потому, что тоже хочешь получить зачет по практике.

Альена на миг смутилась. Но только на миг.

— Ну и что?! Однако я искренняя. И даже если мне скажут, что поставят зачет просто так, то я все равно не брошу это дело!

— Я тоже.

— А вот и врешь!

— А вот и нет! Альена, я хочу победить, но я не хочу победу

воровать! Я ведь играю! И чем больше препятствий на пути, тем слаще победа в финале. Для меня это игра! Решить сложную задачку и победить — это… это… это наслаждение! Радость. Я себя представить не могу без мысли, творчества, преодоления разных препятствий. Это непередаваемо!!! Я не могу себя представить без всего этого!

— Ты маньяк, знаешь? — заметила Альена, глядя на меня.

Я осекся и посмотрел на нее.

— А… наверное. Прости, увлекся.

— Понятно. А что нам делать с этим твоим Ксефоном? По шее настучать?

— Слушай, а ты точно ангел, а не черт? Нет, это слишком просто. Понимаешь, я человек мысли. Тот день, когда мне придется какую-нибудь проблему решать кулаками, я буду считать самым несчастливым днем в своей жизни. Нет, насилие пусть остается для накачанных кретинов с мозгами курицы. Типа Ксефона. Я же… — Я хищно улыбнулся. — Я же заставлю Ксефона помогать нам.

Альена уставилась на меня.

— Помогать?!

— Да! Это гораздо интересней, чем просто настучать ему по шее. Вот смотри. Что я сейчас делаю? Охочусь за душой некоего ребенка по имени Алеша и душой его матери. А Ксефон не знает, какое точно у меня задание. Но он должен мне помешать. Что ему надо сделать?

Альена некоторое время переводила взгляд с меня на Ксефона, который уже спрятался в кустах, думая, что его не видно, и оттуда наблюдал за нами. Я, правда, позаботился о том, чтобы он нас не расслышал.

— Он постарается помешать тебе и помочь им.

— Разве это не забавно? — усмехнулся я. — Мой враг будет работать вместе со мной, помогая мне.

Альена теперь смотрела на меня. И в ее взгляде не было ни грамма улыбки.

— Ты опасный субъект.

— Еще какой, — согласно кивнул я. — Внимание, а вот и наш клиент. Ты поняла, что тебе надо делать?

— Не дура.

— Тогда докажи это. Найди и проверь подходящего нам человека.

Альена бросила в мою сторону сердитый взгляд и исчезла за мороком. Я же двинулся в сторону показавшегося во дворе Алеши. Он был мрачен и сонно тер кулаком глаза. Однако по сторонам смотрел внимательно. Я подождал некоторое время, а

потом подошел к Алеше, сделав вид, что не заметил притаившегося в кустах Ксефона.

— Привет. Кого-то ищешь?

Алеша аж подпрыгнул на месте. Потом уставился на меня.

Минут пять он ошарашенно разглядывал меня с головы до ног.

— Я думал, ты мой сон.

— Думал или надеялся? — Я усмехнулся и достал из кармана свернутый договор. Краем глаза проследил за Ксефоном — хорошо ли ему слышно. — Помнишь? Ты мне свою душу, я миллион долларов в течение недели. Не передумал?

Мальчишка опустил глаза.

— Нет.

— Тогда вперед. — Я уверенно ухватил мальчика за локоть и отправился со двора. Позади крался Ксефон. Альена шла последней и наблюдала за Ксефоном. Такой кавалькадой мы и покинули двор.

— Отец запретил мне уходить со двора, — несмело заметил Алеша.

Я усмехнулся.

— Ах, простите; видно, вчера ты попался на краже почти около собственного подъезда.

Алеша опять опустил голову. Видно было, что ему самому непонятно свое новое положение. И самое главное, непонятно, чего ждать дальше.

— Я должен был….

— Вот и сейчас должен. Или ты думаешь, что миллион можно заработать, не выходя из дома? Вперед! Нас ждут великие дела.

Не отпуская руки мальчика, я решительно направился на улицу и зашагал по тротуару. Алеша покорно плелся рядом. Я же откровенно смотрел по сторонам.

— Смотри, — сообщил я Алеше, показывая на здание. — Ты знаешь, что оно построено в восемнадцатом веке? Когда-то в нем жил богатый купец. У него было много денег. Наверное, он был даже счастлив. Видишь, какой красивый и солидный дом. Ведь больше двухсот лет прошло, а дом все стоит. А кто помнит того купца? Да, все преходяще в этом мире. Охотятся люди за богатством, охотятся. Ну и что? Никак люди не поймут, что все в этом мире преходяще. Важно только то, что ты извлекаешь для себя. Для своей души, если хочешь.

Алеша мрачнел с каждым словом, но не перебивал. Я же продолжал экскурсию.

— А вот костел. Какие шпили. Но построен позднее, чем дом того купца. Сам понимаешь, в качестве музея он мне нравился

больше. И чего его вернули этим попам? Бардак. То сделают доброе дело и превратят храмы в склады, то возвращают их. Думают грехи замолить. Смешно, право слово. Свечки ставят богатые. Можно подумать, Он бухгалтер и складывает суммы, которые люди потратили на замаливание своих грехов. Извини, но зайти внутрь не предлагаю. Противопоказано мне это. Ага, а вот те, кого мы ищем.

Алеша посмотрел вперед и сжался. Навстречу шагала та самая компания, что вчера грабила ларек. Разве что самого младшего с ними не было. Мелкая шпана, скривился я. И с ними восемнадцатилетний обалдуй. Командир. Добрый молодец среди овец. Я остановился и стал ждать их. Алеша дернулся было сбежать, но я держал его руку крепко. Наконец вся компания приблизилась. Двое подошли по бокам, словно мы убегать собрались. Еще один пристроился сзади. Сам «молодец» встал перед нами. На меня он демонстративно не смотрел. Зато смотрел на Алешу, и от этого взгляда того просто трясло.

— Ты что же делаешь, щенок, — процедил он сквозь зубы. — Я тебе вчера что сказал делать? Ты знаешь, на сколько попал? Жора, сколько в той сумке товара было?

— Никак не меньше десяти тысяч, — тут же отозвался Жора — белобрысый пацан лет четырнадцати.

Ох-ох. Десяти тысяч. Ручки, фломастеры, стержни, тетрадки и папки. Ладно, если на тысячу набежит и то в лучшем случае. Однако какой гонор, какая спесь. Ну просто крестный батя. Или папа. Не знаю уж. Есть там в аду один такой. Все орет, что он крестный какого-то папы. И что он всем тут покажет, когда его ребята придут. А что ребята? Ребята по соседним котлам сидят… Ладно, опять отвлекся.

Алеша с надеждой посмотрел на меня, но я молчал. Мальчик тяжко вздохнул.

— У меня нет таких денег, — обреченно сказал он. Потом покосился на меня. — Дайте мне неделю. Через неделю верну, обещаю.

Я жестом остановил время, и все вокруг замерли. Я же повернулся к Алеше и презрительно оглядел его с ног до головы.

— Та-ак. И что ты сейчас делаешь?

— А что? — испуганно спросил мальчик, косясь в сторону замерших вокруг людей. Потом испуганно посмотрел на висящую прямо в воздухе птицу. Кажется, только сейчас до него по-настоящему дошло, с кем он связался. Он нервно сглотнул и опустил глаза. — Ведь ты… вы обещали за неделю мне миллион.

Я вздохнул.

— «Хочу быть богатым и чтобы меня все уважали и

боялись», — передразнил я его. — Ты что, серьезно думаешь, что если разным мелким хамам будешь раздавать мелкие денежки, то тебя будут бояться и уважать?

— А… а что мне делать?

— Да-а-а, — печально протянул я, разглядывая мальчишку. — И зачем я с тобой связался? Ладно, слушай меня. Ты сейчас перестанешь бояться… Перестанешь, я сказал, а не задрожишь как осиновый лист. Так вот, перестанешь бояться и скажешь этим ребятам, что ничего им не должен. И что это они тебе должны. Потом скажешь, что по доброте душевной готов выдать им некую сумму, если они готовы тебя слушать.

— Но…

Я вздохнул.

— Ладно. Придется действовать по-другому. — Я достал договор. Поднес руку к подписи Алеши и зашептал. Алеша в ужасе уставился на меня, чувствуя, что его тело перестает ему повиноваться.

Миг, и время вернулось в привычное русло. Я же накрыл себя мороком, и Алеша остался один. Правда, под моим полным контролем.

— Эй, а куда делся тот хлюпик, что был рядом с этим? — Шестнадцатилетний парень кивнул на Алешку.

Хлюпик? Я улыбнулся. Я запомню тебя, парень. Но сейчас надо было сосредоточиться на более важных вещах.

— Да какая разница?! — рявкнул главарь. — Плевать на него. — Он подошел к Алеше и, ухватив за шиворот, хорошенько тряхнул. — Ну будешь отдавать долг, сопляк?

Я огляделся. Немногочисленные прохожие торопливо проходили мимо. Некоторые подозрительно косились на компанию ребят. Кто-то буркнул что-то типа «хулиганы». Какие милые люди. И логика железная. Да, хулиганы, а кто они сами, когда видят, что компания довольно взрослых парней пристает к мальчику, но торопливо проходят мимо? Наверное, добропорядочные люди.

— Деньги? — насмешливо протянул Алеша. Я видел ужас в его глазах, когда губы вдруг стали произносить слова помимо воли. — Вы называете ту мелочь из киоска деньгами? Ой, не могу!!! Десять тысяч!!! Предел ваших мечтаний?! Ладно, если вы так бедны, дам вам их на чай.

— Ты че, охренел? — ошарашенно поинтересовался главарь.

— А что, мальчик дело говорит, — насмешливо заметил я, появляясь из морока. — Смешно, право слово. Кстати, не трожьте его больше.

— А ты кто такой?! — протянул главарь, поворачиваясь ко

мне.

— Я?! Игрок. Да-а, — задумчиво протянул я. — Пожалуй, это имя мне нравится. Отныне зовите меня Игроком.

Главарь рассмеялся.

— Вот что, Игрок, гуляй отсюда.

— Непонятно? Я же говорю, не трогайте этого мальчика. Он мой ученик.

— Твой ученик? — вытаращился на меня главарь.

Я достал колоду карт из кармана и подкинул ее.

— Понял? Говорю же, я Игрок!

— А не боишься сыграть? — усмехнулся главарь.

Я расхохотался. Этот тип вздумал играть с чертом! Играть в карты с чертом!

— А не пожалеешь? — осведомился я.

— Играем, — зло бросил он. Мои насмешки, видно, сильно задели его. Да уж, как просто с такими типами. Чуть-чуть подразнить, чуть-чуть задеть самолюбие, и они твои. Можно веревки из них вить.

— Прямо здесь? — поинтересовался я.

— Пойдем!!!

Я пожал плечами и зашагал за главарем, насмешливо посматривая на наш конвой. Шестерки этого великовозрастного ребенка, играющего роль крутого бандита, похоже, решили охранять нас от побега. Детективов насмотрелись, что ли? Мнят себя этакими боевиками крестного дяди. Или крестного кузена, фиг их там поймешь.

Я невозмутимо вышагивал сразу за главарем и изредка посматривал на Алешу, который плелся следом ни жив, ни мертв. Если бы не «боевики» по сторонам, он бы обязательно сбежал… если бы хватило смелости.

Нас провели к какому-то полуподвальному помещению, расположенному в тихом дворе старого района. Я с некоторым восхищением оглядел пустынный дворик, окруженный пяти- и шестиэтажными домами. Остов старой машины марки «Победа». Три ржавых гаража. И несколько куцых деревьев. Главарь огляделся и прошел к двери в подвал. Вытащил пару гвоздей и открыл ее. Я, не колеблясь, вошел внутрь. А они тут неплохо устроились. Под потолком качалась лампочка на проводе. В углу стоял обшарпанный диван. Круглый стол без крышки. Крышкой в настоящее время ему служили несколько досок, накрытых клеенкой. Вокруг стола располагались три табуретки. А чуть в стороне стояло кресло с мягкой подушкой. Похоже, оно служило троном нашему царьку. Его, что ли, занять? Однако в настоящий момент обострять отношения с этим главарем местного разлива

было совершенно не в моих интересах. Поэтому я с чистой совестью занял второе по удобству место на диване, потащив за собой и Алешку. Главарь молча сел в кресло и достал из тумбочки колоду карт.

— Играем этими, — возвестил он.

Я пожал плечами. Этими так этими. Какая мне разница, какой колодой выигрывать?

— Во что играем? — поинтересовался я, разминая пальцы.

— Для начала в дурака.

Я сморщился. Дураки. Сопляки.

— Ладно. Делаем ставки.

Вокруг зашумели, и все выложили на стол разную мелочь. Кто рубль, кто два. Но в кон поставили по рублю. Я недоуменно уставился на все это.

— Это что? — поинтересовался я, брезгливо указывая на кучу монет. — Вот детский сад!!! Мы тут что, в куклы играть будем? Нет, ребята, я с вами не играю. Это даже несерьезно.

Главарь хмуро посмотрел на меня.

— Твоя ставка, умник?

Я молча залез в карман и выложил перед собой стопку пятидесятирублевок. Одну пододвинул в центр. Главарь с некоторой оторопью сначала уставился на пачку ассигнаций, потом на купюру в центре стола. Криво усмехнулся.

— Думал напугать, да? — Он привстал и достал откуда-то сверху что-то завернутое в тряпку. Это что-то оказалось стопкой банкнот, по сотне. Я прикинул на глазок. Тысяч двадцать. Отлично.

— Что ж, играем. Сдавайте, господа. — Я выпрямился и аристократично кивнул всем. Главарь покосился на меня и сдал карты. Без всяких выкрутасов. Просто и со вкусом. Даже если не брать карты в руки, ясно, что здесь не совсем чисто. Крапленая колода, едва не фыркнул я. Позапрошлый век. И кого они хотели надуть? Меня?!

Я опять размял руки и взял сданные карты. Первую партию проиграл без всякого сожаления, следя, как моя банкнота уплывает к выигравшему обалдую шестнадцати лет. То, что они все играют вместе против меня, было ясно как дважды два. Ну что ж, посмотрим. Вторую партию я тоже проиграл. Но ведь я и не играл сейчас. Только изучал все их приемы обмана. Проиграв три партии подряд, я невозмутимо принял колоду. Главарь этой малолетней шайки откровенно ухмылялся мне в лицо. Я улыбнулся ему в ответ.

— Ну что, ребятки, разминка закончилась? Пора приступать к игре? — Я подкинул колоду вверх и молниеносно перебросил ее

из руки в руку. Причем по одной карте. Карты образовали между моими руками дугу, настолько быстро они двигались. Я же, невозмутимо глядя в лицо опешившему главарю, положил колоду на стол, разделив ее на две. Отогнул их края дугой и смешал. Потом начал тасовать. То, что никто из них не мог уследить за моими движениями, было ясно по их вытянувшимся лицам. Я же продолжал улыбаться и на карты даже не смотрел. Вот у меня в руке опять была целая колода, причем идеально подравненная. Я протянул ее главарю.

— В приличном игорном обществе колоду после тасования обязательно дают снять сидящему справа от себя. Если этого кто-то не сделает, то такого бьют… сильно бьют. — Я немного помолчал, а потом многозначительно добавил: — Из вас никто не дал снять.

Соблюдая формальности, я быстро сдал. Вот теперь пошла игра. Я едва не хохотал, глядя, как удивленно вытягиваются лица игроков, когда до них стало доходить, что метки на картах стали обозначать вовсе не то, к чему они привыкли. Я же видел все их карты насквозь. Причем буквально. Очень легко я выиграл. Потом обыграл их еще раз. Затем, чтобы снять напряжение, проиграл. Два выигрыша, один проигрыш. Потом три выигрыша подряд и один проигрыш. Еще один выигрыш и два проигрыша. Ну и так далее. На самом деле с этими остолопами играть было просто скучно. Я откинулся на спинку и встретился с осуждающим взглядом Альены, которая невидимая для всех, кроме меня, стояла чуть в стороне. Хм, а я и не заметил, что она пришла. Ладно, значит, пора заканчивать. Выиграв еще раз пять подряд, я кинул карты на стол.

— Все, ребятки. Финиш. У вас не на что больше играть.

Главарь хмуро уставился на пустую тряпку, в которой еще совсем недавно были завернуты деньги. Он угрожающе привстал и достал из кармана нож.

— О-о, — улыбнулся я своей самой обворожительной улыбкой. — Мы никак угрожаем?

— Гони деньги! — хмуро бросил главарь.

Я откинулся на спинку и, подперев большим пальцем подбородок, уставился на главаря.

— Соплячок, я задам тебе три вопроса. После них ты сможешь забрать все эти деньги… или отдать их мне. Все зависит от того, как ты ответишь.

Главарь сердито насупился и шагнул ко мне. Я продолжал невозмутимо наблюдать за ним.

— Вопрос первый: как ты думаешь, ГДЕ я научился так играть? Вопрос второй: КТО научил меня так играть? Вопрос

третий: как вы думаете, как этот кто-то относится к карточным долгам и как он отреагирует на ваше поведение? Для джентльменов карточные долги всегда были священны. А если кто-то оказывался не джентльмен… обычно таких больше никто нигде не видел.

Я резко подался вперед и вперил взгляд в главаря.

— А теперь можешь забрать эти деньги… если рискнешь. Ты хочешь проверить, насколько ты крут против моего учителя?

Главарь как-то сразу потух. Он молча проследил, как я сгребаю деньги в целлофановый пакет. Никто из его группы не сделал даже попытки мне помешать. Потом я шагнул к двери. Тут заметил, что Алешка как сидел, так и остался сидеть. Я вздохнул и вернулся. Ухватил его за шиворот и подзатыльником направил к выходу.

— Кстати, этот мальчик, как вы поняли, теперь мой ученик. Советую не вставать у меня на дороге. Ясно? — Мои глаза полыхнули красными огоньками. Я обвел всех взглядом. И под моим взором все они сжимались. Даже такой смелый с сопляками главарь как-то скис, растеряв всю свою смелость. — Всего хорошего, господа, — попрощался я, закрывая дверь.

На улице я поднял лицо к небу и вздохнул полной грудью.

— Они теперь меня убьют, — хныкал рядом Лешка. — Ты понимаешь, что ты наделал? Они не простят меня.

Я покосился на него.

— Парень, ты хотел власти и денег, так? Так учись, черт возьми!!! Вот деньги, а вот власть!!! Видел, как они себя вели? Это мелочь, щенки. Так, пыль под ногами. Они созданы, чтоб быть пылью под ногами таких, как ты!!! Ты понял это?! Вот что такое власть. А ты — убьют, убьют. Да они к тебе на коленях скоро приползут. А я научу тебя настоящей власти.

Алешка с ужасом взирал на меня. Потом развернулся и бросился к дому. Я невозмутимо повернулся к Альене, которая стояла за моим плечом.

— Как думаешь, я его сильно напугал?

— Думаю, да, — хмуро бросила она.

— Отлично. Пусть пугается. А вот и наш друг.

Я проследил, как Ксефон бросился следом за Алешей. Просто великолепно. То, что в таком состоянии Лешка поделится с ним своей бедой, я не сомневался. Ксефон, может, и дурак, но все же черт. И вытянуть у человека то, что его интересует, сможет. Я покосился на мешочек с деньгами.

— Слушай, ты не проголодалась? Я ужасно хочу жрать. Пошли в кафе.

Альена отшатнулась.

— Я не прикоснусь к этим деньгам, что ты получил обманным путем!!!

— Так что, мне вернуть их? — удивился я. — Они обокрали других, я обокрал их. Все честно.

— Нечестно!

Я пожал плечами.

— Как хочешь. Разве я заставляю?

Я невозмутимо перебрался на другую сторону улицы и вошел в довольно приличное кафе. Альене ничего не оставалось, как пристроиться за столиком рядом со мной. К нам подошел официант и с сомнением оглядел обоих.

— Вам что, молодые люди? — довольно недружелюбно поинтересовался он. Я молча достал из кармана пачку только что выигранных сторублевок.

— Меню, пожалуйста.

При виде денег официант мгновенно изменился и расцвел.

— Конечно. Вот, пожалуйста.

Я пробежал глазами список и надиктовал блюда. Официант протянул меню Альене. Та надулась и отвернулась.

— Она на диете, — сообщил я. — Худеет, понимаете ли.

Официант с сомнением посмотрел на довольно стройную девочку, сидящую перед ним, и пожал плечами. Мол, у богатых свои причуды. Вскоре принесли заказ. Я разложил все перед собой, заметив, как Альена сглотнула. Видно, кушать ей тоже хотелось. Я пододвинул к себе тушеную картошку с грибами и попробовал.

— А ты знаешь, — сообщил я, — очень недурственно. Сочно. У-у-у! Блеск.

Искоса наблюдая за все мрачнеющей Альеной, я довольно аппетитно поедал свой обед, комментируя каждое блюдо.

— А ты знаешь, пирожки вообще отпад. Зря ты отказалась.

Это уже было последней каплей. Альена вскочила с места и запустила в меня салфеткой со стола.

— Ты!!! Ты!!! — задохнулась она от возмущения. — Ты невоспитанный, грубый, нахальный!!! Эгоист!!! Вот!!!

Всхлипывая, она выскочила из кафе. Я невозмутимо обвел взглядом зал, где немногочисленные посетители смотрели на меня. Потом пожал плечами.

— Ох уж эти женщины.

Кто-то хихикнул. Я же уткнулся в свой обед. Настроение почему-то испортилось. И ведь она сама от обеда отказалась! Разве не так? И что теперь возмущаться? И что я такого сказал?

Уже без особого аппетита доев обед, я расплатился и вышел. Альену я нашел в сквере, недалеко от того кафе, где я только что

был. Она сидела на траве под деревом, уткнув лицо в колени. Я молча подошел к ней и присел рядом. Она меня не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Я пододвинулся к ней поближе и пихнул локтем.

— Слушай, ну что ты разозлилась? Я ведь не хотел ничего плохого. Просто подзадоривал тебя, чтобы ты согласилась поесть. Нельзя же быть такой принципиальной.

— Болван!!! — буркнула Альена, не поднимая головы.

— Ладно, пусть болван. Ну стукни меня. Только давай не будем сейчас ссориться? Альена, мне ведь нужна твоя помощь, чтобы помочь этим людям. Ну давай помиримся?

Альена подняла заплаканное лицо и посмотрела на меня.

— Бесчувственный нахал!!! Только о себе и думаешь!

Я смиренно склонил голову.

— Можешь треснуть меня за это. Но мне что теперь, провалиться сквозь землю? И вообще, в конце концов, я же черт! Я и не обязан быть не эгоистом и не хамом. А вот ты должна быть всепрощающей и доброй. Ну что тебе стоит простить меня? Ты ведь добрая. — Изображая кота, я замурлыкал и потерся щекой о ее руку. Альена расхохоталась и отпихнула меня.

— Отвали, подлиза. Твое счастье, что я добрая.

— Ну просто ангел, — заметил я с улыбкой. Альена тоже улыбнулась. Потом достала зеркальце и посмотрелась в него.

— Ох! Я выгляжу кошмарно! — Она достала платок из кармана и стала вытирать лицо.

Женщины! Я возвел глаза к небу. Пусть ей всего сто двадцать лет, но… ладно, будем терпеливы и снисходительны. Как будущий мужчина, я должен прощать им эти слабости… но порой эти слабости так достают!!!

Дождавшись, когда Альена приведет себя в порядок, я встал и подал ей руку.

— Не понимаю, зачем все это. По-моему, ты в любом виде отлично выглядишь. Одним словом, ангел.

— Ты хочешь сказать, что я выгляжу хорошо только потому, что я ангел?! — с угрозой поинтересовалась Альена. Я счел за лучшее промолчать. Сейчас я что не так сказал?!!! Я думал, этот комплимент ей понравится. Хотел сделать приятное.

— Ты нашла нужного человека? — Я поспешно перевел разговор на другое. — Того, о котором мы вчера вечером говорили? Типа, кто может послужить примером для мальчика.

— Да. — Альена тут же приняла деловой вид. — Художник. Почти всю ночь разыскивала его в архивах. Все-таки блокнот — не самая лучшая поисковая система. Короче, я выдала нужные нам характеристики и попросила блокнот отыскать подходящего

человека. Его зовут Григорий Иванович Рогожев. Как я уже сказала, художник. Рисует картины и продает на улице. Написано было, что у него талант.

— А он нам точно подходит?

— Я сама проверяла, пока ты там в карты мухлевал! — даже обиделась Альена. — Он почти святой. Ходит в церковь.

— Это не аргумент, — вмешался я. На «мухлевал в карты» я благоразумно не стал заострять внимание.

— Не аргумент, — согласилась Альена. — Но верит он искренне. Если кто и сможет наставить на путь истинный нашего оболтуса, так это он.

Я поморщился.

— Альена, мне не нужен кто-то, кто наставит оболтуса на путь истинный. Я хочу, чтобы сам оболтус наставил себя на этот путь. Иначе все напрасно. Только он сам может помочь себе. Иначе все обман. Сейчас на него повлияет этот святой, а через десять лет совсем не святой. Я же хочу, чтобы мальчишка сам научился думать и решать. И отвечать за свои поступки. И лучше всего сделать это так, чтобы он видел, к чему ведут его поступки. Реально.

Альена вздохнула.

— И что ты предлагаешь?

— Пока отправиться к твоему художнику. Ты не возражаешь, если *я* его проверю?

Девчонка насупилась.

— Ты не веришь мне? Между прочим, подобные люди — это моя епархия.

— Будет твоя, когда ты станешь совершеннолетней и тебе стукнет сто восемьдесят лет. А сейчас ты всего лишь ученица средней школы, причем далеко не самая лучшая.

— Тебе обязательно надо напоминать мне об этом?!

— Прости. Тем не менее ты всего лишь девчонка. По человеческим меркам тебе двенадцать лет сейчас.

— Как и тебе! — отпарировала Альена.

— Не забывай об опыте! Я все же живу на этом свете не двенадцать лет, а сто двадцать! Так что опыта у меня побольше, чем у иного взрослого из людей.

— Как и у меня, — опять отпарировала Альена.

Я вздохнул. Хм, а девчонка действительно учится.

— Тогда ты понимаешь, что мы должны подстраховывать друг друга? Ты проверяешь меня, я тебя. Тогда меньше вероятность ошибки. Ты согласна?

Альена задумалась. Потом подозрительно уставилась на меня.

— Я вот чувствую, что где-то ты опять меня надуваешь. Только вот никак не могу понять где.

— У нас, между прочим, презумпция невиновности. Если ты не видишь, что я где-то тебя обманываю, значит, я тебя не обманываю. — Я честными глазами посмотрел на нее.

— Обманываешь, — уверенно вздохнула она. — Но ты прав. Раз не вижу, то остается верить в обратное. Иначе это уже паранойя. Поехали проверять. Только как тогда быть с нашим подопечным?

Я улыбнулся.

— О, не волнуйся. О нем позаботится один наш друг. Ксефон побежал за ним. Тебе потом останется только выяснить, о чем они говорили. Думаю, это будет нетрудно. Кстати, приготовься, скоро твой выход. Ты, как ангел мщения, должна будешь ринуться к мальчику, чтобы защитить его от злобного и коварного похитителя душ, вашего покорного слуги. — Я изысканно поклонился Альене. Та улыбнулась.

— Тебе из всего надо балаган сделать.

— Ну зачем же так. — Я скромно потупил взгляд, спрятал руки за спину и смущенно пошаркал ножкой. Ну прямо пай мальчик, которого похвалили. — Ну не надо.

Альена уже хохотала. Потом ухватила меня за руку и потащила за собой.

— Пошли проверять нашего художника. Только сначала я поем. Со вчерашнего дня ничего во рту не было.

— Я плачу. — Я поспешно поднял руку. — Не из выигранных денег. Из своих. Это честно?

Не слушая возражений Альены, я потащил ее в сторону ближайшего кафе. Правда, не в то, в котором был недавно. Выставлять себя на посмешище вовсе не входило в мои планы. Альена несмело сопротивлялась, но я ее возражений не слушал. Знаю я обычаи рая. Наверняка отправили девчонку практически без средств. Вернее, не ее отправили, а сама она отправились. В раю к деньгам относились не то что презрительно… о них вообще старались не упоминать. И, соответственно, не знали им цену. Взрослые и опытные еще брали деньги, когда отправлялись на Землю — понимали, что к чему. А вот девчонка, отправившаяся в свое первое путешествие… Что-то сильно сомневаюсь, что ее кто-нибудь просветил. Поэтому я благородно взял расходы на себя. Вот такой я благородный. Даже самому благородно стало…

Глава 5

На тесной скучной улице с частными домами в Богом забытом уголке города, где для жителей и трамвай был развлечением, неожиданно остановился шикарный мерседес последней модели. Впрочем, жители этого района вряд ли знали, что мерседес именно последней модели. Скорее всего, они даже не знали, что эта машина вообще мерседес. Поэтому чуть ли не вся улица сбежалась посмотреть на роскошную машину. Повыскакивали даже Дети, которые галдящей толпой окружили сие чудное средство передвижения. Тут распахнулась передняя дверь и из нее вышел мордоворот в темных очках. Настороженно окинув взглядом окруживших машину людей, он молча подошел к правой задней двери и открыл ее. Из салона выбрался… мальчишка. На вид ему было лет двенадцать. Правда, одет он был в белоснежный костюм, а не в потертые брюки и футболку, как все нормальные пацаны его возраста. Несколько надменно оглядел собравшихся, поморщился. Потом осмотрелся вокруг.

— Где? — поинтересовался он у мордоворота. Тот молча указал на один из домов.

На всякий случай я еще раз окинул толпу надменным взглядом и покосился на Альену, которая, невидимая для всех, стояла чуть позади меня. Она этот маскарад не одобряла. И в данный момент даже не думала это неодобрение скрывать. Ну и ладно. А я должен быть уверен в том человеке, которого нашла Альена. Я посмотрел на мерседес. Чтобы поддерживать иллюзию, приходилось слегка напрягаться. Главное было не увлечься, иначе морок рассеется. Будет странно, если вдруг шикарная машина возьмет и растает в воздухе. Иллюзию же мордоворота поддерживала Альена, благородно сняв часть проблемы с меня.

Мордоворот, поддерживая имидж, пинком распахнул калитку одного из домов и пропустил меня. Я вошел во двор, отрезая таким образом от себя любопытных. Потом послал часть своей энергии в иллюзию машины. Теперь она просуществует около часа и без моего прямого участия. Главное — уложиться в этот час.

Я оглядел двор. Поленница под крышей. Сарай. За домом просматривался огород. Везде аккуратно прибрано. Чуть в стороне виднелось какое-то застекленное строение. Сначала я его принял за теплицу. Потом сообразил, что это мастерская художника. И в данный момент там кто-то находился. Мельком бросив взгляд на довольно старый деревянный дом, я направился прямо туда. Распахнул дверь и вошел.

— Кто ты такой и что здесь делаешь? — не слишком дружелюбно поинтересовался довольно плотный мужчина с коротко постриженной бородой и заляпанным краской спортивным костюмом. В данный момент он стоял у… блин, как это у художников называется? Короче, у треноги, на которой был прилеплен холст. В общем, художник за работой.

— Покупатель, — небрежно бросил я, оглядываясь. — Ну и бардак! — поморщился я, осматриваясь. Небрежным движением руки смахнул со стула наброски и уселся. Художник Григорий Иванович Рогожев нахмурился, шагнул было ко мне, но наткнулся взглядом на мордоворота и замер. В глазах у него отчетливо полыхнул гнев. Однако он сдержался.

— Покупатель?!

— Да, — кивнул я. — Тебя рекомендовали моему отцу. Видишь ли, мой отец решил сделать мне подарок. А я захотел художника. Как у королей, представляешь? У нас в лицее все друзья обзавидуются. Ни у кого личного художника нет, а у меня есть.

— Чего?! — опешил художник. Мое обращение на «ты» явно его покоробило.

— Ну что тут непонятного? Я хочу нанять тебя. Только, — я кивнул на холсты, где была изображена природа, — с этим вот придется закончить. Не люблю всякую там травку, речки. Мура это все. Я хочу, чтобы ты рисовал тачки.

— Тачки? — сдержанно переспросил Григорий Иванович.

— Ну машины, — пояснил я, поморщившись от его непонятливости. — Отец обещал мне машину на день рождения. Вот я и хочу, чтобы ты меня в ней рисовал.

— А больше ничего не хочешь?

— Ну-у. — Я задумался. — Там видно будет. Пока не знаю. Кстати, башлять тебе две штуки баксов в месяц. — Я кивнул мордовороту. Тот молча достал из кармана пачку зеленых и выложил перед художником. Тот покосился на нее. Потом на меня. Я встал. — Завтра я пришлю за тобой машину. А пока собери нужные вещички.

Григорий Иванович молча взял пачку и запихнул мне ее за пазуху. К нему с угрозой шагнул мордоворот, но тот уже отошел. Я покосился на свой помятый пиджак. Потом достал пачку денег и холодно посмотрел на художника.

— И что это значит?! — с угрозой спросил я.

— А то и значит! Не согласен я. Ищите себе другого придворного художника.

— Да ты понимаешь…

— Вы!!! Вы понимаете! Я, между прочим, старше тебя,

мальчишка.

— Ты, — надменно буркнул я, — понимаешь, от каких денег отказываешься?! Да любой на твоем месте ухватился бы за это предложение! Уж не с твоей получкой в сотню баксов в месяц в вашем издательстве…

— Пошел вон!

— Дядя не понимает, — издевательски пропел я. — Гена, объясни дяде.

Мордоворот шагнул вперед и пинком выбил стекло. Ясно, что проделал это, управляя телохранителем, я. Альена такого никогда не сотворила бы. Именно поэтому я и перехватил управление им, когда вошел внутрь. Художник схватил лопату и отважно бросился на моего мордоворота.

— А ну вон отсюда!!! — крикнул он.

Тут совершенно неожиданно распахнулась дверь во двор и внутрь вбежали еще четверо мужчин. Все они были вооружены кто ломом, кто топором, а кто и увесистой кувалдой. И их лица отнюдь не выражали радости от нашего вида.

— Эй, мужики, — поспешно вмешался я. — Вы чего? Неприятностей хотите?! Вы знаете, кто мой отец?!

— Не знаем и знать не хотим! — заметил один из них. — Вам русским языком было велено убираться. Зачем тут все рушить?

Я, оценив силы, сплюнул.

— Ладно, пошли, Гена. — Потом обернулся к художнику. — А ты еще пожалеешь об этом. Мой отец не привык слов на ветер бросать.

— Иди, барчук, — усмехнулся художник. — Гуляй.

— Еще и обзывается, — буркнул я. Гена услужливо распахнул передо мной дверь машины, и я плюхнулся на сиденье. Рядом пристроилась Альена.

— Ну и зачем надо было там все бить? — поинтересовалась она.

— Проверял его решимость отказаться. Перед деньгами он сдержался, а перед угрозой? И потом, ему на помощь пришли соседи. Плохого человека защищать бы не бросились.

— О чем я тебе и говорила. Между прочим, он действительно мало получает, чтобы привести мастерскую в порядок.

— «Каждый получит по делам своим», — заметил я, поднимая палец. — Если он человек хороший, то внакладе не останется. Уж я об этом позабочусь.

— Какие мы благородные, — издевательски пропела Альена. — А я думала, что черти только проказничать мастера. И кстати, если уж цитируешь, то правильно так: «воздастся каждому по делам его».

— Проказничают бесы, — буркнул я, игнорируя замечание. Тоже мне, знаток Святого Писания. И сам знаю, как правильно. Но по моему звучит солидней. В отместку я направил мерседес на газон и развеял его. Альена, не ожидавшая подобного, естественно, плюхнулась пятой точкой прямо на землю. Она ойкнула и подскочила в воздух, свирепо уставившись на меня.

— Ты!!! Ты!!!

— Ты повторяешься, — невозмутимо отозвался я. — Кстати, ты сзади испачкалась.

Альена прожгла меня сердитым взглядом, развернулась и зашагала по улице. Я догнал ее и пристроился рядом. Минут десять мы так и шагали. Потом вдруг Альена остановилась и повернулась ко мне.

— И как?

— Что как? — удивился я.

— Извиняться будешь?!

— За что? — Я сделал невинные глаза и посмотрел на нее. Альена разглядывала меня секунд пять. Потом отвернулась.

— Ты невыносим, Эзергиль!

— Знаю. Мне мой брат говорит то же самое. Кстати, какие наши дальнейшие планы?

Альена снова обернулась.

— Я думала, что планы строишь ты!

— О, рад, что ты заметила. Тогда вперед. Мне надо встретиться с Алексеем. У меня появилась одна идея. А сегодня ночью твой выход.

— Опять не спать, — вздохнула Альена.

— Привыкай, — подбодрил я ее. — В конце концов, ты же ангел.

— Рада, что ты это заметил, — едко отозвалась она.

До дома Алеши мы доехали за два часа. Все-таки почти с другого конца города добирались. Уже привычным образом пройдя сквозь двери, мы с Альеной обосновались в детской комнате. Алеши там не было. Не было и его отца. Я глянул на часы.

— Что ж, будем ждать. Наверное, его еще Ксефон развлекает.

Альена уселась на диван и посмотрела на меня.

— Ты так уверен в себе, что веришь, будто тебе удастся обмануть этого Ксефона?

Я расхохотался.

— Обмануть Ксефона?! Ой, не могу! Ксефона может обмануть кто угодно и когда угодно. Он полагается на силу. — Последнюю фразу я высказал с таким презрением, что Альена удивленно посмотрела на меня.

— Ты так не доверяешь силе?

— Я уже высказывался по этому поводу. Могу повторить еще раз: «Тот день, когда я прибегну к силе, будет самым…

— …несчастным днем в твоей жизни». Я помню. Но почему ты так к этому относишься?

— Потому что силой обладает любой дурак с мощными мускулами. А вот мозги… Это другое. Для меня победить только с помощью своих мозгов — это… это как…

Раздавшийся щелчок двери помешал мне высказать мое образное сравнение. Я только успел вскочить с места и оттащить Альену в угол, накрыв нас с ней мороком.

— Там может быть Ксефон. Молчи.

— А он нас не учует?

— Кто? Ксефон? Даже не смешно. Он учится совершенно плохо. А по наваждению он всегда в двойках плавал.

В комнату действительно вошел Ксефон вместе с Алешей. Ксефон подозрительно огляделся. Потом начал сканировать вокруг. Ух, ты! Оказывается, он чему-то все-таки научился. Вот влипли! Сейчас он точно обнаружит нас.

— Я все равно тебе не верю! — воскликнул Алеша.

Ксефон от досады дернулся. На миг его сканирующая сила прервалась. Этого мига хватило, чтобы я ухватил ее и переправил луч над собой. Внимательней надо быть, дорогой Ксефон. Внимательней. И уж если выполняешь такую тонкую работу, то отвлекаться совсем нельзя.

Просканировав комнату, Ксефон заметно успокоился и уселся на стул.

— Чему ты не веришь? Что я хочу тебе помочь?

— Да! Ты сам сказал, что ты тоже черт!

— Ну и что? Хотя в принципе ты прав. — Ксефон скривился. — Мне плевать на тебя. Я тут перед тобой шута строю вовсе не из-за твоих красивых глаз. Не с тобой борюсь, а с Эзергилем. Он мой враг. Поэтому и просвещаю тебя. Как уже говорил, ты дурак. Миллион долларов! Болван. Ты мог бы потребовать и сотню. Для нас, чертей, все ваши деньги ерунда. На вот, держи.

Ксефон махнул рукой, и перед Алешей оказался большой чемодан, доверху забитый банкнотами. Тот с раскрытыми глазами уставился на это чудо.

— Но другой черт сказал, что даст только через неделю…

— Я же говорю, что он лжет. И дважды ты болван, что подписал с ним договор. Теперь ты в полной его власти. Но я научу тебя бороться с ним. Главное, вера. Ты веришь? Впрочем, что я спрашиваю. Короче, мой тебе совет: иди в церковь. Вдруг да

повезет. Зависит от того, на кого нарвешься. Может, и на истинно верующего священника. Тогда, считай, повезло. Он тебе подробно расскажет о душе и вере.

Я едва не расхохотался. Ксефон просто неподражаем. Особенно в роли спасителя людской души.

— А деньги? — несмело поинтересовался Алеша.

— А, можешь себе оставить. Считай это платой за твой поход в церковь. Тут парочка миллионов есть. Только Эзергилю их не показывай. Язык у него хорошо подвешен. Он кого хочешь заболтает. Ладно, мне пора.

Ксефон растворился за мороком и поспешно ретировался. Видно, опасался встретиться со мной.

Позади меня зашипела Альена.

— Плата за поход в церковь и покаяние!!! Этот ваш Ксефон совсем без мозгов?!!

Я философски пожал плечами.

— Он действует, как умеет.

— Он же только что, по сути, толкнул ребенка на преступление!

— Вообще-то он нам помог. Я же говорю, что Ксефон — молодец. Главное, направить его в нужную сторону. Теперь я хочу поговорить с отцом Алеши. Ну и с ним. Пошли. Сейчас устроим одно испытание для мальчика.

Я проследил, как Алеша с трудом запихал чемодан с деньгами под кровать и, испуганно озираясь, выскочил во двор. Я за ним.

— Вот ты где! — довольно громко поприветствовал я мальчика, как будто выходя из-за угла. Алеша вздрогнул и испуганно уставился на меня. — Ну что ж, пришло время нашего следующего урока. Пошли за мной.

В полной уверенности, что мальчик меня послушает, я развернулся и направился по улице. Алеша мои надежды полностью оправдал. Как рыбка на крючке, он последовал за мной, затравленно смотря по сторонам.

Ехать нам надо было на троллейбусе, но пока транспорта не было, я решил немного побеседовать с мальчиком и дружески положил руку ему на плечо.

— А вот бояться не надо. Чего ты дрожишь? Вспомни, как были наказаны твои враги! Вот так надо действовать! Понял?

— Понял, — буркнул он. — Только это было нехорошо!

— Нехорошо было грабить тот киоск. А наказывать этих воров было очень даже хорошо. Кстати, мы выходим. И не переживай ты так. Ты должен был их наказать.

Я вывел Алешу на центральный рынок и, пробравшись сквозь

толпу, указал на невзрачную старушку.

— Видишь, что она продает?

Мальчик присмотрелся.

— По-моему, икону.

— Верно. Между прочим, четырнадцатый век. Хотя не очень знаменита, но тем не менее стоит она сейчас не менее двух сотен тысяч баксов. Иди и купи ее.

— Что?! Но у меня нет столько денег.

— У-у, болван! Разве я тебе предлагаю купить ее за реальную цену? Или ты думаешь, что старушка продает ее за реальную цену? Эта икона досталась ей от бабки. Истинную цену ей она не знает. Продает всего лишь за тысячу. Причем рублей. Как видишь, выгода очевидна. Ты платишь тысячу рублей, а потом продаешь ее за нормальную цену. Покупателей я найду. Вперед. — Я подтолкнул мальчика. Тот сделал шаг и остановился.

— А это правда?

— Думаешь, обманываю? Вот уж нет. Зачем? И потом, мне ли не знать ценности икон.

— Это нечестно, — буркнул Алеша.

Я возвел глаза к небу.

— О, наивность! Ты что, хочешь заработать миллион долларов за неделю честным путем?!

— Хочу!

— Отлично. Ты хороший инженер и у тебя есть изобретение? Давай, я организую покупку его какой-нибудь компанией.

— Нет, — смутился Алеша.

— Тогда, может, ты умеешь делать замечательные операции, вытаскивая людей с того света? Пожалуйста. Тут есть один больной. Ты спасешь ему жизнь, а он в благодарность оставляет все деньги тебе.

— Я не умею, — опустил голову Алеша.

— А может, ты математик? Обещают крупную премию тому, кто докажет одну теорему. Вперед. Гарантирую, что премия будет твоя.

— Я это тоже не умею, — еще ниже опустил голову мальчик.

— Хорошо, тогда скажи, что ты умеешь? Ну?

— Я… я же еще маленький…

— Ты решил кем-то стать? Выбрал профессию? Что ты хочешь делать?

— Не знаю… — Алеша совсем скис.

— Ага. Ты хочешь много денег и чтоб тебя все уважали. Парень, уважают либо за дела, либо за деньги. За дела, как мы сейчас выяснили, уважать тебя нельзя. Нет у тебя никаких дел просто. Остались деньги. Я тебе их даю, а ты сантименты

разводишь. Вот тебе тысяча. Иди и покупай икону.

— А как же бабушка?

— Она твоя бабушка, что ли? Что ты о ней переживаешь? Запомни, в этом мире либо съешь ты, либо съедят тебя. А бабушке деньги совсем ни к чему. Она уже отжила свое. Ну, вперед.

Алеша на негнущихся ногах подошел к старушке. Я настроился слушать.

— Почем у вас это? — спросил Алеша, облизнув губы.

Старушка печально посмотрела на мальчика.

— За восемьсот возьмешь, милок? — с какой-то тоской спросила она. — Есть нечего, вот и продаю. А так бы… от бабки досталась.

Алеша всхлипнул. Посмотрел на меня. Протянул деньги. Бабушка обрадованно шагнула к ним, но Алеша их уже отдернул.

— Не продавайте икону! — поспешно заговорил он. — Вы не представляете, что это за икона! Она… она четырнадцатого века, вот!!! Ее реальная цена двести тысяч долларов… Это… это… больше миллиона рублей!!! Вызовите из музея специалистов, они оценят!!!

Алеша сорвался с места и бросился бежать. Вслед ему смотрела растерянная старушка с иконой. А вокруг меня скакала Альена и со всей силы дубасила кулаком по спине.

— Я знала!!! — вопила она. — Я знала, что у него еще осталась доброта!!! Я знала, что он не поддастся соблазну!!! Знала!!! Он молодец!!! Он умница!!!

Я поспешно отстранился.

— Он, безусловно, молодец, но ты мне всю спину уже в синяк превратила.

— Ой, прости. — Альена сконфуженно отошла в сторону.

— Ничего. Терпимо. Вот что, иди-ка ты за ним. В таком состоянии мальчишка может многое натворить. А я к нему домой. Мне с отцом мальчика теперь потолковать охота.

Альена кивнула и быстро зашагала в ту сторону, куда убежал Алеша. Я же сначала подошел к той самой бабушке, которая явно Алеше не поверила. Я осторожно взял у нее икону.

— Вам тот мальчик правду сказал. Это действительно очень старая икона. Видите, первоначально Иисус крестил двумя пальцами, а третий пририсовали позднее, уже после церковной реформы. Если присмотреться, то это отчетливо видно. Значит, икона уже старше семнадцатого века. Однако по некоторым характерным деталям ее можно отнести к веку четырнадцатому Специалисты вам скажут точнее. Возможно, музей и не даст вам ее настоящей цены, но получите вы совершенно точно больше

тысячи рублей.

Бабушка с робкой надеждой посмотрела на меня.

— А откуда ты знаешь все это, внучок?

Я вернул ей икону.

— Я много чего знаю. Извините, но мне надо идти.

Не оборачиваясь, я зашагал по улице, уворачиваясь от прохожих. Вскочил в подъехавший трамвай. И всю дорогу пытался разобраться в себе и в людях. Все же люди — странные создания. Вот Алеша. Вроде как все ясно. Почти готовый клиент. Но чем хуже ему, тем сильнее он сопротивляется мне. А ведь вроде как я выполняю его просьбы. Когда на уроке психологии людей нам говорили о подобном, я не очень верил, хотя и строил свои планы именно на основе полученных знаний. И, как оказалось, я был прав. Тем не менее я так и не смог понять, нравится мне это или нет. Да, все-таки людское поведение в логику не укладывается. Вот почему Алеша пожалел ту бабушку? Ведь она для него действительно никто.

За своими размышлениями я едва не прозевал нужную остановку. В последний момент выскочив из трамвая, я направился по уже привычному маршруту.

Виктора Николаевича Ненашева я нашел на кухне в окружении двух пустых бутылок. Я покосился на часы. Вроде рановато напиваться. Видать, повод серьезный. Я пристроился на стуле напротив и незаметно стал выгонять из него винные пары. Наконец мои старания увенчались успехом, и Виктор Николаевич продрал глаза. Правда, я постарался сделать так, что он хоть и был в сознании, но оставался бы пьяным.

— Черти!

Я вздрогнул. Ксефон?! Если этот… вздумает нас подслушивать…

— Где? — поинтересовался я.

Виктор Николаевич сфокусировал свой взгляд на мне.

— Вон! Зеленые.

Зеленые? Я проследил за его взглядом. Две бутылки. Банка с солеными помидорами. Ветчина.

— Да вон, рядом с бутылками. Еще дразнятся.

Я присмотрелся.

— Нет, это не черти, — успокаивающе покачал я головой.

— Правда? — с надеждой поинтересовался Виктор Николаевич.

— Абсолютная.

— А кто ж тогда это?

Я присмотрелся к бутылкам повнимательней.

— Ну… вот так с ходу я сказал бы, что это белая горячка.

— Да?! Слушай, а ты ваще кто такой? Ты Алешка?

— А похож? — поинтересовался я.

Мужчина присмотрелся.

— Не-а. Совершенно.

— Вот и хорошо. Я не он. А по какому поводу гулянка? Вроде как на работе вам положено быть?

— А меня уволили! — зло буркнул Виктор Николаевич. — Нет, ты представляешь, сказали, что я слишком много пью!

— Кошмар, — посочувствовал я. — Как они посмели сказать вам правду!

— Так… ик… ты тоже считаешь, что я много пью?!

— Ну что вы. Как можно?! Я просто считаю, что вы слишком много выпиваете. И как теперь вы собираетесь растить сына? Зарабатывать деньги?

— Растить деньги? Зарабатывать сына? — Мужчина непонимающе уставился на меня.

— Хм, можно и в такой трактовке. Так вот, чтоб заработать сына, вам надо вырастить деньги. Что делать? Или думаете, ваша жена вам простит, если сын пойдет воровать?

— Он уже вор!!! Совсем от рук отбился!

— От чьих? Кажется, именно вы должны научить его не воровать.

— Я ему всыплю! — клятвенно пообещал Виктор Николаевич.

— Думаете, поможет? Ладно. Я помогу вам.

— Да кто ты такой?!

— Я? — Я улыбнулся. — Я черт. А вам бы я посоветовал заглянуть под кровать сына. И кстати, вы запомните эту фразу. А вот меня вы помнить не будете. Прощайте.

Я немедленно скрылся за мороком. И когда Виктор Николаевич поднял голову в следующий раз, то никого не увидел. Он потряс головой, словно прогоняя наваждение. Я же помог ему еще чуть-чуть протрезветь.

— Заглянуть под кровать, — медленно повторил Виктор Николаевич. Он неуверенно поднялся и пошатывающейся походкой направился в комнату к сыну. С трудом нагнувшись, вытащил из-под кровати чемодан. Открыл и замер, уставившись на пачки денег.

— Мать честная! — в ужасе воскликнул он, трезвея на глазах. — О, господи, откуда это?!!

Я уселся на стул и закинул ногу на ногу. Действительно интересный вопрос. Откуда у твоего сына ЭТО? Что, задумался? Интересно, и что твой сын делает в свободное время? Не поздновато ли ты стал задавать себе эти вопросы? Что ж, наверное, толика переживаний за собственного сына тебе

полезна. Попереживай. А мы сделаем, чтобы твои переживания не были напрасны.

Я молча зашагал на балкон и спрыгнул с шестого этажа. Приземлившись на асфальт, я не удержал равновесия и все-таки оперся ладонью о землю. Чертыхнувшись, вытер ее о штаны и быстрым шагом направился на улицу, на ходу доставая блокнот.

— Альена, где ты? — написал я вопрос.

— В церкви, — пришел ответ.

— Где? Ты что, помолиться за спасение души решила?

— Дурак. Приходи быстрее. Это все касается Алеши.

— Понял, лечу.

Полетел я буквально. По описанию, которое дала Альена, я быстро отыскал церковь и осторожно приземлился перед ней. Мысленно послал зов. Альена тут же выскочила из церкви.

— Вот ты где. Наконец-то. Пошли. — Она ухватила меня за руку и потащила в сторону церкви. Я настолько ошалел, что даже не сопротивлялся. Но у входа вырвал руку.

— Ты с ума не сошла? Мне туда идти?!

Альена замерла. Потом хлопнула себя по лбу.

— Совсем забыла. Просто там Алеша. В общем, он прибежал сюда и, кажется, решил все рассказать священнику.

— Отлично, — потер я руки. — Значит, его припекло. Хорошо бы еще священник хороший попался. Я-то ведь надеялся его с тем художником свести.

— Вот в том-то и дело!!! Я тоже не уверена в священнике! Мне и нужна твоя помощь!

— В церковь я не смогу зайти! Даже твоя защита мне не поможет.

Альена задумалась.

— Возможно, ты и не сможешь зайти… а вот послушать… Вот что, ты сможешь слиться со мной?

Я раскрыл рот.

— Альена, ты уверена? Ты настолько доверяешь мне? Ведь ты окажешься беззащитной.

— Ты же доверился мне на кладбище? А там ты тоже был беззащитен. Почему я не могу довериться тебе?

Я оторопело уставился на нее.

— Ну ладно. Только мне надо бы куда-нибудь отойти в сторонку, чтоб не путаться под ногами у людей.

Я поспешно выполнил собственное пожелание и встал за какой-то пристройкой, где меня не было видно с улицы.

— Ты готов?

Я кивнул.

— Тогда давай.

Я мысленно потянулся к Альене. Она раскрыла мне навстречу свой разум. Миг, и я оказался в ее сознании. Поспешно отгородился от ее чувств и мыслей. Я, конечно, мог бы сейчас прочитать всю ее личность, но после того доверия, которое она мне оказала…

Нет, это чересчур. Поэтому я даже очистил свой разум от тех ее обрывочных мыслей, которые все-таки попали ко мне, когда я еще не воздвиг барьер. Потом осторожно дотянулся до зрения и слуха.

— Отлично, — мысленно сообщил я. — Все вижу и слышу.

— Тогда я пошла, — также мысленно отозвалась Альена. Я уловил в ее мыслях тревогу. Даже не тревогу, а страх. Разобраться в его причине было не сложно.

— Альена, — позвал я.

— Да?

— Я просто хотел сказать… я ничего не смотрел. Честно. Я сразу заблокировался.

Врать при слиянии было невозможно. Я почувствовал, как девочка облегченно вздохнула и расслабилась.

— Спасибо, Эзергиль.

Уже уверенно Альена поднялась по ступеням и вошла в церковь. Алешу я увидел сразу. Он несколько неловко топтался у иконостаса и опасливо поглядывал в сторону священника. Альена, не забыв накинуть морок, приблизилась к нему.

— Как ты думаешь, мне стоит ему помочь?

— Посмотри на священника. Хочу его понять.

Альена выполнила мою просьбу, и я около двух минут разглядывал бородатую личность в рясе.

— Даже не знаю. Ничего не могу понять.

— Ладно, тогда я дам мальчику немного уверенности в себе. В этом месте я многое могу.

Альена подошла к мальчику и протянула руку над его головой. Над Альеной вспыхнул нимб. И словно солнечное тепло разлилось по церкви. Трое людей, оказавшись в этот момент там, вдруг вздрогнули и разом повернули головы в сторону Альены, словно могли ее видеть.

Алеша тоже вздрогнул. Потом, поджав губы, решительно направился к священнику.

— Я могу с вами поговорить? — несмело поинтересовался он.

— Да, сын мой. — По тому тону, которым произнес эти слова священник, я моментально понял, что толку не будет. Похоже, этому священнику уже все надоело, и возиться с «глупостями» ребенка он не будет.

— Мне… мне нужна помощь. Я не знаю, к кому обратиться…

— Так что случилось? — несколько раздраженно поинтересовался священник.

— Дело в том… Дело в том, что я продал душу черту.

Священник устало взглянул на мальчика, который с отчаянной надеждой смотрел на него.

— Слушай, если ты считаешь, что сейчас самое время для шуток…

Надежда в глазах мальчишки вмиг потухла.

— Я пойду, — обреченно сказал он. Развернулся и неторопливо двинулся к выходу. Потом вдруг сорвался с места и побежал, рукавом вытирая слезы. Священник пожал плечами и занялся прерванными делами.

Альена вышла из церкви, и я тут же покинул ее сознание. Минута мне потребовалась, чтобы прийти в себя. А тут подошла и Альена.

— Шаг вперед и два назад, — устало заметила она.

Я же кипел праведным негодованием.

— Ну погоди, святоша, — шипел я. — Некогда ему, видите ли! Не нашел времени выслушать того, кто нуждался в помощи! Я уж приготовлю для тебя поленья! Чтоб жарче горели.

Альена покосилась на меня.

— А смысл?

— В следующей жизни он, может быть, будет более чутким, — парировал я. — Если кто-то идет в целители душ, то требования к такому человеку гораздо выше, чем к любому другому. И суд над ними строже. А если он был не уверен, что готов к такому, то лучше бы на печи сидел! Своим равнодушием он наносит окружающим больше вреда, чем сотня преступников!

Альена пожала плечами.

— Что нам теперь говорить? Надо думать, как исправить тот вред, что нанес этот… человек.

— Надо. Но поленья я специально для него выберу. И лично подложу, когда попадет к нам. А делать нечего. Сегодня Алеше как никогда потребуется чья-то помощь. Думаю, настала твоя очередь. Ангелы на страже в вечной борьбе с коварными чертями. Ты сумеешь.

Девочка невесело усмехнулась. Потом посмотрела на церковь. Вдруг она нахмурилась и подняла руку.

— Тот, кто берется исцелять души других людей, должен быть терпелив со всеми, кто бы ни обратился за помощью! — не очень громко возвестила она. Не громко, но казалось ее слышали все. Не ушами, а душой. Ее слова словно проникали в души людей. — Тот, кто позволяет за мелкими делами не разглядеть чужой боли, недостоин столь высокого звания и такой высокой

ответственности. Я лишаю это место благословления до тех пор, пока тот, кто провинился, не исправит свою оплошность. Я сказала!

И тотчас все изменилось. Если раньше от храма веяло силой и какой-то странной красотой, то теперь он казался запущенным. Даже купола поблекли. Исчезла и та сила, что исходила от храма. Не веря своим чувствам, я молча взирал на все это. Потом медленно поднялся по ступеням. Открыл дверь и вошел внутрь. Я вошел в церковь!!! Первоначально я даже не поверил, что нахожусь внутри. Такого просто не может быть! В иконостасе слегка поблекли иконы. Даже горевшие перед ними свечи потухли. Ругающийся сквозь зубы священник безуспешно пытался их разжечь. Я молча подошел к нему и встал рядом. Вот он зажигал спичку, подносил к фитилю. Свеча загоралась, но стоило спичку убрать, как она немедленно гасла. Священник сердито покосился на меня, но промолчал. Рядом со мной встала Альена.

— Не пытайтесь, — тихо посоветовала Альена.

— Что? — повернулся к ней священник.

— Я говорю, не пытайтесь их зажечь. Это не удастся. Сегодня вы совершили большой проступок, отказав в помощи тому, кто в ней сильно нуждался. Вы толкнули мальчика на путь зла. Теперь вытащить его с этого пути будет гораздо сложнее. Вы совершили большое преступление для целителя душ. Вы равнодушны и самовлюбленны. Вы проводите крестины за деньги. Для вас ваши одежды всего лишь путь к богатству. Отныне я лишаю вас права называться священником. Вас больше не примет ни один храм. Что будет дальше, зависит только от вас.

Альена развернулась и направилась к выходу.

— Да ты… — начал было говорить священник и замолчал, поскольку обнаружил, что разговаривает с пустотой. Он растерянно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

— По большому счету она права. И даже от меня вы не дождетесь сочувствия. Прощайте. — Я помахал ему рукой и медленно растаял в воздухе. Священник вытер испарину со лба. Потом начал озираться по сторонам. Однако в церкви он был один. Вернее, ему казалось, что он один. Я еще немного понаблюдал за ним и направился к выходу.

— Я и не знал, что ты подобное можешь.

Альена тоскливо посмотрела на меня.

— Могу. Но я не имела права делать такое. Я же еще не полноправный ангел. Я превысила свои полномочия.

— Ерунда. Я бы сделал все гораздо жестче. Ты еще мягко с ним поступила, с этим индюком. Он нам всю работу испортил.

— А тебя, кроме работы, больше ничего не волнует, да?!

Например, судьба этого ребенка?!!

Я равнодушно покачал головой.

— Меня волнует мой зачет по практике и мои пятьсот монет в случае успеха. Почему меня еще что-то должно волновать?

— Ты бесчувственный, наглый…

— Знаю. Нам пора. А успеть домой к Алеше просто необходимо. Там сейчас такое начнется…

Альена подозрительно покосилась на меня, но ничего спрашивать не стала, справедливо рассудив, что вскоре сама все поймет.

Мы на пару с ней припустились бегом. Нам пришлось Даже спрятаться за мороком, чтобы люди не удивлялись нашей скорости. Я покосился на Альену. А девчонка делает успехи. Пожалуй, упражнения пошли ей на пользу. По крайней мере, когда я ее встретил, она не могла уверенно проходить сквозь предметы. Сейчас это у нее получалось почти автоматически. Она даже не задумывалась над этим. Просто шла, если возникала необходимость. Да и летала с каждым разом все лучше и лучше. Но вот крылья ей, и правда, не помешали бы. Как и мне хвост. Так, опять я размечтался. Старею, старею… Тьфу, опять не туда понесло. Интересно, какие оправдания придумает Алеша по поводу чемодана с деньгами? Мне даже интересно было. И ведь говорил я ему, что деньги сами по себе бесполезны, если не можешь объяснить их появление.

Мы успели вовремя. В подъезд вошли почти одновременно с Алешей. Нас задержало то, что я настоял на дополнительной маскировке против Ксефона. В последнее время я его не видел. А это не к добру. Видать, что-то замыслил.

Мы с Альеной пронеслись сквозь дверь и едва не выскочили через стену на другой стороне дома. Нет, ничего страшного с нами не произошло бы, но подобных сюрпризов лучше избегать.

— Торопыга! — прошипела мне Альена.

Ха! Можно подумать, я ее подталкивал. Сама ведь рядом со мной бежала. Ох уж эти женщины!!!

Отец Алеши был трезв. Трезв и даже одет аккуратно. Он встретил сына у входа и молча поманил за собой. Алеша как-то вдруг сжался, словно предчувствуя беду. Отец же провел сына на кухню и молча показал на стул. Алеша несмело сел.

— Ну расскажи, как ты проводишь время? Чем занимаешься?

Алеша сжался сильнее.

— Разным.

— Разным, значит. Ну-ну. — Виктор Николаевич молча достал из-под стола чемодан и положил его на стол. — Тогда, может, объяснишь мне, откуда у тебя это?

Я думал, пугаться больше, чем боялся Алеша, нельзя. Теперь понял, что можно. Мальчик буквально посерел от ужаса. Мы с Альеной переглянулись. Детский организм, конечно, крепкий, но подобные стрессы без следа не проходят. Альена моментально закрыла глаза и настроилась на мальчика. На лбу у нее выступили капельки пота. Наконец она расслабилась и взглянула на меня. Сама она в этот момент выглядела не лучше Алеши. Только если мальчик был серым от ужаса, то она от усталости.

— У меня никогда не получалось подобное, — призналась она. — Сейчас впервые получилось. Самое страшное мне удалось поправить.

Я кивнул. Потом снова стал смотреть на отца с сыном. От Виктора Николаевича не укрылся страх сына. Он со всех силы хлопнул по столу. Его голос сорвался чуть ли не на визг:

— Отвечай, я тебя спрашиваю!!! Где ты это взял?!!!

— На… нашел, — прошептал Алеша.

— Что?! Прямо так взял и нашел?! На полу лежало, да?!

— Да.

Ох, напрасно он так сказал. Ведь ясно, что отец не верит ни слову и такая откровенная ложь только усугубляет ситуацию.

Отец вдруг сорвался с места и схватил Алешу за волосы.

— Ты мне все скажешь!!! — Он вдруг с силой ударил сына головой об стол. — Все расскажешь!!! Говори, где украл?!

Так, если Алеше не стоило так откровенно врать отцу, то и тому не стоило так обращаться с сыном. Похоже, все самообладание Алеши сейчас висело на очень тоненьком волоске. И этот волосок вдруг лопнул. Он вдруг завизжал так, что отец от неожиданности отпустил его и отскочил в сторону. Алеша моментально схватил нож со стола и замахнулся.

— Не подходи!!! — истерично закричал он. — Убью!!! Убью, как ты мамку убил!!! Не подходи!!!

Отец дернулся, словно от удара.

— Ах ты, щенок! — Он шагнул вперед, но Алеша махнул ножом, и отец отпрыгнул, зажимая рану на руке. Он неверяще уставился на кровь. — На родного отца?… — недоуменно переспросил он.

Кажется, Алеша и сам перепугался до смерти. Он отшвырнул нож и бросился в коридор. Хлопнула входная дверь.

— Я за ним, — сообщил я Альене.

— Я с тобой. Его нельзя в таком состоянии оставлять.

Я только кивнул.

Алешу мы догнали довольно быстро. Тот забился за гаражи и там тихо ревел, глотая и давясь слезами. Я осмотрелся вокруг. Да, местечко просто великолепное. А уж запахи тут…. Ну всю жизнь я

мечтал заниматься проблемами души в таком вот месте! Ладно, в конце концов, с этим все равно ничего не могу сделать. Раз уж Алеша здесь, значит, такова моя карма. Я вышел вперед и встал так, чтобы собой загородить свет. Алеша испуганно поднял голову.

— Ты?!

— Я. А чему ты удивляешься? Мы вроде как не закончили.

— Что тебе еще надо?!

— Странный вопрос. Я хочу соблюсти договор. Ты вроде как хотел миллион?

— Миллион?! — истерично взвизгнул мальчик. — У меня дома лежат два миллиона этих твоих проклятых денег!!!

— Знаю, — кивнул я. — И могу только повторить вопрос твоего отца. Вот мне тоже интересно, где ты их взял. И если у тебя они были, то зачем ты продал мне душу?

— Ты!.. Ты!..

— Как оригинально.

— Это все из-за тебя!!!

— Разве? Ну-ка, ну-ка. Что там из-за меня? Напомни мне, что я тебе сказал, когда ты попросил себе миллион сразу?

Алеша опустил глаза.

— Я жду.

— Ты сказал, что я не смогу тогда им воспользоваться.

— Вот именно. Ты просто никому ничего не объяснишь. Так откуда у тебя эти деньги?

— Черт дал, — буркнул Алеша.

— Черт здесь я. А я тебе их не давал.

— Не ты. Другой. Он сказал, что тебе нельзя доверять.

— Доверять мне нельзя, — согласился я. — В конце концов, я же черт. Но договор и черт вынужден соблюдать. Ты договор нарушил. Теперь я не имею перед тобой никаких обязательств. А вот ты имеешь…

— А не пойти ли тебе!!!.. — вдруг взвился Алеша. — Что вы все ко мне пристали? С того момента, как ты появился, у меня одни неприятности!!!

— Неужели? Ладно, я уйду, но мы с тобой еще не закончили. — Я медленно растворился в воздухе, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Альена, похоже, настала твоя очередь. Зла он уже увидел достаточно.

Альена пригляделась к мальчику и покачала головой.

— Боюсь, что тот священник нанес куда более страшную рану, чем мы думали. Мальчик потерял веру.

— Тебе и флаг в руки. Кто у нас тут специалист по вере?

Альена сама чуть не плакала от жалости к ребенку.

— Эзергиль, ну я же не могу! Тут нужен взрослый и опытный ангел!

— Здесь таких нет. И никто в твое школьное задание не полезет.

Альена сердито вскинулась.

— Школьное задание? Это все, что тебя интересует?! Тут дело гораздо серьезней школьного задания! Ты пойми, дело идет о судьбе этого ребенка!!! Я готова вернуться домой и сообщить о провале! Пусть оставляют на второй год! Пусть! Но пусть вместо меня пришлют кого-нибудь опытного!

Я прикрыл один глаз и посмотрел на девчонку. Та удивленно уставилась на меня. Я склонил голову набок и стал медленно обходить Альену по кругу.

— Ты чего? — удивилась она.

— Да вот, размышляю. Интересно, откуда берутся эти опытные ангелы?

— В каком смысле? — Альена так удивилась, что на миг даже об Алеше забыла.

— Ну вот ты говоришь, что не справишься, готова все бросить. Мол, опытные разберутся. А я вот подумал, а откуда взялись эти опытные? Вот если бы они размышляли, как ты. Ведь когда-то они тоже были неопытными.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что опыт приобретается только на практике. А если ты в любом более или менее ответственном случае будешь убегать, прячась за спину опытных ангелов, то сама так и останешься недоучкой.

— Ты не понимаешь!!! Это ответственность!!! Если я ошибусь…

— А ты не ошибайся. Доверься своему сердцу. — Я подошел к Альене и сжал ее руку. Потом приложил ее ладонь ей на грудь. — Оно же у тебя большое. Доверься ему. Почему ты не хочешь послушать его?

Альена ошарашенно уставилась на меня.

— И это говорит черт?! Вот уж не думала…

Я философски пожал плечами.

— Вспомни, кто у меня дядя. Вперед, ангел. Не трусь.

Альена сердито нахмурилась. Потом покосилась на Алешу. Тот уже перестал плакать и отрешенно смотрел куда-то вдаль. И тут вдруг медленно встал и начал доставать из брюк ремень, высматривая что-то наверху.

— Что он делает? — удивилась Альена.

Я проследил за взглядом мальчика. Тот смотрел на довольно

крепкую ветку, нависающую над гаражом. Я нахмурился.

— Альена, на твоем месте я бы поторопился.

Кажется, дело принимало совершенно нежелательный оборот.

Глава 6

Альена посмотрела на меня. На ветку. Потом на мальчика, который залез на забор и теперь пытался одной рукой забросить ремень на эту самую ветку, другой держась за гараж.

— Ты все еще считаешь, что надо позвать кого-нибудь более опытного? — поинтересовался я. — Ладно, беги, зови. Через часок вернешься?

Альена резко развернулась и вышла из закутка. Спустя секунду я снова увидел ее, но на этот раз ее морок не скрывал. Она не торопясь зашла за гараж и нос к носу столкнулась с Алешей.

— А ты кто такой? — удивилась она. Я даже хмыкнул. Если бы я точно не знал, что ей известно, кто такой Алеша, то я бы ей поверил. Ее удивление было таким искренним.

— А тебе-то что?! — хмуро поинтересовался Алеша.

— Мне? Да вообще-то ничего. Но если ты закончил свои дела, то не мог бы ты выйти?

— Зачем?

— Глупый мальчишка! — рассердилась Альена. — Зачем, по-твоему, можно зайти за гаражи? Затем же, зачем и ты заходил! — Она демонстративно уставилась на ремень в руке мальчика.

— Ты тоже хочешь повеситься?! — удивился Алеша.

— Очень смешно! — фыркнула Альена. — Шутник. Поссать я хочу! Ясно?!

Я поморщился. Фи, а еще ангел! Но, переведя взгляд на мальчика, чуть не закричал от восторга. Каким-то образом Альена действительно сумела взять верный тон. Мальчишка обалдело хлопал глазами. В этот момент он был так сконфужен, что просто забыл обо всех своих неприятностях.

— А… прости, — пробормотал он, выскакивая из-за гаражей. Я осторожно выглянул. Мальчик стоял чуть в стороне.

— Что он делает? — поинтересовалась Альена.

— Похоже, ждет, когда ты закончишь.

— Хм. Я надеялась, что отвлекла его достаточно. Ладно, с этим разберемся.

Альена выждала некоторое время и вышла из-за гаражей. Поправила свои джинсы и хмуро глянула на Алешу.

— Ты чего тут стоишь?

— Жду, когда ты закончишь.

Альена оглянулась. Потом снова посмотрела на мальчика.

— А ты что, правда, собрался… ну того? А почему?

Алеша нахмурился. Глянул на нее исподлобья.

— А тебе-то что?

— Ну… просто интересно. Ты представляешь, я еще ни разу не видела, как кто-то вешается. Да ты давай, не стесняйся. Я мешать не буду. Просто посмотрю.

— Ты сумасшедшая, да? — Алеша явно был растерян и не знал, что думать.

— Меня спрашиваешь? — осведомилась Альена. — Кто тут у нас сумасшедший, вопрос. В конце концов, не я же вешаться собралась.

— Да много ты понимаешь!!! — взвился Алеша. Тут через плечо девчонки он увидел, что его отец вышел во двор. Он ухватил Альену за руку и затащил за гараж. Осторожно выглянул.

— Кто там? — с интересом спросила Альена. Я только головой покачал в восхищении. Ну артистка! И главное, интерес неподдельный. Словно действительно не знает, что там. Точнее, кто там.

— Не важно, — буркнул Алеша, не оборачиваясь.

— А хочешь, угадаю? Ты поссорился с родителями и теперь не можешь этого вынести?

— Заткнись, дура!!!

Альена, кажется, была поражена этой вспышкой гнева. Но отреагировала, на мой взгляд, на нее довольно странно. Вместо того чтобы возмутиться, она вдруг подошла к Алеше, присела рядом с ним и обняла.

— Господи, малыш, чего же ты натерпелся?

Алеша сразу напрягся, но тут же расслабился. Он вдруг уткнулся в плечо Альены и разрыдался. Но это был не тот плач, что рвется наружу сквозь боль и тошноту, а плач облегчения. Альена не мешала ему. Только осторожно гладила по волосам.

— Ну-ну, малыш. Поплачь. И не бойся, никто тебя не обидит.

— Ты не понимаешь, — сквозь плач буркнул Алеша. — Вы никто не понимаете! И никто мне не поверит!

— Ну почему? Я поверю. — В голосе Альены было столько участия, что Алеша не выдержал. Давясь слезами, он стал рассказывать. Кажется, впервые с момента смерти матери он мог свободно излить свою душу. Он рассказывал, торопясь и глотая слова, словно опасаясь, что его перебьют, поднимут на смех. Скажут, чтобы не порол чушь. Однако явный интерес слушателя вернул ему спокойствие. Под конец он уже рассказывал не торопясь, но с какой-то обреченностью.

— Вот так, — закончил он. — И никто мне не может помочь.

— Знаешь, пожалуй, тут ты прав. Тебе действительно никто не поможет.

Алеша оторопело уставился на Альену. Он явно не ждал от

нее такого предательства. Но девочка совершенно невозмутимо выдержала этот взгляд.

— Ты…

Однако Альена предупреждающе подняла руку.

— Ты не думал над тем, что тебе и не нужна ничья помощь?

— То есть как? Но как я могу бороться с чертом?!

— Да-а. — Альена грустно посмотрела на него. — Действительно, как? Неужели не понимаешь?

— Святой водой, что ль, на него брызнуть? — недоуменно поинтересовался он.

Чур меня, чур! Святой водой он тут брызгать будет. Нашелся тут водовоз.

— Водой? Господи, конечно же нет! Чего ты этим добьешься? Ты просто еще не понял, что с того момента, как ты подписал тот договор, черт оказался внутри тебя. Именно его ты должен победить. Его, но никак не того, о ком ты говорил. Если ты победишь черта в себе, то он уже ничего тебе сделать не сможет. Если нет, то хоть ночуй в церкви и не вылезай из ванны со святой водой, все равно ты будешь его. Рано или поздно, но будешь. Вот так.

— Значит, все из-за договора?

— Неужели? — Альена смотрела на мальчика строго и требовательно. — А почему ты подписал его?

Алеша заерзал. Он явно чувствовал себя неловко.

— Но ведь я подписал его потому, что черт показал…

— А с ножом идти на отца тоже тебя черт научил?

Алеша вдруг вздрогнул и отшатнулся. Он с ужасом уставился на девчонку.

— Откуда ты знаешь?!!

Альена поднялась. В тот же миг всю ее фигуру окутало сияние. Над головой вспыхнул нимб. Эх, ей бы еще крылья, как бы она смотрелась!!! Сияние тем временем распространялось все больше и больше. Мне пришлось даже подвинуться. Она что, с ума сошла? Я же сейчас…

Однако сияние только коснулось Алеши и остановило свое продвижение. Алеша смотрел на эту сверкающую фигуру, раскрыв рот. Альена же улыбалась какой-то странной грустной улыбкой. От этой улыбки сердце разрывалось.

— Алеша, твоя беда в том, что ты утратил веру. И никто тебе не в силах помочь. Даже я. Никто не поможет тебе, кроме тебя самого. Если ты действительно хочешь спастись, то борись. Тебе будет трудно. И только вера в себя, в свои силы поможет тебе.

— А не вера в Бога? — Алеша попытался выглядеть независимо, но это плохо у него получилось.

— А это одно и то же. Бедный мальчик. Ты ведь даже не понял, какой договор заключил. Бога нет в том понимании, в каком говоришь ты. Бог — это все вокруг. И твоя душа — это Его частица. Продав ее, ты продал частицу Бога. Утратив веру, ты утратил и надежду. Отсюда и твое необдуманное решение. Но ведь после смерти ничего не заканчивается. Подумал ты над этим?

— Но… но что же мне делать?!!

— Искать. Искать веру. Поверить всем сердцем. А когда ты поверишь, то найдешь в себе силы бороться и с чертом. Ты сам все поймешь.

— А ты мне не поможешь?

— Помогу. Но не так, как ты думаешь. Я устрою тебе одно свидание.

— Свидание? — Алеша растерялся. — С кем?

— С кем? А как ты думаешь? Кто еще страдает, кроме тебя? Кто отказался от рая потому, что кому-то на этой земле плохо? Кто готов отправиться в ад только для того, чтобы спасти некоего упрямого мальчишку?

— Мама… — прошептал Алеша. Даже не прошептал. Просто чуть-чуть дрогнули его губы.

Альена повернулась. И тут ее сияние затмило Солнце. С ума сойти. Не знаю, как это возможно, но… сияние ангела действительно именно затмило Солнце. Оно как бы накрыло куполом все вокруг. Куполом, который со стороны разглядеть было невозможно. И тут внутри этого купола вспыхнул слабый огонек. Альена повернулась к нему.

— У вас пять минут. Больше я не могу для вас ничего сделать.

Огонек мигнул и в тот же миг вырос в фигуру уже неоднократно виденной мной женщины. Я бочком приблизился к Альене, наблюдая за встречей матери и сына.

— Ты с ума сошла! — прошипел я. — Ты понимаешь, что натворила?!

Альена безмятежно улыбалась.

— Конечно. Но посмотри на них! Разве это не стоит всех тех громов и молний, что обрушатся на мою голову, когда эта история всплывет?

Я покосился на сияющую Альену. Потом посмотрел на мать и сына.

— Ладно, — буркнул я. — Будем считать, что вся эта самодеятельность нами согласована.

Альена удивленно обернулась ко мне.

— Ты серьезно?!

— Абсолютно. Все-таки мы команда.

— Но мы не согласовывали ничего! Это будет ложь!

— Неужели? — ухмыльнулся я. — Как ты думаешь, могу я помешать этому свиданию? Думаю, я мог бы его закрыть сразу.

Альена посмотрела на меня. Потом на мать и сына. Потом снова на меня.

— О, Эзергиль! — Девчонка вдруг повисла у меня на шее. — Спасибо! Ты настоящий друг!

— Да ладно, — смущенно буркнул я, покраснев как вареный рак. — В конце концов, мы действительно команда. И похоже, у нас неплохо получается. А громы и молнии… да и фиг с ними. Переживем. Ладно, ты пока тут побудь, а я посмотрю, куда там отправился отец этого обормота.

— И вовсе он не обормот!

— Ладно-ладно, он послушный мальчик. И тихий. Не ворует, с ножом на отца не бросается.

— Эзергиль!!! Ты снова начинаешь вести себя отвратительно!

— Ну и что? В конце концов, это и должно быть мое обычное поведение. Все, я ушел.

Я быстро развернулся и убежал, прежде чем Альена успела мне что-то сказать. Так вот и надо. И пусть она не думает, что я там разнюнился и поэтому разрешил это свидание. Еще чего?! Просто… просто это действительно самый лучший способ вернуть доверие мальчика к людям. И почему я должен вставать у них на пути? В конце концов, я тоже в этом заинтересован! Короче, это совершенно своекорыстный интерес.

Пытаясь убедить самого себя в том, что мое поведение вызвано только корыстным интересом, я шагал по улице, стараясь понять, куда направился отец Алеши. Заодно посматривал по сторонам, опасаясь Ксефона. Но того видно не было. Впрочем, отца Алеши тоже видно не было. Тут мой взгляд упал на ресторан. Несколько секунд я разглядывал его. Потом обернулся. Вопрос на засыпку: «Куда может отправиться пьяница после возникшей неразрешимой проблемы? Да еще если появились деньги?» Уже уверенно я шагнул в сторону ресторана.

Ну так и есть. Виктор Николаевич сидел около окна с отрешенным видом, потягивая пиво из кружки. Рядом стояла и бутылка водки. Ну конечно. Водка без пива — деньги на ветер. Кто бы сомневался. Я оглядел зал. В основном все были заняты своими делами. Только парочка каких-то типов с некоторым интересом присматривалась к отцу Алеши. Этот интерес мне совсем не понравился. Тем более и выглядели эти два типа как реальные кандидаты на путешествие к нам.

Никем не замеченный, я прошагал к столику Виктора

Николаевича и сел. Тот уже успел набраться. Рядом лежала стодолларовая банкнота. Совсем хорошо. Теперь ясно, в чем причина интереса тех типов. Я подпер подбородок рукой и стал с интересом наблюдать за возлиянием. Такой профессионализм в действиях можно наблюдать только у настоящих ветеранов сражений рюмок и соленых огурцов. Я так залюбовался сим действием, что совершенно не заметил, как рядом опустились те самые два парня с соседнего столика, чей интерес к Виктору Николаевичу я заметил изначально. Демонстрируя радость от встречи, они улыбались милой улыбкой людоедов. Один подлил водку в рюмку Виктору Николаевичу.

— Спасибо, — безразлично отозвался тот, опрокидывая рюмку в глотку. При этом даже не поморщился.

Второй из подсевших к столику парней вытащил из-под руки Виктора Николаевича банкноту и рассмотрел ее.

— Надо же, — тихонько воскликнул он с наигранной радостью. — Настоящая! Никогда не думал, что увижу настоящие доллары.

Ага, конечно. Я присмотрелся к золотым часам, что поблескивали на руке у этого типа. Костюмчик у мужчины был еще тот, сшитый в подвале с маркой от «Карден», в том же подвале и приделанной. Волосы, аккуратными пучками торчащие во все стороны. Но зато галстук был подколот настоящей золотой заколкой с бриллиантом. Что этот человек никогда не видел денег, я поверить мог. Рублей он действительно не видел. Но то, с какой легкостью он отличает настоящие доллары от фальшивых, наводило на грустные размышления.

Виктор Николаевич с трудом поднял голову.

— Настоящие?! Конечно, настоящие, етит твою мать!!! Лучше бы фальшивыми были!!!

Двое парней переглянулись.

— А что так?

Я постукал пальцем себе по губам, прекрасно понимая, что мой жест никто не заметит. Просто так, на всякий случай. Вдруг этот идиот что-нибудь почувствует своей еще не до конца пропитой душой. Но нет. Это только в сказке идиотам везет.

— Целый чемодан с деньгами!!! Нет, вы представляе-ик-те?! Чемодан!!! Я его это… спаши… спрашиваю… ты… паршивец, где взял их?!! А он мне… родному отцу… ножом!!!

— У вашего сына чемодан с деньгами? — недоверчиво поинтересовался второй номер этой пары. Этот был посимпатичней. И вкус у него наличествовал. По крайней мере, в одежде он аккуратность соблюдал. И пусть костюм был не от Кардена, но зато явно стоил тех денег, которые за него

заплатили.

— А хто ж его знает!!! — возмущенно завопил Виктор Николаевич. — Он мне сказал, что нашел! А потом с ножом!!! На отца!!!

Тут я заметил, что Воображала, как я окрестил типа с золотыми часами, аккуратно достал из пиджака отца Алеши документы, пока того отвлекал Аккуратист. Хм, надо действительно напиться в стельку, чтобы не заметить этого.

— Вы паспорт уронили, — вежливо заметил Воображала, протягивая документ Виктору Николаевичу.

— А? — Тот с трудом сфокусировал взгляд. — Шпасибо.

Парни опять переглянулись и отошли. Один из них достал мобильник и стал куда-то звонить. Я навострил уши.

— Баг, совершенно точно. Я сам видел! Говорит, что его сын нашел где-то чемодан с деньгами… Возможно, и врет, но так напиться… Конечно, Баг, за кого ты нас принимаешь? И адрес узнали, и имя. Сейчас Клин продиктует.

Ничего себе кликухи. Баг, Клин. Впрочем, мне до их кликух дел не было. Основное я понял. И даже не стал больше слушать, как Клин диктует те данные, что подсмотрел в паспорте.

Вместо этого я покосился на Виктора Николаевича и слегка хлопнул в ладоши у него над ухом. Тот мгновенно протрезвел и удивленно посмотрел на меня. Я же проводил взглядом двоих бандюг. То, что эти двое были именно бандюгами, никаких сомнений у меня не было.

— Ты кто такой, парень? — удивился Виктор Николаевич.

Я вежливо улыбнулся. Потом налил себе пива и поднял кружку.

— За вас, Виктор Николаевич. Я восхищаюсь вами. Не каждому дано за свою жизнь убить жену, искалечить душу сына, а потом продать его бандитам.

— Ты что несешь!!! — взвился отец Алеши. На него ошарашенно оглянулись. Подскочил официант.

— Мужчина, я попросил бы вас вести себя потише, — весьма настойчиво потребовал он. — Иначе я попрошу вас уйти.

— Но он… — Виктор Николаевич возмущенно махнул на меня рукой. Я улыбнулся и покачал головой.

— Зря вы меня приплели, Виктор Николаевич.

Официант тем временем удивленно уставился на то место, куда показывал отец Алеши.

— Кто он? — вежливо поинтересовался официант.

— Да вот этот сопляк!!! — сердито махнул рукой Виктор Николаевич.

— Сопляк? — Официант все еще был вежлив.

— Да вы что, не видите мальчишки этого? Вот он сидит напротив меня и нагло скалится!!!

— Мужчина, вам не хватит пить? Какой мальчишка?! Вы один за столом! Знаете, наверное, вам уже пора идти…

— Да вы что, меня за сумасшедшего держите?! Вот же он сидит!!!

— Вот что, выслушивать ваши бредни у меня нет ни времени, ни желания! Или сидите спокойно, или вас выведут отсюда! Это последнее предупреждение! — Официант отошел, а Виктор Николаевич уставился на меня.

— Ты кто? Белая горячка?

— Нет. Что вы. Я ваш искренний поклонник… — Тут я осекся и уставился на муху, что ползла по столу. Нет, в том, что муха ползла по столу в ресторане, ничего необычного не было. Мало ли по каким делам она ползла? Я на нее и внимания не обратил бы, если бы не одно но… Это «но» было крохотной головой Ксефона, которая торчала вместо головы мухи. При виде этого мутанта я едва не расхохотался. Только с большим трудом сдержал себя. Ох уж этот недоучка!!!

Что тут произошло, я мог понять без труда. Когда настраиваешься на зрение или слух животного, то ты видишь и слышишь так, как видят и слышат они. А это, мягко говоря, не всегда удобно. Скажем, паук привык смотреть на мир восемью глазами, но для человека это несколько экстравагантно. Да и сам вид не такой. Нет красок. Понятно, что Ксефону подобное не понравилось. Смотреть на мир глазами мухи? Кошмар. Вот он и захотел подсматривать и подслушивать так, как привык. В результате получилось то, что получилось — муха с головой черта. А поскольку настраивал муху Ксефон, то и голова получилась его. Подобного побочного эффекта Ксефон явно не учел. Видать, как обычно, прогулял тот урок, где нам об этом рассказывали.

Я аккуратно свернул со стола салфетку. Увлеченный подслушиванием, Ксефон этого действия не заметил. Я осторожно поднял свернутую салфетку… хлопок… Раздавшийся с улицы вопль пролился бальзамом на мою душу. Раз уж Ксефон настолько слился с мухой, что наградил ее своей головой, то и произошедшее с мухой отразилось на нем. И сейчас Ксефон, подозреваю, заработал солидную шишку и синяк.

Я аккуратно спихнул труп мухи на пол.

— Не люблю мух, — пояснил я удивленному Виктору Николаевичу.

— Кто ты вообще такой? — хмуро поинтересовался он.

— Кто я? Можете называть меня Судья. И я не

преувеличиваю. Я ваша Совесть.

— Вот что, Совесть, проваливай-ка ты домой…

— Вы, видно, еще не поняли, с кем вы имеете дело, — вежливо улыбнулся я. — Хорошо, я поясню вам кое-что. Так сказать, чтобы не было недоразумений. Вы, Виктор Николаевич Ненашев. Вам тридцать два года. Четырнадцать лет назад вы женились на Ненашевой Зое. Двенадцать лет назад у вас появился сын. В этом году умерла ваша жена. Умерла от ваших побоев, замечу…

— Лжешь!!!

— Опять вы кричите? Вас ведь выгонят. Разве вам врачи не сообщили о причине смерти? Старый ушиб селезенки. Интересно, где она этот ушиб получила? Вы не знаете?

Виктор Николаевич застонал, опустив голову на руки.

— Кто ты такой?!

Я сделал вид, что вопроса не расслышал.

— Кстати, вы ведь тогда при сыне похулиганили? Как считаете, он знает причину смерти матери? Наверное, знает. Вы вот возмущались тут, что он на родного отца с ножом кинулся… интересно, а с чем бы вы кинулись на отца, если бы знали, что он виновен в смерти матери?

— Замолчи!!!

— Ах да, еще кражи. Вот тоже любопытно. Откуда у ребенка целый чемодан с долларами? Опасная находка, вы не находите? Они ведь кому-то принадлежат. И их кто-то ищет. А папаша вместо помощи, напивается в стельку на те самые деньги и сообщает первым встречным, что его сын нашел доллары, называет свой адрес.

— Я не…

— Ах, вы не… Придется освежить память. — Я выставил ладонь навстречу Виктору Николаевичу. — Ну же, вспоминайте. Теперь вспомнили?

— Я не… Ах черт!!! — Виктор Николаевич с ужасом уставился на меня. — Я все им рассказал?!

— Не все. Но достаточно. И адрес ваш они знают.

— А может, они не…

— Не может. Смотрите. — Я взял тарелку, на которой стояли солонка и перец. Аккуратно налил в нее водку и пододвинул Виктору Николаевичу. — Смотрите в свой любимый напиток. Загляните.

Виктор Николаевич непонимающе заглянул в блюдце. Там, как в телевизоре, он смог просмотреть и прослушать весь телефонный разговор. И сейчас сидел бледный с зеленоватым оттенком.

— Ах черт!

— Слушаю вас, повелитель! — ерничая, поклонился я.

Отец Алеши на меня не обратил внимания. Вместо этого он прямо из горла бутылки сделал гигантский глоток.

— Привычное лекарство? — сухо поинтересовался я. — Впрочем, что я вас буду отговаривать. Вот еще пиво тут есть.

— Да кто ты такой?!

— А мы с вами уже знакомы. Сегодня познакомились. Раз, два, три, вспоминай.

Виктор Николаевич вздрогнул и расширенными глазами уставился на меня.

— Это же ты сегодня был у меня! Ты велел, чтобы я заглянул под кровать сыну! Значит, ты знал о чемодане?!! И… постой… и ты сказал, что ты…

— Черт. Совершенно верно. Эзергиль. К вашим услугам. Должен признаться, я вами восхищаюсь. Редким людям за столь короткую жизнь удается достигнуть таких высот. Убийство жены, издевательство над сыном, предательство, пьянство, кражи. Поздравляю. Знаете, когда будете у нас, попросите позвать меня. Мы с вами там мило побеседуем.

— Там — это где? — Виктор Николаевич пошел какими-то пятнами.

— Ну там. Что тут непонятного? У нас. Кстати, я вам советую сейчас напиться.

— Зачем? — Кажется, Виктор Николаевич полностью запутался.

— Как зачем? Что, непонятно? Сейчас эти бандиты отправятся к вам домой. Найдут там чемодан с деньгами. Естественно, они захотят узнать, где ваш сын этот чемодан нашел. То, что вы ни при чем, они знают. Скоро ваш сын вернется домой и его схватят. Дальше они будут его пытать… поверьте, неприятное зрелище. Не стоит вам на это смотреть. Вы же останетесь вне подозрений. Все посетители это подтвердят. Никакая милиция ничего не докажет. Сын к вам больше уже не вернется, — вздохнул я печально, — и вы лишитесь того самого позора семьи, который так сильно ненавидели.

— Я не…

— Вы хотите сказать, что не ненавидели его? Неужели? — И тут я замер с открытым ртом. Черт возьми, вот же решение! Прямо перед глазами. Как же я сразу это не сообразил?!! Вот кретин!!! — Впрочем, — продолжил я, улыбаясь, — в одном вы правы. Вы сына любили. Но смерти жены так ему и не простили. Вернее, не смерти, а того, что он знал правду. Вы сознавали, что виноваты в смерти, но гораздо хуже для вас было то, что вы

знали, что и ваш сын знает, кто виновник смерти его матери. А вот этого вы уже простить ему не могли. С того момента и начались ваши воспитательные беседы. Что ж, полагаю, смерть вашего вечного укора поможет вам. Да расслабьтесь. Подумайте, какое преимущество сразу. Больше никто своим существованием не будет напоминать вам о вашей вине. Больше нет необходимости прятаться от сына за водкой. Живите в свое удовольствие. А деньги… Да вот вам вместо того чемодана. Мне не жалко.

Перед столиком медленно материализовался чемодан. Точная копия того, что был у Алеши. Виктор Николаевич ошалело уставился на это творение. Потом на меня. Потом снова на чемодан. Видно было, как медленно доходил до его мозга мой монолог.

— Ты мне… ты хочешь… ты хочешь, чтобы я за деньги продал своего сына?!

— А что не так? — удивился я. — До этого вы старательно продавали его за свою нечистую совесть, за водку. Почему нельзя продать за деньги? Думаю, что это гораздо более выгодный для вас обмен. Да-с, все же измельчали люди. Раньше душу продавали за власть, тонны золота… А сейчас? За водку! Фу.

— Да ты…

Похоже, от всего произошедшего Виктор Николаевич совсем потерял голову, поскольку вскочил, схватил стул и попытался меня им ударить. Я легко увернулся, и удар пришелся по столу. От следующего удара я тоже увернулся. Третьего ему нанести не дали. Несколько официантов набросились на Виктора Николаевича со спины и повалили его.

— Ай-ай, — покачал я головой. — Не хотели за деньги, придется просто сына отдать. Вас сейчас в милицию отвезут. И на помощь к сыну вы уже не успеете. Не понимаю вас, людей. То хотел, чтобы сын умер, теперь вот на помощь ему рвешься, когда желание исполняется…

— Пустите меня!!! — заорал Виктор Николаевич, тщетно пытаясь вырваться из-под официантов. — Мне надо на помощь к сыну! Его хотят убить!!! Ну пустите же меня!!! Вы не видите что ли, что здесь черт? Тут черт, и он говорит, что убьет моего сына!!!

— Да вызовите милицию кто-нибудь! — прокричал один из официантов.

— По-моему, тут скорее «скорая помощь» нужна, — отозвался один из посетителей.

«Скорая», «скорая». Всем тут нужна «скорая». Только вряд ли она кому поможет. Я убрал чемодан с деньгами.

— Пожар!!! — завопил я что есть мочи. На такие крики

реагируют всегда и все. Не были исключением и здешние посетители. Все, как-то разом позабыв про «сумасшедшего», бросились в разные стороны. Посетители на улицу, официанты заозирались в поисках пожара и источника шума. Воспользовавшись этим, Виктор Николаевич немедленно бросился бежать. А на улице уже выли сирены кем-то вызванной милиции. Бардак, в общем, стоял страшный. Метались люди. Носились официанты и повара. Я бы еще посмотрел, но у меня были и другие дела. Жаль, конечно. Когда еще такое зрелище увидишь?

Как он бежал!!! Ох, как он бежал!!! Если бы кто-то вздумал измерить время, за которое Виктор Николаевич пробежал от ресторана до дома, то наверняка был бы установлен новый мировой рекорд. Уж на что я был спортивным чертом, но и то не успевал за ним. Он буквально влетел в квартиру. Я чуть-чуть задержался, чтобы осмотреть довольно аккуратный взлом. Потом, услышав звуки борьбы, поспешил дальше.

В квартире находились трое. Впрочем, мяса с этих троих хватило бы еще на двух нормальных людей. Я даже посочувствовал отцу Алеши. Разве ж можно так бесшабашно врываться в квартиру, где находятся бандиты? Однако, присмотревшись к драке, я переменил свое мнение. Сочувствовать следовало кому угодно, но только не ему. Он с такой яростью бросился в бой, что эти мордовороты даже оружие достать не успели. Один немедленно получил промеж ног и надолго выбыл из спектакля. Второй только привстал со стула, как схлопотал сковородой по лбу. Лоб оказался немного крепче — у сковороды отлетела ручка, но некоторое время этот грабитель тоже будет отдыхать. Из всей троицы только у одного оказалась отменная реакция, и он успел отскочить. Даже пистолет достал. Хотя это ему не слишком помогло. В том состоянии, в котором пребывал в данный момент отец Алеши, ему было абсолютно все равно, сколько врагов перед ним, как они выглядят и чем вооружены. Не задумываясь, Виктор Николаевич схватил со стола солонку и запустил ею в грабителя. Следом полетел перец. Грабитель схватился за лицо и стал усиленно тереть глаза, что-то крича. Мой бывший собеседник тоже что-то орал. Вот он подбежал к последнему из троицы и схватил его за грудки.

— Где мой сын? Где?

Грабитель вяло отбрыкивался, все еще пытаясь протереть глаза.

— Сумасшедший!!! — вопил он. — Откуда я знаю, где твой сын? Сами его ждем!!!

Виктор Николаевич не слишком удачно отпустил

несчастного, и тот головой протаранил батарею отопления. Тут начал вставать первый грабитель, схлопотавший… э-э… промеж ног. Отец Алеши развернулся к нему и радостно протер кулак.

— Где мой сын?!!! — Удар кулаком в челюсть. — Где? — Еще удар. Мордоворот качнулся. — Где?!! — Удар. — Где?!!! — Удар.

Вмешаться, что ли? Эх, и почему черти не могут напрямую вмешиваться? Я с досадой сплюнул. Такую веселуху пропустил. От энтузиазма я даже начал подпрыгивать.

— Давай!!! — подбадривал я Виктора Николаевича. — Врежь ему!!! Так его!!! Так его!!! Да не лупи ты по челюсти, не видишь, она у него дубовая?!! По колену ему! По колену! Вот так!!! Ой…

Последнее восклицание вырвалось у меня совершенно непроизвольно. А что удивительного? Посмотрел бы я на того смельчака, кто повел бы себя по-другому на моем месте? Виктор Николаевич, похоже, услышал мои крики и повернулся… Ой, мама, какие у него были глаза!!! Он явно готов был убивать. И убивать не этих несчастных, а меня. За что?!! Что я ему сделал?!! А этот убийца стал медленно приближаться ко мне.

— Эй, дядя, а ну стой! Ты чего задумал?! Чертей людям убивать не положено!!! Не положено, я кому сказал!!!

Положено, не положено, но я счел за лучшее свалить. Ведь убьет, а там доказывай, что не верблюд. Поспешно сотворив морок, я растворился в нем. Виктор Николаевич при моем исчезновении вздрогнул. Потом испуганно заозирался. Ну наконец-то, похоже, очнулся. А то ишь, берсеркера он тут изображать взялся.

А ведь парень, похоже, мало что помнит из происшедшего. Вон как ошеломленно оглядывается на троих неподвижно лежащих грабителей нехилого телосложения. На столе же стоял и чемоданчик с деньгами. Похоже, он застал этих ребят за подсчетом прибыли. Хм, да… прибыли… прибыль синяков у них точно будет. А были б мозги, могло бы быть и сотрясение.

Виктор Николаевич тем временем со стоном опустился на табуретку и обхватил голову руками.

— О, боже, — простонал он.

Конечно. Как пить и бить жену, так никакой бог не нужен. А как сам в переплет попал, сразу о боге вспомнил. Минут десять он так и просидел. Я же все это время стоял напротив и лениво пинал холодильник, наблюдая за живописной картиной. Трое неслабого телосложения парней, в разных позах лежащих на полу, и один Иван-дурак, раскачивающийся на табуретке и тихо постанывающий.

— Где мой сын? — вопросил он у кого-то наверху.

Интересный вопрос. Я быстро достал блокнот и связался с

Альеной.

— Как у вас там дела?

— Все в порядке, топимся.

Вот за что ценю этого конкретного ангела, так за чувство юмора.

— Ну у меня тоже тогда все в порядке. Громим бандитов. Трое уже в отключке.

— Каких бандитов?!! — Именно так надпись и появилась. С одним вопросительным знаком и множеством восклицательных.

— А как вы топитесь?

— Опять прикалываешься?

— Ты первая начала.

— Нет ты!

— Нет ты!

— Нет… слушай, Эзергиль, тебе что, делать нечего, только со мной препираться? — Как это удалось Альене, я не знаю, но от ее слов на блокноте буквально веяло холодом. Я словно наяву услышал ее рассерженный голос. Вот и поговори с ней. Ох уж эти женщины!!!

— Ладно. Понял. Каюсь. Вы там топитесь? Так топитесь. А у меня дел полно. Надо решать, что с бандитами делать! — Больше не слушая возражений Альены, я сложил блокнот и убрал его в карман. Блокнот, правда, тут же нагрелся, сообщая, что мне пришло послание. Я не обратил на это внимания. Однако Альена оказалась на редкость упрямой. Вызов шел за вызовом. Паузу я выдержал минут пять. Потом снова достал блокнот.

— Ты, идиот, болван… — Дальше я читать не стал и просто положил его открытым на холодильник. Как я подозревал, все это надолго. А поскольку спешить мне особо было некуда, то я решил не мешать девочке развлекаться. Только каждые пять минут смотрел в блокнот — не устала она еще писать. Не устала. Работоспособность у ангела просто отличная. Ее бы энергию да в мирных целях. Только через десять минут я в потоке различных напутствий, поучений и мнений о моих умственных способностях выловил вопрос: «Тебе все ясно?!!»

— Все, — отозвался я в ответ, ничуть не смущенный своим враньем. В конце концов, мне врать можно. Я же черт!

— Вот и отлично. А теперь рассказывай, что там у тебя стряслось.

Я счел за лучшее выполнить ее просьбу, вкратце написав о произошедших событиях.

— Кошмар!!! И ты не остановил его?

— Как ты себе это представляешь? Кричать: заткнись, идиот?

— Верно.

— А у вас что?

— Да, в общем-то как я уже и говорила. Алеша вот стоит на берегу реки и о чем-то размышляет. Знаешь, я боюсь, что он все-таки туда полезет. Наверное, из-за этого волнения я и на тебя наорала. Ты извини меня.

Вот. Ангел во всем. Сама ведь понимает, что виновата, и приносит извинения.

— И ты прости. — Ой, что это я? Я же не ангел! Мне извиняться вовсе не обязательно. Вот зараза! Правильно говорят люди — с кем поведешься, от того и наберешься. Хм. Я почувствовал, как мои губы раздвинулись в ехидной усмешке. Интересно, а чего она от меня наберется? Черта с ангельскими манерами еще стерпят, а вот ангела с чертовскими…

За всеми размышлениями я совершенно упустил из вида Виктора Николаевича. А ведь он уже почти вышел. Еще бы чуть-чуть, и я так и остался бы стоять как дурак в комнате с тремя бессознательными типами. Бессознательными от слов «без сознания», понятно. Мой каламбур. Сам сочинил. Но вот интересно, что же придумал Виктор Николаевич и куда направился? Впрочем, в гадании не было никакой нужды. Можно все выяснить гораздо проще. Так и надо сделать, решил я, направляясь следом за отцом Алеши.

Глава 7

А направился Виктор Николаевич, оказывается, в церковь. Блин, ну как же эти грешники надоели с этими церквами. Что за странное представление — если сходишь в церковь, то тебе спишутся грехи? Грехи списываются за дела, а не за свечку, купленную за двести баксов. Слышал я, как двое из этих… новых грешников похвалялись. Я, мол, свечку поставил в церкви аж за двадцать долларов.

— О, — отвечает другой, — за мои грехи мне пришлось сотню выложить.

Тьфу, даже слушать противно было. Теперь и этот туда же. Интересно, сколько он потратит долларов из своего чемодана на замаливание грехов?

Однако Виктор Николаевич меня удивил. Войдя в церковь, он прихватил весь чемодан. Неужели так и отдаст? Церковь, к счастью, была не та, в которую попал Алеша. Возможно, здесь отцу повезет больше, чем сыну.

Никем не замеченный, я забрался на дерево и заглянул в окно. Вот ведь зараза, ну почему я не могу войти внутрь? Понастроили тут всего! Даже подслушать разговор не могу. Никакие мои умения не действовали в церкви. С досады сплюнув, я спрыгнул с дерева и направился к выходу. Остается только ожидать отца Алеши здесь. Тот появился минут через сорок в сопровождении священника.

— Тяжелы грехи твои, сын мой, — вздохнул священник.

— Святой отец, вы мне верите? — В голосе отца Алеши слышалось такое отчаяние… — Мне ведь некуда больше идти. В милиции меня ведь сразу в больницу отправят. Скажут, допился. Черти мерещатся.

— Возможно, это и белая горячка, — вздохнул священник. — Возможно. Однако деньги в чемодане настоящие. От этого никуда не деться. И ясно, что вашему сыну нужна помощь. Какой же я буду священник, если откажу в помощи нуждающемуся?

— Благодарю вас, батюшка.

Священник перекрестил Виктора Николаевича. Я аж вздрогнул. Во блин, угораздило же нарваться на истинно верующего. Впрочем, в моем случае это хорошо.

— Что, наблюдаешь?

Ну конечно! Только его тут и не хватало! Воспользовался тем, что я отвлекся, и вот уже тут как тут. Я медленно обернулся.

— Ксефон, опять ты. Ну что тебе от меня надо? У тебя что, своего задания нет?

Ксефон оскалился.

— И не надейся! — После этого странного высказывания он исчез. Но тут же из воздуха появилась его голова. — А задание свое ты все равно не выполнишь! И останешься на второй год!

Ксефон снова исчезнуть не успел. Смачный щелчок в лоб выкинул его из морока, и он с воем рухнул на землю. Я моментально исчез. А вот крики Ксефона привлекли внимание окружающих. Вокруг стали собираться люди.

— Эзергиль!!! — вопил этот придурок, бегая по кругу и махая руками. — Я знаю, что ты здесь!!! Дай только добраться до тебя!!!

Разбежался. Прямо вот так и дал. А по по не хо?

— Мальчик, что с тобой? — участливо спросила Ксефона какая-то старушка. — Ты чегой-то потерял?

Ксефон зло зыркнул в ее сторону. Но тут подошли священник и Виктор Николаевич.

— Что с тобой, сын мой?

— Какой я вам сын, хрыч старый!!! — уже в бешенстве завопил Ксефон, не разглядев, с кем разговаривает.

Священник положил руку ему на плечо… Вот это был вой. Плечо под рукой священника задымилось. Одежда в месте прикосновения моментально прожглась. Ксефон с воем бросился бежать. А на плече у него сквозь подпаленную одежду отчетливо проступал отпечаток пятерни священника. Как клеймо. Да, а священника я все равно недооценил. Чтобы вызвать такую реакцию у черта на простое прикосновение… даже святым подобное не всегда удавалось. Впрочем, тут все понятно. Святые, на то и святые. Они вынуждены соблюдать существующие правила игры. Это только человеку дано изменять правила… если захочет, конечно. Ведь человек гораздо сильнее любого святого… или дьявола, в зависимости от того, какую дорогу изберет. Этот же священник явно был из тех, кто хочет менять правила. И меняет. Да-с, такому лучше на дороге не попадаться.

Священник же был чуть ли не в ступоре. Он озадаченно смотрел то на свою руку, то на то место, где еще минуту назад стоял непонятный мальчишка. Рядом крестились старушки, шепча молитвы. Тут священник словно очнулся, ухватил за руку Виктора Николаевича и выволок его из толпы.

— Теперь я вам верю.

— Это…

— Да. Это был кто-то оттуда. Иначе с чего это его так обожгло от одного моего прикосновения? Черти не выносят прикосновения распятия. А у меня ведь есть оно.

Тэкс. Похоже, я перехвалил священника. Тот, кажется, так и не понял, что дело не в распятии. Дело было в нем самом. И если

бы до Ксефона дотронулся какой-нибудь другой священник, пусть даже с ног до головы увешанный распятиями, то это не обязательно вызвало бы такую реакцию. Виктор Николаевич просто не понимал, как ему повезло. Вот если бы и его сын нарвался бы в церкви не на того урода… Да, как бы все проще было.

Священник и отец Алеши тем временем успели отойти довольно далеко. Пришлось догонять и пристраиваться рядом.

— Вы подождите меня, — говорил священник. — Я сейчас переоденусь и спущусь.

Священник долго ждать себя не заставил и вскоре уже вышел из пристройки к церкви в обычном костюме. Виктор Николаевич, до этого нервно прохаживающийся перед крыльцом, бросился к нему. Священник же был задумчив.

— Знаете, Виктор Николаевич, что меня смущает в вашей истории больше всего?

Отец Алеши непонимающе уставился на него, потом криво усмехнулся:

— Меня вообще вся эта история смущает!

— Нет-нет. История тут ни при чем. В последнее время на вашу семью посыпалось столько неприятностей, что без нечистого тут явно не обошлось.

«И почему это я нечистый!!!» — чуть не взвыл я. Ну что за идиоты эти люди! Между прочим, моюсь я почаще некоторых людей! Так что я вполне чистый!

— Да, — согласно кивнул Виктор Николаевич.

Священник бросил в его сторону острый взгляд.

— Не обольщайтесь, Виктор Николаевич. Теперешние события всего лишь следствия ваших поступков. И если вы этого не поймете, то никогда не сможете вырваться из порочного круга и помочь своему сыну.

Да!!! Да!!! Да!!! Умница!!! Я готов был расцеловать этого священника. В кои-то веки удалось нарваться на умного, честного, знающего священника. Обычно это были либо чуть ли не святые, но… блаженные, скажем мягко. Либо умные, но… совсем не святые. Сочетание «святой и умный» встречалось не слишком часто. Но если встречалось… Этот священник был реальным кандидатом на действительно Святого и после смерти.

— А смущает меня в вашей истории совершенно другое. Меня смущает, что черт явился к вам сам и обо всем рассказал. Зачем? Не будь этого, вы бы ведь вряд ли побежали в церковь. Я не думаю все-таки, что черти дураки и не понимают таких простых вещей. Эх, если бы враги рода людского были действительно дураками…

Это он с Ксефоном просто не общался. Но почему враги рода людского? Все-таки хоть и умный, но со штампами. И никакие мы не враги. Мы скорее чистильщики. Почему нас, чертей, сразу во зло записали? Вот пусть кто-нибудь ответит: наказать зло — это зло? А если нет, то почему нас — чертей, — которые наказывают злых людей, записали во зло? Нет в мире справедливости. И кстати, роду людскому мы не желаем никакого вреда. Ведь если люди исчезнут, то исчезнем и мы. И мы, и ангелы существуем только до тех пор, пока существуют люди, которые в нас верят. Так можем ли мы желать людям зла?

— Но… тогда я не понимаю.

— Вот и я не понимаю, — со вздохом признался священник. — Почему-то мне кажется, что вам специально подсказали путь для решения проблемы. Но зачем?

Ну не умница ли? Я определенно восхищен этим человеком. Жалко, что он не черт. У него многому можно научиться. С дядей, что ли, его познакомить?

— Придурки?!!

Я обернулся. Чуть в стороне стоял Ксефон и зло глядел на священника и отца Алеши. Поскольку я на этот раз замаскировался отлично, то меня он не заметил. Нет, Ксефон, скорее всего, проводил сканирование местности. Но недоучка, он недоучка и есть, не знал, что на улице обнаружить замаскированного противника гораздо сложнее, чем в помещении. И здесь требуется несколько другая техника. Ведь здесь куча народа. И каждый человек в округе накладывает свой фон на местность. И во всем этом фоне как-то теряется след того, кого разыскиваешь за мороком.

Священник и Виктор Николаевич замерли. Ксефон успел сменить рубашку, но видно было, что обожженное плечо все еще причиняло ему боль. Священник потянулся к кресту на груди.

— Но-но! — Ксефон даже отпрыгнул. — Вы всегда на союзников кидаетесь?

— На союзников? — озадаченно поинтересовался священник.

— Ну не на врагов же! И не думайте, что мне это нравится! Я вовсе не вам помогаю.

— Мне кажется, что нам лучше поговорить, — заметил священник. Первое потрясение у него уже прошло, и он теперь с интересом разглядывал своего собеседника. Ксефон несколько нервно поглядывал на священника.

— Только не надо до меня больше дотрагиваться. И что вы на меня так уставились?!

— Дотрагиваться не буду, — согласился священник. — Я просто впервые вижу настоящего черта. У вас все так выглядят?

Ну нет!!! Если бы у нас все так выглядели, то я иммигрировал бы точно. Куда угодно.

— Вот еще! Я такой единственный.

Вот это точно. Такого идиота больше нет нигде.

Священник, Виктор Николаевич и Ксефон прошли в парк и уселись на скамейку. При этом Ксефон постарался отодвинуться от священника как можно дальше.

— Значит, ты наш союзник? — поинтересовался священник.

— Ну конечно же! А вы сразу за свой крест хватаетесь.

Откровенная грубость Ксефона, похоже, никого особо не смущала. А Ксефон и не понимал, что она тут совершенно неуместна. Нет, стиля у него точно нет. И не будет.

— И почему мы союзники? — Священник был само терпение.

— Потому что мы хотим одного и того же. Вернее, наши цели временно совпали. Я лучше расскажу. Есть один тип. Его зовут Эзергиль. Хам и наглый выскочка.

Ну-ну. И хам, и выскочка. Ладно, послушаем еще.

— Именно он и есть ваш враг. Почему так произошло, я говорить не буду, все равно не поймете. В общем, только ему надо заполучить душу Алеши. Я же хочу помешать ему.

— Почему?

Ксефон никогда не отличался терпением. А спокойный и даже слегка покровительственный тон священника его явно злил.

— По кочану! Не ради ваших красивых глаз. Я не ваш союзник, а враг Эзергиля. Чтобы помешать ему, я готов заключить союз даже с вами. — Ксефон с отвращением покосился на священника.

— Тогда, может, стоит рассказать более подробно обо всем?

Виктор Николаевич слегка обалдело взирал на все происходящее. Спрашивается, чего он так удивился? Будто никогда не видел мирно беседующих в парке на скамейке черта и священника. Вот ведь, действительно, картинка.

Ксефон же обдумал вопрос.

— Ладно, — махнул он рукой. — Похоже, придется все рассказать. А то таких дров наломаете. Короче, есть один призрак. Его вот жена. — Ксефон кивнул на Виктора Николаевича. Тот вздрогнул и расширенными глазами уставился на Ксефона. — Ну что смотришь? Твоя-твоя. Ненашева Зоя, которую ты и прибил.

Все-таки Ксефон сама тактичность.

Виктор Николаевич застонал. Ксефон злорадно улыбнулся.

— Что теперь стонать-то? Стонать раньше надо было, прежде чем избивать ее. В общем, есть этот призрак. По всем правилам ему полагается отправиться в рай. Но тот не хочет. Так и

мотается между мирами. То там, то здесь. Это, понятно, никому не нравится. Ну вот Эзергилю и велели ее убрать. А чтобы… разные там не вмешивались…

Под «разными» Ксефон явно имел в виду ангелов.

— …он решил сделать проще. Короче, если ему удастся заполучить душу Алексея, то душа его матери автоматически отправляется к нам в ад. И этот выскочка становится героем! — Ксефон поморщился.

— Если я правильно понял, то мать Алеши должна быть в раю? Как же она пойдет в ад?

— По договору. Она пытается защитить сына, а Эзергиль наоборот. Если у нее не получается, то они оба идут в ад. Вот так. Знали бы вы, каких трудов мне стоило добыть эту информацию!!!

Это еще что. Знал бы ты, каких трудов мне стоило тебе ее впарить, идиот.

— И что ты предлагаешь?

— Естественно, помешать Эзергилю. Если он не сможет заполучить душу Алеши, то и душа мальчишки, и душа его матери отправляются в рай. Эзергиль проигрывает.

— А тебя это не смущает, черт?

— А что меня должно смущать? — удивился Ксефон. — Души, что ль, ихние? Да нужны они нам. Хватит уже эти сказки для детей рассказывать. Мол, души скупаем. Люди и сами их неплохо отдают. Бесплатно.

— А как же с душой мальчика?

— А что мальчик? Не моталась бы его мамаша между мирами, его никто и не трогал бы. Но она почему-то вообразила, что с отцом он не сможет сберечь себя.

Тут на лице Виктора Николаевича отразилась такая мука, что я в этот момент понял, что победил. Сейчас я готов был даже расцеловать Ксефона. Как он все замечательно проделал. Даже я не смог бы лучше. Вернее, никто не смог бы лучше. Давай, давай, Ксефон. Работай. Интересно будет посмотреть на его физиономию, когда он поймет, что все это время не мешал мне, а наоборот, помогал. А все-таки я умница! Разве нет? Заставить врага работать на себя. Причем работать с огоньком, прилагая все силы для этого. Такое и Мефистофелю не удавалось. Ай да Эзергиль, ай да сукин сын!

— И ты готов нам помочь?

— Если только вы меня трогать не будете.

Дальше для меня уже было не интересно. Ксефон начал рассказывать, с кем они имеют дело. Причем по его рассказам выходило, что я придурок, от которого нельзя ожидать ничего умного и хорошего. Я обладаю всеми пороками, которые только

существуют. В общем, ничего интересного. Сейчас же надо было разыскать Альену. Появилась тут у меня одна идейка. А Ксефон пусть рассказывает. Чем мрачнее меня описывает, тем лучше. Бояться будут… Если поверят рассказу, конечно. Ну почему я не могу разорваться?!! И к Альене надо, и здесь необходимо послушать. Ведь когда-нибудь Ксефон закончит свой мрачный рассказ про коварного злодея. Меня то есть.

Я достал свой блокнот. Нет, дядя определенно знал, что делал, когда дарил мне его. Не мог не знать. Что-то очень не верю я в случайное совпадение.

— Альена, я вам нужен?

— Пока нет. Эзергиль, я, кажется, нашла способ свести вместе нашего художника и Алешу.

— Это не требуется уже. Я тут лучше нашел. Ты представляешь, отец нашего друга встретил настоящего святого!

— Ты шутишь?

— И не думаю. Ты бы видела, как мой дражайший друг Ксефон выл, когда тот до него всего лишь дотронулся.

— Опять ты что-то учудил, — вздохнула Альена.

Я сделал честные глаза. Что-что, а это я изображать умею.

— Я?! Да ты что?

Альена мне не поверила. Не знаю уж почему. Может потому, что не видела моих честных глаз. Нет, все-таки в раю они там что-то недоработали с этим блокнотами. Надо бы, чтоб они еще и изображение умели передавать. А так что за средство связи? Даже обмануть никого не удается.

— Ну-ка скажи, что ты там совершенно ни при чем.

— Ну-у-у… Слушай, а что это я перед тобой оправдываться должен? И вообще, он первый начал. Я его не заставлял дразниться.

— Ага. Тогда наблюдай за своим приятелем. Здесь я и сама разберусь. А то, что встреча не требуется, то я не согласна. Твоего святого ведь отец мальчика нашел. А отцу Алеша теперь долго верить не будет. Ему еще придется постараться вернуть доверие ребенка.

Я подумал. Пожалуй, она права.

— Да, еще он священник, — написал я.

— Тем более, — тут же пришел ответ. — После того случая мальчик ни за что не доверится священнику. А тут еще этот священник от его отца.

В этот момент я готов был прибить того священника, к которому приходил Алеша. Блин, если бы не он, как все просто было бы. Я бы уже домой отправлялся с чистой совестью и зачетом за практику.

— Ладно. Я понял. Работаем по двум направлениям. Я беру на себя папашу, тем более что он точно по нашему ведомству идет, а ты мальчика и этого художника.

— Договорились. Если понадобишься, я сообщу.

— Отлично. — Я убрал блокнот и пристроился недалеко от скамейки, где сидели мои подопечные. Аккуратно встал за дерево, чтобы замаскироваться от Ксефона, и стал слушать. В конце концов, должно же Ксефону надоесть когда-нибудь расписывать мою злобную натуру. Не надоело. Первым не выдержал священник.

— Теперь я понимаю, с каким воплощением зла мы имеем дело, молодой человек…

— Кто тут молодой человек?! — взвился Ксефон. — Между прочим, я старше вас обоих вместе взятых! Мне сто двадцать лет. Так что попрошу… А в таком виде мне просто… просто удобнее.

Удобнее ему, как же. Если бы смог, то замаскировался бы. Двоечник. Ксефон любит пускать пыль в глаза. Так что не упустил бы случая предстать в каком-нибудь сногсшибательном облике. Не упустил бы, если бы не прогулял тот урок, где нам рассказывали о смене имиджа.

— Я понял. А как к вам обращаться… хм, союзничек?

— Зовите меня Ксефон.

— Отлично. А меня отец Федор.

— Вы мне не отец.

— Федор Иванович, так лучше?

— Где моя жена?!!!! — Ничего не скажешь, вовремя проснулся. Я едва не подскочил от этого вопля. Люди стали оборачиваться. Отец Федор бросился к Виктору Николаевичу успокаивать. Ксефон презрительно усмехнулся.

— Где-где. Сам туда отправил, а теперь спрашивает.

— Я бы попросил! — сердито повернулся священник к Ксефону. — В конце концов, можно вести себя и вежливее, если вам так нужна наша помощь!

— Это мне нужна?! По-моему, это вам нужна моя помощь. А теперь пришла пора поговорить о цене.

О! Очнулся! С добрым утром. Нет, Ксефону я торговаться не доверил бы. Интересно, священник сумеет поставить его на место или нет? Если я правильное мнение о нем составил…

— Вот как? О цене? Что ж, я подумаю, чего с тебя стребовать.

— Эй, я говорил о плате мне!

— В самом деле? О, извините, не понял сразу. А знаете, наверное, мы вынуждены будем отказаться от ваших услуг. Извините.

— Эй, вы чего, вам не справиться с Эзергилем без моей

помощи! Только я могу помочь вам раскусить его хитрости! Вы не представляете, что это за подлый тип.

— Молодой человек… да-да, именно так. Именно молодой человек. Несмотря на ваше бахвальство, я не верю, что вам сто двадцать лет. Уж слишком по-ребячески вы себя ведете. Допустим, я поверил, что вы черт. Допустим. Но если это так, то мне кажется, наша помощь вам нужна гораздо больше, чем нам ваша.

Браво!!! Так его! Так!!!

В мелкие бесы его! В бесы!

Ксефон сердито засопел.

— И еще говорят, что черти подлые, — буркнул он. — Ладно, фиг с вами. Мне действительно нужно, чтобы вы действовали со мной заодно. Мое задание — помешать Эзергилю выполнить его задание. Если мне это удастся, то я получу награду. А его с позором выгонят. В противном случае неприятности будут у меня.

— О! — Священник задумчиво разглядывал нахохлившегося Ксефона. — Пожалуй, тут есть веская причина помочь вам. Говорите, вас возвысят, если победите Эзергиля?

Точно. Возвысят. На один класс. А мне придется сидеть второй год.

— Да.

— Похоже, что в интересах всех людей помочь вам возвыситься.

Ксефон надулся от гордости. Я же говорил, что он идиот. Он так и не понял, что сейчас прозвучал вовсе не комплимент. Как бы то ни было, но священник представлял другую сторону. И конечно, в его интересах было, чтобы у власти в аду находились такие «таланты», как Ксефон.

— Вот именно.

— Тогда скажите, где находится мальчик.

— Не знаю. Я же с вами разговариваю. Но если хотите, выясню.

— Будьте так любезны.

Ну священник прямо лучился радостью и вежливостью. Ксефон буквально поплыл от такого уважения к собственной персоне. Трижды идиот. Ну кто же покупается на столь откровенную лесть?

— Хорошо. Я его найду и сообщу вам. — Ксефон исчез. Только я видел, как неумело сделанный морок быстро удаляется по дороге.

Священник вмиг перестал улыбаться и нахмурился.

— Да.

— Вы поможете мне, отец Федор? — с надеждой спросил

Виктор Николаевич.

Священник вздрогнул, очнувшись от своих дум.

— А? Да-да, конечно. Обязательно помогу. Знаете, — вдруг признался он, — как-то странно получить такое материальное подтверждение того, во что я верил.

Как же, материальное. И ничего не материальное, а именно духовное. Странный народ — эти люди. Они так и не понимают своей истинной силы. Не понимают, что именно их вера и творит все эти чудеса.

Виктор Николаевич криво усмехнулся.

— Я не слишком этому рад.

— Могу вас понять. Но теперь, по крайней мере, решен вопрос об уме чертей. Если Эзергиль такой же, как этот, то у нас есть шансы справиться с ним.

Надейтесь-надейтесь.

— Ну если судить по тому, что описывал этот…

— Если судить по тому, что описывал этот тип, то он пуп земли и гениальная личность. Мне ясно одно. Своего противника он ненавидит. Причем ненавидит так, что пойдет на все, лишь бы навредить ему. А значит, он на нашей стороне. Остается только использовать этого черта в наших целях.

Бедный Ксефон, неискренне посочувствовал я. Видно, такая у него судьба, чтобы его все использовали. Для достижения своих целей использовали, я имел в виду. А вы о чем подумали?

— Конечно, заключать договор с чертом не слишком хорошее дело, но ради спасения мальчика я готов рискнуть и своей душой.

Действуйте, святой отец. Вашей душе ничего не грозит.

— Вот он!!! Держи его!!!

Я оглянулся. По тропинке парка бежали те самые мордовороты, которым настучал по шее у себя в квартире Виктор Николаевич. А с ними были еще двое мордоворотов побольше. Видно, подкрепление вызвали.

— Ну держись, каратист хренов! — орал тот, что бежал впереди. На лбу у него красовалась здоровенная шишка. Я присмотрелся. Точно, это тот, которому сковородой досталось. Бедная сковорода. Хорошую вещь о чугунный лоб.

Виктор Николаевич вскочил со скамейки и в ужасе заметался.

— Я пропал! Они же меня убьют!!! Я же деньги забрал!!!

— Спокойно. — Священник шагнул навстречу э-э-э… хулиганам. — В чем дело, дети мои?

— Отвали, кретин! — Первый мордоворот замахнулся. Я зажмурился и втянул голову в плечи, прислушиваясь к звукам ударов. Нет, ну надо же, я пожалел священника! Кошмар. И ведь действительно его жалко! Нет, а эти мордовороты — настоящие

садисты. Ну сколько же можно над священником издеваться! Что они все бьют и бьют его! О, вот, наконец-то перестали. Сейчас за Виктора Николаевича примутся. Надо бы как-то помочь.

— Где вы так научились, отец Федор? — услышал я удивленный голос отца Алеши. Опа, я распахнул глаза. Все шестеро бандитов были аккуратно уложены вдоль тропинки на травке и мирно отдыхали. Рядом с ними стоял чуть растрепанный священник. Рукав рубашки был слегка порван, а в остальном никаких следов драки.

— В Афганистане, сын мой, — усмехнулся священник. — Десантно-штурмовая бригада.

— Так вы?..

— Верно. Пришлось по горам полазить. Тогда-то я и пришел к Богу, насмотревшись на все те ужасы. Вот так вот. А вот и милиция. Вовремя. Виктор Николаевич, предоставьте мне все рассказать им. Вы же понимаете, что говорить о чертях и душах с милицией не стоит? Там служат люди сугубо материалистического склада ума.

Материалисты-реалисты. Материалисты или нет, но в этой милиции священник с отцом Алеши зависнут надолго. Значит, есть время отыскать Альену. Я быстро набросал для нее короткий отчет о произошедшем.

— Люди дерутся, а ты доволен, — буркнула она.

Тот день, когда Альена не начнет меня отчитывать после очередного рассказа, я буду считать началом конца света. Но, в конце концов, как мужчина я должен прощать даме некоторые ее слабости. Вздохнув, я отправился на встречу со своим напарником, который должен следить за главным нашим подопечным.

Альена, удобно расположившись на дереве, наблюдала за мучениями Алеши, который пытался отковырять какую-то доску от забора. Я забрался к Альене и расположился рядом.

— Чем это он занят? — поинтересовался я.

— Злость срывает. Из дома сбежал. Вешаться раздумал. А что дальше делать, не знает.

— Ясненько. У тебя есть какие-то планы?

— Я ему посоветовала подумать о чем-нибудь хорошем. Сходить картины посмотреть на Некрасовской.

Я задумался.

— А-а. Там этот художник?

— Точно.

— Только, похоже, он не собирается следовать твоим советам.

— А куда он денется? Другого плана у него все равно нет.

Теперь за мальчиком наблюдали мы на пару. Как ни странно,

но Альена не стала задавать мне никаких вопросов относительно моих похождений. Вела себя так, словно ничего и не было.

— Это не твой приятель?

Я посмотрел туда, куда показывала девочка. Там, естественно, шагал Ксефон. Быстро он отыскал мальчика. Я машинально сунул руку в карман и достал липучую бомбу. Альена покосилась на шар в моей руке.

— Это то, что я думаю?

— Не знаю. Возможно, что и нет. Я же не знаю, что ты там думаешь.

— Ты еще и издеваешься?! Да?! Что ты собрался делать с этой липучкой?

— Бросить ее за шиворот Ксефону, естественно.

— И это все, на что тебя хватает? И кто-то еще ругал Ксефона мелким пакостником?

Я покосился на шар в руке.

— А знаешь, ты права. Это действительно походит на мелкую пакость. Не мой стиль.

Я убрал шар обратно, и Альена облегченно вздохнула. Напрасно. Я тут же достал из кармана другой шар. Размером раза в три больше первого.

— Надо делать крупную пакость, — резюмировал я.

— Эзергиль!!! Ты несносный, наглый…

— Уже слышал. Еще я хам, убийца, враг рода человеческого и вообще плохой человек.

Не слушая больше возражений, я соскочил с ветки и осторожно приблизился к Ксефону. Тот, уже не глядя по сторонам, уверенно направлялся к мальчишке. Алеша его узнал.

— Ты?!

Ксефон раздраженно махнул рукой.

— Ты, идиот несчастный, что ты здесь делаешь?!!!

Ксефон всегда был вежливым, не правда ли?

— Я? — От такого агрессивного хамства мальчик даже растерялся.

— Ну не я же? Я же тебе велел не связываться с Эзергилем?! Ты почему меня не послушал? Я тебе мало денег, что ли, дал?

— Денег?!! — Мальчик вскинулся. — Ты… Твои деньги…

Мамочка! Я и не знал, что мальчишке такие слова известны. Я взглянул на Ксефона и едва не расхохотался. Тот оторопело взирал на взбешенного ребенка и медленно отступал перед его напором.

— Получай, скотина!!! — Алеша со всего маху залепил Ксефону прямо в нос. Тот даже упал. Не столько от боли и силы удара, сколько от неожиданности. Кажется, мальчик нашел, на

ком выместить всю накопившуюся злость.

Ксефон мгновенно оказался на ногах и отскочил в сторону.

— Сдурел, что ли?

— Проваливай, я тебе сказал!!! Сейчас еще дам!

Ксефон насупился и, сжав кулаки, двинулся к мальчику. Я даже замер.

— Ты совсем идиот, да?! Я тут тебя разыскиваю, помочь хочу, а он дерется!

— Спасибо! Помог уже. Дал денег. Теперь не знаю, как от всего этого избавиться! — Алеша, похоже, уже успокоился. Ксефон же, на удивление, все-таки сохранил голову на плечах и в драку не полез. Драка черта с человеком… вот был бы скандал. Да после подобного Ксефона к Земле не подпустили бы даже на орбиту Луны.

— Деньги ему не понравились. Между прочим, я дал тебе только то, что ты сам хотел.

— Я не хотел этого!

— Хотел. Спорит он еще. А сейчас марш домой. Тебя, между прочим, отец уже ищет. Он священника нашел. Вот с ним и решишь, как с Эзергилем бороться.

Ох, зря Ксефон упомянул отца и священника. Ох, зря.

— А не пойти ли тебе… — опять взвился мальчик. — Умник выискался! Куда хочу, туда и иду! — Он отвернулся и демонстративно зашагал в другую сторону от дома. Ксефон заторопился следом и принялся уговаривать передумать и не делать глупости. Ксефон умеет уговаривать. У него по этой части настоящий талант. Поэтому чем больше он уговаривал, тем упрямее становился мальчишка. Он даже прибавил шаг.

— Да постой ты!

Алеша замер и резко повернулся к Ксефону.

— Вот что, отстань от меня. Как там… а… изыди, Сатана. Во!

Я хихикнул. Интересно, что он ожидал, произнося эти слова?

Ксефон нахмурился.

— Вот что, пацан, я тебя последний раз предупреждаю, идешь домой?

— Нет!

— Тогда берегись! Твоя жизнь с этого момента превратится в ад. Я заставлю тебя стать хорошим!

А все-таки Ксефон бесподобен. Уникальная личность. Просто и со вкусом. Как сделать всех людей хорошими? Да элементарно! Надо их заставить…

Ксефон исчез. Я покосился на шар с липучей бомбой и с досадой сплюнул. Заслушался, идиот. Совсем о своей бомбе забыл. И что теперь с ней делать? Я покосился на какого-то

парня, лет шестнадцати, который, надев кастет, отрабатывал удары на дереве. Естественно, замечание ему никто из прохожих сделать не решился. Я, скрытый мороком, подошел к нему и при очередном замахе подставил под удар свой шар. Понятно, что после удара по нему шар моментально превратился в довольно клейкую массу, в которой увязла рука доморощенного каратиста вместе с кастетом. Парень, ругаясь как пьяный студент, попытался освободить руку. Но тут же заорал.

Больно, я понимаю, посочувствовал я ему. Но, между прочим, Дереву было гораздо больнее. Оно тоже живое. Ладно, пусть помучается. В конце концов, не смертельно. Через десять минут масса потеряет свою липкость и испарится. А мне пора за клиентом, будь он неладен.

— Тебе обязательно надо было что-то учудить, — заметила Альена, догнав меня.

— Только не говори, что тебе жалко того обалдуя.

Альена фыркнула, но промолчала.

— Лучше подумай, как нам Алешу с тем художником познакомить, — буркнула она некоторое время спустя.

— Я думаю, что с этим проблем не будет.

Девочка проследила за моим взглядом. Там стояла компания тех самых парней, с которыми Алеша так «удачно» грабил киоск роспечати. И к ним сейчас направлялся Ксефон.

— Они изобьют Алешу!

— Возможно, — согласился я. — Но сначала им надо догнать его. А это случится как раз на Некрасовской. И если мы правильно поняли характер нашего художника…

— О-о! Но все равно…

— Не переживай! Ксефон обо всем позаботится, — усмехнулся я. — Он хорошо для нас работает. Даже лучше, чем если бы я ему заплатил. О, ненависть — великое чувство. Никакое другое так не ослепляет человека, как оно. Впрочем, черта оно ослепляет с не меньшей эффективностью. Именно поэтому я никогда и никого не буду ненавидеть. Слишком уж ненависть туманит мозги.

Как я и предвидел, Ксефону без труда удалось убедить всех этих «рыцарей большой дороги». Впрочем, особо убеждать ему никого не пришлось. Они сами неплохо убедились, стоило им увидеть Алешу. В тот же миг они оторвались от своих любимых гаражей и двинулись за мальчиком. Мы с Альеной зашагали следом.

Альена, заметив, что Алеша не видит своих преследователей, нахмурилась. Вытянула в его сторону руку и чуть не заплакала.

— Не получается! Ну почему я плохо слушала на уроках?

— Ты меня спрашиваешь? — осведомился я. — Что хоть у тебя не получается?

— Не получается пробудить у мальчика предчувствие беды! Надо, чтобы он оглянулся! Иначе его догонят.

— Всего-то? И ради этого стоит будить какие-то там предчувствия? Ну и сложной дорогой вы там ходите в раю, товарищ ангел. Смотри. — Я взглядом заставил подскочить небольшой камешек рядом с Алешей и влепил им ему в спину. Алеша испуганно обернулся и увидел преследователей. Тут же бросился бежать. Те за ним.

Я гордо тряхнул головой.

— Ну вот. А то предчувствия, третий глаз.

Альена благодарно посмотрела на меня, но выглядела все равно подавленно. Я же обругал себя. Высунулся, идиот. А каково ей? Черт превосходит ангела! Как она должна себя чувствовать? Эй, стоп! Чегой-то со мной?! Какое, собственно, мне дело, что там чувствует какой-то там ангел? Наоборот, надо везде и всюду доказывать превосходство ада. Что я и делаю. И горжусь этим! Я покосился на Альену. Нет, гордости я не чувствовал. Мне, конечно, плевать с высокой башни на чувства всех ангелов… всех, но не ее. Чертовщина! Я что, влюбился?! Ха, было бы еще в кого. Нет, конечно, девчонка ничего. Тьфу, блин!!! Надо срочно принять какое-то лекарство от головы… гильотину, например.

— Да не расстраивайся ты, — услышал я себя. — Ну не получилось, получится еще. Если хочешь, я помогу тебе.

Нет, мне точно гильотина нужна. Средствами послабже тут уже ничего не добиться.

— Спасибо, Эзергиль. — Альена слабо улыбнулась. И от этой ее улыбки у меня на душе стало лучше. Я сказал на душе? У черта на душе стало лучше? Я так сказал? Никогда больше не буду смеяться над дядей, когда тот примется рассказывать о высоких чувствах. Какие только глупости не начнешь говорить из-за них. Самое главное, ведь сам понимаешь, что глупости говоришь, но остановиться не можешь.

Ага, кажется, сейчас все и начнется. Я мигом забыл обо всех своих чувствах, высоких и низких, и сосредоточился на главном. А главное сейчас было в том, что наша веселая компания мелких хулиганов все-таки догнала Алешу и быстро окружила его. Мы с Альеной замерли неподалеку и стали поглядывать на художника Рогожева, что стоял чуть в стороне со своими картинами.

— Что вам надо? — слабо отбивался Алеша.

— Что нам надо? — оскалился главарь.

Ха, он тут крутого строит. Даже пальцы веером растопырил. Но все равно не похож. Зато смешно. Блин, ну взрослый парень,

хоть бы делом каким занялся. Все равно не тянет на серьезного человека. И никогда не потянет. Мозги не купишь.

— А как ты думаешь? После того, как твой дружок увел у нас деньги…

Ну похвастайся, похвастайся.

Всем расскажи, как какой-то там дружок обул вас всех как лохов.

— Он мне не друг!!! — закричал Алеша. — Отстаньте от меня все!!! Что вам надо?

А это уже истерика.

— Что я вам всем сделал? Вам нужны ваши деньги, у него и спрашивайте!!! Можете еще и души свои ему продать!!!

Нужны мне их души. Парень, их души и так уже мои, если ты еще не понял. Зачем же платить за то, что и так мне принадлежит?

— Вот мы сейчас разберемся, кто что продавать будет! — Вся компания, окружив мальчишку, поволокла его с улицы.

— Помогите!!!

— А ну стоять!!!

Ну наконец-то! С добрым утром, дядя.

Ксефон, наблюдавший за происходящим со стороны, нахмурился.

Художник же молча прорвался сквозь кольцо хулиганов и встал рядом с Алешей.

— Что здесь происходит?

Главарь криво усмехнулся. Уголком губ презрительно так. Фильмов, что ль, насмотрелся? Потом нахмурился и достал из кармана раскладной нож.

— Шел бы ты, дядя, — презрительно сплюнул он, поигрывая ножом, и отвернулся, ничуть не сомневаясь, что дядя при виде его игрушки последует совету. Однако товарища главного молодца среди овец ждало жестокое разочарование. Григорий Иванович ухватил парня за плечо и, не раздумывая, заехал ему в челюсть. Ну и правильно. Когда тебе угрожают ножом, то тут уж не до церемоний. Главаря мелковозрастной шайки отнесло к стене дома и впечатало в нее. Григорий же Иванович подобрал выпавший нож и молча развернулся к остальным. Те, правильно поняв это молчание, прыснули во все стороны. Следом за своими рванул на корячках и главарь. Как я и предполагал, он действительно оказался молодцом среди овец.

Тут завыла сирена, и рядом остановился милицейский уазик. Я заметил торжествующий взгляд Ксефона, и мной овладело нехорошее предчувствие.

— Альена, быстро посмотри в архиве ада что-нибудь на этих

милиционеров. Быстро! — повторил я, заметив, что она собралась спорить.

Альена моментально достала блокнот и что-то начала в нем писать. Я же не спускал глаз с уазика. Вот оттуда вышли двое. В форме, вроде как все в порядке. Но почему же так радостно улыбается Ксефон? Неспроста же он скалится?

— Ой.

Я обернулся.

— Что?

Альена, бледная как мел, протянула мне блокнот.

Леонид Аркадьевич Молохов, прочитал я. Так… Я быстро просмотрел текст. Что тут можно сказать? Взяточник, вор, садист. Связан с преступной группировкой, за рубли, доллары и золото служит ей верой и правдой. Но хуже всего было то, что главарь той банды был тот самый тип, чьи люди сидели в квартире у Алеши и которых отец мальчика так старательно отметелил. А потом им досталось еще и от священника. Бедняги. Тяжела жизнь шестерок…

Узнав все это, я ничуть не удивился, что и второй милиционер оказался не лучше. Значит, появились они здесь не случайно.

Мы с Альеной переглянулись.

— Да-а-а. Хулиганы, бандиты, продажная милиция, Ксефон… Похоже, мы немного перестарались, — подавленно заметил я.

Часть 3
Хитрый план и реальность

Глава 1

Некоторое время мы на пару молчали. Альена мрачно наблюдала за всем происходящим.

— Действительно перестарались, — сердито буркнула она. — Точнее не скажешь. Послушала я тебя с твоим планом! Инь! Янь! Так и знала, что запутаешься во всех этих умных словах! Ведь знала же, что нельзя черта слушать.

— Ну-у. Зато если Алеша и его отец преодолеют все это, то в жизни у них не будет больше горя. Они со всем справятся. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат», — процитировал я.

— А если не преодолеют и не справятся?

Я пожал плечами.

— В таком случае раньше попадут к вам.

Альена в ярости зашипела и влепила мне подзатыльник.

— Эзергиль, твои шутки становятся уже не смешными!!!

— А кто тебе сказал, что чертовы шутки должны быть смешны? — пожал я плечами. — Ладно. Я натворил, мне и исправлять. Ясно, что Алешу нельзя ни в коем случае дать увести. Его немедленно отправят к тому главарю. Григорию Ивановичу они сейчас наплетут с три короба. Короче, я вытаскиваю Алешу, а ты ему и художнику помогаешь скрыться.

Альена покосилась на меня, но кивнула.

Я быстро сбросил морок и твердой походкой направился к всеобщему скоплению. Протолкнулся сквозь людей. Заметил, как при моем появлении улыбка медленно сползла с физиономии Ксефона. Он настороженно следил за мной. Ну следи, следи, собачка Баскервилей, ты моя.

— Что такое! Лешка, тебя ни на минуту оставить одного нельзя! Что натворил?

— Ты его знаешь? — Чья-то могучая рука ухватила меня за плечо и вынесла в центр круга.

— Конечно, товарищ милиционер, — отрапортовал я. — Он мой друг. Я на минуту отошел, и вот, кажется, тот влип куда-то.

Понятно, что мое появление милиционеров не обрадовало. Оно помешало им беспрепятственно увезти Алешу.

— Он не мой друг!!! — заорал Алеша, отшатываясь от меня. — Уйди!!!

— Чего орешь, придурок, — прошептал я ему одними губами.

— Уйд…

Хватит. Я остановил время. Покосился на Ксефона. Тот, хмурый и злой как… правильно, как черт, усиленно жестикулировал, пытаясь разрушить мое заклинание. Ну пусть

старается. Я же повернулся к Алеше.

— Не ори.

Тот ошарашенно уставился на замерших людей и слабо кивнул.

— Молодец. А теперь слушай меня. Эти вот товарищи в форме тебе совсем не товарищи. Ясно? Для особо умных поясняю. Со своим чемоданом долларов ты влип. О нем стало известно некоторым нехорошим дядям. Очень нехорошим дядям. Этих дядей, понятно, заинтересовало, где некий двенадцатилетний мальчик взял такие деньги. Кстати, — я покосился на злого Ксефона, — теперь я знаю, где ты их взял. Что ж, поздравляю. По-хорошему, мне следовало бы просто уйти и бросить тебя. Однако уговор есть уговор. Эту неделю я тебе помогаю. В следующую разбирайся без меня. А миллион, — я хмыкнул, — свой миллион ты уже получил.

— Ты врешь! — отчаянно вскричал он. — Они обещали меня домой отвести!!!

— Ага-ага. — Я достал свой блокнот. Заставил его сделаться видимым и протянул Алеше. — Читай. Тут все о твоих «хороших и добрых». Согласись, подобные люди как раз по моей компетенции.

Алеша быстро пробежал строчки глазами и весь как-то сжался.

— Что мне делать?

— Ты будешь слушать меня и подтверждаешь свой договор? — Я покосился на Ксефона. Тот дернулся и что-то зашептал. Вернее, он закричал, но я предусмотрительно сделал так, чтобы его никто не услышал.

Алеша заплакал и кивнул.

— Ну и отлично. Тогда иди. Я уже больше не могу задерживать время. Беги отсюда.

Алеша оглянулся и слегка отошел. Я вернул время в привычное русло и тут же головой заехал в живот напарнику Леонида Аркадьевича. Тот явно не ожидал от меня такой прыти и согнулся. Нет, я, конечно, понимаю, что невмешательство и все такое прочее, но… во-первых, я тут совершенно ни при чем. Они сами меня хватать стали. Мне что, не сопротивляться? А во-вторых… во-вторых, эти люди уже настолько мои, что им уже ничто не поможет. Даже прямое вмешательство ангелов. Хотя, конечно, мне все равно попадет.

— Беги! — крикнул я. — Беги, говорю, я задержу их! И помни, тебе нельзя попадаться им на глаза! — Я пнул второго милиционера под коленку и рванулся в сторону, но был схвачен за шкирку. Вот невезуха… А впрочем… пока они буду заниматься

мной… Я задергался и руками схватил второго милиционера. Тот попытался оторвать меня от себя, но я держал крепко. Леонид Аркадьевич орал, пытаясь оторвать мои руки от напарника. Я слегка скосил глаза и еле заметно кивнул Альене. Посмотрел на нашего художника, который оторопело наблюдал за всем происходящим.

— Леня, да запихай ты его в машину!

Меня без всяких церемоний бросили внутрь уазика и закрыли дверь.

— Ну, парень, ты попал! — процедил Леня, залезая следом и пристраиваясь рядом со мной.

Ну кто тут попал, вопрос еще спорный. «Ну ты попал», — сказал заяц волку, хватая его за хвост.

Уазик взревел мотором и рванул с места. Похоже, от преследования Алеши они отказались. Что и требовалось. Можно бежать. Я покосился на злого Леню. Впрочем, зачем бежать? В конце концов, хватит работать! Мне отдых тоже положен! Третий день пашу как вол. Пора и развлечься. Я злорадно усмехнулся. И я даже знаю, кто будет объектом моих развлечений.

Я внимательно посмотрел из-за своей решетки на Леню. Тот сидел рядом с дверью, слегка облокотясь на нее рукой. Я взглянул на замок. Тот щелкнул, и дверь распахнулась.

— А-а!!! — Леонид Аркадьевич с трудом успел схватиться за распахнувшуюся дверь и повис на ней. — Стой!!! Стой, говорю!!! — Каким-то образом Леня сумел извернуться и застучал ногой по кузову. Машина замерла, и напарник нашего «доблестного героя» выскочил из нее. Разглядев причину паники, он заорал:

— Ты что, сдурел?! Без головы решил остаться?! А если бы под колеса угодил!

Леонид Аркадьевич мрачно смотрел на заднюю дверь уазика.

— Я же ее закрыл, — буркнул он.

Его напарник постучал кулаком по голове и вернулся на место. Леня же занял свое. Но на этот раз он самым внимательным образом убедился в том, что дверь действительно закрыта. Однако, даже убедившись, сел от нее подальше. Зыркнул в мою сторону. Я сделал вид, что сплю. Вскоре я и правда заснул. Перед развлечением надо хорошенько отдохнуть. Когда самое веселое начнется, будет уже не до отдыха.

Проснулся я оттого, что кто-то довольно бесцеремонно выкинул меня из машины прямо на асфальт и я весьма чувствительно приложился локтем.

— Эй, потише нельзя? — плаксиво поинтересовался я, потирая локоть.

— Заткнись, — коротко приказал Леня, хватая меня за руку и таща в помещение милиции. Его напарник пристроился следом.

— Володя, оформи вот этого типа, я им потом займусь.

Дежурный с любопытством уставился на меня.

— А кто это? И как его оформлять, Лень? Его же надо в детскую комнату вести.

— Будет ему детская комната, — сердито буркнул Леонид. — Но позже. Этот шкет помог одному опасному преступнику сбежать. Подозреваю, что он в той же банде. Так что надо бы поспрашивать его сначала.

— А-а-а? — Дежурный на этот раз посмотрел на меня с большим интересом. Я на него. Эх, сейчас бы заглянуть в мой волшебный блокнотик, но, увы… невидимый он или нет, но будет странно, если я сейчас начну его читать. — Понятненько.

— Вот именно, ты пока никуда не сообщай о нем. Сейчас уже вечер. Завтра и сообщим.

— Но я не могу…

— Володя, сделай для меня. Ты ж понимаешь, что когда этого сопляка заберут в детскую комнату, то мы ни черта о сбежавшем преступнике не узнаем.

«Ни черта». Хорошо сказано. Мне понравилось, как он эту фразу завернул.

Володя замешкался. Потом махнул рукой.

— Ладно.

— Вот и отлично. А ты шагай, сопляк.

Я и шагал. И вовсе незачем было меня в спину толкать. Похоже, Леонид этот сильно удивился, что я не стал никаких скандалов устраивать. Я мысленно усмехнулся.

Меня втолкнули в какой-то кабинет, где из мебели был только один стул и стол. На этот стол тут же уселся Леонид. Правильно, стул вовсе не для сидения. На него ноги ставят. А вот стол как раз для некоторых задниц. Напарник же Леонида встал перед дверью. Возможно, думал, что я брошусь убегать.

Леонид криво усмехнулся. Очевидно, решил напугать.

— Ну будем говорить?

— А че говорить? — испуганно промямлил я.

— Че говорить?!! — взревел дядя милиционер, вскакивая со стола и нависая надо мной. — Говори, куда твой дружок рванул!!!

— Да откуда же я знаю?! — еще испуганней пробормотал я, пытаясь отодвинуться от нависающего надо мной дяди. — Он убежал и все.

— Ах, все! Вот что, парень, советую тебе искренне обо всем рассказать. Иначе хуже будет. Тебе.

— Я не знаю ничего, — хныкнул я.

Леонид оскалился.

— Придется освежить тебе память, — буркнул он. — Миша…

Его напарник приблизился ко мне, развернул за плечо и кулаком ударил в живот. Я согнулся и упал. Не знаю, говорил ли я, но черти гораздо сильнее людей. Так что удар для меня был не слишком опасен. К тому же я все-таки занимался спортом. Однако должен признать, это удар был неожиданным. Из-за неожиданности я его и пропустил. Вот и глотал сейчас воздух.

Ну все, эти типы меня разозлили. Это ж до чего надо дойти, чтобы избивать ребенка… А ведь я для них ребенок! А этот Миша уже занес ногу для пинка. Значит, ногами любите бить? Ню-ню. Я мысленно представил наковальню. Большую. И когда нога этого Миши в мощном ботинке понеслась вперед для удара, я мысленно же поместил наковальню перед собой. Всего на миг. На десятую долю секунды. Нет, наковальни тут, конечно, не было. Но сила внушения — великая вещь. Этот Миша действительно поверил, что ударил по наковальне. Вот это был вой… Здоровенный дядя с грохотом рухнул на пол и начал подвывать, держась за ногу. Леонид перепугался и бросился к напарнику. Я же затих на полу, стараясь сделаться невидимым. Не буквально, конечно. Просто старался вести себя как испуганный мальчишка.

— Ты чего, Мишка? Что с тобой?!

— Я, кажется, ногу сломал, — простонал тот.

— Ногу?!

Леонид Аркадьевич сначала недоуменно посмотрел на своего напарника не маленького размера, а потом на меня, который был этому Мише по пояс. И то если подпрыгну. И чтобы этот дядя сломал об меня ногу?! Леонид тряхнул головой, отбрасывая бредовую мысль, и стал изучать пол, пытаясь понять, по чему все-таки пнул его напарник.

— Ты чего тут ищешь?! — взревел Миша. — Вызови «скорую», придурок!

— А? Сейчас. — Леонид Аркадьевич настолько был удивлен этим происшествием, что на оскорбления своего напарника не обратил внимания. Но вот «скорую» действительно вызвал. К тому же на крик Михаила уже сбежались несколько человек, и теперь они удивленно смотрели на все происходящее в комнате. Посматривали и на меня. Подобное в сценарий Леонида явно не входило. Он тоже с яростью уставился на меня.

— Считай, что сейчас тебе повезло, — прошипел он. Но тут же расплылся в улыбке. — Хотя нет. Считай, что тебе не повезло. — Потом, уже обращаясь к собравшимся коллегам, он сказал: — Ребята, вы тут присмотрите за Михаилом. Похоже, он ногу сломал. Упал неудачно. А я нашего подопечного запру,

чтобы не сбежал во всей этой кутерьме, пока за ним из детской комнаты не приедут.

Ему покивали. Похоже, всех больше интересовал пострадавший Михаил, чем какой-то мальчишка. Леонид же вытащил меня за руку в коридор и поволок куда-то в глубь здания.

— Вот что, парень, не хотел по-хорошему, будет по-плохому. Я сейчас посажу тебя к одним типам… и если к утру ты не будешь готов рассказать все, что знаешь… Короче, у тебя есть последняя возможность рассказать все, что ты знаешь сейчас.

— Я ничего не знаю! Отпустите меня!

— Что ж, хорошо.

Леонид протащил меня по длинному коридору и вошел в соседнее крыло. Снял со щита над столом какие-то ключи. За столом в данный момент никто не сидел, хотя, как я понял, должен был. Впрочем, отсутствие дежурного ничуть не удивило Леонида. Он молча потащил меня дальше к какой-то массивной двери. А вот тут были дежурные. Два солидных бугая в форме и с резиновыми дубинками за поясами. Я с уважением взглянул на их мощные фигуры. Да! Вот ведь люди. Титаны, блин. Они отвлеклись от разговора и проводили нас равнодушным взглядом. Проследили, как Леонид впихнул меня в камеру. Мощно впихнул. Я еле на ногах устоял. За спиной хлопнула дверь. Я молча стал отряхивать свою одежду от пыли, которую собрал, валяясь на полу. Потом огляделся. На меня с интересом смотрели трое типов уголовной наружности. Судя по виду их можно было сразу определять к нам на постоянное место жительства. Для них наверняка уже и котлы персональные приготовлены, и дрова запасены.

— Сынок, — усмехнулся один из этих типов. Такой толстоватый дядя с короткой стрижкой и татуировками на руках. — За что же тебя сюда?

Остальные двое также с улыбками прислушивались к разговору. Похоже, считали, что сейчас будет забава. Что ж, не стоит их разочаровывать — забаву я всем обеспечу. Я прислушался. За дверью продолжался разговор двух бугаев. Леонид уже ушел. Отлично.

— Что ж ты молчишь, сынок? Нехорошо так со старшими, — ласково заговорил этот местный пахан. Так ласково, что мне даже противно стало. — Ты вот сначала доживи до моих лет…

А ты до моих, папуля.

— Так ведь дожил уже, — вздохнул я.

— Сыночек хамит, — с прежней ласковой улыбкой отозвался пахан. — А ты знаешь, что у нас делают с хамами?

Я пожал плечами. Потом молча прошел по камере и сел на одну из нар. И тут же получил по загривку.

— Когда с тобой разговаривает Бык, то следует стоять и отвечать на вопросы, малявка! — рявкнул один из шестерок. А то, что двое тут шестерки, я не сомневался.

— Бык разговаривает?!! — удивленно вскричал я, делая круглые глаза и вскакивая с места. — Где?!!

— А ты шутник, сынок. — Улыбка пахана медленно померкла. — Зря ты хамишь.

Я затряс головой.

— Не, я не хамлю. Я пакощу. За что и загремел сюда. Пакостник я мелкий.

Мой ответ, кажется, сильно удивил всю троицу.

— Чего? — переспросил другой тип — высокий брюнет с довольно глупым выражением лица.

— Пакостник, говорю. Мелкий пакостник.

— Это как? — поинтересовался тот же тип. Остальных этот вопрос явно интересовал тоже. Но они вопросов не задавали. Пахан, похоже, считал ниже своего достоинства проявлять любопытство, предоставив разбираться своим подхалимам.

— Ну вот сегодня один тип тут, Миша его звать, сломал ногу. Это я постарался.

— Да ну? — Пахан все-таки не утерпел. — И как же ты это проделал? Головой?

— Зачем? Пакостью. Всего лишь мелкой пакостью. Такие трюки я еще в детстве проделывал. Впрочем, я могу кое-что показать…

Ответа я не услышал, но смотрели на меня заинтересованно. Кажется, я сумел сильно удивить этих людей. Не дождавшись реакции, я подошел к главарю и медленно взял у него алюминиевую миску с остатками какой-то еды.

— Вот смотрите. Обычная миска с едой. А ведь на самом деле это отличный инструмент для пакости. Вот я беру эту миску. Подхожу с ней к двери и стучу. — Я со всей дури заколотил в дверь ногой. Троица переглянулась и снова уставилась на меня. В это мгновение открылось смотровое окно, и я тут же запустил туда миску. Окно сразу захлопнулось, а из-за двери донеслась отчаянная ругань. Я с некоторым восхищением прислушивался к тому, что неслось из-за двери. Это ж надо так загибать! Нет, чертям определенно есть чему поучиться у людей.

Я гордо повернулся к троице и вздернул голову.

— Ну как?

— Ну ты, парень, и нахал, — протянул местный главарь. Потом усмехнулся. — Но мне кажется, ты кое-чего не учел. — Он

на мгновение прислушался к топоту ног за дверью. — Того, что будет после этого.

Я мило улыбнулся.

— Учел.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в камеру ворвались трое милиционеров — двое тех самых «шкафов», которых я видел у входа, и третий чуть поменьше. Один из «шкафов» щеголял мокрой на груди формой. Видно, отстирывал от каши. Выглядел он, как бы это сказать, слегка сердитым. Я тут же испуганно сжался и посмотрел на троицу наивными глазами.

— Дяденька милиционер, дяденька милиционер, — затараторил я, — простите, пожалуйста! Они случайно попали в вас! Честное слово! Они просто в меня запустили и вот…

«Дяденька милиционер» раздраженно отшвырнул меня в угол.

— Отвали, пацан! Не лезь под руки, а то и тебе достанется…

Я сжался в углу и закрыл глаза. Не от страха. Просто у меня не было никакого желания смотреть на то, что сейчас будет. Да и не люблю смотреть на драки. Если ума нет, то пускают в ход кулаки, а что на убогих смотреть? Судя по звукам, мои ожидания оправдывались полностью. Грохот, удары, ругань, стоны и просьбы. А также уверения, что они тут совершенно ни при чем. Ну конечно, они ни при чем! Еще бы они при чем тут были. Чтобы быть при чем, надо хоть каплю мозгов иметь.

Вскоре все прекратилось. Хлопнула дверь. Только тогда я приоткрыл один глаз и оглядел поле битвы. Вся троица лежала на полу в разных позах и слегка постанывала. Похоже, в ближайшие два дня им даже пошевелиться будет больно.

Я поднялся и огляделся уже более внимательно. Потом подошел к главарю и присел рядом с ним. Тот с трудом приоткрыл заплывшие глаза.

— Убью, — прохрипел он.

Я ласково погладил его по голове и очень нежно проворковал:

— Не получится, папуля. Никак не получится.

— Найду, убью, — опять прохрипел он.

— Найдешь, — пообещал я. — Обязательно найдешь. Мы с тобой обязательно встретимся… лет через тридцать. Впрочем, учитывая род твоих занятий, папуля, мы можем встретиться гораздо раньше. Гора-аздо…

— Кто ты такой? — раздался хрип с другой стороны.

— Да черт я, мил человек, черт, — с прежней ласковостью отозвался я. — Не веришь? Ну и не надо. Ладно, папуля, отдыхай. Тебе сейчас полезен постельный режим.

Отойдя от этого пахана-идиота, я плюхнулся на те нары, что занимал до меня он. Устроился поудобнее и уснул. Хорошо. В конце концов, черти тоже нуждаются в отдыхе.

Проспал я всю ночь. Судя по всему, Леониду Аркадьевичу было совсем не до меня. В камере он появился только на рассвете. Радостно ухмыляясь злобной улыбкой, он распахнул дверь и замер с открытым ртом. Некоторое время изучал побитую троицу на полу, уже почти оклемавшуюся. Потом перевел взгляд на меня. Я сладко зевнул, потянулся на нарах и встал.

— А, привет, Ленчик. Хорошо тут у вас. Я бы еще поспал. Но ведь ты не дашь.

— Ка-ак… Кто… что…

— Э-э… Ленчик, ты не мог бы повторить последнюю фразу? Я что-то не совсем понял, что ты хотел сказать. — Я благовоспитанно смотрел на милиционера честными глазами.

— Что здесь происходит? — рявкнул он наконец.

— Где? А, здесь! Да ничего. Тут вот дяди ко мне пристали… Я не говорил вам, что обладаю черным поясом по древнему восточному единоборству «послай всей на»? В общем, пристали тут они. И тогда я ка-ак послай всей на… Одному ногой, второму рукой. А тут еще на меня навалился… Я извернулся и ка-а-ак дам ему кулаком. А тут уже двое вскочили…

— Заткнись!!!

— Ну вот. — Я обиженно всхлипнул. — То рассказывай, то заткнись. Вас не поймешь.

Наверное, если бы у этого Ленчика были мозги, то они сейчас закипели бы и из ушей повалил пар. К сожалению, с мозгами у него было не очень, и я оказался лишен такого замечательного зрелища. А тут еще этот хам хватает меня за руку и тащит из камеры. Ради приличия я слегка поупирался. Однако Леонид Аркадьевич оказался вовсе не в том настроении, чтобы уговаривать. Он со всей силы дернул, чуть не выкинув меня в коридор. Эх, зря он так со мной. Честное слово, зря. Я оттолкнулся ногами от пола, помогая рывку, предварительно ухватив Леонида за руку. Так что в коридор мы вылетели вдвоем. При этом я умудрился оказаться позади милиционера, впечатав того в стену.

— Ах ты!.. — совсем озверел Леонид. Похоже, он сегодня не с той ноги встал. Я присмотрелся. Нет, не так. Кажется, Ленчик сегодня вообще не ложился. Теперь понятно его настроение. Уставший, невыспавшийся, он шел ко мне в полной уверенности, что местные уголовники уже как следует поучили меня уму-разуму. И что он видит при возвращении? Троих уголовников в разных позах с многочисленными следами побоев и меня, мирно

спавшего на нарах. Тут кто хочешь взъярится. А здесь еще я вздумал сопротивляться!!! Он оттолкнул меня в ярости и, уже ничего не соображая от гнева, замахнулся. Ха, с кем он собрался воевать гневом? С чертом? Я с наслаждением впитал его чувства, а потом усилил и направил обратно. Леонид закричал. Его кулак бессильно повис.

— Вот-вот, — кивнул я. — Покричи. Думаю, тебе полезно испытать то, что ты преподносил другим людям.

Однако этот Леня оказался крепким орешком. Может, он был и не слишком умен, но каким-то звериным чутьем понял, кто является виновником его страданий. Он снова взмахнул кулаком и ударил почти вслепую. Он застал меня врасплох. Честно. Иначе я ни за что не стал бы повторять трюк с наковальней. Стыд и позор на мою голову! Я повторился!!! Кошмар!!! Хорошо еще, никто не видел. А Леонид снова завыл. На этот раз от боли в сломанной руке. Я поморщился. Этот крик был свидетельством моего позора. Ладно, некогда переживать. Пора сваливать. Отдохнул и хорошо. Пора и за работу. Я развернулся и твердой походкой направился к выходу. Вовремя встал за дверь, когда мимо меня прогрохотала сапогами парочка дежурных, спешащих на крик многонеуважаемого Леонида.

Выйдя в вестибюль, я уверенно зашагал к дежурному. Вежливо кивнул.

— Эй, мальчик, ты откуда?

— Да так, гуляю.

— Как это гуляешь? — не понял дежурный.

Я пожал плечами.

— Как обычно гуляют? Ножками. Там у вас черный ход открыт. Я и увидел. Дай, думаю, зайду. Дяденька, — перешел я на шепот. — Я ведь милиционером хочу стать. Вот и зашел. Вы не покажете мне тут все?

— Чего? Парень, а ну вали отсюда, пока родителей не вызвал.

Я надулся.

— Ну вот вечно так. А может, все-таки покажете? Где у вас тут лаборатория? Дактилоскопия разная и все такое прочее? Это ведь так интересно!

Дежурный выскочил из-за стойки и чуть ли не силком потащил меня на выход. Я упирался.

— Дяденька, ну, пожалуйста! Ну давайте погуляем! Покажите мне тюрьму! Дяденька, я ведь на самом деле из камеры удрал! Вам попадет, если вы меня выпроводите.

— Ага, конечно! — ехидно кивнул дежурный, выталкивая меня за дверь. — А ну марш отсюда, и чтоб я тебя больше здесь не видел.

Я согласно кивнул.

— Раз так хотите, то больше вы меня здесь не увидите.

Я несколько секунд постоял у захлопнувшейся перед носом дверью. Потом усмехнулся. Люди! Как легко с ними. В отделении поднялся какой-то шум. Я поспешно накинул морок и встал в сторонке. Из двери выскочил Леонид, держась за сломанную руку. Следом семенил дежурный.

— Где он? — орал Ленчик. — Где этот сопляк?!!

Дежурный оправдывался.

— Да кто ж знал, что он с тобой?! Сам его отпустил, а теперь на меня валишь!

— Я отпустил?!! А это ты видел?! — Леонид сунул под нос дежурному свою кисть. — Ты бы не отпустил?

— Ну а я при чем? Я-то откуда знал?

Леонид с досады сплюнул.

— Ну и где теперь его искать?!

Дежурный лишь пожал плечами. Потом развернулся и направился в отделение.

— И вообще этот мальчишка не по нашей части. Пусть им занимаются из детской комнаты. Мы-то при чем?

Я бы мог при желании объяснить при чем. Только, боюсь, он мне не поверит. Вот всегда так. Когда врешь — верят. Стоит начать говорить правду, так сразу все поднимают крик об обмане. Ну и ладно. Главное — мне удалось нейтрализовать двух людей неизвестного пока Босса в милиции. Как бы то ни было, но от этой парочки ему теперь мало пользы. Конечно, чертям запрещено действовать напрямую… я действовал на грани фола. И как я подозреваю, по возвращении в ад директор школы мне многое выскажет по поводу моих теперешних действий. Выскажет в том случае, если я проиграю. Победителей, как известно, не судят. Значит, надо победить.

Я уже собрался было уходить, но в этот момент из участка снова выскочил Ленчик. Он продолжал прижимать к себе сломанную руку, а другой яростно набирал номер на мобильнике.

— Лень! — выскочил дежурный. — Ты куда? Я «скорую» вызвал.

Ленчик махнул рукой.

— Сейчас позвоню… чтоб не волновались дома.

Дежурный пожал плечами. Ясно, что ему совершенно было непонятно, для чего в таком случае нужно выскакивать на улицу. Можно и с телефона вахты позвонить. Однако препираться не стал. Ленчик уже что-то говорил в трубку. Я прислушался.

— Но я не виноват, — испуганно оправдывался Ленчик перед кем-то.

Я еще лучше настроил свой слух.

— Мне плевать, кто там виноват, — услышал я спокойный и уверенный голос какого-то мужчины. — Я знаю только одно — вы не справились. Задание было дано вам двоим. Его не выполнили. Виноваты вы оба.

— Но Павел Константинович…

— Все, я сказал. Меня ваши оправдания не интересуют.

В трубке раздались короткие гудки. Ленчик трясущейся рукой выключил мобилу и запихал ее в карман.

— Лень, ты чего тут? — К Леониду Аркадьевичу подошел еще какой-то милиционер и положил ему на плечо руку. Ленчик в ужасе подпрыгнул и развернулся. Увидел говорящего, и испуг тотчас сменился яростью.

— Да отвали ты!!! Тебя только здесь не хватало!!!

Ошарашенный этой вспышкой ярости милиционер проводил Ленчика изумленным взглядом. Потом двинулся следом за ним в отделение.

Я засмеялся. Как все замечательно выходит. И теперь я узнал имя Босса. А человек, обладающий таким спокойным и уверенным голосом, шестеркой быть не может точно. Конечно, возможно, что я ошибаюсь, но такая вероятность очень и очень мала. Но даже если и так, то этот Павел Константинович наверняка из окружения Босса. Причем окружения самого ближайшего. Хм, а чего я, собственно, гадаю? Я достал свой блокнот… Нет, когда вернусь домой, то точно надо поблагодарить дядю за подарок. Не знаю, что бы я без этого блокнота делал.

Мои предположения полностью подтвердились — Павел Константинович и был Боссом. Итак, подведем итоги этих суток: я развлекся, вывел из строя двух шестерок Босса, узнал имя Босса. Ну и спас Алешу. Временно, конечно, но спас. А еще минус — я прокололся, повторив дважды один и тот же номер. Стыдно. Очень стыдно.

Ладно, стыдиться можно потом. А сейчас надо отыскать моего подопечного. Весело насвистывая песенку, я отправился на поиски Альены. Впрочем, искать ее мне было без надобности. Я прекрасно мог догадаться, где она находится. Конечно же в доме у художника. Им просто некуда было идти с Алешей. Домой бы тот точно не пошел.

Я честно направлялся к Альене. Чтобы она там ни говорила про мои любимые забавы в ущерб делу. Я ведь совершенно не виноват, что натолкнулся на уже успевшую мне надоесть компанию начинающих грабителей и карточных шулеров. На этот раз их было трое. Сам главарь (интересно, какое у него имя…

впрочем, нет, совершенно неинтересно… для меня он как был обалдуем, так им и останется) и два его верных стража… Я сказал «стража»? Хм… Эти стражи доставали своему главарю до плеча макушкой. Значит, шестерки. Обалдуй и парочка шестерок. Обалдуй меня узнал.

— А-а-а-а, — протянул он, ухмыляясь.

— Б-б-б, — отозвался я, пытаясь обойти компанию. Те дорогу загородили.

— Ну что, Игрок? Встретились? — насмешливо поинтересовался Обалдуй. — Не скроешься от нас.

Я удивленно выгнул брови.

— Простите? Разве я от кого-то скрывался? Если вы меня искали, то вам достаточно было спросить у Алексея. Он всегда мог сказать, где я нахожусь.

— Что ты тут графа из себя строишь? — взъярился мой Обалдуй. Видно, для его высокоинтеллектуальной натуры слово «граф» являлось жутким ругательством. — Ты лучше верни наши деньги!!!

— Разговор по новому кругу пошел? — поинтересовался я. — Мы это уже обсуждали.

— Ну уж нет! — злорадно усмехнулся великовозрастный болван. — На этот раз ты меня не обманешь. Я узнавал тут про тебя. Никто тебя не знает!!! Никто!!!

— А ты знаешь всех профессиональных игроков в городе? — улыбнулся я. — Ты уверен, что у всех спрашивал?

— А вот и проверим, кто стоит за тобой!!! — Этот парень ухватил меня за грудки и затряс. Мои ноги оторвались от земли, голова моталась из стороны в сторону. Вот ведь силушка у человека. Еще бы мозги…

— Ладно-ладно, — торопливо заметил я. — Если тебе так хочется узнать, то пожалуйста.

Меня тут же перестали трясти и поставили на землю. Вежливо потрепали по щеке.

— Вот так бы и сразу, сосунок.

Даже так, да? Сосунок?! Ой, парень, зря ты так со мной. Ой, зря. Со мной дружить надо, а не воевать. Ну что ж, получай, что заслужил…

— У меня сейчас нет денег, сами видите. Если хотите, то пойдемте со мной. Я все отдам.

— Конечно, хотим, — усмехнулся Обалдуй, приобняв меня за плечо. Шестерки пристроились сзади. За все время разговора они не проронили ни звука. — Веди, Сусанин.

Сусанин? Хм, а это идея. Нет, в другой раз. Сейчас главное, чтобы эти идиоты у нас под ногами не путались. Они мне уже

стали надоедать.

Довольно быстро мы добрались до дома Алеши. Я уверенно направился к уже знакомому мне подъезду.

— Эй, куда ты нас ведешь? — подозрительно поинтересовался главарь.

— А где я, по-твоему, деньги оставил?

Обалдуй окинул меня подозрительным взглядом.

— Что-то ты очень легко согласился расстаться с деньгами… ты случайно не пакость какую замыслил?

Ну надо же, догадался. Именно пакость и замыслил.

— Ага, — признал я и улыбнулся. — Еще какую.

Рука парня сжалась на моем плече.

— Ты смотри у меня, — с угрозой протянул он.

И почему мне от его угроз не страшно? Вот ведь болван. Крутого из себя строит. Босса. Ха, а кроме угроз, ничего и не слышно от него. Ох, парень, дурак-дурачок. По-настоящему опасные люди никогда не грозят. Никогда и никому. Они своего добиваются без угроз. Они им не нужны. А тех, кто много грозит, не боятся. Их бесконечные угрозы подвержены инфляции…

— …ой… — Этот идиот довольно чувствительно пихнул меня в бок, прерывая мои размышления. Я потер бок и метнул в сторону этой троицы сердитый взгляд. Ну погодите, мафиози лубочные.

Честно говоря, я ожидал, что люди Павла Константиновича будут дежурить в квартире и мне удастся сдать этих юных продолжателей дела итальянских мафиози прямо с рук на руки. Облом вышел. В квартире никого не оказалось. Дверь была услужливо распахнутой. Вырванный с корнем замок сиротливо лежал рядом. Но вот квартира была пуста. Видно, эти ребята решили, что раз тут у них ничего не вышло, то больше никто в квартире не появится. Хм… Я был об этом Павле Константиновиче гораздо лучшего мнения. Алеша ведь не знает, что в квартире может ждать его кто-то кроме отца. Да хотя бы на всякий случай стоило наблюдателей оставить. Или все это была инициатива подчиненных? Скорее всего. А мне что теперь делать? Придется прибегать к запасному варианту. Благо, эти мафиози недоделанные предоставили мне достаточно времени для составления этого самого запасного плана, разглядывая взломанную дверь.

— Ключи просто отец Алеши потерял, — объяснил я, входя внутрь. — Сейчас я вынесу вам ваши деньги.

Ждать меня они, конечно, не стали и вошли следом. Но я уже успел сделать все, что мне нужно, и достал из-под Алешкиной кровати небольшую сумку. Вывалил из нее кучу денег.

— Сколько я вам должен? Двадцать тысяч?

О, люди, люди. Как же вы предсказуемы! Как же легко вами управлять! Деньги совершенно затмили разум (если он, конечно, был) моих доморощенных мафиози.

— А за это время проценты набежали, — криво усмехнулся главный Обалдуй, отстраняя меня от денег. — Мы возьмем это в качестве оплаты процентов. — Он стал торопливо запихивать деньги обратно в сумку.

— Эй! — возмутился я. — Мы так не договаривались!!!

— Заткнись!

— А ну отдай!!! — Я бросился с кулаками на обидчика и закономерно получил в нос. Вот чего только не сделаешь ради искусства. В последний момент я, конечно, постарался смягчить для себя удар, но и совсем его блокировать тоже нельзя было. Кто бы тогда поверил, что я не хочу отдавать эти деньги? А так я с удовольствием обошелся бы и без мордобития. Забрали и проваливайте. Но ведь насторожит это их. Обязательно насторожит. Вот и приходится несчастному черту получать в нос. Ну за что мне это?! За что?!

После нескольких неудачных попыток защитить сумку с деньгами я был заперт в ванной и больше участия в дележе не принимал. Абыдно, блин. Осталось только колотить кулаками в дверь и вопить, чтобы меня выпустили, что я и сделал. Замолчал только тогда, когда услышал, как лифт с моими мафиозничками поехал вниз. Я тут же успокоился. Прошел сквозь запертую дверь и заспешил следом. Уж очень мне хотелось взглянуть на последствия моей шутки…

Глава 2

Как я и предвидел, когда такая сумма попадает в руки, мягко говоря, не очень умным людям, то они, как правило, слегка шалеют. У них тут же появляется нестерпимый зуд немедленно их на что-нибудь потратить. Как известно, что досталось легко, не ценится. Понятно, что со своей добычей вся троица тут же отправилась в ближайший магазин. При этом не абы какой, а дорогущий.

«Я вот галстук за триста баксов купил».

«За триста? Ну ты, парень, лох!!! Вон в соседнем магазине такие же за пятьсот лежат».

Диагноз, в общем, ясен. Невидимый для всех, я наблюдал, как они выбирали себе покупки. Каждому по часикам. Не простым, а золотым. Ага, ручка «Parker» — совершенно необходимая для них вещь. Ну просто очень необходимая. Блин, ну скоро они там закончат? Наконец-то.

Троица лениво подошла к кассе. Главный Обалдуй царским жестом вывалил прямо перед кассиршей несколько пачек денег. Та мило улыбнулась. Так, если в кассиршах держат не совсем идиоток… Кассирша, довольно милая девушка, не переставая улыбаться, быстро считала купюры. Вдруг ее правая рука на миг исчезла из вида. Только я заметил, как она нажала на кнопку под кассой. И тут же она вернулась к подсчету денег. Словно ничего и не было. А парни продолжали весело похохатывать, воображая, какие физиономии будут у их приятелей, когда они похвастаются перед ними своими покупками. Таких веселых их и накрыла служба безопасности магазина.

Откуда-то сбоку вышли трое парней нехилого телосложения, подошли к моим мафиози и ухватили их за шкирки.

— В чем дело, Леночка? — вежливо спросил один из охранников.

Кассирша молча протянула одну из купюр.

— Эти придурки хотели вот этим расплатиться. Не знаю, наверное, они всех полагали такими же идиотами, как они сами.

Охранник молча повертел в руках сотенную банкноту. Потом повернулся к озадаченной троице.

— Да, ребята, попали вы. Подделка и распространение ассигнаций. Парни, эти идиоты на цветном принтере отпечатали деньги и думали, у них пройдет этот фокус.

— Цветной принтер? — ахнул один из троицы.

— Ну погоди, Игрок!!! — прорычал главарь.

Да погожу, погожу. Зачем так орать? Глядя на вытянувшиеся

физиономии троицы, я весело рассмеялся. Чертовски удачный день! Как там говорят люди? «Не сделал ближнему пакость — день прошел зря». Впрочем, в пакость эта троица вляпалась по собственной инициативе, как обычно и происходит с людьми. А потом винят во всем чертей. Черт, дескать, надоумил. Ага, вот взял и надоумил. Да люди порой творят такое, что не придет в голову ни одному черту. А уж этой троице и вообще грех кого винить. Сами виноваты. А я… я только слегка помог им осознать вину…

— Если встречу этого Игрока, то сразу пришибу, — прошипел главарь, когда его за шкирку выволакивали из торгового зала.

— А зачем ждать? — вежливо спросил я. — Давай.

Главарь резко обернулся.

— Вот он!!! — завопил он, показывая на меня пальцем. — Это он дал мне те деньги!!! Хватайте его!!!

Охранник, тащивший моего Обалдуя, окинул тот угол, куда показывал пальцем его подопечный, равнодушным взглядом, а потом отвесил ему хороший подзатыльник.

— А ну шагай. Ты еще вон ту швабру обвини.

— Но я вам правду говорю! И при чем тут швабра?!! — В этот момент все шестеро скрылись за дверью подсобного помещения. Что ж, на какое-то время об этих мафиози местного масштаба можно забыть — остальная их шайка не опасна без своих главарей. А этим парням и правда полезно будет получить урок. Глядишь, поумнеют. Поймут, что бандитский хлеб вовсе не так сладок, как казалось. Тюрьма же лишена всякой романтики. Впрочем, вряд ли они поумнеют. Но шанс дать им стоит.

Да, денек сегодня на редкость удачный… правда, некоторые говорят, что это не к добру. Что ж, посмотрим. А теперь к нашему дорогому художнику…

Как я ни спешил, но все-таки без хвоста путешествовать в мире людей довольно муторно. И медленно. Вот ведь хвостом щелкнул… все. Все, больше ни слова о хвосте. Стоит ли мечтать о том, чего еще нет. Вот стану совершеннолетним… Все. Больше ни слова. Ну блин, и как люди обходятся без хвостов или крыльев? А этот, так называемый общественный транспорт вообще кошмар. Еще на голову мне бы залезли. В троллейбусе я единственный раз в своей жизни пожалел, что рассказы людей о рогах чертей всего лишь выдумки. Были бы у меня рога, этот хам не облокачивался бы о мою голову. Видите ли, ему держаться больше не за что… Сразу нашел, за что держаться, когда я заставил его увидеть, как из моих волос вылезают разные мелкие зверюшки типа вшей и клопов и лезут ему на руку. Как он кричал… Как тер свои руки о куртку Короче, высадили его на первой же остановке как опасно

больного. Правда, этот хам и не особо сопротивлялся…

Нет, я, конечно, люблю разные развлечения, но когда их становится слишком много… Короче, я больше не хочу сегодня иметь дело ни с какими мафиозами, хамами, хулиганами и прочими представителями племени кандидатов на курорты ада. Альена, где ты?!!!!

Альена была в доме у нашего художника Григория Ивановича и задумчиво смотрела на спящего Алешу. Сам художник сидел на стуле перед кроватью и также задумчиво смотрел на мальчика. Я незаметно проник в комнату и озадаченно оглядел эту картину. Почесал затылок. Потом вежливо кашлянул. Альена обернулась.

— А, это ты, — без всякого интереса сказала она. — Где ты мотался?

— Я мотался?!! — обиделся я. — Нет, это мне нравится. Я тут в поте лица тружусь, спасаю вот этого кандидата на путешествие к нам…

— Обойдешься, — прервала меня Альена тем же равнодушным голосом, даже не обернувшись.

— Чего? — не понял я. — Что обойдешься?

— Насчет кандидата обойдешься. Не ваш он.

Я вторично почесал затылок.

— Альена, ты не заболела? Вообще-то я только шутил. Ты что, шутки уже разучилась понимать?

— А тебя не поймешь.

Я снова поднял руку, чтобы почесать затылок, но замер. Покосился на всех. Григорий Иванович продолжал так же сидеть, задумчиво глядя на мальчика. Нас он, понятно, не видел.

— Альена, что тут произошло?

— А ничего. Алеша бросился бежать. Я же постаралась убедить художника, что мальчику нужна помощь. Сказала, что ему некуда податься. В общем, представилась знакомой Алеши. Художник, как мы и ожидали, побежал за ребенком. Алеша в этот момент плакал в какой-то подворотне…

— Надеюсь, он не того. — Я сделал красноречивый жест, словно обматывая вокруг шеи веревку.

— Нет. Хотя кто знает, что было бы, приди мы чуть позже. — И тут, совершенно неожиданно для меня, апатию Альены словно рукой сняло. Она вдруг резко повернулась ко мне, ухватила меня за грудки и принялась яростно трясти. — Ты, придурок несчастный!!! Ты хоть понимаешь, во что ты втравил этого мальчика?!!

— Эй, полегче! Не я втравил, а мы втравили. Ты тоже в этом участвовала.

— У меня был выбор?!!

— Был. Выбор есть всегда.

— Ты мне тут еще лозунги начни декларировать. — Альена фыркнула, наконец-то отпустив меня. Я старательно разгладил свою рубашку.

— И чего ты взбесилась? — буркнул я.

— Взбесишься тут. Ты просто не видел, что здесь было. Григорию Ивановичу с трудом удалось успокоить мальчика. Он напоил его каким-то отваром, и Алеша уснул. Спит уже часов восемнадцать. Почти сутки. Сейчас вроде спокойно, а раньше метался. Между прочим, тебя вспоминал.

— Правда?! — обрадовался я. — И что вспоминал?

Альена покосилась на меня.

— Тебе повторить его слова?

Я на миг задумался.

— Пожалуй, не надо. Я тут трезво подумал и решил, что вовсе не хочу знать, что он говорил обо мне.

— И правильно.

— А что наш художник?

— А что он. Сидит. Как Алеша уснул, так и сидит. Боится даже на миг отойти.

— Железный человек.

— Нет. Просто человек. Самый обычный.

Я согласно кивнул.

— Но все же ему себя поберечь стоило.

— Возможно. Но не тогда, когда ребенок во сне кричит, что все равно жить не будет. Боже мой, Эзергиль, ты не представляешь, что тут было.

— Э-э. — Я поежился. — Альена, не будешь ли ты так любезна не упоминать Его в моем присутствии? В устах ангела это немного неприятно. Кажется, ведь вам тоже нельзя упоминать его всуе?

— Прости. Тут, с этими людьми, чего только не станешь говорить.

Альена обхватила плечи руками и ссутулилась.

— Мне страшно, — вдруг призналась она. — Эзергиль, дело ведь уже давно переросло нашу с тобой школьную практику Сейчас ведь решается судьба человека.

— И даже не одного, — кивнул я. — Не забывай об отце Алеши. И почему ты думаешь, что мне не страшно?

— А тебе-то чего бояться? Для тебя же лучше, если все тут попадут в ад.

— Угу, — согласно кивнул я. — Конечно, для меня лучше. Проиграю пари, останусь на второй год…

— Эзергиль!!! Ты хоть на минуту можешь перестать думать о

себе и подумать об этом несчастном ребенке?!

— Могу. Но кто тогда будет думать о несчастном мне?

— Ты неисправим!

— Естественно.

В этот момент Алеша пошевелился и открыл глаза, прервав наш спор. Альена мигом забыла обо мне и повернулась к мальчику. Прикрыла глаза, потом печально вздохнула.

— Он не успокоился. Вся его боль осталась при нем. Сон не пошел на пользу, как я надеялась.

— Просто его боль слишком велика.

— Что бы ты понимал… черт.

— Конечно, я не прогуливал уроков, в отличие от некоторых… ангел.

Альена фыркнула, но промолчала.

Алеша тем временем медленно привстал и с испугом посмотрел на Григория Ивановича, продолжавшего сидеть рядом с ним. Мальчик сжался и испуганно попятился, с какой-то обреченностью глядя на мужчину.

— Что с тобой, малыш? — удивился художник.

— Вы меня… как это… совращать будете? — обреченно спросил Алеша.

Сказать, что художник был ошарашен подобным заявлением, значит ничего не сказать. Я вообще был уверен, что выражение «отвисшая до пола челюсть» образное. Сейчас я понял, что это не так. Григорий Иванович несколько раз удивленно моргнул. Потом помотал головой.

— Чего? — переспросил он. — Чего я буду делать?

— Но ведь зачем-то вы привели меня к себе домой? Зачем?

— Хм… — Григорий Иванович помотал головой. — А если я скажу, что просто хотел тебе помочь?

— Врете. Мне никто не хочет помочь. Все только обманывают. — Сказано это было таким усталым тоном, что можно было подумать, будто слова эти говорит умудренный жизнью старик, а не мальчишка.

Альена испуганно повернулась ко мне.

— Эзергиль, он же теперь никому не верит!

— Значит, поверит, — спокойно отозвался я. — Теперь вся надежда на то, что мы в художнике не ошиблись.

— Он не будет… делать то, что предположил Алеша.

— Я и не думаю, что будет. Главное, чтобы он выслушал мальчика. Выслушал и понял его. А не отмахнулся бы от «глупостей».

Мы с Альеной выжидательно уставились на Григория Ивановича, ожидая его реакции. Альена схватила мою руку, сжав

ее словно в тисках. Григорий же Иванович несколько секунд молча разглядывал мальчика, словно размышляя о чем-то.

— Вот что, — наконец заговорил он. — Ты чая хочешь?

— Чая? — Алеша растерянно моргнул.

— Ну да. У меня тут должны были конфеты остаться. Давай-ка, вставай. Хватит дрыхнуть. А я пока воду вскипячу.

Григорий Иванович отправился на кухню и загремел там посудой. Алеша тут же вскочил и поспешно обулся. Обернулся к выходу. Шагнул. Альена рванулась было к нему, но я вовремя ухватил ее за руку.

— Куда?! Он должен сам сделать выбор. Это только его решение. Помнишь, что я говорил про герметичную комнату?

— Но он же уйдет…

— Это будет его решение и только его. Пусть учится думать и действовать самостоятельно. Если не научится сейчас, то он обречен быть игрушкой в руках разных типов.

— Под разными типами ты подразумеваешь и себя? — едко поинтересовалась Альена, но мешать Алеше уйти она больше не пыталась.

— Разумеется.

Алеша тем временем неуверенно подошел к двери и выглянул в сад. Направился было к калитке, но тут увидел мастерскую художника. Замер. Несмело шагнул к застекленной стенке и прилип носом к стеклу.

— Нравится? — Во двор вышел Рогожев с чайником в руке. В другой руке он нес сахарницу. Поставив все это на врытый в землю под навесом стол, он подошел к Алеше. — Что ты отсюда разглядываешь. Заходи и смотри.

— А… а можно?

— Ха, конечно, можно. Заходи, заходи.

Алеша несмело вошел внутрь довольно тесноватого помещения. Я обратил внимание на то, что разбитое мной стекло было уже заменено фанерой.

Тут Альена толкнула меня в бок и кивнула в сторону забора. Я обернулся. Там над кустами торчала голова Ксефона и разглядывала двор. Только его тут и не хватало… хотя…

— Давно он тут?

— Часов шесть. Не знаю, чего ходит.

— Хм. Кто же его поймет? Впрочем, могу, конечно, догадаться. Все пытается вынюхать, что нам тут надо.

— Не похоже, что он нас видел.

— Видел, видел. Можешь не сомневаться. Мне гораздо больше интересно, сообщил он отцу Алеши и священнику, что нашел мальчика, или нет. Вроде как он пообещал это сделать.

— Вот это да! — донеслось из-за двери импровизированной мастерской. — Красота!

Я заглянул внутрь. Алеша стоял перед огромной картиной, на которой была изображена большая река с плывущим по ней трехпалубным пароходом. Видно было, что картину рисовали с какого-то высокого места — обрыва или утеса. Где-то внизу виднелся пляж, Солнечные лучи играли на воде. Вся картина, казалось, лучилась жизнью и радостью. Я эту картину раньше не видел и теперь, пораженный не меньше Алеши, замер. За моим плечом восхищенно сопела Альена.

— И этого человека ты хотел заставить рисовать машины на день рождения? — поинтересовалась Альена минут через пять всеобщего молчания.

Я только головой покачал.

— Если бы я только увидел эту картину раньше, то не стал бы устраивать своего дурацкого представления.

— Вы, наверное, хороший человек, раз рисуете такое, — с грустью заметил Алеша, отходя от картины.

Григорий Иванович пораженно замер. Видно, он ожидал несколько иной оценки.

— Почему «наверное»?

Алеша пристроился на краешке стула перед поставленной чашкой чая. Взял ее в руки и повертел, разглядывая на свет.

— Я хочу вам поверить, но не могу, — признался он. — Я так не хочу ошибиться еще раз.

— Та-ак! Малыш, а тебе не кажется, что стоит все рассказать? Может, тебе самому легче станет?

— Вы мне все равно не поверите, — грустно заметил он, отпивая чай. Поморщился и положил в стакан два кусочка сахара из открытой пачки рафинада. Размешал.

— Хм, а почему бы не попробовать? Я ведь вижу, что тебе нужна помощь.

— Мне никто не поможет. Я ведь продал душу дьяволу, — вдруг признался Алеша и всхлипнул. И тут его прорвало. Всю накопившуюся за эти дни боль он выплеснул в этом рассказе. Григорий Иванович слушал внимательно и не перебивал. Но не верил. Видно было, что ему хочется поверить мальчику, чтобы ободрить его, но просто не может. И Алеша, казалось, чувствовал это. Чувствовал, и его голос становился все тише и тише.

Надежда, звучавшая в начале его рассказа, теперь стала постепенно сменяться отчаянием.

— А люди утратили веру, — грустно констатировала Альена. — Они начинают мыслить тогда, когда надо просто верить.

— Ага, — также печально отозвался я. — Но я бы еще добавил, что они начинают верить тогда, когда не мешало бы подумать.

— И что нам теперь делать? Если между Алешей и художником не установятся доверительные отношения, то тогда мы уже точно ничего не сможем сделать.

В этот момент я оглянулся на забор и улыбнулся.

— Надежда все же есть.

— Ты о чем? — подозрительно спросила Альена.

— Ты не поверишь.

— А ты постарайся!

— Нам поможет Ксефон.

— Вот уж точно не поверю, — фыркнула Альена.

В этот момент калитка с грохотом распахнулась и во двор ворвался отец Алеши. За ним поспешно вбежал священник.

Последним с достоинством вошел Ксефон, с гордым видом победителя рассматривая все вокруг. Я едва не расхохотался, глядя на его гордый вид. Альена тоже фыркнула. Однако сейчас нам было вовсе не до него. При виде отца Алеша с ужасом вскочил и спрятался за художником. Тот, не понимая, кто эти люди, но наблюдая реакцию мальчика, встал.

А вот реакция отца Алеши меня удивила… и обрадовала. Он замер. Замер и с болью посмотрел на испуганного сына.

— Леша, — прошептал он.

— Уйди!!! Не трогай меня!!!

— Что здесь происходит?! — насупился Григорий Иванович.

— Тише, прошу вас. Тише. — Это уже священник.

— Я не пойду с ним!!!

— А ну тихо!!! — вдруг гаркнул священник так, что немедленно установилась тишина. Григорий Иванович замер с открытым ртом, видно хотел что-то сказать. Алеша замер у него за спиной. Сгорбившийся отец Алеши отошел назад. Только Ксефон ухмылялся и вертел головой, словно зритель, разглядывающий артистов на сцене.

— Я думаю, нам надо немного прояснить обстановку, — уже спокойно продолжил священник. — Иначе у нас будет небольшое недопонимание. А небольшое недопонимание грозит большими бедами.

Золотые слова. Вот бы всем людям вдолбить их в головы. Столько ошибок избежали бы.

— Я тоже думаю, что стоит объясниться, — холодно заметил Григорий Иванович. — Судя по всему, мальчик вас знает. И он не слишком рад вас видеть.

— Это отец Алеши. Ненашев. Виктор Николаевич Ненашев, —

представил священник отца Алеши.

— Ах, вот как, — медленно протянул Рогожев, по-новому разглядывая стоявшего напротив него мужчину. — Понятно. Мне тут Алеша рассказал кое-что про вас.

Тут даже не надо быть телепатом, чтобы понять, что рассказ этот был совсем не доброжелательным. Виктор Ненашев даже попятился слегка, когда Рогожев шагнул ему навстречу. Но не успел. Мощные руки ухватили его за лацканы пиджака. Ненашев не сопротивлялся. Только глаза прикрыл.

— Виктор Николаевич, безусловно, заслужил кару, — спокойно сказал священник, — но хочу заметить, что если вы его изобьете, то это никак не поможет ребенку.

— А вы кто такой? — недружелюбно поинтересовался Рогожев.

— О, прошу прощения. Отец Федор. Священник. Думаю, что в вашей ситуации я буду не лишним.

— Поп, — презрительно скривился Алеша.

— Хм, откуда у вас в столь юном возрасте такое презрительное отношение к священнослужителям, молодой человек? — поинтересовался отец Федор.

— Оттуда! — буркнул Алеша.

— Весьма информативно.

— Как есть. — Алеша уже успокоился и разглядывал всех исподлобья. — И я не хочу с вами разговаривать. Ни с кем.

— Ну ты и придурок, — вмешался Ксефон. — Заткнись и слушай. Если хочешь избавиться от Эзергиля, то я очень тебе советую послушать этих людей…

— А я и от тебя хочу избавиться!!! Я от всех вас хочу избавиться!!! Что вы ко мне все пристали?!!

Алеша вдруг сорвался с места и бросился к калитке, но на его пути оказался Ксефон, вовремя подставивший ножку. Нет, ну никогда ему не подняться выше мелкого беса. Никогда.

— Он все равно уйдет, — вздохнула Альена.

— Правильно. Поэтому пора нам раскрыть кое-какие карты.

— Ты о чем? — Альена вдруг сделалась жутко подозрительной и очень внимательно стала разглядывать меня.

Я честными глазами смотрел на нее.

— Никакой пакости! Честное слово. Разве что Ксефону. Против этого не возражаешь?

— Против этого не возражаю.

— Тогда за калитку, там снимаем морок и заходим. Вперед. Поспешим, а то сейчас начнется драка.

Драка действительно могла начаться в любой момент. Алеша поднялся, отряхнулся, и судя по его виду, ему уже было

абсолютно все равно, на кого кидаться: на мафию, на милицию или на черта. Мне даже стало жалко Ксефона.

Я поспешно вытащил Альену на улицу. Однако здесь нас ждал другой сюрприз. Я совсем забыл о том, где жил наш художник. В частном секторе, где все знают друг друга, появление трех чужаков не могло остаться незамеченным. И теперь некоторые соседи с любопытством поглядывали на калитку, за которой скрылись незнакомцы. Вспомнив, с какой скоростью пришла помощь к Григорию Ивановичу, когда я изображал тут «крестного сынка», я только головой покачал. Соседи, соседи. Они могут быть либо проклятием, либо спасением. Григорию Ивановичу с этим, похоже, повезло. А вот нам нет. Пришлось отойти дальше и прятаться за деревьями. Только там мы смогли появиться на улице.

— Лучше нам поспешить, — заметил я. — А то, боюсь, случится что-то непоправимое.

— От твоего Ксефона всего ожидать можно, — согласилась Альена.

— Он такой же мой, как и твой, — огрызнулся я.

— Неважно, но такого болвана еще поискать.

Однако Ксефон в этот момент меня интересовал мало.

Мое внимание привлек небольшой пушистый котенок, что вышел из-под каких-то ящиков. Судя по всему, когда-то он был домашним, а сейчас его либо выгнали, либо сам убежал. Я метнулся к нему и успел поймать котенка прежде, чем тот убежал. Котенок зашипел и попытался меня оцарапать. Я тут же сунул его Альене в руки. Вот ведь скотина — у нее сразу успокоился и даже замурлыкал. И почему животным черти не нравятся?

— Что это? — поинтересовалась Альена, отстраняя от себя котенка и отворачиваясь. Ну да, пахнет от него прилично. И не духами.

— Котенок.

— Я знаю это, — сердито прошипела Альена. — Зачем ты мне его дал?

— Надо. Спрячь его пока.

— Куда спрятать?!

— Да хотя бы за пазуху засунь.

Альена наградила меня таким взглядом…

— Ты совсем рехнулся?! А запах?

Я сердито повернулся к ней. Девчонки!!! И это не так, и то не этак.

— Так заткни ему нос, — прорычал я и тут же об этом пожалел. Я думал, она меня убьет. На месте. Все-таки мне

повезло, что Альена — ангел. Поэтому вместо убийства она ограничилась пинком.

— Ну извини! Извини! — поспешно проговорил я, прыгая на одной ноге и потирая вторую. — Ты не забыла, что нам спешить надо?! А котенка прибереги.

Альена пристально посмотрела на меня. Потом молча кивнула и зашагала к калитке. Я несколько секунд глядел ей вслед. И это ангел?!! Ну дядя!!! Нет, вы видели где-нибудь ангела, который пинается как черт? Ей полагалось с терпением и кротостью сносить все мои насмешки и приколы. А пинки — это моя епархия. Ага, как же! С терпением и кротостью. Тут впору самому становиться терпеливым и кротким, чтоб не попасть под раздачу. Впрочем, именно поэтому мне и нравится эта девчонка… Но дяде я все равно припомню. Мой счет к нему уже достиг астрономических размеров. И за эту практику, и за эту помощницу, и за многое другое.

Я вздохнул и бросился догонять этого ангелочка. Альена уже подошла к калитке и теперь только ждала меня. Котенок мирно дремал у нее на руках. Как я заметил, Альена успела уже вычистить его каким-то хитрым способом.

Да, в плане помощи другим с ангелами никто не поспорит. Взмахнул рукой, и котенок уже чистый, умытый и приглаженный. Даже не узнаешь этого уличного хулигана.

— Ну ты долго там меня собираешься разглядывать?! — едко поинтересовалась Альена. — Кто-то говорил, что нам спешить надо.

Я едва не покраснел. Однако на всякий случай отвернулся, сделав вид, что разглядываю соседей.

— Я просто изучаю обстановку, — значительно произнес я таким тоном, каким обычно говорит командующий войсками перед решающей битвой.

Альена покосилась на меня, но мою последнюю фразу оставила без комментариев. Вместо этого только спросила:

— Ты уверен, что нам надо вдвоем появляться? Для Алеши это может быть сигналом к тому, что его опять обманули. Он мне ведь верить начал.

— Все путем. Поверь мне. Мы сыграем в древнюю людскую игру: хороший и плохой. Думаю, жребий кидать, кому какая роль достанется, не будем.

— Пожалуй, — хмыкнула Альена.

— Рад, что ты со мной согласна. Я и в самом деле смогу хорошо изобразить ангела… шутка, — успел я крикнуть раньше, чем Альена успела нащупать что-нибудь тяжелое. Порой я действительно начинаю сомневаться, кто из нас двоих черт, а кто

ангел…

Успели мы, похоже, вовремя. Во дворе уже готова была разразиться маленькая, но далеко не победоносная война. Алеша чуть ли не с кулаками лез на Ксефона, который его поддразнивал. Григорий Иванович пытался сдержать мальчика. Отец Алеши пытался прийти на помощь сыну, но Алеша от него шарахался сильнее, чем черт от лада… э-э… черти, вообще-то, от ладана не шарахаются. Нам просто запах не нравится. Короче, просто шарахался. Священник пытался всех примирить, но Ксефон своими шутками и поддразниваниями сводил все его усилия на нет, чем очень его сердил. Еще чуть-чуть и художнику придется сдерживать двоих.

Мы с Альеной встали рядом друг с другом напротив этого бедлама и переглянулись.

— Ты уверена, что люди в состоянии сами решить свои проблемы? — поинтересовался я.

— Надо просто верить. — Однако в ее голосе особой веры не прозвучало. — К тому же это ты настаивал на том, чтобы свои проблемы они решали сами.

— Верно. Знаешь, когда смотрю на все это, идея о герметичном помещении с исполнением любых желаний кажется мне уже не столь глупой.

Альена фыркнула. Отвернулась от меня и довольно громко кашлянула, привлекая внимание. Во дворе тут же воцарилась тишина. Все разглядывали новых гостей.

— Кого тут еще принесло? — расслышал я бормотание Григория Ивановича себе под нос.

— Развлекаетесь? — вежливо спросил я и улыбнулся. Улыбка у чертей — это не просто улыбка. С ее помощью можно заставить собеседника дрожать от страха, расслабиться, расхохотаться вместе с тобой, смутиться, застыдить и еще кучу всего разного. Главное — знать, КАК улыбаться, и уметь это делать. А я тренировался. Сильно тренировался… может, именно поэтому я еще не мог достичь желаемого результата. Вот и сейчас от моей улыбки все только поморщились. Эх, еще тренироваться и тренироваться. И ведь иногда получается…

Я поспешно согнал улыбку.

— Здравствуйте.

— Эзергиль!!! — прорычал Ксефон. — А это что за деваха с тобой?

Ксефон всегда отличался изысканной вежливостью. Однако с инстинктом самосохранения у него туго. Я же, в отличие от Альены, на его вопрос не обратил внимания.

— Леша, как я понимаю, тебе нужна моя помощь? Только

скажи. Любое твое желание будет исполнено.

— Уйди, — обреченно попросил он. — Оставьте все меня в покое.

— Увы, не могу. Ты же заключил договор со мной. Пока я его не выполню, то не смогу быть свободным.

— Минуту, — тут же вылез священник. — Я так понимаю, что ты и есть тот самый Эзергиль, о котором нам рассказывал сей молодой человек? — Священник кивнул на Ксефона.

Я слегка поклонился.

— Эй, — заметил отец Алеши. — Это же тебя я постоянно видел.

Я опять поклонился.

Тут вмешался и художник:

— Парень, мне кажется, я тебя где-то видел? — Григорий Иванович в задумчивости нахмурился.

— Вот это поможет вам вспомнить? — Я щелкнул пальцами. На миг меня застлала дымка, а когда она рассеялась, то я стоял уже в том наряде богатенького мальчика, в котором приходил к художнику.

— Так это был ты?!! Но… Но кто ты такой?

Я опять улыбнулся. На этот раз мне, похоже, улыбка удалась.

— Черт. Черт Эзергиль к вашим услугам.

Художник вытаращил на меня глаза. Потом медленно опустился на стул.

— Я сплю, — пробормотал он. — Или ты врешь.

Я опять улыбнулся и через миг стоял перед всеми в том образе, в котором обычно и изображают чертей люди — то есть с рогами и копытами.

— Свят, свят, — испуганно пробормотал священник, поднимая руку, чтобы перекрестить меня.

— Но-но! — Я поспешно вернул себе прежний облик. — Я бы вас попросил без этих ваших штучек.

— Боже всемогущий, — пробормотал священник, но руку опустил.

— Он, конечно, всемогущий, — согласился я с ним, — но черти гораздо расторопнее, смею вас уверить.

— Да как ты смеешь?!!

— Как смею я? — переспросил я. — Святой отец, или как там к вам обращаться, вы ведь умный человек. Давайте оставим все эти разговоры разным фанатикам от веры, которых к раю все равно и близко не подпустят. Я так понимаю, что вы хотите спасти душу одного известного вам мальчика. Я, понятно, терять ее не хочу. Может, договоримся? Золото там, власть?

— Нет!!! — Отец Федор в ужасе отшатнулся от меня.

— Нет? Может, вы хотите стать патриархом? Как звучит: патриарх всея Руси Федор!

— Никогда этому не бывать!!!

— В самом деле? А вы наивный, если думаете, что никогда не было наверху патриархов, принадлежащих нам душой и телом. Могу даже с некоторыми вас познакомить… после вашей смерти, понятно.

— Я не они!

— Вижу. С Ксефоном, вы, конечно, тоже связались ради вашей бессмертной души. На что он вас купил?

Священник отшатнулся от Ксефона и в ужасе уставился на него.

— Скотина!!! — взревел Ксефон, кидаясь ко мне. — Плевать мне на душонку этого святоши!!! Пусть оставит ее себе! Мне ты нужен!!!

— И что ты ко мне привязался? — печально поинтересовался я, скрываясь за мороком.

Ксефон несколько секунд бегал по саду, пытаясь отыскать меня. Потом повернулся к Альене, которая уже подошла к Алеше и стояла рядом с ним. Видно, вспомнил, что она пришла со мной.

— А ты кто такая?!! Вот мне интересно, откуда ты такая взялась?!! — Он с нехорошей улыбкой двинулся к ней. Альена выпрямилась.

— Молодой человек, как вы смеете так говорить с девочкой?

— Заткнись, святоша!

— Да…

Я появился позади отца Федора и успел ухватить его за руку прежде, чем он бросился заступаться за Альену. Второй рукой я ухватил Ненашева.

— Оставьте его. Некоторым полезно учиться на собственных ошибках. Он, бедолага, еще не понял, КТО она такая. Сейчас поймет. А в вашей помощи она нуждается меньше всего.

Священник с сомнением покосился на меня.

В этот момент Ксефон уже подошел к Альене и схватил ее за руку.

— Кто ты такая?

Альена холодно взглянула на него.

— Хочешь это знать? Хорошо.

Тотчас ее фигура вдруг вспыхнула нестерпимым светом. Этот свет, словно живой, струился вокруг всей ее фигуры и растекался по округе. И там, где он касался земли, расцветали уже пожухлые цветы. Вокруг словно зазвенели колокольчики. Я видел, как разглаживались лица людей. Как исчезал у них страх, как пропадала боль. Видел, с каким восторгом смотрел на эту

сверкающую фигуру Алеша. С каким восхищением разглядывал ее Рогожев. Видел, как отовсюду стали слетаться птицы. И опускались прямо на руки Альене…

В этот момент закричал Ксефон. Сияние ангела обжигало даже меня, хотя я стоял довольно далеко. А что чувствовал Ксефон? А ведь он наверняка даже с места сдвинуться не мог, бедолага. Пытался, но не мог.

Альена повернулась к нему.

— Ты все еще спрашиваешь, кто я?

Ксефон ответить не сумел. Только хрипел. И тут сияние накрыло меня… Никогда больше не хочу испытать это. Меня словно кислотой обожгло.

— Альена!!! — хрипло крикнул я. — Пожалуйста!

Альена повернулась, и тут же ее сияние пропало. Она бросилась ко мне.

— Ой, Эзергиль, извини, я не хотела. Но этот идиот меня довел.

Не знаю, что еще хотела сказать Альена, но неожиданно вмешался Алеша. Откуда-то он вытащил банку с водой и кинулся на меня. И где только достал? И вдруг понял! В церкви. Пока мы с Альеной разбирались с тем священником или чуть раньше, не суть важно. Шустрый мальчик. Время даром не терял. Неужто с той поры и таскал эту банку? Вот ведь…

— Я все равно избавлюсь от тебя!!!

Похоже, я влип. Ни спрятаться, ни исчезнуть я не успевал. И тут передо мной встала Альена, и вся вода из банки оказалась на ней. Я поспешно отскочил.

Альена сердито отряхивала воду с одежды и ругалась сквозь зубы, поминая бестолковых мальчишек, которые ни хрена не понимают, что делают, и не менее бестолковых чертей, которые сами о себе позаботиться не могут. Я же стоял в сторонке и хихикал, глядя на нее. Ну ничего не мог с собой поделать.

Тут со стоном поднялся Ксефон и с ненавистью уставился на меня.

— Вот, значит, как? Продался ангелам? Сам ангелочком решил заделаться?!! Вот я расскажу все в школе!!!

— Ой, как страшно, — передразнил я его. — Видишь, уже дрожу. Кстати, заодно не забудь рассказать, как ты от великого ума полез в драку с ангелом. И еще не забудь рассказать, как ты заключил сделку с людским священником, чтобы помешать черту выполнить его работу.

Ксефон только зубами заскрежетал.

— Ладно. Повеселились и хватит. Давайте поговорим серьезно. Я так понимаю, что у каждого здесь свои интересы.

Давайте все обсудим как цивилизованные люди, — поспешно заговорил я.

— Давай. — Священник подошел ко мне и дружески положил руку мне на плечо. Вернее, со стороны это так выглядело.

Я обернулся к нему и улыбнулся.

— Вспомнили, как было с Ксефоном? А вот со мной так не вышло. Ай-яй-яй. А все почему? А из-за гордыни, сын мой. Из-за нее, родимой. Возомнили себя Мессией, голыми руками расправляющимся с Сатаной?

— Я… — Священник покраснел и поспешно отошел. Я буквально кожей чувствовал его стыд.

— Ох, люди, — покачал я головой. — Ну никак вы не поймете, что с нами бесполезно бороться разными символами, обрядами и прочими внешними штучками. Победить нас можно только внутри себя. Только тогда никто из нас не властен будет над вами. И Вера — ваше оружие.

— Я верую!

— Во что? — вздохнул я. — В абстрактную добрую силу? Ну-ну. Вы должны в себя верить! В себя! Верить в то, что вы сможете подняться к Нему, а не в то, что Он спустится к вам. Ну да, лезть в гору, конечно, тяжеловато. Зачем все это надо?! Проще на травке полежать. Помечтать. И вот уже Он снизошел к вам и повел прямо в рай. Не получится, дядя. Надо и самому потрудиться. Потрудиться прежде всего над собой. И искренне верить. Искренне, а не фанатично. А то знаю я вас, людей. Вам только подкинь идею, такого наворотите. Кстати, ваших фанатиков и близко не подпустят к раю. Ни к раю, ни к гуриям. Вера хороша, но только не тогда, когда она заменяет мозги полностью. Голову на плечах всегда полезно иметь, и думать надо самому.

Священник хотел что-то возразить, но замолчал и несколько мгновений разглядывал меня. Задумался. Правильно, дядя, правильно. Ну думай же! Зря, что ли, я затеял этот разговор?! Не просто же для сотрясания воздуха! Хочешь спасти мальчика? Так слушай меня! Слушай и думай! Я же тебе открытым текстом говорю, что делать.

— Э-э, — наконец вмешался Григорий Иванович, под взглядом Альены явно чувствовавший себя крайне неуютно. — Может, пройдем в дом? Там и поговорим.

Альена не могла не ощущать неловкости художника. Поэтому она первая направилась в дом, но около Григория Ивановича остановилась и слегка коснулась его руки.

— Вы хороший человек. И вы замечательно рисуете.

— Я! Но ведь я даже в церковь ни разу не…

Альена подняла руку.

— Разве это важно? Бог разве в зданиях? Он ведь в каждом из вас. В каждом из людей, животном, растении. Все вокруг и есть Бог! И не надо ходить в церковь, чтобы двигаться к Нему. Все зависит только от вас.

— Разве так правильно?

— Что значит правильно? Кому-то нужен поводырь, а кто-то идет сам.

— Ой-ой, какие речи. Ты тут еще всякие ваши писания начни цитировать, — скривился Ксефон, проходя мимо. Альена даже не обернулась в его сторону.

Зато Ксефон обернулся. Я тут же на крыльцо поставил вверх дном небольшое корыто, которое до этого стояло чуть в стороне. Таким образом образовалась как бы ступенька. Ксефон, занятый поддразниванием Альены, этого не заметил. Почувствовав препятствие, он решил, что это еще одна ступенька, и наступил на корыто. Выпрямился и… ну да, корыто сделало его выше, а вот косяк остался на прежней высоте.

— Эзергиль!!! — прорычал Ксефон, с яростью поворачиваясь ко мне.

— А что я?! — праведно возмутился я. — Я-то при чем?!! Чуть что, сразу Эзергиль. В школе Эзергиль, дома Эзергиль. Я виноват, что ты под ноги не смотришь?

Ксефон гневно глядел на меня и не верил моим оправданиям. Странно, и почему? Ну да, я сделал это. Но это ведь не повод мне не верить?!!! Разве нет?

Заметив ошарашенный взгляд священника, я подмигнул ему и нырнул в проем двери, успешно миновав Ксефона, явно готовившего какую-то пакость. Ксефон выругался сквозь зубы и бросился следом.

Так, похоже, начинается самое интересное. Высокие договаривающиеся стороны успешно обманули друг друга. Посмотрим, кто кого обманет сильнее. Эх, жить хорошо!!!

Глава 3

В доме Ксефон попытался рассчитаться со мной… Как был недоучкой, так им и остался. В гостях, в присутствии ангела он намеревался сделать пакость приглашенному хозяином дома! Ну не идиот ли? Естественно, эта пакость вернулась к нему. Теперь он злой как… э-э… в общем, злой сидел в кресле и посматривал на меня одним глазом. Вторым, по причине внушительного синяка, он смотреть не мог. Пожалуй, из всех присутствующих ему сочувствовала одна Альена. Но она не в счет. Ангелы все сумасшедшие, я всегда это говорил.

Альена пристроилась в кресле рядом со мной и теперь поглаживала уснувшего у нее на коленях котенка.

— Слушай, — шепнула она. — А зачем ты заставил меня котенка притащить?

— Я?

— Эзергиль!!!

— Ну шо Эзергиль? Чуть что, сразу Эзергиль. Ксефон орет Эзергиль, ты теперь. Я что тут, крайний?

— Эзергиль!!!!!

— Ладно-ладно. Я все понял. А ты еще не поняла?

— Поняла что?

— Посмотри на Алешу. Он сам как этот котенок. Потерянный и беззащитный, но готовый в любой момент выпустить коготки. Подари котенка ему. Пусть Алеша заботится о нем. Ему сейчас очень нужен этот урок. Урок заботы о ком-то, кто еще более страдает, чем он сам. Может, тогда он лучше поймет и отца. И уже не будет судить его строго.

Альена минуты три молча рассматривала меня. В этот момент мы с ней, увлеченные беседой полушепотом, не обратили никакого внимания, что на нас уже смотрят все в комнате.

— Слушай, а ты в ангелы не хочешь пойти? У тебя бы это получилось.

— Я?!! В ангелы?!! Ну уж нет! Да я у вас там в раю со скуки уже через месяц помру. Нет уж. Мне и чертом неплохо кормится.

— Эзергиль!!!

— Ну вот, опять Эзергиль. Все! Ша! Кончай базар. Лохи уже собрались. Щас дурить будем.

— Эзергиль!!!! — А это уже в полный голос и довольно громко. Ну совсем пошутить не дает.

— Вы там закончили?! — едко осведомился Ксефон. — Тили-тили тесто!

Альена покраснела. Я, кажется, тоже. Нет, когда я покину

этот дом, то Ксефон и вторым глазом перестанет видеть.

— Закончили, — отозвался я. — А ты теперь хочешь на мое место сесть?

Альена намек поняла. Зловеще улыбнулась, и на миг вокруг ее фигуры вспыхнуло знакомое сияние. Ксефон в ужасе отшатнулся, что-то бормоча себе под нос про господина Викентия и сумасшедшего черта. Это он о себе, наверное.

Я поудобнее развалился в кресле и прикрыл глаза.

— Молодой человек, — кашлянул священник. Он устроился на диване рядом с Ненашевым Виктором Николаевичем. При этом Алеша постарался сесть от отца как можно дальше и в результате оказался рядом с обалдевшим от всего произошедшего художником. Григорий Иванович только глазами вокруг хлопал, сидя на старинном сундуке. Похоже, в этой беседе участия он не примет. Пользы от него ноль. Слишком уж все неожиданно для него оказалось. Бедолага. Может, к нему шоковую терапию применить? Я покосился на Альену и решил, что она подобного не одобрит. А поскольку ее неодобрение могло выразиться в совершенно разных формах, то риск с моей стороны выглядел совершенно неоправданным. Почему-то она очень не одобряла мои чертовские шутки. А вот Ненашев настроился на бой. Кажется, ему было глубоко плевать, кто перед ним: черт или кто еще. Молодец! Так держать. Исправляй собственные ошибки. Священник же, похоже, и сам еще не определил свое отношение к происходящему. Впрочем, отступать он в любом случае не собирается.

Я взглянул на него из-под век.

— «Молодой человек» — это, как я понимаю, обращение ко мне. Ладно, пусть будет так, старый человек.

Священник нахмурился.

— Мне не нравится твое обращение.

— А мне твое. Тем более от человека, который годится мне в правнуки. Мое имя — Эзергиль. Думаю, его нетрудно запомнить.

Священник улыбнулся и твердо посмотрел на меня. Я не менее твердо встретил его взгляд.

— Что-то я не помню упоминаний этого имени в священных книгах.

Я улыбнулся в ответ.

— Это по меркам людей я стар. Для черта я очень молод. Очень-очень. И не переживайте, обо мне вы еще услышите. Я не собираюсь пропадать в безвестности.

Ксефон, услышав это, фыркнул. Но ни я, ни отец Федор не обратили на него никакого внимания.

— Гордыня, Эзергиль, страшный грех.

— О, не надо мне комплиментов. Ну не надо. Я смущаюсь. Но я честно старюсь соответствовать высокому званию черта.

Священник хмыкнул, откинулся на спинку дивана и покосился на Ксефона.

— А ты не такой, каким я тебя представлял.

— О, я сам удивлялся, когда слушал занимательную лекцию вашего доброго приятеля Ксефона.

— Ты подслушивал?!! — взвился Ксефон.

— Конечно.

— Ну погоди!

— Да в общем-то, я уже гожу.

— Хватит!!! — неожиданно с места вскочил Виктор Николаевич и двинулся ко мне. — Мне нет дела до всех ваших личных дел! Меня интересует только мой сын! Черт, или как там тебя…

— «Как там тебя» тоже неплохое имя. Однако ваше я все же запомнил.

Виктор Николаевич покраснел. Видно, не привык, что ему делает замечание черт. Хм, интересно, а когда у него была возможность привыкнуть к этому?

— Ладно. Пусть Эзергиль. Я хочу вернуть своего сына…

— У вас было двенадцать лет.

— Да-да, черт возьми!!!

— И возьму.

— А… — Виктор Николаевич растерянно посмотрел на меня. Весь его запал как-то сник. — Что ты хочешь?! Только скажи! Ну хочешь, возьми мою душу вместо Алеши!

— Нет, не хочу. Ваша душа и так принадлежит мне. Вспомните о Ненашевой Зое, которую вы убили.

— Нет… — простонал Ненашев, закрывая лицо. Но я был беспощаден.

— Вспомните, как вы избивали ее и своего сына, когда приходили домой пьяным!

Я поднялся. По росту я был тут самым низким, но сейчас, думаю, я всем казался очень и очень высоким. Мои глаза вспыхнули мрачным пламенем. Если на улице они видели ангела во всем блеске, то теперь узрели черта. В комнате даже похолодало. А я продолжал говорить, и мои слова тянулись, словно деготь в густом воздухе.

— Вспомните, что было после похорон! Вспомните, как вы не пустили домой сына за то, что он, по вашему мнению, поздно пришел домой, а на самом деле вы просто боялись посмотреть ему в глаза из-за стыда. Из-за того, что вы знали, что он знал, почему умерла ваша жена! Вспомните, как вы наказывали его за

кражу денег, которой не было. Когда вы сами пропивали их, а потом обвиняли сына в краже.

— Он их украл… тогда…

— Вы пробуете оправдаться? Передо мной? Не стоит. Нас, чертей, не любят люди. И я теперь знаю причину. Мы судии и палачи. И нас нельзя подкупить. Нас нельзя задобрить. Мы определяем наказание по справедливости, и никакой адвокат обжаловать приговор не сможет. Свой приговор вы произнесли для себя сами. Вы лишились в жизни всего. Любимой жены, сына и работы. Отныне ваша судьба — помойки и подворотни. Вы отвернулись от людей, и теперь их презрение будет вашим обществом. И так до самой смерти. А там мы встретимся с вами. Я вам обещаю. И тогда будет произнесен окончательный приговор. По всей вашей жизни.

— Черт, — серьезно и даже несколько торжественно заговорил отец Федор. — Ты не вправе определять жизнь людей на Земле. Свободу воли ты не можешь отменить. И не тебе судить его здесь. Там — да, но не здесь.

Я улыбнулся священнику одними губами.

— Верно. Но вы думаете, что здесь этого человека ждет иная судьба, нежели та, что я предсказал? Вы так в него верите?

Священник тоже поднялся.

— Я верую! — твердо произнес он.

Тьма, окружающая меня, на миг дрогнула. Я склонил голову.

— Вы веруете. Он нет. Зачем он вам? Оставьте его.

— Каждый человек сам должен выбирать свою судьбу.

— Он свою выбрал.

— Пока не сделан последний вздох, еще все можно изменить.

Я сделал вид, что задумался.

— И это верно. Я не покушаюсь на этого человека. У него своя судьба.

— А его сын?

— А его сын подписал со мной договор. Вы уже над ним не властны.

— Я не верю, что нет способа.

Я усиленно зажестикулировал Альене, убрав руку за спину. Включайся, мол. Альена быстро сообразила, чего я хочу, и встала рядом со мной.

— Даже я не могу здесь ничего сделать. Алеша сам сделал выбор. Но он же может его и отменить. Только он.

— Как мило, — скривился я, включаясь в игру «плохой-хороший». — Хочешь нарушить нашу договоренность и все рассказать? Валяй. Мальчику поможешь, а вот его матери уже нет.

Альена молодец. Пусть ангел, пусть троечница, но она не

дура. Совсем не дура.

— Да. — Она твердо посмотрела на Алешу. — Я могу сказать, как победить черта в себе. И святая вода, которой ты окатил меня, тебе не поможет. Хоть не расставайся с ней никогда. Но сказав тебе это, я нарушу договоренность, и твоя мать попадет в ад. Если ты способа не найдешь, то тогда в ад попадете оба — и ты, и твоя мать.

— А если я побежу… победю… справлюсь с чертом? — робко спросил он.

— Тогда твоя мать будет в раю, это я обещаю. А куда попадешь ты… это уже будет зависеть только от тебя. У тебя вся жизнь впереди, чтобы сделать выбор. И первое решение за тобой. Итак?

Алеша задумался, кусая губы. Отец Федор хотел вмешаться, но обнаружил, что не может произнести ни слова. Альена сердито посмотрела на священника.

— Это выбор мальчика и только его!

— Я не хочу ничего узнавать! — вдруг твердо произнес Алеша. — Он гневно уставился на меня. — А тебя я побежу… победю! Ты понял?!! Фиг тебе, а не моя душа. Вот! — Алеша сложил дулю и продемонстрировал ее мне. Я едва не расхохотался. Альена улыбнулась.

— Правильный выбор. И кое в чем я тебе помогу. Сказать прямо я тебе не могу, а вот намекнуть…

— Тоже нельзя! — вмешался я.

— Можно, — отрезала Альена. Она подошла к Алеше и протянула котенка. — Позаботься о нем. Он тоже потерял маму и теперь остался один. Без твоей помощи ему не выжить.

Алеша неуверенно взял котенка. Тот потянулся, зевнул. И вдруг доверчиво прильнул к мальчику и замурлыкал. Алеша прижал котенка к себе.

— Я позабочусь о нем.

Альена улыбнулась.

— Я верю в тебя. Поверь в себя и ты.

Алеша серьезно кивнул.

— Очень хорошо! — Я скривился. — Ты действовала на грани фола.

— Но не за гранью, — возразила Альена. Она повернулась к Григорию Ивановичу и поклонилась. — Спасибо за привечание, хозяин.

Григорий Иванович обалдело кивнул в ответ.

Альена же развернулась и направилась к выходу. Я за ней.

— Эй, стойте!!! — Священник бросился за нами, но когда выглянул во двор, то нас, естественно, не увидел.

Альена остановилась у калитки и обернулась ко мне.

— Как думаешь, Ксефон нам ничего не испортит?

— Ксефон? Не знаю.

— Жаль, что мы не можем послушать, что там происходит после нашего ухода. Этот твой Ксефон, каким бы идиотом ни был, на этот раз точно осмотрит все углы и не пропустит нас.

Я хмыкнул.

— Ты только меня не держи за идиота, хорошо? Конечно, если мы спрячемся в доме, то Ксефон нас моментально засечет. Однако подумает ли он о другом варианте…

— Ты что-то задумал?

— Я?! Задумал?! Альена, ты слишком плохого обо мне мнения. У меня уже все сделано. Пойдем.

— Куда?

— Пойдем-пойдем. — Я схватил упрямую девчонку за руку и потащил ее к выходу со двора. Чтобы не выдать своего присутствия, я просто пронесся сквозь забор, не открывая калитку. Альена за мной. Я улыбнулся. Ха, недавно для нее пройти сквозь препятствие было проблематично. А как наловчилась за то время, что провела со мной.

Я подтащил ее к колонке, стоявшей на пересечении улиц. Оглянулся, нет ли кого поблизости, и спустил воду. Струя воды под приличным напором ударилась о землю, разбилась на множество капель, которые немедленно воспарили вверх.

Альена сжала мою руку.

— Эзергиль, это же из высшей школы! Такого вы еще не должны проходить!

— Разве я тебе не говорил, что по некоторым предметам я учусь с опережением графика? Извини.

— И с кем ты связал свою частицу?

— А ты не догадалась? С котенком, конечно. Алеша ведь теперь его постоянно с собой таскать будет. А мы сможем за ним постоянно приглядывать.

— Ах ты… А еще говорил что-то о заботе…

— И это тоже. Пригляд — это просто побочный эффект. Будем надеяться, что Ксефон не знает об этом фокусе из высшей школы. А сейчас не отвлекай меня.

Альена, судя по всему, еще многое могла мне сказать по поводу моего обмана, но благоразумно промолчала. Не понимаю, что она вечно из себя выходит, стоит мне чуть-чуть схитрить. Это даже не обман, а всего лишь военная хитрость. Ладно, не отвлекаться. Сейчас начинается самое сложное.

Сконцентрировавшись, я заставил капли воды образовать радугу, отразив в них лучи солнца. Как хорошо, что сегодня ясная

погода… Направив радугу в себя, я вспомнил котенка и вспомнил, какое слово шепнул ему на межмировом языке. Оно должно было служить ключом к разуму котенка. Мухи и пауки — это все ерунда. Подчинить их любой черт с детского сада может. Мозгов-то у насекомых нет. Все делается быстро и без всяких усилий. Правда, поддерживать связь стоит проблем. Отвлекаться нельзя. Только сейчас я сообразил, что с тем пауком, который сидел в кабинете директора, был произведен тот же обряд, что собираюсь провести я. Иначе директору школы постоянно пришлось бы контролировать его. А это очень неудобно. Хотя если ненадолго, то вариант быстрого подчинения самый верный.

Так, что-то я отвлекся. Капли тем временем образовали уже сияющий шар размером с кулак. Я заставил их опуститься себе на ладонь и вгляделся в них, налаживая связь. Ага, вот она, та метка, что я оставил. Теперь соединиться… слово… есть контакт! Уф, получилось. Я уронил водный шар и вытер вспотевший лоб.

— Готово.

Альена исподлобья смотрела на меня и довольной не выглядела.

— Ты подчинил себе разум беззащитного котенка?!

— Тпру! — Я даже попятился от ее тона. — Конечно нет! Зачем мне это надо? Да у меня бы и не получилось. Я только буду видеть и слышать то, что видит и слышит котенок. Честное слово! Свобода его воли никак не пострадала!

— Я тебе не верю!

Я пожал плечами.

— Дело твое. Ты будешь смотреть, что происходит в комнате или нет?

Альена подумала.

— Буду.

Ну вот, а то нечестно, подчинение. Блин, и откуда она свалилась на мою голову?! Хотя что я спрашиваю. От дяди, естественно.

— Только надо найти место поспокойнее, — заметил я. — Где нас точно никто не побеспокоит.

Мы с Альеной переглянулись.

— Парк! — хором вскричали мы.

— Побежали! — нетерпеливо велела Альена и первой понеслась по дороге, поднимая клубы пыли. Я ругнулся и бросился за ней, пытаясь обогнать — дышать поднятой ею пылью мне совершенно не хотелось.

Парк представлял собой небольшой лесок, который по периметру застроили домами. Лесок же по какой-то причине пока не трогали. То ли почва там была слишком рыхлая для застройки,

то ли еще что, но теперь он был как бы оазисом природы среди жилых домов. Впрочем, в основном дома здесь представляли собой частный сектор, и уж чего-чего, а зелени здесь хватало.

Лесок же спускался прямо к берегу небольшой речки и в выходные он наполнялся людьми из нового города, которые выезжали, как они сами говорили, на природу. Странные у них понятия, у этих людей. Хотя мне до этого дела не было. Главным было то, что этот лесок идеально подходил для нас. Заросли скрывали от посторонних глаз. Деревья давали прохладу. Красота, в общем.

— Ну давай быстрее, — поторопила меня Альена, плюхаясь на землю под могучим дубом.

— Быстрее, — передразнил я. — Тебе легко говорить, а я, между прочим, подобный фокус проворачиваю второй раз в жизни. А уж чтобы показывать еще кому-то, так и вообще первый.

— О, Эзергиль, я уверена, что у тебя получится! Ты у нас такой талантливый…

— Эй, лесть — это по моей части. А у тебя все равно не получается. Хочешь, научу?

— Эзергиль!!! Хватит болтать! Делом займись!

— А вот это да, ты умеешь. Ругаешься классно.

— Эзергиль!!!!

— Молчу-молчу.

Я действительно замолчал. Но вовсе не потому, что меня попросили. Просто мне сейчас нельзя было отвлекаться. А так бы можно было еще поспорить.

Усевшись на корточки, я сложил ладони лодочкой и стал внимательно в них смотреть, отыскивая настроенный мной канал. Если бы не необходимость показывать события Альене, можно было бы все сделать гораздо проще. И главное, вовсе не обязательно было бы прекращать заниматься текущими делами. А так сиди теперь.

— Смотри внимательно. Сейчас я постараюсь настроить на тебя канал.

На моих ладонях появился и начал расти шарик, словно сотканный из света. Вот он вырос до размера футбольного мяча. Вот стал чуть побольше… Я развел руки и хлопнул в ладони. Шар на миг стал зеркальным, а потом в нем появилось изображение того, что видел котенок.

— Уф! — Я вытер вспотевший лоб. — Думал, уже не получится.

— Какой же ты молодец, Эзергиль!

— Я знаю.

— Но очень нескромный, — тут же отозвалась Альена.

— Скромность? А с чем ее едят?

— Эзергиль! Дай послушать!

Я пожал плечами. Девчонки. Что с них возьмешь? Ведь сама начала. Однако она права. Я прислушался к тому, что говорили в комнате. А говорил, оказывается, Ксефон. Тоже мне, Цицерон.

— И вы ему поверите? — патетично вопрошал он, стоя посередине комнаты с поднятой над головой рукой. Священник слушал его внимательно, а вот Ненашев Виктор Николаевич откровенно скучал и больше был занят тем, чтобы наладить диалог с сыном. Художник же, похоже, уже очнулся от потрясения и посматривал на Ксефона с откровенным интересом. Правда, не из-за его речей, как я понял, а из-за самого факта, что Ксефон — черт. — Он еще ни разу в жизни не сказал никому правды! Он обманывал всегда и всех.

О ком это он? Уж не обо мне ли?

— Так уж и всех? — вежливо поинтересовался отец Федор.

— Всех! Поэтому я и говорю, что я ваша единственная надежда в борьбе с ним. Только с моей помощью вы сможете одолеть его.

— Ты уже помог мне, — буркнул Алеша. — До сих пор не могу избавиться от твоих денег. — Он кивнул на чемодан с долларами, который принес его отец.

Ксефон развернулся к нему.

— Разве я велел тебе их тратить?! Тратил бы понемногу и никто ничего не узнал бы!

— Я их вообще не тратил!

— Тогда как все в округе узнали, что у тебя полный чемодан денег?!

Ксефон и Алеша гневно уставились друг на друга.

— Это моя вина, — вдруг выступил отец Алеши. Он тяжело поднялся и подошел к сыну. Алеша сжался. Виктор Николаевич вздрогнул и остановился. Протяжно вздохнул и сел перед сыном на пол. Посмотрел на него. — Лешка… сынок… выслушай меня, прошу. Я не прошу прощения… знаю, что не простишь… Да и не заслужил я его. Просто выслушай. Боже мой, надо было вляпаться во все это, чтобы понять, каким дерьмом я был!

Я мельком взглянул на священника. Тот хмурил брови и кусал губы, внимательно наблюдая за Виктором Николаевичем. Что-то явно привлекло его в этой исповеди, но вмешиваться он не спешил. А когда попытался вмешаться Ксефон, то взглядом заставил его замолчать. Точнее, не взглядом. Он поднял руку, чтобы перекрестить Ксефона, и тот тут же проглотил все слова и поспешно отступил назад, испуганно косясь на священника. Видно, еще не забыл его касания.

— А тут еще издевательства этого… — При этих словах Ненашева священник нахмурился еще сильнее. — Я не знаю как сказать… но… в общем, я с тобой. Я не знаю, чем смогу тебе помочь, но сделаю все… а… — Виктор Николаевич махнул рукой и поспешно поднялся, направившись к выходу. Пытаясь сделать это незаметно, он вытер слезы.

После его ухода в комнате на миг воцарилась тишина.

— Возможно, — несмело кашлянул Григорий Иванович, — я имею право знать, что тут происходит.

— А пусть вот молодой челове… э-э… пусть вот молодой черт нам все и объяснит. Мне вот тоже многое не ясно. И давайте, Ксефон… я правильно произнес ваше имя? Так вот, давайте, Ксефон, начистоту, если мы хотим победить этого страшного Эзергиля.

Ксефон нахмурился. Потом кивнул.

— Ладно. А то вы наделаете дел от большого ума.

И все же Ксефон неподражаем. Если кого не оскорбил, то день прожит зря.

— Короче, это все наше школьное задание… — Ксефон довольно внятно изложил ту версию, что я ему подсовывал. И как теперь стараюсь затащить Алешу в ад, чтобы получить сразу две души: его и его матери.

— А что, в аду подобное в порядке вещей? — несмело поинтересовался художник. — Вы действительно воруете души?

— Да кому ваши души нужны! — хмыкнул Ксефон. — Вы и сами их нам несете. Вот еще, воровать. А здесь просто дело принципа. Самый простой способ выполнить работу. Все нормально.

Ну конечно! Раз самый простой способ, значит, я обязательно по нему пойду. Ню-ню. Только вот Ксефон забыл, что я не идиот и понимаю, что самый простой путь не значит лучший.

Тут, на миг отвлекшись от занимательной болтовни Ксефона, я обнаружил, что в комнате нет Алеши. Котенок мирно дремал на кресле, а самого мальчика не было. Эй, так не честно!!! Я так не играю! Почему он не взял котенка?! Но, оказывается, не один я заметил отсутствие Алеши. Это обнаружил и священник, хотя его, похоже, исчезновение мальчика ничуть не встревожило. Он только с тревогой посматривал на дверь. Ксефон же продолжал что-то монотонно бубнить по поводу моего коварства, когда дверь открылась, и в комнату вошел Алеша с отцом. Мальчик хоть и продолжал сторониться отца, но уже не шарахался от него в сторону. А Виктор Николаевич смотрел на сына так, как обычно смотрят на очень хрупкую и дорогую вещь, когда чуть сожмешь и расколешь. Было видно, что ему хочется поговорить, но он боится

разрушить только-только наметившийся контакт.

— Есть!!! — вскричал я, подпрыгивая на месте. Альена с испугом шарахнулась от меня в сторону, а потом обругала.

— Придурок, — резюмировала она.

— Ага, — согласился я, — но придурок гениальный! Как ловко я все провернул! Теперь главное, чтобы этот папаша чего не отколол. Например, чтобы не напился снова.

— Это я могу организовать. Пить ему точно не захочется.

Я хмуро посмотрел на Альену.

— Помнишь про герметичную комнату?

— Да что ты мне этой герметичной комнатой все в нос тычешь?!

— А то! Те проблемы, которые люди могут решить сами, должны ими и решаться. Или ты так не любишь Виктора Николаевича, что способна на подобное?

— А при чем тут моя любовь?! — изумилась Альена.

— А при том! Что, по-твоему, будет больше цениться на Весах Справедливости: его добровольный отказ от выпивки ради сына или же его отказ при твоем вмешательстве? Впрочем, возможно, ты настолько не веришь в этого человека, что ему действительно стоит немного помочь…

— Да поняла я, поняла! — вскричала Альена. — Ненавижу, когда ты прав. Тяжко знать, что ты можешь помочь человеку, и не иметь права этого делать!

— А ты поплачь. Легче станет. Вы же, девчонки, это любите.

— Эзергиль!!!

Я мысленно улыбнулся. Всего-то и требовалось разозлить ее, чтобы отвлечь от грустных мыслей. Одно замечание, и она снова в форме. Вон как глаза сверкают.

— А что, не так?

— Сейчас в лоб дам!

Она может. Вот ведь ангелочек.

— Извиниться?

— Обойдусь, — фыркнула Альена. — Наверняка, извиняясь, будешь держать фигу в кармане.

— А вот и нет! — совершенно честно отозвался я. В конце концов, честность всегда важна. Тем более при общении с ангелами. Я ведь собирался держать не одну фигу, а две. Но разве ей это объяснишь? Не поймет-с. Ангел.

Альена лишь фыркнула на мое оправдание и снова вернулась к созерцанию того, что происходит в комнате. А там, собственно, уже ничего и не происходило. Священник довольно настойчиво выпроваживал Ксефона. Тот упирался. В конце концов отцу Федору все надоело, и он просто благословил дом, после чего

Ксефон выскочил из него пулей, ругая на все корки «ненормального святошу». А мой шар лопнул. Я выругался.

— И что теперь? — поинтересовалась Альена.

Я задумчиво оглядел девчонку с ног до головы. Альена поежилась и подозрительно покосилась на меня.

— Ты чего это на меня так смотришь?

Я поднялся и обошел Альену по кругу. Девочка слегка попятилась.

— Ты чего задумал? Имей в виду, я в твоих пакостях не участвую! И вообще, мне даже общаться с тобой нельзя! И… и… это… вообще…

— Ты Алеше помочь хочешь?

— Конечно!

— Значит, нам надо знать, что происходит в доме.

— Ну… да.

— А я теперь, после того как священник благословил дом, уже не смогу в него пробиться. И ничего не смогу сделать.

— Правда?

— Не притворяйся идиоткой! Ты прекрасно все понимаешь.

— Ну а я то при чем тут?

— А при том! Ты сделаешь еще один шар и теперь будешь смотреть сама. Для тебя все эти благословения ничего не значат. Только сил прибавляют. Если, конечно, они сделаны от чистого сердца. А судя по тому, с какой силой меня вышвырнуло из дома, сделано это было именно так.

— Но у меня не получится! Мы это еще не проходили! Я не умею!

— Научу!

— Я…

— А ну цыц! Слушай меня! — Как ни странно, но после моего окрика Альена действительно замолчала. — На самом деле тут ничего сложного нет. Путеводную нить я тебе покажу, а вот пройти сквозь заслон ты должна будешь сама. Меня к дому даже близко не подпустят. Поняла?

Альена кивнула.

— У меня все равно не получится.

— А вот это брось! Сама ведь говорила, что главное поверить в себя! Вот и верь, черт возьми, в себя!

— Я постараюсь…

— А вот стараться не надо! Просто сделай!

Альена сердито запыхтела, но послушно принялась за дело, внимательно слушая мои наставления. Минут через пять она в отчаянии откинулась к стволу дерева.

— Ничего у меня не получается, — безнадежно буркнула она.

Я задумчиво посмотрел на нее, кусая губы.

— Есть у меня одна мысль… — начал я.

— Да?

— Помнишь, как ты меня в церковь провела?

— Ну уж нет… э-э… — Альена сердито уставилась на меня. — Ты уверен, что другого пути нет?

— Можем еще раз попробовать.

Альена мотнула головой.

— Ладно. Давай руку. Но это последний раз! Не слишком приятно впускать себе в мозги черта.

— Спасибо, я тебя тоже уважаю.

Альена что-то буркнула себе под нос и схватила мою руку.

— Приготовься.

Все было как и в первый раз. Правда, на этот раз я даже краешком сознания не заглянул к ней в мысли. Зато начал осторожно направлять ее движения, мысленно указывая, что делать.

— Альена, открой для меня ту часть сознания, с помощью которой ты пытаешься соединиться.

Я буквально кожей ощутил ее нежелание приоткрывать передо мной даже часть своего сознания. Однако, вопреки моим опасениям, она спорить не стала. Теперь я мог непосредственно изнутри наблюдать за тем, что делает Альена. Ошибку я нашел быстро и указал на нее.

— Ишь ты, — удивилась Альена. — Вот значит как. Ладно, попробуем.

Она моментально ухватила протянутую мной путеводную нить и устремилась по ней. Мгновение и… мы буквально свалились в комнату. Не материально, конечно. Однако для нас разницы не было.

— Вот это да! — удивился я. — Слушай, а ведь, похоже, это из-за священника и его благословения. Оно многократно усилило твои способности. Я и не знал, что вы, ангелы, при помощи людей усиливаете свои способности.

— Не все люди годятся, — отозвалась Альена. — Только немногие. Этот священник — один из них. А теперь тихо, мы сюда что, друг с другом болтать пришли? Давай слушать.

— Ангелам, между прочим, подслушивать нельзя.

Девчонка наградила меня презрительным взглядом.

— Заткнись, я сказала. Дожили, черт начинает указывать, что можно ангелам, а что нельзя!

Я промолчал. Во-первых, я не спорю с дамами. А во-вторых, мы действительно пришли сюда не болтать.

Я огляделся. Алеша мирно спал в кресле в обнимку с

котенком. Рядом с ним сидел его отец и с какой-то грустью глядел на сына. Изредка он протягивал руку, чтобы коснуться его, но в последний момент отдергивал ее, словно боясь разбудить. Похоже, ничего вокруг, кроме сына, его не интересовало. А вот священник был задумчив и медленно прохаживался по комнате.

— Не понимаю! — повторял он. — Я ничего не понимаю.

Григорий Иванович недоуменно смотрел на него.

— Что вас тревожит?

— Все. Все это.

Художник слегка замялся.

— Вы не верите, что тут были ангелы и черти?

Отец Федор на миг замер.

— Хотелось бы мне думать, что все это обман… но увы. Как вы иначе можете объяснить происходящее?

— Инопланетяне, — тут же отозвался художник. — Какая-то внеземная цивилизация, обогнавшая нашу на тысячи лет.

Священник задумался.

— Возможно. И зачем они все это устроили?

— Кто ж их знает?

— Нет. — Отец Федор покачал головой. — Когда я положил руку на плечо Ксефону… нет, не может быть. Да и вспомните свои ощущения, когда та девочка вдруг засверкала. Короче, давайте примем за данность, что они черти.

— Лучше уж инопланетяне, — буркнул художник.

Священник, похоже, его не расслышал.

— Тогда этот Эзергиль мне непонятен. Совершенно непонятен. Он, безусловно, умен. Гораздо умнее этого Ксефона, хотя и строит из себя этакого шутника и разгильдяя.

Хм, умнее Ксефона, тоже мне комплимент. Покажите мне того, кто глупее Ксефона. И никого я из себя не строю. Больно надо.

— И он очень старался убедить нас, что охотится за душами мальчика и его матери.

— А что не так? — очнулся Виктор Николаевич. Упоминание о сыне словно пробудило его.

— Все не так. Он показывал, как хочет получить души людей, и тут же чуть ли не в открытую рассказал о способе, которым его можно одолеть.

— Э-э… может, мы чего не поняли? — недоуменно переглянулись Ненашев и Рогожев.

— Вспомните! Этот Эзергиль достаточно прозрачно намекнул, что с ним бесполезно бороться разными там символами. Только верой. Но в то же время он высмеял фанатиков. Он не про слепую веру говорил. А про что-то другое…

про что же…

Ну думай, думай! Не дай мне в тебе разочароваться! Даром я, что ли, тут под носом у Ксефона разные намеки давал?

— Я, кажется, понял, — тихо проговорил Ненашев.

В самом деле? Ну-ка, интересно, что ты там понял. Уж на тебя я рассчитывал в последнюю очередь.

— Этот Эзергиль говорил еще про веру в себя. Он говорил о том, что Бог вокруг нас и в каждом из нас. И что каждый человек при желании может стать лучше… стать ближе к Богу. Главное поверить. Поверить в себя, поверить и захотеть сделать себя лучше. Сделать шаг.

Ха. А этот тип небезнадежен. Не пил бы, таким человеком мог бы стать. Жаль, нельзя посмотреть, какая семья получилась бы у Ненашевых, если бы Виктор не пил. Впрочем, с учетом всего, можно предположить, что очень и очень неплохая. Я покачал головой. Блин, ну вот самому ему не обидно?

— Возможно, — задумчиво согласился священник.

— Я уверен, что прав.

А сомнение, между прочим, признак интеллекта. Не надо быть слишком уверенным, а то легко стать самоуверенным.

— Возможно, — повторил священник. — Вот только непонятно, зачем Эзергиль давал нам эти намеки, если хочет победить? Что-то тут не так. Возможно, он и хочет, чтобы мы поверили ему, а истина где-то в другом месте.

В другом, в другом, мать вашу. Совсем в другом! Излишние сомнения, между прочим, тоже к добру не приводят.

Теперь на священника смотрели оба — и художник, и Ненашев. И ждали, что он сейчас изречет какую-то мудрую истину. У-у-у! А самим влом, что ли, подумать?

Однако священник и правда оказался умным. Он промолчал, когда заметил эти взгляды.

— Это все надо хорошенько обдумать, — задумчиво проговорил он. — Извините, но я пойду. Надо кое-что почитать. Виктор Николаевич, вам, наверное, не стоит возвращаться домой. Вас там наверняка ждут. Гм… я бы пригласил вас к себе вместе с сыном, но, боюсь, у меня тоже не совсем безопасно. Нас вместе видели слишком много людей…

— А зачем им куда-то уходить? — поинтересовался Григорий Иванович. — Пусть у меня переночуют.

Отец Федор внимательно посмотрел на художника.

— Вы понимаете, во что ввязываетесь? Те, кто охотится за этим чемоданом с деньгами, особо церемониться с вами не будут.

— Во что ввязываюсь?! А мне казалось, что я уже ввязался.

— Нет. Вам еще не поздно отступить.

— И бросить этого ребенка на растерзание разным сволочам?! Ну уж нет. И не переживайте за меня. Никто не знает, что они здесь.

Священник задумчиво кивнул и посмотрел на Виктора Николаевича. Тот растерянно пожал плечами.

— Мне бы не хотелось доставлять хлопоты хозяину. Он и так уже много для нас сделал.

Григорий Иванович молча приблизился к Ненашеву и прошипел прямо ему в лицо, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить мальчика:

— Неужели ты думаешь, что я отпущу ребенка с тобой после всего, что услышал?! Если хочешь, бери этот чертов чемодан с деньгами и проваливай, но Леша никуда отсюда не пойдет.

Ненашев испуганно отшатнулся, но тут же взял себя в руки.

— Вы… вы… — но под яростным взглядом художника сник. — Наверное, на вашем месте я тоже не смог бы доверять такому отцу…

— Убедите меня, что я не прав. Заставьте меня поверить в вас.

— Хм, не слишком ли часто мы в последнее время употребляем слово «вера»? — задумчиво поинтересовался отец Федор. — И ведь в точку. Вам, Виктор Николаевич, придется очень потрудиться, чтобы вернуть доверие людей… Ладно, я побегу. Надо кое-что уточнить. Постарайтесь без нужды не покидать дом и не светиться у соседей. Я завтра утром приду.

Дальше уже можно было не слушать. Ясно, что ничего важного не будет. Я дал знак Альене, и она прервала контакт.

— Что теперь? — поинтересовалась она.

Я задумчиво побарабанил пальцами по стволу дерева.

— Этот священник слишком умен, — пробормотал я себе под нос.

— С каких это пор ум считается преступлением? — едко осведомилась Альена.

— Не считается. Но беда в том, что он раскусил мои намеки. А значит, будет сомневаться в том, что они правдивы. Среди людей о чертях ходит уж слишком дурная слава.

— Удивительно.

— А ты не ехидничай, — вяло огрызнулся я. — Лучше скажи, что делать?

— А как насчет рассказать правду?

— Смеешься?! Хотя… — Я крепко задумался. — Такой вариант мне в голову не приходил.

— Конечно, где уж тебе могло прийти в голову рассказать все честно. Честность — это слово вообще не из твоего репертуара.

— Ну это ты напрасно. Иногда можно обмануть и честностью.

— Хватит! Лучше объясни, что задумал?

— Сама же сказала. Все расскажем честно.

— Ты уверен?

Я вздохнул и подумал. Понравилось. Еще раз подумал. Так, шуточки, шуточки. А это значит, что ни в чем я не уверен. Но делать что-то надо. Ведь раскусил меня священник. Точно раскусил. Только никак не может понять, зачем я ему все это выложил. Значит, будет сомневаться. Проверять и перепроверять. А это потеря времени. Более того, он может мне совсем не поверить. Тогда ой…

— Боюсь, что выбора у нас нет, — вздохнул я.

— А почему боишься?! — сразу взвилась Альена. Блин, ну что она к словам-то цепляется! Сейчас я в чем не прав? Правда, Альена тут же мне все объяснила: — Ты не боишься только тогда, когда управляешь людьми напрямую, да? Когда они пляшут под твою дуду!

— Ну… прямо так бы я не сказал…

— Именно так! Вот что, Эзергиль, учись доверять людям!

— Людям?

— Людям!

— Фиг. А вот священнику я, пожалуй, доверюсь.

— А он что, не людь? Или доверишься, потому что священник?

— Вот уж нет! Еще чего, попам доверять. Я доверюсь ему потому, что он умен. А это единственный критерий, который может заставить меня кого-то уважать.

Альена фыркнула и отвернулась. Кажется, она обиделась. Хм, интересно, и что я такого обидного сказал?

— Пошли, что ли, — как-то бесцветно отозвалась она.

Так, похоже, она действительно обиделась… и тут до меня дошло. Мать, мать, мать… я же неоднократно дразнил ее троечницей!!! Вот она и приняла последние мои слова на свой счет! Раз троечница, то не умна, а значит, я ее не уважаю! О, матка бозка… тьфу, тьфу, совсем с катушек из-за этой девчонки съехал! Уже молитвы начал читать! Но ведь я же ее совсем не имел в виду! Уж кем-кем, но дурой я Альену никогда не назову. Может, лентяйка, да, слегка безалаберная, но не дура. Извиниться, что ли? Только хуже будет. С другой стороны, значит, мое мнение о ней для нее важно. О! Классно! Я мигом воспрянул духом.

— Альена, ты умница!!! — прокричал я чуть ли не на весь парк, кидаясь к ней, и, опершись на ее плечо, подпрыгнул в воздух так высоко, как смог.

— Ты!!! Сумасшедший!!! Кретин!!! Болван!!! — Девчонка, не удержавшись на ногах, рухнула на землю и теперь старательно меня обругивала. Я же только хохотал в ответ. В конце концов Альена выдохлась и подозрительно уставилась на меня. — А ты, часом, не заболел? — поинтересовалась она.

— Заболел, — со смехом признался я. В конце концов все люди признают любовь болезнью. И угораздило же меня полюбить ангела! Ужас! — Еще как заболел! Но лечиться не хочу.

Альена выразительно покрутила пальцем у виска и зашагала к выходу из парка. Я поплелся за ней, мысленно представляя, какая Альена будет, когда получит крылья. Зрелище получилось сногсшибательное. Я оглядел себя с ног до головы и вздохнул. Даже с хвостом я не буду красавцем. Зато умен. Умен, этого не отнять. А уж скромный…

Успокоенный этими мыслями, я зашагал уверенней, гордо подняв голову. Вперед! Если в одной команде действуют ангел и черт, то кто против нас? Кто?! Вы?!!..

Глава 4

Узнать адрес священника было не очень сложно. Достаточно послать запрос в рай или ад. Так что довольно скоро мы стояли перед дверью его квартиры. Я осторожно потрогал дерево.

— Мне туда нельзя. Никак.

Альена с сомнением оглядела дверь и покосилась на меня.

— Об этом мы не подумали. А ведь он сильный целитель душ. Очень сильный. В этом мы могли убедиться.

— И что же делать? — Впервые я не знал, как поступить дальше, и это меня слегка нервировало.

Мы вдвоем стояли на лестничной клетке и растерянно смотрели друг на друга. Альена посмотрела на дверь.

— Подожди, — попросила она. Я не успел ничего ответить, как она скрылась за дверью. Хм, интересно. Командовать — это вообще-то моя прерогатива. Девочка растет. Я даже загордился собой, искренне считая, что это моя заслуга.

Тут, прерывая мою законную гордость, из двери показалась голова Альены.

— У меня есть идея. Помнишь, ты вошел в церковь?

— Помню, конечно. Ты сняла с нее благословение… ты что, хочешь то же самое проделать с квартирой?! С ума сошла? За что так с отцом Федором? Он хороший человек.

Альена поморщилась и показалась из-за двери вся.

— Знаю. Поэтому мне и требуется разрешение от тебя. Снять-то я могу, а вот потом без официального разрешения ада вернуть обратно уже шиш. Ведь мое благословение будет весить гораздо выше, чем любое от священника. Таким не кидаются. А так, ради дела. Если ты дашь, как представитель ада, это разрешение…

— Хм, а если я пообещаю дать, а потом не дам?

Альена хмуро посмотрела на меня.

— Эзергиль, порой твои шутки очень глупы.

— Извини. Конечно, я согласен. Отец Федор — хороший человек. Его стоит уважить.

Альена кивнула и снова скрылась в квартире. Ловко у нее стало получаться. Научилась. Моя школа!

Додумать мне опять не дали. Из-за двери показалась рука, ухватила меня за воротник и втянула в квартиру.

— Долго ты там прохлаждаться намерен? — раздраженно поинтересовалась Альена.

— Я?! Я?! — От возмущения я не мог даже слова сказать. Меня за шкирку! Как нашкодившего котенка! Да еще сказать, что я прохлаждаюсь!!!

— Идем, — велела Альена, даже не слушая моих возмущенных воплей.

Я решил быть гордым и не обращать внимания на женские глупости. Я должен быть выше всего этого. И для начала надо осмотреться. Так, что тут у нас? Коридор. А ничего, уютно. Сделано неброско, но со вкусом.

Я рассмотрел шкаф в прихожей, явно сделанный собственными руками. Но как сделанный… Да, этот отец Федор умел работать не только головой, но и руками. Я осторожно коснулся небольшого колокола, подвешенного на стене за какой-то крюк. Слегка дернул за свисающую веревку. По прихожей разнесся мелодичный звон.

— Кто там? — поинтересовался голос священника. Мгновение, и перед нами вырос сам отец Федор. Весь настороженный и сжатый, как тугая пружина, в единый миг готовый высвободить всю энергию. При виде нас он растерянно хлопнул глазами и расслабился.

— Вы??? — удивленно спросил он.

— Мы, — согласился я. — В гости. Можно?

— А как вы вошли?

Альена молча прошла сквозь дверь в общий коридор и таким же путем вернулась.

— А…

— Нам можно войти? — опять поинтересовался я.

— Так вы же уже вошли. — Священник сумел взять себя в руки и теперь с интересом смотрел на нас обоих. — Значит, вы все-таки не черт и ангел, как и предполагал Григорий.

Мы с Альеной переглянулись.

— Ага, — признал я. — Мы инопланетяне. Зеленые человечки. Прилетели на летающей… как там ее, супнице.

— Тарелке, — серьезно поправила меня Альена.

— Ну да, тарелке. Хотя не понимаю, почему не в супнице. Туда больше влезет.

— Больше влезет чего? — так же серьезно поинтересовалась Альена.

— Еды, а вовсе не того, о чем ты подумала.

— А откуда ты знаешь, о чем я подумала?

— А о чем еще может подумать такая испорченная и невоспитанная инопланетянка, как ты?

— Так, а ну стоп! — Отец Федор замотал головой. — Вы что тут сейчас делаете?

— Издеваемся, — вежливо сообщил я ему.

— Ага. Ясно. Зачем бы вы ни пришли ко мне, но вряд ли просто проходили мимо. Чая хотите?

Мы с Альеной переглянулись.

— Не откажемся.

— Тогда милости прошу. Только один вопрос. Если ты действительно черт, то как ты вошел в мою квартиру? Я же все-таки священник.

— Эка невидаль. Ну и что, что священник? Это не дает вам индульгенцию. Кстати говоря, мы предпочитаем термин не священник, а целитель душ.

— Хм, а в чем разница?

— А в том. Священников много, но не все из них целители душ. А многие целители душ не священники. Ясно? Это вы, люди, сами назначаете себя целителями душ. Но вы не понимаете, что и спрос с таких людей особый. И то, что простится обычным людям, вам не спустят. А попал я сюда с помощью ее. — Я кивнул на Альену. — Она провела. Как, вам лучше не знать. Поверьте. Но и награду за это вы получите большую. Правда, как вы понимаете, не материальную.

Отец Федор затряс головой.

— Стало еще непонятней, — признал он.

— Тогда, может, стоит начать сначала? — поинтересовалась Альена. — Собственно, за этим мы и пришли. Чтобы рассказать вам все.

— Гм. Вот как? И за что мне такая честь?

— Вы очень умны, — признал я. — Вы все равно все поняли. Правда, сделали неправильные выводы. Но оно и понятно — у вас слишком мало данных. А сделав неправильные выводы, вы начнете действовать неправильно. Собственно, вы и стали действовать неправильно, когда пошли в вашу церковную библиотеку. Вы стали искать знания, когда нужна вера.

— Слепая вера? — со смешком поинтересовался священник. — А кто тут говорил, что не любит фанатиков?

— Настоящая вера слепой не бывает. Ибо вера — это всего лишь открытая дверь в душе для Него. Вы, люди, все так усложняете.

— Да-с. — Священник задумался, но тут же очнулся. — Да проходите вы, что стоите? Вон там тапочки. Разувайтесь. А я пока чайник поставлю.

Мы кивнули. Альена первая скинула свои кроссовки, надела предложенные тапочки и зашлепала на кухню. Я же немного задержался, поскольку вынужден был расшнуровать ботинки. Так что на кухне я оказался последним.

Отец Федор стоял у плиты и что-то засыпал в заварник. Похоже, там был не только чай. Около него находился включенный чайник. Священник махнул мне рукой на свободный

стул рядом с тем, где уже устроилась Альена. Я молча сел, терпеливо дожидаясь, когда священник освободится. От нечего делать я стал разглядывать кухню. Сразу бросались в глаза иконы в углу. На подоконнике стояли цветы. Совершенно незнакомые. Какая-то редкость. Вот уж не подумал бы, что наш священник занимается ботаникой. Впрочем, у каждого свои недостатки. «Well, nobody's perfect!» — как говорится.

Тут я заметил, что отец Федор хоть и делает вид, что занят, но украдкой посматривает на нас.

Я под столом пихнул Альену и в ответ получил тычок еще более мощный. Я поморщился и погрозил девчонке кулаком. Она отвернулась, гордо задрав нос. Вот и поговорили.

Отец Федор водрузил на стол заварник и положил две тарелки. Одну с печеньем, а вторую с шоколадными конфетами. Потом достал из холодильника небольшую банку варенья.

— Вот, — поставил он ее на стол. — Моя мама делает. Пальчики оближешь.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Альена.

— Спасибо, — поблагодарил и я. — Ежели что, я замолвлю у нас словечко за вас.

— Эзергиль! — Альена гневно уставилась на меня. — Ты своими шуточками меня уже начал доставать! Еще нечто в таком духе и я на время забуду, что я ангел!

— Удивительно! Забудешь? А ты разве помнила об этом?

Альена сквозь зубы выругалась и приподняла сахарницу, словно взвешивая ее.

— А ну стоп! — поспешно вмешался отец Федор. — В моем доме никто не будет ничем кидаться.

— Извините. — Альена покраснела. — Но этот тип доведет кого угодно. Даже у ангелов терпение небезгранично.

— Так. — Священник сел за стол и разлил по чашкам заварку. — Ребята, давайте поговорим откровенно и честно…

— Затем и шли, — буркнул я, с опаской поглядывая на Альену, которая все еще косилась в сторону массивной сахарницы и многозначительно посматривала на меня. Этот взгляд почему-то сильно меня нервировал.

— Вот и хорошо. Тогда давайте забудем все эти истории об ангелах и чертях, и вы честно расскажете, кто вы такие.

— Он нам не верит, — заметила Альена.

— Какое тонкое наблюдение, — съехидничал я. — Отец Федор, придется вам поверить, ибо мы действительно те самые, за кого себя выдаем. Я черт Эзергиль. Родился в аду сто двадцать лет назад в семье добропорядочных чертей, если, конечно, не считать одного досадного субъекта, которого мой отец считает

позором семьи.

— Да вы гордиться им должны! — взвилась Альена. — Монтирий — самый лучший ангел на свете!!!

— Вот-вот, именно про это я и говорю. Моя спутница, как вы уже успели понять по ее изысканным манерам, вежливости, кротости и потрясающему терпению, ангел…

— Эзергиль!!!

— Я разве не прав? — Я невинно посмотрел на нее доверчивым взглядом и захлопал ресницами.

— Однажды… однажды…

— Это будет однажды, — отмел я ее попытку заговорить. — Итак. Как я уже сказал, моя спутница — ангел. Ее зовут Альена, но это имя вам ни о чем не скажет. Впрочем, как и мое. Но это временное явление. Ах, это я уже говорил. Извините. Так, о чем я? Ах да. Еще я умный и скромный. Впрочем, это вы тоже сумели оценить.

— Сумел, — серьезно кивнул священник. — Каждый из нас и умный, и скромный, и добрый. Но вот некоторые просто не умеют этого показать.

Альена невежливо хмыкнула. Я скис.

— Вообще-то подначки — это моя обязанность. Ну ладно. Если не хотите слушать, то не надо.

Я отхлебнул сразу половину стакана чая.

— Эзергиль, ты забыл, зачем мы пришли? — поинтересовалась Альена.

— Вот и я над этим же думаю, — признал священник. — Допустим, пока только допустим, что вы говорите правду. И вы действительно те, кто говорите. То есть ангел и черт. Однако вы не находите, что ваша компания довольно странна? Ангел и черт, везде появляющиеся на пару. Вы ведь должны э-э… не любить друг друга.

— Кому это мы должны? — осведомился я. — И почему?

— Ну… у вас ведь разные цели и все такое прочее.

— Так. Про прочее пока не будем. Давайте поговорим о целях. С чего вы решили, что они у нас разные?

— Ну как же, черти же враги рода людского, падшие ангелы, мечтающие уничтожить творение Господа.

Я подозрительно посмотрел на священника. Он казался предельно серьезен, но все же что-то заставляло меня усомниться в том, что он действительно так думает. Я молча допил свою чашку чая и налил еще.

— Вкусный у вас чай, — признался я. Альена согласно кивнула. Она пила небольшими глоточками с печеньем. Когда я начал второй стакан, она выпила всего чуть-чуть.

— Действительно хороший. Это я научился в армии. Был у нас там один сержант… Впрочем, это, как я понимаю, сейчас не важно. Продолжайте, уважаемый черт.

Еще издевается. Ну ладно.

— Хорошо. — Я решительно отставил свой чай, сцепил пальцы и облокотился на стол, твердо смотря на отца Федора. — Давайте отложим в сторону взаимные подначки. Мне не очень хочется играть в игру «кому раньше все это надоест». Считайте, что вы победили.

Священник кивнул.

— Я сразу понял, что ты умнее Ксефона.

— Умнее Ксефона быть не трудно. Гораздо труднее быть глупее его. А Ксефон так, мелкий пакостник. Как был им, так и останется. Я же с вами хотел поговорить вовсе не из-за него. Чтобы все прояснить, сразу скажу, что я слышал весь ваш разговор с художником. Слышал и его смешное предположение о том, что мы инопланетяне.

— Об этом я догадался. А подслушивал ли нас Ксефон?

— Нет! — Я решительно тряхнул головой. — Вы священник, говоря понятным для вас языком. Хотя и в аду, и в раю слово священник уже настолько скомпрометировано, что мы предпочитаем другой термин — целитель душ. Так вот, вы целитель душ. Причем сами плохо понимаете свою силу. Вспомните хотя бы то, что случилось с Ксефоном. Как вы его обожгли своим прикосновением.

— Но с тобой это не прошло.

— Причину я объяснил. Она истинна. Вспомните, с какой целью вы подходили к Ксефону и с какой ко мне. К нему вы подошли помочь, искренне желая ему добра. А ко мне? Мне вы желали неприятностей. Неужели вы собрались бороться с чертом темными чувствами? Вам самому не смешно?

— Ах, вот оно что. Подставь вторую щеку.

Я поморщился.

— Вы, люди, воспринимаете все так буквально.

— Эзергиль, переходи к делу, — не выдержала Альена.

— Ах да. Ладно, оставим этот разговор.

— Один момент. Мне не совсем понятно, почему Ксефон не мог нас подслушать.

— Да потому что вы пожелали добра тому дому, — рявкнул я, выведенный из себя непонятливостью священника. — Вы благословили его. И ничто злое уже не могло проникнуть внутрь.

— А ты?

— Тьфу! Да почему вы решили, что я — зло?! Мать вашу!!! Вы что, совсем думать разучились? Почему это я — зло?!!

— Эй, не надо так нервничать. — Отец Федор с какой-то оторопью посмотрел на меня.

— Ладно, извините. Конечно, я тоже не мог заглянуть. Но вовсе не потому, что я зло. Просто ваша энергетика и моя взаимно неприемлемы. А вот она могла. — Я кивнул на Альену. — Она подслушала. Я тоже слышал все. Через нее.

— Ангел подслушивал? Мне казалось, что ангелы — это такие… такие…

— Добрые, честные, чистые душой. Ага-ага. Тьфу. Да поймите вы, что мы не зло и не добро! Мы всего лишь ваше отражение! Отражение вашей веры! Мы такие же, как и вы! Не лучше, не хуже.

— Постой-постой, — насторожился священник. — Что ты там говоришь про отражение?

— А вы еще не поняли? Мы существуем только до тех пор, пока вы, люди, в нас верите. Вы бессмертны, мы нет. Мы как костыли для вас. Указываем путь, направляем, наказываем. И в тот момент, когда вы, люди, перестанете нуждаться в таких костылях, мы исчезнем.

— А Бог?

— Ой, попрошу только при мне о нем не упоминать. Однако отвечу. Он создал вас. Вы, люди, создали нас. Намек ясен? Мы такие, какими видели нас вы. Во времена инквизиции ангелы и черти тоже устраивали войны. Ангелы спасали людей, мы наказывали. Шли войны за души. Сколько тогда ангелов погибло от рук чертей, а сколько чертей от рук ангелов! Постепенно вы взрослели и мы взрослели. Вы стали прагматиками, мы тоже. Сейчас все сошлись на том, что ангелам и чертям нечего делить, поскольку каждый делает свое дело. Еще раз повторю: мы не можем быть лучше или хуже вас. Мы такие же, как и вы. Со всеми вашими достоинствами и недостатками.

Священник потряс головой.

— Для меня все это несколько необычно.

— Верю. И я лучше расскажу, с чего все началось. А началось все с моего дяди, которого отец считает позором семьи, поскольку тот подался в крылатые. Это мы так ангелов называем. Он приехал в ад по своим делам и взял меня в министерство наказаний. Там я и повстречался с одной неприкаянной душой…

Я начал рассказывать о том, что происходило со мной и как я оказался на Земле. Отец Федор, забыв обо всем, слушал меня, открыв рот. Видно, для него мой рассказ был шоком. Очевидно, ад он себе представлял несколько иначе. А тут… такие же города, такие же жители со своими заботами, радостями и печалями. Только с хвостами.

— Вот, собственно, и все, — закончил я. — Я бы вам ничего не сказал, но вы и сами догадались о моих намеках. Однако вместо того, чтобы поверить в них, стали искать подвох. Стали бы сомневаться. А это ни к чему хорошему не приведет.

— Эзергиль, — как-то тихо и печально позвала меня Альена.

— Да? — Я повернулся к ней.

— Я только сейчас поняла. А ведь твой дядя просто использовал меня. Его дорогому племяннику нужна была помощь, и вот он отыскал восторженную дурочку.

Я расхохотался. Альена обиженно уставилась на меня.

— Что тут смешного?! Что я сказала смешного?!!

— Да все. Ой, не могу. Альена, ты просто не знаешь моего дядю так, как я. Начать с того, что он ангел. А это накладывает определенные обязательства. Во-вторых, уж мне бы он точно такую подлянку подкидывать не стал. Сначала я тоже думал, что он специально мне в помощь тебя направил, ибо не верил мне. Однако дядя всегда говорил, что высокого мнения обо мне. Ты представляешь, как я буду себя чувствовать в том случае, если он меня обманет в своем доверии? Нет, дядя точно на подобное не пойдет. Скорее всего, у него были какие-то свои планы…

Я догадывался какие, и мне это сильно не нравилось. Но рассказывать о догадках Альене я не собирался. Во-первых, это все-таки догадки, а во-вторых, не видел причин, зачем ей это надо было знать.

— В любом случае, — закончил я, — помочь несчастному ребенку и его матери — очень нужное дело. Чем ты недовольна?

Альена слабо улыбнулась.

— Да нет, все правильно. Прости, что усомнилась.

Я обратил внимание на то, что священник слушал нас очень внимательно. Я покосился на него. Тот, заметив мой взгляд, опустил глаза.

— Да-а-а, как все неожиданно. Если это правда… Хм. Мальчик, ты рушишь всю построенную систему. Опрокидываешь все общеизвестные факты.

— Общеизвестные факты? — хмыкнул я. — Открою вам страшную тайну. Нет ничего более обманчивого, чем общеизвестные факты. А что касается системы… как я ее рушу? Вы ведь не побежите по всему городу рассказывать о том, что узнали от меня?

— Если не расскажу, то будет обман.

— Гораздо хуже будет, если вы расскажете. Да вы и сами это понимаете. Батюшка, эта правда из тех, до которой люди должны доходить сами. Они сами должны понять, что нет добра и зла, а есть только поступки, которые либо приближают вас к Нему, либо

отдаляют вас от Него. И Ему не нужно ваше поклонение или служение. Ему вы нужны как равные, как помощники, а не рабы.

— А никто и не говорит о рабах.

— Ага, конечно. Раб божий — это просто оборот речи. Федор Иванович, слова — это оружие гораздо страшнее всех ваших бомб. Уж вы-то, казалось бы, должны понять это. В конце концов, люди и становятся теми, кем себя назначают сами. Только перестав быть рабами кого бы то ни было, даже рабами Его, вы сможете подняться к Нему! А дальше — думайте.

Священник покосился на Альену. Девчонка кивнула.

— Он прав. Судите сами, зачем Богу рабы? Если бы Он хотел получить рабов, то не наделил бы людей свободой воли. Он же хочет от вас только совершенствования, чтобы однажды вы смогли встать рядом с ним как помощники в творении. Помощники, но не рабы. Ибо раб не способен творить.

— Тогда странно, что Бог не наделил людей крыльями, чтобы человек смог взлететь к Богу.

Мы с Альеной дружно вздохнули.

— Вы ведь сами так не думаете, — заметила девочка.

— А если бы Он дал людям крылья, — едко добавил я, — то они стали бы мешать им ползать. К Нему нельзя подняться на подарке. Ясно? До крыльев надо дорасти сначала.

— Ладно. Спорить с вами не буду. Сделаем вид, что вы мне ничего не говорили.

— Правильно, — согласно кивнул я. — Это самый простой выход.

Отец Федор подозрительно посмотрел на меня.

— Кажется, я слышал упрек.

— Упрек? Нет. Я просто сказал, что это действительно проще всего. Ничего не видеть и не слышать. А если не видел и не слышал, то и не несешь ответственность. Черт побери!!! — рявкнул я. — Я ведь рассказал вам все это не только потому, что хотел добиться от вас помощи!!! Мы бы и без вас справились. С трудом, но справились! Мне ведь показалось, что вы умный человек, гораздо умнее многих, и что вы поймете! Пойдем, Альена, кажется, нам здесь нечего делать.

Я решительно поднялся и направился к выходу. Альена тоже поднялась. Неуверенно потопталась на месте и направилась за мной.

— Постойте, — как-то жалобно позвал священник. — Но не могу же я выступить против всего мира.

Я обернулся в дверях.

— А разве мы это просим? Мы не предлагаем вам изменить мир. Мы лишь просим изменить себя.

— Всего лишь, — хмыкнул отец Федор.

— Да, — кивнула Альена. — Это сложнее, чем изменить мир. Вы поможете нам спасти мальчика, его мать и отца?

— А разве отцу еще можно помочь?

— Он так ничего и не понял, — вздохнул я. — Прощение мальчика многое значит. В этой ситуации отцу Алеши уже не избежать кары. Но для будущего… говоря проще для вас: сейчас речь идет о том, в каком виде придет личное дело Ненашева на следующую работу — с пятном или без. Позволят ему начать с чистого листа, или его проступок навечно запечатлеется на его душе. Так ясней?

— И почему для черта это так небезразлично?

— Да именно поэтому и небезразлично, что я черт, а не человек!

Священник опустил глаза.

— Устыдил. И потом, вы же знаете, что я так и так стал бы помогать мальчику.

— В помощи нуждается не только он.

— Я всегда старался помогать всем нуждающимся.

— Знаем, — кивнула Альена.

— И вот тут у меня возник один вопрос. — Священник посмотрел на меня. — Тут вот некоторые говорили о помощи другим и тому подобное. А как все это соотносится с тобой? Судя по твоему рассказу, ты играешь людьми как игрушками, заставляя их делать то, что нужно тебе.

Я вежливо улыбнулся.

— Вы не забыли, кто я? И потом, вы сделали неправильный вывод. Я НЕ ИГРАЮ людьми. Я только даю им то, что они хотят. Если они хотят, чтобы ими управляли, я это делаю. Чувствуете разницу?

— Ты хочешь сказать, что люди хотят, чтобы ими управляли?

— Большинство да. Думать самостоятельно очень утомительно. Гораздо проще думать по подсказке.

— Допустим. Эти твои грабители, которые приставали к Алеше, те продажные милиционеры. Тот священник… ох, как у меня руки чешутся поговорить с ним…

— Не суди и несудим будешь, — отрезала Альена. — Не вам выносить суждения о том человеке.

— Наверное, я все-таки еще не такой хороший целитель душ, как вы говорите, — хмыкнул отец Федор.

— Вы хороший целитель. Но вы еще и человек. — Альена покачала головой. — Не надо все усложнять.

— Ладно-ладно. Понял. Но я хотел спросить о Ксефоне. Он тоже хотел, чтобы им управляли?

— Ксефон хотел, чтобы управлял он. — Мне надоело торчать около двери, и я вернулся за стол. Взял из вазочки печенье. — Я ему чуть-чуть помог. Разве я виноват, что кукловод сам превратился в куклу? Ксефон пропустил множество занятий. А ведь нам говорили, что такова судьба всех кукловодов. Однажды такой человек просыпается и обнаруживает, что кто-то так же держит в руках его ниточки, как он держал ниточки других людей.

— То есть ты совсем ни при чем? — осведомился Федор Иванович.

— Почему? Очень даже при чем. Вы так и не поняли роли чертей. А мы ведь всего лишь судьба. Мы даем то, что люди хотят. А выбор люди делают сами. Мы не можем вмешиваться. Поймите. Люди свободны в своем выборе.

— Хм. У меня уже голова кружится от всего этого. Все-таки, наверное, я еще плохой священник. Будь здесь мой учитель, он нашел бы что тебе сказать…

— Видите ли, меня как-то мало интересует, что мог сказать мне ваш учитель. Меня больше заинтересовало бы, насколько он был бы в своих словах искренен. Насколько он сам верит в них. Э-э… — Я повернулся к Альене, ища поддержку, и обнаружил, что она положила голову на стол и уже спит. Я только рот открыл. Отец Федор тоже посмотрел на нее.

— Вот ведь. Совсем вас замучил своей болтовней. Вот что, ребята, ангелы вы там или черти, но, кажется, вам пора спать. Давайте я вам постелю. Нечего вам на ночь глядя мотаться по городу.

— Но…

— А ты молчи. Тоже мне, мужчина. Девочка вымоталась до предела, а ты даже не даешь ей отдохнуть.

— А я при чем тут?! Она сама в состоянии о себе позаботиться!!

— А ну цыц! Идем. Девочку уложим на кровать, а тебе я постелю на полу.

— Это почему еще? Она уже уснула, и ей все равно, где спать! А я на полу не усну.

Священник оглядел меня долгим взглядом.

— Вот теперь я верю, что ты черт.

Почему-то это прозвучало очень обидно. Хм, подумаешь. Шуток не понимает. Я же ведь только пошутил. Конечно, я не собирался заставлять Альену спать на полу. Насупившись, я зашагал следом за священником. Тот уже застелил диван в маленькой комнате и теперь разворачивал на полу какое-то одеяло. Видно, оно предназначалось для меня. Тут отец Федор

накинул сверху простыню и бросил подушку. Из шкафа достал еще одно одеяло.

— Ложись, — кивнул он мне. — А я сейчас.

Я покосился на постель. На себя. Хмыкнул и хлопнул в ладоши. Через мгновение моя одежда превратилась в пижаму. Да-с, дома у меня так не получилось бы. На Земле способности чертей и ангелов почему-то возрастали многократно. Хотя ясно почему. Ведь здесь же и был источник веры.

В комнату вошел отец Федор, осторожно неся на руках Альену. Та даже не проснулась. Во дрыхнет человек! Я даже позавидовал. Священник с некоторой оторопью уставился на мою пижаму. Я молча подошел к нему и провел рукой над спящей девочкой. Прямо на глазах ее одежда тоже превратилась в пижаму.

— А все-таки быть чертом бывает очень неплохо, — невинно заметил я.

Священник моргнул. Я заметил, что ему ужасно хочется перекреститься, но для этого придется бросить спящую девочку. Мне оставалось только порадоваться этому. Без Альены мне пришлось бы срочно улепетывать после этого.

— Только не креститесь, пожалуйста, — поспешно попросил я. — Вы же не хотите, чтобы я гулял в пижаме по улицам города? Я тогда простужусь, могу умереть, и вы в этом будете виноваты. Вас совесть начнет мучить.

Отец Федор хмыкнул. Уложил Альену в кровать и накрыл ее одеялом. Я мельком заметил какую-то грусть, промелькнувшую во взгляде священника.

— У вас дети есть? — вдруг спросил я, оглядывая комнату. Уж очень походила она на детскую.

Священник обернулся ко мне. Некоторое время в упор смотрел на меня. Я взгляда не опустил.

— Есть, — кивнул он. — Дочь. Чуть старше вас.

— Серьезно?! — изумился я. — И сколько ей? Сто двадцать пять лет?

Отец Федор непонимающе посмотрел на меня, потом беззвучно рассмеялся.

— Совсем забыл, кто вы такие. Смотрю на вас, ну просто двенадцатилетние ребята.

— Внешность обманчива, — наставительно проговорил я, довольный своей уловкой — грусть из взгляда священника пропала.

— Да уж.

— А что с ней стало? Если не секрет, конечно.

— Да какой секрет. Ушла от меня жена. И дочь забрала с

собой. С тех пор их и не видел.

— А-а. Извините.

Священник посмотрел на меня.

— А вот сейчас ты на черта не похож. — Он молча вышел и закрыл дверь.

Я посмотрел ему вслед. Похож, не похож. Можно подумать, он много чертей видел. Но эта мысль была последней. Я заснул.

Глава 5

Поскольку я уже успел неплохо выспаться в кутузке, то проснулся довольно рано. Вспомнив свой конфуз, я решил потренироваться с улыбками. Мысленно связавшись с тем деревом, внутри которого я оставил свои вещи, я попросил его переслать мне книгу из сумки. Через несколько секунд передо мной уже лежала книга в невзрачной обложке. Я аккуратно раскрыл ее и подошел к зеркалу. Посмотрел на фотографию в книге и попытался скопировать улыбку. Взглянул на отражение. Хм, вроде неплохо получилось. Я еще раз посмотрел на фотографию и повторил улыбку. На этот раз вышло хуже. Я вздохнул и принялся отрабатывать улыбки. За этим занятием время пролетело совершенно незаметно.

— Ты чего это рожи себе корчишь?

Я обернулся. Альена, приподнявшись на локтях в постели, с недоумением посматривала на меня.

— Ничего ты не понимаешь, — обиженно буркнул я. — Скажешь тоже, рожи.

Девочка вылезла из-под одеяла и оглядела себя.

— Слушай, ты бы вернул мне мою одежду, — попросила она. — В пижаме как-то неудобно ходить.

Не оборачиваясь, я хлопнул в ладоши.

— Отлично. Так ты расскажешь, что делаешь? — Альена встала рядом со мной и попыталась заглянуть мне через плечо.

— Улыбки отрабатываю. По совету из книги.

— Чего?! Улыбки отрабатываешь? — Альена недоуменно уставилась на меня. — По совету из книги? Какой?

— Вот этой. Серия ЖЗЧ. В смысле книга серии «Жизнь замечательных чертей». Это о Мефистофеле.

Альена с любопытством уставилась на книгу.

— А-а, твой идеал. Ты как-то говорил. А зачем улыбки отрабатывать?

— Ты ничего не понимаешь, — отмахнулся я. — Улыбка для черта — это все. Она как визитная карточка. С ее помощью черт должен уметь управлять своим собеседником.

— Ух ты. — Альена вытащила у меня из руки книгу и взглянула на фотографии черта в ней. Просмотрела несколько видов улыбок. Прочитала подписи. — Ужасно, — оттолкнула она книгу. — Я всегда считала, что улыбка прежде всего должна быть искренней, а все остальное — чушь. А управлять с ее помощью… это подло просто.

— Ничего подобного! Это ужасно чертово.

— Я и говорю, подло. Эзергиль, зачем тебе это? У тебя такая хорошая улыбка. Но когда ты следуешь советам из этой книги, меня тошнить тянет от твоего вида. Как я понимаю теперь, все твои гримасы были из нее.

Я с сомнением взглянул на книгу. Потом на Альену.

— Тебе правда моя улыбка нравится?

— Конечно. Она у тебя очень милая. Такая задорная. А то, что ты изображаешь из книги… жуть.

Я улыбнулся. Альена обошла меня кругом. Потом быстро достала из кармана зеркало и протянула мне.

— Правда, здорово?

— Наверное, — пожал я плечами, рассматривая себя. Потом повернулся к большому настенному зеркалу. Улыбнулся так, как показано в книге. — Хм. Ты знаешь, а ты права. Я понял, главное — искренность в чувствах. Если поверить в то, что хочешь показать, то и улыбка получается такой, какой нужно. Главное — понять, какие чувства ты хочешь внушить собеседнику, и внутренне настроиться.

— Эзергиль!!! — Альена гневно топнула ногой. — Я вовсе не это хотела тебе объяснить! Я хотела сказать, что искренность гораздо лучше любого обмана!

— Я понял, — кивнул я. — Я же говорю, спасибо. Если искренне поверишь в те чувства, которые показываешь, то и улыбка будет искренней. Теперь надо только потренироваться.

— С тобой невозможно общаться, Эзергиль! — Альена гневно отвернулась, махнув своим «хвостом» едва мне не по лицу. — И ты ничуть не лучше остальных чертей, о которых нам рассказывали в школе! Даже хуже!!!

Девчонка выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Я проводил ее растерянным взглядом. Я вовсе не хотел ее обидеть. Честное слово не хотел. И что на нее нашло?

— Вижу, вы встали? — В комнату заглянул Федор Иванович.

Я посмотрел на книгу в руке. Щелчком пальцев отправил ее обратно в дерево.

— Встали, — буркнул я.

Священник задумчиво оглядел меня. Я, стараясь не обращать ни на кого внимания, прошел в ванную. Дверь оказалась заперта. Я подергал ее. Потом навострил уши. Из ванной раздавались подозрительные всхлипыванья. Я покосился на замершего рядом священника и постучал.

— Уйди! — донеслось из-за закрытой двери.

— Альена.

— Уйди, я сказала! Я не желаю больше тебя знать!!! Видеть тебя не могу!

Я растерянно посмотрел на Федора Ивановича и пожал плечами.

— Девчонки, — произнес я так, словно это все объясняло.

— Ага, — согласно кивнул он. — Но мне кажется, что тебе стоит извиниться.

— Это еще за что?!! — взвился я.

— Не знаю. Но просто так люди не плачут. Мне кажется, ты чем-то ее обидел.

Я опять покосился на дверь. Постучал. На этот раз ответа не было. Федор Иванович лишь пожал плечами.

— Я в отношениях ангелов и чертей, конечно, не разбираюсь, но мне кажется, что тебе эта девочка небезразлична. Как и ты ей. Но сейчас вы оба близки к тому, чтобы потерять друг друга.

«Целитель душ, — чуть ли не выплюнул я. — Все-то вы понимаете. Ладно, сам разберусь».

Я сердито насупился. Поправил одежду и прошел сквозь дверь в ванную. Позади охнул священник. Я на него не обратил никакого внимания.

Альена сидела на краешке ванны и всхлипывала. При виде меня поспешно отвернулась.

— Уйди, я тебе сказала!!! Ты всегда входишь без спроса туда, куда тебе запрещают входить?

Я пожал плечами.

— Если бы ты не хотела меня видеть, то вполне могла ДЕЙСТВИТЕЛЬНО запретить мне войти.

— Ах, так?!! — Альена вскочила с места. Ее глаза гневно сверкнули. — А ты еще мне умным казался!!! А на самом деле дурак!!! Ой, дурак!!! А ну вон отсюда!!! Вон!!! — Сияние, разлившееся вокруг Альены, нестерпимо обжигало меня, выталкивая из ванны.

— Альена, — попытался заговорить я. — Ну давай поговорим! Давай без этого! Ну прошу прощения, если в чем виноват.

— Вон! — Меня как пробку из шампанского вышвырнуло сквозь дверь прямо под ноги священнику. Тот, ухмыляясь, смотрел на меня.

— И правда, дурак, — признал он.

Я разозлился. Вскочил с места, рванул к двери ванны и словно на бетонную стену налетел.

— Она ведь для того и оставила возможность тебе войти, чтобы ты вошел. Она надеялась, что ты придешь к ней. А ты повел себя как чурбан. — Федор Иванович с грустной улыбкой смотрел на меня.

— А подслушивать нехорошо, — буркнул я, только сейчас поняв, какого дурака свалял. Во идиот!!!

— Кто бы говорил.

Я гневно вскинулся, но тут же потух.

— Федор Иванович… отец Федор… что же мне делать? — жалобно спросил я. — Я ведь не смогу без нее! Если она сейчас уйдет… Я ж не смогу…

— Уже хорошо, что ты сам это понимаешь. А что делать… извиняйся. Извиняйся до тех пор, пока тебя не простят. Это все, что я могу сказать. Ладно, пойду я чай приготовлю.

Я посмотрел вслед священнику. Вот целитель душ хренов. Легко ему говорить. А я, между прочим, черт! А черти не извиняются. Не извиняются! Совсем! Ни перед кем. Я отвернулся от двери и сделал шаг в сторону кухни. Вот уйду сейчас и забуду обо всем! Пусть без меня пытается помочь Алеше. Вот только практику тогда я не сдам. Только из-за практики я сейчас и останусь. А еще из-за пятисот монет. Точно!!! Как я об этом не подумал! Пятьсот монет. Если я сейчас расстанусь с Альеной, то их проиграю. А значит, из-за них можно и извиниться. Черти не извиняются. Но из-за пятисот монет стоит. И из-за практики. Именно так. Из-за монет и из-за практики. А эта упрямая и глупая девчонка мне совсем даже не нужна. Вот еще. Нужна она мне. Не шибко и красивая она. И вредная к тому же. Значит, из-за монет и из-за практики, а вовсе не из-за нее.

Я осторожно подошел к двери и постучал.

— Альена, я идиот.

В ответ тишина.

— Я знаю, что ты меня слышишь. Понимаешь, я ведь часто говорю не то, что думаю. Но ведь я же черт. А ты ангел. Самый лучший ангел из тех, кого я знал. Неужели ты не простишь меня? Неужели у тебя в сердце нет ни грамма жалости к такому большому тупице, как я? Ну да, кретин я, но не убивать же меня?

— Стоило бы, — донеслось из-за двери. Ура!!! Она заговорила! А если так, то я уговорю сейчас. Заговорю зубы и уговорю… Эй, стоп!!! Я уже заговорил ей зубы сегодня. Хватит! Как она говорила? Главное искренность.

— Альена, — чуть ли не простонал я. — Ну прости меня, пожалуйста! Я не могу, когда ты так сердишься на меня. Ну болван я.

— Еще какой!

Я почувствовал, что барьера больше нет, и поспешно вошел в ванную. И тут же был схвачен за ворот.

— Ты никогда не будешь использовать то, что я тебе говорю, для своих чертовых шуток!!! Пообещай мне это!

О! Так вот что ее рассердило. Я действительно болван. Я ведь должен был понять, что ангел мои шуточки по поводу ее уроков

воспримет несколько болезненно.

А тем более, когда она действительно открывала мне свои чувства. А я так над ней поиздевался.

— Обещаю.

Меня тут же отпустили.

— Эзергиль, ты самый несносный тип из всех, кого я знаю!

— У каждого свои недостатки, — пожал я плечами. — Только пообещай и мне.

— Что?

— Что не будешь меня ничему учить, чтобы я смог сдержать свое слово. — Ох, кто ж меня за язык тянет!

— Эзергиль!!! — Альена секунду гневно смотрела на меня. Я испуганно замер. Но тут же девочка расхохоталась. — Ты неисправим, Эзергиль.

— Ага, — облегченно вздохнул я. — Но ведь если бы я был исправим, то я был бы не я.

— Это точно. Мир?

Я пожал протянутую руку.

— Мир. Давай относиться терпимо к недостаткам друг друга?

— Давай. Но я иду тебе навстречу только из-за Алеши! Ясно тебе это?

— Совершенно, — серьезно кивнул я. — Я тоже иду навстречу тебе только из-за зачета по практике.

— Вот и здорово, что мы так хорошо друг друга понимаем.

— Ага, — кивнул я, решив не заострять внимание на подобном понимании. Мы и в самом деле поняли друг друга. Даже оправдания для примирения одно и то же подобрали. — Пойдем. Нас там чай ждет. Не знаю уж, из чего его заваривает отец Федор, но чай бесподобен. Надо бы у него рецепт спросить.

Священник довольно уверенно вел нас куда-то в сторону окраин города. Мы с Альеной вынужденно плелись следом, хотя я не совсем понимал, куда мы идем и что нам там делать. Однако Федор Иванович уверил меня, что ему просто необходимо встретиться с одним человеком. И что он отправился бы к нему еще вчера, если бы тот был на месте.

— И что это за человек? — поинтересовалась Альена.

— Так. Очень хороший человек. Мой бывший командир по Афгану.

Дальше что-либо священник рассказывать отказался. Впрочем, мне большего и не надо было. Я тут же слегка приотстал и достал свой замечательный блокнот. Конечно, читать на ходу было не совсем удобно, но возможно. Альена пристроилась рядом и заглядывала мне через плечо. Я

неодобрительно косился на нее, но говорить о том, что у нее есть свой блокнот, поостерегся. В конце концов, мы только недавно помирились. И ссориться вновь у меня не было никакого желания. Так что если ей так нравится, то пусть читает.

В этот момент священник остановил проезжающую машину и что-то спросил у водителя. Потом махнул нам рукой.

— Быстрее. Садитесь.

Мы с Альеной переглянулись. Я, пожав плечами, залез на заднее сиденье. Альена пристроилась рядом. Отец Федор сел на переднее сиденье. Машина тут же рванула с места. Альена как-то по-особому взглянула на водителя и хмыкнула.

— Ваши дети? — осведомился водитель, глядя на нас в зеркало над головой.

— Наши-наши, — отозвался я. — А что, разве не похожи?

— Шустрый мальчик, — хмыкнул водитель. Альена фыркнула, едва сдержавшись, чтобы не расхохотаться. Я же гордо взглянул на нее.

— Вот даже люди со стороны согласны с этим. — Я повернулся к водителю. — А еще я умный, смелый и скромный.

Теперь уже хмыкнул священник. Водитель же откровенно забавлялся.

— Весело вы живете.

— Вы не представляете насколько, — отозвался отец Федор. — С этой парочкой соскучиться трудно.

Наконец машина остановилась на какой-то улице, где тянулись старые пятиэтажные дома, называемые в народе хрущевками. Священник расплатился и вылез из машины. Зашагал в ближайший двор.

— Вы мне вот что объясните, — поинтересовался он, не поворачиваясь. — Как я понимаю, весь план по обращению Алеши в сторону веры был разработан именно Эзергилем. Я могу понять тот трюк с продажей души и договором. Могу понять, зачем вы вовлекли во все это душу матери Алеши. Понимаю, почему вы втащили в это дело отца Алеши. Те мелковозрастные грабители тоже понятно. Но я никак не могу понять, зачем вы вплели сюда настоящих бандитов. Эти ведь не шутят.

— Вы слышали о непредвиденных проблемах? — поинтересовался я.

— Хотите сказать, что это все непредвиденные проблемы? Не слишком ли они серьезные?

— Скажем так, я вовсе не рассчитывал, что отец Алеши побежит рассказывать о найденных миллионах в ближайший кабак.

— Ты вроде говорил о ресторане?

— А в чем разница?

— Хм, действительно. Ладно. Значит, непредвиденные трудности. И какие у вас планы? Что вы намерены предпринять дальше?

— Ничего.

— То есть? — Священник остановился и повернулся к нам.

Я вздохнул.

— Мы не можем напрямую воздействовать на события. Только опосредованно. Неужели это непонятно? Мы не можем нарушать свободу воли людей.

— Даже если свобода воли грозит смертью?

Теперь уже мы вздохнули вместе с Альеной.

— Вы поймите, — попыталась объяснить Альена. — Для вас ваша смерть — это все. Конец всему. А для нас — это всего лишь пройденный этап для души. Конечно, мы вовсе не стремимся ускорять чью-то смерть. Каждый должен сделать на этой Земле то, что должен. И убийство — это тоже свобода воли человека. Тут вы правы. Нельзя дать свободу в творении добра и ограничить ее в творении зла. И если мы помешаем совершиться преступлению здесь и сейчас, то где-то произойдет еще более страшное преступление. Я понятно объясняю?

Священник задумался. Обошел лужу на дороге.

— Не совсем, — признался он.

— Потому что вы смотрите с точки зрения человека. Для вас, например, норма, увидев где-то зло, попытаться его исправить. Это хорошо. Исправленное зло порождает где-то добро. Но если исправить его попытаемся я или тем более Альена, то мы породим только большее зло. Ибо вмешаемся в основу миропорядка — Свободу Воли Человека.

— Ясно. Проблему придется решать нам без вашего участия.

— А вы и делаете это. Хорошо или плохо, но делаете.

— Гм. — Священник хмыкнул и стал насвистывать какую-то песенку. Подошел к подъезду и вдруг замер. — Вот что, ребята, подождите меня здесь. Если уж помочь вы не в силах, то предоставьте человеческие дела людям. Тоже мне, ангел и черт.

Мы с Альеной остановились. Отец Федор скрылся в подъезде. Я пожал плечами и опустился на скамейку перед подъездом. Стал наблюдать за играющей детворой во дворе. Рядом пристроилась Альена.

— По-моему, он обиделся.

— Он тоже человек, — заметил я. — Хоть и лучше других. Узнав, кто мы, он ожидал чуда, а оказалось, что чудес не будет. И проблемы никто за них тоже разрешать не собирается.

— Напрасно ты так. — Альена обняла себя за плечи и

повернулась ко мне.

— Я не прав?

— Все равно напрасно. Может, он и хотел помощи от нас…

— Не помощи. Не помощи, а решения проблемы. Помощь в решении мы окажем. Но вот решать проблему придется им.

— Все равно ты не прав.

— Угу. Разговор на уровне «сам дурак».

— Сам дурак.

Я хмыкнул.

— Закурить не найдется?

Я оглядел с ног до головы задавшего вопрос. Верзила. Лет шестнадцати. Рядом еще один такой же. Чуть позади топтался парень помладше. Возможно, лет четырнадцати. Вся троица посматривала на нас выжидательно. И сигареты им явно требовались в последнюю очередь. Я залез в карман и достал сигарету. Потом зажигалку. Такого от «интеллигентного сморчка», за которого меня, очевидно, и приняли, троица явно не ожидала. Именно от растерянности главарь сигарету взял и раскурил ее от услужливо протянутой зажигалки. Конечно, заезженно и примитивно, но выдумывать для этого типа нечто оригинальное совершенно не хотелось. Еще не хватало на разных идиотов что-то сложное сочинять. И так сойдет.

— А у тебя ниче сигары.

— Угу, — хмыкнул я, поворачиваясь к сидящей рядом со мной девочке. — Альена, заткни уши.

Альена уже успела узнать меня достаточно хорошо и просьбе совершенно не удивилась. Молча зажала руками уши и зажмурилась. Я последовал ее примеру.

— Вы че? — удивился курильщик. Больше он ничего спросить не успел. Раздавшийся грохот ударил даже сквозь ладони. Курильщик с совершенно черным от копоти лицом стоял перед нами и растерянно хлопал глазами. Остальные двое от неожиданного взрыва подскочили на месте и сиганули в стороны.

— Хулиганье!!! — раздалось из окна. Из гаража выскочил мужчина с монтировкой. На игровой площадке испуганно обернулись дети. А вот взрослая часть двора смотрела на нашего курильщика ну совсем неодобрительно. Кто-то уже шагал к нему с очень легкочитаемыми намерениями.

Вся троица заметалась. Я ехидно улыбнулся и помахал им рукой.

— А ты другого ничего придумать не мог?! — сердито поинтересовалась Альена. — Всех детей напугал.

Я пожал плечами.

— Придумала бы сама.

— Обязательно. — Альена наблюдала, как вся троица старательно удирает от взрослых и как взрослые бегают за ними, чем-то там им угрожая. Убегающие же, постоянно оборачиваясь, показывала в нашу сторону и пыталась оправдаться. Но поскольку никто, кроме них, нас не видел, то эта попытка только сильнее злила окружающих.

— Что тут за цирк? — поинтересовался вышедший из подъезда отец Федор, наблюдая за погоней.

— Да недоумки те чего-то там взорвали. Перепугали всех. Вот им и пытаются объяснить, что они были не правы.

Священник подозрительно посмотрел на меня.

— А ты тут совершенно ни при чем?

— А они первые начали.

— А как же свобода воли?

— Соблюдена. Я только выполнил просьбу. Меня попросили — я дал. Конечно, немного не то, что просили. Но ведь и они хотели получить не то, что просили…

— Ладно. — Священник махнул рукой. — Некогда мне решать твои ребусы. Идемте.

— Куда? — поинтересовалась Альена.

— Как куда? Понятно, что к вашему художнику. Раз уж вы не хотите нам помогать, то будем решать сами.

Спорить и доказывать, что под помощью мы понимаем совершенно разные вещи, я не стал. Бесполезно. Даже такой умный человек не понимал сложности нашего с Альеной положения в мире людей.

Священник снова поймал машину. На этот раз водитель попался неразговорчивый, и мы всю дорогу молчали, хотя ехали значительно дольше. До дома Рогожева. Я равнодушно смотрел в окно. Вдруг дернулся и схватил водителя за плечо.

— Остановите!!!

Машины взвизгнула тормозами.

— Ты с ума сошел?!!! — повернулся ко мне водитель. Но, увидав мое лицо, замолк. Я даже не повернулся на этот эмоциональный окрик, наблюдая, как по улице шел милиционер Ленчик с загипсованной рукой. Но вовсе не это привлекло мое внимание. С ним шагал главарь мелковозрастной шайки, от которого, как я думал, избавился надолго. Ох, идиот! А ведь мог догадаться, что как совершеннолетний он попадет в обычное отделение. А ближайшим и было как раз то, где служил Ленчик. И он вполне мог услышать показания этого карикатурного крестного папы о некоем типе по имени Игрок. Конечно, Ленчик не знал меня под этим именем, но ведь этот главарь мог дать описание, а уж запомнил меня Ленчик, думаю, крепко. Да и

Алеша для нашего грозы киосков связан со мной. А значит, он и его обязательно упомянул бы. А уж сложить два и два Ленчик сумел. Да и не мог он не помнить событий на той улице, где нашел Алешу. И найти адрес художника, что заступился перед шпаной за ребенка, ему тоже было нетрудно.

Альена узнала Ленчика и «крестного сына» одновременно со мной и нахмурилась. А вот священник не знал ни того, ни другого и теперь раздраженно смотрел на меня.

Я молча сунул водителю десять долларов.

— Медленно езжайте вдоль улицы, — велел я. — Только медленно.

Водитель вмиг оборвал поток ругани в мой адрес и выполнил просьбу. Священник развернулся в кресле почти полностью, но никаких вопросов задать не решился.

— Остановите, — снова велел я. Машина замерла как раз напротив дома художника. Отсюда нам прекрасно было видно все, что происходит перед калиткой.

Ленчик остановился. Сверился с какой-то бумажкой и решительно надавил на звонок. Некоторое время ничего не происходило. Но вот из калитки выглянул Григорий Иванович. Увидев человека в форме, он раскрыл калитку и замер в ней, загораживая проход. Что-то спросил. Ленчик ответил. Показал на парня, стоявшего рядом. Григорий Иванович пожал плечами. Милиционер стал что-то объяснять, попеременно тыкая пальцем то в планшет, висящий на поясе, то в своего спутника. Художник посторонился, пропуская милиционера в дом. Я выругался сквозь зубы.

Священник, похоже, сообразил, что происходит что-то непонятное и неприятное. Но молчал, не задавая никаких вопросов. Альена тоже молчала, хмуря брови. Прошло минут десять, когда калитка раскрылась снова и из нее вышли Ленчик и наш главарь шайки. Милиционер что-то говорил. Вот он пожал художнику руку и зашагал по улице. Обернулся. Убедившись, что художник ему вслед не смотрит, он прибавил шаг и скрылся за поворотом.

Я сунул водителю еще десять баксов за беспокойство и выскочил из машины.

— Ты собираешься что-то объяснить? — поинтересовался священник.

— Нет, — отрезал я. — Сами все узнаете у Алеши. Думаю, он видел милиционера и его спутника.

Священник больше не стал задавать никаких вопросов. Он только несколько раздраженно посмотрел на меня и зашагал к дому. Альена чуть отстала и придержала меня.

— Тебе что, трудно было ответить? — поинтересовалась она.

— Не трудно. Но видишь ли, в чем дело, я вовсе не хочу, чтобы люди за всеми ответами бежали ко мне или к тебе. Ответы они должны искать сами. А то привыкнут ко всему готовенькому.

— Порой я тебя не понимаю, — призналась Альена, вздохнув.

— Ха. Нашла, чем удивить. Я порой сам себя не понимаю. В частности, вот совсем не понимаю, что все же заставило меня принять предложение дяди и заняться всем этим.

Альена фыркнула и прибавила шаг, догоняя священника. Отвечать, видимо, она сочла ниже своего достоинства. Я догнал ее и пристроился рядом.

У калитки нас встретил кто бы вы думали? Конечно, Ксефон. Его тут только и не хватало. Ночевал, что ли, здесь? Я недружелюбно посмотрел на него. Тот окинул меня таким же взглядом, в котором, правда, промелькнула растерянность. В этот момент от крыльца дома донеслась ругань священника. Хм, святому отцу не подобает так выражаться. Я с интересом заглянул во двор. Священник стоял перед дверью и отряхивал с себя воду. Рядом валялся пустой бидон. Я хмыкнул и покосился на Ксефона. Тот выглядел слегка недовольным. Конечно, он ведь ожидал, что я по привычке войду первым. Так бы и случилось, если бы Альена меня не придержала.

Из дома выглянул Григорий Иванович. С недоумением уставился на мокрого священника, посмотрел на валяющийся тут же бидон. Перевел взгляд на хихикающего меня и на злого Ксефона. Психологом художник оказался хорошим. Он молча спустился с крыльца и ухватил Ксефона за ухо. Тот завизжал, а я расхохотался. Видеть, как человек таскает черта за ухо… это надо видеть. Конечно, чертова солидарность должна бы заставить меня испытать симпатию к Ксефону. Не дождетесь. Ксефон — последний черт, к кому я буду испытывать симпатии.

В этот момент Ксефон попытался скрыться за мороком. Бедолага. Нет, скрыться ему удалось… только вот ухо от этого менее материальным не стало, и художник продолжал крепко его сжимать, пусть и невидимое. Сначала он растерялся, но быстро пришел в себя. Видно, вечер с нами уже изрядно закалил его психику. Он молча протащил невидимого и сопротивляющегося Ксефона и окунул его прямо в бочку с дождевой водой, стоящей у угла дома под стоком. Ксефон возмущенно забулькал. Вода потоком стекала с чего-то невидимого. Я хохотал вовсю. В окно выглядывал злорадствующий Алеша. Подозреваю, что если бы подобной процедуре подвергли меня, то он был бы вообще счастлив. А вот не дождется. Я не мелкий пакостник. Я если пакощу, то не так примитивно. Я это делаю со вкусом. Весело.

Прежде всего для себя весело.

— Я надеюсь, ты все понял? — сухо осведомился Григорий Иванович. — Я не знаю, как там у вас в аду принято, но пока мы на Земле, я попрошу вас вести себя по-человечески! — Григорий Иванович обернулся ко мне. — Тебя это тоже касается!

Я невинно улыбнулся в ответ.

— Меня вам будет поймать не так легко.

Художник наградил меня сердитым взглядом и направился к священнику.

— Проходите в дом, отец Федор. Сейчас я найду, во что вас переодеть.

Священник махнул рукой.

— Некогда. Кто тут у вас только что был?

— Да милиционер. Разыскивали каких-то грабителей квартир, насколько я понял. А что?

Священник вместо ответа резко повернулся к раскрытому окну, из которого выглядывал Алеша.

— Ты знаешь того милиционера и его спутника?

Алеша смутился. Потом опустил глаза.

— Знаю. Поэтому и спрятался. Они меня не видели.

— Э-э. — Григорий Иванович недоуменно посмотрел на мальчика. Потом на священника. — А что такого? Кто этот милиционер?

Алеша набычился и посмотрел на меня. Я пожал плечами.

— Неделю я тебя защищаю. Она истекает через два дня. Я говорил правду.

Мальчик кивнул на меня.

— Вот он сказал, что этот милиционер плохой. Что он работает на тех, кто ищет чемодан с деньгами. А с ним был Вобла. Это кличка такая. Он главный у одной шайки.

Надо же. Вобла. Эх, раньше не знал эту кличку. Вот бы я позабавился… Ладно, чего теперь жалеть? А теперь эта Вобла мелковата. Да-с, мелковата.

— И что? — недоуменно поинтересовался художник.

Я вздохнул. Люди порой бывают так глупы.

— А то, — отозвался я, — что милиционер приходил сюда вовсе не в поисках каких-то там грабителей. Он мальчишку искал. А навел его тот самый Вобла. Не думаю, что была большая проблема узнать адрес художника, что защитил мальчика от хулиганов. У-у-у, Григорий Иванович, но ведь вы-то видели этого Воблу! Он же главный у той шайки был! Помните?! Вы еще нож у него выбили.

Григорий Иванович хлопнул себя по лбу. Ага, постучи, постучи. Может, чего и прибавится.

— Я осел! — Конечно. — А я все думал, где же я его раньше видел! У меня же отличная память на лица. Профессиональная. Я должен был вспомнить, но после всего произошедшего просто растерялся.

— И… что нам делать? — В окне рядом с Алешей появилось растерянное лицо Ненашева Виктора Николаевича.

Сматываться! — захотелось рявкнуть мне. Ну что за идиотские вопросы? Нет, я промолчу. Пусть набивают шишки сами. А если не догадаются удрать, то кто виноват? Дураков учат.

Но тут вмешался священник. Совсем забыл, что он бывший военный. И теперь он сразу взял власть в свои руки.

— Нам надо покинуть этот дом. И как можно быстрее. Так, Григорий Иванович, вам лучше пойти с нами. Как я понимаю, два миллиона долларов — достаточно большая сумма, чтобы эти типы, что вскоре прибудут сюда, не очень выслушивали ваши оправдания.

— Но… моя мастерская!!! Мои картины!!!

— Выбирайте. Либо мастерская и картины, либо ваша жизнь, — жестко велел священник. — А вы что встали?! А ну, быстро собрать вещи! Выход через пять минут.

Живо!

Алеша мигом исчез в доме. Скрылся и Ненашев. Только художник растерянно топтался во дворе. Федор Иванович чуть ли не силком затащил его в дом. Что там происходило, я не видел, но уже через пять минут наш художник выносил из дома чемодан с вещами, на ходу запихивая в карман документы.

— Не слишком ли много людей вынуждены расплачиваться за твои ошибки? — услышал я шепот Альены, обращенный к Алеше. Мальчик стоял перед ней, опустив голову и прижимая к себе подаренного котенка.

— Я же не знал, что так получится. Я же не хотел…

— Не знал, не хотел. Ты маленький безответственный самовлюбленный тип, замкнутый на собственном страдании и мести!

Ого! Впервые вижу Альену в таком состоянии. Кажется, у нее много чего накипело на душе.

— Но я не хотел!!!

— Еще бы ты хотел! Если бы хотел, то меня бы тут не было.

— Вот-вот! Если ты ангел, то помоги мне! Ты же обязана мне помогать!

— А задницу тебе подтирать я не обязана?! — рявкнула Альена на весь сад. На ней скрестились ошарашенные взгляды всех присутствующих. Я захлопал в ладоши.

— Так его! Так!

— Он меня уже достал своим нытьем, — смущенно попыталась оправдаться Альена. — Ему, оказывается, все должны. И вообще, мне кажется, я тут лишняя! У вас тут компания хоть куда. Два черта, ненавидящих друг друга. Священник, который убивал и сейчас сам не поймет, во что он верит, хотя и святой. Художник, для которого его картины важнее жизни всех окружающих. Надоело! Разбирайтесь сами!

На этот раз пристыженно опустили глаза все остальные. Кроме меня. Ну и Ксефона.

— Но ты обещала, — робко возразил Алеша.

Альена наградила его хмурым взглядом.

— Помочь — да. Делать за тебя твою работу — нет. Думай и решай сам.

— Но… но я ведь еще маленький…

Алеша совсем смутился под уничижительным взглядом Альены.

— Когда договор заключал с чертом, был не маленький. Когда грозился убить отца, тоже был взрослым. А когда пришла пора отвечать за поступки, оказался маленьким? Вот что, парень, либо ты научишься отвечать за все свои поступки, либо смирись с тем, что произошло. Прекрати сражаться с чертом, прими от него помощь. И все будет легко и просто. И будут у тебя и деньги, и власть. А те бандиты, что охотятся сейчас за тобой, сами будут служить тебе. Выбор все еще за тобой! Решай!

Я из-за спины отца Алеши показал Альене большой палец, но девчонка только свирепо нахмурилась.

— Эй, ты же не послушаешь совета этого так называемого ангела? — вылез Ксефон. — Ведь ясно же, что она сговорилась с этим… этим… козлом хвостатым.

— Сговорились ангел и черт? — усмехнулся священник.

— И что? — Ксефон уставился на него. — Ведь были случаи, когда ангелы переходили в черти, а черти в ангелы. А тут и особо глазастым быть не надо! Видно же, что она втрескалась в этого Эзергиля…

Треск. Шлеп.

— А-а-а-а!!!! — Ксефон рухнул от удара увесистой метлы прямо на воткнутые в землю углом кирпичи, огораживающие тропинки. Альена занесла метлу еще для одного удара, но не успела — мой пинок под зад Ксефону опередил. Ксефон подскочил в воздух, продолжая что-то вопить, но благоразумно не стал качать права, а попятился к калитке перед нашим сдвоенным натиском. Альена отбросила метлу, и вокруг ее головы образовалось свечение. За моей же спиной словно тьма сгустилась. Ксефон, похоже, струхнул. Он вдруг прервал свою

ругань и икнул. Постарался отодвинуться от нас как можно дальше.

— Вы сумасшедшие, — прошептал он. — Вы совсем рехнулись!!! Эзергиль, я все доложу господину Викентию!!! Тебя накажут!!! Тебя выгонят из школы!!!

Я молча нагнулся и вырвал из дорожки кирпич. Ксефон опрометью бросился со двора. Только калитка хлопнула. Я откинул кирпич в сторону и усмехнулся.

— Как он мне надоел! Придурок, — добавил я чуть погодя.

Только сейчас мы с Альеной оглянулись и заметили, что все остальные смотрят на нас с немым ужасом. Мы переглянулись. Вот еще проблема. А нам ведь бежать надо. Причем срочно. К счастью, священник все-таки не растерял свои мозги. Был ли он испуган, как остальные, или нет, но взял себя в руки он довольно быстро. Вскоре мы покидали дом.

— Подожди, — попросила вдруг Альена. Она метнулась к мастерской. Я ощутил ток силы. Потом Альена вышла.

— Хм, ты уверена, что это хорошая идея? — поинтересовался я.

Альена пожала плечами.

— Он действительно хороший художник. И работал над теми картинами почти всю жизнь. Как представлю, что тут сделает та орава, которая заявится после нас… бр-р-р.

Хм. Кто я такой, чтобы осуждать? У нее свои наставники есть. Пусть дядя объясняет ей о невмешательстве.

Успели уйти из дома мы в самый последний момент. Слишком шикарные для этой улицы машины показались из-за поворота как раз тогда, когда мы нырнули в узкий проход между домами. Я чуть задержался и видел, как четверка машин замерла перед домом художника и из них стали выходить люди. Некоторые были в достаточно элегантных костюмах, другие в брюках непонятного происхождения и майках. Но у всех я ощущал наличие оружия. Вот они огляделись и уверенно направились к калитке.

Дальше я смотреть не стал и побежал догонять остальных.

Художник вывел нас на небольшой пустырь за домами и провел вдоль кромки леса. Потом мы поднялись на небольшой холмик, покрытый кустарником. Сначала я не понял, чем это место привлекло внимание Григория Ивановича. Потом сообразил. Отсюда был отлично виден двор его дома. При этом увидеть нас сквозь густые заросли не представлялось возможным. Священник тоже сообразил это. Он открыл было рот, чтобы что-то высказать художнику, посмотрел на него и промолчал. Видно понял, что тому сейчас не очень хорошо.

Дело даже не в доме, в котором ходят чужие и враждебные люди. А в картинах, в которые художник вкладывал свою душу и которые сейчас был бессилен спасти. Я посмотрел на немую муку Григория Ивановича. Сказать, что ли? Покосился на Альену. Та, плотно сжав губы, внимательно смотрела на художника. Вздрогнула, словно почувствовав мой взгляд, и обернулась ко мне. Покачала головой. Я пожал плечами. Она все это затеяла, пусть сама и разбирается.

— Вы могли бы спасти картины, — заговорил вдруг со мной священник. — Вы же видите, как они важны для него.

Я молча плюхнулся на землю. Устроился поудобнее в кустах и только тогда ответил:

— Насчет спасти не знаю. В конце концов, я черт, а не армия спасения. По этому поводу разговаривайте с Альеной.

Священник хмыкнул и отошел. Я же остался наблюдать за домом. Интересного ничего не было. Бандиты по-хозяйски прохаживались по саду, заглядывали в мастерскую, обыскивали дом. В общем, вели себя крайне нахально.

— Вы не совсем верно понимаете это, — услышал я за спиной голос Альены. Оглянулся. Оказалось, что, воспользовавшись остановкой, Виктор Николаевич попытался расспросить Альену о Нем. О рае и аде. Короче, завел философскую беседу. К разговору стали прислушиваться и остальные. Даже Григорий Иванович отвлекся от наблюдения за собственным домом. Прислушался и я.

В общем-то Альена честно пыталась растолковать что к чему. И не ее вина, что ее просто не понимали. Люди! Они так привыкли верить во что-то общеизвестное, что просто не хотели подумать сами.

— То есть Бог создал Землю? — поинтересовался Алеша. Н-да. Ну ладно, мальчишке простительно.

— Нет, — терпеливо ответила Альена. — Он создал законы, по которым смогло возникнуть все сущее. Вы же знаете! Как у вас написано? Сначала было Слово! А что такое Закон? Это и есть Слово. Он дал свое Слово и определил, как все будет происходить. А потом дал Слово, по которому смог появиться разум.

Тут же последовали другие вопросы. Я некоторое время слушал, как Альена честно пытается отвечать. Но ее не понимали. Наконец я не выдержал. Перекатившись по земле, я повернулся к ним и приподнялся на локтях.

— Ребята, могу сразу ответить на все ваши вопросы, что вы сейчас задаете. Так сказать, универсальный ответ на все, что вы спросили. Вы пытаетесь узнать ответы на свои вопросы у кого-то. Ищете их непонятно где. И все равно не верите тому, что

находите, и тому, что говорят. Так не ищите ваши ответы вовне. Ищите их внутри себя. И те, что вы найдете, и будут верными.

Я молча отвернулся и продолжил наблюдение за домом, не обращая внимания на озадаченные взгляды окружающих. Только священник был задумчив.

— А как тогда быть с раем и изгнанием из него? — едко поинтересовался Ненашев.

Комплекс, что ли, у него какой развился? Чего он прицепился? Похоже, что, убедившись в реальности чертей и ангелов, он искал способ каким-то образом опровергнуть наши рассказы.

— Ага. С раем и изгнанием из него, — не менее ехидно отозвался я, снова поворачиваясь к собеседникам. — Давайте-ка порассуждаем. С логикой у вас все ведь в порядке?

— Ты о чем? — осведомился Ненашев.

— О логике. Всего лишь о логике. Раз уж представители именно нашего племени поспособствовали, так сказать, изгнанию людей из рая, то отвечу вам я, а не Альена. Так вот, давайте немного подумаем. Я понимаю, что это трудно, но постарайтесь. — Виктор Николаевич нахмурился, но промолчал. Слушал. — Вот представьте, что вы приходите домой из аптеки. Вы купили какое-то лекарство. Что вы первым делом делаете? Конечно же ставите его на самое видное и доступное место. Потом берете за руку Алешу, подводите его к этому лекарству и говорите: «Смотри, сын мой. Это лекарство. Оно очень вкусное, но вредное. И тебе его трогать нельзя. Обещай, что не тронешь его!». «Обещаю», — отвечает послушный сын и не трогает. Правильно?

— Ты издеваешься? — не очень вежливо поинтересовался Ненашев.

— Неужели? Мой рассказ вы восприняли как издевательство? Тогда почему же вы так же издеваетесь над Ним? Почему Ему в логике отказываете? Вы, человек, догадываетесь от ребенка спрятать то, что для него может быть опасным, причем прячете как можно дальше, и в то же время полагаете, что Он выставил Плод Познания на самом видном месте, ограничившись запретом. Где логика? Или вы Его полагаете глупее себя?

— И где же логика? — поинтересовался, не выдержав повисшей паузы, Григорий Иванович. Хм, а я и не заметил, что уже все слушали меня, затаив дыхание.

— Где логика, где логика, — буркнул я. — А вам не приходило в голову, что Он хотел, чтобы плод попробовали?

— А зачем тогда запрещать? — поинтересовался священник.

— А затем, — буркнул я. — У детей есть период, когда они слепо верят своим родителям. Когда воспринимают каждое их

слово как откровение. И сомнение в непогрешимости родителей — первый признак взросления. Беда в том, что этот ваш любимый Адам так и не удосужился повзрослеть. Сколько он там по вашим хроникам жил? Восемьсот лет? И что он за это время сделал, кроме перевода пищи в э-э… — Я покосился на Альену. — В общем, кроме перевода пищи? Он создал какой-нибудь шедевр? Нарисовал великую картину? — поинтересовался я у художника. — Помог страждущему? — Поворот в сторону священника. — Что-то изобрел? — Я развернулся к Ненашеву. — Нет, ему просто скучно стало. Ну отец, понятно, терпелив. Скучно? Пожалуйста, вот Ева. Вдвоем не скучно. Может, она тебя, идиота, вразумит и объяснит, что пора взрослеть. Нет. Она тоже не лучше оказалась. Как вы, люди, все-таки не любите что-то делать!

— Ты настолько уверен в Его мыслях? — поинтересовался священник.

— Уверен, — отрезал я. — Это Он сам говорил нам, когда просил повлиять на своего сынка. Зачем он, по-вашему, создавал Разум? Чтобы запереть его в Эдеме? Он создавал помощников себе! Помощников! Тех, кто разделит с ним его груз. Как вы не поймете. Он терпеливо ждал эти восемьсот лет. Ждал, когда же его сынок повзрослеет. Ждал, когда тот подойдет к нему и скажет: «Прости, отче наш, не могу больше тут сидеть. Я не пойму, зачем живу. Зачем ты наделил меня мыслью, если я не пользуюсь ею? Зачем ты наделил меня свободой воли, если я безволен? Зачем я живу, если не знаю смысла жизни?» И тогда бы обрадованный отец сказал бы: «Давно я ждал от тебя, сын мой, этих слов. С того момента, как появился ты. Подойди к Древу и вкуси Плод Познания. Раз ты задаешь мне эти вопросы, то теперь ты готов вкусить его. Иди и вкуси». Хм, как бы ваша жизнь изменилась, если бы все произошло так. А что вместо этого? Тьфу.

Я оглядел слегка ошарашенные лица собеседников. Священник беспомощно смотрел на Альену, словно ожидая ее опровержения. Но Альена только кивнула.

— Эзергиль прав. Вы, люди, так ничего и не поняли. Адама наказали не за то, что он в конце концов попробовал плод. А за то, что оправдывался.

— Угу, — вмешался я. — Ух, сколько тогда пришлось поработать нам, чтобы в конце концов заставить Еву и Адама попробовать тот плод. Жуть. Целая история. Вот еще нелепость. Вы, полагая Его всемогущим, думаете, что от Него можно что-то утаить в Его саду. Змей искушал Еву, а Он не видел? Ага, как же.

— Так что, это Бог просил искусить? — ошарашенно

поинтересовался Ненашев.

— Дошло, — хлопнул я в ладоши. — Конечно, Он. Ему просто надоело ждать, когда бестолковому сыну надоест растительное существование без смысла. Вот он и нашел способ заставить сынка сделать то, что надо. И как они отреагировали? Покаялись? Нет. Оправдываться стали. Ева меня искусила… Змей меня искусил… Джентльмен, блин! Умеете вы, люди, оправдать в собственных глазах самые неблаговидные поступки. Сколько крови из-за этого пролили… Именно попытка оправдаться и рассердила Его. Раз дети ничего не поняли, то пусть познают Истину в поте лица своего. Идите и растите. Познавайте добро и зло на собственном опыте.

Священник потряс головой.

— Ты же говорил, что вас создали люди? Как же тогда черти уговаривали Адама? Вас тогда и в проектах не намечалось!

Я поморщился.

— Ну ладно-ладно, поймал. Я только хотел попроще объяснить. Чтоб вопросов лишних не было. Чертей тогда действительно не существовало. А историю о падшем Ангеле вы слышали? Вот своего помощника и просил Он. Самого верного помощника. Вот так. Кстати, неофициально он считается прародителем чертей. Когда мы, то есть черти, появились, он некоторое время возглавлял ад. И дал ему законы. Так понятней?

— Отчасти, — кивнул священник.

— Отлично. Теперь по поводу рая… что такое в вашем представлении рай? — продолжил я.

— Ну… — протянул было священник.

— Вот именно, что «ну»! — перебил я. — Это, в вашем представлении, вечная халява. Что-то типа неравного договора с Богом. В вашей интерпретации, конечно. Я, мол, так и быть, сделаю тебе одолжение и поживу лет семьдесят-восемьдесят жизнью праведника, а вот ты мне за это потом уже обеспечь, будь добр, вечное блаженство и райские кущи. Вам не кажется, что в этой вашей людской логике что-то неправильно?

— Ты — черт.

— Ага. А ты — человек. А теперь скажи, что люди лгут меньше чертей.

— Эзергиль не врал, — вмешалась Альена. — Но и не говорил правду. Абсолютной истины нет, как вы не понимаете! У каждого своя дорога. И каждый идет по ней самостоятельно. И каждый должен думать сам. Он ведь не призывал вас верить. Он призывал вас ДУМАТЬ!

— А ты меня призывала верить, — вдруг вмешался Алеша. Я посмотрел на мальчишку. Интересно, многое он понял из того,

что я говорил? И насколько?

— Вера — как лучик света в ночи. Она дает надежду, когда для надежды, как кажется, нет оснований. Но если ты не будешь думать — вера слепа. — Альена присела перед мальчиком. — Не верь тому, кто утверждает, что познание — грех и достаточно веры. Познавай через веру, а не верь через свою слепоту.

Алеша моргнул. Хотел еще что-то сказать.

— Смотрите! — Возглас Григория Ивановича вывел всех из задумчивого состояния, в которое всех поверг мой рассказ и слова Альены. Мы разом повернулись в сторону дома художника.

— Да-а, — растерянно протянул я. — Такого я не ожидал.

Глава 6

Нет, такого я действительно не ожидал, хотя и мог предвидеть. Совершенно неожиданно из многих домов повыскакивали люди и устремились ко двору. Некоторые уже переругивались через забор с бандитами. Я настроил слух.

— Что вам тут надо? — интересовался через забор какой-то мужчина.

— А твое какое дело? Вали отсюда, — лениво огрызался амбал, мельком демонстрируя пистолет. Мужчина отшатнулся.

— Да тут какие-то бандюги! — закричал он, оборачиваясь к соседям. — Вызывай милицию, ребята.

После этого крика люди моментально отошли от дома. Женщины поспешно загнали детей домой. А вот мужчины, хоть и отошли подальше, но продолжали наблюдать за калиткой. Бандитам это явно не нравилось. Их действия во дворе стали несколько более нервными. Один из них, судя по всему, главный, наорал на того, кто продемонстрировал свое оружие. Тот оправдывался. Ясно, привык, что люди при его виде и виде его «пушки» испуганно вжимали головы в плечи и торопились уступить ему дорогу. А тут… какая-то шантрапа и не разбежалась. Еще огрызаться смеют.

— Интересно, — задумчиво поинтересовался я. — Почему соседи так старательно защищают вас? Даже с риском для себя.

— В смысле? — удивился художник.

— Ну вот они сейчас рискуют. Идут против братвы. Те ведь при желании раздавят их всех и не заметят. А они все равно идут. — Краем глаза я следил за Алешей. Мой вопрос был вовсе не художнику. Он адресовался именно мальчику. Пусть задумается. — Что вы им пообещали?

Мой маневр удался. На мне скрестились сразу три пары глаз. Недоуменные художника, возмущенные Альены и заинтересованные Алеши. Именно Алеша меня и интересовал больше всего.

— Да не за что, — растерянно отозвался художник. — Я им помогал. Они мне. Сейчас вот мальчику помогаю. — Григорий Иванович кивнул на Алешу.

— Ну с Алешей ясно, — отозвался я. — Ему вы помогаете из-за чемодана денег. Надеетесь, что и вам чего-нибудь перепадет.

Художник отшатнулся от меня, смотря как на какую-то вшу. Презрительный такой взгляд. Потом сплюнул.

— Ты очень неприятный тип, — заметил он.

Я пожал плечами.

— Я же черт. Никто вам не обещал, что черт должен быть приятным типом.

— Зачем ты так? — хмуро поинтересовалась Альена. — Ты ведь на самом деле не думал, что эти люди помогают Алеше из-за денег.

Я некоторое время разглядывал, как бандиты пытаются что-то втолковать собравшимся соседям. Потом посмотрел на девчонку.

— Я говорил, говорю и еще много раз скажу. Главная беда людей в том, что они совершенно не умеют думать. Этот художник мог бы сообразить, что раз я черт, то я насквозь вижу все темные чувства в людях. В том числе и алчность. И поэтому я совершенно точно могу сказать, кто жаждет денег, а кто помогает бескорыстно.

— Тогда зачем был этот концерт?

Я едва не подпрыгнул на месте. А вот Альена подпрыгнула.

— Тьфу. — Я сплюнул. — Святой отец пожаловал. Вы всегда так подкрадываетесь? Вы меня чуть до инфаркта не довели.

— Черта? До инфаркта?

— Угу. Шутка юмора типа, да? Хотите сказать, что у меня нет сердца? Ну да, валите все на бедного черта. Бессердечного и коварного типа, что спит и видит, как совратить с пути истинного невинных людей. Хотя само сочетание «невинные люди» — довольно забавное…

— Эзергиль! — с угрозой протянула Альена. — Кончай комедию.

— Уже закончил. А насчет концерта не скажу. Из вредности. Сами думайте. В конце концов, мне, как черту, положено быть вредным. И вообще, мы еще долго тут торчать будем?

— А зачем уходить? — поинтересовался священник. — Место хорошее.

Я подозрительно покосился на него. Тот совершенно невинными глазами смотрел на меня. Поэтому я ему не поверил. Я и сам также невинно смотреть умею. Особенно когда нагло вру.

— Что-то вы не договариваете.

— А вот не скажу. Я тоже вредный.

Вредный он. Угу. От меня научился. Ну надо же, как я плохо влияю на окружающих.

В этот момент где-то вдали послышались милицейские сирены. Нельзя сказать, что они бандитов напугали, но часть гонора потеряли. Стали поспешно выходить из чужого дома. Не обнаружив тех, кого искали, они не видели смысла конфликтовать с милицией. Однако раньше милиции на место прибыла другая машина. Пассажирская «Газель» плавно выехала из-за поворота и притормозила недалеко от навороченных

джипов «хозяев жизни». Медленно отъехала боковая дверь, и на улицу выбрались трое мужчин спортивного телосложения. Им было лет по тридцать пять — сорок. С сиденья рядом с водителем показался мужчина постарше. От всей этой четверки за километр несло военной выправкой. Двигались они совершенно спокойно и уверенно, словно не замечая стоявшие иномарки и парней вокруг. Молча прошли мимо них и заглянули в калитку, откуда недавно вышли бандиты. Рядом со мной выругался священник.

— Ну куда ты полез, Миша. Я ж сказал, чтоб только недалеко постояли. Зачем лезешь?

— Кто это? — хмуро поинтересовался художник.

— Командир мой, — ответил Григорий Иванович. — По Афгану. А те трое — сослуживцы. Мы из одного взвода были.

— А…

— Я к нему сегодня ходил, — пояснил священник, не дожидаясь вопросов. — Рассказал, что и как. Он обещал помочь. И ведь я просил его не лезть! Просто постоять в стороне, подстраховать нас.

Мы с Альеной хмуро переглянулись. Итак, можно подвести неутешительный итог. По плану мы должны были быстренько внушить Алеше веру в себя, и тот, опираясь на нее, а также на пример окружающих его людей, побеждал меня и все тип-топ. Его отец тоже, похоже, начал сознавать, что натворил. Поздновато, конечно, но лучше поздно, чем никогда. Что в итоге? Папаша напивается в ближайшем баре и на всю округу трезвонит о чемодане с деньгами. Всем этим заинтересовалась компания «редисок», бяк и вообще плохих парней. Эти самые бяки, вкупе с продажными милиционерами, теперь носом роют весь город в поисках некоего мальчика, который непонятно где умудрился найти два миллиона долларов. Естественно, у них тоже возникла охота поискать там. Вдруг им тоже что перепадет. Вместо примера мальчику вся наша компания оказалась вынужденной удирать и прятаться. Вдобавок ко всему тут еще затесался отряд бывших разведчиков. Для полного счастья только их и не хватало. А ведь еще в пятом классе нам говорили, что чем больше в задаче переменных, тем сложнее ее решение. И что нам теперь делать? Хоть бросай все и беги.

Бандиты насторожились. Двинулись к вновь прибывшим. Но тут из-за поворота выехал желто-синий уазик. Из него вылез… Угу. Теперь ясно, почему бандиты не волновались. Ленчик, собственной персоной. С гипсовой рукой на перевязи, он смело вылез из машины и направился к бандитам. Важно что-то заговорил. Во артист! Рядом же с Ленчиком пристроился какой-то молоденький милиционер. Явно замена напарника. Ну конечно,

тому ведь со сломанной ногой гораздо труднее. Но все равно жаль, что не приехал. Вот парочка была бы!

Главарь бандитов что-то вежливо стал говорить в ответ. Ленчик важно кивал головой. Конечно, можно было бы и послушать, но мне этого совершенно не хотелось. Во-первых, я и так мог предположить, о чем там говорится. Во-вторых, мне гораздо интереснее было смотреть за прибывшими разведчиками и священником. Наш кроткий и всепрощающий весь напрягся. Кулаки были сжаты. Губы сложились в тонкую линию. Казалось, еще мгновение, и он ринется в бой. Как в молодости.

— Мы не можем здесь отсиживаться, — хмуро заметил он. — Мы должны помочь.

Угу. Давай. Вместе и угодим под раздачу. Как раз то, что бандитам и надо. Сейчас они скандал затевать не будут. Смысла нет. Но если увидят мальчика… Священник, похоже, это тоже понял.

— Нет. Не так. Я один должен пойти. Скажу, что назначил встречу своим друзьям и опоздал.

— А как ты объяснишь, что они пошли к чужому дому? — рассудительно поинтересовался художник. Он вздохнул и встал. — Пойду с тобой. При такой толпе вряд ли что эти типы решатся сделать. А так могут запросто под видом ареста увести и твоих друзей, и бандитов. Бандитам от этого продажного типа ничего не будет…

Фраза осталась недоконченной, но что подразумевал Григорий Иванович, было ясно всем.

Вскоре художник и священник скрылись за деревьями. Я покосился на Алешу. Тот стоял, опустив голову, и поглядывал на меня исподлобья. Отец Алеши мрачно следил за тропинкой, ожидая появления в гуще событий новых знакомых. Поняв, что ни тот, ни другой ничего предпринимать не хотят, я вздохнул.

— Ну а вы чего стоите?

— В каком смысле? — повернулся ко мне Ненашев.

— В самом прямом. Вам что, больше всех надо? Давайте, берите чемодан с вашими деньгами и пойдемте.

— Куда? — удивился Алеша.

— Куда-куда. На кудыкину гору. Вы что, так и будете тут стоять, пока там выясняют отношения? Берите ноги в руки и бегом. Вот у меня тут два билета до Кипра. Думаю, вы там неплохо устроитесь со своими деньгами. И бандиты вас не найдут.

Алеша нахмурился. Его отец как-то странно посмотрел на меня. Потом на чемодан, стоявший рядом с ним. Потом снова на меня.

— Ну? Так и будете туда-сюда глазами водить? Вы же давно хотели избавиться от всей вашей постылой жизни. Так действуйте. Кипр — это рай. Море, солнце. Красота. — Я впихнул Ненашеву Виктору Николаевичу в руки билет. — Самолет вылетает через пять часов. Думаю, успеете. Кстати, вот поддельные документы. По ним вас точно никто не найдет.

Алеша протянул руку.

— Возьми-возьми, — едко посоветовал Ксефон, появляясь за спиной у мальчика. — Ну бери и ты навечно останешься рабом этого типа. Неужели ты не понимаешь, на что он тебя толкает?

Я хмыкнул. Появлению Ксефона я был совсем не удивлен. Даже не проводя сканирования местности, я предполагал, что он ошивается где-то поблизости. Из-за него я не стал объяснять никому и про свое недавнее выступление.

Алеша зло зыркнул в его сторону.

— Ты ничем не лучше его. Ты такой же, как он. — Мальчик взял документы. Повертел их. Потом подошел к отцу и отдал один. — Это твой.

Виктор Николаевич машинально взял. Мальчик же, кряхтя, подтащил чемодан поближе к отцу. После чего развернулся и направился в сторону тропинки, на ходу разрывая свой билет в клочья.

Ксефон торжествующе взглянул на меня и показал язык. Ну не идиот?

Ко мне подошла Альена и встала рядом. Отмахнулась от ветки, касавшейся ее щеки.

— А если бы он взял билет? Что бы ты делал тогда?

— Тогда? — Я проследил за тем, как Алеша исчезает среди деревьев. — Тогда я признал бы свое поражение.

Альена удивленно посмотрела на меня, но я был серьезен. Человек, способный предать тех, кто, по сути, спасает его жизнь, перестает быть человеком.

— Но я верил в него, — закончил я.

— А-а!

Я обернулся на крик. Ненашев со всей дури пинал чемодан, чуть ли не прыгая на нем. Однако чемодан попался на редкость крепкий. Даже не раскрылся.

— Будьте вы все прокляты!!! — прокричал он.

— Как я понимаю, вы проклинаете тех, кто виноват в ваших бедах? — ехидно осведомился я. — Не назовете имена этих негодяев? Обещаю примерно наказать их. Окажу вам эту услугу.

Виктор Николаевич наградил меня совершенно диким взглядом. Потом подхватил чемодан и понесся следом за сыном.

— А все-таки он еще не все человеческое пропил, —

констатировала Альена.

— Удивительно, — согласился я.

— А ты не выглядишь расстроенным проигрышем, — заметил Ксефон.

— Да не переживай ты обо мне, — благодушно заметил я. — Еще не вечер. А теперь отвали. Дай послушать, что там происходит. Надо же мне спланировать новое злодейство против невинного мальчика и его добропорядочного отца.

Ксефон хмыкнул и отстал. Не столько потому, что я попросил, сколько из-за того, что ему самому было интересно услышать, что происходит у дома Григория Ивановича. Тем более что там как раз появились наши знакомые.

Григория Ивановича и отца Федора я увидел сразу, как только те вынырнули из тропинки между домами на улицу. Переговариваясь, они, словно не замечая никого вокруг, двинулись к дому.

— Вот он, тот козел!!! — услышал я довольно эмоциональный крик одного из бандитов. Присмотревшись, я узнал в нем того, кому уже досталось однажды от отца Федора.

Священник совершенно невозмутимо оглядел крикуна.

— Вы всегда оскорбляете священников, сын мой?

— Какой я тебе сын, придурок!!!

Священник развел руками и, поворачиваясь ко всем присутствующим, вопросил:

— Люди, да что ж это делается? Уже нельзя на улицу выйти, чтобы тебя не оскорбили. Причем безо всяких на то оснований.

Я хмыкнул. Продался этот Ленчик там или нет, но сейчас ему трудно будет обвинить вновь прибывших в провоцировании драки. Этого, похоже, священник и добивался. Склонив голову и перекрестив ругающего его, он направился к вновь прибывшей на «газели» четверке, раскрыв объятия.

— Мишка, старый друг! Как давно я тебя не видел.

Обменявшись объятиями с одним, он тут же попал в объятия к другому человеку.

— Володька, дружище! Все такой же здоровяк.

Я только восхищенно поцокал языком. Во дает святой отец. И как все устроил. Встреча старых друзей по службе. А тут какие-то типы на машинах, которых, собственно, никто не звал. Да те еще и оскорбляют его.

Бандиты мрачно смотрели на все происходящее. Было видно, что они совершенно не представляют, что им делать.

— Вы кто такие? — вылез вперед Ленчик.

Священник оглядел милиционера с ног до головы.

— Гости мы. Вот к уважаемому Григорию Ивановичу

приехали. Хотим сделать ему заказ. Так сказать, бывшие сослуживцы.

— Сослуживцы.

— Ну да, — улыбнулся священник. Хорошо улыбнулся. Почти как я. И почему от его улыбки милиционера передернуло? — Вторая рота отдельного штурмового батальона. Разведка. Афганистан. Чечня.

Милиционер растерянно кашлянул и покосился на главаря. Те тоже как-то посмурнели. А тот, кто узнал священника, даже слегка попятился. Я хмыкнул. И тут на сцене, то есть на улице, появился Алеша. Он был бледен, но настроен весьма решительно. Он молча прошел мимо опешивших художника и священника и подошел прямо к главному среди бандитов.

— Вы меня искали? — Голос мальчика дрогнул, и он мотнул головой, словно прогоняя страх. — Вот он я. И оставьте всех остальных в покое. Они вам все равно помочь не могут. Это мои деньги, и я их получил.

— Сынок!!! — Из переулка выскочил Виктор Николаевич с чемоданом. Он подскочил к сыну и отпихнул его себе за спину. Потом швырнул чемодан под ноги главарю. — Вот ваши деньги и убирайтесь! Оставьте нас в покое! — Ну какое трогательное зрелище. Вся семья в сборе. Был бы сентиментальный, обязательно прослезился. Тут я заметил кое-что и хмыкнул. Действительно вся семья. Над головой Алеши парило привидение его матери. Явно Альена постаралась. Иначе самостоятельно ему сюда было не добраться. Зачем только, непонятно. Привидение же, грозно выставив кулаки, пыталось закрыть собой сына. Правда, безуспешно.

— Какая картина! — восторженно протянул я.

— Эзергиль! — рявкнула Альена. — У тебя вообще что-нибудь святое есть?!!

— Святое? — Я задумался. — Жареная картошка с котлетой и кетчупом. Что еще? Грибы под майонезом…

— Эзергиль!!!

— А-а? Сама спросила.

Альена грозно нахмурилась и огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого. Позади захлопал в ладоши Ксефон.

— Какое трогательное зрелище.

Нет, этот тип точно никогда не поумнеет. Альена тут же перенесла свое внимание на него. А это, когда Альена находится в таком э-э… рассерженном состоянии, по меньшей мере, опасно. В следующее мгновение Ксефон от чувствительного тычка влетел в кусты и, проломив в них дорожку, скатился в овраг.

— Да я тебе сейчас!!! — рассвирепел он, пытаясь выбраться

из ямы. Совсем ума лишился. Забыл, с кем имеет дело. Впрочем, я оказался не лучше. Вместо того чтобы предоставить разбираться Альене, для которой этот герой тьфу, вылез сам и встал перед разгневанным Ксефоном.

— Попробуй сначала со мной, — посоветовал я.

Ксефон попятился.

— Тили-тили тесто, — уже не так грозно буркнул он.

— Вот что, герой. Давай решим наш спор, как полагается добропорядочным чертям.

Ксефон подозрительно оглядел меня, подозревая подвох.

— Это как?

— Спором, конечно. Давай заключим пари. Если я провалю зачет по летней практике, то я целый месяц выполняю все твои желания. Естественно, только те, которые вообще реально выполнить. Ну а если я зачет все-таки сдаю, то извини. Выполнять желания будешь ты.

— Эзергиль! — Альена вылезла передо мной. — Ты хоть постыдись! Как тебе не стыдно!

Я аккуратно отстранил девочку.

— Альена, прошу тебя. Это наши внутренние чертовы дела. Ты не можешь вмешиваться в это.

Альена сердито уставилась на меня. Потом фыркнула.

— Вы все идиоты там, в аду.

— Еще какие, — согласился я. — А ты вот пообщайся с разными грешниками. Посмотрю, чего ты от них нахватаешься. А ведь черти такими добропорядочными были раньше…

Девчонка демонстративно от нас отвернулась. Вмешиваться в этот спор она действительно не имела права. И прекрасно это знала. Однако от попытки предотвратить спор не отказалась.

— Я тебе очень советую подумать, — кинула она через плечо Ксефону.

Зря сказала. Ксефон никогда не прислушается к ангелу. Из чистого упрямства. А зря. Ангелы никогда плохого не посоветуют.

— Ты в самом деле уверен, что тебе удастся удержать мальчишку? — усмехнулся Ксефон. — Его последние действия указывают, что он искренне готов помочь всем. Даже в ущерб себе.

Я пожал плечами.

— Еще не вечер.

— Ну тогда держись. — Ксефон протянул руку. Я ее пожал.

— Сделка заключена. — Я быстро вытащил из воздуха договор с условиями спора, подписал и протянул его Ксефону. Тот засопел. Подобный трюк он делать не умел. Однако договор принял и въедливо прочитал каждый пункт. Хотя чего читать?

Там их всего два. Потом подписал. Я хлопком отправил договор директору школы. После чего молча развернулся и скрылся в мороке. Альена сердито хмыкнула. Собралась было гордо отвернуться, мол, не очень-то и нужен ты мне тут, но не успела. Я высунул руку, ухватил девчонку за плечо и втащил в морок. Та только пискнуть успела.

— Долго ты еще тут торчать собралась? — поинтересовался я и, не дожидаясь ответа, прямо сквозь заборы и дома по прямой зашагал в сторону эпицентра событий. «Бомба всегда попадает в эпицентр», вспомнил я и хмыкнул. Значит, Алеша и есть бомба, ибо там, где он, там эпицентр.

Альена что-то сердито крикнула мне вслед. Но тут же поняла, что опять осталась одна, и бросилась за мной.

— Ты настоящий черт! — сердито бросила она мне. — Обманул Ксефона. А ведь его, убогого, грех обманывать.

— Грех — это по вашему ведомству, — буркнул я. — А он такой же черт, как и я. Вот скажи, ты как ангел имеешь что-нибудь против обмана черта?

Альена озадаченно уставилась на меня. С такой точки зрения она на проблему не смотрела.

— Все равно я не одобряю обман.

— Ну и не одобряй. Кто тебя заставляет? Главное, не вмешивайся.

— Черт, — процедила Альена сквозь зубы и отвернулась.

Я же подошел к компании и остановился позади Алеши. Тот стоял рядом с отцом и с нескрываемым удивлением смотрел на него. Мне показалось или в его глазах действительно была гордость за отца? Вот удивительно. Никогда бы не подумал. А что нужно-то? Всего лишь вмешательство талантливого и умного черта. Ну и ангела в помощь. Рядом с Виктором Николаевичем в рядок выстроились священник, его командир, трое сослуживцев и Григорий Иванович. Напротив замерли бандиты. Чуть в стороне прохаживался растерянный Ленчик. А вокруг стояли люди — соседи художника. Всем было ясно, что это молчаливое противостояние бандиты проиграли. Понимали это и они. Но никак не могли придумать способ уйти и сохранить лицо.

— Что вам еще надо? — вежливо поинтересовался командир отца Федора. — Деньги получили? Так идите.

Главарь в конце концов понял, что пора что-то делать. Или так стоять можно до второго пришествия. Он молча подхватил чемодан и раскрыл его. Присвистнул. Потом махнул рукой своим. Вся компания быстро расселась по машинам и унеслась, оставив растерянного Ленчика. Теперь уже на него смотрели все. Алеша высунулся из-под руки отца и тоже смотрел на милиционера. Под

этими всеобщими взглядами тот чувствовал себя очень неуютно. Тут вперед вышла Альена. Понятно, ее никто видеть не мог, но присутствие ангела — это как огонек в ночи. Не почувствовать его присутствия невозможно. Люди как-то даже посерьезнели. И словно волна тепла прокатилась по округе, Ленчик поежился. В каждом взгляде окружающих ему виделось презрение. Ему казалось, что все вокруг знают все о его преступлениях, обо всех его грехах и грешках. И эти окружающие люди казались ему героями, сошедшими с полотен. Он втянул голову в плечи, словно стараясь спрятаться от всех. Сгорбившись, зашагал к машине, ускоряя шаг. Под конец он уже бежал. Молоденький стажер проводил своего шефа недоумевающим взглядом и побежал за ним. Ленчик же, словно вспомнив, что одной рукой управлять машиной не сможет, замахал здоровой рукой своему подопечному. Тот молча запрыгнул на водительское кресло. Машина рванула с места и вскоре исчезла за поворотом.

— Я выигрываю, черт.

Я покосился на парящий рядом со мной призрак и вздохнул.

— Слушай, ну что тебе в раю не сиделось? Вот шляешься по мирам. Неприятности разные чертям творишь.

— Я сына защищаю!

— А. Ну да, ну да. Защищаешь. Ну и как? Защитила?

— Эзергиль!

Тык-с, знакомый голос и знакомый тон. В конце концов, этот ангел меня доведет. У меня на собственное имя аллергия будет.

— Альена! — рявкнул я, подражая ей.

Мы с Альеной грозно уставились друг на друга.

— Между прочим, ее заслуга в том, что Алеша не поддался соблазнам, значительна! Именно она заложила в своего сына все хорошее, что у него есть.

— И плохое тоже, — парировал я. — Иначе он не попал бы в этот переплет.

— Ты несправедлив! Он всего лишь ребенок!

— А его отец взрослый! В судьбе мужа тоже ее вина!

— А вот и нет!

— А вот и да! Я лучше знаю!!!

— Дети, дети!!! — Призрак Зои Ненашевой вклинился между нами. — Что вы тут устроили? Как вам не стыдно?! Вы еще подеритесь.

Мы с Альеной дружно уставились на призрака. Потом друг на друга. Первым не выдержал я и захихикал. Ко мне присоединилась Альена. Через секунду мы уж хохотали на пару.

— Смейтесь-смейтесь, — заговорил остановившийся рядом со мной Ксефон. — А я, между прочим, уже почти победил. До

твоего проигрыша осталось совсем чуть-чуть. А это что тут за привидение болтается?

Ксефон, как всегда, сама любезность.

— Постыдился бы, — благодушно отозвался я. — Это мать Алеши.

— А-а. Та самая, что шастает где ни попадя. От рая отказалась ради сына. Дура…

— А это кто такой умный? — сердито поинтересовалась Зоя.

Я только рукой махнул, заинтересовавшись тем, что происходило за пределами зоны моего морока. А там Григорий Иванович уже закончил рассказывать соседям о последних событиях. Судя по всему, о чертях и ангелах он умолчал. По крайней мере никто не бежал вызывать «скорую». Сейчас он приглашал в дом всех участников событий. С друзьями отца Федора он уже был на ты. Я видел, как он хлопал по плечу бывшего командира священника, называя его Михаилом. Алеша же не отходил от отца Да-с, а все получилось не так уж и плохо. Совсем неплохо.

Тут я заметил, как Ксефон нырнул во двор следом за гостями. В дом-то он попасть не мог без приглашения после того, как этот дом благословил отец Федор, вот и увивался теперь вокруг, заглядывая в окна. Похоже, он собрался присматривать, чтобы нехороший я не сотворил какую пакость. Ну пусть посмотрит. О-о, и призрак туда же. Впрочем, Зою понять можно. Она прекрасно знает, что теперь не скоро сможет увидеться с сыном. Мы с Альеной остались вдвоем. Я проводил взглядом всю компанию и повернулся к девочке.

— Альена… — Я замолчал. Хм, странно. С каких это пор я стал испытывать неловкость при разговоре? К врачу надо. Срочно.

— Что? — Альена тоже потупилась. Эпидемия прям.

— Слушай, похоже, они там пировать будут…

— Ну да…

— Мы там лишние. Зачем мешать? Напоминать о всяких трудностях в их жизни.

— Ну да…

— А давай тоже праздник устроим? Вроде заслужили. Как ни странно, но нам все удалось. Теперь немного осталось. А у Алеши и его отца появились настоящие друзья. И Виктору Николаевичу, может, удастся начать все сначала.

— Да. Может, и удастся. А что за праздник?

— Да просто повеселимся! Имеем право? Имеем. Заслужили. Каждая хорошо сделанная работа заслуживает награды. Давай в кафе, что ли, сходим?

Альена замотала головой.

— Не хочу. Никаких кафе и прочих шумных мест. Пойдем на речку? Найдем где-нибудь спокойное место и посидим. Смотри, какой денек. Красота.

— Айда, — согласился я. В этот момент я был согласен на все. Настроение было приподнятое.

Альена протянула мне руку.

— Тогда пойдем.

Я осторожно взял ее за ладонь.

— Лучше побежали. И ну его, этот морок. Сегодня мы будем самыми обычными людьми.

Взявшись за руки, мы бросились вдоль улицы, со смехом распугивая ворон и голубей. Альена вырвала ладонь у меня.

— Догоняй! — крикнула она мне. Я бросился следом. В этот момент жизнь была прекрасна…

Река мерно катила свои воды к югу. Над головой шептала листва, колышимая небольшим ветерком. Вот ветка ивы коснулась воды, и по поверхности реки прошли круги. От ветки шарахнулся в сторону какой-то жук, недовольно жужжа. Редкие лучи солнца проникали сквозь нависшую над берегом листву и гладили мне щеку. Я недовольно поморщился и попытался рукой пристроить над собой побольше веток. Сидевшая рядом Альена протянула веточку и коснулась моего носа. Я оглушительно чихнул, окончательно распугав всех насекомых в округе, и сел.

— Нет, такой сон оборвала, — недовольно буркнул я.

Альена рассмеялась.

— Вот притвора. Можно подумать, ты спал.

— Я не спал. — Я многозначительно поднял вверх указательный палец. — Я думал.

— И о чем ты думал, позволь спросить?

— О том, как я буду делать доклад комиссии по практике. Надо заранее все обдумать и подобрать слова.

— Эзергиль, ты неисправим!

— Конечно нет. Я, собственно, и не хочу исправляться. Я себе и таким нравлюсь.

— Подумай над тем, чтобы понравиться и другим.

— А зачем? Мне достаточно того, что я нравлюсь тебе.

— Ах ты… — Альена возмущенно вскочила и хлестнула меня прутиком, который держала в руке и отгоняла комаров. Я увернулся, спрятавшись за дерево. Альена попыталась добраться до меня с другой стороны.

— Пощады! — со смехом взмолился я.

— А вот фиг тебе! — зловеще пообещала Альена. — Будешь знать, как дразнить меня!

— Тогда все последствия твоей жестокости лягут на тебя.

— Какие последствия?

— А вот эти. — Я неожиданно выскочил из-за дерева, поднырнул под рукой Альены и прямо с берега сиганул в воду. Альена ахнула и бросилась к реке.

— Ты сумасшедший! Ненормальный! А ну вылезай немедленно! Ты же весь мокрый! Ох, во что же ты переодеваться будешь?

— А ни во что! — Я набрал горсть воды и кинул ее в Альену. Та с визгом отскочила.

— Ну берегись! Только вылези из воды!

— А я не вылезу, — нагло заявил я, забираясь поглубже. — Пока не простишь, не вылезу.

— Эзергиль!

— Да? Слушаю вас, миледи!

— Хватит придуриваться! Вылезай.

— А где ваше прощение?

— Ну ладно-ладно, прощаю, только вылезай, ради Бога.

— Ты призываешь черта вылезти ради Него? Очень смешно. Я вылезаю только ради тебя.

— Сумасшедший!!!

— Точно.

Я медленно выбрался на берег и слегка согнулся, давая воде стечь с одежды на землю. Бр-р. Ощущения не из приятных. Я поспешно снял рубашку и попытался ее отжать. Альена молча забрала у меня один конец рубашки, и мы стали отжимать ее на пару.

— Идиот! Кретин! Болван! — повторяла Альена при каждом рывке. — Чего тебя в реку понесло?

Я поспешно отобрал у Альены рубашку. Та настолько вошла в раж, что одежда готова была уже лопнуть от скручивания. Встряхнул ее.

— От тебя прятался. Когда ты сердита, народ разбегайся.

— Спасибо на добром слове.

— Пожалуйста. — В моем голосе сарказма было не меньше, чем у Альены.

Альена вдруг прервала пикировку и замерла.

— Ты чего? — Я недоуменно уставился на нее.

Альена предостерегающе подняла руку.

— Что-то случилось. Я чувствую беду с теми, кого мы знаем.

Мы с Альеной встревоженно переглянулись.

— Алеша!!! — хором воскликнули мы и сорвались с места.

Глава 7

Вода хлюпала в обуви и мешала бежать, потоком стекая с мокрых брюк. Если рубашку на пару с Альеной мы отжали, то брюки при ней я снимать, понятное дело, не стал. Решил, что и так высохнут на летнем солнце. Торопиться-то было некуда. И вот… нате вам. На бегу я пытался высушиться, но в голову не приходил никакой способ. Как там в раю у меня высушили одежду, когда я приходил в архив? Эх, не спросил тогда. Как бы мне этот способ пригодился. Я чуть приостановился и стянул с ноги один ботинок, потом второй. Направил на них мощный ток тепла. Альена успела убежать довольно прилично, прежде чем поняла, что меня рядом нет. Она остановилась и обернулась. Вмиг оценила обстановку.

— Кретин! И кто тебя просил купаться в одежде?!!

— Нечего меня было загонять в воду, — огрызнулся я. — Я не могу так бежать.

Альена подлетела ко мне и вырвала из рук ботинки. Посмотрела на мои ноги в носках. Ее глаза метнули что-то типа молний. Я подпрыгнул.

— Ты с ума сошла! — взвыл я, скача с одной ноги на другую. — Ты всерьез полагаешь, что без ног я побегу быстрее?

— Ничего с твоими ногами не случится. Зато носки высохли.

Я недоуменно уставился на свои ноги. Пошевелили пальцами. Хм, действительно высохли. Умеют же эти ангелы. Им бы в прачечной работать.

Альена тем временем занялась моей обувкой. Еще пара молний… от ботинок аж пар пошел. Но когда я взял их в руки, они были совершенно сухи.

— Класс! А говорила, что ничего не умеешь.

— Это я умею. А теперь займемся твоими брюками.

Я в ужасе отскочил в сторону.

— Нет! Не надо! И так высохнут! Мокрые брюки, в отличие от обувки, мне бежать не мешают.

Альена пожала плечами. Кажется, обиделась. Ну и пусть. Одежду она сушит действительно великолепно и быстро. Но когда одежда на мне… увольте. Еще раз испытывать подобные ощущения меня не тянет. Однако стоит торопиться. Я поспешно стал обуваться. Но тем не менее меня не покидало чувство, что мы опоздали. Причем опоздали катастрофически.

Со всеми этими задержками, мы подбежали к дому Григория Ивановича минут через пять. Здесь никого не было. Но за поворотом улицы отчетливо ощущалась боль и тревога. Не

сговариваясь, мы с Альеной устремились туда, даже не заходя во двор.

За углом дома я увидел всех наших знакомых. Кроме Алеши и… и священника. Впрочем, священника я обнаружил довольно быстро. Он лежал в пыли на обочине дороги. А рядом с ним сидел тот самый котенок, которого подарила Альена Алеше. Котенок совершенно спокойно сидел рядом с раненым и умывался. Для него вокруг не было ничего необычного. А вокруг раненого стояло множество людей. Кажется, они собрались здесь со всех окрестных улиц. Тут же находился и Ксефон.

— Что здесь произошло?! — схватил я его за грудки.

— Я тебя хотел бы спросить! — взъярился он. — Сознавайся, твоя шутка?!

— О чем ты?!

— О чем? Вот об этом! Твоя работа?

— Ты рехнулся? — Я даже отпустил Ксефона.

— Как же, рехнулся. А где ты все это время был? Небось, отыскал тех бандитов и сообщил им что-то.

— Ты толком объяснить можешь?! Какие бандиты?!! Откуда?! Они же уехали?!

— Уехали, как же. Может, и уехали б, если бы не ты! Ты их наверняка подговорил ждать здесь. Они и ждали. А мальчик захотел какой-то сюрприз отцу сделать. Как бы примирение. Вот и уговорил священника сходить с ним в магазин. Мы потом только выстрелы услышали. Прибежали, а тут вот… святоша лежит в луже крови, а мальчишка пропал. А ты, Эзергиль, все-таки гад! Ты нарушил наши законы…

— Заткнись!!! — рявкнул я.

— Тебе это с рук не сойдет!!! Побоялся проиграть!!!

— Заткнись, я сказал!!!

Я склонился над священником. Тот уже почти не дышал. У-у-у, гадство! Гадство! Гадство! Рядом склонились его друзья. Меня они, конечно, не видели. Командир наклонился над своим другом. Из глаз у него текли слезы.

— Федя, — повторял он. — Федор, черт тебя побери! Держись! Не смей умирать! Слышишь, не смей! Сейчас «скорая» приедет… Да где там эта «скорая»?!!

Остальные бывшие сослуживцы стояли молча. Все были мрачны. Григорий Иванович выглядел ошеломленным. А вот Ненашев… Он вообще был серым. Я даже боялся, что его инфаркт может хватить.

Вдали завыла сирена «скорой». Врачи выскочили из машины и бросились к раненому. Женщина-врач поспешно достала стетоскоп и приложила к груди.

— Стимулятор, быстро! — скомандовала она. Ей тут же всучили чемоданчик. Она начала поспешно копаться в нем, доставая шприц и какой-то тюбик. Второй врач пытался остановить кровь, прикладывая к груди тампон. В этот момент Ненашев рухнул на землю. Врач мельком взглянула на него. Видно, его вид ей сильно не понравился. Она выругалась сквозь зубы. Бросилась к нему.

— Доктор! — Ее за рукав схватил бывший командир отца Федора — Миша, как называл его священник. — Он же умрет, если не поможете.

Женщина высвободила рукав.

— Он тоже! Кому оказывать помощь? Решайте.

Миша замер. Он беспомощно посмотрел на своего бывшего сослуживца и подчиненного. Потом на Ненашева. И тут священник неожиданно открыл глаза. Прикоснулся к руке Михаила.

— Командир… — Он закашлялся. — Командир, отыщи мальчика. Прошу тебя… помоги им. И… спасайте Виктора. Для него это важнее…

— О чем ты? — склонился над ним Миша.

— О чем… — Священник опять закашлялся. Потом улыбнулся. — Одни друзья уверили меня, что я попаду в рай. Говорили, что я чуть ли не святой… — Отец Федор усмехнулся. — А Виктору… ему еще искупать свои грехи надо… для него жизнь важнее… поверь мне, Миша… пожалуйста…

Я закашлялся и отвернулся. Краем глаза заметил, что отвернулась и Альена, поспешно прикрывая глаза.

Ух, ну какое же гадство!

Михаил выпрямился. Он как-то странно посмотрел на священника. Открыл рот… закрыл. Все взгляды обратились к нему.

— Быстрее решайте, — устало попросила врач. — У того человека инфаркт. Если не помочь, то…

Михаил с нескрываемой злостью посмотрел на Ненашева.

— Надеюсь, ты стоишь этого, — прошептал он. — Ради твоего сына только. — И уже к врачу: — Помогите ему. Его зовут Ненашев Виктор Николаевич.

Врачиха кивнула и бросилась к отцу Алеши. Конечно, отцом Федором тоже занимались, но квалифицированный врач тут был только один, а она никак не могла разорваться между двумя пациентами. Хотя явно и пыталась.

Я толкнул в бок Альену. Девчонка дернула плечом, но не повернулась. Я опять толкнул ее.

— Ну чего тебе? — со всхлипом спросила она.

— Посмотри.

Альена обернулась. Чуть в стороне стояли ангел и черт и наблюдали за всей суетой. Ангел был во всем белом. Черт соответственно в черном. Они стояли рядом и терпеливо ждали.

Мы с Альеной переглянулись. Кажется, между нами стала устанавливаться какая-то телепатическая связь. Едва взглянув друг на друга, мы сразу поняли, о чем подумал другой. И даже не сговариваясь, шагнули к взрослым. Альена к ангелу, я к черту. Те с интересом посмотрели на нас.

— Уважаемый. — Я смущенно кашлянул. — У меня к вам просьба… Тот человек… он наш друг… Очень хороший друг. Нам бы хотелось… прошу вас… нам бы хотелось самим проводить его.

— Это не по правилам… — нахмурился черт.

— Что значат правила для черта? — улыбнулся я. — И потом… — Я поманил черта к себе, и когда он склонился, я зашептал ему на ухо, кивая на Альену. Тот тоже посмотрел на нее и улыбнулся.

— Тебе действительно это так важно?

Я кивнул.

Черт задумался. Потом махнул рукой.

— Ладно. Договорились. Но свое обещание выполни!

Я приложил к сердцу сжатую в кулак руку.

— Железно.

Мы с чертом повернулись к ангелу и Альене. А вот у нее дела шли, похоже, не так успешно. Она чуть не плакала, но ангел только отрицательно качал головой.

— Кажется, тут проблемы, — хмыкнул черт. — Что будем делать?

Я огляделся.

— А нельзя ли…

— Понял. — Черт щелкнул хвостом, и мы очутились в каком-то пустынном месте. Вокруг, насколько хватало взгляда, росла только трава.

— Эй, Заурен, что за шутки? — Ангел повернулся к черту.

— Никаких шуток, — отозвался черт. — Просто выполнил просьбу своего собрата. Ты понял, чего хотят эти молодые люди?

— Понял, но это не по правилам!

— Да наплюй.

— Что значит наплюй?.. Постой, ты хочешь сказать, что поддался на уговоры этого…

Заурен вместо ответа подпрыгнул. Его хвост вдруг вытянулся как шпага и отвалился, вмиг превратившись во что-то нематериальное, во что-то, похожее на дым. Он осторожно принял это и вручил мне. Я аккуратно принял хвост. Поклонился.

Что делать дальше, я знал. Мгновение, и хвост был уже у меня. Я повернулся к ангелу. Тот стоял, разинув рот, и смотрел на меня.

— Заурен, ты рехнулся!!! Я знал, что черти сумасшедшие, но не до такой степени! Доверить хвост ребенку… Ты понимаешь, что делаешь? Я вынужден буду доложить об этом.

— Да докладывай на здоровье, — махнул рукой черт. — Но почему бы не помочь детям, раз просят? Друг их все-таки умирает. Эй, ты же ангел! Ты должен помогать.

— Это не помощь, а безответственность!

— Я полностью с вами согласен, — поддакнул я. — Этой девчонке нельзя доверять крылья! Она совершенно безответственна. К тому же троечница. А как она ругается… Ну какой из нее ангел?

Альена посмотрела на меня как на предателя и отвернулась. Ее губы задрожали. Кажется, подобного предательства она от меня не ожидала.

— Так что вы совершенно правы. Пойдемте вдвоем с вами.

— С тобой? Заурен!!!

Заурен лишь пожал плечами и усмехнулся.

— Ничем не могу помочь, Локурд. Я уже пообещал. Сам понимаешь, нарушить слово не могу.

Ангел задумался. Потом махнул рукой.

— Ладно. Ты хоть знаешь, как с хвостом обращаться?

— Теоретически, — улыбнулся я. — Понимаете, я много читал об этом. Вот смотрите. Если я щелкну хвостом вот так, то должен взлететь на два метра.

Я щелкнул. На два метра я взлетел. А из-под хвоста взлетела еще куча камней. Несколько штук полетели точно в ангела. Тот еле успел увернуться.

— Ой! — Я сел на землю и виновато опустил глаза. — Простите. Немного не рассчитал. Как же там было? А-а, я немного амплитуду не рассчитал. Это был боевой защитный прием…

— Боевой!!! — вскричал ангел. — Стой!!!

Поздно. Я снова щелкнул хвостом. Парочка молний взъерошила волосы на голове Локурда. Тот поспешно ретировался.

— Опять не рассчитал, — покаянно пробормотал я. — Что же я неправильно делаю? Может, надо было не так щелкать? Может, надо с перехлестом?

— Стой!!! — Ангел слегка приподнялся на руках. — Не надо больше щелкать.

— Ладно, — согласился я. — Тем более что щелчки у меня не очень получаются. Полетели на встречу, что ли? Можно я поведу?! Ну можно?! Я знаю, как перемещение делается. Надо

закрутить хвост вправо… или влево… ладно, не важно, по ходу разберемся. Я вот еще вспомню, как туннель создавать…

— Хватит!!! Заурен, немедленно отбери у него хвост! Он же и себя угробит, и меня!

Заурен опять улыбнулся и развел руками.

— Прости, но договор нерушим.

Ангел выглядел… несколько смущенно. Он с явной опаской следил за малейшим движением моего хвоста, готовый немедленно броситься в укрытие.

— Я могла бы пойти вместо вас, — вышла вперед Альена. Похоже, она поняла мой план. — Я прослежу за этим неумехой. Я на него влияние имею.

— Чтобы я отпустил ребенка с этим… этим…

— Ребенком, — вежливо подсказал Заурен. — Локурд, мне кажется, мальчик вряд ли причинит вред девочке. А вот вам может.

— Это угроза?

Черт пожал плечами.

— Решай сам. Или ты отправляешься вместе с ним, или девочка. Наше задание должно быть выполнено.

— Ну пойдемте со мной! — попросил я. — Я вам еще сальто с хвостом покажу. Понимаете, я читал, что если сделать сальто, то твоего противника может вывернуть наизнанку.

— И с ним я должен отпустить ребенка? Девочку?

— Я не боюсь. Вообще-то меня он слушается. Эзергиль, ты ведь не будешь делать сальто?

Я хмыкнул.

— Если попросишь, не буду. Но не понимаю, что в нем страшного?

— Кажется, дети вполне понимают друг друга. Локурд, под мою ответственность.

— Ага! Что мне от твоей ответственности, если этот черт убьет девочку?

Заурен вдруг поднял голову.

— Локурд, решай! Время вышло.

Ангел растерянно посмотрел на меня. На Альену. Я демонстративно качнул кончиком хвоста. С него сорвалась маленькая молния. Локурд отшатнулся.

— Ну если под твою ответственность… — Он поспешно скинул крылья.

Альена взвизгнула и бросилась к ним. Через мгновение крылья расправились у нее за спиной. Я замер. Я и не думал, что Альена может быть настолько красивой!!! Я часто представлял ее с крыльями, но все мои фантазии оказались ничто перед

реальностью. Она вдруг как-то неуловимо преобразилась… Даже трудно сказать. Вроде вот она, та же девчонка. Те же волосы, собранные на затылке «хвостом», то же лицо, но… Но она как бы сияла изнутри. А крылья… крылья словно переливались всеми цветами. Они были одновременно материальны и нет. Альена взмахнула ими. Поднятый ветерок растрепал мне волосы. Я смахнул их с глаз. Осторожно подошел к… к ангелу и протянул руку с легким поклоном. Альена улыбнулась. Миг, и ее одежда преобразилось в роскошное белое платье, волнами спадающее ей до щиколоток. Она вложила свою ладонь в мою. И тут же преобразилась моя одежда. Теперь на мне был строгий костюм-тройка в темных тонах.

Я посторонился, пропуская Альену и держа ее руку. Девочка плавно прошествовала мимо остолбеневшего Локурда. Каждый из нас стал тем, кого видел в нем другой…

— Кажется, дети неплохо понимают друг друга, — хмыкнул Заурен.

— Но это неправильно!!! — вскричал Локурд. — Он же черт!!! А она ангел!!! Так не должно быть!!! Но… Я не верю!!! Преображение!!! Невозможно!!! Не верю!!!

— Кажется, времена меняются, о, мой друг и враг, — задумчиво промолвил Заурен. — И изменят их именно эти дети. Теперь я понимаю…

Я крутанул хвостом, открывая Путь. В образовавшийся просвет мы и шагнули с Альеной.

— Эй, а этот парень неплохо обращается с хвостом! — вскричал ангел. — Кажется, он надул меня.

Последнее, что я услышал, прежде чем за мной закрылся туннель, — это громовой хохот Заурена.

На первый взгляд на улице ничего не изменилось. Так же толпились люди. Так же суетились врачи. Но теперь, обладая хвостом, я ощущал, что душа одного из присутствующих готова в любой момент оторваться от тела. Еще одна держалась с трудом, но здесь все было в порядке. Мы с Альеной подошли к Виктору Николаевичу и склонились над ним.

— Ненашев Виктор Николаевич, — торжественно проговорил я. — Вы сейчас не слышите меня, но слова эти запомните. Один очень хороший человек пожертвовал собой, чтобы дать вам возможность в этой жизни исправить свои ошибки. У вас есть шанс. Будьте же достойны его.

— Ненашев Виктор Николаевич, — заговорила Альена. — Я надеюсь на вас и верю в вас. Поверьте в себя и вы. У вас остался сын. Замечательный мальчик. Но если вы не поможете ему, не укажете правильный путь, то этого не сделает никто. Если не вы,

его отец, то кто? И вы виноваты перед ним. Очень виноваты. Однако вину свою искупить, живя в прошлом, нельзя. Помните о прошлом, но не давайте ему влиять на настоящее. Живите будущим.

— Эй, ты где раздобыл хвост?! Ты понимаешь, что будет тебе за кражу?

Я медленно повернулся к Ксефону. Видно, было нечто в моем взгляде. Он вдруг как-то съежился и попятился. И в этот момент Ксефон показался мне настолько жалким, что я даже не мог презирать его. Только жалеть.

— Ксефон. — Я сам удивился силе, прозвучавшей в моем голосе. — Прошу тебя. Скройся с моих глаз сейчас. Я не хочу тебя видеть. Потом встретимся. Когда все закончится.

И Ксефон исчез. Каким-то образом я знал, что он действительно убрался отсюда и не покажется до конца происходящего. Он просто не сможет нарушить мой запрет.

Альена подошла и положила руку мне на плечо.

— Правильно. Нельзя презирать того, у кого нет даже целей. Просто напакостить и сбежать. В этом весь Ксефон. Он сам не понимает, насколько жалок. Оставь его. У нас другое дело.

Я молча кивнул. Прямо сквозь людей направился к лежащему отцу Федору. Рядом встала Альена, расправив за спиной крылья. Вспыхнуло сияние. Но странно, оно совершенно не обжигало меня. Я, как в плащ, закутался во мрак. Вместе с Альеной мы синхронно протянули руки. Тотчас тело Федора Ивановича начало светиться изнутри. Мы ухватили это сияние и помогли ему освободиться.

— Еще раз здравствуйте, Федор Иванович, — грустно улыбнулась Альена.

Священник на мгновение замер, разглядывая себя. Потом посмотрел на свое тело.

— Ешкин кот, — пробормотал он, подняв на нас глаза. — А вы кто такие?

Я слегка снял завесу мрака вокруг головы. Альена притушила сияние.

— Вы?! — Федор Иванович уставился на нас. Потом осторожно протянул руку и коснулся крыла Альены. Та не стала противиться. Даже пододвинулась поближе и развернула ему крыло, чтобы удобнее было. Священник провел рукой по словно сотканной из воздуха поверхности. Потом повернулся ко мне.

— Но-но. — Я даже слегка попятился. — Даже не думайте трогать мой хвост. Он не для этого.

Священник вдруг улыбнулся.

— Даже если бы не увидел твоего лица, то сразу бы узнал по

словам. Но что происходит? Что случилось?

Альена взмахнула крылом, и тут же все вокруг подернулось пеленой. Я поднял хвост и быстро закрутил кончиком. Священник прикрыл глаза.

— Вот оно что. Значит… значит, я умер.

Я кивнул и отвернулся.

— Мне жаль, что так произошло. Честно. Гадство!!! — вдруг не выдержал я. — Я ведь должен был предвидеть, что те бандиты так просто не сдадутся!!! Должен!!! А вместо этого расслабился! Решил, что все уже закончилось!

Священник подошел ко мне и попытался положить руку мне на плечо. Я вовремя увернулся. На всякий случай. С такими людьми, как отец Федор, лучше перестраховаться. Священник сначала недоуменно посмотрел на меня, потом сообразил и виновато улыбнулся. Убрал руку и сказал:

— Не бери на себя слишком много. Даже если ты черт, ты не можешь знать всего на свете.

Я удивленно взглянул на него.

— Вы готовы пожалеть меня, хотя именно я являюсь виновником вашей смерти?

— Ну нет. Какой ты виновник? Не бери на себя слишком много, малыш.

— Малыш, — фыркнул я. Беспомощно посмотрел на Альену. — Знаешь, — заметил я ей, — мне впервые в жизни стыдно. Давай заканчивать.

Я махнул хвостом. Альена, расправив оба крыла, стремительно замахала ими, словно пытаясь поднять бурю. Вокруг нее стала образовываться воронка. Хм, а у девчонки неплохо получается. Не такая уж она и неуч.

Дождавшись нужного мгновения, я, как шпагу, вонзил хвост в этот вихрь. И тотчас воронка вытянулась от моего хвоста. Острие получившегося конуса словно прилипло к хвосту, а основание стало стремительно уноситься вдаль и ввысь, поднимаясь к самым облакам. Я слегка подвигал хвостом, перемещая получившийся конус, потом резко выдернул хвост. Вершина конуса тотчас раскрылась. Образовался длиннющий туннель.

Мы с Альеной приблизились к Федору Ивановичу.

— Нам пора, — сказала Альена.

Священник огляделся. Подошел к своему телу, над которым склонился его бывший командир и друг. Присел рядом.

— Прости, Миша. Но я верю, что мы еще встретимся с тобой. Встретимся. — Священник попытался коснуться своего товарища, но рука провалилась в человека, пройдя сквозь него без всякого сопротивления. Священник отдернул руку и резко встал. Я

заметил, как заиграли у него желваки. Резко отвернувшись, Федор Иванович шагнул к туннелю. Я хотел было его успокоить, но Альена отрицательно покачала головой.

— Оставь. Дай привыкнуть человеку.

Я молча кивнул. Мы с Альеной пристроились по бокам священника. Подхватили его и понесли сквозь туннель. В этот момент видеть нас он не мог.

Мы пронеслись над Дворцом Справедливости и приземлились на пороге. Священник вздрогнул, словно очнувшись, и огляделся.

— Где мы?

— Дворец Справедливости, — пояснил я. — Или Совести. Можете называть как вам нравится. Здесь вам предстоит остаться наедине со своей совестью. Не боитесь?

— Не слушайте его, — вмешалась Альена. — Страшного в этом нет ничего. Хотя и остаться наедине с собой довольно тяжело. Но вам будет не страшно. Это я обещаю. Страшно здесь становится другим людям.

— А откуда ты знаешь, что он не наш клиент? — влез я.

— Эзергиль! — Альена резко повернулась ко мне. — Ты прекрасно знаешь, что я права! Зачем же вредничать и говорить пакости?!

— Так ведь я же черт, в конце концов, — пожал я плечами. — Надо же соответствовать образу.

Федор Иванович улыбнулся. Шагнул ко входу во дворец. Потом подошел к нам и вдруг обнял нас обоих.

— Ох, ребятки, какие же вы оба хорошие. Альена, не обращай внимания на этого ворчуна. Он же специально тебя дразнит. А на самом деле ты ему очень нравишься. Как он переживал, что ты не простишь его около ванны.

— Я? — Я гордо вскинул голову — Никогда! Еще не хватало переживать из-за какой-то девчонки. Да таких с десяток на версту!

— Я же говорил, что ты ему нравишься, — усмехнулся Федор Иванович Альене. Потом решительно повернулся и вошел во дворец. Альена же повернулась ко мне.

— Значит, говоришь, десяток на версту? — ласково переспросила она.

— Эй-эй, не балуй! Я при исполнении!!! Помнишь закон? Никто не может причинить здесь никому вреда! Если ты меня убьешь, то вечный позор падет на рай и ангелов в общем и тебя в частности.

Альена фыркнула.

— Больно мне надо тебя убивать. — И вдруг ее лицо сморщилось, она опустилась на землю и разревелась.

Я растерялся. Потом присел рядом с девочкой. Толкнул ее.

— Слушай, ну ты что, обиделась на меня? Ну хочешь, стукни меня. Только не плачь.

— Да при чем тут ты! Это… это несправедливо, что такой хороший человек и так… это подло…

Я помолчал.

— Это нехорошо. Вот для таких нехороших и существуем мы. Я обещаю, что для того типа, что стрелял в отца Федора, я припасу самое качественное полено, которое найду. Самое-самое лучшее.

— Но этот этап для священника уже закончен. И ничего не вернешь, — логично возразила Альена. — Разве наказание преступника вернет жизнь?

— Нет. Но, может, тогда тот преступник в следующей жизни задумается. И… мне ведь тоже тяжело. Альена, о-о-ох, я ведь тоже виноват. Ты не представляешь, как виноват.

— Ты говорил. Но ты действительно не мог предвидеть поступки тех…

— Да при чем тут это? Я ведь играл с ними!!! Я ведь живыми людьми словно куклами играл! Для меня ведь не существовало ничего, кроме моей практики и того спора Викентия с директором! А люди… люди так, переменные в уравнении, которые надо просто расставить в нужном порядке, чтобы решить задачу. И я совершенно не думал, что приходится переносить невинным для моего успеха. Мне не жалко Алешу или его отца. Для них происшедшее полезно, если в живых останутся. Но за что пострадал отец Федор? За что рисковали жизнями те люди, что защищали дом художника? За что может пострадать сам художник, когда кинется спасать мальчика? А ведь он кинется!

— А чем тогда я лучше тебя? — тихо спросила Альена. — Я ведь поддерживала тебя всегда и во всем.

— Ты? Ты нет. У тебя выбора-то и не было. Я же стряс с тебя слово.

— Ты не прав.

Я резко вскочил и обернулся.

— Дядя? — недоверчиво спросил я.

— Ну не Кентервильское же привидение, — усмехнулся дядя. — Здравствуй, Альена. Как тебе мой племянник? Шалопай, правда? Но шалопай талантливый.

— Дядя!!! Прекрати! И вообще как ты тут оказался?

— Ну… в конце концов, я руководитель практики вон той юной особы, что сейчас прячется у тебя за спиной.

Я обернулся. Альена действительно при появлении дяди спряталась за мою спину. Сейчас она, опустив глаза, вышла из-за

меня и встала перед дядей.

— Простите, — пробормотала она. — Я не оправдала ваших ожиданий… Простите. — Альена всхлипнула.

Дядя шагнул вперед и обнял девочку.

— Господи, малышка, за что же мне тебя прощать?! Ты великолепно справилась! Ты молодец!

— Я?!

— И ты, и вон тот охламон, что стоит позади. Мой племянник понял, что люди вовсе не игрушки в его Игре, а это многого стоит. А ты… ты научилась от него решительности. И ты действительно помогла мальчику и вытащила его отца. Именно ты, а не мой племянник, чтобы он там ни думал.

Я фыркнул и отвернулся.

— И не фыркай! Я бы посмотрел, как ты справился бы без Альены. Без ее умения сопереживать. Сколько раз она тебе вправляла мозги, а, племянничек?

Возразить было нечего.

— А как же отец Федор?

Дядя отстранил Альену и присел. Позади него тотчас выросло кресло, в которое дядя и опустился. Я только завистливо вздохнул. Так я не умел.

— Да, с этим человеком вы допустили промашку, ребята. Однако ваша вина тут не такая уж и большая.

Альена замотала головой.

— Это из-за нас он погиб. Если бы мы не заставили его помочь…

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересованно посмотрел на Альену дядя. — Что вы там заставили его сделать? Помочь Алеше? Девочка, свободу воли у людей никто еще не отнимал. Если бы он не хотел помочь мальчику, то вы никак не могли бы его заставить. Вспомни того священника, которого ты лишила благословения.

Альена покраснела. Дядя хмыкнул.

— Да-да. Он не хотел помогать. Он и не стал. И сейчас спокойно живет и в ус не дует. Но станешь ли ты завидовать ему? Нет. А ваш священник сам сделал свой выбор. И сам двинулся по проложенной им же дороге.

— Твой дядя прав, Эзергиль.

Я обернулся. На пороге стоял Федор Иванович. Но как он выглядел! Словно вся мудрость мира коснулась его.

Я поднялся.

— Твой дядя прав, — повторил священник. — Совершая тот или иной поступок, будь готов принять и его последствия. Я ведь знал, что, помогая Алеше, рискую. И мог бы отступить. Но я давно

сделал свой выбор. На войне я убивал. Мне не понравилось. Я решил помогать людям.

— И вам воздастся за это, — отозвался дядя.

Священник хмыкнул.

— А ведь я атеистом был. Потом поверил. На войне. После одного случая.

— Я знаю, — кивнул дядя. — Я про вас все знаю. Я ваш следующий проводник. Теперь я поведу вас.

— А как же…

— А им еще предстоит закончить свою практику. У них на Земле еще остались дела. Ведь так? Вы же не бросите свою работу недоделанной только потому, что что-то у вас не получилось?

— Но… — попробовала возразить Альена.

Дядя сердито насупился.

— Что-о?!! Ты хочешь сказать, что бросишь все?! Что оставишь мальчика в руках бандитов? Более того, оставишь его душу в руках моего племянника? Договор-то еще действует.

Альена моргнула.

— Я просто подумала, что вы сочтете нужным сами…

— То есть мне исправить за вас ваши ошибки?! Нет уж. Вы их наделали, вам их и исправлять. И чтоб даже не появлялась передо мной, пока не выполнишь ту работу, за которую взялась. В конце концов, ты же не доверишь выполнять ее одному моему племяннику? Он же там такого напортачит!

— Дядя!!! — возмущенно взвыл я, но тут наткнулся на осуждающий взгляд священника, потом посмотрел на подавленную Альену и все понял. — Ну… в общем-то… конечно, — забормотал я. — Я уже совершил ошибки. А теперь…

Я вдруг подошел к Альене и взял ее за руку.

— Не бросай меня, пожалуйста, — попросил я. — Ты нужна мне.

— Но…

— Моей вины больше, чем твоей, но дядя прав, нам наши ошибки и надо исправлять. А если бы тебя не было рядом, то сколько бы еще я ошибок совершил? От скольких ты меня уберегла?

— Но ведь я…

— Пожалуйста!

Альена вздохнула.

— Я не знаю, но если так…

— Идите, ребята, — поторопил нас дядя. — И не забудьте вернуть крылья и хвост хозяевам.

Я хмыкнул. Потом ухватил Альену за руку и потащил ее подальше от Дворца, чтобы сделать прокол пространства. На бегу

обернулся. Дядя стоял рядом с отцом Федором и улыбался мне вслед. Заметив, что я смотрю на него, он поднял вверх большой палец. Вот так-то лучше. А то охламон. Ишь. Обзывается еще.

— Давай, Альена. Создавай переход. Мы возвращаемся на Землю.

Альена кивнула. Губы ее были плотно сжаты. Решительный взгляд.

Ух, ты! Враги, разбегайся. Кажется, девчонка вышла на тропу войны. В этот момент Альена расправила крылья…

Часть 4
Быть человеком

Глава 1

Альена сердито косилась на меня, шагая по дороге.

— Эзергиль, тебе обязательно надо было шутить над ангелом?

— А чего он обвинял меня в том, что я его обманул?

— А разве он не прав?

— Прав. А кто ему дал право быть правым в споре со мной?

Альена закатила глаза.

— Ты невыносим! И вообще хватит болтать! Мы зачем на Земле находимся, надеюсь, не забыл?

Я болтаю?!! Нет, это мне нравится. Сама пилит меня всю дорогу из-за невиннейшей шутки, а оказывается, это я болтаю. Я покосился за спину. Хвоста, увы, там не было. Надо же, всего-то несколько часов он у меня был, а так уже привык. И почему хвосты не выдаются сразу после рождения? Нет, жди совершеннолетия! А если я им получше многих, так называемых совершеннолетних орудую? В частности, моего братца. Нет справедливости на свете. Я заметил, что Альена так же, как и я, изредка косилась себе за спину. Пыталась расправить отсутствующие крылья, шевелила плечами. Потом морщилась. Блин, скоро мы там подойдем к дому художника? Тоже мне, ангел. Не мог поближе доставить. Видать, так и не простил мне шутки. А я всего-то временно превратил его крылья в хвост. Понятно, что это была иллюзия. Над крыльями ангелов я совершенно не властен. Вот он удивил-ся, когда Альена вернула ему хвост… Впрочем, Альена удивилась не меньше. Еле успел убежать… от обоих. Даже сейчас Альена все еще бурчала по поводу моих дурацких шуток. Ну и пусть бурчит. Зато отвлеклась от самобичевания… кто бы еще меня отвлек. Впрочем, совершенно не в моем характере было переживать по поводу уже произошедшего. Этого ведь не изменишь. Значит, надо думать о будущем, а не о прошлом. У Альены же, видно, не было такого богатого опыта наступания на грабли, как у меня. Ничего, привыкнет.

— Наконец-то. — Альена вздохнула и прямо сквозь забор прошла на участок. Огляделась, прикрыла глаза и что-то зашептала. Потом махнула мне. — Можешь заходить.

Я последовал совету и тоже вошел в дом. Здесь никого не было. Мы переглянулись.

— Этого и следовало ожидать, — вздохнул я. — Скорая ведь увезла Ненашева и тело Федора Ивановича. А с ним наверняка уехали и его сослуживцы. Художник же, наверное, поехал с ними.

— И что нам делать? — поинтересовалась Альена.

Тут скрипнула дверь и в щели показалась любопытная мордочка котенка. Он обнюхал воздух и фыркнул. Видеть нас он не мог, но вот чуял. Кошки. Никогда не любил их за подобную чувствительность. Альена же, моментально сбросив морок, подобрала котенка и прижала к себе. Тот сразу замурлыкал, блаженно прикрыв глаза и подставив грудку.

— Вот бестолковое животное, — буркнул я. — Хозяин в беде, а ему хоть бы что.

— Он же маленький еще, глупый, — заступилась за котенка Альена. — Лучше скажи, что делать?

— А что мы можем делать? Ждать, конечно. Алешу нам найти нетрудно, но что дальше? Вмешаться же мы не можем.

— Не можем, — вздохнула Альена. — Только через людей.

— Вот и будем ждать этих людей. А пока отдохнем. — Я плюхнулся на диван и отвернулся к стенке. — Кстати, и тебе советую отдохнуть. Боюсь, что вскоре нам станет не до отдыха.

— Да не могу я! Как подумаю об Алеше… Каково ему там у этих бандюг?

— Ну… оттого что ты доведешь себя до изнеможения, легче ему не станет. Так что лучше отдохни. Этим ты и ему поможешь, ибо, отдохнув, станешь лучше работать по его спасению.

Альена вынуждена была согласно кивнуть. Она подошла ко второму диванчику, аккуратно разулась и легла, положив рядом котенка. Тот недовольно завозился, потом уткнулся носом в лицо девочке и снова замурлыкал. Альена машинально погладила котенка, слегка отодвинув его от себя, и закрыла глаза. Я довольно кивнул. Вот и отлично. Нам действительно стоит отдохнуть…

Не знаю, сколько мы спали, только разбудил нас ярко вспыхнувший свет в комнате. Свет? Мы прибыли днем. Значит, уже вечер? Я поморгал, привыкая к яркому свету, и недовольно оглянулся. На пороге стоял Миша — друг и бывший командир Федора Ивановича. Он замер на пороге и с некоторой оторопью глядел то на меня, то на Альену.

— Опа! А я и не знал, что у художника дети есть.

— Какие дети? — услышал я голос Григория Ивановича. Через мгновение он тоже вошел в комнату и уставился на нас. — А, это вы, — несколько кисло буркнул он. — А я уж надеялся, что вы больше не появитесь. Довольны тем, что случилось?

— Зачем вы так? — тихо спросила Альена, вдруг быстро заморгавшая.

Григорий Иванович провел рукой по лицу.

— Прости, — устало буркнул он. — Я не хотел тебя обидеть.

А вот твой дружок…

— Он тоже тут ни при чем! — яростно выпалила Альена, гневно уставившись на художника. — Он все время со мной был! И вы… вы совершенно ничего не знаете!

От этого возмущенного крика Григорий Иванович даже попятился.

— Конечно, она его выгораживает! — сердито заметил вошедший Ксефон. На него Михаил уставился, как на привидение. Ксефон молча прошел мимо него. Потом не выдержал, обернулся и показал язык. Не думаю, что бывший командир разведки привык к подобному отношению к себе. Он молча протянул руку и ухватил Ксефона за ухо. Тот резко рванул от испуга и едва не оторвал сам себе ухо.

— Ну ты… — начал было он.

— Заглохни! — тихо велел я ему.

Ксефон хотел что-то сказать еще и мне, но, наткнувшись на мой взгляд, затих. Только испуганно отпрянул.

— Ты вообще чокнулся с этой своей ангелессой.

Я не стал переспрашивать, что подразумевал Ксефон. Только наградил его хмурым взглядом. Потом повернулся к художнику.

— Что ж, замечательно. Какие ваши дальнейшие шаги?

— Эзергиль. — Альена покачала головой. — Не надо этого.

— Тогда прошу тебя, — несколько раздраженно заметил я. — Иначе я сейчас такого наговорю.

Миша только глазами хлопал, переводя взгляд с меня на Альену и Ксефона.

— Кто это такие? — поинтересовался он.

Я молча достал свой блокнот.

— Михаил Леонидович Малов. Майор в отставке. Участвовал в войне в Афганистане, потом в Чечне. Был уволен из рядов вооруженных сил за… как тут написано, несколько жесткие действия по отношению к мирным гражданам. Как я понимаю, ваши оправдания, что эти мирные граждане стреляли в ваших солдат, в расчет не принимались, поскольку доказательством были только ваши слова. Кстати, могу вам сказать, что из тех людей только двое стреляли. Остальные оказались там случайно.

— Да кто ты такой?

— Неважно, — вмешалась Альена. — Вы помните последнюю просьбу Федора?

— Что? — Из-за спины своего бывшего командира появился еще один персонаж. Отец Федор, кажется, называл его Владимиром. — Откуда вы это знаете?

— Эти все знают, — буркнул художник.

Альена молча подошла к нему и протянула котенка.

— Помните? Вы хотите помочь мальчику?

— Мальчику да. Но вы…

— Мы тоже совершаем ошибки, что бы вы, люди, ни думали.

— Люди?! — Кажется, Михаил Леонидович окончательно запутался. — Да кто вы такие?!!

— Мы? — опять вмешался я. — Скажу, не поверите. Пусть он скажет.

— Кто он? — поинтересовался Володя.

— Он. — Я кивнул Альене.

— Ты думаешь? — несколько неуверенно поинтересовалась она.

— Думаю. А то сейчас до второго пришествия будем обсуждать, кто мы такие. — Я поднялся с кровати и поправил одежду. Потом кивнул Альене. — Начинай. Он не по нашему ведомству.

Альена вздохнула. Закрыла глаза и медленно подняла правую руку. Из раскрытой ладони заструился свет. Все невольно отвернулись. Однако свет постепенно смягчился, образовав на стене световое пятно. На этом пятне вдруг медленно появилась фигура человека. Сначала только контуры, но постепенно фигура приобрела объемность.

— Федор, — попятился Михаил Леонидович. Володя тоже отпрянул. Только Григорий Иванович остался стоять, хотя побледнел. Фигура же тем временем окончательно материализовалась. И хотя на фоне света, исходящего от стены, ее трудно было разглядеть, никаких сомнений не было в том, что это был именно Федор Иванович.

— Здравствуй, командир, — одними губами улыбнулась фигура. — Удивлен?

— Господи. — Михаил Леонидович невольно поднял руку для того, чтобы перекреститься. Я вовремя поймал его за кисть.

— Но-но! Давайте пока без этого обойдемся, а? Вот уйду я, тогда креститесь на здоровье, сколько душе угодно.

Михаил Леонидович посмотрел на меня совершенно бешеными глазами, но, похоже, даже не понял того, что я сказал. Я покосился на Ксефона. От этого типа всего можно ожидать. Но тот, похоже, был занят каким-то своим делом. Не сразу я сообразил, что он пытается помешать мне уничтожить врата. О! Идиот!!! Он думает, что я буду мешать ангелу? Совсем ума, что ль, нет? Ладно, пусть старается. Главное, чтобы под ногами не путался. Я осторожно начал пытаться разрушить связь Альены и отца Федора. Эх, погубит меня моя доброта. Но не могу смотреть, как все старания человека пропадают впустую. Пусть хоть будет убежден, что поломал мой коварный план. Уж очень он старается.

Михаил Леонидович тем временем осторожно приблизился к Федору и протянул руку. Рука, понятно, прошла сквозь призрак.

Отец Федор усмехнулся.

— Я тоже с непривычки нервничал. Но быстро привык.

— Ты… ты…

— Ну да, Я призрак. Привидение. Миша, да что с тобой? Я думал, ты покрепче будешь.

Михаил затряс головой.

— Не верю! Это какой-то трюк! Здесь где-то должен быть голографический проектор.

— Угу, — кивнул отец Федор. — А то, что я тебе сейчас скажу, тоже голографический проектор знает? Помнишь, в горах Афгана? Мы тогда попали в окружение и пробирались по тропе. Я чуть не сорвался в пропасть, а ты меня поймал. Я ведь тогда хотел застрелиться. Помнишь? Ты оттащил меня в сторону от всех. Повторить то, что ты сказал мне? Мы ведь там вдвоем были. Ты и я. Этого ведь никто не знал, кроме нас двоих. Ты рассказал о случае из своего детства. Помнишь?

— Федор?! — все еще неверяще протянул Михаил. — Это действительно ты?

— Я. Хотя потрогать меня проблематично. Командир, у меня к вам просьба. Последняя просьба.

— Я… да… все, что хочешь.

— Я уже говорил вам, не знаю только, расслышали ли вы. Помогите мальчику. Вы не представляете, как это важно. Но пусть даже не важно. Просто помогите ради меня и его.

Я решил, что мне хватит изображать зрителя и пора сыграть роль «плохого» черта.

— Эй, а ну стоп! Эй-эй, ты меня обманула. Ты сказала, что они только попрощаются и он скажет, кто мы. Никаких заданий. Мальчик мой. И его мать тоже.

— Фиг тебе, — отрезала Альена.

— Фиг не фиг, посмотрим, но никаких заданий. Федор Иванович, прощайтесь, и вам пора. А то мигом прерву вашу встречу.

Отец Федор улыбнулся мне. Потом посмотрел на Ксефона, который яростно сопротивлялся моей не слишком активной попытке прервать контакт. Покачал головой и неодобрительно покосился на меня. А я что? Я ничего. Ксефон сам выбрал свой путь, когда решил мне помешать. Он вполне мог отказаться от задания. А я теперь виноват, да? Нет уж! Фигу. Как говорят умные люди: не рой другому яму.

Федор правильно понял мой взгляд и отвернулся.

— Прощай, командир. Надеюсь, мы встретимся с тобой… со

всеми нашими ребятами… кто остался в тех проклятых горах. Мне пообещали…

Михаил вдруг резко махнул рукой по лицу, сгоняя непрошеные слезы. Отец Федор же стал медленно отступать к стене. Но вдруг замер.

— Григорий, не наезжай на ребят. Они за наши глупости ответственности не несут. В том, что со мной случилось, нет их вины. Тут ничьей вины нет. Просто так сложилось… — Отец Федор отступил в стену. Свет померк, и силуэт человека пропал.

Примерно минуту царила тишина, которую никто не решался прервать. Я тактично молчал, усевшись в самый дальний угол комнаты. Альена тоже отступила. Только Ксефон торчал почти в центре. Хорошо еще, что ничего не говорил.

— А все-таки кто вы? — устало поинтересовался Михаил.

— Да черт я. Черт, — так же устало отозвался я. Знаю ведь, что не поверят. — А она ангел, если еще не поняли.

— Ага, а я Папа Римский.

— Как скажешь, — пожал я плечами и махнул рукой. Тотчас сверху упало полное облачение римского папы и погребло под собой командира разведчиков. Тот, чертыхаясь, откинул все это в сторону.

— Что за шутки?!

— Сами сказали, что если я черт, то вы Папа Римский. Вот и получайте. Скоро за вами из Ватикана приедут.

— Да не хочу я быть никаким римским папой!!! — Михаил испуганно отшатнулся от вороха одежд.

— То хочу, то не хочу, — буркнул я, убирая одежды. — Вас, людей, никогда не поймешь. Ладно, говорите по-быстрому, чего вы хотите, и займемся делами. — Я достал блокнот, ручку и приготовился писать.

— Чего я хочу? — недоуменно переспросил Михаил, переглянувшись с Григорием Ивановичем и со своим сослуживцем.

— Ну да. Что, не ясно? Ваше желание, мое исполнение. Понятно, в обмен на душу. Ну давайте. Заказывайте.

— Ты издеваешься? — озадаченно поинтересовался Григорий Иванович.

— А вы нет? — рявкнул я, окончательно выведенный из себя. — Вы еще долго тут ерундой заниматься собираетесь?!

— Чего-то ты так о мальчике заботишься? — недоверчиво поинтересовался Ксефон.

— Чегой-то! А тогой-то! У меня договор с ним. И я обязан еще двое суток его защищать. Так что организовать его спасение — моя прямая обязанность.

— Ну старайся-старайся. Все равно его душа тебе не достанется!

— Посмотрим.

— Посмотрим.

— А ну, цыц! — рявкнул выведенный из себя Михаил. О! Сразу чувствуется бывший военный. Умеет приказать. Я благовоспитанно замолк и уставился на него. Михаил же посмотрел на Альену. — Девочка, ты тут кажешься самой здравомыслящей…

— Это только кажется, — вставил я и тут же прикусил язык под хмурым и весьма многозначительным взглядом Михаила Леонидовича.

Дождавшись тишины, он снова обратил свой взор на Альену.

— Ты мне можешь объяснить, что происходит?

Альена покачала головой.

— Не могу. Вы же все равно не поверите. И вы просто не поймете силы Веры. Вы слишком материалист.

— Если вера поможет выполнить последнее желание Федора…

Альена резко мотнула головой.

— Не так. Вы ответьте сначала для себя. Вы хотите спасти мальчика ради желания отца Федора или просто хотите спасти? Если ради желания, то лучше не надо и пытаться. Сейчас на кону стоит не жизнь мальчика, как вы думаете, а его душа. Надо ведь не просто спасти тело.

— Все это ерунда. О душе должны другие заботиться. Мое дело мальчик. И ты зря думаешь, что я хочу помочь ему только из-за просьбы моего друга. Я бы его и так не бросил.

Плечи Альены поникли.

— Я так и думала, что вы не поймете. Хорошо, конечно, что вы хотите его спасти, но… — Альена безнадежно махнула рукой. — Жаль, что вы такой материалист.

— Что поделать. Такой вот я. А вот ты, не материалист, можешь помочь?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Не могу. Не имею права. Тогда и другая сторона получит право на вмешательство. Любое. Мы не можем действовать в вашем мире прямо. Только через людей.

— Тогда какая от тебя польза, ангел?

Альена твердо встретила взгляд Михаила Леонидовича.

— Мы помогаем людям Верить. Верить тогда, когда шансов уже нет. Этого мало?

Я впервые увидел, как смутился этот кажущийся железным человек. Как стыдливо отвел глаза.

— Ладно. Тогда разберемся сами…

— Могу дать совет. Один.

— Эй, тогда я тоже могу дать один совет, — вмешался я. — Баш на баш.

Альена резко обернулась ко мне. Несколько секунд разглядывала, словно видела впервые.

— Договорились, — наконец произнесла она. Потом повернулась к Михаилу. — Помните милиционера, что приезжал сюда… с одной рукой в гипсе… Он работает на тех, кто похитил Алешу.

— Ах вот как, — тихо произнес Михаил Леонидович. Потом обернулся к своему сослуживцу. — Володя?

Тот кивнул.

— Я с тобой, командир.

— И меня не забудьте. А куда вы? — В комнату стремительно вошел еще один человек. Его я тоже видел вместе с Михаилом и Владимиром, но он всегда стоял как бы в стороне.

Михаил Леонидович коротко ввел его в курс дела. Тот присвистнул.

— Дела. Тут надо бы все обдумать, командир. В лоб переть не стоит. С другой стороны, и мальчика оставлять у этих подонков нельзя.

— Обдумаем, — резко отрезал Михаил Леонидович. — Посмотрим на месте и обдумаем. Как у тебя?

— Отца мальчика доставили в больницу. Пока без изменений. А Федор… Федора тоже доставили…

Михаил Леонидович хлопнул друга по плечу и вышел из дома. За ним двинулись и его сослуживцы. А вот художник меня удивил. Он вдруг пристроился вместе с ними. Михаил его заметил и вопросительно взглянул.

— Я с вами.

— Э-э… это может быть немного…

— Опасно? Знаю. Я уже взрослый человек и могу сам отвечать за свои поступки. А мальчика этим подонкам я не отдам. А отец Федор… я знал его меньше вашего, но… он был хорошим человеком, а эти… — Художник замолчал и махнул рукой.

Михаил Леонидович несколько секунд разглядывал Григория Ивановича. Потом кивнул и протянул руку.

— Михаил.

— Григорий, — отозвался художник, пожимая протянутую руку. Хм, вряд ли они до этого не представлялись. Все-таки почти весь день сидели у художника в доме. Похоже, тут какой-то ритуал. Любят же люди все усложнять.

— Владимир, — вышел вперед второй бывший разведчик.

— Григорий.

— Семен, — представился третий.

— Григорий.

Блин!!! Я тронут. Вместо того чтобы идти спасать ребенка, они тут церемонии разводят. Может, еще и чайную церемонию устроят? А что, самое то. За знакомство и дружбу. Хотя… мы вроде не в Китае. Значит, водочную церемонию. А что? Плохо? А потом праздник опохмела. А потом, не спеша за дело… Да-с, чего-то я сегодня не в духе. И чего я так распереживался об этом никчемном мальчишке, который так легко расстался со своей душой? И вот зацепил чем-то. Ладно, посмотрим.

Все люди тем временем покинули дом, оставив нас втроем. Хм, похоже, нас просто решили проигнорировать. Во люди! Наглеют.

Тут я поймал на себе подозрительный взгляд Ксефона.

— Пожалуй, я присмотрю за ними. Чтобы ты не вздумал им помешать. — Ксефон исчез.

— Смотри-смотри, — буркнул я ему вслед. По-хорошему ему не за ними стоило смотреть, а за мной. Но Ксефон хоть и дурак, но соображает. И понимает, что за мной ему ни за что не уследить. Он прекрасно знает мои возможности и свои. А мне и лучше. Хлопот меньше.

Тут ко мне подошла Альена и ухватила за плечо.

— Что ты за совет себе выторговал?

— Я?!

— Ты! Ты сказал, что раз я даю совет, то и ты можешь дать совет? Какой и кому?

— Альена, но я же просто так сказал. Надо же было поддержать свою роль плохого парня? К тому же поддержка твоего сообщения о равновесии…

— Эзергиль, даже не вздумай мне пудрить мозги!!! Это тебе удавалось раньше, когда я тебя еще не знала. Сейчас твой честный взгляд меня уже не обманывает.

— Хм… выходит, пора переходить на взгляд нечестный. Может, тогда верить будешь.

— Эзергиль!!!

— Ладно-ладно. Только не понимаю, что тут непонятного? Алеша-то еще мой. Договор действует, и он меня не победил.

— И что ты планируешь?

— Увидишь. Но для начала нам стоит отыскать мальчика. Вперед! — Я ухватил Альену за руку и направился к выходу, таща ее за собой и не обращая внимания на ее вопли и вопросы. С женщинами только так и надо. Строже! Держать их в ежовых рукавицах! Хлоп.

— За что?! — Я подпрыгнул на месте, держась за ушибленную шею. Альена молча стояла рядом, помахивая довольно увесистой веткой. А я и не заметил, когда она ее схватила. Наверное, когда я ее через двор тащил.

— Я и сама ходить умею. Нечего меня волочь на буксире. — Альена отбросила ветку. — И не смей обращаться так со мной!

— Как?

— Так! И хватит болтать! Ты вроде куда-то собирался.

Женщины!!! Я развернулся и быстрым шагом направился по улице. Рядом пристроилась и Альена. Я искоса следил за ней. Вдруг опять чем-нибудь огреет. И это ангел?! Нет, ни за какие коврижки в рай не пойду. Если там все ангелы такие… мама, спаси меня!!!

Я на довольно приличной скорости несся по улице, мало обращая внимания на прохожих. Альена двигалась позади, попутно извиняясь перед людьми, которых я случайно задевал. Наконец она обогнала меня и довольно многозначительно посмотрела в глаза. Я намек понял и слегка притормозил. И двигался на этот раз уже более осторожно.

Мой план на самом деле был прост. Если взрослые занялись дядей милиционером, то мы вполне можем заняться Воблой. Не той, что едят, а той, что командует малолетними уголовниками. Впрочем, вся компания, как я понимал, сейчас занята несколько другим. А вот главарь благодаря знакомству с неким небезызвестным дядей милиционером оказался на свободе. И вряд ли этот нехороший дядя снова потащил не менее нехорошего Воблу обратно в участок. У него и своих дел по горло. Интересно, правда, как Ленчику удалось отмазать этого чешуйчатого и сушеного?

Когда я с центральной улицы свернул в переулки, Альена, кажется, поняла, куда я собираюсь. Она даже хмуриться перестала.

— Детишки, — услышал я довольно пьяный голос. Я медленно повернулся. Ненавижу, когда ко мне так обращаются. Чуть в стороне стояли трое. Причем трое, страдающих с жуткого опохмела. Прям как в анекдоте. Вся эта троица неопределенного возраста теперь взирала на нас. — Ну-ка подойдите. Не бойтесь.

Бояться этих?! Еще не хватало. Однако и времени у нас не очень много.

— Чего надо? — буркнул я.

Троица, слегка пошатываясь, встала так, чтобы перекрыть нам все выходы. С учетом узости перехода, сделать им это было совершенно нетрудно.

— Какой грубый мальчик, — усмехнулся один. — Вы ведь не

откажете дядям в помощи.

— Я? Отказать в помощи? — тоном возмущенного пионера спросил я и тут же более спокойно закончил: — Конечно, откажу.

Последняя фраза прозвучала совершенно неожиданно для троицы. Все нахмурились. Видно, думали. Тяжелая, однако, работа.

Альена испуганно встала у меня за спиной, схватив меня за руку.

Я сразу почувствовал себя уверенней. Возгордился даже. Что для меня какая-то тройка пьянчуг? Подайте хоть дюжину.

Троица подумала. Вперед выступил один. Видно, самый умный.

— Ты это… вот что… ну-ка угости дядей.

— Не пью.

— Дурак! Деньги давай.

— Ах, вам денег надо, — радостно воскликнул я. — Так что ж вы сразу не сказали? А я-то думаю, чего вы пристали.

Троица недоуменно переглянулась. Я же махнул рукой в сторону ближайшей помойки.

— Да берите сколько угодно. Мне совершенно не жалко. — Конечно, можно было бы придумать и какую-нибудь более тонкую шутку, но растрачивать свое время на этих… этих… даже слов не подберу, совсем не хотелось.

Троица озадаченно обернулась и замерла. Там, где раньше стояли несколько баков с наваленной вокруг горой мусора, теперь лежали денежные купюры различных достоинств. Кое-где поблескивало золото. А сверху кучи были насыпаны драгоценные камни. Вся троица вдруг разом протерла глаза.

— Э…

— А…

А вот третий оказался более сообразительным. Вместо произнесения разных букв алфавита он молча бросился вперед и прямо с головой нырнул в эту кучу денег, торопливо набивая их себе за пазуху. С диким ревом обворованных оставшиеся двое тоже бросились к куче денег. Через секунду в них купалась вся троица. Альена осторожно высунулась из-за моего плеча.

— Это жестоко, Эзергиль.

— Только не говори, что тебе их жалко.

— Они очень несчастные люди. Их стоит пожалеть.

— Несчастными они сделали себя сами. И наверняка еще кучу людей вокруг.

Альена промолчала.

Тут из-за поворота вышел какой-то человек. Заметив наших страдальцев, он озадаченно замер и стал наблюдать, как трое

взрослых мужчин чуть ли не с головой окунаются в кучу мусора. Как кто-то восторженно перебирал протухший горох, иногда поднося его к лицу и с блаженной улыбкой разглядывая его. Но окончательно прохожего добило, когда один из людей, схватив из кучи нечто склизкое и вонючее, стал запихивать его себе за пазуху. Он даже побледнел слегка. Торопливо развернулся и бросился вон.

— Кажется, — сообщил я, — нашими друзьями скоро займутся другие люди. А нам пора.

— Эзергиль, ты не можешь их так оставить.

— Я? Не могу? Еще как могу. Они хотели денег, они их получили.

— Я думаю, они хотели настоящих денег, а не иллюзию.

— Они получили ровно столько, сколько заработали. И не спорь. Это из моей епархии. Им отмерено по их заслугам.

Альена вздохнула и печально посмотрела на троицу. Но она прекрасно понимала, что не может ничего изменить.

— Тебе запрещено вмешиваться напрямую, — попыталась она переубедить меня в последний раз.

— А я и не вмешивался. Я всего лишь удовлетворил просьбу. Это я делать могу. А душу они давно мне отдали.

Альена вздохнула еще печальней. Я посмотрел на нее. На троицу. Блин, да кто они такие, чтобы я из-за них портил отношения с Альеной? А не пойти ли им куда подальше! Все равно свое получат. Не сейчас, так позже. Я махнул рукой, отвернулся и зашагал дальше, не слушая оскорбленных воплей пьянчужек. Похоже, они не слишком были рады лишиться иллюзии.

Девчонка догнала меня и зашагала рядом.

— Спасибо, — сказала она спустя некоторое время.

— Не за что, — буркнул я.

— Все равно спасибо. Ты хороший, Эзергиль. Хоть и стараешься показаться вредным.

— Я черт. А все знают, что черти — коварные, злые и бессовестные типы, которые спят и видят, как бы отобрать душу у невинных людей, совратив их с пути истинного разными соблазнами.

Альена насупилась.

— Зачем ты так?

— А что, разве я не прав? Ведь никто, никто из тех людей, с кем я общался, не подумал иначе! Никто не удивился этой глупости с договором! Вот скажи, почему люди вечно валят на нас свои слабости?! Почему в них обвиняют не себя, а нас, чертей? Пытаются не себя исправить, а меня уничтожить?!

Альена вдруг остановилась передо мной, положила руки мне на плечи и заглянула в глаза.

— Эзергиль, прости меня, если сможешь. До встречи с тобой я даже не представляла, какая тяжесть лежит на вас, чертях. Тяжело быть ангелом, но вам приходится гораздо сложнее.

Я растерянно захлопал глазами.

— Ты правда так думаешь?

— А ты думаешь, что я способна лгать?

Наверное, мы минут пять стояли так напротив друг друга. В конце концов я осторожно взял ее руки в свои и спустил их со своих плеч.

— Пойдем. Нам надо еще помочь Алеше.

Альена кивнула. То, что мы сейчас сказали друг другу взглядами, невозможно было передать никакими словами. Не хватило бы просто времени. Даже нашей жизни не хватило бы, не то что людской. Да и не нужны были никакие слова.

Очень скоро мы уже подошли к знакомому полуподвалу. Не затрудняя себя поисками ключей, я просто прошел сквозь дверь и огляделся. Каморка была пуста. Ага, вот за этим столом я и обчистил этих горе-грабителей.

— Похоже, никого. — Альена встала рядом со мной.

— Угу. Но знаешь, у меня такое чувство, что этот Вобла вскоре здесь появится. Не может не появиться.

— Ты уверен?

Я прислушался к себе.

— Странно, но да. Похоже, у меня пробуждается мое чувство черта. Я могу чувствовать своих клиентов, где бы они ни были. И вот сейчас я чувствую, что наш дорогой друг идет сюда. Подождем.

Альена недоверчиво посмотрела на меня, но спорить не стала. Просто прошла к дивану и села на него. Я же расположился в любимом кресле Воблы. Сложил кончики пальцев и задумался. Вот интересно как получается. Отправляясь на Землю, я ни о чем не думал, кроме как выиграть спор и получить пятьсот монет, утереть нос Ксефону, сдать практику. А сейчас? Хм, я уже дня три даже не вспоминаю о практике и споре. Как-то все это вдруг стало казаться мне неважным. Сижу вот тут в обществе ангела и переживаю за какого-то человеческого детеныша. И ужасно мне хочется, чтобы он выдержал мое последнее испытание не потому, что тогда я выигрываю спор, а потому… да потому, что хочется верить в него, в этого мальчишку.

Дверь тихонько скрипнула. Я отчаянно замахал Альене и скрылся за мороком. Девчонка недоуменно посмотрела на меня. Но все же последовала моему примеру.

Вобла осторожно вошел в помещение и затравленно огляделся. Он весь был каким-то взбудораженным и встрепанным. Откинув в сторону стул, он прошел к комоду, встал на корточки и сунул руку в щель под ним. Пошарил там. Через секунду он стоял, держа в руке целлофановый пакет, в который было завернуто нечто продолговатое. Вобла подошел к столу, торопливо размотал целлофан и выложил пачку денег.

— Ага, значит, те двадцать тысяч были не всеми вашими деньгами, — насмешливо заметил я. — Есть и еще заначка.

Вобла едва не подпрыгнул и резко обернулся, с ужасом уставившись на меня. Нервно заозирался. Видно, искал еще кого-то.

— Ты?!

— Угу, — вежливо кивнул я.

— Ты… откуда здесь взялся?!

— Да давно сижу. Просто интересно стало, что такой тип, как ты, собрался делать дальше.

— Ты?! Это из-за тебя все!!!

Я выгнул бровь.

— Из-за меня? Из-за меня что? Из-за меня вы отправились грабить киоски? Из-за меня вы стали играть в карты на деньги? Из-за меня попытались всучить кассирше в магазине отксерокопированные деньги?

— Из-за тебя!!! Ты их подсунул!

— А надо было настоящие отдать? — с интересом спросил я.

— Из-за тебя все!!!

— Ну ладно, пусть из-за меня. И что дальше?

— А то! — Вобла угрожающе нахмурился. — Я не знаю, кто ты такой, но я сейчас тебя убью!

— В самом деле? — Я с интересом посмотрел на него. — А ты когда-нибудь убивал? Решил восполнить пробел преступного образования?

Вобла озадаченно посмотрел на меня. В его представлении такой сопляк, как я, перед ним, таким крутым, должен трястись от страха. А тут откровенная насмешка и ни капли страха.

— Кто ты такой, черт возьми?!!

— Знаешь, на твоем месте я бы более осторожно подходил к выбору слов. Он ведь может тебя и взять. Вполне заслужил. Что же касается меня, то можешь звать как и раньше — Игрок.

Вобла еще раз внимательно осмотрелся вокруг. Видно было, что то, что я нахожусь здесь один, его успокоило. Он справился со своим первоначальным страхом.

— Ну и что тебе, мистер Игрок, нужно? Хочешь забрать эти деньги?

Я усмехнулся.

— Деньги? Что такое деньги? Так, раскрашенная бумага, которую вы, люди, цените непропорционально высоко. Впрочем, тебе не понять этого. Поэтому буду более приземленным. Деньги мне не нужны. Надо было бы, я бы взял их еще до твоего прихода и ушел. Мне нужен ты. А еще точнее — информация.

— А почему ты думаешь, что я тебе что-то скажу? После того, что ты сделал?

— Скажешь.

— Уверен? И сколько ты готов за это заплатить?

— А как насчет спокойной совести?

Вобла резко обернулся и уставился на Альену.

— Откуда ты здесь взялась, черт побери?

— Я же просил выбирать выражения, — попенял я. — Ведь могу и в самом деле побрать.

Однако мои слова Вобла, похоже, пропустил мимо ушей. Он озадаченно разглядывал непонятную девчонку, появившуюся неизвестно откуда. Он вполне мог представить, что второпях пропустил и не заметил меня. Но ведь потом он самым внимательным образом осмотрелся. Не было здесь никого! И уж точно никого не было на диване. И вот нате вам. Сидит появившаяся непонятно откуда девчонка и еще разговаривает. Вобла вмиг потерял часть обретенной уверенности. Впрочем, то, что он трус, я знал и раньше. Ну не стал бы вполне взрослый парень связываться с малолетками и организовывать из них банду, если бы чувствовал себя уверенно со своими сверстниками. Но вот как раз с ними у него, похоже, и были нелады. Он просто боялся. Он мог верить только тем, кого подавлял своей силой, своим авторитетом. Таким задавленным людям он и верил. А задавить он мог только тех, кто младше. Кто слабее. И вот сейчас, попав в переплет, он без колебания бросал тех, кто ему доверял, ради собственного спасения. И он вовсе не горел желанием видеть свидетелей своего бегства.

— А ты кто еще такая?!

— Можно сказать, что твоя совесть.

Вобла даже не подозревал, насколько правдиво то, что сейчас сказала Альена.

— Ага. Вот что, совесть, забирай своего кавалера и валите отсюда! Быстро, пока я добрый.

— Ты можешь бежать сейчас, — сообщил я. — Можешь бегать и дальше. От нее, меня. Но рано или поздно мы с тобой встретимся. Судя по всему, встретиться тебе придется именно со мной, а не с ней. Бежать бесполезно, Николай. Можно либо сражаться за себя, либо сдаться. Ты, судя по всему, сдался, приняв

свое поражение за победу.

Вобла ошарашенно уставился на меня.

— Откуда ты знаешь мое имя?! Его никто не знал здесь!

— Ты в самом деле хочешь услышать ответ? — Я посмотрел Николаю прямо в глаза. Тот некоторое время пытался тягаться со мной взглядом, но быстро сдался.

— Чего тебе надо?

— Ты знаешь, где мальчик? Кто его увез?

— Ага! — сразу взъярился он. — Вот что вам надо? Все вы добрые вот так! А меня, если я скажу, убить могут! Еще из-за того щенка я не рисковал!

— Рисковать тебя никто не просит, — холодно заметила Альена. — Я прошу только сказать то, что ты знаешь. Потом можешь проваливать.

— Угу. Только они потом меня везде найдут.

— Может, найдут, — кивнул я. — А может, нет. У тебя есть шанс совершить настоящий поступок. Не упускай его.

— А пошли вы! — Вобла схватил деньги, запихнул их себе за пазуху и рванул к выходу. — Сумасшедшие! — крикнул он от выхода. Я услышал, как он захлопнул дверь и подпер ее чем-то тяжелым. Мы с Альеной остались вдвоем.

— Он должен был получить шанс, — заметила Альена, словно оправдываясь. — Каждый человек имеет право на шанс.

— Имеет, — вздохнул я. — Мы ему его давали. Он сам отказался.

— Да. — Альена печально вздохнула.

— Только не говори, что тебе его жаль!

— Мне всегда жаль, когда люди не оправдывают ожиданий.

— Твоих ожиданий.

— И твоих тоже. Разве нет? Ох, Эзергиль, опять ты пытаешься казаться хуже, чем есть на самом деле.

— Нет, просто я стараюсь быть реалистом. Вы, ангелы, слишком уж идеалисты. Я же предпочитаю разочаровываться в своих худших ожиданиях, чем в лучших. Сейчас, увы, никакого разочарования не было.

Альена поерзала на диване.

— Значит, мы не можем вмешаться в открытую?

— Не можем. Если бы этот Вобла…

— Николай.

— Вобла. Был бы Николаем, мы сейчас тут не сидели бы. Вот если бы этот Вобла хоть на чуть-чуть раскаялся бы в своих поступках. Сообщил бы то, что знает…

— Вряд ли он знает много.

Я махнул рукой.

— Опять ты пытаешься его оправдать. Нам нужны были сведения? Нет! Сведения мы и без него добудем. Достаточно наших блокнотов. Нам нужно было его раскаяние, чтобы получить возможность хоть чуть-чуть повлиять на события. Увы, придется остаться в роли зрителей. Однако до этого мне предстоит сделать еще одну неприятную работу.

— Что еще задумал?

— За мной один совет. Не забыла? Сама дала мне это право. Вобла свой выбор сделал. Теперь выбор за другим человеком. Пойдем.

Я поднялся с кресла и зашагал к двери. Альена молча последовала за мной. Что это с ней? Никаких вопросов. Никаких требований пояснить мысль. Видно, поняла, что бесполезно у меня что-либо спрашивать. Или… или наш последний разговор не прошел даром и для нее.

Во дворе я обернулся на дверь, которую Вобла, убегая, подпер черенком лопаты. Некоторое время разглядывал ее, словно видел впервые. Альена терпеливо ждала. Иногда она тоже посматривала на дверь, словно желая понять, что же там привлекло мое внимание.

— Ты чего, — наконец не выдержала она.

— Боюсь, — неожиданно даже для себя признался. — Боюсь еще одного разочарования.

— А ты попробуй поверить.

— Я верю. Но верит ли Алеша? Ладно, идем. Может, я и боюсь, но никакой страх не заставит меня отступить.

Альена согласно кивнула.

Глава 2

Выяснить место, где держат Алешу, для нас с Альеной было нетрудно. Достаточно прибегнуть к помощи наших чудесных блокнотов и задать им правильные вопросы. Но в этом случае мы полностью лишались возможности каким-нибудь образом повлиять на события. Эти запреты были не просто законами, а основой мироздания и миропорядка. Никто из нас — ни черти, ни ангелы не могли хоть немного ущемить свободу воли людей. И совершенно неважно, в их пользу мы ущемляли эту свободу или нет. Так что выбора особого у нас не было.

— Хотелось бы мне знать, что сейчас поделывают наши бравые друзья, которых ты натравила на этого горе-милиционера.

— Я натравила?!! — Альена оторвалась от разглядывания особняка в лесу и возмущенно уставилась на меня. Я усмехнулся.

— А разве нет? Кто вообще сообщил о предателе? И тебе его не жалко? — слегка подколол я девчонку.

— Алешу мне гораздо жальче. Он невинный.

— Ага. Ягненочек. Безвинный. И киосков он не грабил, и денег не воровал. Ух, зараза, — выругался я, прихлопывая комара. Не объяснишь ведь дураку, что не человек я. Не человек. Напьется он моей крови, как же. И все равно лезет. Бедолага.

Альена неодобрительно посмотрела на меня и снова стала наблюдать за домом.

Вот это дачка! Я внимательно оглядел массивный забор с колючей проволокой наверху. Неплохо устроился. Надо будет у нас там идейку подкинуть, чтобы хозяина этого домика поместили в котел, расположенный в таком же доме. Ему будет приятно. Наверное. Нужно будет спросить. Ладно, чего-то я отвлекся. Пора делом заняться. Я прикрыл глаза и самым тщательным образом ощупал весь лес вокруг. Ничего и никого. Нет, кто-то, конечно, есть, но этот кто-то нас пока не интересовал. Далеко очень.

— Ну что, нанесем визит вежливости? — поинтересовался я.

— Черт нанесет визит вежливости? — хмыкнула Альена. — Ты хоть знаешь, что означает слово «вежливость»?

Я почесал затылок.

— А фиг его знает. Вроде вот читал в словаре. Что-то там было про новую форму пыток. Кажется, она вежливостью и называлась.

Альена фыркнула. Я усмехнулся.

— Шуточки у тебя мрачноватые.

— Стараюсь соответствовать высокому званию черта, —

бодро отрапортовал я.

Альена шутливо погрозила мне пальцем. Я виновато опустил голову, усмехаясь уголками губ. Но тут девочка снова стала серьезной.

— Эзергиль, ты действительно уверен в том, что хочешь сделать?

— Совсем не уверен, — успокоил я ее. — Но иначе нельзя. Алеша должен освободиться от меня… или остаться со мной до конца жизни. Но это должен быть его поступок. Если бы наш бравый военный поверил тебе, было бы проще. Но Михаил — ужасный материалист. Нам так и не удалось убедить его, что речь идет о гораздо большем, чем жизнь. Так что некоторые моменты нам придется решать самим. — Я нахмурился. — И если Алеша не выдержит испытания, то пусть все они пеняют на себя. Я уже ничего не смогу сделать ни для них, ни для Алеши. И ты не в силах мне будешь помешать.

Альена пожала мне руку.

— Я верю в тебя.

Я отрицательно покачал головой.

— В меня не надо верить. Я не Он. Верь лучше в Алешу. Верь в то, что он найдет в себе силы отказаться от моего предложения. В то, что он Человек.

Я отвернулся и зашагал прямо к забору. Даже не трудясь обходить кусты, я шел сквозь них, как ходил сквозь двери и стены. Встревоженная Альена шагала следом. Около забора я замер и огляделся.

— Красиво здесь. Птицы. Озеро. Почему все сволочи стараются поселиться в таких вот местах и саму красоту испоганить своим присутствием?

Альена открыла рот, чтобы что-то ответить, но я жестом ее остановил.

— Это был риторический вопрос. Да, ты лучше не показывайся никому. Тебе опасно здесь находиться. Это моя территория. Но как же здесь красиво…

Я прошел сквозь забор и огляделся. Аккуратно подстриженный лужок. Небольшой аккуратный сарай для разного садового инвентаря, спрятанный в кустах. Сарай? Хм, я видел, что люди порой живут в худших условиях, чем этот сарай.

Неожиданно из-за дома выскочила пара собак и, принюхиваясь, двинулись в мою сторону. Вот зараза. Укусить меня не смогут, но ведь чуют. Мимо меня шагнула Альена и двинулась к собакам. Опустилась перед ними на корточки и на миг сбросила морок. Собаки принюхались и вдруг разом перевернулись на спину, подставив брюхо, и отчаянно завиляли

хвостами. Во дает девчонка. Еще бы с людьми так. Увы, люди не собаки. Их добротой не проймешь. Людей надо пронимать чем-нибудь тяжелым. Желательно по голове, чтоб мозги на место встали.

— Путь свободен, — сообщила мне Альена. Я кивнул в ответ. Что ж, раз путь свободен, шагаем дальше.

Я неторопливо прошел по тропинке, осматриваясь вокруг, стараясь запомнить расположение всех построек. Мимо нас прошагал охранник с пистолетом под мышкой. Я проводил этого мордоворота взглядом. Интересно, почему все нанимают в телохранители таких качков? Смотрятся внушительно, да, но каковы они как охранники? Впрочем, это не мое дело. Этот товарищ, который нам совсем не товарищ, может нанимать в телохранители кого угодно и сколько угодно. Может держать армию адвокатов и сорить миллионами на подкуп. Но рано или поздно он попадет на Суд. На наш суд. Посмотрим, как ему помогут его миллионы и адвокаты.

Альена, похоже, поняла причину наших прогулок вокруг дома и не возражала, тоже внимательно осматриваясь вокруг. Вот она остановилась около каменных сфинксов, замерших перед главным входом в особняк. Я моментально оказался на одном из этих сфинксов. Приосанился.

— Как я тебе?

Альена хмуро оглядела меня.

— Как мальчишка на скульптуре, воображающий себя незнамо кем.

Я молча спустился на землю.

— Всю шутку обломила, — мрачно заметил я.

— Шутку?! Эзергиль, ты хоть сейчас можешь думать о чем-нибудь кроме своих шуток?! Ты только представь себя на месте Алеши…

— И не собираюсь представлять. Сам я на место Алеши никогда не попаду. Надо быть лохом, чтобы очутиться там. А шутки всегда в срок. Хорошая шутка, между прочим, продлевает жизнь.

— Ты опять ведешь себя как…

— Молчу. Давай займемся делом. Пойдем дальше.

Миновав сфинксов, мы попали в довольно просторный холл… дачи, что ль? Ладно, пусть будет особняка. Мне все равно. Есть у меня такое чувство, что после того, как здесь побывает бравая команда Михаила, для этого домика будет только одно название — груда мусора. Да-с, чегой-то я сегодня чрезмерно злой. Уже на ни в чем неповинные особняки кидаюсь. А домик действительно красивый. В холле разве что фонтана не хватает. А так и ковры и

хрустальная люстра. Лестница на второй этаж.

— Начнем сверху? — поинтересовалась Альена, рассматривая картину на стене.

— Алешу они вряд ли наверху держат. Скорее внизу. — Я прислушался к себе. — Да, внизу. Но мы все равно начнем сверху. Надо провести рекогносцировку и выявить пути отхода.

— Чьи пути отхода? — поинтересовалась Альена.

— Неважно. Просто пути отхода. Если наши проиграют, то они пригодятся нам. Если выиграют, то неплохо их перекрыть, чтобы не сбежали другие.

Альена недовольно оглядела меня с ног до головы.

— Если Алеша внизу, то лучше идти вниз.

— Нам нужна разведка. — С этим заявлением я ступил на лестницу. Домик был в три этажа, и я, не задерживаясь на втором, сразу поднялся до самого верха. Этаж представлял собой, по сути, одну комнату с двумя бильярдными столами. В углу располагался бар. В шкафу стояли бутылки с вином, бокалы. Ясно, что здесь принимали только очень близких людей. Я осмотрелся. Провел рукой по боку бильярдного стола. Катнул шар. Обошел всю комнату кругом. Заглянул за неприметную дверь в углу. Там стояли вдоль стен запасные кии, в ящике были сложены бильярдные шары.

— Ты еще долго тут собираешься быть? — нетерпеливо поинтересовалась Альена.

— Не понимаю, куда ты спешишь. Все равно мы ничего сделать не можем. А наши бравые спасатели вряд ли появятся раньше вечера. Не дураки же они средь бела дня лезть. Впрочем, от них всего можно ожидать, ты права. А здесь мы уже все осмотрели.

Я спустился на второй этаж. Ага, здесь уже интересней. Спальни и рабочий кабинет. В спальню я заглянул мельком, а вот рабочий кабинет надо бы осмотреть внимательней. Ага, щас. Я бы, конечно, его осмотрел, если бы хозяин не мешал. Просунув голову сквозь дверь, я обнаружил нашего главного бяку, сидящего за столом и что-то пишущего. Я прошел сквозь дверь, подошел к хозяину поближе и самым внимательным образом осмотрел его со всех сторон. Альена стояла у двери, обхватив себя руками и слегка поеживаясь.

— Мне здесь не нравится, — тихо сказала она.

— Ничего удивительного, — отозвался я, не отрываясь от разглядывания хозяина кабинета. — Я первый раз вижу настолько холодного человека. Нет, я, конечно, прочитал о нем в архивах и знаю, что он остался почти без души. Но одно дело читать об этом, а другое видеть и ощущать подобное самому. Его душе цена

полушка. Да и то никто не даст. Этот человек целиком и полностью наш. Даже не заглядывая в блокнот, могу сказать, что эта ходка будет у него не первая. Но вполне может стать последней. Его душа уже настолько изъедена, что непонятно, как вообще существует. Да-а, как личности ему существовать только эту жизнь осталось. Ну максимум еще одну. Все, больше не выдержит. Развеется.

— Ты мне это говоришь?! — Альена отошла в самый дальний от человека угол, в который только можно было забиться. — Да от него веет таким холодом, что хоть шубу надевай. Жаль только, она не поможет от холода души. Давай уйдем отсюда.

— Уйти? От такого интересного субъекта? Ну нет. Надо изучить все стороны человеческого бытия. А до встречи с ним я думал, что абсолюта не существует. Конечно, он еще не абсолют, но наиболее близок к нему.

— Хочешь сказать, что этот человек абсолютное зло?

— Зло, добро. Это все лишь слова. Конечно, он не зло. В том смысле, что он не стремится разрушить мир, покорить другие страны. Его цели скромнее. Он просто хочет жить хорошо. Но при этом ему плевать на всех, кроме самого себя.

Я еще раз обошел вокруг сидящего человека. Тот, словно что-то почувствовав, оторвался от письма и с недоумением уставился перед собой. Оглянулся. Блеснули очки. И доброе-доброе лицо. Сам человек был слегка полноват. Не в смысле толстый, а именно слегка. Но отлично сидящий костюм эти огрехи в фигуре скрывал. Круглое лицо. А вот глаза… глаза постоянно бегали. Ясно, что человек не привык смотреть собеседнику в глаза. Никогда бы я не стал доверять тому, кто при разговоре старается не встречаться взглядом с собеседником. Хотя… не зря ведь этот человек носит очки с темными стеклами. Это мне было видно, что глаза у него бегают. А вот обычные люди это вряд ли заметят. Тем более если их посадят против света. Кажется, этот человек о своем недостатке отлично знал. И это свидетельствовало о незаурядном уме. Такой бы ум да на пользу. Однако этот человек выбрал путь разрушения. Разрушения прежде всего самого себя. Своей души. Что ж, свобода воли. Я мог бы ему помочь, но вся ирония в том, что для этого потребуется лишить его той самой свободы воли, которая лежит в основе всего мира. Порой я задумываюсь, а нужна ли эта свобода для людей, которые используют ее для саморазрушения? Думал ли Он над этим? Впрочем, вряд ли я умнее Его. Надеюсь, Он знает, что делает. Очень может быть, что когда я вырасту, стану большим, старым и мудрым, я буду лучше понимать Его планы. А пока остается только верить.

Я разочарованно отвернулся от этого человека и вышел из кабинета. За мной тотчас выскочила и Альена, облегченно вздохнув.

— Ну и ужас.

— Ужас, — согласился я. — Но на самом деле этот человек очень несчастный. Хотя он сам этого не понимает. Знаешь, мне не хочется даже наказывать его. Ведь его смерть может стать действительно Смертью. Окончательной и бесповоротной. Конечно, он сам привел себя к этому.

— А если испытания? — несмело поинтересовалась Альена. — Как с Алешей.

Я покачал головой.

— Увы, не поможет. Поздно. Он только озлобится и не поймет. Пусть уж наслаждается той жизнью, что ему осталась. В его последней жизни ему многое будет удаваться. И умрет он, достигнув в этой жизни всего, чего хотел. А вот счастья у него не будет. Его он себя лишил.

— А что будет потом?

Я остановился и оглянулся на дверь кабинета.

— Для этого человека не будет никакого потом.

Альена замерла и чуть ли не с ужасом уставилась на меня.

— Мы должны ему помочь!

Я, не обращая внимания на ее крики, стал спускаться на первый этаж.

— Эзергиль, ты слышишь меня?!

— Слышу. Что мы можем сделать, если он сам не хочет себе помочь?

— Такого не может быть!

Я остановился и оглянулся назад.

— Альена, давай посмотрим, чем закончится сегодняшний день. Так или иначе, но сегодня будут получены ответы на многие вопросы. Ради тебя обещаю, я дам ему шанс. Один. Возможно, давая ему этот шанс, я многим рискую. Придется действовать на грани. Но я рискну.

— Мы скажем, что действовали вместе.

Я улыбнулся.

— Спасибо. Но тебе никто не поверит. Ангелы совсем не умеют врать. Хотя… у тебя получается лучше, чем у других, — подколол я ее.

— Значит, я хорошо вру?!!! — тут же вспылила Альена. Как просто с ангелами. Так легко сменить тему.

— Угу, — кивнул я, торопливо сбегая вниз. Альена вынуждена была меня догонять, чтобы все-таки суметь стукнуть. Но догнать меня, если я этого не хочу, практически невозможно.

— Я тебе все равно еще это припомню, — пообещала Альена, тяжело дыша.

— А я считал, что ангелы должны все прощать, — насмешливо отозвался я из-за спины охранника, вокруг которого последние пять минут мы и носились. Тот иногда отрывался от газеты и недоуменно к чему-то прислушивался. Однако неизменно пожимал плечами и возвращался к чтению. Порой у меня возникала мысль выбить у него из руки газету и посмотреть, как он на это отреагирует. Наверное, и тогда просто пожмет плечами, подберет газету и вернется к прерванному чтению, свалив все на сквозняк. Совершенно бесчувственный тип.

— Вот тресну пару раз, тогда и прощу, — пообещала Альена. — И снова стану кроткой и миролюбивой.

Снова станет? Интересно, а когда она была кроткой и миролюбивой? Что-то я не помню такого. Однако подобные мысли я благоразумно высказывать вслух не стал. А то бег с препятствиями начнется по-новому. А мы здесь все-таки по делу. Надо еще Алешу навестить.

Подвальное помещение я осмотрел более внимательно, чем все остальные комнаты. Газовый котел, подвал для хранения продуктов, где вдоль стен стояли довольно приличных размеров холодильники. Помещения со шкафами, где располагались другие необходимые в хозяйстве припасы. Алеша находился в небольшой комнате, расположенной в дальнем конце подвала. Здесь, очевидно, была комната отдыха для слесарей. В ней был простой стол и кровать, стоявшая вдоль дальней стены. На этой кровати, поджав ноги до подбородка, и сидел Алеша. Изредка он старательно размазывал грязь по лицу, вытирая слезы. Но помогало это мало. Альена рванулась было к нему, но я вовремя ухватил девчонку за руку.

— Куда?! Забыла обещание? Сейчас мой выход. А ты не вмешивайся. И даже не показывайся. Я хочу поговорить с ним с глазу на глаз.

— Мне остаться в коридоре?

Я подумал.

— Не стоит. Лучше послушай, что там будет говориться. Но прошу тебя, не вмешивайся, пока я не разрешу. Очень прошу!

Альена кивнула.

— Хорошо. Это я тебе обещаю. Эзергиль, я верю тебе.

По новой? Лучше бы в Алешу верила.

Немного поколебавшись, я встал напротив мальчика. Дождался, когда Алеша опять начнет вытирать слезы и таким образом потеряет помещение из виду, скинул морок. Алеша убрал руку от лица, увидел меня и вздрогнул. Его глаза широко

раскрылись.

— Ты?!

Я прошелся по комнате. Огляделся.

— А ничего квартирка! Симпатично. Просто и со вкусом.

— Могу уступить, — огрызнулся Алеша. Первое потрясение от моего появления у него уже прошло, и он снова занял довольно-таки враждебную позицию по отношению ко мне.

— Дружище, ты несправедлив, — заметил я. — Я тут, можно сказать, с риском для себя пробираюсь в логово матерого бандита, чтобы оказать помощь другу, и какой прием меня здесь ожидает? И это вместо приветствия!

— Тамбовский волк тебе друг.

— Фу. Эх, Лешка, Лешка, какой же ты еще глупый. Кто же вот так с ходу отказывается от помощи?

— А что ты потребуешь взамен своей помощи?

— Я? Да как ты мог подумать такое обо мне? Я что, человек, чтобы требовать что-то за помощь? Мы ведь с тобой договор заключали? Заключали. По этому договору я обязан неделю тебе помогать. Неделя еще не истекла. Так что ты мне ничего не должен. Помогаю я тебе искренне. И совершенно бескорыстно к тому же.

— Спасибо, ты мне уже помог. — Алеша был уже не так враждебен. Более того, в глубине души у него появилась надежда, которой не было до этого. — Из-за твоих денег здесь и сижу!

— Моих денег? — улыбнулся я. — Я не ослышался? Ты точно сказал «моих денег»? Сюда ты попал не из-за денег, а потому что не слушал умных советов.

— Твоих, что ль?

— Моих. А я ведь говорил тебе, что получить деньги — это одно. А вот объяснить их появление со-овсем другое. Предупреждал или нет?

Алеша насупился.

— Ну предупреждал.

— И что ты сделал? Ты, конечно же, меня послушал и отказал одному бестолковому и наглому типу, который за просто так подарил тебе чемодан с деньгами.

— Ну-у-у…

— Не отказал, — кивнул я. — Так в чем ты меня обвиняешь? В том, что не смог придумать толковое объяснение появлению денег? Кстати, что этому Павлу Константиновичу от тебя надо?

— Какому Павлу Константиновичу?

— Который в очках и кому принадлежит эта дачка. Чего он хотел?

— А то ты не знаешь, — нахмурился Алеша.

— Знаю. Хочу от тебя услышать.

— Что надо, что надо… Требует, чтобы я рассказал, где нашел этот чемодан. Сказал, что до завтрашнего утра мне дает подумать. Потом, сказал, плохо мне будет.

Я сочувственно покивал.

— Да. А он ведь действительно может плохо сделать. Я тут почитал о нем… своего врага живьем приказал в бочку засмолить, а к бочке груз привязал и в озеро. Читал сказку о царе Салтане? Вот и он, видать, читал.

Алеша побледнел и с ужасом уставился на меня. С другой стороны на меня яростно взирала Альена, многозначительно потирая кулак. Вот ведь… ангелочек мне попался. Живым останешься — рад будешь. Алеша попытался ответить что-то, но голос ему изменил и он только беззвучно рот разевал. Я же сделал вид, что испуга его не замечаю.

— Или вот другой его соперник. Между прочим, бывший друг. От смерти когда-то Павла Константиновича спас. Но, как видишь, эта заслуга ему не ничуть помогла. Так вот, этого друга он вообще велел…

Алеша вдруг громко всхлипнул и закрыл уши.

— Заткнись!!! — чуть ли не заорал он.

О том, чтобы заглушить все крики, я позаботился заранее. Так что никто в доме, кроме меня и Альены, услышать эти крики не мог. По этой причине я совершенно не мешал Алеше кричать.

— Успокоился? — поинтересовался я, когда тот на миг замолчал. — Не хочешь слушать, не надо. Так бы и сказал. Зачем орать? Я просто думал, что тебе интересно будет. Своего врага надо знать.

— Ты вроде говорил, что пришел мне помочь? — Алеша с надеждой посмотрел на меня.

— Что? А, да. Конечно же. Видишь ли, помочь бежать я тебе не могу. Просто не имею права. Как я уже говорил, действовать в этом мире я могу только опосредованно. Однако совет могу дать. Если ему последуешь, то спасение я тебе гарантирую. Не сто процентов, конечно, но девяносто девять целых и девяносто девять сотых.

— Какой совет?

— А? Ах да, совет. Очень простой. Сейчас встань, постучись в дверь и скажи, что все расскажешь. Скажешь, где нашел деньги. Когда же тебя отведут к Павлу Николаевичу, ты скажи, что деньги на самом деле принадлежат некоему художнику по имени Григорий Иванович. Мол, ты слышал, как он втайне продал несколько своих картин иностранцам. Сумма была на самом деле около трех миллионов. Эти же два ты стащил у него.

— Что?!

— А что? Что такого? Они, понятно, обыщут дом художника еще раз более внимательно. Найдут там еще один миллион. Тут мне можешь поверить — этот миллион они там найдут. Об этом я позабочусь. Ну а дальше дело техники. Кстати, попутно я могу выполнить и другие твои пожелания. Ты же хотел, чтобы тебя все боялись? Думаю, этот Павел Константинович оценит то, как ты стащил чемодан с деньгами и что тебя никто не заподозрил. С моей помощью ты вполне можешь занять место… как бы это выразить? Тут не полк, так что сыном полка тебе не стать. А вот место сына местной братвы вакантно. Могу гарантировать, что ты его займешь.

Алеша с каким-то странным выражением смотрел на меня.

— А что будет с Григорием Ивановичем?

— А что с ним будет? Да ничего. Ну побьют немного. В больнице полежит. Ничего страшного. Думаешь, убивать его будут? Да кому он нужен? Доход его вроде как нелегальный. Все решат, что жаловаться он не будет. А сам по себе он не опасен.

Алеша задумался. Я замер. Замерла и Альена. Я видел, как она до крови прокусила себе губу, ожидая ответа. Мне было тяжелее. Я ничего не мог себе прокусить. Я должен быть внешне совершенно спокойным. Но какой ценой далось мне это внешнее спокойствие… Мне хотелось чуть ли не орать, чтобы он быстрее решал.

— А что с отцом Федором? — вдруг спросил мальчик.

— А что с ним? — удивился я.

— Я слышал выстрел. Когда меня уже затащили в машину. Я видел, как отец Федор бросился мне на помощь. Потом меня затащили в машину. А потом был выстрел.

Я махнул рукой.

— Нашел о чем думать. Дурак бросился под пули. Дураку дурацкая смерть.

Алеша замер.

— Смерть?

— Ну да. Зачем бросился? Ведь видел, что у бандитов пистолеты и что их больше. Все равно полез. Так кто же он как не дурак?

Алеша сидел на кровати, вытянувшись как струна, уставившись в одну точку. По щеке прокатилась слеза, но мальчик ее, похоже, даже не заметил. Он вдруг медленно повернул ко мне голову.

— Да, — безжизненным голосом сообщил он мне. — Он дурак. Он дурак, что кинулся защищать меня. Я этого не стою. Я отдал тебе душу. Так забирай ее! Но остальных оставь! А теперь

уходи! Мне твоя помощь не нужна!!! Уходи!!! Пошел вон!!! — Алеша вдруг вскочил и запустил в меня подушкой с кровати. — Уходи!

От подушки я увернулся. Потом пришлось потратить некоторое время, чтобы успокоить мальчика.

— Слушай, ну не будь хоть ты дураком, — попытался я урезонить его. — Своим геройством ты его уже не спасешь. Зато можешь спасти себя. И художник твой любимый не погибнет — это я могу тебе гарантировать. А ты добьешься всего, чего хочешь. Что тебе надо?

— Надо, чтобы ты отстал от меня!

Я пожал плечами.

— Как хочешь. Но договор у меня. Тебя убьют здесь, а душа попадет ко мне. А если ты останешься в живых, то еще можешь исправить это.

— А я не хочу ничего исправлять! Ты понял это?! Не хочу!!! Хочешь мою душу?! Пожалуйста. Можешь получать ее!!! Хочешь, еще один договор подпишу. Я тебе подарю ее. Просто так! Но оставь всех нас в покое!!! Оставь моих друзей!!!

— Как хочешь. — Я подошел к столу и положил на него свисток, который достал из кармана. — Но я дам тебе шанс. Ночь впереди длинная. Если передумаешь, свистни в него. Я приду.

Алеша молча взял свисток. Посмотрел. Потом бросил его на пол и с видимым удовольствием растоптал его в пыль.

— Вот тебе!

Я отступил на шаг назад. И тут я понял, что больше не чувствую присутствие мальчика. Это могло значить только одно… Его порыв был не позой. Сейчас он был искренен. Я достал из воздуха договор и просмотрел его. Алеша увидел знакомую бумагу, побледнел. Но тут договор прямо у меня в руках вспыхнул — я решил, что небольшие спецэффекты не помешают. Миг, и только горстка пепла осела на пол. Я снова взглянул на мальчика и усмехнулся.

— Что ж, можешь радоваться. Тебе удалось вырваться от меня. Поздравляю. У меня больше нет никакой власти над тобой. Теперь посмотрим, как ты сможешь вырваться от Павла Николаевича. От него ты так просто не избавишься. А теперь прощай.

Я медленно растворился в воздухе. В тот же миг что-то визжащее повисло у меня на шее. С трудом я сообразил, что это Альена. Плача и смеясь, она висела у меня на шее и болтала ногами. Не удержав равновесия, я рухнул на пол. Но это ничуть не остудило радости девчонки. Теперь она принялась колотить меня по бокам.

— Мы победили!!! Мы победили!!! — вопила она.

Я торопливо отодвинулся от нее подальше.

— Во чокнутая, — буркнул я, сам светясь от радости. — Слушай, ты не могла бы выражать свой восторг менее бурно? Какой смысл в победе, чтобы потом умереть от радости? Я победой еще насладиться хочу.

В этот момент в комнату ввалился Ксефон.

— Вот ты где, — с ходу буркнул он, разглядев Алешу, все еще ошеломленного моим исчезновением.

Я моментально оказался рядом с Альеной, придавил ее к полу и заткнул ладонью рот. Та сначала возмущенно дернулась, но, разглядев Ксефона, замерла. Ксефон же, не утруждая себя проверкой, сразу подошел к Алеше и встряхнул его.

— Чего ты какой? У меня новость для тебя.

Мальчик недоуменно посмотрел на Ксефона. Похоже, прибытие еще одного черта его не обрадовало.

— Тоже о моем спасении? — зло поинтересовался Алеша. — Не надо! Ничего мне от вас не надо. Это я и твоему приятелю сказал!

— Как не… — Ксефон замолк и уставился на Алешу. — Какому приятелю?

— Эзергилю. Так, кажется, его зовут. Тоже предлагал мне спасение. Я отказался. И от тебя мне ничего не надо!

— Что он тебе предлагал? — Ксефон весь напрягся и подался к мальчику. Тот даже попятился от него.

— Что-что? А что еще ваша братия может предлагать? Ничего хорошего. Предлагал свалить всю вину на Григория Ивановича. И это после того, как тот помог мне?! После того, как погиб отец Федор, защищая меня?!

Ксефон покачал в воздухе рукой. Мол, неважно все это. Алеша этот жест понял правильно и скривился.

— А я не хочу жить по вашей логике!!! Ты понял?!

Ксефон даже засветился от счастья. Он слово за слово вытянул весь наш разговор с Алешей. Под конец он уже не скрывал радости.

— Парень, ты идиот, это все, что я тебе могу сказать. Эзергиль всегда был придумщик. Надо же, как все ловко придумал. И главное, могло сработать. Что ж, отказался и хорошо. От тебя мне больше ничего не надо. Прощай, глупец. Мог бы спастись, но ты сам выбрал свою дорогу.

— И это все, что ты мне скажешь? — Алеша недоверчиво уставился на него. — Не предложишь мне путь спасения?

Ксефон расхохотался.

— Я же говорю, идиот ты. Да на хрена ты мне нужен? Не тебе

я помогал все это время, а с Эзергилем сражался. А ты… да мне плевать, что с тобой будет. Ты выбрал свой путь сам. Спасибо, конечно, вот уж не ожидал, что ты справишься с этим хитрецом Эзергилем. Но теперь-то ты мне зачем?

Ксефон поднял голову и расхохотался. Потом снова взглянул на мальчика.

— Когда попадешь туда, — Ксефон ткнул пальцем вверх, — передавай привет своей матери. Герой-дурачок. — Ксефон опять рассмеялся и медленно растаял в воздухе. Алеша же опустился на кровать, закрыл лицо руками и разревелся.

— Я Ксефона этого убью, — зловеще пообещала Альена.

Я усмехнулся.

— Не надо. Его убьет результат практики. А пока пусть порадуется… бедняга.

— А это не слишком жестоко?

— Ну… ты ведь не хочешь, чтобы он сейчас начал творить какие-нибудь глупости? А с него станется. Нет, самый безопасный Ксефон — это Ксефон, уверенный в том, что победил. И вот что, пойдем-ка за ним. До завтрашнего утра Алеше все равно ничего не грозит.

Альена неуверенно посмотрела на плачущего мальчика. Потом на меня.

— Мне бы не хотелось оставлять его одного в таком состоянии.

— Если его решение твердо, то пусть для него это будет последнее испытание. Вспомни: «Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики его». Он знал, что его ожидает в этом саду. Мог уйти. Но Он выбрал другой путь.

— И что? — нахохлилась Альена.

Я обернулся к Алеше.

— Ничего. У каждого может быть свой Гефсиманский сад. Оставь его сейчас. Он свой путь выбрал. Мы в данный момент здесь лишние. А Алеша… он или укрепится в своем решении, или раскается. Посмотрим.

Альена тоже посмотрела на Алешу.

— Он не раскается.

Я кивнул.

— Я тоже так думаю. А теперь пойдем. Мне кажется, что нам стоит посмотреть, что собирается делать Ксефон.

Ксефона отыскать было нетрудно. Тот даже и не старался замаскировать свое присутствие. Вернее, маскировал он его только от людей. А для нас с Альеной его вопли разносились по всему лесу.

— Я победил! — вопил он. — Ну, Эзергиль, что ты сейчас скажешь?!

Мы с Альеной недоуменно переглянулись и бросились вперед. Ксефон стоял на какой-то поляне в лесу и кричал, каждый раз оглядываясь вокруг.

— Эй, Эзергиль!!! Ты здесь или где?! Слышишь меня?! Я победил тебя!!!

— Ну победил, победил, — вяло отозвался я. — Конечно же ты победил. Алеша же совершенно тут ни при чем.

Впрочем, я постарался сделать так, чтобы Ксефон меня не расслышал. Попадаться ему на глаза сейчас совершенно не входило в мои планы. Да я просто и не смог бы выглядеть удрученным, как полагалось проигравшему.

Ксефон наконец, утомившись вопить, сплюнул.

— Вот всегда так. Когда какую пакость мне сделать, вот он. Сразу тут. А как проиграл, так в кусты. Боится даже на глаза мне попадаться.

Я посмотрел в спину Ксефону.

— Я с тобой позже поговорю, — пообещал я. — И на глаза тебе попадусь. На комиссии по летней практике. Там я тебе объясню, кто кому боялся попадаться на глаза.

Альена покачала головой.

— Нельзя же быть таким, Эзергиль. В конце концов, Ксефон свое уже получил.

— Каждому отмерится его мерой. Я не заставлял Ксефона желать моего унижения. Он сам этого хочет. Он это получит. Альена, прости, но это наши внутренние дела.

Альена пробурчала что-то нелицеприятное по поводу чертей, ада и меня с Ксефоном персонально. Я счел за лучшее сделать вид, что не расслышал.

Ксефон тем временем вышел на проселочную дорогу, ведущую, как я знал, в ближайший поселок. Точнее, поселок городского типа. Именно оттуда в свое время мы вместе с Альеной и выдвинулись к даче Павла Константиновича. Хм… выдвинулись… Звучит как военная сводка. Впрочем… а почему бы и нет? В конце концов, чем у нас не бой? Ладно, неважно.

Ксефон, совершенно не маскируясь, бежал по улице небольшого городка… или поселка. Фиг тут у людей разберешься. Меня, конечно, это мало волновало, но все же надо же определяться с названием? А то «поселок городского типа». Что это за городской тип, именем которого назван поселок? Тогда почему так невежливо? Или этот тип обеспечивает этому поселку «крышу»? Совершенно непонятно.

Ксефон же тем временем забежал в какую-то забегаловку, на

крыше которой красовалась гордая вывеска «пиво». Ну конечно, где же еще нашим героям быть? Как я и ожидал, там находился и Михаил Леонидович, и его подельни… э-э… бывшие сослуживцы. Правда, как я успел заметить, они практически не пили. К ним, сверкая радостной улыбкой, и направился Ксефон.

— Я победил! — скромно крикнул он. — Вы слышите?! Я победил!!!

На него посмотрели слегка удивленно все, кто находился в баре. Михаил Леонидович сориентировался первым. Чертыхнувшись, он ухватил Ксефона за руку и вытащил его из помещения. За ним немедленно двинулись и Владимир с Семеном. Григорий Иванович слегка задержался, скорее от растерянности, чем по необходимости. Видно, он еще не привык к довольно слаженным действиям команды Михаила.

Затащив Ксефона за какие-то сараи, Михаил встряхнул его.

— Чего орешь? Толком сказать можешь?

Ксефон усмехнулся.

— А чего тут говорить? Этот придурок Эзергиль…

Придурок? Я зловеще усмехнулся. Посмотрим, кто из нас придурок.

— …подвалил к Алеше с предложением помощи. Типа я тебя выручаю, а ты подставляешь своих друзей. — Ксефон с усмешкой рассказал о том, что услышал от Алеши. Михаил нахмурился. Григорий Иванович задумчиво отвернулся.

— Говоришь, он отказался от этого предложения? — с какой-то странной интонацией поинтересовался художник у Ксефона.

— Ну. Говорю же, придурок. Вы, люди, все какие-то чокнутые. Вот зачем лезете туда? Какое ваше дело до всего этого? Даже лучше, если этот мальчишка раньше погибнет. Быстрее в рай попадет. А так еще в жизни и оступиться может.

— Говоришь, лучше? — поинтересовался Михаил. Будь я на месте Ксефона, то после фразы, сказанной таким тоном, немедленно заткнулся бы и постарался побыстрее исчезнуть. Но Ксефон был слишком опьянен своей победой, чтобы услышать предупреждение.

— Ну конечно. И вам проще.

Тут вмешался Владимир.

— Слушай, ты… — Видно было, с каким трудом удержался Владимир от эпитета. — Давай ты нам самим предоставишь решать, что для нас лучше, а что хуже.

Ксефон хмыкнул.

— Да мне-то что? Решайте. Это Он так распорядился. Типа свобода воли и все такое. Будь моя воля, я бы вам показал, как надо жить. Главное ведь что? Рационализм.

Философ. Гений. Уж он бы показал. Альена хмурилась.

— Слушай, будь другом, — обратилась она ко мне. — Когда этот придурок будет сдавать практику на вашей комиссии… объясни ему, какой он дурак.

Я хмыкнул.

— О чем речь? Да с таким удовольствием…

Ксефон тем временем продолжал выступать. Его слушали уже откровенно раздраженно.

— Слушай, — не выдержал наконец Михаил. — Ты сам вызвался нам помочь. Сам пообещал провести разведку. Давай по существу!

— По существу? — осекся Ксефон и хмыкнул. — Ну раз по существу, то получите. На хрен вы мне теперь нужны! Вот вам по существу. И вашему идиоту мальчишке помогать я не собираюсь! Он ведь такой благородный, что сам от помощи отказался. Свобода воли, господа! Кто я такой, чтобы выступать против нее?! — Ксефон довольно противно усмехнулся. — Не вам я помогал. Не вам. Только против Эзергиля боролся. А раз он теперь повержен, то я прощаюсь с вами. Всего хорошего!

Ксефон отступил на шаг, поднял голову к небу и закричал:

— Господин Викентий! Я справился!!! Забирайте!!!

С ясного неба вдруг упало темное облако. Закружил вихрь. Мгновение, и Ксефон исчез.

— Вот скотина, — буркнул я. — Ну что ему стоило хотя бы напоследок немного помочь людям? Как был скотиной, так ею и остался. Но одно хорошо — больше под ногами путаться не будет.

Михаил Леонидович довольно витиевато выругался.

— Вот настоящий черт, — закончил он. — А я еще не верил в их существование.

Ну это он зря. Ксефон никогда не станет настоящим чертом. Мелким бесом максимум. Куда ему до черта с его подлючей натурой и глупостью.

— И что теперь делать? — немного неуверенно спросил Григорий Иванович.

— А что делать? Действовать самим. Не требуя помощи ни у чертей, ни у ангелов.

— Знаешь, — заметил я, — это самое правильное, что мог сказать человек.

Альена кивнула.

— А все-таки жаль, что мы не можем им помочь.

— Помочь можем, — заметил я. — В частности, можем рассказать то, что хотел рассказать Ксефон. Но мы этого делать не будем. Люди должны учиться полагаться только на свои силы.

Альена грустно улыбнулась.

— Да. Это правильно. Но как хочется, чтобы у них все получилось. — Она задумчиво оглядела всю четверку. — Я буду молиться за их успех. — Альена вдруг засияла знакомым светом. — И я благословляю всех вас, — закончила она.

Вся четверка вдруг вздрогнула. Осмотрелись. Михаил выпрямился.

— Пожалуй, — заметил он, — мы можем кое-что предпринять. И знаете, почему-то я верю, что у нас все получится.

Владимир и Семен переглянулись.

— Командир, я тоже знаю это. Давайте рассмотрим варианты.

Михаил кивнул.

— Не здесь. Надо сначала разобраться, что к чему. Поспрашивать местных. Только осторожно. Итак, разведка, вперед.

— Вперед, командир.

Все четверо направились к выходу из-за сараев. Только Григорий Иванович вдруг остановился и опустил голову.

— Мы помогаем верить тогда, когда не осталось надежды, — задумчиво пробормотал он. Потом улыбнулся и огляделся. — Спасибо тебе, ангел. Спасибо.

— Григорий! Ты где там застрял? — донесся крик из-за сараев.

— Иду! — отозвался художник и заспешил на зов.

Я посмотрел на улыбающуюся девчонку и обнял ее за плечо.

— Ты молодец, ангел, — заметил я. — Даже люди это оценили.

Альена посмотрелся на меня сияющими глазами.

— Ты тоже молодец, черт.

Я засмущался.

— Ну какой я молодец. Я же черт. А каждый знает, что черти только гадости делают.

Альена покачала головой.

— Не начинай сначала.

— Не буду, — усмехнулся я. — Мы оба молодцы.

Альена согласно кивнула.

Глава 3

Альена взад-вперед шагала по небольшому оврагу, в котором мы с ней расположились в ожидании начала операции по освобождению мальчика.

— Пусть мы не можем помочь прямо, но избавить спасателей от разных неприятных неожиданностей мы в состоянии.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался я.

— А то. Проверим маршрут.

Я неуверенно посмотрел на нее. Что тут проверять? Лес он и есть лес. Какие тут могут быть неожиданности? Однако по собственному опыту я уже успел убедиться, что с Альеной спорить — совершенно пустое занятие. Если уж она что-то вбила себе в голову…

— И с чего ты предлагаешь начать?

— С кладбища.

Я поперхнулся и закашлялся.

— С чего?!

— С кладбища. Я предлагаю начать с того, что мы навестим Ненашеву Зою и расскажем ей обо всем, что здесь произошло.

— Зачем? — удивился я.

— Эзергиль! Ты бесчувственный нахал! Она же мать! И она волнуется за своего сына!

— Тогда тем более непонятно, зачем рассказывать? Расскажем, когда Алешу успешно освободят. А если освободят не успешно, то она сама все узнает.

— Я и говорю, что ты бесчувственный тип. Тебе что, лениво до кладбища слетать?

— Да не лениво мне. Просто смысла не вижу. И потом, тебе же все равно придется самой все рассказывать. Я-то тебе зачем?

— Эзергиль, ну пожалуйста.

Все, я попал. Терпеть не могу, когда она так на меня смотрит. Этот ангел все-таки доведет меня однажды. Ну вот что бы вы сделали, если бы самая красивая на свете девчонка смотрела бы на вас с такой надеждой? Правильно.

— Поехали, — вздохнул я.

— Спасибо, Эзергиль! — Альена подскочила ко мне и чмокнула меня в щеку. И тут же покраснела и отскочила. Я покраснел не меньше.

— Телячьи нежности, — пробурчал я смущенно. — Пойдем уж.

С учетом расстояния добраться до нужного нам кладбища за

три часа — это, скажу я вам, почти рекорд. Все-таки за время пребывания на Земле мы многое научились делать великолепно. И Альена уже действовала уверенно, а не ошибаясь в чарах. Не греша против скромности, могу сказать, что это именно я многому ее научил.

Добравшись до нужного нам места, мы приземлились около ограды. Я тут же прилег в тенечке.

— Ты иди, — махнул я рукой Альене. — Я тут отдохну. Посплю немного. Можете сколько угодно обсуждать свои дела. Тряпки там разные, помады.

Альена насупилась, но промолчала. Все-таки признавала свою прошлую вину. Хотя ее угрюмый взгляд ясно мне сказал, что она не считает меня джентльменом. Джентльмен не будет указывать даме на ее ошибки. Правильно, я не джентльмен. Я черт. Поэтому я буду указывать на ошибки. Чтобы не совершить их вновь. Все-таки в том, что ты черт, есть свое преимущество.

Отдыхал я недолго. Где-то через полчаса я обнаружил парящего над оградой призрака. Рядом висела в воздухе Альена. Выглядела она одновременно виноватой и довольной. Никак не могу понять, как ей подобное удается.

— Я все рассказала Зое, — сообщила она.

Угу. Понятно. И что теперь? Я вопросительно взглянул на обеих.

— Да, Альена рассказала мне все, — прошелестел призрак. — Наверное, я должна тебя поблагодарить… — Призрак замолчал. — Однако почему-то не могу испытывать к тебе благодарности. Ты играл людьми как куклами, ради своей цели.

— А разве цель была плохая?

— Цель оправдывает средства? Старый тезис. Сколько он крови стоил человечеству.

Я усмехнулся.

— Да уж. Люди глупы. Вы ведь забыли, что я не человек. Я Судья. Последняя инстанция, которая выносит приговор.

— Да. Но власти над живущими у тебя нет.

— Нет. Но я и не присваивал ее. Я давал людям то, что они хотели. А дальше они делали то, к чему лежала их душа. Выбор был за ними.

Зоя задумчиво оглядела меня.

— Мне не хочется с тобой спорить. Ты помог моему сыну. Хотя своим, несколько жестоким способом.

— А прививка тоже жестока. Подумайте, что в организм сажают микробов. И я не только помогал вашему сыну. Очень многие понесли наказание за свои дела. И еще будут такие люди.

— Да. Такие у тебя правила Игры. Ты хорошо назвал себя

Игроком. — Зоя задумалась. — Неужели ты не сделал для себя выводов никаких?

Теперь уже настала моя очередь задумываться.

— Сделал, — признал я. — Вы правы. Я Игрок. Для меня все вокруг Игра. Теперь я узнал, что такое жизнь. Как Игрок я был готов нести ответственность за свои действия и поступки. Но в жизни… в жизни порой другие несут ответственность за твои действия. Этот урок я хорошо запомнил.

Я даже сгорбился.

— Что ж, если сможете, простите меня.

Призрак слегка задрожал.

— Ты не похож на тех чертей, что я представляла себе в детстве.

— Вы смотрите с другой стороны. Те, кто оказывается у нас, находят очень много общего со своими представлениями.

Зоя вдруг улыбнулась.

— А ты все-таки забавный. Хоть и черт. Раньше я слишком поглощена своим горем была. Я рада, что ты есть. И рада, что ты подружился с таким замечательным ангелом. — Зоя повернулась к Альене и подмигнула ей. Так, интересно, о чем они там еще трепались? Вот, блин! Женщины всегда общий язык найдут. — Надеюсь, она на тебя повлияет в положительную сторону.

— Угу, — кивнул я. — Или я на нее в отрицательную.

Зоя опять улыбнулась.

— Не думаю. А сейчас мне пора. Я уже слишком долго задержалась здесь. До свидания, ребята. Альена, спасибо тебе.

Зоя растаяла. Я же всерьез обиделся.

— Так. План был мой. Исполнение тоже. И что? Тебе спасибо, а мне? «Однако я не могу испытывать к тебе благодарность». И где же справедливость?

Альена положила руку мне на плечо.

— Ты и есть справедливость. Разве нет?

Я сердито покосился на нее. Альена задумчиво смотрела на меня, слегка улыбаясь. Я вздохнул.

— Верно. — Потом улыбнулся. — Да. Я Справедливость. А раз так, то нам нужно еще кое-где ее восстановить. Поехали.

Альена радостно кивнула.

— Поехали.

У дачи Павла Николаевича ничего не изменилось с того времени, как мы были здесь несколько часов назад. Мы с Альеной сидели напротив ворот и наблюдали за людьми внутри дома. Для этого, правда, нам пришлось сделать стены и ограды для себя прозрачными. Но это такой пустяк. Альена замечательно

справилась, хотя и ворчала что-то там по поводу подглядывания. С ангелами так трудно… И вот сейчас, удобно расположившись под деревом, мы и вели наблюдение.

— Вместе с Павлом Николаевичем их там семеро, — заметил я. — А наших только трое.

— Четверо.

— Ну да, если считать художника, у которого самое страшное оружие — кисть.

— Ты не прав. Вспомни, как он разогнал тех, кто нападал на Алешу. А ведь против ножа пошел.

Я пожал плечами. Глянул на солнце. Оно как раз коснулось вершин деревьев. Уже начало темнеть. Я поднялся с земли и потянулся.

— Ладно, хватит тут штаны протирать. Все, что можно, мы уже увидели. Нового ничего не будет. Давай пройдемся.

Альена недовольно посмотрела на меня.

— А если они будут освобождать мальчика, когда мы будем гулять?

— Очень советую читать книги, товарищ ангел. В них ясно написано, что нападать надо под утро, когда сон самый крепкий.

Альена, похоже, обиделась.

— Думаю, те, кто на даче, тоже читают книги.

— Может, читают, а может, нет. Что из того? Они ждут нападения? Нет.

— Как знаешь. — Альена явно не собиралась со мной спорить. Похоже, и правда обиделась.

Мы еще раз прошлись по маршруту. Только девчонка что-то там вычитывала в своем блокноте. Иногда я отставал и невзначай пытался заглянуть в него. Но Альена была начеку и мои попытки пресекала в зародыше.

— Что ты там ищешь? — наконец не выдержал я.

— Что надо. Увидишь. Я ведь о чем подумала? Ну освободят они мальчика, а дальше что? Или думаешь, эти бандиты отстанут? Да никогда. Мы же с тобой, наблюдая за домом, столько всего узнали…

— Ну и что? — не понял я.

— Ну и то, — отрезала Альена, снова углубляясь в чтение блокнота.

Так мы и вышли к поселку. Я, оглядываясь по сторонам, и Альена, уткнув нос в блокнот.

— Нашла!!! — вдруг крикнула она. — Вот что нам надо!

— Нам?! — вежливо поинтересовался я.

— Ну мне, — махнула рукой девчонка. — Жди меня здесь. Я скоро.

Не успел я и рта раскрыть, как она устремилась в небо и через секунду скрылась в лучах заходящего солнца. Я выругался. Интересно, от кого она научилась такому поведению некультурному? Однако ругать ее сейчас только нервы себе трепать. А мне мои нервы еще дороги.

Я прошел по поселку. В первом же киоске купил себе сока и пристроился на скамейке на автобусной остановке. Потягивая сок из трубочки, я изредка посматривал на небо. Постепенно темнело. Вот уже на небе появились первые звезды. Как ни растягивал я сок, но он все же закончился раньше, чем появилась Альена. Сунув пустой пакет в мусорную корзину, я отправился бродить по поселку. Нет, бродить по поселку — это слишком громко сказано. Бродил я по одной улице, где Альена и велела мне ее ждать. Вот ведь… девчонка. И что мне тут делать? И не уйдешь никуда. Опять, что ли, тряпки с кем-то обсуждает? Если это так… если это действительно так, то я… я… А что я? Прощу, конечно. Со временем. Ух, да не со временем. Улыбнется она мне так виновато, я тут же и прощу. Вот, блин, влип. Даже рассердиться на нее не могу.

Стемнело уже окончательно. А так как это был все же поселок, а не город, то освещение на улице тут было… точнее, совсем его не было. Пришлось переходить на ночное зрение. Блин, да где же она?!! Нам уже выдвигаться на место надо!!!

От нечего делать я вытащил из кустов консервную банку и стал ее пинать. Рядом затормозила какая-то грязная машина. Такая грязная, что невозможно было даже определить ее марку.

— Эй, мальчик, — окликнул меня шофер.

Я недоуменно повернулся к водителю. На всякий случай посмотрел по сторонам, нет ли еще где мальчика.

— Вы меня?

— Тебя.

Интересно, а меня не похитить хотят? Вот будет забавно. А вдруг действительно похитят? Ха, хоть развлекусь немного, пока эту девчонку жду. Я подошел.

— Слушаю.

— Ты не подскажешь, как проехать к даче Павла Николаевича Вокутова?

Я растерянно захлопал глазами. Подкрепление? В такой машине? Да ее даже на выстрел не подпустят к даче. Кто же это такой? Однако думать было некогда. Надо решать. Отправить их, что ли, в противоположную сторону? Не знаю, кто это, но пусть сегодня нашим никто не мешает. Я уже готов был привести свое решение в исполнение, как рядом со мной появилась девчоночья голова.

— Вам дачу Павла Николаевича? — поинтересовалась голова. — Сейчас объясню.

Я оторопело уставился на голову. Потом разглядел и туловище. И руки, которыми девчонка усиленно жестикулировала, объясняя дорогу. Водитель вежливо поблагодарил и тронулся с места.

— И что все это значит? — поинтересовался я у девчонки.

— А то, что теперь все идет по моему плану. Понял? — Альена с вызовом уставилась на меня. — И мне очень надо, чтобы эта машина нашла дорогу к даче без всяких проблем. А то я знаю тебя. Услал бы ее куда-нибудь… в соседний город, например.

Я признался, что именно это и собирался сделать.

— Вот видишь. Тебе лишь бы похулиганить.

От такого несправедливого обвинения я даже задохнулся. В конце концов, вовсе не ради шутки я хотел отправить эту машину в другую сторону.

Альена поняла и дружески хлопнула меня по плечу.

— Эзергиль, ну не обижайся. Видишь же, что я шучу. Я же не обижаюсь на твои шутки.

Ага, не обижается. Сразу бьет. Без обид, конечно.

В этот момент мимо нас проехали два автобуса не менее грязных, чем машина. Я проводил их удивленным взглядом. Потом повернулся к Альене.

— А ну колись, что ты там надумала?!

— Как скажешь, — усмехнулась Альена и… раскололась. На две части. Я даже отпрыгнул от неожиданности.

— Я думал, — заметил я, едва придя в себя, — что дурацкие шутки — это моя прерогатива.

— С кем поведешься, — усмехнулась Альена, снова становясь сама собой. — Эзергиль, ну потерпи немного. А пока можешь пальцы скрестить на удачу.

Я посмотрел на свои пальцы. Потом на девчонку. Сплюнул.

— Идем уж. Связался вот с тобой…

— Ага, теперь ты понимаешь, каково мне было, когда я не знала твоих планов, а ты тащил меня чуть ли не силком и уговаривал потерпеть? Вот теперь ты потерпи. Посмотрю я, как тебе это понравится.

— Это что, месть? От ангела?

Альена фыркнула.

— От ангела, — согласилась она и усмехнулась.

Я понял, что уговорить ее не удастся, и смирился.

Идти ночью по лесу — удовольствие еще то. Даже если ты обладаешь ночным зрением. Хорошо еще, что было полнолуние. Я глянул на луну.

— Полночь, — сообщил я.

Альена тоже посмотрела на луну.

— Угу. Время всяких темных сил, чертей и прочих.

Я насупился.

— Ага, если время чертей, то что ты здесь делаешь?

— А я с тобой, — отозвалась Альена, ничуть не смутившись. — Можно?

— А если скажу «нельзя»? — лукаво поинтересовался я.

— Значит, буду нарушительницей.

Угу. А я уже размечтался, что она тогда будет просить у меня разрешения остаться. Я, конечно, слегка поломался бы, но разрешение дал бы…

— У-у-уй!!! — Я с проклятием отскочил от дерева, держась за лоб. — Кто тут наставил деревьев.

— Конечно, — поддакнула Альена. — Какое хамство. В лесу деревья растут. Ну вообще кошмар. Дай посмотреть, что там у тебя.

Альена силой отвела мою руку ото лба. Присмотрелась.

— Царапина, — констатировала она. — Мы ее сейчас вот так. — Она провела рукой над моим лбом. Боль тотчас исчезла. Я недоверчиво потрогал лоб. Не было ни крови, ни даже следа царапины.

— Ну ты даешь. А говорила не умеешь.

— С тобой научишься, — буркнула девчонка. — О чем хоть задумался, что дерева не заметил?

— О тебе, — честно признался я.

— Дурак. — Альена отвернулась и зашагала дальше.

— И правда, дурак, — согласился я.

Альена через плечо бросила в мою сторону сердитый взгляд, но тут же замерла, уставившись куда-то в сторону. Я тоже прислушался. Справа отчетливо доносился странный шум. Похоже, там кто-то был. И не один.

— Кто бы это мог быть? — поинтересовался я, косясь на Альену.

— Ну что ты смотришь на меня? — отозвалась та. — Я-то откуда знаю, кто там. Пойдем и посмотрим. Сегодня в этом лесу лучше никому не быть. Если что, надо вежливо посоветовать всем исчезнуть.

В принципе я был согласен, но не кажется ли вам, что Альена начала мной командовать? Это надо пресечь на корню. А то привыкнет еще. Только я вознамерился пресечь это безобразие, как обнаружил, что стою один. Альена уже двинулась в сторону подозрительного шума. Блин, а ведь какой тихий ангелочек был, пока со мной не связался…

Вдвоем мы осторожно выглянули из-за деревьев на поляну. Там я обнаружил семерых людей. Я присмотрелся. Шестеро подростков от тринадцати до шестнадцати и один вполне взрослый мужчина. Чего это они там делают возле камня? Все в каких-то накидках из простыней.

— Похоже, они во что-то играют, — неуверенно заметила Альена.

Тут темноту прорезал кошачий вопль. Мы с Альеной едва не подпрыгнули, настолько неожиданно и резко это прозвучало.

— Ага, играют, — согласился я. — В жертвоприношение. Видишь, кошку на камне распяли. Бедное животное.

— Вот изверги. — Глаза Альены в темноте гневно сверкнули. — Эзергиль, ты не собираешься вмешиваться?

— А я-то при чем? — возмутился я.

— А при том, похоже, это твои клиенты.

— Не уверен. — Я прислушался. Альена тоже.

Вот самый взрослый из компании подошел к камню, на котором кричала кошка. Его лицо было закрыто капюшоном. Белая простыня в виде балахона спадала до земли. Человек поднял над головой нож.

— Сатана, прими нашу жертву. Возьми кровь и дай нам силы.

— Ясно, — откинулся я к дереву. — Это не мои клиенты. Это клиенты другого учреждения. Сумасшедшего дома, если быть точным.

— Твои или сумасшедшего дома, не знаю, но кошку они убьют. И потом, Эзергиль, мне кажется, тут не все так просто. Подростки явно задурманены, но этот человек знает, что делает. И он не верит в то, что говорит.

— Не верит, говоришь? — Я озорно сверкнул глазами. — Что ж, посмотрим. Они эту ночку у меня надолго запомнят.

Я поднялся и направился прямо в центр их круга. Всмотрелся в лица подростков. Ха, надо же так надышаться какой-то гадостью. Я принюхался. От небольшого костерка отчетливо пахло чем-то дурманящим. Даже у меня голова закружилась. Вообще ничего не понимают. Ба, да тут и девчонки есть. Я уже более внимательно присмотрелся к мужчине. Хм, себе на уме мужичок. И похоже, действительно знает, что делает. Терпеть не могу таких типов, которые вот так используют других. Ясно же, что не для добрых дел он все это затеял. Ему надо привязать к себе этих детей, а потом… А потом уже пойдут настоящие преступления. Сначала кошка, потом человек. Тут ведь один шаг. Ну что ж, давайте сыграем в вашу игру.

Я присмотрелся к костерку и слегка подправил состав той гадости, что тлела в огне. Итак, через минуту все будут более или

менее соображать. Сам же я залез на камень и встал над кошкой. Эти изверги вбили рядом с камнем четыре ветки и к ним притянули лапы несчастного животного. К пятой ветке привязали хвост. Кошка даже пошевелиться не могла. Только жалобно стонала.

А мужчина что-то там еще говорил про приход Сатаны, что он вознаградит своих верных слуг. Я плохо слушал. Только в суть вникал. Значит, приход Сатаны, да? Ну что ж. Принимайте Сатану. Я изменил свой облик. Сделался большим, рогатым, хвостатым и уродливым. Осмотрел себя и услышал вдали смешок Альены. Погрозил ей кулаком. Ей бы так. В конце концов, люди почему-то не представляют себе ангелов с копытами вместо ног, с рогами на голове и уродливой физиономией козла. Только черти вынуждены страдать и подстраиваться под фантазии этих… этих… сказал бы я кого, да воспитание не позволяет.

Итак, что я забыл? А, серу забыл. Сатане положено появляться в клубах серы, бр-р-р. Интересно, тот, кто это придумал, нюхал горящую серу? За что он так ненавидит чертей? Может, потому что понимал, где окажется после смерти, вот и отомстил? Надо бы поискать у нас этого придумщика. Уж я ему подложу дровишек. Чтоб пропарился.

Приготовиться… Мужчина занес руку с ножом… Я махнул рукой. Взрыв, дым, копоть и вонище от горящей серы. Довольная кошка, уносящаяся куда-то в сторону Альены. И я, старательно сдерживающий кашель и протирающий слезящиеся глаза. Проклятый запах. Убью того, кто придумал про чертей и серу. Если уже умер, все равно убью.

Чтобы не выглядеть жалким, я поспешно взял себя в руки, задержав дыхание и накинув на глаза маску. Глаза все равно слезились, и я ни хрена не видел. Ладно хоть, остальные тоже не видели моих мучений. Я старательно замотал хвостом. Блин, как собачка. Пришлось замереть, подняв хвост строго вверх.

— Ну че, звали, что ль? — поинтересовался я утробным басом, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь слезы. Наконец мне удалось протереть глаза и оглядеться. Вокруг валялись ошеломленные начинающие сатанисты и с ужасом смотрели на меня. Похоже, мой порошок, что я подбросил в костер, прочистил им мозги, поскольку один попытался на четвереньках убежать в кусты. Я подобным поведением возмутился. Взмах хвоста, и вокруг поляны образовалась светящаяся клетка. Конечно, клетка держалась только на страхе здесь присутствующих, но знать им об этом не полагалось. — Ну так че, будем говорить или как?

— Ты кто такой? — дрожащим голосом поинтересовался мужчина, все еще сжимая в руке нож.

— Кто-кто, — передразнил я его. — Сам звал, а теперь спрашиваешь.

— Сатана? — как-то неуверенно спросил он и икнул.

— Ага, щаз. Будет сам верховный Повелитель Тьмы откликаться на просьбы разных там букашек. — Блин, и что я несу, какой повелитель Тьмы? Откуда у Тьмы повелитель? — Для этого я есть. Посланник то есть. Но ты можешь звать меня проще — Игрок. Так вот… — Я огляделся вокруг, слез с камня и присел на него, закинув ногу на ногу. Положил длинный хвост себе на плечо, старательно отгоняя с его помощью комаров. — Так вот… — повторил я, — сидит, значит, мой повелитель, и тут вызов приходит. Естественно, он зовет меня. Слетай, говорит, на Землю и посмотри, что там за придурки меня вызывают. Говорит, что ему уже так надоели эти все вызовы, что может и откликнуться. Эх, как вы мне тоже надоели. Повелитель откликнуться не может, иначе такое начнется… А меня вот гоняет. Ну по-быстрому говорите, что вам надо, составим стандартный договор на ваши души. Все чин чином, не сомневайтесь. Власть, богатство, ну а после смерти все как положено — адский котел и адские муки. Эй, а чегой-то вы как-то побледнели? Вам не плохо?

В ответ раздались какие-то жалкие стоны. Какая-то девчонка попыталась слинять. Я даже обиделся и, мысленно ухватив ее за ногу, приволок к себе. Она зажмурилась от ужаса.

— Я что, страшный? — поинтересовался я. — Ну конечно, страшный. А ты как думала? Вот кого ты ожидала увидеть, вызывая Сатану? Доброго дядюшку из Америки?

— Я… я… это…

— Ты «это»? — удивился я. — А что «это» такое? Впрочем, неважно. Так что ты хочешь за свою душу? А-а-а! Понял. Ты хочешь стать самой красивой девочкой на свете, чтобы все мальчишки по тебе чахли. Это мы мигом. Давай подпишем договор на твою…

— Я не хочу, — отчаянно замотала головой девчонка и разрыдалась. — Я домой хочу! К маме!!!

— Не понял? — удивился я. — А что вы тут устроили тогда? Зачем потревожили моего повелителя?

— Мы… мы просто играли… — Девчонка уже ревела в три ручья. — Я не думала…

— Ах, не думала?! — Я в гневе поднялся. Вокруг сверкнули молнии. Опять запахло серой. Блин, ненавижу серу, — Вы играли?!! Баловались, значит!!! Ну я тогда тоже сейчас побалуюсь!!!

— Нет, повелитель!

Эх, нравится мне, как это звучит. Просто слух греет.

«Повелитель». Как музыка. Я перенес свой гневный взор на коленопреклоненного мужчину. Тот явно был в панике.

— Ну я слушаю тебя.

— Повелитель, я хотел принести тебе жертву!

— Ты че, козел, издеваешься?! — вяло поинтересовался я. — За базар отвечать надо! Или ты жертвой называешь ту бессловесную скотину? Да я тебе за это щаз моргала выколю, болван!

Мужчина посерел еще больше.

— Нет-нет, господин. — Вот как. Господин. Я еще немного направил на человека волну страха. Чтоб сильнее боялся. — Это был просто урок для этих вот начинающих… А если вам угодно, то я готов принести в жертву… в жертву… в жертву…

Заклинило его, что ли? Я с интересом смотрел за мужчиной. Тот яростно озирался вокруг. Подскочил к девчонке, с которой я недавно разговаривал. Ухватил ее за руку и бросил мне под ноги, приставив к ее горлу свой нож.

— Хотите, господин, эту жертву? Она еще совершенно невинна.

Девчонка позеленела, с ужасом глядя то на меня, то на своего недавнего наставника. Вот ведь скотина.

— Совсем рехнулся! — рявкнул я. — Книжек начитался, болван?!

— Господин?! — Мужчина озадаченно уставился на меня.

— Жертва, к тому же невинная, — как идиоту пояснил я. — Ее душа после этого сразу в рай попадает. — Я рыгнул прямо в лицо этому подонку. Пусть тоже подышит. Мужчина сморщился, но отвернуться не посмел. — Вот болван. Слушай, фраер, я тут шел, думал серьезные люди, а тут… сборище малолеток и с ними придурок какой-то. В общем, паря, думай, почему я сейчас же не могу сожрать твое сердце. Ты-то ведь не невинная девица, — заржал я, подражая противному смеху брата. — Твоя душа сразу моему господину достанется.

Мужчина еще сильнее побледнел.

— Господин…

— Ну шо «господин»? Шо? Я, что ль, тебя вызвал? Сам просил. Приди, мол, Сатана, приди. Вот он меня послал. И что?

— Господин… — Мужчина чуть ли не плакал. — Я могу всех здесь в жертву принести. Только скажите…

Вот заладил. Нет, видел я подонков, но таких… Я покосился на остальных. Дурман у них выветрился, и теперь все шестеро взирали на своего воспитателя с ужасом. Иногда, правда, поглядывали и в мою сторону… с надеждой.

— А вы что скажете? — повернулся я к ним. — В принципе вы мне не нужны. Малы еще. Невинны. Сразу в рай попадете. Не успели еще нагадить в жизни. А вот ваш воспитатель успел. В общем так, ребята, приносите мне сейчас в жертву этого вот типа и свободны. Его душа моя. Ваши, после убийства, тоже. Зато живы. В общем, все довольны. Ну а кто откажется, звиняйте. Прикажу своим новым слугам и вас… того. Хоть и в рай ваша душа попадет, но свидетели, сами понимаете, не нужны.

— Господин, — взвыл мужчина, бросаясь мне в ноги. — Помилуйте!

Я щелкнул его хвостом. Конечно, хвост воображаемый, но если страх затмевает мозги… Короче, результат на лице.

— А чего ты воешь, фраер недобитый? А ты как думал? Твоя душа ведь и так моя, а мне нужны еще чистые души. Вот убьют они тебя и будут мне служить. Короче, давайте заканчивайте быстрее, и я спа-ать, пойду. — Я демонстративно зевнул. — Да, а чтоб не сопротивлялся, сделаем вот так.

Я посмотрел на веревки, которыми была связана несчастная кошка. Под моим взглядом они стали удлиняться, увеличилась их толщина. А потом, словно змеи, они набросились на мужчину, вмиг спеленав его с головы до ног. Мужчина взвыл от ужаса и задергался, пытаясь освободиться. Я же выжидательно уставился на шестерку подростков.

— Ну? Ах да, нож один. Звиняйте, не подумал. Вот еще пять. — Я махнул рукой, и с неба упали еще пять ножей — точных копий того, которым несколько минут назад размахивал мужчина. — Берите и вперед. Удары нанести одновременно. И не халтурить. Я слежу.

Девчонка заплакала. Остальные тоже не выглядели уверенными.

— Я не хочу, — простонала девочка.

— Не понял? — выгнул я бровь. — Если ты не хотела, то что ты ночью тут делала в этой накидке?

— Это же была игра!!!

— Игра?! Девочка, с Силами не шутят. Призывая их, будь готова, что они откликнутся. И твой нежный возраст тут не имеет никакого значения. К тому же ножи не игрушки, вас этому не учили? Короче, ребятки, я хочу спать. Заканчивайте быстрее.

Все шестеро неуверенно взяли ножи и на негнущихся ногах двинулись к распростертому телу. Я с интересом за ними наблюдал. Откажется хоть один или нет? Кто-нибудь выберет честь, а не жизнь?

Все они боялись. Все трусили отчаянно. Все плакали. Правда, только девчонка не скрывала слез и ревела в голос. Однако все

шли. Я щелкнул хвостом.

— Ну, быстрее. Мне кажется, вы уже давно могли сделать выбор между душой и телом. Ну, вперед.

Шесть ножей поднялись и шесть лезвий сверкнули в свете луны. Я ждал. Неужели никто не откажется? Мужчина взвыл и задергался в путах. Я быстро его утихомирил, и теперь он даже мычать не мог. Только бешено вращал глазами.

На меня оглянулись. Шесть пар глаз смотрели с немой мольбой. Над моей головой сверкнула зловещая молния. Ножи поднялись снова. Я ждал. Вот лезвия пошли вниз. Удар был одновременный.

— Сволочи! — буркнул я, поднимаясь. Облик грозного слуги ада рассеялся, и я стоял в своем обычном виде. Прошел мимо опешивших и плачущих подростков и подошел к валявшемуся мужчине, с которого уже спали все путы. Пнул его. — Вставай, ты. Видишь же, что ничего с тобой не произошло.

Я повернулся к юным сатанистам. Оглядел их.

— Сволочи, — повторил я. — Все вы. Ни один не отказался. Ни один не выбрал остаться с незапятнанной честью. Да и знаете ли вы, что это такое?! Тьфу, смотреть противно. Выбрали жизнь? Так живите. Живите и навсегда запомните то, что здесь произошло.

Я отвернулся.

— Видеть вас не могу. Пошли вон! Я бы вынес вам другой приговор, если бы не было примера, когда человек, мальчишка младше вас, принял другое решение и готов отдать жизнь за своих друзей. Вы не такие. Вон!

— Господин, — промямлил мужчина. Остальные неверяще смотрели на меня. В их глазах была радость и… тоска.

— Вон! — повторил я. — Все вон! — За моими плечами поднялся ветер. Засверкали молнии. Всех как ветром сдуло с поляны.

— А ты суров, — задумчиво заметила Альена, подходя ко мне. — Зачем ты так? Они же еще не понимают…

— Все они понимают, — буркнул я. — Ты не представляешь, как мне паршиво. Хоть бы один! Один отказался бы! Нет, все как один…

— Эзергиль, не надо думать плохо обо всех. Вспомни об Алеше. И потом, думаю, многие, если не все из них, извлекут из сегодняшнего урок.

— Этим уже ничто не поможет! — буркнул я не так уверенно.

— Почему бы не проверить?

— Проверю. Если хотя бы один из этих шестерых не попадет к нам, то я признаю твою правоту. Проверим лет через шестьдесят.

— Договорились. А теперь пойдем дальше. Ты не забыл, зачем мы здесь?

— Помню, — буркнул я. — Но вряд ли в лесу еще встретишь таких идиотов. Думаю, больше никого нет. Выдвигаемся к даче и наблюдаем?

— А что нам остается? Пойдем, слуга Повелителя Тьмы, — хмыкнула Альена.

— Да уж, — усмехнулся я. — Какую чушь только не придумают люди. Надо же, Повелитель Тьмы. И как они это себе представляют? Повелевать силой, которая существовала еще задолго до Него?

— Ты еще в философию ударься. Тут и без нее проблем хватает.

Я хмыкнул. Впрочем, она права. Проблем у нас, и правда, хватало. Надо бы проследить за ходом операции, чтобы не было никаких осечек. Еще одну ошибку, как с отцом Федором, я себе не прощу. А раз так, то надо обо всем позаботиться заранее. Эх, жаль, что возможность нашего вмешательства ограничена.

Глава 4

Мы с Альеной сидели почти на верхушке дерева, откуда открывался замечательный вид как на дачу Павла Николаевича, так и на подступы к ней. Место для наблюдения было просто идеальным. Впрочем, таких мест тут было пруд пруди — лес. Правда, темно. Ночь все-таки. Пришлось до предела напрягать свое ночное зрение.

— Слушай. — Альена слегка толкнула меня локтем в бок. — Я все спросить у тебя хотела.

Я вопросительно посмотрел на девчонку.

— Тогда Заурен сказал, чтобы ты сдержал свое обещание. О каком обещании он говорил?

— Заурен? — Я непонимающе посмотрел на Альену.

— Ну тот черт, который тебе хвост давал. Когда мы отца Федора провожали.

— А-а!

— Что ты ему пообещал?

Я смутился.

— Да так. Ерунда.

— А все-таки.

— Ну. Я пообещал его пригласить на свадьбу.

— Чего?! — Альена сначала ошарашенно уставилась на меня. Потом вспыхнула. — Ах ты… Ты… Да я тебя…

Альена от переполняющих ее чувств даже не могла толком ничего сказать. Я на всякий случай отодвинулся от нее подальше, насколько позволяла ветка дерева.

— Да не переживай, — успокоил я ее. — Не с тобой свадьба.

— Идиот!!! — рявкнула Альена. Замахнувшись, она что есть силы ударила меня кулаком под дых. Я едва с дерева не свалился.

— Осторожно! — прохрипел я.

В ответ только всхлипывания. Я прислушался. Похоже, девчонка плакала. Я печально вздохнул. Вот и пойми этих женщин. Сначала расстраиваются из-за глупой шутки, а потом, когда пытаешься их успокоить, плачут. Я придвинулся к ней поближе.

— Ну чего ты расстроилась? Я же пошутил. Ну честное слово никакой свадьбы не будет.

— Дурак! — отозвалась Альена.

Я согласно вздохнул.

— Ну дурак. А я виноват? Блин, действительно проще мост через океан построить, чем вас, женщин, понять.

Альена сдавленно хихикнула. Посмотрела на меня и опять

хихикнула. Потом, не выдержав, рассмеялась, вытирая рукавом слезы. Я мрачно смотрел на нее. Оглядел себя. Интересно, что она во мне нашла смешного.

— Ты такой забавный, когда пытаешься выглядеть виноватым, — заметила Альена сквозь смех.

Теперь уже обиделся я. Значит, я забавный? Когда пытаюсь выглядеть виноватым? Пытаюсь? Я уже хотел высказать этой девчонке все, что о ней думаю, но в этот момент она предупреждающе подняла руку.

— Тихо. Кажется, начинается.

Я вмиг забыл обо всех обидах и насторожился. Ага. Действительно, кто-то крался по лесу. Причем явно не один человек. Я нахмурился.

— Слушай, кажется, там больше чем четверо.

— Конечно, больше, — отмахнулась Альена. — Их и должно быть больше.

Я подозрительно посмотрел на нее.

— Не пора ли тебе посвятить меня в свой хитрый план? Иначе ведь могу что-нибудь натворить. Просто по незнанию.

— Не сможешь, — отрезала Альена. — На этот раз мы будем паиньками и ни во что встревать не будем.

Я не стал ее разочаровывать сомнениями, хотя они у меня были. Причем очень и очень большие.

Как говорится, наши бы благие намерения, да… впрочем, посмотрим. Очень может быть, что и правда без нас все обойдется.

В этот момент на небольшую прогалину между деревьями вышли сразу три человека. Все они были вооружены. И самое интересное заключалось в том, что все трое были наряжены в камуфляж и в бронежилеты. У меня только рот открылся от удивления. В этот момент один из троицы поднес что-то ко рту.

— Первый, мы на месте, прием, — услышал я. Та-а-а-ак. Я медленно повернулся к Альене. Та выглядела довольной. Заметив мой взгляд, она вдруг покраснела, но постаралась сохранить как можно более воинственный вид.

— Ну и что? А ты как думал? Я же говорила, что освобождение Алеши силами наших друзей ничего не даст. По этим сволочам надо мощный удар нанести. Думаю, отряд быстрого реагирования при МВД области быстро вправит мозги кому надо.

Интересно, откуда у ангела такие воинственные замашки? От меня, что ль, научилась? Но я ведь черт мирный. Насилия терпеть не могу.

— И ты…

— Ну да. Я разыскала человека, который боролся с этой бандой. Честный и принципиальный. Специально проверила. Ну… немного убедила его…

Я обреченно вздохнул.

— Колись. Может, еще выпутаемся.

Альена виновато посмотрела на меня.

— Я поэтому и не хотела ничего тебе говорить. Если уж кого обвинят во вмешательстве, то меня одну. Ты ведь действительно не знал о моей задумке.

— Рассказывай! — чуть ли не зарычал я.

Альена виновато опустила глаза.

— Ну что тут рассказывать? Я нашла по своему блокноту одного следователя… Задала параметры поиска. В общем, он меня устраивал… Ну и пришла к нему на работу… Он еще работал в тот момент… Немного повнушала ему. Ну совсем чуть-чуть. Честное слово! Я даже не командовала. Просто дала ему понять, что если он решится сегодня накрыть всю эту шайку на даче, то ему крупно повезет.

— А нам будет разнос, — констатировал я. — Блин, тоже мне, гадалка нашлась. «Позолоти ручку, и будет тебе большая удача». Ничего умнее не придумала?

Альена насупилась.

— Так ведь сработало.

С этим спорить было тяжко. Действительно, сработало. Более того, наш следователь пришел совсем не один. И команду поддержки с собой взял. И все это сумел организовать за каких-то четыре часа. И все на основании того, что ему просто показалось, что сегодня ему будет удача? Я взглянул на Альену как можно строже.

— Ну-ка, посмотри мне в глаза и скажи, что ты всего лишь заставила этого своего следователя почувствовать удачу.

Альена нахмурилась.

— С каких это пор я должна отчитываться перед тобой?

— Скажи! — хмуро повторил я.

— Ну не только! Не только! Доволен?! Я пришла к нему в кабинет! Но я не говорила, кто я на самом деле.

— Ага. Он бы все равно не поверил. И какую историю ты ему наплела?

— Ничего я не наплела. Я рассказала, что сегодня на даче он может найти доказательства против этого Павла Николаевича. Он ведь давно за ним охотится, но доказать ничего не может.

— И он тебе поверил?!

— Ну-у-у… не сразу. Я же доказательства привела. Рассказала то, что не может знать никто, кроме следователя и этого самого

Павла Николаевича. Вот.

Я молча откинулся к стволу дерева и едва не слямзился вниз. В последний момент успел ухватиться за ветку и выругался. Спокойно! Главное — спокойствие! Ничего ведь страшного не произошло. Лично я откалывал на этой практике штучки и поопасней. По крайней мере, к краю нарушения Закона подходил ближе. Но ведь я-то знаю, чего делаю!!! В отличие от этой… этой… троечницы!!! А так все просто замечательно.

— Что у тебя по «Основам мироустройства»? — устало поинтересовался я. Устало потому, что понимал всю бесполезность что-либо ей доказать. Сам ведь такой.

Альена насупилась.

— А что?

— Да так, — отмахнулся я. — Пустяки. Всего-то пара-тройка нарушений Закона с твоей стороны. Мелочи.

Альена побледнела.

— Но… Я же ничего…

Я махнул рукой.

— Забудь. Что сделано, то сделано. Теперь уже глупо об этом переживать. Надо подумать, как нам из этой ситуации выкрутиться. Значит, говоришь, просто рассказала?

— Ну да. — Теперь Альена отвечала мне гораздо более охотно. — Я только представилась другом одного человека, которому насолил этот Павел Константинович. Сказала, что я следила за домом и видела, что сегодня там в доме что-то затевается.

— Уф! — Я облегченно вздохнул. — Вот с этого и надо было начинать. Блин, я уж испугался, что мы действительно влипли.

— А в чем разница? — не поняла Альена, пытаясь разобраться в моем веселье.

— А в том. Теперь ты действовала не как ангел, а как человек. Донесла информацию, а дальше человек ею уже сам распорядился. Его решение. Свобода воли соблюдена.

Девочка нахмурилась.

— Все равно не понимаю. Информацию же я получила как ангел, а не как человек. Значит, и преподнесла ее как ангел.

— А вот фиг! — радостно заявил я. — Информации ты дала ровно столько, сколько ее знают наши герои, что сейчас крадутся через лес. Я имею в виду не этих в масках, а Михаила Леонидовича и его отряд.

— Я поняла, — раздраженно дернула плечом Альена.

— Вот и отлично. Короче, забудь об этом. Предоставь все мне.

— Мне это не нравится! — твердо заявила Альена. — Если я действительно виновата, то пусть мне выносят приговор. Я вовсе

не хочу прятаться за твоим словоблудием. Я прекрасно знаю, что вы, черти, способны белое превратить в черное, а черное в белое. Вас только начни слушать.

— Такое даже нам не по силам, — довольный, отозвался я. — Но о своей проблеме можешь действительно забыть. Стоп, а вот и наши герои. Сейчас они встретятся с другими героями. Что сейчас будет…

Забыв о недавнем споре, мы с Альеной дружно уставились в темноту, прислушиваясь к еле слышному шороху, который издавал отряд спасателей, пробираясь по лесу. Сначала я увидел чей-то силуэт. Потом опознал в нем фигуру Михаила Леонидовича. Он поднял руку, призывая всех к тишине и к чему-то прислушиваясь. Возможно, он даже разгадал бы засаду, с его-то опытом. Но в этот момент художник умудрился наступить на что-то в темноте и упасть. В ночном лесу звук получился оглушительным. Я видел, с каким раздражением Михаил Леонидович обернулся на шум и посмотрел на виновника переполоха. Остальные кинулись к своему товарищу и помогли подняться. Судя по их лицам, они тоже многое могли бы сказать художнику, но тактично молчали.

— Вот что, — услышал я шепот Михаила Леонидовича. — Гриша, ты оставайся здесь. Будешь ждать. Если вдруг что с нами случится… сообщишь вот по этому телефону. Тебе помогут. Жаль, времени у нас нет, я бы вызвал наших ребят. Тогда мы эту дачу по камешкам разнесли бы.

Художник прекрасно понял, что от него, по сути, избавляются. Однако он прекрасно знал, что служит лишь помехой. Поэтому молча кивнул и принял бумажку с телефоном. Тут их и повязали. Из-за деревьев стремительно вынырнули несколько теней. Михаил Леонидович среагировал молниеносно, перехватив первого подбежавшего к нему человека в маске, он тут же пригнулся, отправляя его в полет через себя. Второго он встретил ударом ноги. Будь спецназовец без бронежилета, то он точно бы вставал сутки после такого удара. А так его только откинуло метра на два назад. Но тут уже третий человек подсек бывшему разведчику ноги. Михаил Леонидович упал, перекатился, попытался встать, но уперся в ствол автомата, вежливо приставленного к его груди. При таком раскладе он благоразумно решил не дергаться. Только выругался сквозь зубы и откинулся назад. Но лежать ему долго не дали. Тотчас двое спецназовцев поставили его на ноги, заломив руки. Остальные его спутники были также надежно зафиксированы дюжими спецназовцами.

— Вот, товарищ майор, задержали. А это при них было. —

Один из спецназовцев отрапортовал подошедшему мужчине, показывая ему три пистолета Макаров, отобранных у Михаила Леонидовича и его команды.

Я покосился на Альену.

— И что теперь? Незаконное хранение оружия. Попытка проникновения в частные владения. Как раз по полной программе нашим друзьям и светит.

Альена явно нервничала и сейчас, наблюдая за происходящим, кусала губы. От меня она просто отмахнулась.

— Смотри. Если я правильно поняла характер этого майора… короче, сам смотри.

Я и смотрел. А что мне еще оставалось? Повлиять на ситуацию я все равно не мог.

— Так. — Майор медленно прошелся мимо задержанных. — И кто же мы такие?

В ответ угрюмое молчание.

— Значит, будем молчать, — словно своим мыслям кивнул майор.

— А с кем я разговариваю? — поинтересовался Михаил Леонидович. Я заметил, что его глаза внимательно осматривали все вокруг, выискивая любую возможность к побегу. — Сначала спрашивающий представляется.

Я ожидал, что этот майор сейчас рассердится, но он только усмехнулся.

— Логично, — согласился он. — В таком случае представляюсь. Майор Свиридов Валерий Федорович. Следователь по особо важным делам прокуратуры области. Достаточно?

— Майор? Следователь? — изумился Михаил Леонидович. — Но что вы здесь делаете?

— Интересный вопрос, — опять усмехнулся майор. — А я только-только хотел задать такой же вопрос вам.

Некоторое время мужчины боролись друг с другом взглядами. Потом майор усмехнулся.

— Ладно, мне некогда с вами тут разбираться. В машину этих. Потом займемся.

— Подожди, майор! — Михаил Леонидович дернулся в руках державших его спецназовцев. — Давай поговорим. Судя по всему, мы тут по одному и тому же делу…

— Интересно-интересно. — Майор посмотрел на пленника, сделав знак спецназовцам, чтобы те пока задержались. — Это по какому же?

— Мальчик.

— Мальчик? — Майор был откровенно удивлен подобным

предположением. — Какой мальчик? Вот что, давайте по порядку.

Малов согласно кивнул. Чувствовалось, что он не менее удивлен происходящим.

— Меня зовут Малов Михаил Леонидович. Майор в отставке. Бывший командир разведывательной роты. Эти двое — мои бывшие подчиненные из отряда. Владимир Тарасович Приходько и Семен Васильевич Данталов. Мы вместе еще с Афгана.

— Очень интересно. — Майор взглянул на часы. — Но это не объясняет, что вы здесь делаете.

— Мы хотим спасти мальчика. Хозяин этой вот усадьбы похитил ребенка сегодня днем. Его люди убили еще одного моего сослуживца и близкого друга.

— Та-ак! — Майор моментально потерял свой скучающий вид и буквально впился взглядом в Малова. — Ну-ка, подробнее. Что за мальчик, где произошло убийство?

Михаил Леонидович довольно сжато ввел майора в курс дела. Как отец Федор появился сегодня утром у него с просьбой о помощи, поскольку бандиты угрожают мальчику и его отцу. Как они прибыли на квартиру художника и что там произошло.

Майор Свиридов задумчиво побарабанил пальцами по стволу дерева, о которое облокачивался. Потом кивнул человеку, стоявшему рядом с ним. Тот понял своего командира моментально и куда-то исчез. Только вот я ничего не понял. Эй, так нечестно! А ну срочно озвучьте тот приказ, который побежал выполнять подчиненный! Я не умею читать мысли! Ага, щаз. Они тут же озвучили. Остается только ждать.

Подчиненный скоро вернулся.

— Точно, товарищ майор. Есть в сводке. Перестрелка на улице Садовая. Один убитый и один с сердечным приступом в реанимации.

— Этот отец мальчика, — вмешался Михаил Леонидович.

Майор кивнул своим мыслям. Потом резко повернулся к бывшему командиру.

— А откуда вообще взялись эти деньги? Что это за чемодан с долларами, из-за которого все словно с ума посходили?

— Понятия не имею, — совершенно искренне ответил Михаил Леонидович. — Федор что-то там говорил о каком-то испытании, но я ничего не понял тогда.

— То есть ваш друг знал о происхождении денег?

— Знал. Но я спросить не успел. Сначала было не до этого. Потом слишком много людей вокруг было. А дальше… — Михаил Леонидович немного помолчал. — Дальше уже поздно было спрашивать.

Майор отошел чуть в сторону и задумался. Тут я

почувствовал, как Альена вцепилась мне в плечо, сжав его довольно болезненно. Я едва удержался от вскрика. Повернулся, чтобы высказать все, что думаю, но, увидев ее лицо, промолчал. Альена с какой-то бешеной надеждой наблюдала за майором, что-то шепча себе под нос.

— Только ничего ему не внушай, — предупредил я. — Никаких внушений. Полная свобода воли! Это должно быть только его решение.

Альена раздраженно дернула плечом.

— Да знаю я! Все я знаю. Я и не хочу вмешиваться. Это его решение.

Я кивнул, но на всякий случай стал тайком наблюдать за Альеной. Кто его знает, что там придет в голову этой девчонке? С нее станется помочь тут всем даже ценой отказа от крыльев. Ангел, преступивший Закон, уже никогда не сможет обрести крылья. Вдруг ей покажется, что такая цена приемлема?

— Дело не только в крыльях, — заметил я, говоря словно про себя. — Нарушая свободу воли людей, ты приносишь вред в первую очередь им.

Альена вздрогнула.

— Я вовсе ничего такого и не думала, — буркнула она и отвернулась.

— И не думай, — посоветовал я, продолжая наблюдение за событиями внизу. А там командир спецназовцев, похоже, уже принял решение. Он развернулся и подошел к майору.

— Хорошо. Если твои сведения верны, то на этот раз этого босса не спасут никакие адвокаты. Похищение ребенка…

— Майор! — довольно резко отозвался Михаил. — Честно говоря, мне плевать на этого вашего босса. — Михаил Леонидович ясно давал понять, хотя и не говорил этого вслух, что будь его воля, то этому боссу вообще никогда бы больше не понадобился никакой адвокат. — Меня интересует только жизнь мальчика.

— Меня тоже! — Майор с вызовом посмотрел на Михаила Леонидовича. — Но моя задача — сделать еще и так, чтобы больше никто не попадал в такую же ситуацию, как и Алеша.

— Никто и не попадет, если…

— …если убить этого главаря. Ну и что? Организация-то останется! Ее рушить надо. Ладно, что я с тобой говорю. Вы будете спокойно сидеть здесь или вас в наручники заковать?

— Майор, я хочу идти с вами!

— Майор, я не могу позволить этого.

Как-то утром два барана… э-э-э, майора… вспомнилась мне детская считалка.

Михаил Леонидович вдруг как-то присел. Двое его конвоиров разом отлетели в стороны, причем один лишился своего оружия. Третий спецназовец, что бросился на помощь своим товарищам, тут же рухнул от удара под колени. Михаил Леонидович сделал движение захваченным автоматом, словно готовясь открыть стрельбу. Но тут же кинул автомат на землю.

Бросившиеся было к нему спецназовцы были остановлены движением руки Валерия Федоровича Свиридова.

— Я еще не забыл, чему меня учили, — спокойно заметил Михаил Леонидович. — Вам пригодится там мой опыт. Поверьте. К тому же мы тут уже весь день были и изучили все вокруг. А вы, насколько я понял, приехали только недавно.

Следователь посмотрел в сторону дачи Павла Николаевича и выругался сквозь зубы. Интересно, что он там увидел? С того места эта дачка была совершенно не видна. К тому же и расстояние было еще вполне приличное. Что, собственно, и позволило всей честной компании собраться на этот совет. Тут к майору подошел какой-то человек и протянул ему бумагу. Майор раздраженно вырвал ее из рук подчиненного. Бегло просмотрел. Потом прочитал более внимательно. Взглянул на бывшего разведчика.

— Мы тоже не сидели сложа руки, — буркнул он. Потом задумался. — Ладно, черт с тобой. Но чтобы от меня ни на шаг не отходил. Нечего тебе вперед лезть. Возможно, ты и пригодишься, если в этом, — майор потряс бумагой, — о тебе хотя бы половина правда.

— Вряд ли у вас есть обо мне хотя бы четверть правды, — усмехнулся Михаил Леонидович.

Майор бросил на нашего знакомого раздраженный взгляд.

— Только попробуй отойти от меня, — еще раз предупредил он. — Посажу всю вашу компанию за незаконное хранение оружия! Остальные пусть ждут в автобусе. Сафонов, проводите этих вот до автобуса. Всем остальным занять исходные позиции. И так время потеряли, мать вашу. Всем приготовиться. Да, Сафонов, найди там у кого подходящий размер броника и передай его нашему помощнику. А того солдата отправь в автобус, присматривать за этими вот мстителями, блин.

Отведя напоследок душу, Валерий Федорович уверенно двинулся в сторону дачи.

— Связался же я с вами, — буркнул он напоследок. — Если с вами что-нибудь случится, то меня живьем съедят. Гражданское лицо допустил до операции.

Михаил Леонидович благоразумно молчал, двигаясь за следователем.

— Ну что ж, скоро начнется, — заметил я. — На всякий случай скрести пальцы.

— Благодарю, — холодно отозвалась Альена. — Но с вашими суевериями не ко мне.

— Тогда молись, — посоветовал я.

Альена промолчала.

Не знаю уж, чем руководствовались спецназовцы, выбирая момент начала штурма, но оно застало меня врасплох. Только до этого все было тихо, и вдруг от деревьев разом отделились несколько теней, в которых только с моим ночным зрением можно было узнать людей. Короткими перебежками они добежали до ограды. Мгновение, и вот уже несколько человек на самом заборе. Как они туда забрались, я заметить не успел. Вот ведь шустрые какие. Хм, если все пойдет так и дальше, то мы пропустим все самое интересное.

Я дернул Альену за руку.

— Пойдем. — Не дожидаясь ответа, я скользнул по стволу. Проверил свой морок и двинулся к дому. Позади, спускаясь по дереву, ругалась Альена. Вскоре она догнала меня.

— Не рано ли мы идем? — поинтересовалась она, яростно отряхивая одежду.

— Не думаю. Посмотри, как эти шустро передвигаются.

В этот момент мы как раз выбрались из леса к главным воротам. Калитка в них уже была раскрыта. В нее и входили майор и Михаил Леонидович. Понимая, что ворота в данный момент находятся уж слишком под пристальным вниманием, мы попали за ограду прямо сквозь забор. Я огляделся. Все было тихо. Словно минуту назад сюда не входил взвод спецназа. И куда они все подевались? Ага, это, кажется, скрипнула дверь.

— Нам туда, — махнул я рукой в сторону дома. — Как бы то ни было, но самое интересное будет происходить там.

Альена ухватила меня за руку прежде, чем я двинулся дальше.

— Мы пойдем к Алеше. Ему может понадобиться помощь.

— Какая помощь?! — возмутился я. — Ты посмотри, как эти действуют! Да в доме никто и проснуться не успеет, как всех уже повяжут. А когда мы еще сможем увидеть действие этого людского спецназа? Тут есть чему поучиться.

— Ты же не любишь насилие?!

— Не люблю. Но ведь насилием могут действовать против меня. Я должен изучить возможности своих противников.

— Мы идем к Алеше! — категорично заявила Альена. — И мне плевать, что там тебе надо изучить! Вдруг все-таки кто-то проснется? Или ты хочешь повторения того, что произошло с

отцом Федором?

Я открыл рот, чтобы что-то сказать. Закрыл. Второй раз повторить одну и ту же ошибку? Да уж. Тогда мне можно сразу забыть о всех моих планах. А девчонка растет прямо на глазах.

Я вздохнул.

— Ладно, идем к твоему Алеше.

Алеша не спал. Он все так же сидел на кровати, поджав ноги и обняв колени, невидяще смотря куда-то вдаль. По щеке катилась слеза. Глядя на него, я невольно почувствовал жалость. В конце концов, я все-таки черт, а не человек. И я могу испытывать жалость ко всему живому. Это только люди могут быть такими бездушными.

Я двинулся было к нему, но Альена ухватила меня за руку.

— Не надо. Теперь моя очередь.

Ее так ее. Не спорить же? Я послушно отошел в сторону. Альена вышла вперед, сбросив морок. Сияние, исходящее от нее, осветило комнату. Алеша вздрогнул и посмотрел на сияющую фигуру. Сквозь слезы проступила улыбка.

— Я ждал тебя, — тихо заметил он. — Думал, ты уже не придешь.

Альена молча подошла к мальчику и села рядом. Обняла его. Алеша доверчиво прижался к ней.

— Я умру? — тихо спросил он.

— Нет, — ответила Альена. — Тебе еще не время. Ты жить должен и позаботиться об отце.

Алеша вздрогнул и отстранился.

— А что отец?

— Он переживал за тебя. Сильно переживал. У него не выдержало сердце. Он сейчас в больнице в тяжелом состоянии.

Алеша побледнел.

— Он…

— Хочешь знать, умрет ли он? Нет. Для него тоже еще не время. Он не умрет, если ты его не бросишь.

— Я?!

Альена взяла Алешу за руку, заставила его подняться и встать напротив нее.

— Именно ты. Ты можешь оттолкнуть своего отца, не дав тем самым ему возможности исправить ошибку и загладить вину. После этого ему будет просто незачем жить. Вся его жизнь окажется разрушенной. А вот если ты дашь своему отцу хоть один шанс… хотя бы один…

Алеша опустил голову.

— Он снова будет пить и бить меня. Как маму…

— Ты ждешь ответа? — Альена испытывающе посмотрела на

мальчика. — У меня его нет. Решать должен только ты. Сейчас у тебя есть возможность отомстить отцу. Или простить его. А пока готовься. Твои друзья о тебе не забыли.

— Мои друзья?!! — Алеша изумленно посмотрел на Альену — Но у меня нет друзей!

— В самом деле? Один из них отдал за тебя жизнь. А его друзья теперь и твои. Они идут на помощь. Так что держись, малыш. Самое худшее в твоей жизни уже позади. И ты молодец. Ты смог сделать главное.

— Но что я смог?! — Алеша удивленно смотрел на Альену. — Что я сделал? Только попадал в неприятности. Из-за меня погиб человек. Сейчас меня тоже спасают незнакомые люди. Я ведь ничего не делал.

— Ты так думаешь? — Альена улыбнулась. Вот ведь, умеют же некоторые улыбаться! Прям смеяться хочется от улыбки ангела. Надо обязательно будет потренироваться, чтобы так же научиться. — Ты, малыш, смог сделать главное — остаться человеком. А это гораздо труднее. В жизни можно быть кем угодно, но труднее всего просто быть человеком.

— Человеком?

— Да. Человеком. Ты не предал своих друзей. Не отказался от них. Ты выдержал самое тяжелое испытание на свете. И теперь тебе будет легче. Поверь. И пусть с тобой будет мое благословение.

— Ты… ты знаешь…

— Я многое знаю. Я потому и здесь, что ты сумел справиться с искушением. — Альена прислушалась. — А теперь приготовься. Сюда идут твои спасатели. А я прощаюсь с тобой. Будь счастлив, малыш. И реши насчет отца.

Альена в прощальном салюте вскинула руку и растворилась в воздухе.

Алеша так и остался стоять около кровати. Он глядел на то место, где стояла Альена, и улыбался, вытирая тыльной стороной ладони непрошеные слезы. Он так и стоял, когда дверь сотряслась от удара, потом еще одного. И вот, не выдержав напора, она сорвалась с петель. Первым в комнату ворвался Михаил Леонидович. Он огляделся и бросился к мальчику. Алеша повернулся к нему.

— Здравствуйте, дядя Миша. Я ждал вас. Она сказала, что вы придете и спасете меня.

Михаил Леонидович стремительно нагнулся и обнял мальчика.

— Конечно, мы придем. Неужели ты думал, что мы бросим тебя? Мы никогда не бросаем друзей. Запомни это, малыш.

— Так значит, она и тут была права, — прошептал Алеша. — Вы ведь мой друг?

— Конечно. Ты разве сомневался? А кто это «она»? — Михаил Леонидович опустился перед мальчиком на колени и внимательно его осмотрел, видно опасался, что тот ранен.

— Ангел, — выдохнул мальчик, прижимаясь к стоявшему перед ним на коленях мужчине в бронежилете.

Михаил Леонидович нахмурился. Покачал головой и одним движением встал, держа мальчика на руках.

— Пойдем отсюда, малыш.

— Пойдемте, дядя Миша.

Михаил Леонидович вышел из комнаты, пройдя мимо майора, который с интересом наблюдал за ними от двери. Следователь усмехнулся. Оглядел на всякий случай комнату и зашагал следом. Мы за ними.

В холле уже орудовали бойцы в масках. Здесь же на полу лежали лицом вниз, держа руки на затылке, охранники. Михаил Леонидович не обратил на них никакого внимания. А вот шедший за ним майор окинул всех внимательным взглядом.

— Где хозяин? — поинтересовался он. — Еще не нашли?

Один из спецназовцев мотнул головой наверх.

— Там должен быть. Сейчас спустят.

Однако спустить не получилось. Вернее, это он спустил. Наверху раздался какой-то грохот. Спрыгнул один из бойцов в маске и тут же нырнул в укрытие, махнув всем рукой, чтоб прятались. Я мигом очутился наверху. Оглядел открывшуюся перед глазами картину и все понял. Этот Павел Константинович оказался вовсе не прост. Каким-то шестым чувством почувствовал опасность и успел подготовиться. И когда двое бойцов спецназа ворвались в комнату, рассчитывая застать здесь спящего босса, он ожидал их во всеоружии. Его пистолет пробить бронежилет не мог, и главарь стрелял бойцу в руку. Пуля, похоже, попала в кость, и боец потерял сознание от боли, хотя и был жив. Второго спецназовца Павел Константинович ударом ноги вытолкнул за дверь и собрался было выстрелить ему в голову, но реакция у бойца была отменной. Он сумел уйти от выстрела, но при этом ему пришлось скатиться по лестнице. Не дожидаясь дальнейших выстрелов и понимая, что пока не в силах помочь своему раненому товарищу, он спрыгнул вниз. Стоявшие внизу люди насторожились, но противника не видели. Сам же Павел Константинович был уже не на втором этаже, а на первом, спустившись по тайной лестнице, расположенной в его кабинете. А этот тип предусмотрительный. Я даже испытал к нему невольное восхищение. Все предусмотрел. Теперь он наблюдал за

происходящим сквозь зеркало на стене, которое оказалось с односторонней прозрачностью. Об этом никто в комнате не знал. Почти все бойцы спецназа бросились наверх. Остальные довольно шустро поволокли пленных помощников босса и его охранников на улицу. Таким образом, в холле остались только майор, Михаил Леонидович и Алеша, который теперь стоял рядом с ним, крепко держа бывшего разведчика за руку.

Я вернулся вниз и показал Альене на зеркало. Девочка прищурилась, разглядывая его.

— Вот ведь хитрый тип, — буркнула она.

— Просто гений, — восхищенно протянул я. — Все предусмотрел. Не удивлюсь, если из дома есть подземный ход.

Альена подозрительно уставилась на меня.

— Ты, кажется, доволен им?

— Умным противником грешно не восхищаться.

— Кто бы говорил про грех, но не черт, — буркнула Альена, отворачиваясь от меня.

Только мы с ней могли видеть главаря местной братвы. И поэтому только мы видели, как он прицелился… Я проследил взглядом. В Алешу?!! Интересно. Чем это мальчишка ему досадил? Типа из-за него попал, ему и отомщу? Хрен его знает, чем руководствовался этот тип, стреляя не во взрослых вооруженных мужчин, а в беззащитного ребенка.

Позади меня вскрикнула Альена и бросилась вперед, встав перед мальчиком.

— Сумасшедшая!!! — заорал я. — Он же бездуховный!!!

Альена стояла бледная, но сходить с траектории выстрела не собиралась. Я кинулся к ней и отпихнул ее в сторону. Пришлось, правда, сбросить морок. Иначе пули просто пролетели бы сквозь меня.

— Откуда тут взялся еще один ребенок?! — удивленно вскричал майор.

Я подмигнул ему.

— Мимо проходил.

Что там собирался ответить мне на это майор, осталось навсегда загадкой, поскольку тут же раздались выстрелы. Звон разбитого стекла. В плечо довольно ощутимо толкнуло. Потом в районе сердца. Вот зараза, а это больно. Никогда не думал, что это так больно. Я качнулся, не в силах стоять под такими ударами. А сквозь разбитое стекло уже выпрыгнул Павел Константинович. Выпрыгнул и замер, уставившись на меня. Я же, совершенно не собираясь умирать, спокойно стоял перед мальчиком и разглядывал дырки от пуль в собственной рубашке. Картинка, видно, была еще та, поскольку сейчас на меня

смотрели все, находящиеся в комнате. Я сунул руку за пазуху и просунул пальцы в две дыры в рубашке напротив сердца. Пошевелил ими и посмотрел на ошеломленного главаря.

— Ну ты и козел! — покачал я головой. — Ты хоть знаешь, сколько я за эту рубашку заплатил? И потом, ты куда стрелял? Я тут стою, никого не трогаю и вдруг нате вам.

Рассмеялась Альена, стоявшая чуть в стороне и наблюдавшая за мной. Я обиженно посмотрел на нее.

— Тебе смешно! — окрысился я. — А я, между прочим, деньги на эту рубашку собственными руками заработал! И тут какой-то козел продырявил мне ее!

— Я зашью, — пообещала Альена. — И спасибо тебе, Эзергиль.

— Не за что, — буркнул я.

Тут очнулся Павел Константинович и снова выстрелил. И снова в меня. На этот раз в голову. Блин! Мать его! Ну если твоя душа не развеется в этот раз, я тебе столько дров под котел набросаю! Ты у меня забудешь, с какой стороны за оружие браться!!! Ты у меня на коленях прощение выпрашивать будешь!!! Ты у меня…

Высказать, что там еще он у меня делать будет, мне помешали действия майора, который очнулся от всего происходящего почти одновременно с Павлом Константиновичем. Предотвратить выстрел он не успел, но вот второй сделать не дал, сшибив главаря на пол. А снизу уже прибежали двое спецназовцев. Короткая борьба, рык прижатого к полу главаря.

— Теперь ты у меня точно сядешь! — зло пообещал ему майор. — Теперь никакой адвокат тебе не поможет! Но меня интересует, откуда здесь взялись эти ребята… — Майор оглянулся и… Я воочию увидел, что значит выражение «глаза полезли на лоб». У майора глаза именно полезли на лоб. Понятно, что никого из нас он в комнате не увидел.

— Надо бы объясниться, — заметила Альена, касаясь моей руки. — А то ведь он невесть что подумает.

Я хмыкнул.

— Ты думаешь, что от правды ему станет легче?

— Правда всегда лучше.

— Как хочешь. Скажи Алеше. Пусть он передаст, чтобы майор и Михаил Леонидович остались. Ну и художник. А также сослуживцы нашего бравого разведчика.

Альена согласно кивнула. Подошла к Алеше, склонилась к нему и что-то зашептала на ухо. Алеша испуганно дернулся и начал озираться по сторонам. Альена, видно, успокоила его, поскольку мальчик тут же перестал озираться и прислушался.

Потом кивнул и что-то ответил.

— Что? — поинтересовался Михаил, наклоняясь к ребенку. Видно было, что он сам еще не пришел в себя от того, что видел. Алеша что-то начал шептать ему. Михаил Леонидович недоверчиво слушал. Покачал головой. Алеша сердито топнул ногой.

— Но ведь я немного прошу! Поверьте, прошу вас! Вы ведь все видели!

Михаил Леонидович опять покачал головой. Правда, в этом жесте было больше недоверия, чем отрицания. Он подошел к майору и начал что-то объяснять ему, кивая на мальчика. К моему удивлению, майор согласился почти сразу. Он только испытывающе поглядел на ребенка и согласно кивнул.

— Мы оба что-то видели. Но что? Либо у нас у всех галлюцинации, либо мальчик знает что-то, чего не знаем мы, — заметил он. — Думаю, стоит его послушать. Может, какие новые сведения появятся.

За поднявшейся суматохой после завершения операции мы с Альеной наблюдали без всякого интереса.

— А нас не поругают? Мы ведь нарушили свободу воли людей, — поинтересовалась Альена.

— Об этом надо было раньше думать, — буркнул я. — Прежде чем под пули бросаться.

Альена пожала плечами.

— Мне ведь потом было бы все равно.

Я резко обернулся к ней.

— Так ты знала?!

Альена отвернулась.

— Эзергиль, нам ведь с первого класса объясняют, какие опасности могут подстеречь ангелов на Земле. Только бездушные могут убить ангела.

Я помотал головой.

— И ты… ух, сумасшедшая!!! Ты же не человек!!! И у тебя нет души!!! Ты… ты…

Альена даже не повернулась ко мне, но я почувствовал, что она плачет. Ругаться мне уже расхотелось. Я просто подошел к ней и обнял. Так мы и простояли все то время, пока в доме была суета. Только под утро все начало успокаиваться. Дачу покинул основной отряд спецназа. Остались эксперты и обычные милиционеры в качестве охраны. Проводили с дачи и Михаила Леонидовича с мальчиком, отправив их в местное отделение милиции отсыпаться, за неимением в поселке гостиницы. Там же были и Григорий Иванович, и Владимир с Семеном. Майор Свиридов подошел только в девятом часу утра…

Глава 5

Все то время, что наша доблестная компания ждала майора милиции, мы с Альеной не обменялись и словом. Просто сидели рядом и молчали. Альену трясло. Я только крепче прижимал ее к себе, чувствуя, что это ее успокаивает. Отчаянная девчонка все-таки. Надо же под пули броситься! Все-таки хорошо, что я не дал ей остаться в том доме и утащил вместе с Алешей и Михаилом Леонидовичем. А она все же храбрая. Да, сейчас сидит бледная и трясется от пережитого, но как бы я себя чувствовал, если бы, скажем, кто-то, кто мог бы меня убить, слегка промахнулся бы? Наверное, залез бы в самые темные кусты и там дрожал, моля всех на свете отправить меня обратно в ад.

Уже под утро, успокоившись, Альена слегка отстранилась от меня.

— А что мне теперь будет? — спросила она. — Я же нарушила Закон. Меня прогонят из ангелов?

Я расхохотался.

— Тебя? Не смеши. Если тебя прогонят из ангелов, тогда я не знаю, кто там у вас соответствует стандарту. Совсем святые. Все в белом и пылают постоянно.

Альена криво улыбнулась.

— Я ведь серьезно.

— Я тоже. Кто тебя прогонит? Разве ты виновата, что этот остолоп стрелял сквозь тебя? Ну неудачно ты стояла, что тут поделать? А мой долг был спасти некоего ангела, который неудачно стоял. А уж тот остолоп сам в меня начал палить. — Я потер лоб, который все еще побаливал. — Его вина, что из всех находящихся в комнате он выбрал меня в качестве мишени. Где тут нарушение Закона?

— Эзергиль, ты мелкий, нудный хитрец.

— Хитрец да, а почему мелкий и нудный?

Ответа на этот вопрос я так и не получил, ибо как раз в этот момент дверь в кабинете распахнулась, и на пороге появился долгожданный Свиридов Валерий Федорович. Он хотел что-то сказать, но, увидев спящего ребенка, тут же замолчал и знаком попросил всех выйти, чтобы не разбудить. Все мужчины молча вышли в коридор. Однако здесь для разговора место было явно неподходящее, и майор просто вывел всех во двор отделения через служебный вход. Отойдя чуть в сторонку, он вопросительно посмотрел на собравшихся.

— Мне все-таки хотелось бы знать, что здесь происходит?

— Я сам бы хотел знать, — буркнул Михаил Леонидович. —

Алеша мне что-то говорил про то, что хочет познакомить меня с ангелом.

— Интересно, а с чертом он не хотел нас познакомить? — несколько раздраженно отозвался майор. Его понять было можно. Человек всю ночь на ногах. Даже не отдыхал. А тут… Однако терпеть такого отношения к чертям я не собирался.

— Чем это вам черти не нравятся? — воинственно поинтересовался я, выходя у него из-за спины.

Майор едва не подпрыгнул. Резко обернулся ко мне. Его глаза расширились.

— Ты… Это ты там был в помещении! — Он не спрашивал. Утверждал. На понт, что ли, брал?

— Ну я, — кивнул я. — И что?

— Но в тебя же попали! Стреляли и попали! В голову! Я сам видел.

Я машинально потер лоб. Да уж, попали так попали. Спорить трудно.

— Ага. Прямо в голову, — подтвердила Альена, тоже появляясь на сцене, э-э-э… точнее, на площадке. — Все мозги перетрясло, если, конечно, они там есть.

Я искоса взглянул на нее и усмехнулся. Раз шутит, значит, все нормально. Только вот объект для шутки, на мой взгляд, выбран не слишком удачно.

— А ты кто такая? — хмуро поинтересовался майор.

— Ангел, — выдохнул Григорий Иванович, завороженно глядя на нее. Ну вот, всегда так. И за что им такой почет? Ангелам, я имею в виду. И ведь никто не испытывает ничего подобного к чертям. Если кто к нам и обращается, так для того, чтобы сделать какую-нибудь гадость. Можно подумать, мы можем их делать лучше людей.

На него одновременно посмотрели все, находящиеся здесь. Причем взгляды в основном сочувственные. Некоторые прямо-таки красноречиво предлагали вызвать врачей. Я вздохнул. Так и знал, что никто ничего не поймет. Даже будучи свидетелями чуда, люди все равно пройдут мимо, найдя какое-нибудь логичное с их точки зрения объяснение. А кто и объяснениями затруднять себя не будет. Альена, похоже, тоже пришла к такому же выводу и несколько печально оглядела всех.

— Да, — признала она. — Сейчас людям очень недостает веры. Даже не в Бога, а просто веры. Веры в лучшее, во что-то доброе. Каждый живет своей маленькой жизнью, не желая больше вникать ни во что, если это не вызвано какой-нибудь служебной надобностью.

Альена взглянула на майора Свиридова.

— Или же выполняя последнюю просьбу погибшего друга. — Взгляд в сторону Михаила Леонидовича. Тот начал было что-то говорить в оправдание, но Альена подняла руку, останавливая его. — Я знаю, что вы и без просьбы отправились бы спасать мальчика. Но делали бы вы это с таким же жаром? Не мне ответьте, себе.

Михаил Леонидович опустил взгляд.

— Теперь да, — хмуро буркнул он.

— Теперь да, — согласно кивнула Альена. — А ваши друзья? Они шли выручать ребенка или привычно шли за вами? Как за бывшим командиром, другом? — Альена посмотрела на Владимира и Семена. Те промолчали. Но молчание было весьма красноречивым.

— Я верил, — вмешался Григорий Иванович.

Альена подошла к нему. Положила руку ему на плечо и взглянула в глаза.

— Я знаю. Вы единственный, кто понимал, что на кону стояла не просто жизнь мальчика. Вы и отец Федор. Он был настоящим человеком. И он смог научить этому Алешу. Он прожил на Земле меньше, чем мог бы, но он сделал важное дело. Он многим людям подарил Надежду. Многих научил Вере.

Я стоял чуть в стороне в роли безучастного зрителя и наблюдал за всем происходящим. Как-то так получилось, что обо мне все забыли. В принципе меня все это устраивало. Когда дело сделано, чертям полагается отступить в тень. На свету остаются ангелы. Что ж, се ля ви, как говорят люди.

Однако тут я почувствовал взгляд Григория Ивановича. Через мгновение на меня смотрели все. Хм, только-только рассуждал на тему, что хорошо бы остаться в тени и вот.

— А какая его роль? — поинтересовался Григорий Иванович. — Ведь если он…

— Да, он черт, — совершенно спокойно признала Альена. — А его роль… она такая же, как и у меня. Мы одно целое. Свет и тень, Инь и Янь. Мы делаем одно дело, но его задача гораздо сложнее моей.

— Но… Если он…

— Да вы что, всерьез верите тому, что говорят эти дети?!! — взорвался майор.

На него задумчиво посмотрел Михаил Леонидович. Его друзья — Владимир и Семен — смотрели на своего командира.

— Вы употребили слово «Вера», вы заметили? — поинтересовалась Альена. — Все опять свелось к Вере. Майор, ваше дело во что верить вам. Мы не навязываемся.

— А вы докажите! Если ты ангел, то докажи!

— А что вы сочтете достаточным доказательством? — Альена, склонив голову набок, изучающе оглядела майора милиции. — Ответьте мне. Что?

Майор открыл рот. Закрыл. Задумался.

— У вас нет веры. А без нее какие доказательства вам нужны? Нет, Валера, вам придется верить или не верить самому.

— Валера?

— Я старше вас. Гораздо старше. Так что имею право вас так называть.

— Опять все на веру?

— Ваше дело. Мы просто посчитали, что вы имеете право знать про нас. Все вы. И мы хотели поблагодарить вас.

— Какая ерунда, — буркнул майор.

— Мы напомним вам эти слова, — вышел я вперед. — Лет через сорок. Хватит ли у вас духу повторить эти слова Там? — Я неопределенно махнул рукой. — А сейчас прощайте. Мы свою работу сделали. Надеюсь, что вы сделаете свою и этот Павел Константинович больше не будет портить жизнь людям.

— Не будет, — хмуро пообещал майор. — Больше он никому не будет портить жизнь. Но мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, ребятки. Мне кажется, вы слишком осведомлены в этом деле.

Я хмыкнул.

— Не советую, майор. Мы, черти, очень не любим, когда нам задают вопросы. Можете спросить у Ленчика. Это тот мент, с загипсованной рукой. — Я с интересом взглянул на Михаила Леонидовича. — Или после встречи с вами ему еще чего-то загипсовали?

— Я бы его всего загипсовал, — хмуро буркнул Михаил. — А этот подонок трусом оказался. Все выложил сразу. Сначала кочевряжился, правда.

Майор несколько раздраженно посмотрел на Михаила Леонидовича. Похоже, он уже был в курсе этой истории и она ему совсем не нравилась. Конечно, этот Ленчик был подонком и предателем, но ведь все-таки он был милиционером, и, нападая на него, Михаил Леонидович и компания совершили преступление. Однако обвинить их он тоже не мог, чисто по-человечески. Мне даже интересно стало, удастся ему как-то замять участие в этом деле нашей доблестной четверки? Впрочем, если благословение ангела что-то значит, то из этой передряги все выйдут благополучно.

Альена отступила на шаг назад.

— Нам пора. — Она оглядела всех. — До свидания… надеюсь, что до свидания.

Не знаю, поняли они последние слова Альены или нет. Ведь тот, кто попадает к нам, уже не может встретить ангела. Это может показаться пустяком, но если рядом нет ангела, то нет Веры. И нет Надежды. Попробуйте прожить без Веры и Надежды. Попробуйте…

Я отступил вместе с Альеной. На этот раз мы не стали проделывать трюка с исчезновением. Почему-то посчитали это ненужным. Просто повернулись и направились к выходу. Альена хмурилась. Я молчал, понимая, что разговор прошел вовсе не так, как ей хотелось и как она ожидала. Она-то надеялась, что люди извлекли урок из происшедшего. Хотела им помочь. Укрепить в вере, если понадобится. А вместо этого? Непонимание и неверие. Нет, люди, конечно, изменились, но не настолько, как хотелось. Я искоса посмотрел на девчонку. Может, попытаться утешить ее? Объяснить, что в этом мире не бывает так, как нам хочется? Ведь в отличие от нее, я видел оборотную сторону людей. Их худшие стороны. И мне было видно гораздо лучше, насколько сильно изменились те люди, с кем нам пришлось встречаться. Я-то, смотря с темной стороны личности, надеялся на гораздо более скромный результат. Но как это объяснить? Ведь для нее, ангела, болезненно уже одно то, что не все люди изменились в лучшую сторону.

Нет, понял я. Никак это ей не объяснить. Понимание придет к ней позже. С опытом и возрастом. Хм, опытом, возрастом! Можно подумать, я старше ее. Но почему я понимаю эту истину, а она нет? «В аду взрослеют раньше», вспомнил я слова дяди. Вот уж точно.

— Подождите! Ребята, подождите!

Я удивленно обернулся. Кто это нас может звать? От милиции мы ушли уже довольно далеко. Ух ты! Разведчик. Мы с Альеной удивленно переглянулись.

Михаил Леонидович подбежал к нам и остановился, переведя дыхание.

— Мне можно с вами поговорить? — спросил он, выжидающе глядя на нас.

Мы опять переглянулись с Альеной.

— Пожалуйста, — осторожно пригласила она. — Давайте только пройдемся. А то нехорошо стоять посреди дороги, загораживая движение.

Михаил Леонидович согласно кивнул, встал между нами, взяв нас обоих под руки, и вдруг отдернул их.

— Э-э… ничего, если я вас за руки возьму? — Он явно был слегка выбит из привычной колеи и теперь не знал, как себя вести.

— Ничего, — отозвался я. — Можете взять нас за руки. Мы не кусаемся. Честное слово. Хотя… за нее вот поручиться не могу, а я точно не кусаюсь.

— Эзергиль!!! — рявкнула Альена, гневно уставившись на меня из-за широкой спины разведчика. Тот усмехнулся и расслабился, почувствовав себя уверенней. Что, собственно, и требовалось. Я же улыбнулся Альене самым невинным образом.

— Я только хотел сказать, что при мне ты еще никого не искусала. Однако согласись, я все же не могу уверенно утверждать, что ты этого не сделаешь.

— Ах ты!.. — Альена вывернулась из-за спины Михаила Леонидовича и довольно чувствительно приложила меня кулаком по спине. — Хам!!!

— Конечно! — опять улыбнулся я. — А что ты хотела от личности без мозгов? Сама так сказала. Нет?

Альена сердито засопела.

— Я же пошутила.

— Я тоже.

— А ты умеешь постоять за себя, — усмехнулся Михаил Леонидович.

— Конечно. В конце концов, я черт или не черт?

Словно вспомнив, что он хотел поговорить о чем-то важном, бывший разведчик нахмурился.

— Да… именно об этом я и хотел с вами поговорить. — Мужчина замолчал и нахмурился сильнее. Потом тряхнул головой. — Я служил в разведке, и меня учили замечать мелочи. Замечать и делать выводы. В тылу противника любая мелочь может спасти жизнь. Я думал, что научился разбираться в людях. Но вот кто вы, я так и не понял. Кто вы?

— Ну-у-у, — задумчиво протянул я, — кое-кто предположил, что мы зеленые человечки. Из космоса прилетели. Чем вас не устраивает этот вариант?

— Ты появился внезапно в том доме. Все пули попали в тебя. Если бы тебя там не было, то погиб бы Алеша.

Я небрежно махнул рукой.

— Чистая случайность. Я просто стоял и никого не трогал. А тут этот идиот принялся палить в меня. Кстати, а почему он хотел убить Алешу?

— Решил отомстить напоследок. Почему-то решил, что мальчишка его подставил… по крайней мере, я так понял Валеру.

Хм, может, и так. Вряд ли правда когда-нибудь станет известна. Если это воплощение у Павла Константиновича последнее, то… Ну и ладно. Хотя и жаль.

— Пусть так. Так что вам не нравится?

— В тебя попали трижды. Две пули в сердце и одна в голову. А ты жив. Согласись, необычно.

— У-у-у. У нас, зеленых человечков, много разных сюрпризов. Всякие там силовые поля, защитные скафандры.

— Ладно, хорошо, — согласился Михаил Леонидович. — Но я наблюдал за тобой. Пули причиняли тебе боль! Я видел это по твоему лицу. Я видел, как пули проникали в тебя! Именно проникали! А сейчас у тебя ни царапины!

— Зато рубашка испорчена. А я, между прочим, на нее месяц копил. Из карманных денег откладывал! Этот ваш Павел Константинович прямо зверь какой-то. Что ему моя рубашка сделала?

Михаил Леонидович несколько секунд изучал меня самым внимательным образом. Он даже остановился. Хорошо еще не в центре тротуара, а чуть в стороне. Я стоял напротив него и спокойно глядел ему в глаза.

— Парень, ты очень ловко умеешь переводить разговор на другие темы. Только ведь и я не лыком шит.

— Значит, не так уж и ловко, — вздохнул я. — Однако я никак не пойму, что вам надо. В то, что я черт, вы не верите. В то, что я зеленый человечек — тоже. Чего же вы хотите? Придумайте сами версию, и я ее подтвержу. Специально для вашего спокойствия.

— Мне нужна правда!

— А что такое правда, молодой человек?

Я резко обернулся.

— Дядя!!! — Я бросился ему на шею. — Как я рад тебя видеть!

— Я тоже, Эзергиль. Я следил за твоими успехами на Земле.

— Почему-то я нечто подобное предполагал, — буркнул я. — И вообще, я тебе многое хочу сказать! Потом… когда вернемся домой. У меня к тебе столько вопросов набежало.

Дядя рассмеялся и подкинул меня в воздух.

— Ты ничуть не изменился. Ну а вы, леди, что скажете? — Дядя, все еще держа меня на руках, посмотрел на Альену.

Альена стояла опустив глаза.

— У меня тоже есть вопросы. Вы специально отправили меня на Землю, чтобы я смогла помочь вашему племяннику?

— Ах вот оно что. — Дядя опустил меня на землю. — Ты узнала моего племянника?

Альена растерянно моргнула и недоуменно взглянула на дядю.

— В каком смысле?

— Ну изучила его как личность?

— Ну-у… да. Мы ведь вместе с ним были.

— Как ты думаешь, если бы я действительно проделал нечто подобное с тобой, только чтобы помочь ему, смог бы он остаться мне другом?

Альена растерянно посмотрела сначала на меня, потом на моего дядю.

— Но тогда зачем вы отправили меня?

— А спроси у моего племянника. Кажется, он о чем-то догадался.

Я гордо вздернул нос.

— Конечно, догадался. Я начал догадываться еще когда увидел твою подпись в дневнике с летней практикой у Альены. Опять какие-то ваши райские интриги?

— Эзергиль! Как тебе не стыдно!

— Ой, прошу прощения, дядя. — Я виновато опустил голову. — Я забыл, что у вас в раю это называется не интригой, а работой по изменению линии развития.

Дядя сердито нахмурился, но неожиданно откинул голову назад и расхохотался.

— За что я тебя всегда уважал, так это за твою прямоту. Хотя порой она совершенно не к месту. Ладно, пожалуй, вы двое заслужили право знать правду. Да и вашему спутнику полезно будет послушать. Для просвещения, так сказать. Я даже начну специально для него издалека.

Михаил Леонидович, когда появилось новое действующее лицо, сначала растерялся. Потом начал внимательно прислушиваться к нашему разговору. Причем его лицо было таким вытянутым от растерянности, что я невольно посочувствовал ему. Столько всего свалилось на человека. Дядя же, словно не видя этой растерянности, обратился к нему:

— Давайте только поговорим в более удобном месте, где нам никто не помешает. Вы не против?

Михаил Леонидович отрицательно помотал головой. Хотя, на мой взгляд, он вряд ли понял смысл того, о чем спросил его мой дядя.

— Вот и отлично. — На короткий миг за спиной дяди показались крылья. Вокруг нас образовался небольшой ураганчик, который подхватил всех четверых и куда-то понес. Правда, все это длилось недолго, и вскоре мы оказались внутри какого-то помещения с четырьмя креслами. На стене висел ковер, а за окном виднелось море. Я огляделся. Все это мираж, конечно, но сделано чертовски реалистично. Надо бы как-нибудь подкатить к дяде, чтобы научил материализовывать иллюзии. Это может быть полезным для меня.

Дядя же сделал приглашающий жест, показывая рукой на кресла. В ближайшее опустился сам. А вот несчастный разведчик в свое буквально упал. Для него все происходящее оказалось последней каплей. Дядя слегка нахмурился, глядя на него. Потом снова развернул крылья за спиной. Я буквально кожей почувствовал волну спокойствия, которая прошла по помещению. Михаил Леонидович на глазах ожил, взяв себя в руки. Снова нас всех оглядел знакомый взгляд — умный, внимательный и даже слегка жестковатый. Дядя удовлетворенно кивнул.

— Итак. Начну я, как и говорил, издалека специально для нашего гостя. Впрочем, вам тоже неплохо бы послушать недавнюю историю. Случилась-то она уже при вашей жизни. А начну я с реформ Горуяна. В общем, сто десять лет назад верховный правитель ада Горуян затеял свои знаменитые реформы, целью которых было преодоление вековой вражды между адом и раем. Сейчас уже никого из вас не удивляет утверждение, что черти и ангелы делают, по сути, одно дело, но с разных сторон. В то же время подобное утверждение, мягко говоря, не приветствовалось, хотя все знали, что оно правдиво. Но что поделать, мы всего лишь отражения людей. Их представления о мире. И реформы эти стали возможны, когда изменились и представления людей. Тогда, когда перестали сжигать людей на кострах как еретиков. У вас пока нет вопросов, молодой человек? — Дядя внимательно посмотрел на Михаила Леонидовича.

— Нет. Я предпочитаю сначала все выслушать, а потом уже спрашивать.

— Правильно, — одобрительно кивнул дядя. — Хорошее правило. Тогда я продолжу. Итак, реформы завершились успехом. Однако и после них ад и рай продолжали относиться друг к другу недоверчиво. Но и там и там были те, кто сознавал, что в новых условиях простого терпения друг к другу уже маловато. Нужно было переходить на новый уровень сотрудничества. Однако и в раю, и в аду было слишком много старой гвардии, которая помнила еще времена инквизиции и войны чертей и ангелов за души людей. И они не хотели даже слушать о сотрудничестве, несмотря ни на что.

— А мы-то тут при чем? — поинтересовался я. — Я имею в виду себя и Альену.

— Ты влип в это дело, как всегда, по собственной инициативе и совершенно случайно, — пояснил мне дядя.

— Как это по собственной инициативе? — праведно возмутился я. — Можно подумать, ты оставил мне выбор!

— Выбор у тебя был. Ты мог бы сам найти себе задание для

школьной практики. Никто не заставлял тебя тянуть до последнего. И уж тем более никто не заставлял тебя мотаться по коридорам министерства наказаний. В общем, когда ты мне рассказал о неприкаянной душе, то я сначала просто пожалел беднягу. Хотел сам помочь, но тут вспомнил, что у тебя практика и… короче, решил, что тебе вовсе не помешает помочь этой душе. Чем не школьная практика?

— Премного благодарен, дядя, — язвительно поблагодарил я. — Век тебя помнить буду с этой практикой.

— Мог бы отказаться, — усмехнулся дядя.

— Угу. Мог бы, — буркнул я.

— Все равно ты сам виноват, Эзергиль. Не тянул бы с практикой, не получил бы это задание.

— Учту, — пообещал я дяде.

— Умный мальчик, — похвалил он меня. — Я могу продолжить рассказ, если ты закончил препирательство?

Я угрюмо кивнул.

— Ну вот. Когда же ты рассказал про спор твоего классного руководителя и директора школы, я понял, что тут они развязали мне руки в другом. Я подумал, что если ты все равно выполняешь эту работу, то почему бы не решить другую задачу? Совместные действия чертей и ангелов ради единой цели? Вы, школьники, подходили идеально. Вас еще не было на свете, когда полыхали людские религиозные войны, и вы не могли впитать их ненависть. Вы еще были малы, когда в аду разразился кризис, порожденный реформами Горуяна, и не могли впитать ту раздвоенность, которая царила в обществе. Причем в обоих мирах. И наконец, вы выросли на учении, что черти и ангелы едины в своей разности и делают общее дело. Кто как не вы могли доказать, что ад и рай способны на большее, чем просто терпеливое отношение друг к другу? Тогда-то я и решил отправить на землю еще и ангела. Ангела, чтобы он смог помочь тебе, а ты ему. Чтобы вы ради общей цели объединились и действовали вместе.

— А если бы мы не объединились? — тихо поинтересовалась Альена. — Если бы действовали врозь?

— Тогда вы не смогли бы достичь цели. Вы оба остались бы на второй год, провалив задание. И этим вы бы еще доказали, что черти и ангелы не доросли до настоящего сотрудничества.

— А что грозило тебе? — поинтересовался я, глядя на дядю.

Тот попытался отвести взгляд. Однако быстро справился и посмотрел на меня.

— Тогда меня лишили бы крыльев.

— Что?!!! — хором воскликнули мы с Альеной.

— Да. Я слишком много поставил на этот проект. Я был

красноречив на заседаниях правительства. Я договаривался и с раем, и с адом. К проекту отнеслись недоверчиво. Многие просто не верили. Но согласились попробовать. Если бы он провалился, то меня обвинили бы в неумении прогнозировать. А проект сотрудничества похоронили бы надолго. Сомневаюсь, что он смог бы возникнуть раньше чем через пятьсот лет. Только ведь это могло оказаться поздно. Земля сейчас находится в критическом состоянии. Она в шатком равновесии между хаосом и благоденствием. И от всех нас зависит, куда она покатится. От чертей, ангелов и людей. Больше всего от людей! И только совместными усилиями мы можем убедить людей поверить в самих себя. Поверить во все то хорошее, что есть в них.

— То есть… ты хочешь сказать, — несколько хрипло поинтересовался я, — что от нас с Альеной зависела судьба всего мира?

— Ну-у не бери на себя слишком много, Эзергиль. Вы всего лишь первые ласточки. Маяк, на который будут ориентироваться другие. Но в принципе ты прав.

— Но почему вы выбрали меня?! — вскричала Альена, до этого слушавшая дядю раскрыв рот. — Как вы могли доверить столь важное дело мне? Я ведь даже не отличница! Так, серединка на половинку. Троечница, если уж быть честной. — Альена грустно усмехнулась.

Дядя смотрел на нее и улыбался. Я его достаточно знал, чтобы понять — дядя просто в восторге от этой девчонки. Я даже приревновал его. Немного.

— Альена, не надо таких самобичеваний, — отозвался он. — Ты гораздо лучше всех этих твоих отличниц, что смотрели на тебя свысока. Я ведь тщательно отбирал кандидата, который должен стать маяком для всех этих закостеневших в прошлом стариков. И ты подошла для этой цели как нельзя лучше. И потенциально ты самый лучший ангел из всех, кого я знаю. Лучше всех твоих подруг-отличниц.

— Я?! — Альена чуть ли не с ужасом посмотрела на дядю. — Но мне всегда говорили, что я слишком вспыльчива… слишком нетерпелива…

— Возможно. — Дядя продолжал улыбаться своей самой обаятельной улыбкой. — Но ты в своих чувствах искренна. Ты открыта в них. Неужели ты думаешь, что твои подруги не испытывают раздражения или гнева? Но они пошли по неправильному пути. Они стыдятся тех чувств, которые считают темными, недостойными настоящих ангелов. Они полагают, что ангелу более приличествует быть кротким и терпеливым, несмотря ни на что. Так вот, как ангел тебя заверяю — чушь!

Полная чушь! Для ангела гораздо важнее… даже не гораздо важнее, а самое главное — уметь быть искренним, а не кротким ханжой. Если тебе грустно — плачь. Если сердита — сердись. Весело — смейся. Будь сама собой. Всегда и везде в любых обстоятельствах. Не прячь себя за фальшивыми чувствами. Именно своей искренностью ты меня и покорила тогда. Если тебе скучно, то ты не строишь из себя прилежного ангелочка, высиживая на уроке, потому что так положено. Ты просто сбегаешь с него. Никакого притворства. Редко встретишь такую искренность. Поэтому я и говорю, что ты потенциально самый лучший ангел из всех, кого я знаю. Самое главное — оставайся такой, какая ты есть. Задорной, боевой, озорной и, конечно же, искренней.

Альена сидела красная как вареный рак, боясь поднять на нас глаза. Похоже, редко когда ее столько хвалили зараз. Я же усмехался себе под нос. То, что говорил дядя, я уже понял давно. Удивительно, как она сама не понимала себя. Однако от подначки я все-таки удержаться не мог.

— Правильно-правильно, — кивнул я дяде. — Если на уроке скучно, то самое правильное — сбежать с него. И ты станешь настоящим ангелом.

Дядя повернулся и некоторое время молча смотрел на меня. Потом захохотал.

— Я совсем не это хотел сказать, — заметил он, отсмеявшись. — Не надо понимать все настолько буквально. И мне кажется, что теперь Альена будет более прилежна, поняв, что знания бывают полезными. — Дядя испытывающе посмотрел на девочку, и та яростно кивнула.

— Только… — Альена опять неуверенно посмотрела на дядю. — Я все равно думаю, что не подхожу для такого. Вы не должны были так рисковать, ставя на меня успех вашего дела.

— Разве? А что, я оказался не прав?

— Да, но… Я ведь несколько раз была на грани того, чтобы отказаться! Да и в самом начале… если бы не Эзергиль.

— Чуть не считается, — многозначительно заметил дядя. — К тому же я ведь недаром постарался свести тебя и Эзергиля. Вместе вы добились своего гораздо быстрее, чем сделали бы по отдельности. Если бы вообще справились. Думаю, правителям и ада, и рая будет о чем подумать, рассматривая ваши совместные действия.

— Ой! — Альена испуганно прижала кулак ко рту и беспомощно посмотрела на меня. — Я ведь даже не знала, насколько все это важно!!! И не думала, что мои действия будут изучаться так высоко! Что же они подумают обо мне?! Я же там

все испортила!!! Боже мой, да после такого позора…

Мы с дядей переглянулись и захохотали в голос. У дяди от смеха даже слезы выступили. Отсмеявшись, он встал и подошел к Альене. Присел перед ней, взяв ее руки в свои.

— Девочка моя, что ты говоришь? Да тебе гордиться надо! Ты все делала совершенно правильно! Поверь мне. Поверь умудренному опытом старому ангелу. Не многие справились бы лучше тебя.

— Правда? — Альена неуверенно посмотрела на дядю.

— Думаешь, я буду лгать?

Альена смутилась. Обвинить ангела во лжи… до этого не каждый черт додумается.

— Простите, — пробормотала она. Но тут же опять тряхнула головой. — Но почему я?! Почему Эзергиль?! Неужели нельзя было найти кого поопытней?

— Эх, девочка. А ты еще не поняла? Историю делают молодые. На сцену выходит новое поколение. Именно вам предстоит вершить ее в этом тысячелетии. Так кому как не вам надо было показать путь нам, старой гвардии? Новый путь — путь сотрудничества.

— Но… а если бы я не стала действовать вместе с Эзергилем?

— Стала бы. Ты из тех, для кого судьба другого важнее всех амбиций и правил. Тоже, кстати, черта настоящего ангела. Ради того, чтобы помочь другим, ты готова наплевать на все правила, негласные законы и мнения. Опять вернусь к твоим подругам, которых ты предлагала вместо себя. Вспомни их и скажи, многие ли из них согласились бы сотрудничать с чертом? Даже ради помощи? Они ведь отличники. — Дядя умудрился вложить в это слово отрицательный оттенок. Я даже обиделся. В конце концов, я тоже отличник. — И они прекрасно помнили урок о коварстве и подлости чертей.

Альена нахмурилась.

— Я такого не помню.

Дядя усмехнулся.

— А ты прогуляла этот урок. Я специально проверял.

Альена опять покраснела. Заерзала в кресле. Дядя поднялся с колен и потрепал ее по голове.

— Ты молодец, девочка.

Альена смутилась вконец. Даже постаралась поглубже зарыться в кресло. Дядя же вернулся на свое место и посмотрел на Михаила Леонидовича.

— Ну-с, молодой человек, будут ли у вас какие вопросы?

— Не такой уж я и молодой, — буркнул Михаил. — Сорок лет все-таки.

— Ну надо же! — восхитился дядя. — Вот что, молодой человек, когда доживете до моих шестисот лет, тогда мы и поговорим с вами по поводу вашей молодости или старости. И я вовсе не хотел вас обидеть. Просто… просто примите как данность то, что вы здесь самый младший. Даже мой племянник, хотя он еще и мальчишка, обладает большим жизненным опытом, чем вы. Хотя тут все относительно.

Михаил Леонидович потряс головой.

— Мне трудно с этим свыкнуться. Я всю жизнь считал, что рай и ад — это сказки. Ангелы, черти… Но даже если они есть, то я все представлял себе не так. Нечто… нечто… другое, в общем. Мне трудно объяснить.

— Ну почему, я прекрасно понял, — кивнул дядя. — Вы ожидали нечто необычное и прекрасное, а тут почти Земля. Даже интриги те же. Войны и борьба.

Михаил Леонидович кивнул.

— Да, я примерно это и хотел сказать.

— Что такое рай и ад, я объяснять вам не буду. Сами поймете потом. А вот по поводу ваших представлений… Знаете, если бы нас создал Бог, то, думаю, они были бы недалеки от истины. Но все дело в том, что наши создатели — это вы, люди. Ваша вера создала нас. И мы существуем, пока вы верите. И поскольку наши создатели вы, то мы никак не можем быть лучше вас. Но мы можем расти вместе с вами. То, что рай и ад начинают сотрудничать — в этом есть и ваша заслуга. Мы помогаем вам пройти ваш путь, а вы помогаете нам. Можете считать, что это симбиоз.

— Допустим. Но какова конечная ваша цель? У всего ведь должна быть цель.

— Цель? — Дядя ссутулился. — Цель есть. Наша цель — помочь вам стать богами.

— Что?! — От такого заявления Михаил Леонидович даже поперхнулся.

— Да. Чему вы удивляетесь? Ведь у вас же сказано, что Бог создал людей по образу и подобию своему. И он создавал не игрушки, но помощников. А такую власть, какой обладает в вашем понимании Бог, могут получить только люди достойные. Люди с чистой душой. Вы будущие Творцы. А Земля… можете рассматривать ее как испытание для ваших душ. Некоторые, как Павел Константинович, ломаются и начинают пренебрегать своей душой. Они начинают убивать в себе Бога. Настойчиво и целенаправленно. Что ж, это их путь. Люди свободны в своих желаниях и поступках. Постепенно им удастся это, и тогда душа умрет. Рассеется в бесконечности. Это произойдет не сразу. Душа

людская очень живуча. Человеку всегда дается несколько шансов. А мы… мы помогаем. В раю мы показываем душам, чего они могут достигнуть, если будут растить Бога в своей душе. В аду… думаю, вы сами теперь понимаете функцию ада. Кто-то должен делать и эту работу. Можете считать чертей чем-то вроде судей вашего мира. Судей, которые выносят приговор и исполняют его.

Михаил Леонидович потрясенно потряс головой.

— Но ведь Эзергиль помогал душе, а не наказывал? Вы же только что говорили, что существует разделение.

— Верно. Но когда представители ада и рая должны научиться действовать совместно, то у них, по меньшей мере, должна быть общая цель. Такой целью может быть либо помощь попавшему в беду человеку, либо наказание явного злодея. Только вот беда в том, что ангелы… как бы вам сказать… они несколько консервативны. И им очень трудно было бы принять действия Альены и Эзергиля, если бы они хотели кому-то причинить вред. А ведь наказание даже настоящего злодея — это все равно вред.

— А как примут в аду то, что Эзергиль помогал? — поинтересовался Михаил Леонидович.

— Совершенно спокойно. Ад несколько более демократичен в этом отношении. Вы, люди, правильно говорите: демократия в аду, а на небе царство. По большому счету там всем наплевать, чем занимается Эзергиль на Земле. Главное, чтобы он не нарушал Закон и достиг поставленной цели. Если это удастся, то это оценят.

Михаил Леонидович задумался.

— Никогда б не подумал, — покачал он головой. И тут, словно его только что озарила какая-то мысль, он воскликнул: — Стойте! Это что же получается, я живу уже не одну жизнь на Земле?

— Если быть точным, то это ваша пятая жизнь, — признал дядя. Похоже, его ничуть не удивила смена темы.

— И… и куда попадала моя душа после тех пяти раз? В ад или рай?

Дядя нахмурился.

— Зачем вам это знать? Думаете, вам будет легче?

Михаил Леонидович задумался.

— Думаю, нет. А что будет с вами? Я имею в виду, когда люди станут Творцами, а те, которые, как вы говорите, недостойны, рассеются в космосе.

— С нами? Мы уйдем. Наша работа будет закончена. Мы существуем, пока нужны вам, людям. А Творцам мы уже не нужны.

— Просто исчезнете? И все?

— И все, — кивнул дядя. — Я понимаю, к чему вы клоните, но у нас нет души, как у вас, людей. Нас ведь создавал все-таки не Бог. Вы еще не можете наделять создания душой. И для нас смерть — это не переход в другое состояние. Для нас она действительно Смерть. Бесповоротная и окончательная.

— То есть вы смертны?

— Да. Мы живем долго. Гораздо дольше вас, но мы смертны. Более того, нас можно убить.

— Ну да. Я видел, как в… вашего племянника попали из пистолета три раза, а он только головой потряс.

В тебя бы так попали три раза! Посмотрел бы я, как ты головой тряс. Нашелся тут умник.

— Да. На Земле мы почти неуязвимы. Но убить нас можно. Кстати говоря, если бы Павел Константинович стрелял в Альену, то он ее убил бы. Понимаете, для ангелов на Земле нет преград и запретов. Но их может убить человек без души. Тот, кого вы зовете бездуховным. Которые старательно убивают в себе Бога. А таких ведь немало. Помните о числе Зверя? Это не шутка.

— То есть Альену могли бы убить? — поинтересовался Михаил Леонидович. — Он как-то странно посмотрел на девочку.

— И убили бы, — буркнул я. — Это она закрыла собой Алешу. Я уже потом ее отпихнул. Меня-то этот ваш главарь убить не мог. Он же нам принадлежит.

Михаил Леонидович кивнул, словно я сказал что-то, что подтверждало его мысли.

Дядя испуганно глянул на Альену и покачал головой.

— И эта девочка сомневалась, что мой выбор достойный.

Альена промолчала. Я тоже.

— А тебя кто мог убить? — поинтересовался Михаил Леонидович.

— Меня? Ваш друг Федор.

— Чертям легче, — криво усмехнулся бывший разведчик. — Таких людей мало. Да и не будут они убивать, если нет необходимости. Тем более того, кто выглядит как ребенок.

— Не выглядит, — поспешно вмешался дядя. — Эзергиль и есть ребенок. Только в нашем понимании, не в вашем. На самом деле он еще даже несовершеннолетний.

— Вот именно, — буркнул я. — А насчет того, что легче… попробуйте. Попробуйте постоянно иметь дело с такими людьми, как этот Павел Константинович. А на Земле… да, нас убить очень тяжело, но ведь у вас куча мест, запретных для нас. Мы слишком ограничены там. Все справедливо.

Дядя поднялся.

— Ладно. Михаил, мы вам рассказали очень много того, о чем в принципе знать вам не надо. Я не буду брать с вас слова, что вы сохраните все в тайне. Вы и так не будете трепаться. Да и не поверит вам никто. Как и вы еще не до конца верите. Вы ведь все еще продолжаете считать происходящее чьим-то розыгрышем.

Не дав Михаилу Леонидовичу даже заговорить, дядя взмахнул крыльями. Миг, и мы оказались на той же улице, с которой дядя нас и забирал. А вокруг шли люди, даже не заметив нашего появления. Дядя повернулся к Михаилу Леонидовичу.

— До свидания, Михаил Леонидович. Думаю, мы еще встретимся с вами.

Дядя протянул ему руку для прощания. Михаил Леонидович ее пожал. Я тоже выступил вперед и попрощался с ним. А вот руку Альены Михаил задержал подольше.

— Кажется, я все-таки верю вам, — сказал он ей. — А ты действительно смелая девочка. Ты защищала других даже рискуя жизнью, хотя знала, что для тебя нет ничего После.

— Вы же тоже рисковали, — заметила Альена. — И тоже не верили в рай и ад.

— Да. Но знаешь, мне все-таки было легче. Даже самый неверующий из нас в глубине души верит в то, что Там, за гранью, что-то есть.

Альена нахмурилась, обдумывая эту мысль. Михаил Леонидович же отпустил ее ладонь и помахал нам. Потом развернулся и, не оборачиваясь, двинулся прочь. Альена, словно очнувшись, бросилась за ним следом.

— Миша, подождите. Я просто хотела вам сказать, что мы тоже верим. Знаете, каждый из нас… и черт, и ангел верит, что если он хорошо будет делать свою работу, то Бог… после смерти… потом… в общем, мы верим, что когда мы умрем, то родимся людьми… что каждый после смерти станет человеком…

Михаил Леонидович замер, ошеломленно уставившись на девочку. Альена же, не дожидаясь ответа, развернулась и подбежала к нам. Дядя ободряюще положил руку ей на плечо.

— Ну что, орлы, отправляемся домой? Работа закончена?

Мы с Альеной переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Да, — одновременно кивнули мы.

— Тогда в путь. — Дядя расправил за спиной крылья…

Часть 5
«Раздача слонов»

Глава 1

Мы, втроем, стояли на станции недалеко от Дворца Правосудия. Я опасливо косился на сам Дворец. И почему мы вынуждены с Земли всегда возвращаться именно сюда? И черти, и ангелы. Это было одно из основных и неизменных правил. На Землю можно было отправиться как из ада, так и из рая. Но возвращение происходит только на это место. Представляю, как чувствовали себя ангелы и черти лет шестьсот назад, когда вовсю бушевали религиозные войны. Вот идет соперничество между ангелом и чертом. Кто-то выиграл, кто-то проиграл, но оба озлоблены. И вот они оказываются рядом друг с другом. И ведь тут даже высказать нельзя все, что думаешь о противнике. Мгновенно в ответ схлопочешь еще худшее материализовавшееся проклятие. Даже душу не отведешь в ругани. Бр-р-р. Кошмар, в общем.

Дядя, подхватив вещи Альены, зашагал к остановке поезда. Ну конечно, а мне свои самому тащить. Вот вечно так. Все-таки нет справедливости на свете.

Дядя прошел к скамейке на остановке и поставил на нее чемодан. Я свои пристроил рядом.

— Ну вот мы и пришли. Извини, Эзергиль, но тебя я провожать не буду. Думаю, сам найдешь дорогу.

Я же говорю, что нет на свете справедливости.

— У меня есть еще кое-какие дела, которые не терпят отлагательств. А вы с Альеной можете пока попрощаться, — закончил дядя.

Альена неуверенно подошла ко мне. Грустно улыбнулась.

— Похоже, наше совместное приключение закончено, — заметила она, опустив голову.

— Похоже, — согласился я. Странно, мне совершенно нечего было сказать. Обычно мне за словом в карман лезть не приходится. А тут… два слова сказать не могу.

— Но мы ведь можем встречаться?

— Ага, — без энтузиазма согласился я. Мы оба понимали, что я черт, а она ангел и этим все сказано. Между нами пропасть. Ведь в следующий раз мы можем встретиться уже с прямо противоположными заданиями. Кто знает? Тут я заметил, что дядя смотрит на нас и улыбается. Интересно, что он такого радостного нашел? Опять, небось, что-то задумал. Хотел бы я знать, о чем он думает. Альена, проследив за моим взглядом, вдруг встрепенулась.

— Господин Монтирий… — неуверенно начала она. — Вы

говорили, что я могу стать очень хорошим ангелом?

— Верно, — кивнул дядя.

— А Эзергиль? Он может стать ангелом?

Я поперхнулся и закашлялся. Вот это предложение!

Дядя же улыбнулся.

— Я понимаю, к чему ты ведешь. Сможет ли мой племянник стать ангелом? Думаю, да. И очень даже неплохим. Если откажется от части себя. Но устроит ли тебя часть Эзергиля? Удовлетворишься ли ты ею?

— Но… но что же нам делать?!

Нам? Хорошенькое нам. А меня кто спросил? У меня поинтересовались, чего я хочу? Пора напомнить, что я тут тоже имею право голоса. Я кашлянул.

— Мой дядя безусловно прав, — заметил я. — Лично я ума не приложу, чем бы я стал заниматься у вас в раю. Да я там уже через месяц сойду с ума от скуки. Нет, это все не для меня. Меня устраивает и теперешнее положение. А вот ты… Слушай, из тебя бы мог получиться отличный черт. Как ты на это смотришь? Под моим чутким руководством…

На лице Альены отразился такой ужас, что я замолк и сник. Дядя же опять улыбался. И чего ему все смешным кажется?

— Да-а, проблема у вас, — усмехнулся он. — Похоже, вы не слишком горите желанием расставаться друг с другом. Признаться, на такое я не рассчитывал. Тем не менее… ангел я, в конце концов, или нет? Предложу вам третий путь. Но он очень тяжелый. Возможно, у вас не хватит сил, чтобы пройти по нему.

— Тяжелый, говоришь? — Я плотоядно улыбнулся. Слова дяди звучали чертовски похоже на вызов. — Ну-ка, что это за путь?

Альена несколько неуверенно посмотрела на мою улыбку и демонстративно вздохнула. Мол, от тебя ничего иного и не ожидала. Однако на дядю Смотрела с не меньшим нетерпением, чем я. Дядя же откровенно усмехался.

— Путь тяжелый, как у всех, кто идет первым. Ведь я говорил вам, что за вашей деятельностью наблюдали очень внимательно как в раю, так и в аду. Своими успешными действиями вы показали, что черти и ангелы могут сотрудничать ради достижения общей цели. Теперь осталось убедить правителей, что общие команды чертей и ангелов могут быть полезны для решения многих специфических задач, где поодиночке справиться будет трудно. Тем не менее с обеих сторон еще сильны старые предубеждения. Не забывайте, что Правители сами выросли в эпоху войн. И хотя ваш пример поколебал их убеждения, но все сомнения не рассеял. Я готов выступить с инициативой создания

первого объединенного отряда, но… Готовы ли вы к такой ответственности? Вам придется очень постараться, чтобы убедить всех, что совместная деятельность чертей и ангелов полезна.

Я уже все понял.

— О… думаю, мы сумеем убедить всех в своей полезности.

Альена посмотрела на мою улыбку и притворно вздохнула:

— Бедные Правители. Они не знают, с кем связались.

Мы все трое рассмеялись. Но дядя тут же посерьезнел.

— Шутки шутками, но вы сами понимаете, что значит быть первыми? Что значит изменять мир? Вы представляете, сколько у вас будет врагов с обеих сторон, которых не устроит такое сближение чертей и ангелов? И если ангелы в массе своей будут просто наблюдать, подмечая каждый ваш промах, то некоторые черти будут очень активно вам мешать. Ваши успехи будут принижать, а промахи раздувать до невозможности. Вы готовы к такому?

Мы с Альеной переглянулись. Я и сам не заметил, как ее рука оказалась в моей. Не отрывая глаз от девочки, я кивнул.

— Да.

— Да, — эхом повторила за мной Альена.

Дядя покачал головой.

— Эх, молодость, молодость. Я тоже в вашем возрасте думал, что способен переделать мир… однако, как ни странно, у вас это может получиться. Удачи вам, ребята. Я всегда буду с вами и помогу по мере сил. Благослови вас…

— Но-но! — отпрыгнул я в сторону. — Только без всяких там ваших ангельских штучек.

— Эзергиль, не надо быть таким суеверным. Я просто хотел пожелать вам удачи.

— Считай, что пожелал, дядя. О, вот и мой поезд. — Я подхватил свои сумки. — До свидания, дядя. До свидания, Алька, я тебе напишу, как только закончится вся эта кутерьма с отчетом по практике.

— Я тебе тоже напишу! — махнула мне рукой Альена. — Только не смей называть меня Алькой!!!

Я усмехнулся и скрылся в вагоне. Поезд здесь стоял не очень долго, и уже через пять минут он, набирая ход, отправился в ад. Я же еще долго стоял около окна, глядя в ту сторону, где оставил дядю и Альену. За окном мелькали деревья, озера, но у меня перед глазами все еще стоял перрон и две фигуры на нем. Машущая мне вслед Альена…

Наконец-то я был дома. Будучи на Земле, я даже не представлял, насколько скучал по дому. Здесь, как мне казалось, даже воздух был лучше. Впрочем, возможно, что и не казалось. По

крайней мере, у нас еще не было столько машин, сколько у людей. Может, оно и к лучшему.

Расставшись с дядей и Альеной, я теперь шел домой, таща на себе все свои вещи назад, которые дядя каким-то образом умудрился доставить мне в купе. Мог бы сразу к дому переправить. Тащи теперь их… Едва войдя во двор, я увидел нескольких своих одноклассников, которые встретили меня сочувственным взглядом.

— Эзергиль, как же ты так? — поинтересовался Турон, подойдя ко мне. Остальные тоже окружили меня, выражая сочувствие.

— Чего как же я так? — удивился я, с облегчением поставив свой багаж на землю.

— Ну с Ксефоном, — добавила Мелисса. — Он тут недавно был. Всем раструбил о своей победе и как он обманул тебя.

— А-а. — Я расслабился. Я-то уж испугался, что в мое отсутствие случилось что дома. — Ну бывает, — сделал я печальное лицо. — Ошибочка вышла. Да ладно, мелочи все это.

Вокруг сочувственно повздыхали. Ксефона у нас в классе мало кто любил.

— А это правда, что ты собрался перебраться в рай? — опять вылезла Мелисса. — Ксефон еще рассказывал, что ты продался какой-то там ангелессе.

— И вовсе не какой-то! — сразу взвился я. — И совсем не продался! Что бы этот ваш Ксефон понимал!

— А-а, — рассмеялся Верилий, — значит, ангел все-таки был. Ну-ка колись, Эзергиль, она красивая?

Я закрыл глаза, представив лицо Альены.

— Она очень необычная, — выдохнул я.

Вокруг опять рассмеялись.

— Похоже, я теперь догадываюсь, почему Ксефон выиграл, — заметил Турон. — Этот ангел ведь наверняка тебе мешал. А ты… ты, как настоящий рыцарь, не смог выиграть у дамы.

Смех вокруг раздался громче, но ничего обидного в нем не было. Я мечтательно вздохнул.

— Да уж.

— Похоже, ради твоего ангела действительно стоило остаться на второй год, — заметил Верилий, хлопнув меня по плечу.

Я поднял с земли свои вещи и закинул их на спину.

— Ну кто останется на второй год, мы еще посмотрим. Ладно, ребята, мне пора. Родители, наверное, уже заждались.

Задерживать меня разными вопросами не стали. Понимали, что все равно не отвечу. Меня мои одноклассники знали. Пройдя через сад, я поднялся на крыльцо. Дверь была не заперта, и мне

не пришлось лезть за ключами.

— Рад вашему возвращению, молодой господин, — услышал я голос нашего домового.

— Я тоже рад тебя ви… э-э… слышать, Нафаня.

Распахнув дверь, я прошел в коридор, однако здесь меня ждала неприятность в лице брата.

— А-а! — удовлетворенно вскричал он. — Явился! Продул всю практику и теперь совершенно спокойно появился дома! Вот ведь позор семьи! Я ни разу не оставался на второй год. И в кого ты такой бездарь?

— Отвали, — буркнул я, вспомнив, что брат не знал задание моей практики. Слышал только, что дело касалось какой-то души и все. Собственно, сам виноват. Совершенно не интересовался делами родного брата. А раз так, пусть теперь подразнится. Посмотрим, что он запоет, когда я принесу из школы результаты. — Точно не в тебя, такого гения.

— Ты еще и хамишь?!

— Зорег, оставь ребенка в покое, — вышел в коридор отец. Он был в своей старой майке и рваных тренировочных штанах. Даже к приезду родного сына после почти десятидневного отсутствия не переоделся. — Не видишь, мальчик устал с дороги.

— Но, папа, этот балбес провалил свое задание! Это позор для всей нашей семьи.

— Ну провалил, ну и что? — невинно поинтересовался отец. Он повернулся ко мне так, чтобы его лица не мог видеть мой брат, и подмигнул. Конечно же отец не мог не знать о том задании, которое я получил. Как не мог не знать и о результате — дядя ведь наверняка ему все рассказал. И подозреваю, что даже больше, чем мне.

— И это все, что ты ему скажешь? — возмутился мой брат. Конечно, его можно понять. Родители постоянно ставили меня в пример братцу. И тот теперь отыгрывался за все это. Он буквально наслаждался моим провалом. Вот спрашивается, за что мне достался такой брат? Нет, чтобы поддержать младшего… нет же, он еще и подножку подставит. Ну погоди же, братик. Интересно, у меня еще осталась сажа?

Брат, похоже, по моему оценивающему взгляду догадался, что я что-то затеваю.

— Нет, отец, ты только посмотри на него! Опять какую-то гадость задумал! И ведь ничуть не раскаивается!

— А ты не давай ему повода делать тебе гадость, — отрезал отец. Он подошел ко мне и взял за локоть. — Что ж, сынок, пойдем-ка ко мне в кабинет. Там ты расскажешь мне обо всем.

— Правильно! И всыпь ему как следует! — опять вмешался

мой братик, совершенно неверно истолковав намерения отца. Ни я, ни он, правда, не обратили на этот крик никакого внимания.

Однако прежде, чем отец успел впустить меня в свой кабинет, в квартиру стремительно вбежала мама.

— Сынок! — расплакалась она, бросаясь ко мне. — Наконец-то ты вернулся с этой испорченной и жестокой Земли! Ты цел? У тебя ничего не болит? Эти жестокие, злые, коварные люди тебе ничего плохого не сделали? — Мать, причитая, одновременно умудрилась ощупать меня всего в поисках переломов и прочих синяков.

— Тихо, женщина! — гаркнул отец. — Сын вернулся с первого самостоятельного задания. Можно сказать, стал мужчиной, а ты… Ты ведешь себя как наседка.

— Сам молчи, — огрызнулась мама. — Тоже мне мужчина! Сколько раз тебя, мужчину, просила сделать теплицу для моих цветов? Не мужское это дело, да? Пока сама не взялась, ничего от тебя не добилась! А все туда же…

Отец смутился и неловко потоптался.

— Ну ладно-ладно. — Голос его звучал уже не воинственно, а успокаивающе. — Видишь же, что ничего с нашим сыном не произошло. Жив, цел. Что еще надо?

Я стоял в сторонке и ковырял носком тапка полы. По опыту я знал, что такие перепалки могут продолжаться долго. И в них мне лучше не встревать, даже если объектом размолвки был, как в этот раз, я. Однажды я сделал подобную глупость. Досталось с двух сторон. Так что лучше в сторонке постоять. Блин, и это называется вернуться под родную крышу! На Земле мотался целыми днями, даже не отдыхал почти. Домой вернулся, и тут нет отдыха. Каждый из родителей считает, что только он знает, как позаботиться о надежде и гордости семьи. Они буквально наслаждаются этими спорами. А мне-то каково? Хоть раз у надежды и гордости спросили, чего он хочет? Впрочем, меня такие мелочи никогда не пугали. Проще промолчать, а потом сделать по-своему. И нервы целее будут.

Отцу все-таки удалось вырвать меня из рук матери и затащить в свой кабинет. Он усадил меня в кресло для почетных гостей и сам пристроился рядом.

— Ну, сынок, давай рассказывай. Твой непутевый дядя, конечно, держал меня в курсе твоих похождений, но сам понимаешь, своему братцу я не стал бы доверять полностью. Да и что ожидать от черта, переквалифицировавшегося в ангелы?

Я вежливо покивал в ответ. Потом принялся за рассказ.

— И ты спутался с этим… этим ангелом?! — возмутился отец. — Ты что, без него обойтись не мог?

— Без нее, папа, — поправил я.

— Тем более! Ангел, да еще женщина! Будь я на месте правителя рая, я бы даже близко женщин к крыльям не подпускал!

— Наверное, именно поэтому ты до сих пор не правитель рая, — отозвался я.

Отец пропустил мое замечание мимо ушей, продолжая объяснять, какую я ошибку сделал, связавшись с ангелом. Пришлось опять вежливо кивать. Не спорить же?

Немного побушевав, отец попросил продолжить рассказ. Всякий раз, когда я касался Альены, отец морщился. И если в рассказе фигурировали ее ошибки, то отец довольно хлопал себя по колену, восклицая: «Ну я же говорил! Ну чего еще от ангела ждать?!» Если же я, наоборот, хвалил Альену, обращая внимание отца на ее помощь, порой незаменимую, он морщился.

— Это ты и сам придумать мог бы, — буркнул он однажды. — Нашел, за что ее хвалить. И вообще, что ты ее так нахваливаешь? Запомни, никогда не связывайся с ангелами. Обдурят и задурят голову… — Тут отец прервался и с подозрением уставился на меня. — Надеюсь, она не уговорила тебя перейти в ангелы?!

— Нет-нет, — замотал я головой. — Я бы никогда не пошел.

— То-то.

— Но она предлагала.

— Вот!!! Что я говорил?! Все ангелы коварны! Так и норовят затащить невинных и неискушенных чертей в свои сети.

— Правда, я тоже предложил ей перейти в черти.

— Ха! Готов побиться об заклад, что она отказалась.

— Да. Поэтому я пригласил ее в гости.

— Ну я же говорил… ЧТО?! Что ты сделал?!!! Ты пригласил ангела в гости?!!!

— Угу, — кивнул я совершенно спокойно, не обращая внимания на реакцию отца.

— Мать! Ты слышишь?! — Отец вскочил с кресла и распахнул настежь дверь кабинета, высунувшись из него чуть ли не наполовину. Мама, испуганная криком, выбежала в коридор. — Ты слышишь, что учудил наш сынок?! Он пригласил к нам в гости ангела! До чего мы дожили?!! Не успел я привыкнуть к тому, что мой собственный брат стал ангелом, как тут же меня предает мой собственный сын?!!

— Эй, — обиделся я. — Я же не хочу быть ангелом! Зато, возможно, мне удастся переубедить ее перейти в черти.

Мама наградила меня долгим и задумчивым взглядом. Похоже, ее моя хитрость не убедила.

— Вот что, Эзергиль, сходи-ка ты в детский сад за сестрой.

— Но мама, я же только вернулся с Земли!!! Мне отдых положен!

— Оттого что ты сходишь за сестрой, ты не переломишься. К тому же, думаю, это лучше, чем слушать крики твоего отца.

— А я не кричу!!! Я выражаю свое возмущение!!! И пусть только эта твоя ангел заявится к нам в дом!!! Я ей такого устрою! Такого!!! — И тут, перейдя с крика на нормальный голос, отец совершенно спокойно спросил: — Когда, кстати, она придет?

— Мы договорились, что сначала сдадим практику. Нам ведь надо еще отчеты подготовить. Так что, думаю, недели через две.

— Он даже не знает точно! Ха! — опять закричал отец. — Ну ничего, я вам устрою!!! Она это посещение надолго запомнит. Ангел в моем доме?!! Да никогда!!!

Я поспешно выскочил из дома. И правда, лучше прогуляться, чем слушать это. Отец еще долго будет бушевать. Если по дороге в детский сад зайти к приятелю, то можно будет поиграть там. Потом с сестрой зайти в парк на карусели… думаю, да, к тому моменту отец успокоится. Наверное, не стоило так сразу на него эту новость вываливать. Подготовить надо было. С другой стороны, больше времени свыкнуться с данным фактом.

В следующие дни для меня ничего интересного не было. По сути, все они были похожи один на другой. Сначала я побывал в школе и отметился у директора о завершении практики. Тот встретил меня довольной улыбкой и сообщил, что Викентий пока ни о чем не подозревает. Слушать мой устный отчет он даже не стал.

— Я все прочитаю у тебя, — отмахнулся от меня директор. — Мне не терпится посмотреть, что ты там навыдумываешь.

Из последнего замечания я сделал вывод, что мои похождения на Земле для директора не тайна. Ну и ладно. В его молчании можно быть уверенным. Он не хуже меня понимает, что некоторые, гм… детали лучше не афишировать.

Выходя из школы, я столкнулся с Ксефоном и не забыл сделать кислую физиономию, на что тот ответил мне наисчастливейшей улыбкой. Конечно. «У меня сегодня радость — я соседу сделал гадость». Ксефон как раз из подобных. Бес — он и есть бес, что с него взять? Около минуты я с кислым видом, но хохоча внутри, слушал издевательства Ксефона. Потом сбежал. Иначе расхохотался бы прямо при нем. Вот напыщенный болван. С того момента в школе я постарался не появляться, поскольку, как мне сообщили друзья, Ксефон чуть ли не ночевал у нее, поджидая меня. И на какие только мучения не пойдут некоторые личности, чтобы посмотреть на страдания других. Ну что ж, придется его отблагодарить за эти бдения… позже. А пока надо

подготовить отчет.

Дня три я практически не вылезал из дома. Запершись в комнате, я старательно описывал свои похождения, размышления и возможные варианты решения поставленной передо мной проблемы. Также писал, почему я выбрал именно тот, а не другой путь. При этом надо было не увлечься и не написать лишнего. Впрочем, правка для того и существует, чтобы ничего лишнего в отчет не попало.

Иногда в дверь мне тарабанил мой брат. Тоже хочется насладиться позором своего братика. Веселый он черт, забавный.

На четвертый день моего затворничества меня навестил дядя. О его приходе я узнал по воплю отца.

— Опять этого ангелочка принесло?!! Отвратитель невинных чертей с пути истинного!!! Что, решил моего сына тоже в ангелы сманить?!! Не выйдет!!!

Я поспешно раскрыл дверь и поэтому услышал насмешливый ответ дяди.

— Эзергиля в ангелы? Ну уж нет! Чтобы он весь рай на уши поставил? К тому же я не думаю, что он мечтает о том, чтобы стать ангелом.

— Совсем не мечтаю, — уверил я, выскакивая навстречу. — Как там Альена?

Отец гневно крякнул и возмущенно уставился на меня.

Дядя усмехнулся.

— Нормально. Я ее два дня, правда, не видел. Занимается отчетом. Подозреваю, что и ты тоже.

Я вздохнул.

— Да уж. У меня скоро мозоль на пальце будет. Надо бы себе компьютер завести, как у людей.

Теперь отец взирал на меня еще яростней.

— Ты эти новомодные штучки брось! Мы тысячи лет жили без этих людских вещей и еще столько же проживем! Чем тебе не нравится перо-самописка? Ты ему диктуешь, а оно пишет! Лучше всяких этих твоих путеров.

— Чем не нравится?! — возмутился я. — Всем бы нравилось, если бы это твое перо грамотным было! В слове из трех букв четыре ошибки! И это надо же было суметь написать слово «решение» со всеми буквами «и»!

Дядя расхохотался.

— Гоштер, я бы на твоем месте прислушался к сыну. Это мы, старики, любим жить по старинке. А они, молодые, стремятся вперед.

Отец пробурчал что-то про ангелов, любящих раздавать советы. Кажется, это было что-то не слишком лестное. Но дядя

только улыбнулся.

— Хочется тебе этого или нет, но придется уступить сыну, или будешь вечно держать его под своей опекой. Молодые должны совершать собственные ошибки. Когда-то мы с тобой тоже были уверены, что прогресс изменит людей к лучшему.

Интересно было бы послушать, что они там вдвоем планировали. Только вот все равно не скажут, как ни спрашивай. Ну и ладно.

— Дядя, — вернул я внимание к себе. — Ты ко мне пришел?

— Вообще-то да. Я принес тебе официальное приглашение от старейшин рая. Это по тому самому поводу, по которому мы с тобой говорили. Я выдвинул предложение.

Я почувствовал, как пересохло во рту. Предстать перед старейшинами? Перед теми, кто, по сути, определяет политику рая? Ужас! Однако если я хочу, чтобы мои мечты не остались мечтами, трусить не стоит. Я поспешно взял себя в руки, чтобы не показать волнения.

— Хорошо, дядя. Я принимаю их приглашение. Передайте им это.

Дядя растерянно крякнул. Озадаченно посмотрел на меня. Потом расхохотался.

— Ну надо же, он принимает приглашение! Эзергиль, ты далеко пойдешь.

— Я знаю, — без тени сомнения кивнул я.

Отец умудрился посмотреть на меня одновременно и возмущенно, и горделиво.

— Мой сын! — гордо заметил он. — Только что это у вас там за секреты?! Монтирий, о чем ты там договаривался со своими старейшинами?

— О, ничего такого. Просто по поводу практики Эзергиля. Не каждый черт ведь помогает людям. Вот тут и возникли некоторые сомнения и вопросы у них.

— Да? — недоверчиво поинтересовался папа. Видно было, что он ни капли не поверил брату. Но и придраться не мог — дядя, как ангел, не врал. Отец покосился на меня, но я сделал самое невинное выражение лица. Отец хмыкнул. Дядя же передал мне приглашение.

— Вот. Когда, говоришь, у тебя сдача практики?

Я посмотрел на висевший на стене календарь.

— Через два дня.

— Отлично. Значит, через неделю я за тобой заеду. Гоштер, я надеюсь, ты не будешь препятствовать ему?

Отец что-то буркнул себе под нос. Потом уже громко пояснил:

— Я совершенно доверяю своему сыну и знаю, что никаких глупостей он делать не будет.

Дядя хмыкнул. Похоже, по его разумению, я уже сделал глупость. Как ни странно, но я с ним был согласен. Умудрился же я влюбиться в ангела.

— А Альену тоже приглашают? — невинно поинтересовался я.

Дядю мой невинный вид ничуть не одурачил.

— А куда ж она денется? — весело заметил он. — Вдвоем кашу заварили, вдвоем вам ее и расхлебывать.

С этими словами Монтирий, на радость отцу, развернулся к выходу. Отец же демонстративно взял веник и принялся старательно заметать за дядей, словно тот наследил.

— Тебе помочь? — невинно поинтересовался дядя.

— Сам справлюсь, — буркнул отец. — Ты иди, иди.

Как только за дядей закрылась дверь, отец с отвращением отбросил веник в угол и повернулся ко мне.

— Ну, сын, что скажешь?!

— Мне надо отчет дописывать, — поспешно сказал я. — Сам слышал, что через два дня у меня сдача практики.

— Было б что сдавать, — вмешался мой брат, выходя из комнаты, куда спрятался, когда пришел дядя. — Какая тебе разница, напишешь отчет или нет? Все равно практику завалил.

— А ну цыц! — сердито вскричал отец, довольный, что нашлось на ком отыграться за свой не совсем удачный спор с братом. — Здоровенный обалдуй, а дела толкового нет!!! Вот чем ты занимаешься?! Можешь сообщить о своих великих успехах?! А на брата кидаешься!!!

Зорег поспешно отступил к себе в комнату. Я, воспользовавшись тем, что внимание отца было отвлечено, тоже смылся. В комнате я развернул приглашение и прочитал его. Через неделю меня приглашали на совет старейшин. Конечно, как черт я вполне мог проигнорировать как совет, так и старейшин. Однако я прекрасно понимал, что делать этого не следует. Но и пойти было страшно.

— Трудности существуют, чтобы их преодолевать, — буркнул я своему отражению в зеркале. — И никакой страх не заставит меня отступить. Иначе… иначе я не Эзергиль! Вот!

Я сунул приглашение к себе в стол и засел за отчет. Написать оставалось еще немного, но надо было торопиться. Хотя сдача практики и была назначена на послезавтра, но завтра утром отчет необходимо было отнести в школу, чтобы комиссия могла с ним ознакомиться.

Закончил я уже ближе к вечеру. Прочитав свой труд

последний раз, я аккуратно сложил листы в папку. Подписал и положил ее на стол. Теперь можно и баиньки. Ну что ж, Ксефон, отчет готов, а послезавтра… послезавтра для тебя наступит момент истины.

Глава 2

Наутро я встал пораньше и отправился в столовую. Все еще спали. Брату сегодня на работу было во вторую смену, а у родителей выходной. Не тревожа их, я немного перекусил. На ходу дожевывая бутерброд, прошел к себе и взял подготовленную папку. Вышел на улицу и взглянул на поднимающееся солнце. То еще только-только показалось над горизонтом. В этот час школа, понятно, была закрыта, но я пока туда и не собирался. Я специально сегодня встал именно во время восхода. Я всегда в это время выходил к реке, когда мне предстояло принять какое-нибудь важное решение, которое могло бы определить всю мою жизнь. Впрочем, раньше никаких таких решений мне принимать не приходилось. Они были важны, но… но не настолько, как теперешнее.

Пройдя по еще пустым улицам, я вышел к месту стоянки ступ и взял первую попавшуюся. Вот еще один анахронизм. Где сейчас на Земле можно раздобыть нормальную ступу? Фиг где найдешь. Вот и приходится пользоваться подержанными вещами. Беда с этими так называемыми волшебными вещами. На Земле не действуют, а у нас могут работать только при условии, если сделаны руками людей. Легко тем городам ада, которые работают на востоке. По крайней мере, ковров там полно, и из любого можно сварганить простенький ковер-самолет. А нам что делать? И кто это придумал — летать в ступе?

Я забрался в нее и потоптался, устраиваясь поудобнее. Ступа заскрипела. Я замер. Если она сейчас сломается… Впрочем, это будет лучше, чем если она рассыплется в воздухе. Качнув метлу, я заставил ступу взлететь. Вот блин, бабка-ежка. Мне только костяной ноги не хватает.

Однако сколько бы я ни ворчал, но как транспорт ступа была довольно удобным средством передвижения и относительно быстрым.

Долетев до реки, я оставил ступу в кустах, а сам вышел на берег, устроившись на крутом скате. Прилег, наблюдая за восходом. Подумать мне было о чем. Но шум живой природы вокруг действовал успокаивающе. Я и сам не заметил, как погрузился в подобие сна, когда все вокруг воспринимаешь, но сознание словно отключено. А вокруг пели птицы, занимаясь своими птичьими делами. Начало лета. Некоторые добывали корм для вылупившихся птенцов. Другие еще только строили гнезда. Вот рядом со мной опустилась галка. Склонив голову набок, она некоторое время изучала меня. Я сквозь

полуприкрытые веки наблюдал за ней. Наконец, решив, что я не опасен, она подлетела почти к моей руке и быстро начала что-то там ковырять клювом. Что она там делает, я не видел, а поднять голову не мог, поскольку боялся ее спугнуть. Закончив свои дела, галка улетела. Я сел, облокотившись руками о землю, и стал наблюдать за рекой.

Кто-то мог бы сказать, что я бесполезно трачу время, совершенно ничего не делая, и только сижу у реки. Но я бы с ним не согласился. И спорить не стал бы. Если он не понимает красоты окружающего его мира, вечно спеша куда-то и боясь даже на секунду остановиться, чтобы оглядеться вокруг, то он меня не поймет. Не поймет, какие бы я доводы ни приводил. А я именно любовался. Вдыхал полной грудью воздух и смотрел. Наблюдал за трудолюбивыми муравьями, за птицами, за плещущейся рыбой. Наблюдал и учился. Учился у окружающего мира, вбирая его в себя. Солнце уже давно поднялось, а я все сидел на берегу. Я бы еще долго так мог сидеть, но, взглянув на часы, со вздохом поднялся. От забот мира можно было убежать только на время, но мир неизменно напоминал о своем существовании. Отдохнувший и полный сил, я отправился в школу. Теперь я чувствовал в себе уверенность. И я был готов к любым решениям и любой борьбе. И пусть кто попробует выступить против меня, когда весь окружающий мир — мой союзник.

К школе я подошел пешком, оставив ступу на той стоянке, с которой брал. Как и ожидалось, у школы уже стоял Ксефон. Видно, тоже с восходом встал. Но не для того, чтобы полюбоваться им, а чтобы меня не пропустить. Что ж, каждому свое. Кому-то красота мира и сам мир в придачу, а кому-то вечная зависть и тоска от успехов других. А уж если кто другой оступится… Мелкая радость мелкого человека.

— Идешь? — поинтересовался Ксефон.

— Иду, — согласился я. — А ты все ждешь? Ксефон, ты, даже выигрывая, умудряешься проиграть. Своей подленькой радостью от неудачи других ты портишь жизнь самому себе. Не умеешь ты выигрывать. Не умеешь. Осталось посмотреть, умеешь ли ты проигрывать.

— Проигрыши пусть остаются таким слабакам, как ты, умник, — сердито отозвался Ксефон. — Только проигрывать ты и умеешь.

Я не счел нужным ему отвечать. Обойдя его, я скрылся за дверью школы. Ксефон заспешил за мной.

— Ксефон, ну что ты пристал к нему?!

Я обернулся. В коридоре, около доски с объявлениями стояли несколько моих одноклассников; очевидно, тоже что-то по

практике хотели узнать.

— Тебе обязательно надо поиздеваться над тем, у кого ты даже не выиграл, а кто позволил тебе выиграть?

Ксефон с ненавистью уставился на меня. Так-так-так! Теперь многое становится понятным. Оказывается, встреча во дворе с моими одноклассниками не прошла даром. Они и рассказали о якобы причине моего проигрыша. И теперь все уверены, что я проиграл именно потому, что не хотел выиграть у некоего ангела. Подобные слухи явно не могли радовать Ксефона, который мечтал именно о выигрыше у меня. Чистом и полном. А тут, оказывается, никто не считает его триумф триумфом. Все почему-то уверены, что он никак не смог бы выиграть у меня, если бы я не поддался. Вот он и бесится. Вот и старается при всяком удобном случае показать мне, какой он ловкий и как здорово он расправился со мной. Я поздоровался с приятелями, а потом резко затормозил и развернулся к спешащему за мной Ксефону. Тот едва не налетел на выставленную мной руку.

— Ксефон, теперь, когда все между нами ясно, ты можешь мне объяснить, какого лешего ты таскался за мной на Земле и всячески старался мне помешать?

Ксефон растерялся. Одноклассники же с интересом смотрели на него. Кажется, им раньше не приходил в голову подобный вопрос, и теперь они жаждали услышать ответ. Ксефон тоже понял, что просто так ему тут не отвертеться. Действительно, зачем ученик класса мотается повсюду за другим учеником и всячески пытается ему помешать сдать летнюю практику? У него что, других дел нет?

— Какая тебе разница?! — огрызнулся Ксефон.

— Нет-нет! — выступил вперед Рохгул — признанный силач класса. Он аккуратно водрузил свою руку на плечо Ксефона, отчего тот слегка присел. — Эзергиль правильный вопрос задал. Зачем ты шатался за ним и мешал ему? Я тоже хочу это понять! — Рохгул улыбнулся. — А вдруг ты и за мной бегать собрался и мне мешать.

Ксефона даже затрясло от такого предположения. Пусть Рохгул был не слишком сообразительным, но если бы он только заподозрил, что кто-то пытается помешать ему сдать практику… Ох и не позавидовал бы я такому придурку. Так что неудивительно, что Ксефон слегка струхнул.

— Я… я не… да никогда! Ты же мой друг!

— Я твой друг?! — удивился Рохгул. — Да я скорее ядовитую змею в друзья возьму.

А все-таки Рохгул — умный малый.

Я махнул рукой одноклассникам и зашагал по коридору.

Пока Рохгул занимается с Ксефоном, я могу вполне успеть сдать свой отчет.

Извещенная директором школы о том, что двое учеников закончили прохождение летней практики, комиссия собралась в одной из комнат, куда и пригласил меня директор. Здесь же стоял и Викентий, который наградил меня вполне доброжелательным взглядом. Что это с ним? А-а! Наверняка считает, что его протеже победил. И, судя по жалостливым выражениям некоторых членов комиссии, он уже успел об этом рассказать им. Не успел я войти, как в дальнем конце коридора показался запыхавшийся Ксефон. Очевидно, сумел вырваться. Подбежав, он торопливо поздоровался.

— Опаздываете, господин Ксефон, — сделал ему замечание директор. Викентий сочувственно покачал головой. Мол, понимаю, что проиграл спор, так что теперь на нем, несчастном ребенке, зло срывать? Видно, эту фразу Викентий не только подумал, но и сказал директору. Тот наградил преподавателя довольно мрачным взглядом, но смолчал. Похоже, у него тоже накопился свой счет к этому надутому павлину. Нехорошо, конечно, так отзываться о преподавателе, но что делать, если это правда?

В комнату мы с Ксефоном зашли почти одновременно. Директор молча указал на открытую площадку перед кафедрой, за которой собрались все члены комиссии — шестеро чертей. Викентий, как куратор Ксефона, встал рядом с ним. Директор школы пристроился около меня.

— Господин председатель, — шагнул вперед Викентий, опережая директора. Нет, я, конечно, понимаю, что ему не терпится похвастаться победой, но зачем же лезть вперед того, кто старше и по возрасту, и по должности? Элементарную вежливость он мог бы соблюсти?

Директор наградил Викентия испепеляющим взглядом, но смолчал.

— Я, Викентий, руководитель летней практики, представляю вам моего ученика Ксефона, — продолжил тем временем Викентий.

Ксефон важно вступил вперед и поклонился.

— Я горд честью, оказанной мне. И я готов и дальше служить на благо ада так же, как служил до этого дня.

Бедный ад.

— Господин председатель, — вышел вперед директор школы. — Представляю вам одного из лучших и достойнейших учеников нашей школы — Эзергиля. Не будет преувеличением сказать, что его ожидает прекрасное будущее. И я очень

удивлюсь, если однажды его имя не прогремит по всему аду и раю.

И даже быстрее, чем он думает. Стоит только моему дяде обнародовать решение правительств ада и рая. Тем не менее похвала мне была чрезвычайно приятна. Я даже покраснел от смущения, чего со мной отродясь не случалось.

— Думаю, прочитав его отчет, вы оцените таланты этого юного дарования и не будете судить его слишком строго. Одно могу сказать, я, как директор этой школы, очень рад, что именно здесь учится этот черт.

Закончив, директор отступил, предоставив слово мне. Я слегка помялся, но быстро взял себя в руки.

— Господин председатель. — Я выполнил полупоклон. — Господин Морсифий, директор нашей школы, говорил тут много лестного про меня… Единственное, что я могу обещать, так это постараться оправдать оказанное им доверие.

Я отступил назад. Странно, но моя речь, похоже, понравилась комиссии. Только двое взирали на меня без всякого сочувствия. Один из этих двоих поднялся.

— Это все, конечно, хорошо, но настоящий черт должен побеждать. Любые оправдания потом не изменят положения. Практика этих двоих учеников несколько необычна. Она подразумевает, что победитель из них может быть только один. В связи с этим нами было принято решение объединить два слушания в одно. — Оратор посмотрел на седого старца, восседающего в центре стола. Тот, в ответ на этот вопросительный взгляд, согласно кивнул. — Оно состоится, — продолжил оратор, — завтра в двенадцать часов дня. До этого времени комиссия ознакомится с отчетами практикантов. Завтра будет объявлен результат. Кураторам просьба передать комиссии отчеты учеников.

Викентий торопливо выхватил папку из рук Ксефона и подскочил к седому старцу. Слегка склонился, протягивая ее ему.

— Прошу вас, господин председатель.

Председатель поднял взор на Викентия. Я поежился.

До этого момента я совершенно не воспринимал его всерьез, но этот взгляд… Пылающий и пронзающий насквозь. Не хотел бы я заполучить такого врага.

— Благодарю вас, господин Викентий, — без всяких эмоций отозвался председатель. — Я внимательно ознакомлюсь с отчетом вашего протеже. — Однако председатель даже не протянул руки, чтобы взять папку. Викентий вынужден был положить ее на стол перед сидящим старцем. Но и тогда тот не удостоил ее взглядом.

Морсифий же не торопился. Он аккуратно принял у меня из

рук отчет. Положил его перед собой и что-то зашептал. Потом слегка подкинул его. Хлоп, и ему на ладонь приземлились две совершенно одинаковые папки. Еще бросок, и папок стало четыре. Отложив две папки в сторону, он еще раз подкинул оставшиеся. После этого совершенно спокойно собрал все папки в кучу и подошел к столу.

— Господин председатель, прошу прощения за это небольшое нарушение правил, но я подумал, что лучше каждому члену комиссии иметь собственный экземпляр отчета, чтобы ознакомиться с ним спокойно. Поверьте, он этого стоит. Именно поэтому я позволил себе воспользоваться услугами копирщиков.

Директор школы разжал кулак и продемонстрировал на ладони целую колонию существ, чем-то отдаленно напоминающих муравьев. Я без труда узнал в них копирщиков — довольно полезных существ, способных скопировать все что угодно. Причем копия будет настолько точной, что никакая экспертиза не покажет отличий.

Председатель с некоторым интересом посмотрел на Морсифия.

— С этим отчетом я тоже внимательно ознакомлюсь, — кивнул он. Директор же школы обошел всех, раздавая копии моего отчета. Один из членов комиссии, тот самый, что говорил, несколько раздраженно покачал на руке папку и кинул ее на стол.

— Господин Морсифий, как я уже говорил, я вовсе не желаю читать оправдания вашего дорогого ученика и гордости школы. Если ваша гордость школы не может справиться с простым заданием, то я могу только посочувствовать вашей школе. А господин Викентий вкратце ознакомил меня с делом. Уверяю вас, мне этого достаточно, чтобы вынести решение.

— Вот как? — поинтересовался директор, о чем-то размышляя. Искоса он посмотрел на председателя комиссии. Тот сохранял полнейшую невозмутимость. — Все же, я полагаю, вам стоит ознакомиться с этим отчетом.

— И не подумаю. — Похоже, этот черт пошел на принцип. Нет ничего хуже таких вот принципиальных личностей, которые слушают только себя.

Морсифий поднял брошенную папку.

— Как скажете, — совершенно спокойно отозвался он. — Со своей стороны прошу зафиксировать, что многоуважаемый Кордул сам лично отказался читать отчет моего подопечного. Это должно быть включено в протокол.

Кордул махнул рукой.

— Делайте что хотите. — Он развернулся и направился к выходу. Председатель проводил его взглядом. Дождался, когда за

ним закроется дверь.

— Кордул всегда отличался некоторой поспешностью в суждениях, — заметил он, словно ни к кому не обращаясь. — Выводы же лучше делать, ознакомившись со всем предлагаемым материалом.

Эти слова словно послужили сигналом. Все остальные члены комиссии поспешно разобрали предложенные им копии. Председатель повернулся ко мне и несколько секунд пристально изучал меня. Я себя почувствовал словно под рентгеновской установкой.

— А ты что скажешь?

— С вашего позволения, я лучше промолчу, — отозвался я после секундного раздумья. — Я буду говорить завтра. На комиссии.

Председатель кивнул.

— Похоже, тебе есть что сказать. Что ж, я обещаю, что очень внимательно ознакомлюсь с твоим отчетом.

Ксефон выскочил вперед, словно хотел что-то сказать, но осекся под взглядом председателя.

— С твоим отчетом я тоже ознакомлюсь очень внимательно. Итак, господа. — Председатель встал. — Заседание комиссии на сегодня закончено. Ксефон и Эзергиль, вам необходимо прибыть завтра в двенадцать часов дня для собеседования. Тогда же будет вынесено окончательное решение по вашей практике. До свидания всем.

Я поспешно поклонился. Вся комиссия в полном составе покинула кабинет следом за председателем.

— Завтра я тебе все припомню, — прошипел мне в самое ухо Ксефон. Я промолчал.

Директор дождался, когда Ксефон и Викентий покинут кабинет, и повернулся ко мне.

— Ну что скажешь?

— Скажу, что завтра Ксефону завидовать не буду. Он меня сильно достал.

— Месть, — кивнул директор. — Что ж, не самое плохое чертовское чувство. В конце концов, можно ведь сказать, что мы занимаемся местью. Мстим тем, кого оказались неспособны покарать сами люди.

— Я бы так не сказал. Не месть, а суд.

Директор пристально посмотрел на меня.

— Что ж, вот теперь я верю, что ты достоин той миссии, которую предлагает тебе твой дядя. Да-да, не делай таких круглых глаз. Твой дядя приходил ко мне. Мы с ним почти всю ночь обсуждали тебя. Не скажу, что доволен тем, что предлагает

этот ангел, но… Эзергиль, я почти четыреста лет преподавал в школе. Через меня прошло столько ребят. И мне хватает ума понять, что мир должен меняться. И менять его должны только вы. Я сначала боялся, что ты забудешь об истинном предназначении чертей и слишком попадешь под влияние ангела. Забудешь, что у всякой монеты должна быть оборотная сторона. Именно эту оборотную сторону и представляет собой ад. К счастью, ты, похоже, все понимаешь и сам.

— Вы… вы не будете возражать?

— Я? Допустим, буду, и что? Ты отступишь?

— Нет, — покачал я головой. — Мне уже просто интересно стало. Это как вызов. Совместные действия ангела и черта… да это перевернет все вверх дном! Да чтоб я упустил такую возможность?!

— Конечно, — с улыбкой заметил Морсифий, — некий ангел в твоем решении совершенно ни при чем.

— Совершенно, — отозвался я.

— Значит, ни при чем? — раздался такой знакомый голос от двери. — Вот значит как.

Я резко обернулся.

— Альена! Ты что здесь делаешь?

— Я ее пригласил, — ответил вместо нее директор. — Я хотел поговорить с тем ангелом, что сумел так повлиять на тебя. Беседа была познавательной. Ладно, ребята, идите. Не буду больше вас задерживать. Эзергиль, на твоем месте я бы показал гостье город.

— Всенепременно, господин директор. Обязательно. Спасибо вам. — Я ухватил Альену за руку и поволок за собой. Та только пискнуть успела. Однако в коридоре сумела вырвать руку и чувствительно ткнула меня кулаком в бок. Узнаю кроткий и терпеливый характер этого ангелочка.

— Вовсе не обязательно тащить меня за руку! — прошипела она. — Я и сама неплохо умею ходить.

— Прости, — без всякого раскаяния отозвался я. — Просто здесь есть личности, с которыми я совсем не хочу встречаться.

— Кто это у нас тут? — поинтересовался чей-то ехидный голос. — Никак тот самый ангел?

Я прикрыл глаза и медленно развернулся.

— Ксефон, что ты еще тут делаешь? Я думал, ты уже домой ушел готовиться к завтрашнему празднику.

— Успеется, — отозвался Ксефон, обходя Альену со всех сторон и рассматривая словно какую диковинку. Ох, зря он с огнем играет. — Кто тут у нас? Никак ангел пожаловал? Интересно-интересно. И что же вы в аду делаете, уважаемая? Тут ведь ваши штучки не действуют! Здесь мы с вами на равных.

Похоже, Ксефон не простил ей прошлой встречи на Земле.

— Ксефон, на твоем месте я бы… — начал было я.

— Заткнись, придурок! И вообще, ты теперь младший! Завтра все утрясется и пойдешь ты снова в сорок девятый класс.

Я заткнулся. В конце концов, я честно хотел его предупредить. Альена же терпеливо сносила насмешки Ксефона. Но когда тот протянул руку, чтобы дернуть ее за волосы, она молниеносно извернулась, перехватила кисть Ксефона и вывернула ее. Ксефон заорал. Альена же, ничуть не смущаясь воплями, продолжала выкручивать ему руку. Под конец, повернув его спиной к себе, она резко отпустила его и дала напоследок пинка под зад. Ксефон кубарем полетел по коридору прямо под ноги одноклассникам. Рохгул восхищенно взирал на Альену. Остальные смеялись над разозленным Ксефоном.

— Я хотел тебя предупредить, что она брала уроки по самообороне, — отозвался я.

— Ангел? — удивился кто-то.

Альена с вызовом оглядела всех.

— Да, ангел. У кого есть возражения?

Все благоразумно промолчали. Только Рохгул покачал головой.

— Ангел или нет, — восхищенно протянул он, — но вот тебе моя рука. Если только кто будет тебя здесь обижать, скажи мне.

Альена озадаченно пожала протянутую руку.

— Я и сама, в общем-то, сумею постоять за себя.

— Хо, конечно. А ты, малявка, — повернулся Рохгул к Ксефону, — не вякай. Оставь этого ангела в покое. Понял?

Ксефон, ругаясь на всю школу, поспешил уйти, напоследок пообещав завтра мне устроить.

— Ты ему еще не сказал? — удивилась Альена.

Я пожал плечами.

— Зачем? Пусть пока порадуется.

Альена посмотрела вслед ругающемуся Ксефону и кивнула.

— Ага. Пусть порадуется.

Тут Рохгул хлопнул меня по плечу. Я резко присел.

— Теперь я понимаю, почему ты решил проиграть Ксефону. Ради нее я бы тоже проиграл.

Я потер плечо и поморщился. Отвечать на это замечание я благоразумно не стал.

Альена дождалась, когда все разойдутся, и удивленно посмотрела на меня.

— Что он имел в виду?

— Да так. Рохгул, — ответил я, словно это все объясняло. Потом сообразил, что Альена ничего не понимает, пояснил: — Он

у нас признанный силач в классе. И уважает только силу. После того, что ты устроила тут Ксефону, он тебя зауважал. И сильно. Ему только покажи, что умеешь постоять за себя, и ты навеки его друг.

— Да? И как же ты прошел это испытание? Мне показалось, что ты терпеть не можешь драк.

— Не могу. Но иногда приходится драться. Бр-р-р, и что некоторые в драках находят? Никакой эстетики. В случае же с Рохгулом… просто мне некоторое время пришлось ему доказывать, что защищаться можно не только с помощью кулаков. Иногда неплохо и голову на плечах иметь. Когда до него это дошло, он меня тоже зауважал. В общем, он признает мои скромные таланты.

— Скромные?

— Конечно, — скромно отозвался я, хотя тон, каким я сделал это заявление, говорил о чем угодно, но только не о скромности.

Альена искоса бросила на меня взгляд и хмыкнула.

— Эзергиль, мой тебе совет, не пытайся казаться скромным. Это у тебя плохо получается.

— Да фиг с ней, со скромностью. В конце концов, если ты сам себя не похвалишь, то…

— …то я тебя похвалю. Пойдем отсюда. Мне надоело торчать около этого мрачного здания, по ошибке именуемого школой.

Мрачное здание? Я оглянулся. Вроде обычное строение. Она просто не видела по-настоящему мрачных зданий, над входом в которые можно вполне повесить сакраментальное: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Надо бы показать ей парочку, чтоб у нее было представление о по-настоящему мрачных зданиях.

Мы с ней вышли из школы. И только на улице я обратил внимание, что одета она так, как в свое время посоветовала ей Ненашева Зоя. Синяя юбка до колен, белая кофта-безрукавка. В прошлый раз вся одежда казалась сотворенной поспешно, и дело было даже не в том, что она была иллюзией. Просто Альена тогда смутно представляла, что она хотела, и, видно, не совсем поняла объяснения. Сейчас же… сейчас вся одежда сидела на ней как будто сшитая на заказ. И даже волосы не просто падали ей на плечи, а были словно взбиты, отчего они казались какими-то воздушными. И, похоже, каждый волосок в прическе занял строго отведенное ему место.

Я замер и ошарашенно уставился на нее. Альена сначала не поняла причину моего шокового состояния. Потом покраснела и потупилась. Слегка повернулась, давая мне возможность разглядеть себя со всех сторон.

— Ну ты даешь! — восхищенно протянул я.

— Это все Зоечка, — пояснила мне Альена. — Я с ней часто потом встречалась. Рассказывала ей про сына. Мы подружились. Она и помогла мне подобрать все. Эзергиль, она прирожденный творец красоты! Знаешь, — задумалась вдруг Альена, — если ее душа станет Творцом, то я очень хотела бы пожить в ее мире. Он не может не быть прекрасным.

Я только головой покачал.

— Ты все-таки даже не представляешь, насколько сейчас прекрасна!

— Только сейчас? — лукаво поинтересовалась она.

Тьфу, вот женщины! Ну что еще ей надо? Чтобы я постоянно твердил о ее красоте?

— Только сейчас, — подтвердил я. — Потому что если мы задержимся здесь еще немного, то я потащу тебя силой, и тогда вся твоя прическа растреплется.

— Грубиян, — фыркнула Альена, впрочем, не очень сердито. Похоже, уже привыкла к моим шуточкам. — Ладно, пойдем. Только куда?

— О, не переживай. Найдем куда. Обещаю, что покажу тебе все круги ада.

— Звучит обнадеживающе, — рассмеялась Альена.

По городу мы таскались часов до четырех. Я даже показал ей министерство наказаний, где я проходил практику. Альена долго изучала строение, потом повернулась ко мне.

— Бедняга, — посочувствовала она. — Я бы ни за что не вошла в такое здание. Просто перетрусила бы. Оно похоже на мрачный старинный замок, покрытый плесенью.

— Угу, — согласился я с ней. Потом вспомнил о Ненашевой и добавил: — И даже привидения там встречаются.

Потом мы с ней наперегонки летали на ступах. Под конец гонок моя ступа, совершенно не предназначенная для резких маневров, опрокинулась и я рухнул в озеро. Альена, весело хохоча, спустилась ко мне и протянула помело. Так на буксире я и добрался до берега. Выбрался и, ругая на все корки дурацкую ступу, которая сейчас без толку парила над центром озера, стал выжимать свою одежду. Альена же, не прекращая смеяться, слетала за моей ступой и привезла ее обратно.

— Ну и странный у вас тут транспорт, — заметила она, приземляясь рядом со мной. — У нас никто таким анахронизмом не пользуется.

— Ну еще бы, — буркнул я. — Имей я крылья, разве сел бы в подобную деревяшку? Беда в том, что у нас тут с транспортом того, плоховато. Ад большой, а перемещаться по нему приходится сама видишь как. Ладно чертям с особым допуском, щелкнул

хвостом — и ты в любом месте ада, в каком пожелаешь. А простым чертям что делать? Которые не слишком умеют перемещаться? А таких ведь много. Вот и приходится приспосабливать то, что осталось от прошлых эпох.

— Проблемы тут у вас, — хмыкнула Альена.

— И не говори. — Я старательно стряхнул свою рубашку и натянул ее через голову. — Бр-р-р.

— Эзергиль, тебе лучше сейчас переодеться. Так и простыть можно.

— Скажи людям, что в аду можно простыть, так засмеют, — буркнул я.

— Ты же не человек. И как хочешь, но я никуда больше с тобой не пойду, если ты не переоденешься.

Я вздохнул. В мокрой одежде гулять — удовольствие ниже среднего.

— Ладно. Поехали тогда ко мне. Я тебя с родителями познакомлю.

Альена вдруг замерла.

— Э-э, а может, я тебя здесь подожду? Ты по-быстрому слетаешь и переоденешься.

— Ад — не место для прогулок несовершеннолетнего ангела, — наставительно заметил я. — И потом, ты что, боишься?

Альена помялась, потом нерешительно кивнула.

— Как твои родители отнесутся к ангелу?

— Нормально. Они уже привыкли. Помнишь, кто мой дядя?

Альена еще некоторое время поупиралась, но в конце концов я ее уломал. Так что к моему дому мы подошли вместе. Я повернулся к двери спиной и забарабанил в нее ногой.

— Молодой господин, зачем так стучать? Я еще не оглох.

— Я тоже рад тебя слышать, Нафаня. Познакомься, это мой друг Альена. Ангел. Мы с ней вместе проходили практику.

Прямо перед нами неожиданно материализовалось что-то пушистое. В этом мячике образовались два огромных глаза.

— О-о, для меня большая честь познакомиться с юной госпожой, — пробормотал домовой. Я озадаченно взирал на него. Никогда до этого он не показывался гостям. Даже я его за всю жизнь видел от силы раза два. Нафаня был из старых домовых, которые твердо уверены, что домовой никогда не должен показываться гостям. И даже хозяева должны видеть его как можно реже. Хороший домовой — тот, кто делает свою работу, а его не видно и не слышно, считал он. И чтобы он показался гостю! Все, конец света наступает. На всякий случай я даже выглянул на улицу. Да нет, солнце по-прежнему светит.

Нафаня же подал Альене тапочки. Девочка вежливо

поблагодарила его.

— Да что вы, — смутился тот, — это моя работа.

— Какой вежливый у вас домовой, — заметила Альена мне.

— Да, я тоже удивлен, — растерянно отозвался я.

— Нафаня!!! — раздался знакомый рев моего старшего братца. А этот-то что здесь делает? Ему же на работе положено быть. — Кто там?!

— Ваш брат Эзергиль, господин, и его гостья, — ответил домовой.

— А-а. Уже приперся. Постой, ты сказал гостья?

— Ну и что? — раздался голос матери. — Зорег, что с тобой случилось? И не вздумай наезжать на брата! Я тебя последний раз предупреждаю! Эзергиль, что ты гостью у порога держишь?

Мать, вытирая руки о передник, вышла в коридор и замерла.

— Ангел, — выдохнула она. — О-о.

— Мама, — поспешно вмешался я. — Познакомься, это Альена. Мы с ней вместе проходили практику. Она мне помогла. И даже однажды спасла.

— Спасла? — Мама озадаченно уставилась на меня.

Я секунду боролся с разными желаниями. С одной стороны, хотелось, чтобы мама хотя бы приняла Альену, с другой стороны, не хотелось ее пугать своими историями. Я выбрал средний вариант.

— Ну там на Земле один тип был… в общем, он плеснул в меня святой водой. Альена же встала на пути этой воды. В общем, так, мелочи.

— Ох! Я всегда говорила, что эти люди — жестокие, подлые, без грамма совести и чести существа! Обидеть ребенка! Девочка, что ж ты стоишь-то? Проходи давай. Я как раз сейчас суп сварила. Давай налью тарелочку. Ручаюсь, что такого ты у себя там в раю не ела.

Альена попыталась было отказаться, но куда там. Если мама решила кого-то накормить, то она сделает это. Тем более, как я прекрасно знал, Альена с утра ничего не ела. Как и я, впрочем.

Мама повела девочку в столовую, и тут в двери показался отец в своей замызганной майке и рваных тренировочных штанах. Разглядев гостью, он охнул и поспешно захлопнул дверь. Альена обернулась на шум, но ничего разглядеть не успела. Она растерянно посмотрела на меня.

— Все в порядке, — успокоил я ее. — Это папа. Видно… споткнулся, — пришлось сочинять на ходу.

Мама быстро накрыла стол, поставив перед Альеной тарелку. Потом внесла большую супницу с половником, водрузив ее в центр стола.

— Эзергиль! — Мама обвиняюще посмотрела на меня. — Где твои манеры? Почему не ухаживаешь за гостьей?

Я смутился и поспешно поднялся. Взял у Альены тарелку и налил в нее суп.

— А вот и мы. — В комнату, неся нарезанный хлеб, вошел отец. Мама замерла, открыв рот. Отец был не то чтобы в костюме, но смотрелся он великолепно. В любом случае по сравнению с его обычным нарядом это был вечерний костюм.

Я взглянул на маму. Та попеременно смотрела то на отца, то на Альену. Я мысленно усмехнулся. Все, теперь у Альены в нашем доме не будет друга надежней, чем мама. Сколько раз она воевала с отцом, чтобы он прекратил появляться за столом в своей майке и спортивных штанах. Сколько раз требовала не сморкаться за столом и не вытирать руки о майку. В ее представлении тот, кто смог заставить моего отца отказаться от его дурных манер, был, по меньшей мере, сказочным героем. А отец вдруг, подойдя к Альене, заговорил на чистейшем французском языке.

— Мадемуазель, позвольте представиться. Гоштер. Черт Гоштер к вашим услугам. Я отец этого вот бездельника, что сейчас ухаживает за вами. Для меня большая честь принимать вас в своем доме. Позвольте выразить вам свое восхищение. Вы великолепны.

Я замер. Вот что имел в виду отец, когда говорил, что тот вечер, когда ко мне в гости придет ангел, мы все запомним надолго. Действительно, подобное не забудется. Но вот интересно, какие людские языки знает Альена? Но та без запинки ответила на таком же чистейшем французском языке:

— Благодарю вас, месье. Для меня тоже большая честь быть у вас в гостях. Ваш сын умеет производить впечатление.

— Только это он и умеет, — добродушно буркнул отец. — Но я рад, что ему удалось произвести впечатление на такую красавицу. Однако, зная своего сына, думаю, что его прельстила в вас не только красота.

Альена окончательно смутилась. А отец, радостно улыбнувшись, сел за стол.

— Эх, молодость, — протянул он уже на нормальном межмировом языке. — Как я тогда блистал при дворе Людовика XIV! Вот это были времена! Какие дамы!

— Гоша, тут дети! — возмутилась мама.

— А я что? Я ничего. Уж в разговоре с детьми нельзя и дам упомянуть? Ну ладно. Зорег, ты где там?! Луси, тебя долго ждать?

Через минуту в комнату вместе вошли мой старший брат и любимая сестренка. Она, ничуть не смущаясь, подошла к Альене

и оглядела ее с ног до головы.

— А ты красивая, — сделала она вывод. — Я, когда вырасту, тоже красивой буду.

— Обязательно, — улыбнулась Альена.

— Меня зовут Луси. — Сестренка протянула руку. — Рада с тобой познакомиться. Правда, папа говорит, что все ангелы коварные и злые. Они только и норовят увести чертей с пути истинного. Ты ведь не такая?

Отец закашлялся, стараясь подавить смех. Альена тоже улыбнулась.

— Честно не такая. Твой папа, наверное, имел в виду других ангелов.

— Наверное. Ты совсем не похожа на коварную и злую.

— Спасибо.

Я уткнулся носом в стол, изо всех сил стараясь подавить рвущийся наружу смех. Сестрица углядела мое состояние.

— И ты, в отличие от брата, воспитанная. Ты не смеешься надо мной, когда я, с точки зрения взрослых, говорю глупости.

Альена потрепала ее по голове и взглянула на меня.

— Пусть смеются. Но мы же с тобой знаем, что все мужчины на самом деле немного глупы и не понимают простых вещей.

— Золотые слова! — вмешалась моя мама, обращаясь к отцу. — Слышишь, Гоштер?

— Конечно, дорогая. — Отец был серьезен, но глаза его смеялись.

Альена посмотрела на Зорега. Он единственный, кто не принимал участия в общем веселье. Вот и сейчас он выглядел чересчур мрачным.

— Зорег, — коротко бросил он.

Альена озадаченно посмотрела на меня. Я махнул рукой.

— Не обращай внимания. Он всегда такой.

— Заткнись, малявка, — буркнул братик.

— Он, вообще-то, очень вежливый, добрый и умный, — пояснил я Альене. — Просто не умеет этого показать.

Альена не удержалась и прыснула. Отец нахмурился в мою сторону. А вот Зорег чуть ли не бросился с кулаками. Но взгляд матери заставил его замереть на месте. Он только буркнул какое-то обещание.

— Я, в отличие от тебя, не заваливал ни одну практику, — отрезал он, успокаиваясь. — Тем более из-за какого-то ангела.

— Но ведь ваш брат и не завалил практику, — отозвалась Альена, от удивления откладывая ложку. Она даже посмотрела на меня. Похоже, она не думала, что я могу что-то скрыть от своей семьи. — И при чем тут какой-то ангел? Мы с вашим братом

просто действовали вместе. У нас была общая цель.

— Общая цель у ангела и черта? Не рассказывайте мне сказку.

— Да, Аль, не рассказывай ему сказок. Он уже давно вырос из этого возраста. Он сказки у нас больше не слушает.

— А я люблю слушать сказки, — вмешалась Луси, чем и сняла напряжение. За весь обед брат больше не произнес ни слова. Потом я увел Альену к себе в комнату.

Альена осторожно переступила через валявшийся на полу чемодан и едва не наступила на мою экспериментальную модель ветряка. Я поспешно засунул его под кровать. С той стороны тут же вылез другой мусор. Я раздраженно обошел кровать и запихал его обратно. Вылез ветряк.

Альена захихикала.

— Не обращай внимания, я сейчас, — буркнул я. — Я тут просто новую ловушку разрабатывал.

— Она на кого-то уже сработала? — ехидно поинтересовалась Альена, оглядывая разбросанные вещи.

Я махнул рукой.

— Ладно, надоело. Сейчас. — Я закрыл глаза. Сосредоточился и щелкнул пальцем. — А ну на место все! Живо!

Вещи моментально закружились, поднялись в воздух. Кровать мгновенно заправилась. Все остальное кинулось к строго отведенным им местам. Я даже рот открыл от удивления. Раньше у меня не получалось. Ну одну-две вещицы убрать да, но чтобы всю комнату!.. Да еще так идеально.

Альена тоже была поражена.

— Эзергиль, я все больше и больше удивляюсь твоим талантам. Если ты подобное умеешь, то почему же не убирал?

— Да, — небрежно махнул я рукой. — Лень как-то все. Ты же знаешь, какие мы, гении, рассеянные. Вечно все забываем.

Альена расхохоталась. Она даже на кровать рухнула от смеха.

— Эзергиль, ты неподражаем!

— Да, в общем-то я догадывался об этом.

Пока девочка хохотала, я осторожно отступил в угол комнаты и прошептал уголком губ:

— Спасибо за помощь, Нафаня. Я не забуду.

— Не за что, молодой господин, — усмехнулся домовой. — Не в моих правилах бросать хозяев в беде. Рад был помочь.

Альена задержалась у нас еще около часа, в течение которого я ей показывал свои придуманные ловушки. Также показывал, какие книги у меня есть. Рассказывал забавные истории из жизни нашего класса. И я как раз переходил к последней драке с Ксефоном, как она поднялась.

— Эзергиль, с тобой весело, но мне пора Я уже и так задержалась дольше, чем рассчитывала. Мои с ума сойдут.

— Так давай позвоним…

— Эзергиль, не выдумывай. Не забывай, что тебе завтра держать ответ перед комиссией.

— Тогда до завтра?

Альена рассеянно кивнула, но тут же встрепенулась.

— Эй, что значит — до завтра? Я не говорила, что приеду завтра.

— Но ведь ты не оставишь меня в трудный час сдачи практики?

Девочка изучающе посмотрела на меня.

— Чего-то ты темнишь, Эзергиль. Ну-ка выкладывай.

Я вздохнул. Ну ничего не утаишь. Уж слишком хорошо она меня изучила.

— Просто я подумал, что нам лучше быть вместе, если ты не передумала принять предложение дяди. Пусть привыкают. И лучше всего начать именно с комиссии.

— Ты сумасшедший! — ужаснулась Альена. — Я… я полагала, что господин Монтирий позже предложит создать объединенный отряд.

— Дядя, возможно, объявит об этом позже. Но у нас и своя голова есть. Или ты собираешься плестись на поводу у кого-то? Нет, нам лучше взять дело в свои руки.

— Э-э… Эзергиль, ты уверен, что это хорошая идея?

— Не уверен. Но ведь пока мы не попробуем, не узнаем, хороша она или плоха. В любом случае я вовсе не хочу, чтобы мной кто-то руководил. Даже если этот руководитель — мой дядя. Я собираюсь добиваться всего своими силами.

— Ты, как всегда, самонадеян.

— Я вовсе не собираюсь отказываться от помощи дяди. Но и не собираюсь полагаться на его помощь целиком. Так ты со мной или как? Альена, нам ведь в будущем, если все выгорит, часто придется принимать важные решения быстро. И тогда уже не на кого будет положиться. Не от кого ждать помощи. Если ты не готова принимать решения, то нам лучше отказаться от всего. Я позвоню дяде…

— Стой. Не гони. Я не говорила, что хочу отказаться. Я говорила, что мне это не нравится. Но в одном ты прав: не попробуешь — не узнаешь, насколько твоя идея сумасшедшая.

— Точно.

— Тогда я приду. Обязательно. Надо только родителей уговорить. Они и в этот раз не хотели отпускать меня одну. Спасибо, твой дядя помог их убедить. Но, думаю, с этим я

справлюсь.

Мы с ней вышли из комнаты.

— Уже уходишь? — спросила вышедшая в коридор мама.

— Да, благодарю вас за гостеприимство. Мне пора домой.

— Эзергиль, надеюсь, ты проводишь девочку? — строго поинтересовался у меня отец.

— Конечно, папа. Ты же видишь, что я тоже собираюсь.

— Но я думаю, что и одна дойду…

— Ни слова, юная леди. Эзергиля ничуть не затруднит вас проводить. Эх, куда ты делась, моя молодость. Сейчас бы мне шпагу, мою шляпу с пером… Эх, видели бы вы, как я блистал на балах… Эзергиль, я бы тогда точно постарался отбить твою даму.

— Не вышло бы, папа, — отозвался я, не поднимая головы, целиком поглощенный завязыванием шнурков. — Я бы вызвал тебя тогда на дуэль и проткнул бы своей шпагой.

— Во! Видели, юная леди? И это родной сын. Никакого почтения к старикам.

Альена улыбалась. Как и отец. Я же поднялся и вежливо раскрыл перед девочкой входную дверь. Альена, попрощавшись со всеми, вышла.

Глава 3

На следующее утро я проснулся довольно поздно. Даже сам удивился. Обычно я рано встаю, а тут… Но ладно. Не опоздал и хорошо. Родителей дома не было. Как и брата с сестрой. Сестру родители с утра отвезли в детский сад, а брат на работе. Так что сейчас можно не ожидать никаких неприятностей.

На кухне, накрытая полотенцем, стояла чашка с завтраком и стакан сока. По какой-то причине мама считала, что мне не хватает витаминов, и усиленно меня этими самыми витаминами снабжала. Бр-р-р. Ладно бы сок был какой приличный, а то клюквенный. Вот кислятина-то. Внимательно оглядевшись и убедившись, что мама не оставила нигде ничего подслушивающего или подсматривающего, я аккуратно слил сок в раковину. А вот от перловой каши отказываться не стал. Потом глянул на часы. Без пятнадцати одиннадцать. Думаю, стоит начать собираться.

Я прошел к себе в комнату и открыл шкаф. Тэкс, что тут у нас? Свитер. Это летом-то? Что он здесь делает? Надо бы убрать. В сторону его. Ага, вот то, что нужно — костюм-тройка. Пожалуй, да. То, что надо. Главное ведь что? Первоначальное впечатление.

Я по-быстрому переоделся и заглянул в зеркало. Класс!!! Темно-синий галстук, светло-серая рубашка и темный костюм. Сногсшибательно. Теперь прическа. Я старательно зачесал волосы, соорудив около лба что-то типа челки. Старательно побрызгал лаком для волос, чтобы прическа не растрепалась. Пожалуй, хватит. Выгляжу солидно, но челка придает несколько ребяческий вид. Что, собственно, и требовалось. Казаться слишком уж взрослым и солидным в мои планы совершенно не входило. С таких пай-мальчиков спрос, как правило, гораздо строже. А так просто милый ребенок.

В коридоре я старательно прочистил костюм щеткой, в чем мне сильно помог домовой.

— Господин Эзергиль, вы выглядите великолепно, — заметил он.

Я в последний раз перед выходом осмотрел себя в зеркало.

— А знаешь, ты прав. И как я раньше не замечал, насколько я великолепен?

— А вот скромности вам не мешало бы подучиться, — ворчливо отозвался на эту реплику домовой.

— Обязательно, — усмехнулся я. — Как только пойму, для чего она нужна, так сразу и подучусь.

Ответа домового я дожидаться не стал и выскочил из дома.

Около крыльца дома меня ждала Альена.

— Привет, — удивленно поздоровался я. — А я думал, что ты уже не придешь. А чего здесь стоишь? Надо было зайти в дом. Позвонила бы. Нафаня тебя впустил бы.

Альена покачала головой.

— Незачем. Я пока тут побродила. Смотрела окрестности.

— А, — понятливо кивнул я. — Трусишь. Я тоже.

— Кто тут трусит?! — сразу ощетинилась Альена.

— Я, — признал я. — А ты разве нет?

Альена промолчала. Потом оглядела меня с ног до головы.

— Эзергиль, ты выглядишь великолепно.

— Собственно, и ты смотришься неплохо. Хотя если сравнивать со мной…

— Эзергиль!!!

— А что? Я ничего. Это я так. Я хотел сказать, даже по сравнению со мной.

— Эзергиль!!!!

— Молчу, молчу. Какие вы, женщины, все обидчивые.

— Щас в лоб получишь! Посмотрим тогда, в каком виде ты предстанешь перед комиссией! И кто тут у нас обидчивый?

— Ну вот, всегда так. Чуть что, сразу угрозы. Потом шантаж.

Мы с Альеной переглянулись и расхохотались.

— Прекрати меня смешить, — простонала она.

— Да я, в общем-то, еще и не начинал.

Так, перешучиваясь, мы и подошли к школе.

— Я смотрю, ты чрезмерно веселый, — процедил Ксефон, встретив меня у входа. — И ручного ангелочка своего приволок?

Альена напряглась. Я схватил ее за руку.

— Не видишь повода? — поинтересовался я. — Скоро увидишь. Ждать недолго осталось.

С этими словами я обошел Ксефона и, держа Альену за руку, вошел в школу. Немногие ученики, оказавшиеся по каким-либо делам в этот момент в здании, провожали нас удивленными взглядами. Не понять, что Альена — ангел, было трудно. Но еще труднее было поверить в то, что ангел вдруг идет с чертом и заходит в школу ада. Я бы и сам так же смотрел, если бы увидел подобное раньше. Альена была как сжатая пружина, хотя внешне этого никак не было видно. И только я мог понять ее состояние по сильно напряженной руке, которую держал. Я слегка толкнул ее в бок и улыбнулся. Альена улыбнулась в ответ, хотя улыбка вышла несколько натянутой.

— Если бы знала, что на нас все будут так смотреть, то ни за что не пришла бы.

— Пусть смотрят, — шепнул я. — Тоже мне невидаль. Ангел

и черт идут вместе. Вот новость.

Альена промолчала. Только еще сильнее стиснула мне ладонь.

У входа в кабинет, где ждала приемная комиссия, меня встретил директор. Он с интересом оглядел Альену, но обратился только ко мне.

— Ты готов?

— Мы готовы. — Я специально подчеркнул слово «мы».

Директор покачал головой.

— Ох, ребята. Знали бы вы, что затеваете, то бежали бы друг от друга.

Мы с Альеной переглянулись.

— Думаю, мы справимся, — сказала Альена. Я решительно кивнул.

Директор печально покачал головой.

— Хочется верить. Хочется действительно верить, что вы сможете изменить этот мир. Что ж, дерзайте.

— И вы так это оставите?! — услышал я сердитый голос Викентия. — Ангел в школе, а вы ничего не предпринимаете?!

— Господин Викентий. — Директор повернулся к нашему классному руководителю. — Что, по-вашему, я должен предпринять? Этот ангел, как я понимаю, находится здесь по приглашению Эзергиля. А он вполне имеет право пригласить на комиссию кого угодно для поддержки. Это закон нашей школы.

— Я изменю этот закон, как только стану директором! — брякнул Викентий.

— Вот как? — Морсифий окинул Викентия задумчивым взглядом. — Вот, значит, куда вы метите? Что ж, когда будете директором, тогда и будете устанавливать законы. А сейчас извольте выполнять мои правила!

Викентий что-то буркнул, но отстал. Отправился разыскивать Ксефона. Впрочем, долго его разыскивать не пришлось. Он уже и сам явился, сияя счастливой улыбкой. Викентий отошел с ним в сторону и стал что-то говорить, изредка бросая взгляды на меня с Альеной. Иногда, правда, он посматривал и на директора. Тот, кажется, тоже уловил эти взгляды.

— Нехорошо, конечно, при учениках отзываться плохо о педагогах, но этот самодовольный петух мне надоел.

— Да ничего, — равнодушно махнул я рукой. — Мы в классе его и не так называем.

Директор сердито посмотрел на меня.

— Старших, молодой человек, не мешало бы уважать. Хотя бы за их возраст.

— Возраст, — парировал я, — в отличие от ума, дело

наживное.

Директор хотел было рассердиться, но вдруг усмехнулся.

— Парень, ты далеко пойдешь, если, конечно, тебя не погубит твое самомнение. Постарайся сдерживать его.

— Если у него не получится, то я сдержу, — пообещала Альена, продемонстрировав мне свой кулак.

Директор расхохотался. Я заметил, что Викентий и Ксефон смотрят на нас одинаково недоумевающе и настороженно. Похоже, до них стало доходить, что что-то тут не так. Ну не можем мы выглядеть такими веселыми, если осознаем свой проигрыш. Однако додумать этот момент времени у них не было.

— Господа практиканты, кураторы, — распахнулась дверь кабинета. — Прошу вас.

Ксефон с Викентием вошли первыми. Потом директор. За ним я, таща на буксире Альену. Ей почему-то захотелось подождать меня в коридоре.

На этот раз никакой торжественности не было. Мы все гурьбой прошли к партам и разместились там, где каждый посчитал удобным. Морсифий сел от меня через проход, Альену я посадил за одну парту с собой. Ксефон и Викентий заняли первую парту поближе к комиссии. Я мельком глянул на них и сосредоточил все внимание именно на комиссии. Председатель — старик, который еще вчера произвел на меня сильное впечатление, не отрываясь смотрел на меня. Я почему-то под этим взглядом почувствовал себя крайне неуютно. Даже оглянулся, надеясь, что председатель все же смотрит не на меня, а на что-то за моей спиной. Нет, он смотрел именно на меня. Заметив мое слегка нервозное состояние, он отвернулся. Я вздохнул с облегчением и стал рассматривать остальных членов комиссии. Из них всех я знал имя только одного, которого вчера называл председатель, — Кордул. Тот самый, кто отказался взять копию моего отчета, посчитав, что вполне может ограничиться тем, что сообщил ему Викентий. Похоже, хотя это и было против правил, он был знакомым Викентия. Возможно, он и случайно оказался в составе комиссии, а возможно, и нет.

Председатель встал. Встал медленно, что вполне можно объяснить его возрастом, но этот конкретный черт умудрился встать медленно и величественно. Именно величественно. Никому и в голову не смогло бы прийти пожалеть его или кинуться на помощь. И этот старик смотрел сейчас на меня.

— Почему здесь присутствует ангел? — спросил он.

Поспешно поднялся директор. Я с удивлением понял, что ему тоже не по себе от присутствия этого черта.

— Господин председатель, по закону нашей школы каждый

практикант может в качестве поддержки пригласить одного друга. Эзергиль пригласил ангела. Когда же принимался закон, то я вовсе не думал, что может возникнуть такая ситуация. Однако и отменить закон сейчас не могу.

— Это возмутительно! — взвился Кордул. — Я требую, чтобы ангел покинул наш совет.

Председатель медленно повернулся к нему.

— Господин Кордул, не выдвигайте поспешных требований. Даже я не могу кого-то заставить нарушить закон. В конце концов, мы не люди. Прошу вас проявить уважение к хозяину. — Кордул покраснел и сел. Председатель же повернулся к Альене. — Юная леди, я приветствую вас в нашем скромном обществе.

Альена молча встала и слегка поклонилась. Председатель вернул ей поклон. После чего медленно сел.

— Какой потрясающий старик, — ошеломленно прошептала рядом со мной девочка. — Почему-то хочется перед ним навытяжку встать.

Я мог только кивнуть в ответ.

— Итак, — снова заговорил председатель, — на повестке дня судьба двух практикантов. Так получилось, что их судьба оказалась связана. Успех одного означал неудачу другого. Хотя все присутствующие в курсе дела, все же напомню его. Между уважаемым директором школы Морсифием и преподавателем этой же школы Викентием возник спор по поводу того, какого ученика считать лучшим в школе. Морсифий считал, что Эзергиль, безусловно, лучший. Викентий полагал, что Эзергиль ни на что не годный ангелочек… — Председатель замолчал и посмотрел на Викентия. Тот заерзал на стуле. — Господин Викентий, — обратился прямо к нему председатель, — мы полагаем неправильным, когда дети публично оскорбляют преподавателей, и считаем, что это подрывает их авторитет. Но еще более неправильно, когда преподаватель публично оскорбляет ученика, поскольку ученик ничего не может ответить ему и, таким образом, он беспомощен перед авторитетом старшего и по возрасту, и по положению.

— Я… я прошу прощения, господин председатель, — выдавил из себя Викентий, метнув в мою сторону гневный взгляд.

— По-хорошему вам надо просить прощения не у меня, а у вашего ученика. И так же публично, как вы его оскорбили.

— Что оскорбительного в слове ангел?!! — поднялась Альена, гневно смотря на председателя. Я дернул ее за руку, чтобы посадить, но Альена отмахнулась от меня. — Нет, вы скажите, что тут оскорбительного?!

Председатель повернулся к ней. Однако, к моему удивлению,

Альена вовсе не отвела глаз от этого пронизывающего взгляда. И тут случилось невероятное. Председатель улыбнулся ей. Пусть уголками губ, едва заметно, но улыбнулся.

— Ничего, — ответил он. — Поэтому я и не заставляю господина Викентия извиняться перед Эзергилем. По большому счету он сделал ему комплимент. Ибо очень хорошо, когда в черте есть немного от ангела. Это не дает ему стать циничным на нашей работе. И очень хорошо, если в ангеле есть немного черта. Это помогает ему быть решительным в трудные минуты и принимать важные решения, даже если они противоречат тому, чему их учили.

Намек был более чем прозрачен. Альена покраснела и села. Черти в комиссии, правда, попытались возмутиться, но все они моментально смолкли под взором председателя. Когда в комнате воцарилась тишина, он снова вернулся к прерванной теме.

— Если с этим все ясно, то продолжим. Думаю, что господин Викентий сделает должный вывод из того, что здесь было сказано. — Викентий яростно закивал. Однако на него никто не обратил внимания. — А сейчас слово предоставляется практиканту Ксефону.

Ксефон гордо встал, постаравшись сделать так, чтобы я увидел его гордый профиль и улыбку. Он уверенно прошел к месту для доклада.

— Расскажи о своем задании, — попросил председатель.

Ксефон довольно внятно и толково рассказал, как его после уроков задержал Викентий и выдал особое задание — помешать некоему ученику Эзергилю выполнить его практику.

— Таким образом, я должен был доказать, что Эзергиль всего лишь выскочка, которому неправедно покровительствует директор школы. И только из-за этого Эзергиль — почти круглый отличник.

А вот это уже явно слова не Ксефона, а Викентия. И произносить их здесь точно не следовало. Викентий заерзал на стуле под пристальными взорами всех присутствующих. При этом он явно опасался встречаться взглядом с директором.

— Похоже, — опять вмешался председатель, — здесь спор уже шел даже не между учениками, а между педагогами. Каждый считал свои методы воспитания учеников лучшими. Что ж, полагаю, результаты этой практики скажут нам, на чьей стороне правда. Вы согласны, господин Викентий?

— Да! — яростно выкрикнул он. — Эзергиль показал себя неспособным чертом. Ради своих чувств он забыл о цели и обо всем. Разве из него получится что-нибудь путное? И я сожалею, что господин директор не разглядел этой слабости в ученике! Его

глаза затмила успеваемость Эзергиля. Но за ней скрывается всего лишь бесталанный зубрила.

Я прикрыл глаза, сдерживая ярость. Зубрила?! Бесталанный?! И тут я скорее кожей почувствовал, что все смотрят на меня. Я сжал зубы. Ничего не скажу. Буду молчать. Если хотят что-то услышать от меня, пусть прямо спросят.

— Эзергиль, — услышал я голос председателя. — Ты ничего не хочешь сказать на слова своего педагога?

— Нет, — сквозь зубы процедил я. — Пусть ему другие скажут. Потом…

— Ты не потребуешь призвать его к ответу за оскорбление? У тебя есть такое право.

— Нет, — опять покачал я головой. — Сильнее, чем он оскорбил себя сам, я его оскорбить уже не смогу.

Похоже, только председатель понял мои слова. И я тоже удостоился скупой улыбкой.

— Да, — кивнул председатель. — Я вам, господин Викентий, все-таки советую воздерживаться от оскорблений. Если окажется, что Эзергиль вовсе не такой уж тюфяк, каковым вы его нам представили, то это значит, что это именно вы неправильно разобрались в учениках. Кто же тогда окажется бездарем? Продолжайте, мастер Ксефон.

Ксефон продолжил. И Альена обвиняла меня в хвастовстве и самодовольстве?! Это она просто с Ксефоном мало общалась. Вот уж где хвастовство! Как он ловко проник в министерство и следовал за мной по пятам, стараясь узнать, какое задание я получил на практику. Как с помощью своего таланта и своего ума он в конце концов разгадал эту хитрость.

— Я сразу тогда понял, что Эзергиль решил погубить мальчика, затащив его душу в ад. И тогда мать Алеши, следуя данному обещанию, тоже должна была последовать за ним. Таким образом он и зарабатывал практику.

— Так в чем, собственно, состояло задание Эзергиля, по твоей догадке? — поинтересовался председатель.

— Получить душу, находящуюся на грани ада и рая, для ада, — гордо отозвался Ксефон. — Я тогда твердо решил помешать Эзергилю и помочь мальчику. И когда тот получит спасение, то и его мать уже ничто не будет держать на Земле и она отправится в рай.

Я покосился на членов комиссии. Некоторые с легким недоумением рассматривали Ксефона. Один чуть ли не смеялся. Только Кордул выглядел слегка ошарашенным. Викентий, похоже, тоже сообразил, что что-то тут не так.

— Понятно, — кивнул председатель. — Аду только души этой

девчонки и не хватало. Мало ей при жизни досталось будто. Эзергиль все-таки жестокая личность. Человека, страдавшего при жизни, захотел утащить в ад и после смерти.

Председатель откровенно издевался над Ксефоном, но тот этого, похоже, не понимал.

— Вот и я говорю, — радостно подхватил он. — Нам господин Викентий на уроке как говорил? — Викентия Ксефон приплел явно из желания подмазаться к преподавателю. — Черти — это судьи, которые всегда должны быть справедливы. А какая же тут справедливость, если человек, страдавший при жизни, и после смерти окажется в аду?

— И ты решил восстановить справедливость, — опять кивнул председатель. — Что ж, очень хорошо. Продолжай.

— Ну… вот я и помешал ему. Я помог мальчику избежать всех ловушек Эзергиля и спас его душу.

— А вот здесь подробнее, — попросил председатель.

Ксефон стал довольно подробно излагать ход событий. Со своей точки зрения. Что он делал и как. Не забыл упомянуть про свой «гениальный» ход с чемоданом с двумя миллионами долларов, за который он заставил Алешу отправиться в церковь во искупление грехов.

Бледный как смерть Викентий повернулся ко мне. Я твердо встретил его взгляд. Похоже, он все понял, поскольку от лица преподавателя отхлынула и та кровь, что еще оставалась. Он открыл рот с явным намерением что-то сказать, но тут же его закрыл.

— Вы хотите о чем-то попросить бесталанного зубрилу? — громко и четко спросил я его, не отводя взгляда. Это был окончательный удар. Даже если у него и оставались сомнения, то они все рассеялись в этот момент.

— Ты?! — выдохнул он.

— Да, — кивнул я. — Гениальный ход Ксефона дать чемодан с деньгами мальчику для того, чтобы тот отправился в церковь замаливать грехи.

Некоторые в комиссии уже с трудом сдерживали смех. Изредка он все же прорывался. Только Кордул сидел мрачный. Он единственный остался в неведении. Да еще председатель сохранял ледяную невозмутимость.

— Еще у кого вопросы к практиканту? — поинтересовался он.

Вопросов не было.

— Эзергиль, твоя очередь.

Я вышел вперед. Встретился взглядом с Викентием. Тот смотрел на меня как кролик на удава и, похоже, как и кролик, не в силах был отвести взгляда.

— Будучи с дядей в министерстве наказаний, я встретил там неприкаянную душу. Дядя, зная, что я еще не нашел задания для практики, предложил мне помочь этой душе, чтобы та обрела покой. Как черту, мне эта идея не понравилась. Помогать — это все же не наш профиль, хотя, наказывая зло, мы в какой-то мере и помогаем людям. Но тут было совсем другое. Однако я решил попробовать. В школе я получил задание уже официально.

Дальше я рассказывал о своих похождениях. Как подслушал разговор директора и Викентия. Как долго убеждал Ксефона, что мое задание состоит в том, чтобы затащить душу Зои Ненашевой в ад.

— То есть, — перебил меня председатель, — ты использовал усилия врага для себя?

— Да. Я посчитал, что так будет лучше.

— Это, безусловно, свидетельствует о мастерстве.

Я продолжил рассказ, понятно, утаивая некоторые моменты. Комиссии вовсе не обязательно было знать о некоторых моих делишках на Земле, когда я балансировал на грани нарушения Закона. И все это время я не отрывал взгляда от Викентия. И все это время тот смотрел на меня.

— А как ты решился на сотрудничество с ангелом? — спросил меня кто-то из членов комиссии. — Ведь до этого момента не было ни одного случая совместных действий.

— Если их не было, это еще не повод не попробовать, — парировал я. — Все когда-то случается в первый раз. К тому же я рассудил так: задание у нас с ангелом одно. Если мы начнем сейчас скакать наперегонки, то будем только мешать друг другу. В конце концов, провалится и она, и я. А тут еще под ногами носится этот болван Ксефон и мешает нам обоим. В общем-то, по большому счету выбора у меня не было. Как показали дальнейшие события, я в своем выборе не ошибся. И… — Я мысленно набрал в грудь воздуха, приготовившись прыгнуть в пропасть. — …в свете успешности наших совместных действий я предлагаю сделать общие отряды ангелов и чертей постоянными для решения тех задач, которые могут оказаться не под силу ангелам или чертям по отдельности. На Земле сейчас начинается переходный период, и думаю, такие отряды были бы весьма полезны для решения многих щекотливых вопросов. Это пойдет на пользу как Земле, так и нам.

Кордул гневно уставился на меня. Остальные члены комиссии зашумели. Кто яростно осуждал меня, кто-то спорил, доказывая невозможность совместных действий.

— Я понимаю, единожды использовать ангела для достижения своих целей! — кричал Кордул. — Такое никому не

удавалось. Я даже готов объявить Эзергиля героем в связи с этим. Ясно, что практику он сдал великолепно. Но его последнее заявление заставляет меня усомниться в его здравомыслии.

Это был откровенный подкуп. По сути, мне прямо здесь предлагали зачет с пометкой «великолепно» за отказ от моей «бредовой» идеи. Более того, мне предлагали стать чуть ли не национальным героем, обманувшим ангела. Заманчиво. Очень заманчиво. По сути, моя карьера после этого будет обеспечена на сто процентов. Все дороги откроются передо мной. Если же я сейчас откажусь от этой сделки… Возможно, я чего-то и достигну. Возможно. Но гораздо с большей вероятностью мне в этой борьбе свернут шею. И все из-за сомнительного удовольствия быть рядом с этим вредным ангелом. Я покосился на Альену. Похоже, она все прекрасно понимала и сейчас сидела, опустив голову. Да, если я приму это предложение и в открытую заявлю, что использовал ангела для достижения своих целей, то я уже никогда не увижу ее. Что выбрать? Что? Я посмотрел на председателя. Тот хмурился, но сохранял молчание. Я поднял руку, призывая к вниманию. Что ж, возможно, мне и свернут голову, но зато какой интересной станет моя жизнь.

— Знаете, тут вопрос обоюдный. Я использовал ангела в той же мере, что и она использовала меня. У нас была одна цель, о чем я и говорил. А это уже называется сотрудничество. Я предпочитаю именно это слово.

Я поднял голову и встретился взглядом с Альеной. Ее глаза выражали одновременно восторг и недоверие. Похоже, она до конца была уверена, что я приму это предложение. Правильно. Я же черт. А что с чертей взять? Они ведь обманут — недорого возьмут. Наверное, все эти мысли отразились на моем лице. Альена покраснела и опустила глаза. Потом поднялась из-за парты и подошла ко мне. Встала рядом. Просто встала, не говоря ни слова. В комнате вмиг воцарилась тишина. Председатель кашлянул.

— Полагаю, — заговорил он во всеобщей тишине, — что данный вопрос слишком серьезен, чтобы обсуждать его здесь в таком бедламе. Что касается практики, то, думаю, Эзергиль заслужил отметку «великолепно». Заставить своего соперника работать на себя — это высший класс чертового искусства. Что касается мастера Ксефона, то ему придется на следующий год попробовать еще раз. Господин Викентий, центр споров ада официально уведомляет вас, что вы проиграли спор Морсифию. Мастер Эзергиль, леди Альена, полагаю, что школа не место для демонстраций. Ваше предложение будет рассмотрено. Но не здесь и не сейчас. Всего хорошего, господа.

Председатель медленно встал и направился к выходу. И ни у кого не возникло желания поспорить с ним. Вся комиссия молча последовала следом. Когда все вышли, я уселся на стол, вытерев вдруг вспотевший лоб. Но тут ко мне подскочил Ксефон.

— Думаешь, самый умный, да?! — с ненавистью прошипел он. — Посмотрим! Я это так не оставлю!!! Я тебя все равно достану! Достану и урою!

Я только отмахнулся от него. Вмешался директор.

— Мастер Ксефон, — холодно произнес он. — Кроме того что вы не умеете думать и делать выводы, вы еще не умеете и проигрывать. А это очень важное качество, поверьте мне. Порой проиграть красиво стоит любого выигрыша. В чем вы обвиняете своего одноклассника? В том, что он оказался хитрее вас? Шансы у вас были одинаковы.

Ксефон спорить с директором не решился и выскочил из класса, даже не взглянув на него. И с Викентием он не попрощался. Викентий же все это время молча просидел за партой, опустив голову. Но когда за Ксефоном хлопнула дверь, он вздрогнул и встал. Не поднимая головы, попробовал покинуть класс, но наткнулся на Альену. Девочка посторонилась, но на Викентия уже обратили внимание. Он замер. Поднял голову. Наши с ним взгляды встретились. Он криво усмехнулся. Потом повернулся к директору. Хотел что-то сказать, но только пошевелил губами. Повернулся и направился к выходу.

— Господин Викентий, — позвал его директор. Наш классный руководитель замер около двери, но поворачиваться не стал. — Я жду вас сегодня по поводу спора. Потом, думаю, у вас останется еще одно желание. Собственное.

Викентий вышел. Директор покачал головой.

— Я совершенно не собирался его выгонять, — сообщил он мне зачем-то. — Викентий — хороший педагог. Только чрезмерно самонадеянный. Эту самонадеянность я и хотел с него сбить. Он сам сегодня выбрал свою дорогу. Когда сказал, что метит на мое место.

В общем-то, меня это никоим боком не касалось. Более того, я был даже рад, что Викентий больше не будет нашим классным. Уж слишком у нас натянутые отношения с ним были. Да и этот выигрыш он бы мне не простил. А Викентий — это не Ксефон. Так что я поспешил перевести разговор, чтобы впоследствии директор не пожалел о своей откровенности.

— Господин директор, а как быть с нашим договором? Помнится, мне полагается что-то около пятисот монет.

Директор рассмеялся.

— Помню, не переживай. Сейчас стрясу свое с Викентия, и ты

получишь. Заслужил, нечего сказать. Я, конечно, знал, что ты победишь, но заставить врага служить себе… тут ты меня удивил. Ладно, мне надо разобраться с Викентием. Заходи через час. Там тебя и будет ждать законная награда.

Я кивнул.

— Обязательно. А пока прогуляюсь. Альена, пойдем в парк. Там должен новый аттракцион открыться.

Альена молча вышла за мной в коридор, но здесь довольно сурово посмотрела на меня.

— Эзергиль, ты мог бы отказаться от своего выигрыша! Это… это… нечестно! Получается, что ты помогал Алеше не из-за того, что он нуждался в помощи, а потому, что ты должен за это был деньги получить!

— Конечно, — согласился я. — А еще я за это получал зачет по практике. Как считаешь, зачет по практике и пятьсот монет не слишком мало за помощь людям?

— Эзергиль! Ты несносен! Хам!

— Знаю. Ты мне об этом неоднократно говорила. Знаешь, чтобы сэкономить в дальнейшем время вместо всяких там подонков, хамов, бессердечных, называй меня просто черт. Я пойму.

Альена вздохнула.

— Порой я не понимаю, когда ты шутишь, а когда серьезен.

— О, тут все просто. Когда я серьезен — я шучу, а вот когда шучу — то я смертельно серьезен.

— Ты нарочно меня пытаешься запутать?

— Не знаю. По моему скромному мнению, запутать можно только того, кто хочет запутаться. Так мы идем в парк или нет?

— Нет. — Альена развернулась и зашагала по коридору. Я ее догнал и пристроился рядом.

— Ты что, обиделась, что ли?

Альена мотнула головой.

— Нет. Но я обещала прийти только на комиссию. Ты-то сдал свою практику, а мне еще сдавать.

— Да тебе-то что волноваться? Думаешь, не сдашь?

— Не знаю. Я очень много ошибок сделала. Ведь из-за нашей ошибки и отец Федор погиб. До сих пор себе простить не могу.

Я молча зашагал рядом. Потом задумчиво кивнул.

— На самом деле тут больше моя вина. В конце концов, и план был мой.

— Я же не дурочка! И своя голова на плечах имеется. Я ведь знала столько же, сколько и ты. Подумать немного могла бы.

— Знаешь, сейчас глупо обвинять себя. Да, наша вина есть. Виноваты мы. Но ошибку уже не исправить. Ее можно принять к

сведению и не повторять. И я бы на твоем месте исключил ошибки из отчета.

Альена уничижительно посмотрела на меня.

— Ничуть не сомневаюсь, — едко отозвалась она.

— Нет, — замотал я головой. — Ты не поняла. Ошибки, если ты что-то делаешь, а не лежишь на печи, у тебя будут. Никуда от них не деться. Другое дело отношение к ним. Можно до конца жизни каяться в них и потом бояться чихнуть лишний раз — вдруг заразишь кого невзначай. А можно учиться на ошибках. Но в любом случае знать о них лучше только тебе. Другим знать о них совершенно не обязательно.

— Я разберусь, Эзергиль, — холодно отозвалась Альена.

— Разберись. Но ошибки надо исправлять и не повторять, а не каяться в них, выставляя на всеобщее обозрение. Это уже мазохизмом попахивает. Ты еще с людей пример возьми. Бери железный хлыст, разуйся и вперед босиком по дорогам, хлеща себя по спине. Всем будет видно твое искреннее раскаяние.

Альена даже не удостоила меня ответом.

— Слушай, если мне не веришь, то хоть дядю моего спроси.

Альена остановилась. Впервые я видел у нее на лице сомнение.

— Думаешь, он тебя поддержит?

Я неуверенно помялся.

— Не во всем, — честно признал я. — Думаю, многие вопросы он оставит на твое усмотрение и твою совесть. Однако я достаточно был с дядей, чтобы понять ход его мыслей. Есть искренность и есть Искренность. Одна выставляется напоказ, а другая просто есть. Вот и реши, чего в твоем отчете больше.

Альена закусила губу и молча рассматривала меня. Я стоял напротив нее и тоже молчал.

— Все-таки вы, черти, страшные существа. Даже я засомневалась в себе. Сейчас уже начала размышлять, насколько мои поступки были искренни и сколько в них было позерства.

— Тьфу. И ты сплюнь. Я тебе вовсе не то хотел объяснить. В конце концов, в каждом из нас живет артист, и все мы немного играем свои роли. Не зацикливайся на глобальном. А лучше поговори с дядей. Думаю, он подкинет тебе материал для размышлений.

— Хорошо, — согласилась Альена.

— Только поговори с ним раньше чем закончишь отчет.

— Я же сказала, что поговорю.

— Вот и отлично. А ты уверена, что не хочешь в парк?

— Эзергиль, я ведь и так чуть ли не боем отвоевала у мамы возможность отправиться сегодня в ад. А мне еще готовиться

надо. Мне завтра сдавать практику.

— Тогда я тебя провожу. Ты на самолете или на поезде?

— На поезде.

— Отлично. Я провожу тебя и обратно в школу.

Альена кивнула. Дальше мы шли молча. Особенно не торопились. Изредка перекидывались ничего не значащими словами. Каждый из нас понимал, что сегодня был сделан первый шаг, который должен в корне изменить нашу судьбу. Думаю, Альену терзали сомнения не меньше моего. Да она их и скрывала хуже меня. Не умела притворяться. Вот и сейчас пару раз она задумывалась и отвечала невпопад. Недалеко от вокзала я остановился. Альена, обнаружив, что я не иду рядом с ней, обернулась и с недоумением посмотрела на меня.

— Ты чего?

— Слушай, если ты не хочешь или сомневаешься, то еще не поздно отыграть назад. Можно прекратить все это.

— Что?

— Аль, ну перестань строить из себя дурочку! Ты прекрасно поняла, о чем я. Мы можем сейчас просто разойтись и все. Сказать, что пошутили по поводу объединения усилий ада и рая. Ты ведь сегодня видела, как отреагировали на мое предложение. И это еще более или менее сдержанная реакция была. В комиссии ортодоксов не было. А уж какой они вой поднимут…

— А ты что скажешь?

— Я поддержу тебя.

— Не увиливай.

— Я и не пытаюсь. Но я черт, Аль. Борьба — это моя стихия. Я же говорил тебе. Соревнование разумов. Это же Игра. С большой буквы. А я Игрок. По натуре Игрок. И чем сильнее игроки против меня, тем лучше. Я наслаждался Игрой с Ксефоном, но он не моего ранга. Он мелочь. Бес. Я же хочу в высшую лигу. И разве не вызов всем — пройти первым! Пройти по Дороге, по которой до тебя еще никто не ходил! Это даже не высшая лига. Это вершина. Пусть я даже сверну себе шею, но я ее сверну не на проторенной тропинке, а карабкаясь на самый верх. Карабкаясь там, где до меня никто не ходил. Я первопроходец!

Альена склонила голову набок и изучающе посмотрела на меня.

— Знаешь, наверное, я сумасшедшая. Или это ты заразил меня. Но мне тоже все это нравится.

— Просто ты тоже по натуре борец. Это я еще на Земле понял. Поэтому ты и понравилась мне. Ты никогда не сдавалась.

— Да?! А кто в самом начале хотел все бросить? — Альена невесело хмыкнула. Я же пренебрежительно махнул рукой.

— Тебе просто не хватало уверенности. Достаточно было чуть-чуть подбодрить тебя, чуть-чуть вызова, и ты уже в схватке. Мы с тобой отличная пара. К тому же…

— Да? — Альена заметила мою неловкость. Я же замялся, не зная, как продолжить. Потом отвернулся, чтобы скрыть неловкость.

— …к тому же, — закончил я, — ты мне нравишься. Мне бы не хотелось, чтобы наши совместные действия остались лишь эпизодом в памяти.

Я не смотрел на Альену, поэтому не видел, как она подошла ко мне. Почувствовал только ее руки на своих плечах. Я обернулся. Альена стояла очень близко. Я даже ощущал исходящее от нее тепло. Она вдруг подалась вперед и поцеловала меня в щеку. Я растерянно замер.

— Ты мне тоже нравишься, — призналась она. — Несмотря на некоторые черты твоего характера. И, если хочешь, приезжай завтра ко мне. Твоих родных я видела. Посмотришь моих.

Я смог только кивнуть. Альена махнула мне рукой и направилась к вокзалу.

— Не провожай меня дальше! — крикнула она мне.

Я чисто машинально махнул в ответ. Потом дотронулся до щеки. Снова посмотрел вслед девочке. Но она уже скрылась в толпе. Наверное, я минут десять стоял посреди площади, держась за щеку. Неужто я и правда ей нравлюсь? Но ведь я же черт! А она?!

В конце концов я сообразил, что выгляжу сейчас довольно глупо, и поспешил уйти с площади. Но ведь она сама сказала мне, что я ей нравлюсь! Сама! А ангелы не врут! Значит… Я рассмеялся. Настроение поднялось на небывалую высоту. И вовсе не из-за сданной практики. Вот еще получить свой законный выигрыш… Я, насвистывая веселую мелодию, помчался в школу.

Глава 4

Наверное, теперь каждое утро для меня будет своеобразной вехой в жизни. Каждый день приносит что-то новое. Вчера, явившись из школы, я молча выложил на стол свой табель с отметкой за практику и пятьсот монет. Мой брат долго разглядывал табель, недоверчиво скребя ногтем подписи членов комиссии.

— Но ты же проиграл? — удивился он.

— Ага, — не стал я с ним спорить. Сгреб из-под носа брата деньги и гордо прошел к себе. — Имейте в виду! — крикнул я из-за двери. — Завтра я собираюсь в рай. И никаких вещей готовить мне не надо. Я еду всего лишь до вечера. Думаю, два чемодана мне не понадобятся.

И, вопреки ожиданию, ни мама, ни папа мне не возразили. Даже брат промолчал.

— Наш сынок стал совсем взрослым, — услышал я радостно-печальный голос матери. — Самостоятельным.

— Да, — это уже голос отца. — Настоящий черт.

Вот так буднично и началась моя совершенно новая жизнь. Вроде прожил в ней только один вечер и утро, но перемены были разительны. Мама уже не бегала за мной с требованием переодеть носки или одеться потеплее, поскольку на улице холодно. Сегодня я видел, как ей хочется как обычно снарядить меня в путь с кучей вещей и еще большей кучей напутствий и как она сдерживает себя. Заметил, что отец стал относиться ко мне как… как к равному. Даже брат больше не спешил мной командовать.

Вместе со всеми я позавтракал.

— Я уехал, — сообщил я, направляясь к выходу.

— Давай, — кивнул мне отец вместо привычных напутствий.

— Я сготовлю что-нибудь вкусненькое на ужин, — пообещала мама и отвернулась.

Я посмотрел на нее от двери. Интересно, чего ей стоило отпустить меня без своих поучений и без того, чтобы основательно не собрать меня в дорогу? Я подошел к маме и обнял ее.

— Спасибо. Я постараюсь не задерживаться.

Мама всхлипнула и махнула рукой.

— Иди уж, горе мое.

Я выскочил за дверь. На миг замер на крыльце, вздохнув полной грудью утреннюю прохладу. Постоял так немного. Потом сбежал с крыльца и направился к аэропорту. Что бы там дядя ни говорил против человеческих штучек, но самолеты гораздо

удобнее ковров-самолетов. К тому же летчики в самолете не выпрыгивают из них из-за глупых шуток. И даже сидеть там удобнее. Так что, являясь сейчас вполне самостоятельной личностью, я сам мог выбрать транспорт для путешествия между мирами. И ничего удивительного, что мой выбор пал именно на самолет. Горя от нетерпения поскорее прокатиться на этой человеческой штуке, я торопливо перебежал улицу и остановил такси.

— До аэропорта, — попросил я водителя. Тот согласно кивнул.

Человеческие самолеты еще не пользовались такой популярностью, как старинные средства передвижения. Поэтому билет мне удалось приобрести без особого труда. Так что уже через полчаса я занимал свое место в самолете, с интересом поглядывая вокруг.

Однако сам полет меня разочаровал. Узкие окошки, через которые мало что разглядишь. Да и полет как будто и не ощущается. Спрашивается, зачем лететь, если ты даже не чувствуешь, что летишь? Вот если б пол сделать прозрачным… Я уже приготовился было к эксперименту, но в последний миг благоразумно воздержался, вспомнив, чем закончилась прошлая моя шутка на ковре-самолете. Тогда хоть дядя был рядом, а сейчас кто вернет в самолет пилотов и пассажиров, если те решат, что у самолета вдруг пропал пол? Но эту идейку стоит подкинуть кое-кому. Пусть немного доработают людскую технику.

Размышляя над разными способами усовершенствования той техники людей, что начинает постепенно появляться у нас, я подошел к дому дяди. Позвонил. Дверь плавно отворилась, но за ней никого не было. Я осторожно просунул голову и огляделся. Пусто.

— Профаня, а где дядя?

— Господин Монтирий отправился в школу. Он сегодня принимает практику, — раздался знакомый голос из пустоты.

Я отворил дверь полностью и вошел в дом.

— Как ушел? У него же через три часа только прием практики?

— Насколько я понял, он хотел к чему-то подготовиться. Еще он кому-то звонил.

— Звонил? Это интересно. — Я быстро разулся и направился к телефонной полке, над которой сидел уже знакомый мне попугай. При виде меня он суматошно замахал крыльями, но тут же взял себя в руки и замер на своей жердочке.

— Попочка, — ласково пропел я, — не будешь ли ты так любезен сообщить мне, куда звонил мой дядя перед уходом в

школу?

Попугай всполошился.

— Мастер Эзергиль, — чуть ли не в панике закричал он, — помилуйте. Я не могу дать эту информацию. Она же конфиденциальная! Только при разрешении вашего дяди! Не надо меня в суп!

— Заткнись, — буркнул я. И куда сразу моя вежливость подевалась?

Я секунду подумал.

Ясно, что попугай ничего мне не скажет. И угроза угодить в суп на него тоже не подействует. Тогда он сознавал, что виноват, а сейчас твердо будет стоять на своих правах.

— Ладно. Тогда вот что, отыщи-ка мне дядю. Сколько, говоришь, ты там помнишь телефонов? Вот и подключай все. Звони в школу, еще куда. Когда разыщешь, позовешь. Это ты можешь сделать?

— Для вас, — радостно закричал попугай, — все, что пожелаете, мастер Эзергиль. Сей момент. Не извольте беспокоиться. Вы даже присесть не успеете.

Во как. Сразу чувствуется образцовый попугай. Ведь в общении главное что? Правильно, главное — подобрать к собеседнику верный ключик.

Я благосклонно кивнул и отправился на кухню.

— Профаня, чайку не попьешь со мной? А то скучно сидеть одному.

— Если вы уверены, мастер Эзергиль, — несмело проговорил домовой.

— Конечно уверен. Я никогда не говорю того, в чем не уверен. И прекрати меня величать мастером. Зови просто — Эзергиль.

Я уже стоял на кухне и вовсю орудовал посудой. Расставил на стол чашки. А вот сахар и заварник появились на столе без моего участия. Тут на плите закипел чайник.

— Спасибо, Профаня, — поблагодарил я домового, когда тот налил мне в чашку кипятку. Я же в обе чашки разлил заварку. На стуле появилось нечто мохнатое, которое с аппетитом принялось пить чай. Я пододвинул домовому тарелку с печеньем. Тот благодарно кивнул. Однако в полной мере насладиться чайком мне не удалось. Я успел выпить только половину, как на кухню влетел попугай.

— Мастер Эзергиль, ваш дядя на связи.

Я тихонько ругнулся и поднялся. Взял трубку.

— Алло, дядя? Да, это я. Я у вас дома… Да, приехал вот в гости, а тут, оказывается, вы уже уехали… Ну а вы как думаете,

почему я приехал?.. А вот этого не надо. Никаких намеков! Дядя, вы бы лучше сказали, как найти ту школу, где она учится, а не смеялись бы… Вот возьму и обижусь. И трубку повешу… Ах, значит, не повешу, пока вы не скажете адрес… так говорите!!!

Выслушав дядю и узнав адрес, я бухнул трубкой об рычаг.

— Он еще смеется! — буркнул я.

Отправившись на кухню, я уже без аппетита допил чай.

— Ты иди, Эзергиль, — махнул мне домовой. — Я тут приберусь.

— Вот спасибо! — радостно поблагодарил я его, вылетая в коридор. Быстро обуться и на улицу. За спиной хлопнула дверь.

Школа, где училась Альена, располагалась довольно далеко от дома дяди. Пришлось воспользоваться помощью пегаса. Я долго гадал, тот ли это пегас, что подвозил меня в прошлый раз, или нет. Вроде как он не подавал виду, что узнает меня. С другой стороны, вполне возможно, что для пегасов все черти на одно лицо. Впрочем, как и они для нас. Над этой проблемой я и размышлял всю дорогу. Мысль, конечно, была не слишком умная, но если бы не она, мне пришлось бы думать о предстоящей встрече. И вообще, интересно, как ангелы отнесутся к черту?

Пегас приземлился около школы.

— Монета, — потребовал он.

Монета?! За пять минут полета?! Ну ни фига себе цены! Да я за монету…

Видно, мои мысли отразились на лице, поскольку пегас совершенно спокойно добавил:

— Вот и шел бы пешком за эту монету, если тебе ее жалко.

— А как насчет того, что все мы должны помогать друг другу? — ехидно поинтересовался я.

— Вот и помоги мне, — все так же вежливо отозвался пегас. — Заплати за проезд.

Все-таки эти крылатые лошади — наглые создания. Они думают, что крылья делают их похожими на ангелов. Ну не спорить же сейчас с этим? Я молча достал монету и сунул ее коню в сумку, что висела у него на шее.

— И стоило спорить? — поинтересовался он.

Я развернулся и зашагал к школе, даже не удостоив его ответом. Но это, похоже, ничуть не обидело крылатого конька. Все-таки кажется, это был совсем не тот пегас.

Войдя через ажурные стеклянные двери, я огляделся. Холл школы был довольно просторным. Полы казались мраморными, но ступать по ним было очень мягко. Я даже пощупал их. Действительно они были сделаны из какого-то мягкого, но упругого материала. На таких и упасть было не страшно.

Собственно, для этого полы такими, видно, и сделали. Похоже, ангельские детки в школе вели себя ничуть не лучше чертовых.

Заглядевшись на холл, я не сразу заметил дядю, который сидел в одном из мягких кресел, расставленных вдоль стен, и с усмешкой наблюдал за мной.

— Впечатляет? — поинтересовался он, когда я его все-таки заметил.

— Впечатляет, — не стал спорить я.

— Нет желания поменять школу на эту?

Я промолчал. Вряд ли подобное утверждение заслуживало с моей стороны хоть какого-то ответа. Да дядя его и не ждал. Он встал и движением руки попросил следовать за ним.

— Твоя подружка еще не пришла, — сообщил он, когда мы поднимались по лестнице.

— Она такая же моя подружка, как и твоя! — сразу взъерошился я.

— Возможно, — не стал спорить дядя. — Но лично я из-за нее не стал бы отправляться из ада в рай только для того, чтобы поприсутствовать на сдаче практики. Впрочем, как я подозреваю, она тоже из-за меня не отправилась бы в ад.

Когда дядя в таком веселом настроении, то ему лучше не попадаться на дороге. А если уж попался, то лучше молчать. Именно эту тактику я и решил избрать. Однако, как оказалось, я волновался напрасно. Дядя вдруг посмотрел на часы и заторопился.

— Ладно, Эзергиль, извини. Думаю, одному тебе тут скучно не будет. К тому же скоро твоя подружка должна прийти. Кабинет сорок второй. Жди там. А мне сейчас надо один звонок сделать.

Я согласно кивнул. Быть одному в незнакомом месте, конечно, не слишком хорошо, но все лучше, чем выслушивать ехидные комментарии дяди.

Дядя тем временем уже исчез. Я хмыкнул и отправился разыскивать сорок второй кабинет. Заодно осмотрел школу, где учатся ангелы. Да уж. Прям не школа, а дворец какой-то. Прозрачная крыша, из-за чего коридоры всегда были освещены естественным светом солнца. Как я понял, из-за отсутствия здесь любого вида искусственного света занятия в школе шли только утром и днем. Вечером никто не учился. Интересно, а в пасмурную погоду они учатся в полутьме или у них этот день выходной?

Ведьма молодая
Жила в лесной глуши.
Крестьяне к ней, хворая,

За помощью пришли.

Чего? Я прислушался. Чей-то голос старательно повторял слова баллады. Я узнал ее, поскольку мы учили как-то ее в школе. В младших классах. Я осторожно заглянул за угол. Там, удобно устроившись на стуле, сидел ангелочек. В одной руке он держал книгу, а второй старательно дирижировал сам себе. Видно, так ему легче запоминались стихи. Продекламировав четверостишие, он сверился с книгой и довольно кивнул. Опять прикрыл ее и прочел второе четверостишие:

Помочь скорей просили,
Ведь страшно умирать.
И души ей сулили
За жизнь свою отдать.

Тут он увидел меня и радостно улыбнулся.

— Привет, — махнул он мне рукой. Я оглянулся. Может, тут еще кто есть? Но нет. В этой части здания мы были вдвоем. Я вышел вперед и присел на стул рядом.

— Привет, — немного озадаченно отозвался я, не понимая, чем вызвана радость малыша. Судя по возрасту, учился он в классе двенадцатом.

— Ты не поможешь мне? — поинтересовался у меня малыш.

— Я? — еще больше удивился я. — Хм. А что надо?

Мальчик вздохнул.

— Да вот. Стихотворения задали учить. А у меня никак не получается. Я вот каждое четверостишие выучил, а вместе никак не запомню.

Я взял книгу из рук мальчика и взглянул.

— «Баллада о людской благодарности». Знакомая вещь. Однако не думал, что ее проходят и у вас.

Мальчик удивленно взглянул на меня.

— Как это у вас? А ты откуда?

— Э-э… — Я неопределенно помахал рукой. — Оттуда. В гостях я сейчас. Ладно. Давай попробуем. Вот возьми книгу и прочитай стихотворение полностью, — поспешил я перевести разговор, взглянув в сторону нужного мне кабинета. Сорок вторая комната находилась недалеко от нас, и я не видел причины, почему мне не помочь ребенку. Тем более что одному все равно скучно тут мотаться.

Мальчик доверчиво взял книгу. Выпрямился на стуле. Выдохнул. На мгновение замер, а потом с выражением прочел:

Ведьма молодая
Жила в лесной глуши.
Крестьяне к ней, хворая,
За помощью пришли.
Помочь скорей просили,
Ведь страшно умирать.
И души ей сулили
За жизнь свою отдать.
«Не надо ваших душ мне.
Нет зла в моих делах.
Мои секреты в знанье,
В целительных цветах.
Избавить вас от хвори
Нетрудно мне совсем.
Настой я приготовлю —
Он вам поможет всем».
Прошла неделя злая,
Настал воскресный день.
И нехотя сдавалась
Коварная болезнь —
Крестьяне в благодарность
На ведьму донесли.
Отряды инквизиции
К порогу привели.
Открылась дверь землянки,
Попятились бойцы.
Распятия взметнули
Святейшие отцы.
Всех оглядела ведьма.
«Давно я вас ждала.
Мои на этом свете
Закончены дела.
А вы, кого спасла я,
Запомните меня.
Я вас от верной смерти
В тот раз уберегла.
Лекарство вам давала…
Умри же вы тогда,
Я б до сих пор спокойно
В землянке тут жила.
Как жаль, что не умею
Я людям отказать.
За этот „грех“ тяжелый
Придется умирать…»

Веселым красным заревом
Пылал костер в ночи.
Суд скор у инквизиции —
«Сожги ее! Сожги!!!»
Уходит время дальше,
Проносятся века.
Ведь изменились люди,
Не правда ли, друзья?
Но вдруг раздались крики.
«Он зло!» — кричат слепцы.
И снова бесноватое:
«Распни его! Распни!!!»

— Ну… хорошо, — похвалил я. — А теперь давай то же самое, но без книги.

Вот тут было хуже. Нет, первые два четверостишия мальчик рассказал верно, а вот дальше пошло совсем не то.

— У меня ничего не получается, — вздохнул мальчик, поняв, что сам запутался.

Я снова взял книгу. Посмотрел.

— Может, это потому, что ты неправильно читаешь.

Мальчик удивленно посмотрел на меня.

— Неправильно — это как? А как надо?

— Гм. Наверное, вот так. — Я взял книгу. Старательно наморщил лоб. Встал, держа книгу на вытянутой руке. — Итак, баллада…

Девица молодая
Жила в лесной глуши.
Неясно, на какие
Она жила шиши.
Окрестные крестьяне
Гадали день за днем,
Чем дева промышляет
В том домике своем.
И что это за рожи
К ней шастают в ночи?
И что за дым, опять же,
Курится из печи?
Все так и этак взвесив,
Сошлись они на том,
Что дева куролесит
И гонит самогон.
Приезжим наливает

И денежки гребет.
А чтоб своим соседям —
Так нет ведь, не нальет!
Ну жадная девица!
Тогда решил народ,
Что тут же в инквизицию
Немедля донесет!
Что гонит, значит, это…
Запретное она,
Но нету ведь патента
У девы ни хрена!
Явились в лес монахи,
Стучат девице в дверь.
Ну кончит жизнь на плахе
Несчастная теперь.
— А ну, давай, подружка.
Пора ответ держать!
Что гонишь ты? Вот кружка,
Должны мы пробу снять.
— Пожалуйте, хлебните,
Скрываться мне чего?
Давайте оцените
Искусства моего!
Распятья отложили
Святейшие отцы…
Колбаска на газетке,
Лучок и огурцы.
И тут пошла потеха,
Они напились в дым,
И было не до смеха
Доносчикам одним.
Им на субботник рано
Пришлось с утра вставать.
После монахов пьяных
В лесочке прибирать…[1]

— Ты чему это ребенка учишь?! — услышал я возмущенный вопль за спиной.

Я поспешно обернулся.

— А, Аль, привет. А я вот тебя жду. С мальчиком занимаюсь. Стихи учим.

— Вижу. — Ни в словах, ни во взгляде Альены не было ни капли восхищения моими самоотверженными действиями. — Что

это за творчество?

— Ну… так… сочинилось тут.

— Ага. — Альена вырвала у меня из руки книгу и взглянула на стихи. — Просто восхитительно. Значит, ребенку задали стихи выучить, а ты чему его учишь?

— Стихам, — важно ответил я и обернулся к мальчику. — Скажи, тебе ведь понравилось?

Тот радостно кивнул.

— Ага. А что такое «куролесит»?

Прежде чем я успел ответить, вмешалась Альена.

— Не слушай глупостей. Этот большой балбес сам не знает, что наплел. Лучше забудь, что он тут наговорил.

Мальчик недоуменно пожал плечами. Потом посмотрел на часы и вздохнул.

— Мне пора. — Он аккуратно собрал книги. — До свиданья.

— До свиданья, — попрощался я с ним.

Мальчик взял сумку и зашагал к выходу.

— Ведьма молодая, жила в лесной глуши. Неясно, на какие она жила шиши. Окрестные крестьяне гадали день за днем, чем дева промышляет в том домике своем, — донесся до нас его радостный голос.

Альена мрачно посмотрела на меня.

— Доволен?!

— Зато выучил, — пожал я плечами. — Сама подумай. Ребенок мучается, учит эту балладу. У него не получается. А сейчас смотри. Разом все запомнил.

— Ты еще посоветуй ему рассказать ее в таком виде на уроке.

— А что, разве плохо получилось? По-моему, ничего.

Альена наградила меня тяжелым взглядом.

Я же поспешил переменить литературную тему. Как я понял, мы с Альеной совершенно по-разному оцениваем стихи. Что ж, в конце концов, и она не может быть совершенной. Должны же у нее быть хоть какие-нибудь недостатки? Однако подобное наблюдение я благоразумно высказывать вслух не стал.

— Ладно, дались тебе эти стихи. И вообще, я думал, ты рада будешь, что я пришел.

Альена пристально посмотрела на меня. Я ответил ей самым честным своим взглядом.

— Я рада. Спасибо. Но я была бы еще больше рада, если бы ты не выкидывал постоянно своих штучек.

— Тогда я был бы ангелом, а не чертом, — резонно заметил я.

— Да уж. — Альена хмыкнула. — Тебе надсмотрщик нужен.

— Да? А вот один джинн говорил что-то про намордник.

— И намордник тебе тоже не помешал бы, — расхохоталась Альена. — Нет, ты только представь, каким симпатичным ты будешь в нем.

— Представил, — буркнул я.

В этот момент раскрылась дверь сорок второй комнаты и на пороге показался дядя. Альена вмиг оборвала свой смех и поежилась. Наши шуточки позволили ей забыть о сдаче практики и снять напряжение. И вот сейчас она снова вспомнила, зачем здесь находится. Волнение разом нахлынуло на нее. Девочка даже побледнела. Пытаясь ее подбодрить, я пихнул ее в бок и показал большой палец. Отлично все, мол, держись. Альена слабо улыбнулась и на негнущихся ногах направилась в кабинет. И чего, спрашивается, волнуется? Ведь ясно, что практику она сдаст.

Я двинулся следом, но тут же почувствовал на плече руку дяди.

— А ты куда? Извини, но тут тебе не ваша школа. Сейчас будет собеседование, и присутствие посторонних в этот момент совершенно нежелательно.

— Это еще почему? — возмутился я.

— А потому! Ты бы хотел откровенничать перед толпой? А она ведь, в отличие от тебя, врать не будет.

Тут дядя прав. Что-что, а врать Альена совершенно не умела. Точнее, я ни разу не слышал от нее вранья, поэтому сказать, умеет она врать или нет, не мог. Однако мне почему-то казалось, что нет.

— Ладно, я тут подожду, — буркнул я.

— Вот и правильно. — Дядя вернулся в кабинет и плотно закрыл дверь. Почему-то у меня даже в мыслях не возникло желания подслушать, о чем там будут говорить. Мне казалось, что если я это сделаю, то обману Альену. Я ведь действительно не знал, о чем она будет рассказывать. Вдруг ей не захочется, чтобы я это слышал? Да-а. Дожили. Кажется, я начинаю понимать ту самую мораль, которая сдерживает многие поступки ангелов. Какой глупый я был, когда смеялся над ней!

Я устроился на стуле и принялся ждать. Вот, блин. Вроде не я сдаю, а волнуюсь больше Альены. Самое же смешное состоит в том, что я прекрасно знаю, что она сдаст свою практику. Но вот было у меня такое ощущение, что реально дело вовсе не в зачете. Что за всеми этими практическими заданиями скрывалось нечто гораздо большее, чем просто желание педагогов поиздеваться над детьми, навешав им на лето какие-то поручения, чтоб каникулы медом не казались.

Альена вышла из кабинета где-то через час. Слегка задумчивая и чуть грустная. Я даже испугался: неужто не сдала?

Однако, взглянув на выходящего следом дядю, я вздохнул с облегчением. Но почему тогда она такая грустная?

Дядя посмотрел на недоумевающего меня. На Альену.

— Ребята, можно мне с вами немного пройтись? Не мешало бы вам кое-что объяснить.

Я кивнул. Становится все интересней и интересней. Альена сделала какое-то движение рукой. Понимай как хочешь. Судя по всему, дядя принял это движение за знак согласия. Он пристроился между нами и зашагал к выходу. И до самого выхода из школы молчал. Я тоже. Только очутившись на улице, дядя остановился и осмотрелся.

— Давайте-ка пройдем в Водный парк. Там и поговорим. Вода на меня действует умиротворяюще.

Про Водный парк я знал. Он был один такой на рай и ад. Единственное место в трех мирах, где вода могла течь вверх. Там действовали совершенно другие законы.

До самого парка дядя молчал. Мы тоже. Я потому, что понимал бесполезность расспросов, а Альена размышляла о чем-то своем. Видно, что прошедшая беседа очень сильно на нее повлияла. Только войдя в ворота парка, дядя оживился. Он остановился перед фонтаном, где вода с трех сторон под мощным напором поднималась метров на пять в воздух и наполняла наверху здоровенную чашу.

Переполняясь, вода из чаши потоком устремлялась вниз, наполняя чашу побольше внизу. Из этой чаши вода стекала в третью. И так до самой земли. Вроде ничего замысловатого, но красиво. Дядя минуты три стоял у этого фонтана. Потом двинулся по водной аллее. Здесь уже было поинтереснее. Вода с двух сторон аллеи тонкой стеной поднималась из земли, образуя над дорогой своеобразный водный свод. При этом ни капли не попадало на саму дорогу. Люди шли по аллее под настоящим сводом из воды. А лучи солнца, попадая на эту водяную преграду, преломлялись, образуя внутри настоящий туннель из радуги. Это было… восхитительно. Я повернулся внутри радуги, глядя, как моя одежда заиграла всеми цветами.

— Что ты обо всем этом думаешь, Эзергиль?

Голос дяди вырвал меня из моего радостного настроения.

— Это великолепно, дядя, — честно отозвался я.

Дядя резко повернулся ко мне. Нахмурился. Потом, словно что-то поняв, усмехнулся.

— Я не по поводу водной аллеи с тобой говорю.

— Да? А о чем?

— У-у! Эзергиль, если бы я не знал, насколько ты действительно умен, то подумал бы, что ты только вчера родился.

Прекращай дурачиться. Я ведь серьезно говорю.

— Но я действительно не понимаю.

— Я о вашем решении. Еще не передумали?

Альена молча мотнула головой. Но тут, словно испугавшись, вопросительно посмотрела на меня.

— Мы это долго обсуждали с Альеной, — признался я. — Мне эта идея нравится. Она необычная и шокирующая.

— Да, в твоем вкусе, — усмехнулся дядя. — А вы представляете последствия?

— Мы уже видели кое-какие из этих последствий, — тихо призналась Альена. — Когда я была вместе с Эзергилем на его практике.

Дядя задумчиво покивал.

— Да. Я понимаю, о чем вы. Зачем вам вообще понадобилось там выступать, я спрашивать не буду. Догадываюсь, чья это идея. Даже в мелочах не хочешь быть кому-то обязанным, да, Эзергиль?

Я пожал плечами.

— Так большое поле для маневра. Благодарность кому-то сужает возможность действий.

— Ты так думаешь? — Дядя задумчиво пожевал губу. Когда-то я так же думал.

Я удивленно посмотрел на дядю. Никогда его таким не видел. Дядя же, не заметив моего взгляда, смотрел вдаль.

— Я тебе не рассказывал, почему я решил пойти в ангелы? Впрочем, конечно же нет. Я это никому не рассказывал. — Та-а-ак. Совсем интересно. Мы с Альеной недоуменно переглянулись. — Не рассказывал, потому что знал, что меня никто не поймет. Сейчас же… сейчас, пожалуй, вы двое меня и сможете понять. Когда-то давно я влюбился в ангела…

Дядя влюбился?!! Трам-тарарам. Дядя, для которого его работа — все! Вот новость. Я самым внимательным образом слушал дальше.

— А она… она сказала, что я все делаю нарочно, чтобы своим коварством переманить ее на сторону ада. Она не верила мне. — Мы с Альеной переглянулись. — Я уже тогда предлагал ей действовать вместе. Говорил, что это шанс для всех… Но она опять искала подвох в моих словах и опять не верила. Возможно, я просто пытался опередить время. Понадобились реформы Горуяна, чтобы и в аду, и в раю по-другому взглянули друг на друга. Чтобы у вас, нового поколения, появился шанс…

Дядя замолчал. Мы тоже. Только поняв, что дядя продолжать не собирается, я несмело спросил:

— А чем все кончилось-то?

— Чем? — Дядя посмотрел на меня. — Однажды она попала в

беду на Земле. Большую беду. Ей никогда не удалось бы вырваться оттуда. Но я ее спас. Ангелы… я тогда не понимал их. Она посчитала, что я собираюсь привязать ее к себе благодарностью, чтобы завлечь в сети ада. Чтобы не допустить этого, она покончила с собой.

— Ну и дура! — не удержалась Альена. — У этого ангела совсем не было сердца, если она не могла отличить притворство от любви!

Я думал, что дядя рассердится, но он только грустно улыбнулся.

— Ты права, девочка. Только став ангелом, я понял, что мой идеал на самом деле был пустышкой. Но для того, чтобы понять это, мне понадобилось убить любовь в себе. Вот так вот. Но это дела старые. Вряд ли вам будет интересно. Нам же лучше поговорить о делах сегодняшних. С радостью должен признать, что вы оба справились со своим заданием. Причем справились хорошо.

— Так уж и хорошо, — буркнула Альена. — Сколько ошибок совершили. Из-за нас погиб отец Федор.

— Вот как? — Дядя покачал головой. — Я знал, что этот момент возникнет в разговоре. Что ж, давайте спросим у самого отца Федора. — Дядя махнул рукой. И тут нам навстречу ступил какой-то человек. В нем я узнал погибшего священника. Рядом же с ним стояла Зоя Ненашева.

— Здравствуйте, — улыбнулся нам отец Федор.

— Здравствуйте, — кивнул я, склонив голову набок, изучая обоих. — А вы разве еще не того… не отправились по своим мирам?

— Нет, — отозвался священник, улыбнувшись. — Господин Монтирий попросил нас задержаться ненадолго, чтобы встретиться с вами. Он был уверен, что вы будете обвинять в моей смерти себя.

— А разве не так было? — несмело поинтересовалась Альена. — Разве мы не виноваты?

— Ну… как бы вам сказать. Допустим, вы тогда не успокоились бы. Ну просчитали ситуацию. И что бы вы сделали? Как вы могли бы на нее повлиять?

— Что-нибудь придумали бы, — пообещал я.

— В тот момент может быть. А дальше? Или вы думаете, что те ребята на этом успокоились бы? Нет, та проблема была только наша. И уж если кого винить мне в своей смерти, то только самого себя. Я-то ведь знал ровно столько же, сколько и вы. И я сам должен был все просчитать.

— Вы говорите, чтобы нас успокоить? — поинтересовалась

Альена.

— Да. Разве этого мало? Или ты думаешь, я обманываю?

— Альена, поверь, не стоит обвинять себя, — заговорила Зоя. — Мне Федор многое рассказывал, о чем вы не говорили мне.

Я поежился под пристальным взором Ненашевой. Ну да, не все я ей говорил. Ну и что? А зачем ей все было знать? Разве она могла бы помочь?

— Я могу понять, почему меня заставили волноваться. Я понимаю, что мой сын самостоятельно должен был пройти ваши испытания. — Зоя вдруг вздохнула. Дядя ее осторожно поддержал.

— И вы можете быть довольными. Взгляните. — Дядя осторожно повел рукой перед собой. И тотчас земля расступилась. Мы смотрели куда-то вниз, под землю, но, вопреки обыкновению, там было не темно. Наш взгляд понесся в глубину и вдруг вырвался на простор. Вокруг плавали облака и сквозь прорехи в них была видна Земля. И вот Земля стремительно понеслась нам навстречу. Мы с легкостью пронзали стены домов и деревья. Вокруг все слилось в единый хоровод, и моментальная остановка. Я огляделся. Похоже, мы находились в больнице. Точнее, в больничной палате. На кровати лежал человек, к которому тянулись трубки от капельницы. Какой-то прибор на тумбе фиксировал его состояние. А рядом на стуле сидел мальчик, смотрел на лежащего мужчину и крепко сжимал его руку. Мужчина же смотрел на мальчика. Они словно молча изучали друг друга.

— Сынок, — выдохнула рядом со мной Зоя. И только тут я с удивлением узнал в мальчике Алешу, а в лежащем на кровати мужчине его отца. Нас, похоже, не видели и не слышали, поскольку никто из них на наше появление никак не отреагировал. Зоя подошла к сыну, осторожно погладила его по голове, и ее рука прошла сквозь мальчика. Зоя всхлипнула. Но Алеша все же что-то почувствовал. Он вдруг вздрогнул и посмотрел вокруг. Улыбнулся.

— Алеша, — повторила Зоя, стоя перед ним на коленях. Слезы катились по ее щекам, но она не обращала на них никакого внимания.

— Мама? — вдруг спросил он.

Я ошарашенно повернулся к дяде. Тот выглядел удивленным не менее меня. Только Альена улыбалась. Но она тут явно была ни при чем. Мальчик сам почувствовал что-то.

Мужчина вдруг сильнее сжал руку мальчика.

— Да, сынок, — заговорил он. По его щеке тоже пробежала слеза. — Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?..

— Папа. — Алеша повернулся к нему. — У нас ведь теперь все будет хорошо, да?

— Да. Это я тебе обещаю. И твоя мама пусть порадуется за тебя. Ты вырастешь настоящим человеком… не то что я.

Дядя осторожно подошел и коснулся руки Зои.

— Нам пора.

Зоя разом вытерла слезы и встала.

— Да. Нам пора. — Потом резко повернулась к дяде. — Почему я не могу увидеть, как будет расти мой сын?! Почему не я должна его воспитывать?! Почему?!!

Дядя только развел руками.

— Простите, — зачем-то извинился он.

Палата вдруг померкла, и мы оказались на той самой дорожке водной аллеи.

— У моего сына и правда все будет хорошо? — спросила Зоя.

— Это зависит только от него. Но теперь он многое понял и многому научился. И теперь у него есть отец.

Зоя помолчала. Потом повернулась ко мне.

— Да, черт, ты все-таки выиграл. Я признаю, что все мои страдания стоили того. Я готова была идти в ад, только чтобы помочь своему сыну.

Я покачал головой и отступил.

— Я тут ни при чем. Ваш сын сам справился. Я создавал ему препятствия, но преодолевал он их сам. Или с помощью друзей. Испытания закалили его. Но кого-то они сломили бы. У вашего сына был соблазн стать самым влиятельным и богатым человеком мира, как я предлагал. И сделал бы. Он сумел преодолеть его ради своих друзей. Что ж, за это он получит не власть и деньги, а просто счастье. Он будет счастливым человеком.

— А это будет дороже всякой власти и денег, — вмешался отец Федор. — Думаю, он сделал правильный выбор.

— Вы его сами об этом спросите, — отозвалась Альена. — Лет через шестьдесят-семьдесят.

— Думаю, что он подтвердит мои слова, — усмехнулся отец Федор.

За разговором мы сами не заметили, как вышли из водной аллеи и вдруг оказались около Небесных Врат. Дядя остановился перед двумя столбами. Отец Федор и Зоя замерли. Мы с Альеной встали чуть позади них.

— Вам пора. — Дядя отступил в сторону.

Я выпрямился, стараясь казаться выше ростом. Покосился на Альену. Та украдкой вытирала слезы. Да-а. Пусть она и самая лучшая в мире девчонка, но все же она девчонка. Ну теперь-то что плакать? Ведь все хорошо закончилось. Она вдруг сорвалась с

места и повисла на шее у Зои.

— Я буду всегда вас помнить, — зашептала она сквозь слезы.

Зоя погладила девочку по голове.

— Я тоже буду помнить о тебе. Я бы хотела, чтобы у меня была такая дочь.

— Ну конечно, — буркнул я себе под нос, чтобы никто не расслышал. — Дочь-ангела все хотели бы иметь. А вот сына-черта — шиш. Эх, и никому я не нужен.

Непонятно почему, но мне стало грустно. Я даже отошел в сторонку. Казалось бы, что грустить? Все как обычно. Самая грязная работа на чертях, но никто еще не сказал нам спасибо. И не скажет. Но нам не привыкать. За прошедшие тысячелетия мы уже привыкли к этому. А значит, опять за работу.

Тут ко мне подошла Зоя и остановилась. И вдруг поцеловала в щеку.

— Тебе тоже спасибо, черт.

Зоя развернулась и, не оборачиваясь, вошла в светящийся столб. Короткий миг ее фигура была видна в нем, а потом она исчезла. Я же остался стоять около Врат, держась рукой за щеку. Отец Федор посмотрел на меня. Усмехнулся и махнул рукой.

— Прощай, Эзергиль. И постарайся объяснить своей подруге, что она не виновата в моей смерти. Спасибо вам.

Мы остались втроем.

Глава 5

Дядя задумчиво оглядел меня и Альену.

— Что ж, думаю, вы оба многое извлекли из своей практики. И вы, возможно, сами того не желая, повлияли друг на друга.

— Точно-точно, — кивнул я. — Вот взять хотя бы Альену. Под моим чутким влиянием она стала серьезней подходить к учебе и даже осознала прелесть шуток. Я же под ее влиянием стал более терпелив и кроток. И теперь я со всем терпением и кротостью бью врагов чем-нибудь тяжелым сразу.

Я услышал, как у меня за спиной зашипела Альена. Не оборачиваясь, я пригнулся, пропуская над головой подзатыльник. Быстро шагнул вперед, выходя из зоны атаки, и кротко сложил руки на груди, возведя глаза к небу.

— Прости ее, отец наш, как я прощаю ее. Ибо не ведает, что творит. — Тут я посмотрел на дядю. — Видишь, какой я кроткий стал? А все ее влияние.

Альена разъяренной кошкой нырнула ко мне. Я опять увернулся. Дядя хохотал. Альена скакала за мной, норовя отвесить хороший подзатыльник. Я, понятно, этого не желал и успешно уворачивался. В конце концов дядя не выдержал и поймал нас обоих за руки.

— Ну хватит, — устало велел он. — Устроили тут балаган. Альена, своего племянника я знаю, но ты-то… Девочка и ангел, а ведешь себя…

— Я же говорю, — опять вмешался я. — Каждый из нас научился у другого чему-то.

— Эзергиль, я ведь серьезно с вами говорю. От ваших ответов зависит довольно много. Альена, вот ты, например, что ты извлекла из практики?

Альена задумалась.

— Пожалуй, я научилась лучше понимать людей. А также тому, что ради других порой стоит отложить в сторону свои принципы.

Дядя кивнул.

— Что ж, пожалуй. Дорого бы я дал, чтобы некоторые черти и ангелы ради общего дела хотя бы на минуту забыли о своих принципах. Ну а ты Эзергиль, что скажешь?

— А что я скажу? Я тоже извлек из всего урок.

— Какой? — Дядя вдруг стал жутко подозрительным.

— А такой, — пожал я плечами. — Несовершеннолетним чертям надо поменьше обращать внимание на незнакомые души, бродящие по министерству наказаний.

— Эзергиль. — Дядя покачал головой. — Когда же ты будешь серьезен?

— А я серьезен. Я совершенно серьезен. Дядя, ну вот скажи мне, кому какое дело до того, что я там извлек из практики? Это касается только меня и, может быть, Альены, если мы начнем работать вместе. Но никак не этих ваших седоволосых мудрецов. Ты ведь по их просьбе задавал эти вопросы?

Дядя усмехнулся.

— По их. Что ж, будем считать, что я и от тебя получил ответ. В конце концов, отказ от ответа тоже ответ. По крайней мере, я могу сказать, что вы оба усвоили один важный урок. Каким бы зло ни казалось сильным, но добро в конце концов возьмет верх…

— Точно, — опять перебил я. — Добро победило. Значит, кто победил — тот и добрый. Дядя, хватит нам лекции читать и просвещать по поводу вселенского добра. Прямо скажи, что надо. Вижу же, что не зря завел разговор.

Я перехватил ошеломленный взгляд Альены. Ну понятно, для нее мой дядя был ТОТ САМЫЙ знаменитый ангел Монтирий, который заставил даже ад говорить о себе. А тут… шуточки, перебивание. Но оно и понятно. Я же дядю с пеленок знаю. Он же чуть ли не нянчился со мной. Так что никакого пиетета перед ТЕМ САМЫМ ангелом я не испытывал. Да и дядя к моим выходкам уже давно привык. Вот и сейчас он только головой покачал.

— Всыпать бы тебе хорошенько, чтоб старших не перебивал, да боюсь, уже поздно. Эзергиль, хотя бы ради вежливости сделай вид, что внимательно меня слушаешь. Но раз уж так… В общем-то, ты угадал. Я недаром завел этот разговор. Хотел потихоньку подвести вас к осознанию всей ответственности. Но, похоже, этого не требуется. Короче, сегодня вас приглашают на совещание. Там будут старейшины как ада, так и рая.

— Эй, — удивленно воскликнул я. — Дядя, ты же говорил, что эта встречал должна быть через четыре дня?!

— Говорил. И так бы и случилось. — Дядя уничижительно посмотрел на меня. — Если бы кое-кто не вылез на зачете по практике со своей инициативой. Самое главное, нашел перед кем. Перед старейшиной Острагором.

— Угу, — кивнул я и вдруг встрепенулся. — Эй, каким старейшиной? Острагор?! Это… это не тот самый? Не Верховный?!

— Он самый, — кивнул дядя, с усмешкой посматривая на меня.

— Мать моя женщина. — Я без сил опустился на землю. — Вот я выступил перед ним!

— Начальство полагается в лицо знать, — хмыкнул дядя.

Я только рукой махнул. Потом обхватил голову руками.

— Вот я наговорил там! Наверное, таким идиотом ему показался.

Дядя усмехнулся.

— Ничуть. Более того, могу сказать, что ты ему понравился. Он о тебе очень хорошо отзывался.

— Ага, — убито кивнул я. И тут до меня дошло. — Он тебе говорил?! Выходит, ты с ним разговаривал?

— Ну конечно. А ты думаешь, я с кем буду разговаривать о ваших идеях?

— Минуту! — вмешалась Альена. — Может, я что-то пропустила? Кто такой этот Острагор?

— Люди назвали бы его Великий Визирь, — отозвался дядя. — Реальный правитель ада.

— Реальный? А как же Скрот?

— Витрина. Его должность недаром называется Представитель. — Видя, что Альена не совсем понимает, дядя объяснил. — Он только выступает от имени и по поручению. Произносит речи. Публичный человек, в общем. Но власти у него нет. Реальная власть у Острагора. Хотя официально он всего лишь секретарь. Впрочем, понимающие его называют Верховным.

— А зачем такая сложность? — недоумевающе поинтересовалась Альена. — Пусть бы и правил.

— Просто обычай, — отозвался я, все еще переживая свой провал. Не узнать Острагора… это надо суметь. — Кто публично представляет ад, обязан иметь красивую внешность. Производить впечатление на окружающих. Реальный же правитель должен быть в первую очередь организатором. Умным, талантливым. При всеобщем голосовании победит ведь не обязательно умный, а тот, кто сильнее произведет впечатление на толпу. Вот такой и представляет ад. А реальную власть получает тот, кто сможет победить своих соперников в Выборной Игре. Там сложные правила. По сути, идет моделирование управления мини-государствами. Кто в той Игре одерживает верх — тот и становится секретарем. Принять же участие в Игре может каждый. Все просто.

— Бр-р-р. — Альена затрясла головой. — Какой кошмар. Вот навыдумывали. Все запутали. А как же Горуян? Он же был Представителем.

— Он просто совмещал обе должности, — отозвался я. — Это не запрещено. Но надо быть действительно личностью, чтобы добиться подобного успеха. За всю историю было только трое таких. Но на твоем месте я бы не заморачивался. Просто прими к

сведению, что реально правит Острагор. И поскольку он на публике редко появляется, то неудивительно, что он известен мало.

— Тогда чего себя ругаешь?

— Потому что *я* обязан был знать того, кто правит.

— Мой племянник хочет сказать, — пояснил дядя, — что он сам стремится к власти. Вот он и изучает всех, кто побеждает в Выборной Игре.

— Кто бы сомневался, — фыркнула Альена. — Вот нашел, к чему стремиться. К власти.

— Цель не хуже других, — парировал я. — Главное, на что ты употребишь свою власть. А то ведь если лучшие люди будут брезгливо отворачиваться от политики, то на вершине неизбежно оказываются худшие.

— Себя ты, конечно, отводишь к лучшим представителям.

— Безусловно, — важно отозвался я.

Альена рассмеялась. Я же обиделся. И тут поспешно вмешался дядя.

— Об этом вы можете поспорить в другой раз. А нам, между прочим, пора на встречу. Вас ожидают старейшины рая.

— И Острагор? — испуганно поинтересовался я.

— Нет. Острагор будет позже. Сначала с тобой хотели поговорить старейшины.

— Но дядя, я не готов…

— Поздно. Все. Нам пора. Впрочем, можешь отказаться от всего.

Я промолчал… но подумал. Такое подумал… хорошо, что дядя мысли читать не умеет. И ведь, похоже, вовсе не случайно он нас сейчас всем этим огорошил. Ну не верю я, что дядя только сегодня обо всем узнал и теперь в пожарном порядке собирает нас. А если бы я не приехал в рай? Нет, все заранее дядя знал, но по какой-то причине сказал только сейчас. И ведь придется идти. Тут ведь такое дело, что второй раз никто нас ждать не будет. Просто не дадут никакого второго шанса. Не пришел, значит, не заинтересован в исходе дела. Я уже в который раз задумался над тем, что я выбрал чрезмерно сложный путь. Но, с другой стороны, этот путь: а) короче, б) вместе с Альеной. Правда, непонятно, на кой я ее-то во все это впутываю.

Тут Альена ухватила меня за руку и потащила за собой.

— Ты долго тут еще сидеть будешь и лоб себе чесать?! — прошипела она мне. — Все свои мысли вычешешь. Или ты думаешь, что ради нас все еще раз соберутся? Ты понимаешь, что именно сегодня все решится?! Или ты передумал?! Если да, то так и скажи.

Я осторожно высвободил свою руку.

— На слабо меня брать не надо. Это все мы проходили. А я думал. Дело серьезное. А так я ничего не передумал.

— Значит, поехали, — сказал дядя. — А то, чувствую, вы до вечера будете спорить на тему, кто боится идти, а кто не боится. Вперед.

Дядя раскрыл крылья. Так что я ничего не успел ответить. Нас с Альеной окружила стремительно растущая светящаяся воронка. Дядя оказался в центре ее, усиленно работая крыльями. И тут же этот вихрь подхватил меня, куда-то унося. Однако почти сразу он прекратился. И мы все втроем оказались в совершенно другом месте рая. Более того, похоже, мы были вообще в другом городе. Теперь ясно, почему дядя прибег к мгновенному перемещению, а не обычному полету.

Я так засмотрелся по сторонам, что дяде пришлось хлопнуть меня по плечу, чтобы привлечь внимание.

— Что, городов не видел? — поинтересовался он. — Нам туда.

Я обернулся в ту сторону, куда показывал дядя. Опа. Блин, я смотрел по сторонам и не заметил здания, которое стояло буквально у меня под носом. А здание было довольно примечательным. Купола явно позаимствованы у православных церквей. А вот высоченная башня очень напоминала минарет. С четырех же сторон каждого купола высились готические шпили. Я даже глаза протер.

— Что это? — изумленно воскликнул я.

— Это? — Дядя поморщился. — Дом Согласия и Примирения. По крайней мере, именно так оно и задумывалось. Ты еще с другой стороны его не видел. Там ты найдешь черты и буддийских храмов, и синагог, и даже некоторые черты языческих капищ. Бр-р-р. Кошмар, в общем. Задумано, конечно, было неплохо, но вот исполнение…

— А я считал, только у нас могут быть уродливые здания, — заметил я, разглядывая этот шедевр зодчества.

— Эзергиль, не строй из себя простака. Ты прекрасно знаешь, что монополии на разные глупости нет ни у кого. И рай, к сожалению, не исключение. Когда здание было в конце концов построено, то многие оценили его, скажем так, оригинальность. Но ведь не рушить же его? Это не в обычаях рая разрушать то, что уже создано. Вот его слегка и оградили от посторонних взглядов. Увидеть этот дом примирения может только тот, кто направляется туда. Ты ведь, небось, удивился, что не сразу его заметил, а только когда я тебе показал.

— Я тоже не знала о существовании этого… этого… —

Альена мучительно пыталась подобрать слова, чтобы описать здание, и не могла.

— Впечатляющего строения, — помог ей дядя. Да, впечатлений от этой постройки на всю жизнь. Тут он прав.

— Как бы то ни было, — опять заговорил дядя, — но нам именно туда. Оно уже около трех столетий является местом встречи официальных представителей ада и рая. Поскольку в раю отказались брать это здание себе…

— Как я их понимаю, — вздохнул я.

— …ад тоже не выразил желания взять его себе.

— Странно. Судя по некоторым строениям, у нас оно как раз подошло бы.

— Эзергиль! Давай без комментариев? У нас и так времени мало. А отказался ад от него вовсе не по эстетическим причинам.

— Кто бы сомневался.

— Эзергиль!!! — рявкнул дядя.

— А что? Я ничего. Я разве виноват, что все лучшие людские архитекторы достаются раю, а не аду? Некоторые там у нас такое понастроили, что эти здания поспешили навечно упрятать в Хаос, от которого, собственно, те здания не слишком и отличались. А это… это хоть на дом похоже. Так почему ад отказался от этой постройки?

— Если ты закончил, то отвечу, — едко заметил дядя. — Отказались потому, что оно находится на территории рая. В то время это сочли неприемлемым. Вот и объявили его нейтральной территорией. Обе стороны постарались сделать так, чтобы внутри его не могло быть предательства в принципе. Короче, нам в него и надо.

— Я догадался, — не менее едко отозвался я.

Альена рассмеялась. Мы с дядей недоуменно посмотрели на нее.

— Вы бы видели, как вы сейчас похожи, — заметила она. — Сразу видно родственников.

Мы с дядей разом покраснели. Альена рассмеялась еще звонче.

— Вы даже смущаетесь похоже.

— Ладно. Нам уже пора. Идемте. — Дядя поспешно развернулся и направился в услужливо приоткрывшуюся дверь. Мы за ним.

Внутри здание выглядело вполне прилично. Похоже, здесь постарались как можно лучше компенсировать тот эффект, что оно производило снаружи. В довольно просторном холле нас встретили ангел и черт в парадных одеждах. Это производило впечатление. Они встали по бокам от нас и чуть впереди. Как

конвоиры.

— Прыжок на месте расценивается как попытка улететь? — поинтересовался я у ангела. У черта, шагавшего рядом с нами, чуть дрогнули уголки губ, словно он хотел улыбнуться, но сдержался. Ангел же не прореагировал никак. Зато прореагировала Альена. Кажется, ей тоже было не по себе от этой торжественности.

— Эзергиль, — прошипела она, — ты будешь, похоже, шутить, даже когда тебя поведут искупаться в котле со святой водой.

— Какая зверская мысль, — восхитился я.

Альена промолчала. Видно, сочла, что отвечать мне — только раздувать спор. В общем-то, она права. К тому же в споре забывается, зачем мы сюда пришли. И поджилки перестают трястись. Так. Сейчас главное взять себя в руки. Ха, тоже мне, невидаль. Встретиться с самыми могущественными ангелами рая, а потом еще и с правителем ада. Ха. Это пусть у них поджилки трясутся от предстоящей встречи со мной.

Я выпрямился. Распрямил спину и гордо оглядел все вокруг. Тверже шаг. Теперь по величественности поступи я не уступал нашим провожатым. Или конвоирам. С учетом того ощущения мощи, которое производило внутреннее убранство помещения, эти ангел и черт были конвоирами. Чтобы посетители не сбежали. Ну мы, по крайней мере, сбегать не намерены. Пусть и не надеются. Однако, взглянув на Альену, я уже не был так в этом уверен. Судя по всему, ей хотелось именно сбежать. Быстро и далеко. Я хотел ее чуть-чуть подбодрить, но не успел. Наши провожатые остановились перед одной из дверей и замерли по обе стороны от нее. Разом раскрыли створки. Я даже дверь не успел разглядеть. А она ей-ей того стоила. Целое произведение искусства. Блин! Ну почему в ад не попадают такие мастера, что способны сотворить подобное? Вот и приходится нам довольствоваться ремесленниками. Где справедливость?!

Дядя слегка подтолкнул меня в спину. Я сделал шаг. Потом еще. Что ж, сделав первый шаг, надо уже не отступать. Я решительно поднял голову и вошел в зал. Оглядел сидящих за столом старейшин.

— Здравствуйте, — громко поздоровался я. — До меня дошли слухи, что вы хотели меня видеть? Я пришел.

Мне даже не надо было поворачиваться, чтобы понять, как отреагировали на мое заявление дядя и Альена. Я и не стал, сосредоточив все внимание на старейшинах. Они переглянулись.

— Мы хотели видеть не только тебя, — наконец отозвался один из них.

— Верно. Но, как мне кажется, в основном вы хотели видеть именно меня.

— Тебе действительно кажется.

— Что ж, возможно, — не стал спорить я. — Но я пришел. Эзергиль, к вашим услугам. — Я слегка склонил голову, обозначив поклон.

— Мы знаем твое имя, — отозвался все тот же ангел.

— Возможно, — опять не стал спорить я. — Однако я посчитал, что вежливые люди всегда представляются, когда видят кого-то впервые.

Позади охнула Альена. Похоже, она уже готова упасть в обморок.

Тот ангел, что разговаривал со мной, поднялся.

— Если бы ты дал нам возможность, мы бы представились. Однако мы считаем еще более невежливым перебивать того, кто говорит.

Ха. На тебе, Эзергиль. Посчитал себя здесь самым умным? Получай. Да, с этими ангелами мне еще рано тягаться. Ну ничего. Еще посмотрим, кто кого. Первый раунд за ними, признаю. Я всегда признаю свои поражения. Только так можно чему-то научиться на них. Если их просто игнорировать, то это гарантия того, что потом можешь наступить на те же грабли. Я еще раз склонил голову.

— Извините.

Похоже, никого из здесь присутствующих не удивило извинение от черта. Правильно, это не невежественная толпа. Они прекрасно понимают, что черти вовсе не идиоты. И первый признак ума — умение признавать свои ошибки. Только полные невежды верят в грубость и хамство чертей. Кто-нибудь видел наглого и хамоватого мошенника? Я имел в виду преуспевающего мошенника. Но почему-то считается, что черти именно наглые и хамоватые. Ангел кивнул мне, принимая извинения, и продолжил:

— Я Войстрер. Старейшина Войстрер. А это мои помощники — старейшина Трегор и старейшина Легенгор.

— Очень приятно, — кивнул я. — А мои спутники — мой дядя Монтирий и ангел Альена.

Войстрер улыбнулся. Похоже, этот раунд остался за мной. Только вот спина чуть-чуть побаливать стала. Блин, надо бы девчонке вежливо так объяснить, что пихаться нехорошо. Некультурно это. Ангелам так делать не полагается. Тем более не полагается пихаться с такой силой. Ага, объяснишь ей, как же. Она сама кому хочешь все объяснит. И очень убедительно объяснит. Вот как сейчас мне, например.

— Мне тоже очень приятно. Монтирий, Альена. — Войстрер слегка поклонился каждому. — Что ж, будем считать, что познакомились. — Войстрер повернулся к дяде. — Уважаемый господин Монтирий, позвольте поговорить с ребятами.

Дядя слегка поклонился и направился к выходу. Эй, куда это? Мы так не договаривались. Я вовсе не хочу, чтобы он уходил. Войстрер, похоже, заметил мое состояние.

— Не переживай, Эзергиль. Твой дядя подождет вас в коридоре. Мы же хотели поговорить именно с вами. Чтобы никто не мешал.

— Мне дядя не мешал, — буркнул я.

— Нам мешал. В конце концов, ваша идея о совместном… совместной деятельности ангелов и чертей… это ваша идея?

— Нет. Святой дух нашептал, — буркнул я. Настроение испортилось. И плевать мне теперь было на всех, кто здесь находится. Кто бы они тут ни были. Однако ангелы проявили терпение.

— Не шути так. Мы ведь хотим все выяснить…

— Хорошо, — перебил я. — Хотите выяснить? Пожалуйста. Мне дали задание, которое никогда не давали черту. Если бы не Альена, то мне вряд ли удалось бы с ним справиться. Полагаю, что ей тоже может понадобиться моя помощь. Вместе мы можем действовать очень эффективно. А на Земле сейчас настают такие времена, что если мы не хотим исчезнуть вместе с людьми, то нам надо действовать очень и очень эффективно.

— Это все? — поинтересовался Войстрер.

— Да… нет… Не все. Она мне просто нравится. И мне не хотелось бы с Альеной расставаться. Мы подружились. Этого достаточно?

— Черт, — фыркнул Трегор. — Кто бы говорил о дружбе. Господин Войстрер, он же просто хочет воспользоваться ситуацией и влезть в доверие к девочке, а потом подстроить что-нибудь.

— Вот как? — Вперед выступила Альена. Я узнал знакомый блеск в глазах и посочувствовал Трегору. Несчастный. Похоже, ей сейчас, так же как и мне, было абсолютно плевать, кто перед ней. — Значит, я дурочка, которую каждый, кому не лень, может обмануть и влезть мне в доверие?

— Нет, — смутился Трегор. — Просто ты еще очень молода и не можешь…

— Я молода? — Да, похоже, Трегору всерьез удалось рассердить Альену, если она перебила собеседника. — Ну что ж, возможно. Зато коварный и подлый черт, что втерся ко мне в доверие, просто опытный соблазнитель и совсем не молодой

даже. И опыт у него, конечно, не чета моему.

Трегор сморщился и покосился на меня.

— О подлости чертей известно давно и всем. Так что возраст тут ни при чем.

— Если все, то не я! — отрубила Альена. — Так, кажется, говорил Сын Божий?! Почему же вы повторяете то, что говорит толпа? Мне кажется, что я сама могу распорядиться своей жизнью и довериться тому, кому хочу, а не тому, на кого укажет мне кто-то!

— Так оно и есть, — ласково пропел Трегор. — Но для начала надо немного подрасти. Вот будешь ты совершеннолетней, тогда пожалуйста. А пока… ваше решение слишком поспешно и необдуманно. Поймите, мы же заботимся только о вас.

Все. Карты раскрыты. Трегор — наш враг. «Мы заботимся только о вас» — так обычно говорят те, кому на этих «вас» глубоко наплевать. О себе они заботятся. И только о себе.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — вежливо сказал я, — но, господин Трегор, позвольте заметить, что я не давал вам права заботиться обо мне. Таким правом обладают только мои родители, дядя и друзья. Я, в свою очередь, тоже забочусь о них. Вы, насколько мне известно, не мои родители, не мой дядя и не мой друг. Поэтому прошу вас перестать обо мне заботиться. Позвольте мне совершать мои глупости, если вы считаете, что то, что мы с Альеной замыслили, глупости.

— Это уже неуважение!

— Трегор, — тихо попросил Войстрер, — не шумите. Мне тоже не понравилось бы, если кто-то помимо моей воли взялся определять, что для меня лучше, а что нет. Мальчик прав.

— Господин Войстрер, неужели вы поддержите эту… эту глупость?!

— Докажите мне, что это глупость, и я поддержу вас.

— Но… — Трегор даже растерялся. — Но ведь ясно, что черти и ангелы просто не могут действовать вместе!

— Разве? — так же тихо переспросил Войстрер. — Мне кажется, вы тоже читали отчеты этих ребят о своей летней практике. Они неплохо сумели сделать то, что вы считаете невозможным.

— Ангел действовал хорошо, пока помогал мальчику. Но ни один ангел не может причинить кому-то вред!

Я довольно громко хмыкнул.

— В самом деле? Тогда, может, вы мне объясните, как можно помочь кому-то, не причиняя вреда другому?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался третий старейшина, с интересом посматривая на меня.

— А то, что все взаимосвязано. Помогая Алеше, мы вредили очень многим людям. Хулиганам, что выманивали у мальчика деньги. Да и тот самый шеф, что сейчас ожидает суда, вряд ли скажет ласковые слова в адрес ангелов за помощь его врагу.

— Они ваша епархия, черт. Рай они не интересуют.

— Да? — Я склонил голову набок и изучающим взглядом окинул Трегора. — Тогда я не понимаю, почему вы должны переживать, если Альена будет действовать и дальше против таких людей, которые рай не интересуют? Ведь, действуя против них, Альена будет помогать тем хорошим людям, что страдают от них? Разве вы не видите взаимосвязи?

Войстрер и Легенгор с интересом посмотрели на Трегора. Тот, вынужденный уйти с пути вещания общеизвестных истин и перейти к доказательству своих утверждений, растерялся. Похоже, в такую ситуацию он попадал впервые.

— Я ведь то же самое тебе говорил, — опять заговорил Легенгор. — Ты только не прислушивался. Мы не можем помочь кому-то и не затронуть других людей. Мальчик совершенно прав.

— А мы не можем кого-то наказать и тоже не затронуть других, — поддержал я его. Похоже, один друг у нас есть. Только вот я никак не мог определить, какую позицию займет Верховный старейшина.

Трегор, похоже, тоже сообразил, что здесь он проиграл, и печально вздохнул. Блин, вздыхает так, словно его тяготит тяжкий груз ответственности за весь мир. Теперь я понимаю, почему дядя считал искренность наиболее важной чертой характера ангелов. Нет, когда-то Трегор, безусловно, был искренним. Но не выдержал испытания властью. Бывает. Надо бы за ним понаблюдать. Когда я достигну вершин, не хотелось бы стать таким же.

— Но кто будет решать кого наказывать, а кому помогать?! — поинтересовался Трегор. — Черт?!

— Я буду решать, кого наказывать, — вмешался я. — А она, — кивнул я на Альену, — кому помогать. Или вы сможете утверждать, что за всю историю ада хоть один черт ошибся в выборе? Или хоть один ангел поддержал не того человека?

— Когда рядом черт, ничего нельзя сказать точно, — огрызнулся Трегор. Похоже, мы его достали. Не имея аргументов, он начал просто сердиться. — Кто знает, как ты можешь повлиять на ангела?

— Вот как? Вы так не верите в дело ангелов?

— А при чем тут это? — удивился Трегор. Остальные тоже смотрели на меня слегка удивленно. Только Войстрер чуть улыбался.

— А при том. Повлиять можно на того, кто не уверен в правильности своего пути. На слабого. А вдруг это не я на нее повлияю, а она на меня? Такой вариант вы почему не учитываете?

— Повлиять на черта положительно? — фыркнул Трегор.

— Вот и я о том, — кивнул я. — Выходит, вы считаете, что черти настолько лучше ангелов, что всех ангелов надо изолировать от них, чтобы те, ни-ни, даже не общались бы с ними. С такими злыми и подлыми. А то ведь, ишь, повлияют эти коварные черти на ангелов и научат их плохому. А то, что ангелы могут повлиять на чертей и научить хорошему… Да кто же этой глупости поверит? Ангелы ведь ни на кого повлиять не могут. Они беззащитные, и их прятать от всех надо.

Войстрер вдруг рассмеялся.

— Трегор, признай, что мальчик прав. Ваша забота о юном поколении переходит все границы приличия. Осталось только запереть всех детей до совершеннолетия в каком-нибудь Эдеме.

— Я тоже согласна с Эзергилем. Я уже достаточно взрослая, чтобы отличить хорошее от плохого. Возможно, я совершу ошибку. Возможно. Но у меня есть к кому обратиться за советом. И это будете не вы, господин Трегор, простите. В конце концов, кто из вас ни разу не ошибался?

Альена обвела всех троих старейшин пристальным взглядом. Войстрер улыбался. Легенгор согласно кивнул. Трегор сидел нахохлившийся.

— Вот! — провозгласил он. — Ты уже попала под влияние этого черта.

— Пусть так. Но это моя ошибка!

— Вот интересно, — отозвался я. — Свято соблюдая свободу воли людей, мы позволяем совершать им ошибки, ибо считаем, что ошибки должны учить их. Но почему вы так старательно пытаетесь уберечь от ошибок нас? Не верите, что они нас могут чему-нибудь научить? Господин Трегор, как я понял, вы противник совместных действий ангелов и чертей? Считаете это ошибкой? Так позвольте нам действовать! Это же ошибка! И провал наших действий всем покажет, насколько вы были правы, сопротивляясь этому! Чего вы боитесь? Того, что мы все же сможем добиться успеха?

— Никогда! Это глупость!

— Тогда позвольте нам действовать! Наш провал всех убедит в вашей правоте. Если же вы сейчас запретите… интересно, сколько времени пройдет, когда кому-то захочется попробовать еще раз идею? Запрет ведь не опровергает ее. А слух о совместной работе ангела и черта уже пошел гулять по аду и раю.

— Похоже, молодой черт прав. — Сбоку распахнулась дверь,

и в комнату вошел Острагор. Вот зараза, а ведь, похоже, он все слышал с самого начала. То, что его не было в комнате, вовсе не значит, что он ничего не слышал. И то, что все трое старейшин не удивились его появлению… Они знали, что он здесь. — Когда я услышал об этой… идее, я тоже не выразил восторга. Потом решил присмотреться к этой парочке.

Острагор внимательно оглядел сначала меня, потом Альену.

— Судя по всему, ребята настроены решительно. По большому счету наше разрешение для них просто формальность. Поэтому единственное, что мы можем, это позволить им действовать, а там посмотрим, свернут они себе шею или нет.

Сурово. Но правдиво. Вот за что своих уважаю, так за то, что они не прибегают к разным попыткам спрятать правду за красивые слова.

— Острагор, они же всего лишь дети, — поморщился Легенгор.

— Если они сумели поставить на уши и ад, и рай, то они заслужили, чтобы к ним перестали относиться как к детям. Тем более что от успеха или неуспеха их деятельности будет зависеть дальнейшая политика ада и рая.

— Как я понимаю, Острагор, вы поддерживаете их?

Острагор хмыкнул и подошел ко мне. Несколько мгновений смотрел мне в глаза. Я взгляда не отвел, хотя чего мне это стоило… Острагор снова хмыкнул и подошел к Альене. Девочка твердо встретила его взгляд. Острагор задержался около нее чуть дольше, чем у меня. Похоже, ему не понравилось, что ангел смог справиться с ним. Он мог восхититься мной как чертом — растет смена. Но вот победа ангела понравиться не могла.

Острагор отвернулся от нас и медленно поднялся к старейшинам.

— Я еще раз говорю, что наше разрешение для них формальность. Они все равно будут действовать вместе. Хотя в этом случае могут наломать дров. Пусть уж лучше действуют под присмотром. Я за.

— Я тоже за, — поднялся Легенгор. — Я согласен с господином Монтирием. Нам надо менять свою политику.

— Я тоже за, — встал и Трегор. — Но только потому, чтобы все увидели их провал и больше никому в голову не пришла дурацкая мысль — действовать ангелам и чертям совместно.

Теперь все смотрели на Войстрера. Тот сидел, опустив голову на грудь, и о чем-то старательно думал. Я затаил дыхание. Рядом замерла Альена. Наконец Верховный старейшина поднялся.

— Что ж. Я тоже поддерживаю это. Я согласен и с Легенгором, и Трегором. Земля меняется стремительно, и мы не

успеваем за людьми. Нам действительно необходимы свежие идеи. Но и Трегор прав. Такого еще не было. Поэтому стоит посмотреть, что из этого получится. Провал или успех этих решительных ребят определит все. Я сказал.

Уф. Ну вот, кажется, и свершилось. Однако радости я почему-то не испытывал. Только усталость. Альена тоже стояла сутулясь. Но моя усталость не помешала мне заметить, что все в зале после оглашения вердикта пристально стали смотреть на нас. Похоже, то, что мы не проявили радости, понравилось всем, кроме Трегора. Он разочарованно вздохнул.

— Кажется, вы прониклись важностью вашего решения, — заметил Войстрер. — Важностью и ответственностью.

Мы с Альеной разом кивнули и направились к выходу.

— Если уж так, — услышал я ворчание Трегора, — то мы могли бы ради такого эксперимента найти кого по-взрослее! Доверять такое важное дело детям…

— Беда в том, — со смешком ответил Войстрер, — что нам таких взрослых добровольцев не найти. Каждый из них не будет верить в успех. Они с самого начала будут обречены на провал. И мы ничего не узнаем и не поймем. Нет, Трегор, должны действовать те, кто сам стремится к цели. Кто заинтересован в успехе. И вот если они провалятся, тогда мы можем сказать: да, идея была неудачна. Но знаешь, что самое смешное, Трегор? Мне хочется, чтобы эти ребята победили. Мне нравится идея сотрудничества. Сколько бы мы могли достичь вместе, если бы перестали соперничать с адом.

— Ересь, — буркнул в ответ Трегор. Дальше я уже не слышал. Мы оказались в коридоре. Здесь нас ждал дядя. И похоже, о решении совета он уже знал. Он молча подошел к нам и оглядел обоих.

— Что ж, — заговорил он. — Даже не знаю, поздравлять вас или выражать соболезнование. Но, как бы то ни было, отныне все в ваших руках.

Это точно. А также в руках тех, кто будет нам мешать. А такие обязательно найдутся.

Дядя словно мои мысли прочитал.

— Вам будут мешать. Тем не менее, если вы настроены серьезно, у вас есть шанс.

— Угу, — хмуро кивнула Альена.

— Уже жалеешь, что влезла во все это? — поинтересовался дядя.

— Нет. — Альена решительно мотнула головой. — Просто привыкаю к мысли.

— А-а. Тогда у меня для вас еще одна новость. Я тут поднял

вопрос о том, чтобы вам, не дожидаясь совершеннолетия, вручили крылья и хвост.

— Что-о?! — Я уставился на дядю.

— О-а-о!! — Альена тоже.

— А вы как думали? — усмехнулся такой реакции дядя. — Раз уж вам придется решать вопрос такой важности, то необходимо дать вам возможность нормально работать. Иначе не будет показательно. Как можно добиться успеха, не обладая инструментом?

— И как? — осторожно спросил я.

— Пока думают. Ладно, ребята, вы идите пока. А мне еще здесь задержаться надо. Сами понимаете. Хотя решение и принято, но осталось еще масса несогласованных вопросов. Вам это будет вряд ли интересно. Так что гуляйте. У вас же каникулы.

Да уж. Чувствую, каникулы у нас будут те еще. Альена, похоже, страдала тем же предчувствием. Но в любом случае здесь нам больше делать было нечего.

Мы вдвоем молча шагали по широкой тропинке мимо аккуратно подстриженных кустов. Альена была непривычно молчалива и задумчива. Собственно, я тоже.

— Ну и влипли мы, — наконец заговорила Альена, когда мы уже отошли от дома Примирения на значительное расстояние. — Вот это я называю нарваться.

Тут я был с ней полностью согласен. Я вообще представлял себе все несколько иначе. Привлечь к себе общее внимание, вызвать разговоры о себе. Ну и быть вместе с Альеной. А что получилось? Оказывается, от наших действий зависит вся дальнейшая политика как рая, так и ада. Да-а-а. Похоже, внимание к себе я привлек. Причем такое, которого и врагу не пожелаешь.

— Думаю, прорвемся. — Однако уверенности в моем голосе не было. Альена это поняла. Наверное, именно поэтому перевела разговор на другое.

— Как думаешь, — поинтересовалась она. — Нам действительно дадут крылья и хвост?

Я на секунду задумался.

— Кто знает, — пожал я плечами. — Могу только сказать, что после всего у нас будут как друзья, так и враги. Причем ни тех, ни других мы можем и в глаза никогда не увидеть. Хотя друзья будут нам помогать, а враги… кто не желает никаких перемен, обязательно постараются нам помешать добиться успеха. И уровень этих врагов будет вовсе не уровнем Ксефона. Однако в настоящий момент эти враги несколько растерянны. Так что предложение дяди может и прокатит. Но в любом случае я

собираюсь, раз уж мы влезли во все это, хорошенько встряхнуть все три мира: ад, рай и Землю. Думаю, хорошенькая встряска им совершенно не помешает, чтоб стряхнуть все старые догмы. С твоей помощью, конечно, — поспешно добавил я, глядя на выражение лица Альены. Девочка только вздохнула.

— Самомнение у тебя действительно стоит порой придерживать.

— Ну вот видишь! Какая у нас отличная команда получается. — Что-то во взгляде девочки заставило меня проглотить дальнейшие слова и замолчать. — Ну думаю, у нас все получится, — несколько поспешно закончил я.

— Будем надеяться, — отвернулась Альена. — Лучше скажи, что сейчас делать будем?

— А что делать? Поехали для начала в твой город. Как туда быстрее добраться? Наверное, лучше ковер-самолет взять. Привычный транспорт. У тебя ведь тут нет знакомого ангела, который нас подбросил бы?

— Мы можем просто попросить…

— Не хочу быть кому-то должным. Поехали в джинн-порт.

— Поехали. А там ко мне зайдем. Твою семью я уже видела. Теперь поехали ко мне в гости.

Я сразу стал менее уверенным.

— Э-э… мне вообще-то домой надо. Меня дома ждут… и вообще.

— Уж не боишься ли ты? — ехидно поинтересовалась Альена. — Что я вижу? Несокрушимый и самоуверенный Эзергиль, который не боялся спорить с правителями ада и рая, вдруг испугался встретиться с моими родителями!

— И ничего я не боюсь, — буркнул я. — Просто опасаюсь, — добавил я уже потише.

— Тогда пошли и не спорь. — Альена ухватила меня за руку и потащила за собой. Пришлось подчиниться. Что ж, рано или поздно, но мне придется познакомиться с ее родителями. Так что… вперед. В конце концов, это не самое худшее, что еще ожидает меня в жизни, раз уж мы с этим ангелочком ввязались в эту историю.

— Вперед, — согласился я, догоняя ее.

Глава 6

До нужного города мы добрались за полчаса. Эх, все-таки жаль, что дядя занят и не может нас доставить сам. Раз, и все. А так полчаса на ковре без теплых вещей… бр-р-р. К концу полета я так замерз, что когда мы приземлились, я сначала даже шага ступить не мог. А вот Альена, похоже, чувствовала себя просто великолепно. У нее даже настроение поднялось.

— Неужели тебе совсем не было холодно? — поинтересовался я.

— Было, — отозвалась она, с усмешкой поглядывая на меня. — Но я, в отличие от некоторых, не такая мерзлячка. И потом, я долгое время занималась по специальной методике, позволяющей переносить большие перепады температуры.

Да уж. Я с уважением взглянул на щуплую девочку.

— И потом, — закончила она. — Мое платье, когда становится холодно вокруг, начинает нагреваться.

— Ах ты… — Я не выдержал и расхохотался. Надула. Меня надула. И кто? Та самая девчонка-неумеха, которую я встретил на Земле! Альена тоже улыбалась и с законной гордостью посматривала на меня. Я протянул ей руку. — Мы с тобой точно сработаемся, напарник.

— Ага. — Альена торжественно пожала протянутую руку. И мы оба, не выдержав этой торжественности, прыснули. — Пойдем пешком, — предложила вдруг Альена. — неохота ни на чем ехать и ни на чем лететь. Давай просто пройдемся.

— Как скажешь, — согласился я. Собственно, против пешей прогулки я ничуть не возражал.

Мы не торопясь шли по улицам города, разговаривая ни о чем. Тут я усмехнулся.

— Ты чего? — удивилась Альена.

— Да так. Вспомнил кое-что. За Ксефоном должок один остался.

— Это какой должок? — поинтересовалась девочка подозрительно.

— А помнишь, мы с ним поспорили? Месяц исполняет желания другого тот, кто проиграет.

— Нашел о чем вспомнить, — фыркнула Альена. — Оставь его. Ему сейчас и так несладко. Практику запорол, остался на второй год. А преподавателя, который его поддерживал, выгнали.

— И почему мне его совершенно не жалко? — хмыкнул я. — Между прочим, он бы меня не простил.

— Верно. Но не будь как он. Сам говоришь, что он мелкий

пакостник. Будь выше его.

— Буду. Обязательно буду. Именно поэтому я не собираюсь давать ему никаких поручений, что унизили бы его, как он наверняка сделал бы со мной. Но так просто он не отделается.

— Эзергиль!

— Что? Опять я в чем-то виноват? Ну нет. И даже не проси… нет и нет… и не уговаривай. Алька, прекрати на меня так смотреть. Ты знаешь, у чертей сердце из камня и нас не разжалобить. Ой, ну ладно, ладно, уговорила! Не трону я твоего любимого Ксефона! Не трону! Честно.

— Спасибо, Эзергиль. Я знала, что в душе ты хороший и не станешь издеваться над поверженным противником.

Я буркнул себе под нос нечто не очень лестное об ангелах, сующихся в дела, которые их не касаются.

— Ты только не говори никому про мою доброту, — попросил я.

— Да? — Альена недоуменно посмотрела на меня. — Мне казалось, что ты не страдаешь излишней скромностью.

— Считай, что заразился. Не переживай, скоро пройдет. Скромность — болезнь отходчивая.

Альена фыркнула и, поджав одну ногу, заскакала по дороге. Я хмыкнул. Детский сад, блин. Нет, мы с ней творим историю, а она скачет на одной ноге как первоклашка. Никакой солидности. Я тоже поджал одну ногу и заскакал за ней.

— Не останавливайся, — крикнул я ей. — Кто дальше проскачет.

Девочка, не опуская ноги, оглянулась. Заметив мой маневр, согласно кивнула.

— Идет. Проигравшему щелбан.

Вот связался. И мне почему-то кажется, что если я проиграю, то она не проявит такого сочувствия, какое проявила к Ксефону. Спрашивается: чем я хуже его? Нет ответа. Как нет и справедливости в мире. Это я давно говорил.

Выиграл я, и Альена надулась. Сказала, что я мухлевал. Интересно, как она это себе представляет? Но пришлось согласиться. Добрый я. Тем более и правда немного смухлевал. Вследствие этого щелбан я благородно простил (попробовал бы не простить).

До дома Альены мы добирались около часа. За это время успели два раза поссориться и оба раза помириться. Виноват в обоих случаях, понятно, оказался я. Правда, до сих пор не понял, в чем именно моя вина заключалась. Но это мелочи. Если не обращать внимания на мелкие недостатки Альены, то она мировая девчонка. Гораздо лучше многих из тех, кого я знал.

Альена провела меня до двери и осторожно пустила внутрь.

— Я сейчас, — шепнула она мне, скрываясь в комнате. *Я* растерянно остался стоять в коридоре, не зная, что делать. То ли бежать, то ли пройти. Но размышлять мне долго не дали. Альена уже вернулась. — Я попросила нашего домового предупредить родителей. А ты что стоишь, не разуваешься?

От комментариев я воздержался. Нагнулся и стал расшнуровывать ботинки. Альена тем временем трещала у меня над ухом:

— Я уже рассказывала о тебе родителям. Ты их заинтересовал. Они сказали, что ты почти святой, если столько времени терпел меня.

Как они правы.

Скинув обувь, я выпрямился и встретился взглядом с женщиной, которая стояла в проходе и смотрела на меня.

— Вот ты какой, Эзергиль, — сказала она, заметив, что я ее увидел.

Я посмотрел на себя в зеркало.

— Да. — Я слегка пригладил волосы. — Я такой.

Женщина улыбнулась.

— Именно таким я тебя и представляла.

— Ужас! — признался я. — Я ведь должен быть совершенно непредставимым. Ужасным, могучим и злым. Здравствуйте. Эзергиль, как вы уже поняли.

Женщина улыбнулась сильнее.

— И шутник именно такой, каким тебя описывала дочь. Здравствуй, Эзергиль. Как ты уже понял, я мама Альены. Меня зовут Элея.

— Очень приятно. — Я поклонился самым изысканным образом.

— Проходи, Эзергиль. — Мать Альены посторонилась, пропуская меня. Я прошел в комнату. И едва я повернулся к Элее спиной, как улыбка сбежала с ее губ и на лбу пролегла тревожная складка. Именно из-за задумчивости она и не заметила, что я наблюдаю за ней в зеркало, которое висело напротив. Я отвернулся. Похоже, что здесь мне не так уж и рады. Хотя… а чего я, собственно, ожидал? Цветов и аплодисментов?

Войдя в комнату, я увидел мужчину, который сидел в кресле. Он легко поднялся и пошел мне навстречу.

— Клот, — представился он, протягивая мне руку. — Отец Альены.

— Эзергиль, — ответил я на рукопожатие и покосился на Альену, которая замерла чуть в стороне, тревожно глядя на отца. Так. Похоже, что-то ожидается. И это что-то не слишком радует

Альену.

Клот внимательно меня оглядел. Я слегка раздвинул руки в стороны и медленно повернулся вокруг себя. Отец Альены усмехнулся и махнул рукой на кресло рядом со своим.

— Присаживайся. В ногах правды нет. Пока женщины сейчас что-нибудь нам приготовят, мы поговорим как мужчина с мужчиной.

— Папа, — возмущенно пискнула Альена.

Отец наградил ее осуждающим взглядом, и Альена поспешно выскочила из комнаты. За ней вышла и Элея. Когда за ними закрылась дверь, я поднял руки.

— Я не захватил своих дуэльных шпаг, — признался я.

— Каких шпаг? — удивился Клот.

— Дуэльных. Вы же сами хотели поговорить со мной как мужчина с мужчиной. Судя по всему, дуэльные шпаги лишними не будут.

Клот усмехнулся.

— Да, дочь была права. За словом в карман ты не лезешь. И инициативу стараешься захватить сразу. Однако ты не прав. Дуэлей не будет. Я достаточно знаю свою дочь, чтобы считать, будто ты ее втянул во все это против ее воли. Не понимаю только, чем же ты ее околдовал, что она готова за тобой влезть в эту авантюру.

Я склонил голову к левому плечу.

— Вы считаете, что наша идея о совместных действиях ангелов и чертей — авантюра?

— А разве нет? — вопросом на вопрос ответил Клот. — Я не знаю, что ты там наговорил в комиссии, но хоть мне признайся, что все это затеял ради моей дочери. Хочешь произвести на нее впечатление?

Я склонил голову к другому плечу и так несколько секунд глядел на отца Альены.

— А почему вы так не доверяете своей дочери? И почему вы думаете, что она недостойна того, чтобы кто-то пытался произвести на нее впечатление?

От такого ответа Клот растерялся даже.

— Не черт, — наконец произнес он.

— Почему?

— Ну… черти…

— Ну? Продолжайте. Не надо стесняться. Плохие, коварные, лжецы. Я ничего не забыл? Но видите ли, в чем дело… Альена все это прекрасно знает. Думаю, что она не питает особых иллюзий по поводу моего морального облика с точки зрения ангелов. Однако смею вас уверить, достоинства у меня тоже есть. И ваша

дочь сумела их разглядеть. В ее глазах они перевесили мои недостатки. Почему бы вам сначала не посмотреть на мои достоинства и недостатки, а потом делать выводы?

Клот нахмурился. Я взгляда не отвел.

— Очень скромное заявление, — наконец хмыкнул он.

— С точки зрения ангелов, возможно, и нескромное, — кивнул я. — Но… как я понимаю, вы уже пытались провести разъяснительную беседу с Альеной. И, как я догадываюсь, ничего это не дало. И раз уж я здесь, то значит, вы согласились сначала посмотреть на меня, а потом делать какие-то выводы.

— Да, — не стал лукавить Клот. — Моя дочь очень упряма. Умеет настоять на своем.

— Упряма — это точно. Но у каждого свои недостатки. Мой, например, главный недостаток тот, что я черт.

Клот сдвинул брови, изучая меня исподлобья.

— Хочешь сказать, что мы делаем субъективные выводы?

— Вы это сказали, не я.

Отец Альены нахмурился еще сильнее. Потом рассмеялся.

— А ты нахал, — наконец произнес он. — Теперь я понимаю, почему ты произвел такое впечатление на мою дочь. Но все-таки зачем надо было из-за этого затевать все это?

— А затем, что это вовсе не авантюра, что бы там кто ни думал.

— Но ангелы и черти не могут действовать вместе! Только когда провожают души людей!

— Альена — ангел. Я черт. И мы действовали вместе. Мне кажется, это достаточное опровержение всеобщего мнения. Хотя, я бы скорее сказал, всеобщего заблуждения.

— Хочешь сказать, один ты не заблуждаешься?

— Нет. Но я имею опровержение этого мнения. И теперь мне хочется попробовать превратить единичный успех в закономерность.

Клот окинул меня изучающим взглядом. Я так и не понял, чего было больше в этом взгляде — одобрения или осуждения.

— А ты по мелочам не играешь. Замахиваешься сразу на основы.

— Так интересней, — согласно кивнул я. — И потом, если наша затея — авантюра, то почему все так яростно против нее выступают? Ну дайте детишкам поиграть немного. Наиграются, поймут, что не правы, и все на этом закончится. Делов-то.

Отец Альены задумался. Надолго. Потом медленно кивнул.

— Что ж, признаться, с таких позиций я не рассматривал этот вопрос. Тут ты меня уел. И считай, что тебе удалось меня заинтересовать.

— Я умею заинтересовывать, — согласился я.

— Но вот скромности тебе не мешало бы научиться.

— Да. Ваша дочь так же говорит. И я согласен, что у меня есть такое достоинство.

— А ты веселый парень, — хмыкнул Клот и вдруг искоса посмотрел на меня. — Слушай, а ты в шахматы играешь?

— Обожаю, — без тени иронии отозвался я. — Одна из немногих моих любимых игр. Настоящая тренировка для ума.

Отец Альены поднялся с кресла, подошел к шкафу и снял с него шахматную доску.

— В таком случае как ты смотришь на то, чтобы сыграть?

Я бросил взгляд в сторону кухни. Похоже, там еще долго будут готовить. А… э…

— Идет, — махнул рукой я. — Но только вот…

— Не переживай, нашим дамам дай только до кухни дорваться. Они там надолго, поверь мне.

Это рассеяло последние мои сомнения, и я с энтузиазмом начал расставлять доставшиеся мне белые фигуры.

— А ты не мухлюешь? — поинтересовался Клот.

— Никогда, — яростно выпалил я. — Шахматы — благородная игра. Схватка двух умов. Выиграть здесь шулерством не для меня. Да я себя уважать перестану после этого.

— Ну-ну, не горячись. Просто я немного знаком с некоторыми чертями. Любят они мухлевать в карты.

— В карты я и сам люблю смухлевать, — пренебрежительно махнул я. — Для чего играют в карты? Для развлечения и для заработка. Если игра идет ради развлечения, то почему бы и не смухлевать? Потренироваться и развлечься разом. Ну а если игра идет на деньги, то тут уж кто кого обманет первым. Игра обманщиков.

Клот даже замер с ладьей, которую водружал на доску.

— То есть ты считаешь, что в одной игре должны играть честно, а в другой можно и нет?

— Ну конечно. — Я водрузил свою последнюю фигуру на доску и оглядел ровный строй. — Карты, я же говорю, так, развлечение. Шахматы — другое. Тут ведь даже проигрыш почетен. Проиграть сильному противнику… для меня же наука и стимул для дальнейшего совершенствования. Кстати, мой первый ход. И пойдем мы… мы пойдем… e2-e4.

Отцу Альены, видно, было что ответить на мое сообщение. Мол, ты либо честен, либо нет. И что нельзя быть благородным избранно. Все эти ответы я прекрасно мог предвидеть, и у меня было что возразить. Однако Клот, похоже, относился к той категории людей, которые отдаются любимому дело полностью. А

шахматы он, похоже, действительно любил. И он не мог одновременно играть и вести споры на отвлеченные темы. Поэтому он только махнул рукой и целиком отдался игре. Впрочем, я от него мало чем отличался в этом плане. С головой уйдя в завязавшееся шахматное сражение, я уже мало что замечал вокруг.

— Мам, ты только погляди на них! — вывел меня из задумчивости возмущенный крик Альены. — Похоже, отец нашел себе единомышленника.

В комнату поспешно вошла Элея и оглядела комнату. Похоже, она решила, что мы тут чуть ли не деремся.

— Клот, — обиженно воскликнула она. — Ты же обещал, что поговоришь…

Отец Альены растерянно и виновато посмотрел на жену.

— Ну… мы и поговорили. Обсудили все, так сказать. Дорогая, ты не представляешь, какой интересный игрок этот молодой человек! Некоторые его комбинации просто потрясающи по своей простоте и непредсказуемости. Очень интересный игрок. Очень. — Клот опять задумчиво уставился на доску.

Мать и дочь переглянулись. Кажется, к такому они уже были привычны. Элея же повернулась ко мне.

— Эзергиль, когда закончите партию, приходите в столовую. Мужу сейчас бесполезно говорить, все равно забудет. Надеюсь, вам там не слишком много осталось?

Я окинул доску взглядом.

— Не очень, — отозвался я. — Ходов через десять все будет ясно.

Клот наградил меня рассеянным взглядом.

— А вы слишком самонадеянны, молодой человек. А мы вот двинем слона вот сюда.

Я молча передвинул пешку, оценивая новую позицию. Тяжелый вздох Элей я уже не услышал…

Может, я и был несколько оптимистичен, но ненамного. На двенадцатом ходу все действительно стало ясно. Я хоть и лишился ферзя и ладьи, но выгнал вражеского короля почти в центр доски, где он оказался совершенно без прикрытия своих фигур. Несколько шахов с моей стороны, и король оказался в совершенно безвыходной ситуации. Клот минут пять задумчиво изучал доску. Потом печально вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Сдаюсь. Но ты, парень, ловкач. Как ты меня поймал со своим ферзем. Я ведь там и так смотрел, и этак, но ловушки не заметил. Решил уж, что ты просто хвастал, когда говорил, что играть умеешь.

— Не хвастал. Но там я действительно рисковал. Не купись вы на ту приманку и выдвини вперед ладью, как мой ферзевый фланг оказывался бы почти уничтоженным, поскольку жертва ферзя смысла уже не имела, и я вынужден был бы его спасать. А это потеря темпа. Уйти-то ферзем я мог только в одну сторону. А там он загонялся на камчатку.

— Будет мне наука, — согласился со мной отец Альены. — Надо любого противника оценивать высоко. Ну что, еще партейку?

Я отрицательно покачал головой.

— Извините, но нас ваша жена звала в столовую. Просила приходить сразу, как только закончим игру.

— Правда, что ль? — изумился Клот. — Она приходила?

— Ага, — кивнул я.

— Хм, странно. Что-то быстро они там на кухне закончили.

Я взглянул на настенные часы.

— Да не так уж и быстро. Два с половиной часа.

Отец Альены развернулся к часам и уставился на них как на привидение.

— Мать честная, — пробормотал он. — Похоже, мы тут с тобой заигрались. — Он поспешно поднялся и стал укладывать фигуры на место.

Убрав доску, он торопливо зашагал в столовую. Я за ним.

Там нас встретили одинаково недружелюбные взгляды Альены и Элей. Взгляд Альены предназначался мне, а Элей — Клоту.

— Дорогая, — на мой взгляд излишне радостно и торопливо заговорил отец Альены. — Эта партия была просто замечательной. Ты не представляешь, какой накал борьбы. Эзергиль пожертвовал ферзем и ладьей, чтобы выгнать моего короля из укрытия. А там комбинация у него была…

— Я очень рада, что тебе понравилось, — довольно холодно отозвалась Элея. — Однако можно было немного соизмерить время.

— Ну ты понимаешь, — тихонько оправдывался я перед Альеной. — Твой отец действительно классно играет. Ну а я… недаром же меня зовут Игроком.

— Ты сам себя так назвал, — буркнула Альена. — И вообще, ты ко мне пришел или с отцом в шахматы играть?

— К тебе, конечно, что за вопрос? Но понимаешь, одну партию можно и сыграть.

— Ясно, — вздохнула Альена. — В гости теперь тебя лучше не приглашать. Отец нашел единомышленника. Хотя…

— Вот именно, — радостно закивал я. — Играя с твоим

папашей, я укрепляю свое положение в глазах твоих родителей.

На это Альена ничего отвечать не стала. Молча развернулась на стуле и уткнулась в тарелку, предварительно пододвинув мне мою.

— Между прочим, три раза разогревали.

— Ну извините, извините. На колени встать?

— Лучше не надо, — хмыкнула девочка. — Родители могут не понять.

Как-то так само собой получилось, что мы с Клотом оказались рядом, на пару выдерживая бурю. Элея мрачно оглядела нас обоих.

— Спелись, — констатировала она. — Вот и весь разговор.

Теперь уже к нам поближе передвинулась и Альена. Это не укрылось от ее матери, и она теперь смотрела на меня.

— А ты действительно черт, — в сердцах ругнулась она. — Сумел и дочь очаровать, и ее отца к себе расположить.

— Простите, — вежливо, но достаточно твердо отозвался я. — Но друзей я предпочитаю не очаровывать и не располагать к себе. С ними я бываю только самим собой. У меня хватает врагов, чтобы терять друзей. И уж кого я точно не старался очаровывать, так эту вашу дочь. Просто мы с ней во многом похожи, хотя и различны по характерам.

Следующие часы были достаточно тяжелы для всех. В основном именно из-за матери Альены, которая несколько холодно отнеслась ко мне. Я старался этой холодности не замечать и вежливо отвечал на ее расспросы. Клот же предпочитал отмалчиваться. Только иногда высказывал мою мысль в том смысле, что поиграют дети и надоест им это. Альена же, если на нее пытались вежливо так воздействовать, мгновенно ощетинивалась. В конце концов я решил нарушить тягостный для всех вечер и поднялся.

— Ладно, засиделся я тут у вас. Пора и домой.

— Я тебя провожу, — поспешно вскочила Альена. Я хотел было заметить, что и сам, собственно, дойти могу, а дамам как-то не принято провожать кавалеров, но девчонка уже выскочила за дверь. Тут я сообразил, что она, скорее всего, просто не хотела оставаться на тот разговор, который явно затевался между родителями девочки после моего ухода.

Альена появилась через полчаса аккуратно причесанная и одетая. Вроде вот и наряд для улицы, но смотрелся он на ней великолепно. Мать одобрительно оглядела дочь.

— По крайней мере, один положительный момент из этой практики моя дочь вынесла, — заметила она. — Она теперь хоть одеваться нормально стала. Зоя хорошо повлияла на нее. А то

вечно ходила непонятно в чем. Словно не девочка, а мальчишка-сорванец.

Мы переглянулись с отцом Альены и дружно вздохнули. «Ох уж эти женщины», говорил наш вздох. Тут до нас дошло, что мы, собственно, выступаем единым мужским фронтом перед неравными силами наших дам. Я рассмеялся. За мной расхохотался и Клот.

— Смеетесь, да?! Спелись, значит?! — грозно поинтересовалась Альена. В следующее мгновение я уже уворачивался от запущенной в меня подушки. Но самое забавное было то, что такая же подушка была направлена в сторону Клота… его женой. Это привело меня в полный восторг. Клот тоже хохотал.

— Парень, — наконец выдавил он. — Я сейчас понял… на самом деле это не наша дочь в беде. Это ты попал. На твоем месте я бы бежал, пока еще есть шанс.

— Ничего, — гордо отозвался я, снимая с головы подушку. — Я привык преодолевать трудности. Сударыня, — я вежливо предложил Альене руку, и мы с ней на пару направились в коридор, оставляя сзади негодующую Элею и смеющегося Клота.

Обуваясь, я навострил слух. Нехорошо, конечно, подслушивать, но… черт я, в конце концов, или нет?

— Дорогая, по-моему, ты не совсем права, — услышал я голос Клота.

— В чем? — мрачно поинтересовалась Элея.

— По поводу влияния Зои. Вкус она, безусловно, нашей дочери привила, но вот наряжается она вовсе не поэтому. Думаю, ее проснувшаяся страсть к нарядам направлена персонально на одного известного нам с тобой черта.

Дальше я слушать не стал. Действительно, подслушивать все-таки нехорошо. Впрочем, и слушать-то было нечего. И мать, и отец Альены уже вышли в коридор проводить нас. Но, как я теперь заметил, Элея более внимательно присматривалась и ко мне, и к дочери. Потом вздохнула. И когда я уходил, даже улыбнулась мне.

— Ладно, — пожелала она мне на прощание. — Приходи к нам когда захочешь. Раз уж так получилось. Однако я все же надеюсь, что ваша игра быстро вам надоест.

— Может быть, — кивнул я. — Но ведь я Игрок. Я могу долго играть в понравившуюся мне игрушку. И это игра мне еще не надоела. А вашим приглашением я воспользуюсь. Спасибо.

В общем, как-то так получилось, что расставание оказалось значительно лучше, чем сам вечер. Если, конечно, не считать шахматной партии с отцом Альены. Надо действительно еще как-

нибудь зайти. Очень интересный он соперник. Очень.

Уже на улице Альена оглянулась на дом.

— Пусть вдвоем поговорят. Я там только мешать им буду. Но похоже, ты сумел понравиться и матери, и отцу.

— Твоему отцу да. А вот насчет матери я бы не сказал.

— Нет, понравился. Если бы нет, то она с тобой такой вежливой была бы, словно ты какая-нибудь важная шишка. Ну ладно, пойдем, что ли. Я тебя до порта провожу.

— Может, здесь просто походим? — неуверенно предложил я. — Все-таки джиннпорт далековато, а тебе возвращаться потом. Время-то позднее.

— Да ладно тебе. Что со мной в раю может произойти? Ты странный все-таки. Нашел о чем переживать.

Все же после продолжительного спора я настоял на своем. Рай тут или нет, но я был воспитан в старомодных традициях и не мог допустить, чтобы девушка провожала меня до дома. Альена, похоже, мои страдания поняла и настаивать перестала. Кажется, ей это даже понравилось. Вот так вот девушки и садятся на шею. Но самое забавное, что я был вовсе не против того, чтобы мне на нее уселись. Наверное, я все-таки заболел.

Я посмотрел на часы. Было около половины шестого. С одной стороны, еще рано, но с другой… мне ведь еще до ада добираться. А это часа полтора. К тому же мне хотелось поскорее похвастаться перед родителями, что наш план был принят на совместном заседании правителей ада и рая. Хм… похвастаться… «Ура, мне палач согласился отрубить голову». Тоже в принципе похвастался. И жизненно в моем случае.

— Ты о чем это задумался? — поинтересовалась Альена, наблюдая за мной.

Я мотнул головой.

— Да так. Ни о чем. Обдумываю наше следующее совместное дело. Человека мы спасли. Теперь дело за малым. Следующий на очереди весь мир.

— А ты не мелочишься, — хмыкнула Альена. — Только мне кажется, что нам все же сначала надо крылья и хвост получить, а потом уж кидаться на поиски подвигов.

Наивная. Да после того, что мы устроили в двух мирах, кто ж нам даст спокойной жизни? Нас постараются тут же похоронить со всеми нашими идеями. И как можно быстрее. Не в прямом смысле похоронить, понятно. Всего лишь похоронить наши идеи. А сделать это можно только одним способом — заставить нас с треском провалить очередное задание. А значит, ждать нам это задание очень недолго. Но сейчас я не стал все это ей объяснять. Зачем портить девочке хорошее настроение? Сама поймет со

временем.

Тут я поймал себя на том, что вовсе не боюсь предстоящих неприятностей. Наоборот, жду их с нетерпением. Вот где будет Игра. Вот где схватка разума и воли. Вот где можно по-настоящему проверить, чего я стою. В самом деле, не считать же Ксефона за серьезного противника?

— Ты чего? — Альена даже слегка отодвинулась от меня. — Ты чего улыбаешься?

— Да так. Жду, когда нам дадут следующее задание. — Я коротко рассказал ей о своем нетерпении. Альена ошарашенно уставилась на меня. — Ты все-таки сумасшедший. Я это сразу сказала. Чем тебя не устраивает спокойная жизнь?

— Тем, что она слишком спокойна, — отозвался я. — Ладно, оставь пока. Обещаю, что со мной ты скучать не будешь. Ты еще оценишь прелесть Игры.

Альена фыркнула.

— И ты сумасшедший, и твоя Игра.

— Ага. Куда пойдем?

— А никуда. Давай просто пойдем прямо, а там где окажемся.

Гм. Никогда не любил полагаться на волю случая. Терпеть не могу, когда что-то зависит не от меня. С другой стороны… а что, собственно, сейчас может произойти? Да ничего. Это же не вопрос жизни и смерти. Почему бы один раз и не положиться на волю случая?

— Идем.

Улицы рая обычно парили над городом, доступные солнцу и воздуху. Но мы с Альеной оказались на той тропинке, что вилась по земле, петляя между деревьев. Собственно, никаких возражений у меня это не вызывало, наоборот. Прохожих здесь было мало, а тени от деревьев и лучи солнца, проникавшие сквозь кроны, создавали довольно романтичную картину. О чем мы говорили? Да ни о чем и обо всем. Альена рассказывала мне о своей школе, я о своей. В общем, была довольно приятная прогулка…

— Ты глянь, чесоточный!!! — услышал я крик за спиной. Мы с Альеной оглянулись. Я приложил руку ко лбу, загораживаясь от солнца.

Позади нас стояли трое и смотрели на меня. Причем трое чертей. Чесоточный? И тут я их узнал. Моя первая самостоятельная поездка в рай. Поезд. Купе. И трое хамов, что мешали мне спать. А также моя шутка с ними. Я улыбнулся.

— Какая встреча! — радостно прошептал я.

— Ты их знаешь? — удивилась Альена.

— Не очень. Просто знакомы.

— А почему они тебя чесоточным называют? Ты что, болел?

— Нет, — опять усмехнулся я. — Это им тяжелые воспоминания покоя не дают.

— Я думала, ты их знаешь.

— Вот именно, — многозначительно отозвался я. — Правда, теперь и они меня знают.

Парни тем временем изучающе разглядывали меня.

— И точно он! — вскричал еще один. — А ну стой! — Это уже мне. Ага, щас. Уже стою.

Я скорчил испуганную физиономию.

— Нет, пожалуйста! Я не хотел тогда ничего плохого! Просто хотел выспаться! Не бейте меня!

Альена ошарашенно уставилась на мою испуганную рожу.

— Алька, кажется, наша прогулка закончилась, — зашептал я ей. — Пока, я побежал. Встретимся завтра.

— Эзергиль, но здесь же рай. Если боишься…

Я сверкнул в ее сторону глазами.

— Чтоб я связался с вашими службами… — Тут говорить стало уже трудно, поскольку все трое парней, поняв, что я вовсе не собираюсь идти к ним на расправу, рванули ко мне. Я бросился бежать…

— Завтра встретимся! — крикнул я ей.

Альена удивленно посмотрела на своего друга. Он выглядел испуганным, что совершенно на него не походило. И тут Альена разглядела глаза Эзергиля. В них плясал уже так знакомый ей насмешливый огонек. Эзергиль ей сейчас ужасно напоминал кота, увидевшего мышонка и теперь потягивающегося и облизывающегося. А чтобы мышка не убежала, он делал вид, что испуган встречей до потери сознания.

Девочка хихикнула.

Я удивленно оглянулся на нее, но задавать вопросы было уже не время. Еще чуть-чуть помедлить, и из меня сделают отбивную. Обязательно сделают.

— Приходи ко мне! — крикнул я напоследок, прежде чем скрыться за деревьями.

Альена проводила взглядом троих парней, на всех парах промчавшихся мимо нее. Поглядела им вслед и даже слегка посочувствовала. Но только слегка. В конце концов, их было трое. А значит, крохотный шансик у них был.

Девочка покачала головой. Но Эзергиль… он совершенно невыносим. Нахал, грубиян, хвастун, шутник и… и… и все остальное.

— Завтра я с тобой обязательно поговорю, Эзергиль! Обязательно! — Приняв это решение, девочка решительно

развернулась и зашагала к дому.

— Он тут развлекается, а я переживай за него, — бубнила она про себя. — Но если завтра он заявится весь в синяках, то сочувствия от меня не дождется. Пусть и не надеется!

При выходе из леса Альена оглянулась, прислушиваясь.

— И не надейся, не буду за тебя переживать! — крикнула девочка.

— Я тоже тебя люблю, — усмехнулся я, вылезая из кустов.

— Эзергиль! — радостно взвизгнула Альена, бросилась ко мне. Но тут же замерла. — Ты нахал, бессовестный…

— Слушай, — торопливо остановил я ее. — Ты лучше запиши все это на магнитофон. А потом включай при случае.

— Хам!

— Ага. Я, в общем-то, на минуту. — Я оглянулся. — Пока эти выкарабкиваются из оврага. Не успел все сказать. Короче, до завтра. Пока. — Я помахал рукой и направился в сторону города.

— А что ты сказать-то хотел?! — крикнула мне вслед Альена.

Я обернулся и покраснел.

— Ну… просто… чтоб не волновалась, в общем.

— И не думала! — фыркнула девочка.

— Ага. — Я зашагал дальше.

— Эзергиль!

Я обернулся на крик. Альена стояла освещенная лучами солнца, пробивающимися сквозь вершины деревьев, и серьезно смотрела на меня.

— Спасибо.

Я растерянно посмотрел на нее. Потом понял.

— Да не за что, — буркнул я. Около минуты мы так и стояли, смотря друг на друга. Потом я очнулся. — Ладно, пойду я. Мне еще домой надо успеть. Да и эти, — махнул я рукой, — могут появиться в любой момент.

Альена согласно кивнула и отвернулась. Я секунду смотрел ей вслед и тоже отправился домой. А завтра день обещал быть не менее интересным…

notes

Примечания

1

Пересказ стихотворения Виктора Исьемини (Ночкина).